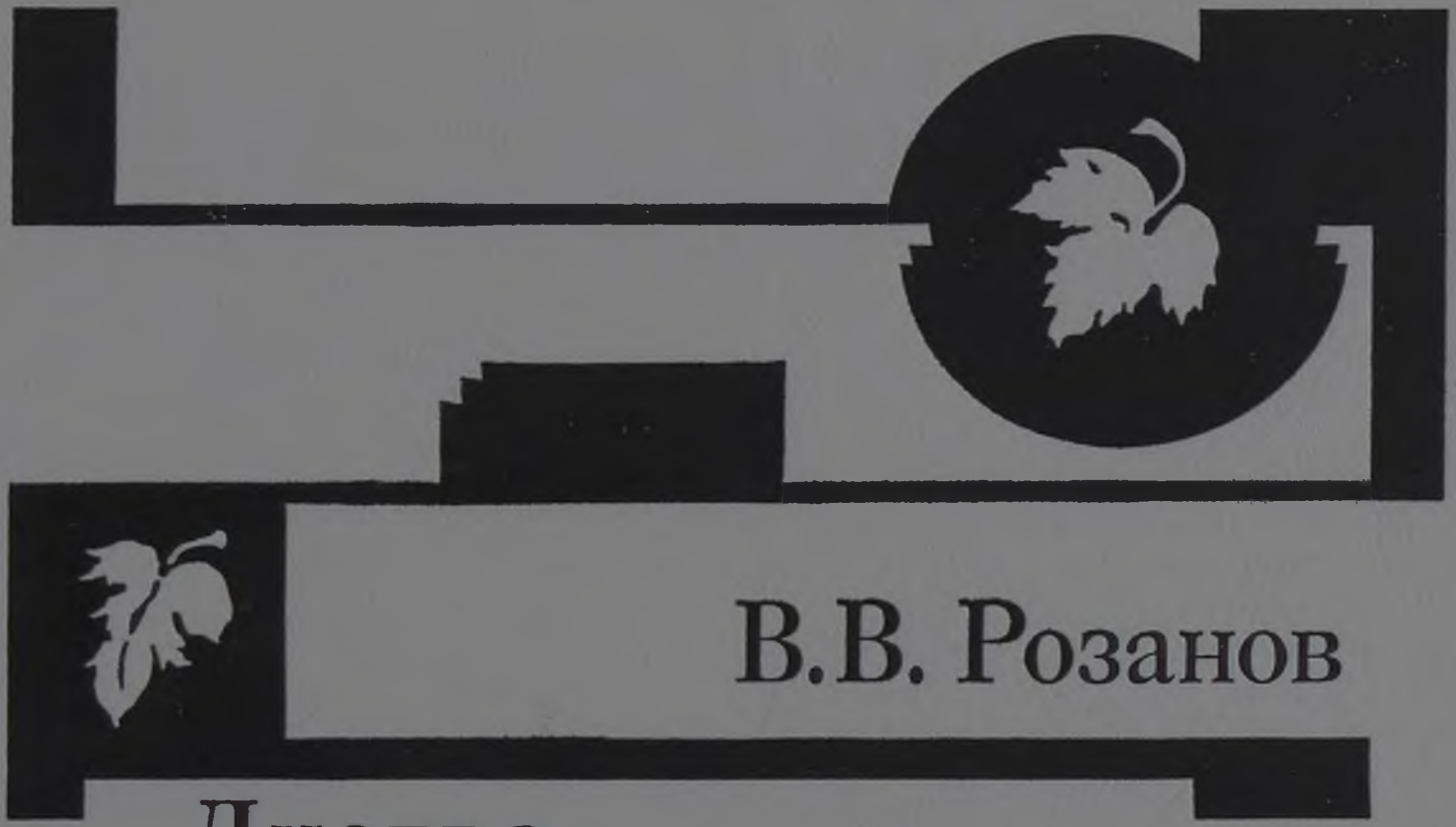
В.В. Розанов Листва Уединенное. Опавшие листья

В.В. Розанов

Листва Уединенное. Опавшие листья

В.В. Розанов



В.В. Розанов

Листва

В. В. Розанов

Листва

Уединенное
Опавшие листья
<Короб первый>
Опавшие листья
(Короб второй и последний)

В. В. Розанов

Собрание
сочинений

В. В. Розанов

Листва

Уединенное
Опавшие листья
<Короб первый>
Опавшие листья
(Короб второй и последний)

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина

Москва
Издательство «Республика»
Санкт-Петербург
Издательство «Росток»
2010

УДК 1
ББК 87.3
Р 64

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

Составление *А. Н. Николюкина*

Подготовка текста *А. Н. Николюкина, В. Г. Сукача, П. П. Апрышко*

Комментарии *А. Н. Николюкина, В. Г. Сукача,*

Указатели *К. А. Жульковой, Т. М. Миллионщиковой, Т. В. Савиной, Т. И. Шаговой*

Розанов В. В.

Р64 Собрание сочинений. Листва / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. – М.: Республика, СПб.: Росток, 2010. – 591 с.

ISBN 978-5-94668-072-1

Заключительный (тридцатый) том Собрания сочинений В. В. Розанова содержит главные его произведения как писателя - трилогию - «Уединенное» и два короба «Опавших листьев». В этих книгах Розанов создал свой собственный литературный жанр, оказавший большое влияние на русскую литературу XX столетия. Предметный и алфавитные указатели позволяют ориентироваться в 30 томах Собрания сочинений.

Книга адресована всем, кто интересуется литературой, философией, историей России.

ББК 87.3

© Издательство «Республика», 2010
© Издательство «Росток», 2010
© А. Н. Николюкин. Составление, 2010
© Архив свящ. Павла Флоренского, 2010

ISBN 978-5-94668-072-1

УЕДИНЕННОЕ

В. Розанова.

Почти не играет рукописи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Шумит ветер в полночь и несет листы... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, получувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что «сошли» прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, – без всего постороннего... Просто, – «душа живет»... т. е. «жила», «дохнула»... С давнего времени мне эти «нечаянные восклицания» почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, – и они умирают. Потом ни за что́ не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листы собрать.

Зачем? Кому нужно?

Просто – мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу «без читателя», – просто потому что *нравится*. Как «без читателя» и издаю... Просто, так нравится. И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купивший книгу, бросит ее в корзину (выгоднее, не разрезая и ознакомившись, лишь отогнув листы, продать со скидкой 50% букинисту).

Ну, читатель, не церемонюсь я с тобой, – можешь и ты не церемониться со мной:

– К чорту...

– К чорту!

И au revoir до встречи на том свете. С читателем гораздо скучнее, чем одному. Он разинет рот и ждет, что́ ты ему положишь? В таком случае он имеет вид осла перед тем, как ему зареветь. Зрелище не из прекрасных... Ну его к Богу... Пишу для каких-то «неведомых друзей» и хоть «ни для кому»...

Когда, бывало, меня посещали декаденты, – то, часу в первом ночи, я выпускал их, бесплодных, вперед, – но задерживал последнего, доброго Виктора Петровича Протейкинского (учитель с фантазиями) и показывал между дверями...

У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым – то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро. И мы оба с Протейкинским покатывались со смеху:

– Сколько!..

– Сколько!..

Я же всегда думал с гордостью: «Civis romanus sum»*. У меня за стол садится 10 человек, – с прислугой. И все кормятся моим трудом. Все около моего труда *нашли место в мире*. И вовсе civis rossicus** – не «Герцен», а «Розанов».

Герцен же только «гулял»...

~

Перед Протейкинским у меня есть глубокая и многолетняя вина. Он безукоризненно относился ко мне, я же о нем, хотя только от утомления, сказал однажды грубое и насмешливое слово. И оттого, что он «никогда не может кончить речь» (способ речи), а я был устал и не в силах был дослушивать его... И грубое слово я сказал *заочно*, когда он вышел за дверь.

Из безвестности приходят наши мысли и уходят в безвестность.

Первое: как ни сядешь, чтобы *написать то́-то*: сядешь и напишешь *совсем другое.*

Между «я хочу сесть» и «я сел» – прошла одна минута. *Откуда* же эти совсем другие мысли, на *новую тему*, чем с какими я ходил по комнате и даже *садился, чтобы их именно* записать...

Сев задом на ворох корректур и рукописей и «писем в редакцию», М. заснул.

И снится ей долина Дагестана:
Лежал с свинцом в груди...

Сон нашего редактора менее уныл: ему грезятся ножки хорошенькой актрисы В–ской, которая на все его упрашивания отвечает:

Но я другому отдана,
И буду век ему верна.

Вопрос вертится, во сне, около того, как же преодолеть эту «Татьянину верность», при которой куда же деваться редакторам, авиаторам, морякам и прочим людям, не напрасно «коптящим небо»?

---

* Я – римский гражданин *(лат.)*.

** Русский гражданин *(лат.)*.

Открываю дверь в другой кабинет... Роскошно отделан: верно, генерала М. В кресле, обшитом чудною кожей томного цвета, сидит Боря. Сидит без сюртука, в галстухе и жилете. Пот так и катится... Вспоминает, как пела «Варя Панина» и как танцовала Аннушка. Перед ним длинная полоса набора.

– Ты, Боря, что это читаешь?

– «Внутреннюю корреспонденцию».

– Чего же ты размышляешь? «Одобри» все сразу.

– Нельзя. В номер не влезет.

– Так пошли ее к матери...

– Тоже нельзя. Читатель рассердится.

– Трудное дело редакторское. С кем же мне отправляться?..

(в нашей редакции)

Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились «в печати», потеряли лицо, характер. Мое «я» только в рукописях, да «я» и всякого писателя. Должно быть, по этой причине я питаю суеверный страх рвать письма, тетради (даже детские), рукописи, – и ничего не рву; сохранил, до единого, все письма товарищей-гимназистов; с жалостью, за величиной вороха, рву только свое, – с болью и лишь иногда.

(вагон)

Газеты, я думаю, так же пройдут, как и «вечные войны» Средних веков, как и «турнюры» женщин, и т. д. Их пока поддерживает «всеобщее обучение», которое собираются сделать даже «обязательным». Такому с «обязательным обучением», конечно, интересно прочитать что-нибудь «из Испании».

Начнется, я думаю, с *отвычки* от газет... Потом станут считать просто неприличием, малодушием («parva anima») чтение газет.

– Вы чем живете? – «А вот тем, что́ говорит «Голос Правды» (выдумали же!)... или «Окончательная Истина» (завтра выдумают). – Услышавший будет улыбаться, и вот эти *улыбки* мало-помалу проводят их в могилу.

Если уж читать, то, по моему мнению, только «Колокол», – как Василий Михайлович, подражая Герцену, выдумал издавать свой орган.

Этот Василий Михайлович во всем красочен. Дома (я слышал) у него сделано распоряжение, что если дети, вернувшись из гимназии, спросят: «Где папа», – то прислуга не должна отвечать: «барина нет дома», а «генерала нет дома». Это, я вам скажу, если на Страшном суде Христовом вспомнишь, то рассмеешься.

Василия Михайловича я всегда почему-то любил. Защищал его перед Толстым. И что́ поразительно: он прост, и *со всеми прост*, не чванлив, не горд, и вообще имеет «христианские заслуги».

Неразрешим один вопрос, т. е. у него в голове: какой же земной чин носят ангелы? Ибо он не может себе представить ни одного существа без чина. Это как Пифагор говорил: «Нет ничего *без своего числа*». А у В. М. – «без своего чина», без положения в какой-нибудь иерархии.

Теперь еще: этот «генерал» ему доставляет столько бескорыстного удовольствия. России же ничего не стоит. Да я бы из-за одного В. М. не дозволил отменить чинов. Кому они приносят вред? А штафирок довольно, и ведь никому не запрещено ходить с «адвокатским значком». Почему это тоже не «чин» и не «орден»? «Заслужено» и «социальный ранг». Позвольте же Василию Михайловичу иметь тот, какой он желает. Что за деспотизм.

Иногда думают, что Василий Михайлович «карьерист». Ни на одну капельку. Чин, службу и должность он любит как *неотделимое души своей*. О нем глубоко сказал один мудрый человек, что, «размышляя о том, *что́ такое русский человек*, всегда нужно принять во внимание *и* Василия Михайловича». Т. е. русский человек конечно – *не только* «Скворцов», но он *между прочим* – и «Скворцов».

(за нумизматикой)

«Конец венчает дело»... показывает его *силу;* Боже, неужели договорить: «и показывает его *правду*»?.. Что́ же стало с «русской реформацией»?!! Один купил яхту, другой ушел в нумизматику, третий «разлетается по заграницам»... Епископы поспешили к местам служения и, слышно, вместо былой «благодати», ссылаются на последний циркуляр министерства внутренних дел. Боже, что́ же это такое? Кое-кто ушел в сектантство, но присылает потихоньку статьи и в «Нов. Вр.», не расходясь отнюдь с *редакцией в остром церковно-писательском вопросе* (по поводу смерти Толстого). Что́ же это такое? Что́ же это такое?

Казнить?

Или сказать с Тургеневым: «Так кончается все русское»...

(за нумизматикой, 1910 г.)

Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком...

И все понятно.

И не надо никаких слов.

Вот чего нельзя *с иностранцем*.

(на улице)

Стоят два народа соседние и так и пылают гневом:

– Ты чему поклоняешься, болван?! – *Кумиру*, содеянному руками человеческими, из меди и дерева, как глаголет пророк (имярек) в Писании. Я же поклоняюсь пречистым *иконам*, болван и нехристь...

Стоит «нехристь» и хлопает глазами, ничего не понимая. Но напоследок испугался, снял шапку и со всемордовским усердием зе́мно поклонился перед Пречистым Образом и затеплил свечку.

Иловайский написал новую главу в достопамятную свою историю: «Обращение в христианство мордвы», «вотяков», «пермяков».

Племянник (приехал из Шихран, Казанской губ.) рассказывал за чаем: «В день празднования вотяцкого бога (кажется, Кереметь), коего кукла стоит на колокольне в сельской церкви, все служители низшие, дьячок, пономарь, сторож церковный, запираются под замок в особую клеть и сидят там весь день... И сколько им денег туда (в клеть) вотяки накидают!!! Пока они там заперты, вотяки празднуют перед своим богом...». Это – день «отданья язычеству», как у нас есть «отданье Пасхи». Вотяки награждают низших церковнослужителей, а отчасти и со страхом им платят за то, что они уступают один день в году их «старинке»... В «клети» православные сидят как бы «в плену», в узилище, в тюрьме, даже (по-ихнему) «в аду», пока их старый «бог» (а по-нашему «чорт») выходит из христианского «узилища», чтобы попраздновать со своим народцем, с былыми своими «поклонниками». Замечательный обычай, сохранившийся до нашего 1911-го года.

Наша литература началась с сатиры (Кантемир), и затем весь XVIII век был довольно сатиричен.

Половина XIX-го века была патетична.

И затем, с 60-х годов, сатира опять первенствовала.

Но никогда не была так исключительна, как в XVIII.

Новиков, Радищев, Фонвизин, затем через $^1/_2$ века Щедрин и Некрасов, имели такой успех, какого никогда не имел даже Пушкин. В пору моих гимназических лет о Пушкине даже не вспоминали, – не то чтобы его читать. Некрасовым же зачитывались до одурения, знали каждую его строчку, ловили каждый стих. Я имел какой-то безотчетный вкус не читать Щедрина, и до сих пор не прочитал ни одной его «вещи». «Губернские очерки» – я даже самой статьи не видел, из «Истории одного города» прочел первые 3 страницы и бросил с отвращением. Мой брат Коля (учитель истории в гимназии, человек *положительных идеалов*) – однако, зачитывался им и любил читать вслух жене своей. И вот, проходя, я слыхал: «Глумов же сказал»... «Балалайкин отвечал» – и отсюда я знаю, что это – персонажи Щедрина. Но меня никогда не тянуло ни дослушать, что́ же *договорил* Глумов, ни самому заглянуть. Думаю, что этим я много спас в душе своей.

Этот ругающийся вице-губернатор – отвратительное явление. И нужно было родиться всему безвкусию нашего общества, чтобы вынести его.

Позволю себе немного поинквизиторствовать: ведь не пошел же *юноша*-Щедрин по судебному ведомству, в мировые посредники, не пошел в учителя гимназии, а, как Чичиков или Собакевич, выбрал себе «стул, который не проваливается»: министерство внутренних дел. И дослужился, т. е. его все «повышали», до вице-губернатора: должность не маленькая. Потом в чем-то «разошелся с начальством», едва ли «ратуя за старообрядцев» или «защищая молодых студентов», и его выгнали. «Обыкновенная история»...

Он сделался знаменитым писателем. Дружбы его искал уже Лорис-Меликов, губернаторы же были ему «нипочем».

Какая разница с судьбой Достоевского.

(за нумизматикой)

С бороденочкой, с нежным девичьим лицом, А.П.У-ский копался около рясы, что-то тыкая и куда-то не попадая.

– Вам булавок? Что́ вы делаете?

– Не надо. С собой взял. А прикрепляю я медаль с портретом Александра III, чтобы идти к митрополиту. И орден.

Наконец, вот он: и крест, и портрет Царя на нем. Стоит, улыбается, совсем девушка.

Как я люблю его, и непрерывно люблю, этого мудрейшего священника наших дней, – со словом твердым, железным, с мыслью прямой и ясной. Вот бы кому писать «катехизис».

И сколько веков ему бытия, – он весь «наш», «русский поп».

И вместе он из пророческого рода, весь апокалипсичен. Вполне удивительное явление.

Хочу, чтобы после моей смерти его письма ко мне (которые храню до единого) были напечатаны. Тогда увидят, какой это был правоты и чести человек. Я благодарю Бога, что он послал мне дружбу с ним.

(за нумизматикой; А. П.Устьинский)

Сажусь до редакции. Был в хорошем настроении.

– Сколько?

– Тридцать пять копеек.

– Ну, будет тридцать.

Сел и, тронув за спину, говорю:

– Как же это можно? Какой ты капитал запросил?

Везет и все смеется, покачивая головой. Мальчишка, – однако лет восемнадцати. Оглядывается, лицо все в улыбке:

– Как же, барин, вы говорите, что я запросил «капитал»? Какой же это «капитал»... тридцать пять копеек?!

Мотает головой и все не может опомниться.

– Ты еще молод, а я потрудился. Тридцать пять копеек – большой капитал, если самому заработать. Другой за тридцать пять копеек весь день бьется.

– Оно, положим, так, – сделался он серьезным. И дотронулся до кнута. – Но!

Лошаденка бежала.

(на улице)

Нина Руднева (родств.), девочка лет 17, сказала в ответ на *мужское*, *мужественное*, *крепкое* во мне:

– В вас *мужского* только... *брюки*...

Она оборвала речь...

Т. е. *кроме одежды* – неужели все *женское*? Но я никогда не нравился женщинам (кроме «друга») – и это дает объяснение антипатии ко мне женщин, которою я всегда (с гимназических пор) столько мучился.

(за нумизматикой)

Секрет писательства заключается в вечной и *невольной* музыке в душе. Если ее нет, человек может только «сделать из себя писателя». Но он не писатель...

. . . . . .

Что-то течет в душе. Вечно. Постоянно. Что? Почему? Кто знает? — меньше всего автор.

(за нумизматикой)

Живи каждый день так, как бы ты жил всю жизнь именно для этого дня.

(в дверях, возвращаясь домой)

Таких, как эти две строки Некрасова:

Еду ли ночью по улице темной, –
Друг одинокий!..

нет еще *во всей русской литературе*. Толстой, сказавший о нем, что «он *нисколько* не был поэт», не только обнаружил мало «христианского смирения», но не обнаружил беспристрастия и простого мирового судьи. Стихи, как

Дом, не тележка у дядюшки Якова –

народнее, чем все, что написал Толстой. И вообще – у Некрасова есть страниц десять стихов *до того народных*, как этого не удавалось ни одному из наших поэтов и прозаиков.

Вот эти приблизительно $^{2}/_{10}$ его стихотворений суть *вечный вклад* в нашу литературу и *никогда не умрут*.

Значение его, конечно, было чрезвычайно преувеличено («выше Пушкина»). Но и о нем нужно поставить свое nota bene: он был «властителем дум» поколения чрезвычайно деятельного, энергичного и *чистосердечного*. Не худшего из русских поколений; и это есть *исторический факт*, которого никакою злобою не вытрешь и никакою слепотою не обойдешь. «Худ или хорош Катилина – а его нужно упомянуть», и упомянет всякий «Иловайский», тогда как «Иловайского» никто не упомянет. Это – одно. Но и затем вот эти $^{2}/_{10}$ стихов: они – народны, просты, естественны, *сильны*. «Муза мести и печали» все-таки сильна: а где сила, страсть – там и *поэзия*. Его «Власу» никакой безумец не откажет в поэзии. Его «Огородник», «Ямщик», «Забытая деревня» прелестны, удивительны, и были новы *по тону* в русской литературе. Вообще Некрасов создал *новый тон* стиха, *новый тон чувства*, новый тон и звук *гувора*. И в нем удивительно много великорусского, даже ярославского: таким «гóвором», немножко хитрым и нахальным, подмигивающим и уклончивым, не говорят *наверно* ни в Пензенской, ни в Рязанской губерниях, а только на волжских пристанях и базарах. И вот эту местную черту он ввел в литературу и даже в стихосложение, сделав и в нем огромный и смелый новый шаг, на время, *на одно поколение* очаровавший всех и увлекший.

(за нумизматикой)

Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. *Вот отчего религия всегда будет одолевать* философию.

(за нумизматикой)

Говорят, слава «желаема». Может быть, в молодом возрасте. Но в старом и даже пожилом ничего нет отвратительнее и несноснее ее. Не «скучнее», а именно болезнетворнее.

Наполеон «славолюбивый» ведь, в сущности, умер почти молодым, лет 40.

Как мне нравится Победоносцев, который на слова: «Это вызовет дурные толки в обществе» – остановился – и не плюнул, а как-то выпустил слюну на пол, растер и, ничего не сказав, пошел дальше. (Рассказ, негодующий – о нем свящ. Петрова).

(за нумизматикой)

В мысль проституции, – «против которой все бессильны бороться», – бесспорно входит: «я принадлежу *всем*»: т. е. то, что́ входит в мысль *писателя, оратора, адвоката*; чиновника «к услугам государства». Таким образом, с одной стороны, проституция есть «самое социальное явление», до известной степени прототип *социальности*, – и даже можно сказать, что ге

publicae natae sunt ex feminis publicis, «первые государства родились из инстинкта женщин проституировать»... По крайней мере, это не хуже того, что «Рим возвеличился от того, что поблизости текла река Тибр» (Моммсен) или «Москва – от географических особенностей Москвы-реки». А с другой стороны, ведь и *действительно* в существо актера, писателя, адвоката, даже «патера, который *всех* отпевает», – входит психология проститутки, т. е. этого и равнодушия ко «всем», и ласковости со «всеми». «Вам похороны или свадьбу?», – спрашивает вошедший поп, с равно спокойной, неопределенной улыбкой, готовой перейти в «поздравление» или «сожаление». Ученый, насколько он *публикуется*, писатель, насколько он *печатается*, – суть, конечно, проституты. Профессора всеконечно и только prostitués pécheurs*. Но отсюда не вытекает ли, что «с проституцией нельзя справиться», *как* и с государственностью, печатью, etc., etc.!.. И с другой стороны, не вытекает ли: «им надо все простить» и... «надо их оставить». Проституцию, по-видимому, «такую понятную», – на самом деле невозможно обнять умом по обширности мотивов и существа. Что она *народнее* и *метафизичнее*, напр., «ординарной профессуры» – и говорить нечего... «Орд. профессура» – легкий воробышек, а проституция... чорт ее знает, может быть, даже «вещая птица Гамаюн».

В сущности, вполне метафизично: «самое *интимное* – отдаю *всем*»... Чорт знает что́ такое: можно и убить от негодования, а можно... и бесконечно задуматься. – «Как вам будет угодно», – говоря заглавием шекспировской пьесы.

(за нумизматикой)

На цыпочках, с довольным лицом, подходил к нам Шварц или Шмидт и проговорил с акцентом:

– Сегодня будут *мозги*.

Это в разрежение вечного «крылышка гуся», т. е. кости, обтянуто-шероховатою кожею, которую мы обгладывали

без божества, без вдохновенья.

И смеялись мы за обедом с Константином Васильевичем (Вознесенским) этим «мозгам». Кухмистер радовался, что давал нам нечто элегантное.

Немцу – утешение, но нам, студентам, скорбь. Ну, мозги съели. Но раз у него я чуть не отравился куском говядины (в щах), очевидно, гнилым. Едва проглотил, со мной что-то необыкновенное сделалось: точно съел жабу. И весь день, чуть ли не два, был полуболен.

(в универс.)

---

* Проституирующие грешники *(фр.)*.

Какая ложная, притворная жизнь Р., какая ложная, притворная, невыносимая вся его личность. А гений. Не говорю о боли: но как физически почти невыносимо видеть это сочетание гения и уродства.

Тяжело ли ему. Я не замечал. Он кажется вечно счастливым. Но как тяжко должно быть у него на душе.

Около него эта толстая красивая женщина, его поглотившая – как кит Иону: властолюбивая, честолюбивая и в то же время восторженно-слащавая. Оба они погружены в демократию, и – только и мечтают о том, как бы получить заказ от двора. Точнее, демократия их происходит оттого, что они давно не получают заказов от двора (несколько строк в ее мемуарах).

И между тем он гений вне сравнений с другими до него бывшими и современными.

Как это печально и *страшно*. Верно, я многого не понимаю, так как это мне кажется *страшным*. Какая-то «воронка в глубь *ада*»...

(на обороте транспаранта)

Малую травку родить – труднее, чем разрушить каменный дом.

Из «сердца горестных замет»: за много лет литературной деятельности я замечал, видел, наблюдал из приходо-расходной книжки (по изданиям), по «отзывам печати», что едва напишешь что-нибудь насмешливое, злое, разрушающее, убивающее, – как все люди жадно хватаются за книгу, статью. – «И пошло́, и пошло́»... Но с какою бы любовью, от какого бы чистого сердца вы ни написали книгу или статью с *положительным содержанием*, – это лежит мертво, и никто не даст себе труда даже развернуть статью, разрезать брошюру, книгу.

– «Не хочется» – *здесь*; «скучно, надоело».

– Да что́ «надоело»-то? Ведь вы не читали.

– «Все равно – надоело. Заранее знаем»...

– «Бежим. Ловим. Благодарим», – *там*.

– Да за что́ «благодарите»-то? Ведь *пало* и *задавило* или *падет* и *задавит*?

– «Все равно... Весело. Веселее жить». – Любят люди пожар. Любят цирк. Охоту. Даже когда кто-нибудь *тонет* – в сущности, любят смотреть: сбегаются.

Вот в чем дело.

И литература сделалась мне противна.

(за нумизматикой)

Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного строительства – было преступлением, граничащим со злодеянием. К Чернышевскому я всегда прикидывал не те мерки: *мыслите-*

ля, писателя... даже *политика*. Тут везде он ничего *особенного* собою не представляет, а иногда представляет смешное и претенциозное. Не в этом дело: но в том, что с самого Петра (I-го) мы не наблюдаем еще натуры, у которой каждый час бы *дышал*, каждая минута *жила* и каждый шаг обвеян «заботой об отечестве». Все его «иностранные книжки» – были чепуха; реформа «Политической экономии» Милля – кропанье храброго семинариста. Всю эту галиматью ему *можно* было и *следовало* простить: и воспользоваться не головой, а *крыльями* и *ногами*, которые были вполне удивительны, не в уровень ни с какими; или, точнее, такими «ногами» обладал еще только кипучий, не умевший остановиться Петр. Каким образом наш вялый, безжизненный, не знающий, *где* найти «энергий» и «работников», государственный механизм не воспользовался этой «паровой машиной» или, вернее, «электрическим двигателем» – непостижимо. Что́ такое все Аксаковы, Ю.Самарин и Хомяков или «знаменитый» Мордвинов против него как *деятеля*, т. е. как *возможного деятеля*, который зарыт был где-то в снегах Вилюйска? Но тут мы должны пенять и на него: каким образом, чувствуя *в груди такой запас энергии*, было, в целях *прорваться к делу*, не расцеловать ручки всем генералам, и, вообще, целовать «кого угодно *в плечико*» – лишь бы дали помочь народу, подпустили к народу, дали бы «департамент». Показав хорошую «треххвостку» его коммунальным и социал-демократическим идеям, благословив *лично* его жить хоть с полсотнею курсисток и даже подавиться самою Цебриковой, – я бы тем не менее как *лицо* и *энергию* поставил его не только во главе министерства, но во главе системы министерств, дав роль Сперанского и «незыблемость» Аракчеева... Такие *лица* рождаются веками: и бросить ее в снег и глушь, в ели и болото... это... это чорт знает что́ тако́е. Уже читая его *слог* (я читал о Лессинге, т. е. начало), прямо чувствуешь: никогда не устанет, никогда не угомонится, мыслей – пучок, пожеланий – пук молний. Именно «перуны» в душе. Теперь (переписка с женой и отношения к Добролюбову) все это объяснилось: он был духовный, спиритуалистический «s», – ну а такие орлы крыльев не складывают, а летят и летят, до убоя, до смерти или победы. Не знаю его опытность, да это *и неважно*. В сущности, он был как *государственный деятель* (*общественно*-государственный) выше и Сперанского, и кого-либо из «екатерининских орлов», и бравурного Пестеля, и нелепого Бакунина, и тщеславного Герцена. Он был действительно solo. Нелепое положение полного *практического бессилия* выбросило его в литературу, публицистику, философствующие оттенки, и даже в беллетристику: где, не имея никакого, *собственно, к этому призвания* (тишина, созерцательность), он переломал все стулья, разбил столы, испачкал жилые удобные комнаты, и, вообще, совершил «нигилизм» – и ничего иного совершить не мог... Это – Дизраэли, которого так и не допустили бы пойти дальше «романиста», или Бисмарк, которого за дуэли со студентами обрекли бы на всю жизнь «драться на рапирах» и «запретили куда-нибудь принимать на службу». Чорт знает что́: рок, судьба, и не столько *его*, сколько *России*.

Но и *он* же: не сумел «сжать в кулак» своего нигилизма и семинарщины. Для народа. Для бескоровных, безлошадных мужиков.

Поразительно: ведь это – прямой путь до Цусимы. Еще поразительнее, что с выходом его *в практику* – мы *не имели бы и теоретического нигилизма*. В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но – взяли да и срубили его. Срубили, «чтобы ободрать на лапти» Обломову...

(за нумизматикой)

Пешехонка – последняя значущая фигура в с.-д. Однако значучесть эта заключается единственно в *чистоте* его. Это – «рыцарь бедный», о каком говорит Пушкин, когда-то пылкой и потом только длинной борьбы, где были гиганты, между прочим, и по уму: тогда как у П. какой ум? «Столоначальник», а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека. Замечательно, что, раз его увидев (в Калашниковской бирже), неудержимо влечешься к нему, зная, что никакого интересного разговора не выйдет (к Мякотину, Петрищеву, Короленке – никакого влечения и интереса). В нем доброе – натура удивительно рожденная. Без мути в себе. На месте Ц... я бы его поставил во главе интендантства... «Пиши, писарь, – тебе не водить полки. Но ты не украдешь и не дашь никому украсть». И ради «службы и должности» смежил бы глаза на всякую его с.-д. «Чорт с ней». «Этот хороший министр у меня с дурью». Я бы (испорошив плутов) и всем с.-д. дал «ход», смотря на их «убеждения» как на временное умопомешательство, которое надо перенести, как в семьях переносят «детскую корь». «Чорт с ней». Судьба. Карма всероссийской державы. Не знаю, куда бы назначить Мякотина. Начальником всех кузниц в России. Во всяком случае – в конницу. О Петрищеве не имею представления, кроме того, что подзуживает несчастных курсисток к забастовкам, в чем совпадает с Зубатовым. Вероятно, дурачок – из «честных», но ум совершенно незначительный. Замечательно симпатичен, однако, Иванчин-Писарев (видел раз), и при нем какая-то дама, тоже симпатичная, умная и деятельная. Я бы им устроил «черту оседлости», отдав уезд, на съедение (?!) или расцвет. Кто знает, если бы «вышло», отчего не воспользоваться. Государство должно быть справедливо и смотреть спокойно во все стороны. Да: забыл Горнфельда. Ему бы я дал торговать камышевыми тросточками (он ходит с тросточкой, при галстухе и, кажется, пока без цилиндра). Короленко какой-то угрюмый и, может быть, не умный. Я думаю, несколько сумасшедший. Сумасшедший от странной и запутанной своей биографии, где невозможно было сохранить равновесие души. У него был прекрасный «службист» николаевских времен отец, мать – полька, раздирательные сцены русского угнетения в Ю.-Зап. крае, и последующие встречи с с.-д. Если бы у него отец был дурной – все было бы ясно; но запуталась (честная) «тень отца», и он вышел «Гамлетом» в партии, которая требует действия, единослитности и не допускает *сомнений, особенно в уме*. А у Короленки есть (тайные) сомнения. Я с ним раз и минутно разговаривал в Таврическом дворце. Несмотря на очарование произведениями, *сам* он не произвел хорошего впечатления (уклончив, непрям).

(за нумизматикой)

Секрет ее страданий в том, что она при изумительном *умственном* блеске – имела, однако, во всем только полуталанты. Ни – живописица, ни – ученый, ни – певица, хотя *и* певица, *и* живописица, *и* (больше и легче всего) ученый (годы учения, усвоение лингвистики). И она все меркла, меркла *неудержимо...*

(за нумизматикой; о Башкирцевой)

Удивительно противна мне моя фамилия. Всегда с таким чужим чувством подписываю «В.Розанов» под статьями. Хоть бы «Руднев», «Бугаев», что-нибудь. Или обыкновенное русское «Иванов». Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал:

«Немецкая булочная Розанова».

Ну так есть: все булочники «Розановы» и, следовательно, все Розановы – булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать. Хуже моей фамилии только «Каблуков»: это уже совсем позорно. Или «Стечкин» (критик «Русск. Вестн.», подписывавшийся «Стародумом»): это уж совсем срам. Но вообще ужасно неприятно носить самому себе неприятную фамилию. Я думаю «Брюсов» постоянно радуется своей фамилии. Поэтому

СОЧИНЕНИЯ В.РОЗАНОВА

меня не манят. Даже смешно.

СТИХОТВОРЕНИЯ В.РОЗАНОВА

совершенно нельзя вообразить. Кто же будет «читать» такие стихи?

– Ты что делаешь, Розанов?

– Я пишу стихи.

– Дурак. Ты бы лучше пёк булки.

Совершенно естественно.

Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду. Сколько я гимназистом простаивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре; и «сколько тайных слез украдкой» пролил. Лицо красное. Кожа какая-то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волоса прямо огненного цвета (у гимназиста) и торчат кверху, но не благородным «ежом» (мужской характер), а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо и как я не видал ни у кого. Помадил я их, и все – не лежат. Потом домой приду, и опять зеркало (маленькое, ручное): «Ну, кто такого противного полюбит». Просто ужас брал: но меня *замечательно любили товарищи*, и я всегда был «коноводом» (против начальства, учителей, особенно против директора). В зеркало, ища красоты лица до «выпученных глаз», я, естественно, не видел у себя «взгляда», «улыбки», вообще *жизни лица*: и думаю, что вот эта сторона у меня – жила, и пробуждала то, что меня все-таки замечательно и многие любили (как и я всегда безусловно ответно любил).

Но в душе я думал:

– Нет, это *кончено*. Женщина меня *никогда не полюбит, никакая*. Что же остается? *Уходить в себя, жить с собою, для себя* (не эгоистически, а духовно), *для будущего*. Конечно, побочным образом и как «пустяки», внешняя непривлекательность была причиною самоуглубления.

Теперь же это мне даже нравится, и что «Розанов» так отвратительно; к дополнению: я с детства любил худую, заношенную, проношенную одежду. «Новенькая» меня всегда жала, теснила, даже невыносима была. И, словом, как о вине:

Чем старее, тем лучше

– так точно я думал о сапогах, шапках и о том, что «вместо сюртука». И теперь стало все это нравиться:

– Да просто я не имею формы (causa formalis* Аристотеля). Какой-то «комок» или «мочалка». Но это оттого, что я весь – дух, и весь – субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого. «И отлично»... Я «наименее рожденный человек», как бы «еще лежу (комком) в утробе матери» (ее бесконечно люблю, т. е. покойную мамашу) и «слушаю райские напевы» (вечно как бы слышу музыку, – моя особенность). И «отлично! совсем отлично!». На кой чорт мне «интересная физиономия» или еще «новое платье», когда я *сам* (в себе, в «комке») бесконечно интересен, а по душе – бесконечно стар, опытен, точно мне 1000 лет, и вместе юн, как совершенный ребенок... Хорошо! Совсем хорошо...

(за нумизматикой)

ГОЛУБАЯ ЛЮБОВЬ

...И всякий раз, как я подходил к этому высокому каменному дому, поднимаясь на пригорок, я слышал музыку. Гораздо позднее я узнал, что это «гаммы». Они мне казались волшебными. Медленно, задумчиво я шел до страшно парадного-парадного подъезда, огромной прихожей-сеней, и, сняв гимназическое пальто, всегда проходил к товарищу.

Товарищ, не знал, что я был влюблен в его сестру. Видел я ее раз – за чаем, и раз – в подъезде в Дворянское собрание (симфонический концерт). За чаем она говорила с матерью по-французски, я сильно краснел и шушукался с товарищем.

Потом уже чай высылали нам в его комнату. Но из-за стены, не глухой, изредка, я слышал ее серебристый голос – о чае или о чем-то...

А в подъезде было так: я не попал на концерт, или вообще что-то вышло... Все равно. Я стоял около подъезда, к которому все подъезжали и подъезжали,

---

* Формальная причина *(лат.)*.

непрерывно, много. И вот из одних санок выходит она с матерью, – неприятной, важной старухой.

Кроме бледного худенького лица, необыкновенно изящной фигуры, чудного очертания ушей, прямого небольшого носика, такого деликатного, мое сердце «взяло» еще тó, что она всегда имела голову несколько опущенною – чтó вместе с фигурой груди и спины образовывало какую-то чарующую для меня линию. «Газель, пьющая воду»... Кажется, главное очарование заключалось в движениях, каких-то волшебно-легких... И еще самое главное, окончательное – в душе...

Да, хотя: какое же я о ней имел понятие?

Но я представлял эту душу – и все движения ее подтверждали мою мысль – гордою. Не надменною: но она так была погружена в свою внутреннюю прелесть, что не замечала людей... Она только проходила мимо людей, вещей, брала из них нужное, но не имела с ними другой связи. Оставаясь одна, она садилась за музыку, должно быть... Я знал, что она брала уроки математики у местного учителя гимназии, – высшей математики, так как она уже окончила свой институт. «Есть же такие счастливцы» (учитель).

Однажды мой товарищ в чем-то проворовался, кажется, подделал баллы в аттестате и, нелепо-наивно передавая мне, упомянул:

– Сестра сказала маме: «Я все отношу это к тому, что Володя дружен с этим Розановым... Это товарищество на него дурно влияет. Володя не всегда был таким...».

Володя был глупенький, хорошенький мальчик, – какой-то «безответственный». Я писал за него сочинения в классе, и затем мы «болтали»... Но «дурного влияния» я на него не оказывал, потому что по его детству, наивности и чепухе на него нельзя было оказать никакого «влияния».

Я выслушал молча...

Но как мне хотелось тогда умереть.

Да и не «тогда» только: мне все казалось – вообще, всегда, – что меня «раздавили на улице лошади». И вот она проезжает мимо. Остановили лошадей. И увидев, что это «я», она проговорила матери:

– Бедный мальчик... Может быть, он не был такой дурной, как казался. Верно, ему было *больно*. Все-таки его *жаль*.

В террор можно и влюбиться и возненавидеть до глубины души, – и притом с оттенком «на неделе семь пятниц», без всякой неискренности. Есть вещи *в себе* диалектические, высвечивающие (*сами*) и одним светом и другим, кажущиеся с одной стороны – так, и с другой – иначе. Мы, люди, страшно несчастны в своих суждениях перед этими диалектическими вещами, ибо страшно бессильны. «Бог взял концы вещей и связал в узел, – неразвязываемый». Распутать невозможно, а разрубить – все умрет. И приходится говорить: «синее, белое, красное». Ибо все – *есть*. Никто не осудит «Письма Морозова из Шлиссельбурга» (в «Вестн. Евр.»), но его «Гроза в буре» неле-

па и *претенциозна*. Хороша Геся Гельфман, – но кровавая Фрумкина мне органически противна, как и тыкающий себя *от злости* вилкой Бердягин. Все это чахоточные, с чахоткой в нервах, Ипполиты (из «Идиота» или «Подростка» Достоевского). Нет гармонии души, нет величия. Нет «благообразия», скажу термином старца из «Подростка», нет «наряда» (одежды праздничной), скажу словами С.М.Соловьёва, историка.

(за нумизматикой, 1909 г.)

Как ни страшно сказать, вся наша «великолепная» литература, в сущности, ужасно недостаточна и не глубока. Она великолепно «изображает»; но то́, что́ она изображает, – отнюдь не великолепно и едва стоит этого мастерского чекана.

XVIII век – это все «помощь правительству»; сатиры, оды – все; Фонвизин, Кантемир, Сумароков, Ломоносов, – всё и *все*.

XIX век в золотой фазе отразил помещичий быт.

Татьяны милое семейство,
Татьяны милый идеал.

Да, хорошо... Но что́ же, однако, тут *универсального*?

Почему это *нужно* римлянину, немцу, англичанину? В сущности, никому, *кроме самих русских*, неинтересно.

Что же потом и особенно теперь? Все эти трепетания Белинского и Герцена? Огарев и прочие? Бакунин? Глеб Успенский и мы? Михайловский? Исключая Толстого (который *в этом пункте исключения* велик), все это есть производное от студенческой «курилки» (комнаты, где накурено) и от тощей кровати проститутки. Все какой-то анекдот, приключение, бывающее и случающееся, – чорт знает почему и для чего. Рассуждения девицы и студента о Боге и социальной революции – *суть и душа* всего; все эти «социал-девицы» и «социал-студенты» – милы, привлекательны, поэтичны; но «почему сие *важно*»?! *Важного* никак отсюда ничего не выходит. «Нравы Растеряевой улицы» (Гл. Успенского; впрочем, не читал, знаю лишь заглавие) никому решительно не нужны, кроме попивающих чаек читателей Гл. Успенского, и полицейского пристава, который за этими «нравами» следит «недреманным оком». Что́ такое студент и проститутка, рассуждающие о Боге? Предмет вздоха ректора, что студент не занимается, и – усмешка хозяйки «дома», что девица не «работает». Все это просто не нужно и не интересно иначе как в качестве иногда действительно прелестного сюжета для рассказа. *Мастерство* рассказа есть и *остается*: «есть литература». Да, но – как *чтение*. Недоумение Щедрина, что «читатель только почитывает» литературу, которую писатель «пописывает», – вовсе *не основательно в отношении именно русской литературы*, с которою что́ же и делать, как ее не «почитывать», ибо она, *в сущности, единственно для этого* и «пишется»...

В сущности, все – «сладкие вымыслы»:

Не для бедствий нам существенных
Даны вымыслы чудесные...

как сказал красиво Карамзин. И все наши «реалисты», и Михайловский, суть мечтатели *для бумаги,* – в лучшем случае *полной чести* («честный писатель»).

Лет шесть назад «друг» мне передал, вернувшись из церкви Всех скорбящих (на Шпалерной): «Пришла женщина, не старая и не молодая. Худо одета. Держит за руки шесть человек детей, все маленькие. Горячо молилась и все плакала. Наверное, не потеряла мужа, – не те слезы, не тот тон. Наверное, муж или пьет, или потерял место. Такой скорби, такой молитвы я никогда не видывала».

Вот это в Гл. Успенского никак не «влезет», ибо у Гл. Успенского «совсем не тот тон».

Вообще *семья, жизнь,* не социал-*женихи,* а вот социал-*трудовики* никак не вошли в русскую литературу. На самом деле *труда*-то она и не описывает, а только «молодых людей», рассуждающих «о труде». Именно – женихи и студенты; но ведь *работают*-то в действительности – не они, а – *отцы*. Но те все – «презираемые», «отсталые»; и для студентов они то же, что́ куропатки для охотника.

Здесь великое исключение представляет собою Толстой, который отнесся с *уважением к семье,* к *трудящемуся человеку,* к *отцам*... Это – *впервые* и *единственно* в русской литературе, без подражаний и продолжений. От этого он не кончил и «Декабристов», собственно, по великой *пустоте сюжета.* Все декабристы суть те же «социал-женихи», предшественники проститутки и студента, рассуждающих о небе и земле. Хоть и с эксельбантами и графы. *Это не трудовая Русь*: и Толстой бросил сюжет. Тут его серьезное и благородное. То́, что он *не кончил* «Декабристов» – столь же существенно и благородно, так же оригинально и величественно, как и то́, что он изваял и *кончил* «Войну и мир» и «Каренину».

Конечно, не Пестель-Чацкий, а Кутузов-Фамусов держит на плечах своих Россию, «какая она ни есть». Пестель решительно ничего не держит на плечах, кроме эполет и самолюбия. Я понимаю, что Фамусов немногого стоит, как и Кутузов – не золотой кумир. Но ведь и русская *история* вообще еще почти не начиналась. Жили «день за днем – сутки прочь»...

Ну, – вот ты всех пересудил... Но *сам* кого лучше?

– Никого. Но я же и говорю, что нам плакать не об *обстоятельствах* своей жизни, а о *себе*.

Совсем другая тема, другое направление, другая литература.

(за нумизматикой)

В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». *Труда* собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается.

(Луга – Петербург, вагон)

Вечно мечтает, и всегда одна мысль: как бы уклониться от *работы*.

(русские)

Литература вся празднословие... Почти вся...

Исключений убийственно мало.

И я вошел в этот проклятый инородческий дом, о котором сам же при первом визите подумал: «Никогда не встречал такого: *тут можно только повеситься*». Так мы натыкаемся не на скалы, а на самый простой, гладкий, износившийся сам в себе булыжник.

(Н. М. М.)

Цинизм от *страдания*?.. Думали ли вы когда-нибудь об этом?

(1911 г.)

Хотел ли бы я посмертной славы (которую чувствую, что заслужил)?

В душе моей много лет стоит какая-то непрерывная боль, которая заглушает желание славы. Которая (если душа бессмертна) – я чувствую – *усилилась бы, если бы была слава*.

Поэтому я ее не хочу.

~

Мне хотелось бы, чтобы меня некоторые помнили, *но отнюдь не хвалили;* и только при условии, чтобы помнили *вместе с моими близкими*.

Без памяти о них, о их *доброте*, о *чести* – я не хочу, чтобы и меня *помнили*.

~

Откуда такое чувство? *От чувства вины;* и еще от глубокого чистосердечного сознания, что я не был хороший человек. Бог дал мне таланты: но это – другое. Более страшный вопрос: был ли я *хороший человек* – и решается в отрицательную сторону.

(Луга – Петербург, вагон)

Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смерти и ангел слез. И их вечное пререкание – моя жизнь.

(на Троицком мосту)

И вот развертываешь эту простыню... Редактор и ртом и всячески нахватал известий... из Абиссинии, Испании, чорт знает откуда еще. Как не лопнет. И куда ему?

– Это я для вашего удовольствия (читателю).

– Спасибо. Своя душа дороже.

(о газетах вообще; за нумизматикой)

Говорят, этот господин, прочитавший столько публичных лекций о народном просвещении, разгромивший школу, в которой сам учился, *не узнавал* своего сына. – «Это чей мальчик?». – И когда ему говорили, что это его сын, он патетически кидался обнимать его, но затем через две минуты опять забывал.

«Никак не мог вспомнить»...

Или:

«Что́ делать, не могу удержать в памяти, кто ты?».

(за нумизматикой)

«Бранделяс» (на процессе Бутурлина) – это хорошо. Главное, какой звук... есть что-то такое в звуке. Мне более и более кажется, что все литераторы суть «Бранделясы». В звуке этом то́ хорошо, что он ничего собою не выражает, ничего собою не обозначает. И вот по этому качеству он особенно и приложим к литераторам.

«После эпохи Меровингов настала эпоха Бранделясов», – скажет будущий Иловайский. Я думаю, это будет хорошо.

(за нумизматикой)

Литература, как орел, взлетела в небеса. И падает мертвая. Теперь-то уже совершенно ясно, что она не есть «взыскуемый невидимый град».

(на обороте транспаранта)

«Час от часу не легче»... Ревекка NN, ставшая бывать теперь у нас в доме, вечер на 3-й, когда я с нею начал говорить о *подробностях* (мне неизвестных или неясных) миквы, сперва отвечала мне, а потом – с наступившим молчанием – заметила:

– Это *название* я произношу *впервые вслух*.

– Миквы?

Она сконфузилась:

– Это же *неприличное слово*, и в еврейском обществе недопустимо вслух сказать его.

Я взволновался:

– Но ведь миква же – *святая*?..

– Да, она *святая*... Так нам внушали... Но ее *имя неприлично* и *вслух* или *при других* никогда *не произносится*...

Но ведь это же «открытие Пифагоровой теоремы»: значит, у евреев есть *самое это понятие*, что *«неприличное»* и *«святое»* может *совмещаться! совпадать!! быть одним!!!* Ничего подобного, конечно, нет и невозможно у христиан. И отсюда необозримое историческое последствие:

1) у христиан все «неприличное», и по мере того как «неприличие» *увеличивается* – уходит «в грех», в «дурное», в «скверну», «гадкое»: так что уже *само собою* и без комментарий, указаний и доказательств, *без теории*, сфера половой жизни и половых органов, – этот отдел мировой застенчивости, мировой скрываемости, – *пала в преисподнюю* «исчадия сатанизма», «дьявольщины», в основе же – «ужасной, невыносимой *мерзости*», «мировой *вони*»;

2) у евреев мысль *приучена* к тому, что «неприличное» (для речи, гла́за и мысли) вовсе не оценивает внутренних качеств вещи, ничего не говорит о содержании ее; так как есть одно, вечно «под руками», всем известное, ритуальное, еженедельное, что́, будучи «верхом неприличия» в названии, никогда *вслух не произносясь*, – в то́ же время «свято».

Это не объясняется, это не указуется; это просто *есть*, и об этом все *знают*.

Через это: евреям *ничего еще не сказано*, но *дана нить*, держась за которую и идя по которой *всякий сам может придти к мысли*, заключению, торжеству, что «вот это» (органы и функции), хотя их никому не показывают и вслух произнести их имя – неприличие: тем не менее они – *святы*.

Отсюда уже прямой вывод о «тайном святом», что́ есть в мире; «о святом, что *надо скрывать*» и «чего никогда *не надо называть*»; о мистериях, *mysterium*. Понятно происхождение самого имени, и выясняется самое «тело» мистерии. Ведь наши все «таинства» суть открытия, совершаемые при дневном свете, при народе: и явно, что *древние* «таинства», которые хотели иногда связывать с нашими, хотели этого богословы (один труд, о mysteria arcana*, помнится, г. Сильченкова, в «Вере и Разуме»), – на самом деле ничего общего с ними, кроме *имени* и *псевдо*-имени, не имеют.

~

Продолжаю обдумывать о микве, в этом сочетании покрасневшей и насупившейся барышни (очень развитая московская курсистка, лет 26) – с при-

---

* Тайная мистерия *(лат.)*.

знанием: «У нас же никогда этого названия *вслух не произносят... название* это считается *неприличным*; но, называемая неприличным именем, *вещь* самая – *свята*»...

Нужно знать «оттенки» миквы:

Она не глубока, аршина $1^1/_2$. Глубже – «трефа», «не годится». Почему? что́ такое? «Не годится» *для чего-то тайного*, что́ тут *происходит*, но о чем не произнесено и не написано нигде ни слова. Только раввины посмотрели, измеряли; и если не глубже $1^1/_2$ аршина – сказали: «кошер», «хорошо». Почему? – *народу не объяснено*.

За погружением уже наблюдают синагогальные члены, у женщин – старухи: и кричат тем, которые погружаются впервые, что они должны погрузиться так, чтобы *на поверхности воды не было видно кончиков волос*. При $1^1/_2$-аршинной глубине явно нужно для этого очень глубоко присесть, до труда, до напряжения присесть: и все «послушно выполняют дело», не понимая для чего. Но раввины говорят: «кошер»! Низко присела – «*кошер*», не низко – «*трефа*». Для этого – не глубже $1^1/_2$ аршина.

Вода не приносится снаружи, *не наливается в бассейн*, а выступает из почвы, есть *почвенная вода*. Но почвенная вода – это *вода колодца*. Таким образом, «спуститься в микву» всегда значит «спуститься на дно колодца», естественно по очень длинной и узенькой лестнице, «вплотную» только для двух-трех, не более, рядом. Ступени, как я наблюдал во Фридберге, «циклопические», в $^3/_4$ аршина, и при спуске приходилось «разевать широко ноги»... Не шли, а «шагали», «лезли», тоже усиливаясь, напрягаясь... Самый спуск очень длинен, глубок: и подниматься нужно минут десять. Причем освеженная и радостная (всегдашнее чувство после погружения) – естественно, поднимаясь, чуть-чуть закидывала голову кверху: и перед глазами ее в течение десяти минут было зрелище «широко разеваемых» ног, закругленных животов, и гладко выстриженных (ритуал) – до голизны – стыдливых частей. «Все в человеке – подобие и образ Божий», – мелькало у поднимающихся в эту экстатическую религиозную минуту. «Кошер! кошер!», – произносили раввины.

И чтобы все это было медленно, *долго*, – по закону «не могут в микву *одновременно погрузиться двое*».

Так, задыхаясь и счастливые, *они* сходили и восходили, *оне* всходили и нисходили.

Но вот все ушли. Пустая вода, бассейн. Старик еврей, как Моисей, как Авраам, подходит последний к неглубокому ящичку с водою: и, вдруг, прилепив к краям ящика восковые свечи, – зажигает их все!! Это «скупой рыцарь» юдаизма перед своими «богатствами»... Да, для всех это гадко, стыдно, «нельзя *этого произнести вслух*»: но ведь «*я строил микву* и знаю, что́ и зачем; этим будет жить весь израиль, и вечно, *если этого не оставит*: и я зажигаю священный свет здесь, потому что нигде, как здесь, не напоен воздух так телами

израиля, и все они/онс вдохнули этого воздуха, вдохнули и проглотили его, и теперь он ароматическою и зрительною струею бежит в жилах каждого/ой и рождает образы и желания, которыми, *едиными* и *объединяющими*, волнуется весь израиль».

~

«Зажженные восковые свечи» – это перевод *на наш язык, на наш обряд* того, что закон и вера говорит израилю: «миква *свята*». В Талмуде есть изречение: «Бог есть *миква*, ибо Он *очищает* (не помню, сказано ли «души») израиля».

~

Но оставим старика и перекинемся к нам, в нашу обстановку, в наш быт, – чтобы объяснить это древнее установление евреев и дать почувствовать его душу. Представим себе наш бал. Движение, разговоры, «новости» и «политика». Роскошь всего и туалеты дам... Анфилада зал, с белыми колоннами и хорами. И вот кто-нибудь, из танцовавших кавалеров, – утомленный танцами, отходит совсем в боковую комнату: и, увидя на столе миску с прохладною водою, кем-то забытую и не нужную, осторожно оглядывается кругом, притворяет дверь, и, вынув несколько возбужденную и волнующуюся часть – погрузил в холодную, чистую воду... «пока – остынет».

Он делает то́, что иудеи в микве и мусульмане в омовениях («намаз»).

И ушел. Вся разгоревшаяся, впорхнула сюда женщина... Она разгорелась, потому что ей жали руку, потому что она назначила свидание, – и назначила сейчас, после бала, в эту же ночь. Увидев ту же миску, она берет ее, ставит на пол, – и, также осторожно оглянувшись кругом и положив крючок на дверь, повторяет то, что ранее сделал мужчина.

Это – то́, что делают иудеянки в микве.

И многие, и, наконец – все это сделали, уверенные, что ни один глаз их не видел.

Если бы это кто-нибудь увидел, они все умерли бы от стыда. Вот восклицание Ревекки NN: «Имя это – *неприлично*».

Доселе – мы и наше, прохлада и чистота. Все – рационально.

Перейдем же обратно опять назад, – в иудейство:

Представим, что через слуховое окно чердака, из темного места, видел все здесь происшедшее – еврей. Мы бы отвернулись или не обратили внимания. Но не к тому призвало его «обрезание», которое он несет на себе; и так, а совсем иначе, оно его поставило. В противоположность нашему отвращению, у него разгорелись глаза. Он вылез. Бала ему не нужно, и на бал он не пойдет. Его место – здесь. Он уносит к себе миску, остерегаясь расплескать из нее воду. И, тоже запершись, чтобы никто его не увидел, – поставил ее на стол и вдруг зажег множество лампад (*начало* лампад – в Египте) вокруг и, закрыв голову покрывалом, как бы перед глазами его

находится что-то, на что́ он не смеет смотреть, стал бормотать слова на непонятном языке.

Он творил молитвы и заклинания.

Это – юдаизм.

~

И молитвы эти – добрые. Еврей молился: «Пусть они танцуют. Эти глупости пройдут. Я молюсь о том, что им нужно будет в старости, – о *здоровьи*, о *продлении их жизни*; о том, чтобы самая жизнь была *свежа, крепка;* вот чтобы *не болело* у них, и *никогда не болело* то́, что́ они сюда погрузили и здесь омыли. Ах, они теперь не знают, потому что влюблены, – и говорят о службе и чинах. Я прошел все чины, и мне ничего не нужно: я знаю, как *жизнерадостность зависит от того*, чтобы *в этом месте ничего не засорялось у человека, не помутнялось и не слабело*, а все было ясно и честно, как хороший счет, и обещающе, как новорожденный младенец. И я им всем чужой: но молюсь моему Тайному Богу, чтобы у всего *Мира*, у всех *их* Он сохранил и благословил эти части, на вечное плодородие мира и на расцвет всей земли, которую Он, Благий, *сотворил*».

Amen.

...и бегут, бегут все... чудовищной толпой. Куда? Зачем?

– Ты спрашиваешь, зачем мировое volo.

– Да тут не volo, а скорее ноги скользят, животы трясутся. И никто ни к чему не привязан. Это – скэтинг-ринг, а не жизнь...

(в постели ночью)

Смех не может ничего убить. Смех может только *придавить*.

И терпение одолеет всякий смех.

(о нигилизме)

Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Появилась «техническая душа» – contradictio in adjecto*. И вдохновение умерло.

(печать и вообще «все новое»)

В мое время, при моей жизни, создались некоторые новые слова: в 1880-м году я сам себя называл «психопатом», смеясь и веселясь новому удачному слову. До себя я ни от кого (кажется) его не слыхал. Потом (время

* Противоречие в определении *(лат.)*.

Шопенгауэра) многие так стали называть себя или других; потом появилось это в журналах. Теперь это бранная кличка, но первоначально это обозначало «болезнь духа», вроде Байрона, – обозначало поэтов и философов. Вертер был «психопат». Потом, позднее, возникло слово «декадент», и тоже я был из первых. Шперк с гордостью говорил о себе: «Я, батенька, декадент». Это было раньше, чем мы оба услышали о Брюсове; А. Белый – не рождался. Теперь распространилось слово «чуткий»: нужно бы посмотреть книгу «О понимании»; но в идеях «чуткости» и «настроения», с ярким *сознанием* их и признанием, их *важности*, я писал эту книгу.

Все эти слова, новые в обществе и в литературе, выражали – ступенями – огромное *углубление* человека. Все стали немножко «метерлинками», и в этом *суть*. Но стали «метерлинками» раньше, чем услышали о Метерлинке.

Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские со всей России, и, кроме Добчинских, никого там и не было, они теснотою толпы никого еще туда не пропустили. Так что «похороны Толстого» в то же время вышли «выставкою Добчинских»...

Суть Добчинского – «чтобы обо мне узнали в Петербурге». Именно одно это желание и подхлестнуло всех побежать. Объявился какой-то «Союз Союзов» и «Центральный комитет 20-ти литературных обществ»... О Толстом никто не помнил: каждый сюда бежал, чтобы вскочить на кафедру и, что-то проболтав, – все равно, что́, – ткнуть перстом в грудь и сказать: «Вот я, Добчинский, – живу; современник вам и Толстому. Разделяю его мысли, восхищаюсь его гением; но вы запомните, что я именно – *Добчинский*, и не смеша́йте мою фамилию с чьей-нибудь другой».

Никогда не было такого позора, никогда литература не была так жалка. Никогда она не являла такой *безжалостности*: ибо Т–го можно было и пожалеть (последняя драма), можно было о нем и *подумать*. Но ничего, ровно ничего такого не было. В воздухе вдруг пронеслось ликование: «И я взойду *на эстраду*». Шум поднялся на улице. Едут, спешат: «Вы *будете говорить*?». – «И *я* буду говорить». – «Мы *все* теперь будем говорить»... «И уж в другое время может нас и не послушали бы, а теперь непременно выслушают, и запомнят, что вот бородка клинышком, лицо белобрысое, и задумчивые голубые глаза»... «Я, *Добчинский*: и зовут меня *Семеном Петровичем*».

Это продолжалось, должно быть, недели две. И в эти две недели вихря никто не почувствовал позора. Слова «довольно» и «тише» раздались не ранее, как недели две спустя после смерти. «Тут-то я блесну *умом*»... И коллективно все блеснуло *пошлостью*, – да такой, какой от Фонвизина не случалось.

Нужно ли говорить, что все «говорившие» не имели ни *иоты* роднящего, родного с Толстым. Были *ему* совершенно чужды, даже враждебны; и в отношении *их самих* Толстой был совершенно чужой, и даже был им всем *враг*.

Всю жизнь он полагал именно на *борьбу с такими*, на *просвещение таких*, на то чтобы *разбудить таких, воскресить*, преобразить...

И вдруг такое: finis coronat opus!*

Ужасно.

(за нумизматикой)

Добчинского, если б он жил в более «граждански-развитую эпоху» – и представить нельзя иначе, как журналистом, или, еще правильнее, – стоящим во главе «литературно-политического» журнала»; а *Ноздрев* писал бы у него передовицы... Это – в тихое время; в бурное – Добчинский бегал бы с прокламациями, а Ноздрев был бы «за Родичева». И, кто знает, вдвоем не совершили ли бы они переворота. «Не боги горшки обжигают»...

(за нумизматикой)

Сатана соблазнил папу *властью*; а литературу он же соблазнил славою...

Но уже Герострат указал самый верный путь к «сохранению имени в потомстве»... И литература, которая только и живет тревогою о «сохранении имени в потомстве» (Добчинский), – естественно, уже к нашим дням, т.е. «пока еще цветочки», – пронизалась вся Геростратами.

Ни для кого так не легко сжечь Рим, как для Добчинского. Катилина – задумается. Манилов – пожалеет; Собакевич – не поворотится; но Добчинский поспешит со всех ног: «Боже! да ведь Рим только и ждал *меня*, а я именно и родился, чтобы *сжечь Рим:* смотри, публика, и запоминай *мое имя*».

Сущность литературы... самая ее душа... «душенька».

(за нумизматикой)

Читал о страдальческой, ужасной жизни Гл. Успенского («Русск. Мысль», 1911 г., лето): его душил какой-то долг в 1700 руб.; потом «процентщица бегала за мной по пятам, не давая покою ни в Москве, ни в Петербурге».

Он был *друг Некрасова и Михайловского*. Они явно не только уважали, но и *любили его* (Михайловский в письме ко мне).

Но тогда почему же не *помогли ему*? Что это за мрачная тайна? Тоже как и у почти миллионера Герцена в отношении Белинского. Я не защитник буржуа, и ни до них, ни до судьбы их мне дела нет; но и простая пропись и простой

---

* Конец венчает дело *(лат.)*.

здравый смысл кричит: «Отчего же это фабриканты *должны уступить рабочим машины и корпуса фабрик*», – когда решительно ничего *не уступили*: Герцен – Белинскому, Михайловский и Некрасов – Глебу Успенскому».

Это какой-то «страшный суд» всех пролетарских доктрин и всей пролетарской идеологии.

А голодные так голодны, и все-таки революция права. Но она права не идеологически, а как *натиск*, как *воля*, как *отчаяние*. «Я не *святой* и, может быть, хуже тебя: но я волк, голодный и ловкий, да и голод дал мне храбрость; а ты тысячу лет – вол, и если когда-то имел рога и копыта, чтобы убить меня, то теперь – стар, расслаблен, и вот я *съем тебя*».

Революция и «старый строй» – это просто «дряхлость» и «еще крепкие силы». Но это – не идея, ни *в каком случае – не идея*!

Все соц.-демократ. теории сводятся к тезису: «Хочется мне кушать». Что́ же: тезис-то ведь прав. Против него «сам Господь Бог ничего не скажет». «Кто дал мне желудок – обязан дать и пищу». Космология.

Да. Но мечтатель отходит в сторону: потому что даже больше, чем пищу, – он любит мечту свою. А в революции – ничего для мечты.

И вот, может, лишь оттого, что в ней – ничего для мечты, она не удастся. «Битой посуды будет много», но «нового здания не выстроится». Ибо строит тот один, кто способен к изнуряющей мечте; строит Микель-Анджело, Леонардо-да-Винчи: но революция всем им «покажет прозаический кукиш» и задушит еще в младенчестве, лет 11–13, когда у них вдруг окажется «свое на душе». «А, вы – гордецы: не хотите с нами смешиваться, *делиться*, *откровенничать*... Имеете какую-то *свою душу*, не общую душу... Коллектив, давший жизнь родителям вашим и вам, – ибо без коллектива они и вы подохли бы с голоду – теперь берет свое назад. Умрите».

И «новое здание», с чертами ослиного в себе, повалится в третьем-четвертом поколении.

Всякое движение души у меня сопровождается *выговариванием*. И всякое выговаривание я хочу непременно *записать*. Это – инстинкт. Не из такого ли инстинкта родилась литература (письменная)? Потому что о печати не приходит мысль; и следовательно, Гутенберг пришел совсем «потом».

У нас литература так слилась с *печатью*, что мы совсем забываем, что она была *до* печати и, в сущности, вовсе *не для* опубликования. Литература родилась «про себя» (молча) и для себя; и уже потом стала печататься. Но это – одна *техника*.

Выньте, так сказать, *из самого существа* мира молитву – сделайте, чтобы язык мой, ум мой разучился словам ее, самому делу ее, существу ее; чтобы я этого *не мог*, люди этого *не могли*: и я с выпученными глазами и ужасным воем выбежал бы из дому, и бежал, бежал, пока не упал. Без молитвы совершенно нельзя жить... Без молитвы – безумие и ужас.

Но это все понимается, когда плачется... А кто не плачет, не плакал, – как ему это объяснить? Он никогда не поймет. А ведь много людей, которые никогда не плачут.

Как муж – он не любил жену, как отец – не заботился о детях; жена изменила – он «махнул рукой»; выгнали из школы сына – он обругал школу и отдал в другую. Скажите, что такому «позитивисту» скажет религия? Он пожмет плечами и улыбнется.

Да: но он – не *все*.

Позитивизм истинен, нужен и даже вечен: но для определенной *частицы* людей. Позитивизм нужен для «позитивистов»; суть не в «позитивизме», а в «позитивисте»: человек и здесь, как везде, – раньше теории.

Да...

Религиозный человек предшествует всякой религии, и «позитивный человек» родился гораздо раньше Огюста Конта.

(за нумизматикой)

В «друге» дана мне была путеводная звезда... И я 20 лет (с 1889 г.) шел за нею: и все, что хорошего я сделал, или было во мне хорошего за это время, – от нее; а что дурное во мне – от меня самого. Но я был упрям. Только сердце мое всегда плакало, когда я уклонялся от нее...

(за нумизматикой)

И только одно хвастовство, и только один у каждого вопрос: «Какую роль *при этом* я буду играть». Если «при этом» он не будет играть никакой роли – «к чорту».

(за нумизматикой; о политике и печати)

Да, всё так, и просвещение, и связь с идеями времени... Но она готовит хорошее наследство внукам, прочное и основательное, и это и дочь, и зять твердо знают. Так о *главном мотиве* жизни мы все молчим и делаем ссылки на то, что, в сущности, тоже есть мотив, и хороший, и горячий даже: но – *не самый горячий*.

(одна из лучших репутаций в России)

Сколько прекрасного встретишь в человеке, где и не ожидаешь...

И сколько порочного, – и тоже где не ожидаешь.

(на улице)

Созидайте дух, созидайте дух, созидайте дух! Смотрите, он весь рассыпался...

(на Загородном просп., вечер)

Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели – с бесцветностью. Вот из этой «заковыки» и вытаскивайся.

В 99 из 100 случаев, «добродетель» есть просто: «Я не хочу», «мне не хочется», «мне *мало хочется*»... «Добродетельная биография» или «эпоха добрых нравов» (в истории) есть просто личность довольно «безличная» и время довольно «безвременное». Всем «очень мало хотелось». Mercі.

(въехав на Зеленину)

Мне и одному хорошо, и со всеми. Я и не одиночка и не общественник. Но когда я один – я полный, а когда со всеми – не полный. Одному мне все-таки лучше.

~

Одному лучше – потому что, когда один, – я с Богом.

~

Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего *я*, от славы или известности – слишком мог бы; от счастья, от благополучия... не знаю. Но от Бога я никогда не мог бы отказаться. Бог есть самое «теплое» для меня. С Богом мне «всего теплее». С Богом никогда не скучно и не холодно.

В конце концов Бог – моя жизнь.
Я только живу для Него, через Него. Вне Бога – меня нет.

Что такое Бог для меня?.. Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Он накажет? Нет. Что он даст будущую жизнь? Нет. Что Он меня питает? Нет. Что через Него существую, создан? Нет.

Так что же Он такое для меня?

Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся?

Так не есть ли Бог «мое настроение»?

Я люблю того, кто заставляет меня грустить и радоваться, кто со мной говорит; меня упрекает, меня утешает.

Это Кто-то. Это – Лицо. Бог для меня всегда «он». Или «ты»; всегда близок.

Мой Бог – особенный. Это только *мой* Бог; и еще ничей. Если еще «чей-нибудь» – то этого я не знаю и не интересуюсь.

«Мой Бог» – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку, или даже две воронки. От моего «общественного *я*» идет воронка, суживающаяся до точки. Через эту точку-просвет идет только один луч: от Бога. За этой точкой – другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся в бесконечность: Это Бог, «Там – Бог». Так что Бог:

1) и моя интимность,

2) и бесконечность, в коей самый мир – часть.

Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. «Пренесносный Щедрин». Но почему я ненавижу всякого, кто тоже их ругает? И даже почти только и ненавижу тех, кто русских ненавидит и особенно презирает.

Между тем я бесспорно и презираю русских, до отвращения. Аномалия.

(за нумизматикой)

На полемике с дураком П. С. я все-таки заработал около 300 р. Это $^1/_3$ стоимости тетрадрахмы Антиоха VII Гриппа, с Палладой Афиной в окружении фаллов (2400 франков). У Нурри-бея продавалась еще тетрадрахма с Афродитой между львом и быком, которая сидит на троне *и обоняет цветок*. Этой я не мог приобрести (обе – *уники*).

С основания мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Наша русская вся – философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает соллогубовским зудом: «Кого бы мне посечь».

Ницше почтили потому, что он был немец, и притом – страдающий (болезнь). Но если бы *русский* и *от себя* заговорил в духе: «падающего *еще толкни*», – его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать.

(по прочтении статьи Перцова: «Между старым и новым»)

Победа Платона Каратаева еще гораздо значительнее, чем ее оценили: это в самом деле победа Максима Максимовича над Печориным, т. е. победа одного из двух огромных литературных течений над враждебным... Могло бы и не случиться... Но Толстой всю жизнь положил за «Максима Максимовича» (Ник. Ростов, артиллерист Тушин, Пл. Каратаев, философия Пьера Безухова, – перешедшая в философию самого Толстого). «Непротивление злу» не есть ни христианство, ни буддизм: но это действительно есть *русская стихия,* – «беспорывная природа» Восточно-Европейской равнины. Единственные русские бунтовщики – «нигилисты»: и вот тут чрезвычайно любопытно, чем же это кончится; т. е. чем кончится единственный русский *бунт.* Но это в высшей степени объясняет силу, и значительность, и устойчивость, и упорство нигилизма. «Надо же где-нибудь», – хоть где-нибудь надо, – «побунтовать»: и для 80-миллионного народа, конечно, – «это надо». Косточки устали все только терпеть.

(тогда же)

Бог мой! вечность моя! Отчего же душа моя так прыгает, когда я думаю о Тебе...

И все держит рука Твоя: что она меня держит – это я постоянно чувствую.

(ночь на 25 декабря 1910)

Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя сквозь тернии и слезы есть все-таки наслаждение.

(на Зелениной)

Меня даже глупый человек может «водить за нос», и я буду знать, что он глупый, и что даже ведет меня ко вреду, наконец «к вечной гибели» – и все-таки буду за ним идти. «К чести моей» следует, однако, заметить, что $^1/_2$ случаев, когда меня «водят за нос», относится к глубокой, полной моей неспособности сказать человеку: «дурак», как и: «ты меня обманываешь». Ни разу в жизни не говорил. И вот, единственно чтобы не ставить «ближнего» в неловкое положение, я делаю вид, иногда годы, что все его указания очень умны или что он comme il faut и бережет меня. Еще $^1/_4$ случаев относится к моему глубокому (с детства) безразличию к внешней жизни (если не опасность). Но $^1/_4$, однако, есть проявление чистого минуса и безволия, – без внешних и побочных объяснений.

. . . . . .

Иное дело – мечта: тут я не подвигался даже на скрупул ни под каким воздействием и никогда; в том числе даже и в детстве. В этом смысле я был совершенно «не воспитывающийся» человек, совершенно не поддающийся «культурному воздействию».

Почти пропорционально отсутствию *воли к жизни* (к реализации) у меня было упорство *воли к мечте*. Даже, кажется, еще постояннее, настойчивее... Именно – не «подвинулось ни на скрупул» и «не уступило ничему».

На виду я – *всесклоняемый*.

В себе (субъект) *абсолютно несклоняем*; «несогласуем». Какое-то «наречие».

Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. «Мне и тут тепло»...

(на извощике, ночью)

Авраама призвал Бог; а я сам призвал Бога... Вот вся разница.

~

Все-таки ни один из библеистов не рассмотрел этой *особенности и странности библейского рассказа*, что ведь не Авраам *искал* Бога, а Бог *хотел Авраама*. В Библии даже ясно показано, что Авраам *долго уклонялся от заключения* завета... Бегал, но Бог схватил его. Тогда он ответил: «Теперь я буду верен Тебе, я и потомство мое».

(за нумизматикой)

Ни о чем я не тосковал так, как об *унижении*. «Известность» иногда радовала меня, – чисто поросячьим удовольствием. Но всегда это бывало ненадолго (день, два): затем вступала прежняя тоска – быть, напротив, униженным.

(на обороте транспаранта)

О своей смерти: «Нужно, чтобы этот *сор* был выметен из мира». И вот, когда настанет это «*нужно*», – я умру.

(на обороте транспаранта)

Я не нужен: ни в чем я так не уверен, как в том, что я *не нужен*.

(на обороте транспаранта)

Милые, милые люди: сколько вас, прекрасных, я встретил на своем пути. По времени первая – Ю(лия). Проста, самоотверженна. Но как звезда среди

всех – моя «безымянница»... «Бог не дал мне твоего имени, а прежнее я не хочу носить, потому что...». И она «никак» себя называла, т. е. называла под письмами одним *крестильным именем*. Я смеюсь: «Да ведь *так* себя царицы подписывают, великие князья». Она не понимала, не возражала, но продолжала писать одно имя: «В.....». Я взял от него один из своих псевдонимов.

(на обороте транспаранта)

Литература есть самый отвратительный вид торга. И потому удвоенно-отвратительный, что тут замешивается несколько *таланта*. И что «торгуемые вещи» суть действительно духовные ценности.

(на обороте транспаранта)

Унижение всегда переходит через несколько дней в такое душевное сияние, с которым не сравнится ничто. Не невозможно сказать, что некоторые, и притом высочайшие, духовные *просветления* недостижимы без предварительной униженности; что некоторые «духовные абсолютности» так и остались навеки скрыты от тех, кто вечно торжествовал, побеждал, был наверху.

Как груб, *а посему и как несчастен*, Наполеон... После Иены он был жалчее, нежели нищий-*праведник*, которому из богатого дома сказали: «Бог подаст».

Не на этой ли тайне *всемирной психологичности* (если *она* есть, т. е. *всемирная психологичность*) основано то, что наконец «Он захотел пострадать?..».

Как *мы* лучше после страдания?.. Не на этом ли основан «выигрыш без проигрыша» демократии?.. Она вовсе не рождается «в золотых пеленках» морали; «с грешком», как и все. Но она – «в нижнем положении»: и нравственный ореол привлек к ней всех...

(на обороте транспаранта)

Правда выше солнца, выше неба, выше бога: ибо если и *бог* начинался бы *не* с *правды* – он *не* бог, и небо – трясина, и солнце – медная посуда.

(на обороте транспаранта)

Как бы Б. на веки вечные указал человеку, *где* можно с ним *встретиться*. «Ищи меня ни в лесу, ни в поле, ни в пустыне», ни – «на верху горы, ни в долине низу», – ни «в водах, ни под землею», а... *где* я заключил завет «с отцом вашим Авраамом».

Поразительно. Но *куда* же это приводит размышляющего, доискивающегося, угадывающего?

Но в таком случае *как понятно*, почему а-сексуалисты суть в то же время атеисты: они «не встречаются с Богом», «не видели», «не слышали», «не знают».

Душа есть *страсть*.

~

И отсюда отдаленно и высоко: «Аз есмь огнь поедающий» (Бог о Себе в Библии).

Отсюда же: талант нарастает, когда нарастает страсть. Талант есть страсть.

(ночью на извощике)

– Подавайте, Василий Васильевич, за октябристов, – кричал Боря, попыхивая трубочкой.

– Твои октябристы, Боря, болваны: но так как у жены твоей у-ди-вительные плечи, а сестра твоя целомудренна и неприступна, то я подам за октябристов.

И подал за них (в 3-ю Думу): так как квартиры д-ра Соколова (старшина эс-деков в СПб., – где-то на Греческом проспекте) не мог найти, а проклятый «бюллетень», конечно, потерял в тот же день, как получил.

– Какие события! Какие события! Ты бы, Василий Васильевич, что-нибудь написал о них, – говорил секретарь «нашей газеты», милейший Н. И. Афанасьев, проходя по комнате.

У него жена француженка и не говорит вовсе по-русски. Не понимаю, как они объясняются «в патетические минуты»: нельзя же в полном безмолвии...

«Какие, чорт возьми, события?». А я ищу «тем для статей». Читая газеты, разумеется – ищу мелкие шрифты, где позанимательнее: не читать же эти фельетонищи и передовые, на которые надо убить день.

– Какие, Николай Иванович, «события»?

– Да как же, – отвечает совсем от двери, – о «свободе вероисповеданий, отмене подушной подати» и чуть не пересмотре всех законов.

– В самом деле, «события»: и если понапречься – то можно сколько угодно написать передовых статей.

Это было чуть ли не во время, когда шумели Гапон и Витте. Мне казалось – ничего особенного не происходит. Но это его задумчивое бормотанье под нос: «Какие события» – как ударило мне в голову.

Поразительно, что иногда я гляжу во все глаза на «событие», и даже пишу о нем статьи, наконец – *произношу о нем глубоко раздельные слова* ясного, значительного смысла, в уровень и «в сердцевину» события: и между тем

совершенно его *не вижу, не знаю*, ничего о нем определенного не думаю, и «хочу ли» его или «не хочу» – сам не знаю. Я сам порадовался (душою), как *ухом* услышал *свои же* слова:

– Господа! Мы должны радоваться не тому, что манифест дан: но что *он не мог не быть дан*, что *мы его взяли!*

Это когда Столыпин (А. А.), войдя в общую комнату, где были все «мы», сказал, что «Государь подписал манифест» (17-го октября)... Все заволновались, и велели подать шампанское. Тут я, вдруг сделавшись торжественно-настроен, с чем-то «величественным в душе» (прямо чувствовал теплоту в груди) и сказал эти слова, которые ведь были «в сердцевину» события...

Между тем мне в голову не приходило, что дело идет *о конституции*. До такой степени, что когда я пошел домой, то только с этою мыслью, что дня на три, а может – дней на пять можно отдохнуть от писания статей. Пришел домой и сказал это, и сказал, что завтра и послезавтра не надо идти в редакцию. Сообразно этому на завтра я велел приготовить себе белье, и отправился на Знаменскую в бани, лежать на полке в горячем пару, «отложив все попечения» (моя в своем роде «херувимская»)... И вечером что-то возился около бумаг, монет и около чая.

Вдруг *послезавтра* узнаю, что «*вчера* шли по Невскому с красными флагами»!!! *единственный* и *первый раз* в русской истории, при «благосклонном сочувствии полиции»... Единственная минута, единственное ощущение, единственное переживание.

Ведь я же *это понимаю*.

О, да!!!

Но я «пролежал в пару». У меня *есть затяжность души*: «событием» я буду – *и глубоко, как немногие*, – жить через три года, через несколько месяцев после того, как его *видел*. Когда же *видел* – ничего решительно *не думал* о нем. А думал (страстно и горячо) о том, что было *еще три года назад*. Это всегда у меня, с юности, с детства.

– Народы, хотите ли я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

– Ну? Ну?.. Хх...

– Это – что частная жизнь выше всего.

– Хе-хе-хе!.. Ха-ха-ха!.. Ха, ха!..

– Да, да! Никто этого не говорил; я — первый... Просто, сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца.

– Ха, ха, ха...

– Ей-ей: это – *общее* религии... Все религии пройдут, а это останется: просто – сидеть на стуле и смотреть вдаль.

(23 июля 1911)

Боже, Боже, зачем Ты забыл меня? Разве Ты не знаешь, что всякий раз, когда Ты забываешь меня, я теряюсь.

(опыты)

...Я разгадал тетраграмму, Боже, я разгадал ее. Это не было *имя*, как «Павел», «Иоанн», а был *зов*: и произносился он *даже тем же самым индивидуумом* не всегда совершенно (абсолютно) одинаково, а чуть-чуть изменяясь в тенях, в гортанных придыханиях... И не *абсолютно одинаково* – разными первосвященниками. От этой нетвердости произношения в конце концов «тайна произнесения его» и затерялась в веках. Но, поистине, благочестивые евреи и до сих пор иногда произносят его, *но только не знают – когда*. Совершенно соответствует моей догадке и то, что «кто *умеет произнести* тетраграмму – владеет миром», т. е. через Бога. В самом деле, тайна этого зова заключается в том, что Бог *не может не отозваться на него*, и «является *тут*» со всем своим могуществом. Тенями проходит в самосознании евреев и тайна, что не только *им* Бог нужен, но что и *они Богу нужны*. Отсюда – этнографическая и религиозная гордость; и что они *требуют* у Бога, а не всегда только *просят* Его...

Но все это уже заключено в зове-вздохе... Он состоял из одних гласных с придыханиями.

Толстой прожил, собственно, глубоко *пошлую* жизнь... Это *ему* и на ум никогда не приходило.

Никакого страдания; никакого «тернового венца»; никакой героической борьбы за убеждения; и даже никаких особенно интересных приключений: полная пошлость.

~

Да, – приключения «со своими идеями»... Ну, уж это – антураж литературный, и та же пошлость, только вспрыснутая духами.

Мне кажется, Толстого мало любили, и он это чувствовал. Около него не раздалось, при смерти, и даже при жизни, ни одного того «мучительного крика вдруг», ни того «сумасшедшего поступка», по которым мы распознаем настоящую привязанность. «Все было в высшей степени благоразумно»; и это есть именно печать пошлости.

Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нет я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой, – и он именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы.

(вагон)

Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе; например, путешествовать. Тогда все кажется ярко, осмысленно, все укладывается в хороший результат.

Но и «сидеть на месте» хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сиденья» его двинулись миры.

(вагон, Эйдкунен – Берлин)

«Счастье в усилии», – говорит молодость.
«Счастье в покое», – говорит смерть.

«Все преодолею», – говорит молодость.
«Да, но все кончится», – говорит смерть.

(Эйдкунен – Берлин, вагон)

Даже не знаю, через «ѣ» или «е» пишется «нравственность».

~

И кто у нее папаша был – не знаю, и кто мамаша, и были ли деточки, и где адрес ее – ничегошенько не знаю.

(о морали; СПб. – Киев, вагон)

Мережковский всегда строит из чужого материала, но с чувством родного для себя. В этом его честь и великодушие.

Отчего идеи мои произвели на Михайловского впечатление *смешного*, и он сказал: «Это как у Кифы Мокиевича», а на Мережковского – впечатление *трагического*, и он сказал: «Это такое же бурление, как у Ницше, это *конец* или во всяком случае страшная *опасность* для христианства». Почему? Мережковский (явно) понял *сильным* и *честным* умом то, чего Михайловский не понял и по бессилию, и по недобросовестности ума, ленивого, чтобы проработать *чужие темы*, темы *не своего лагеря*. Между тем «семья» и «род», на которых у меня все построено, Мережковскому еще отдаленнее и ненужнее, чем Михайловскому; *даже враждебны Мережковскому*.

Но Мережковский схватил душой – не сердцем и не умом, а *всей* душой – эту мою мысль, уроднил ее себе; сопоставил с миром христианства, с зерном этого мира – аскетизмом; и постиг целые миры. Таким образом, он «открыл семью» *для себя, внутренно* открыл – под толчком, под указанием моим. И это есть в полном значении «открытие» *его*, новое для него, вполне и безусловно *самостоятельное его открытие* (почему Михайловский не открыл?). Я дал компас, и, положим, сказал, что «на западе есть страны». А он открыл Америку. В этом его уроднении с чужими идеями есть великодушие. И Бог его наградил.

(Луга – Петербург, вагон)

О, мои грустные «опыты»... И зачем я захотел *все знать*. Теперь уже я не умру спокойно, как надеялся.

(1911)

«Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом – только о себе» (Тургенев). Сперва мы смеемся этому выражению, как очень удачному... Но потом (через год) становится как-то грустно: бедный человек, у него даже хотят отнять право поговорить о себе. Он не только боли́, нуждайся, но... и *молчи* об этом. И остроумие Тургенева, который хотел обличить человека в цинизме, само кажется цинично.

Я, напротив, замечал, что *добрых* от *злых* ни по чему так нельзя различить, как по выслушиванию ими этих рассказов чужого человека о себе. Охотно слушают, не скучают – верный признак, что этот слушающий есть добрый, ясный, простой человек. С ним можно водить дружбу. Можно ему довериться. Но не надейтесь на дружбу с человеком, который скучает, вас выслушивая: он думает только о себе и занят только собою. Столь же хороший признак *о себе* рассказывать: значит, человек чувствует в окружающих братьев себе. Рассказ другому есть выражение расположения к другому.

Мне очень печально сознаться, что я не любил ни выслушивать, ни рассказывать. Не *умел* даже этого. Это есть тот признак, по которому я считаю себя дурным человеком.

~

Шперк мне сказал однажды: «Не в намерениях ваших, не в идеях – но *как в человеке* в вас есть что-то нехорошее, какая-то нечистая примесь, что-то мутное в организации или в крови. Я не знаю что́ – но чувствую». Он очень любил меня (мне кажется, больше остальных людей, – кроме ближних). Он был очень проницателен, знал «корни вещей». И если это сказал, значит, это верно.

~

Дурное в нас есть рок наш. Но нужно знать *меру* этого рока, *направления* его, и «отсчитывать по градусам», как говорят о термометрах, которые тоже врут, все, но ученые с этим справляются, внося поправки.

Хотел ли бы я быть только хорошим? Было бы скучно. Но чего я ни за что не хотел бы, – это быть злым, вредительным. Тут я предпочел бы умереть. Но я был в жизни всегда ужасно неуклюжий. Во мне есть ужасное уродство поведения, до неумения «встать» и «сесть». Просто, не знаю *как*. И не понимаю, *где* лучше (сесть, встать, заговорить). Никакого сознания горизонтов. От этого в жизни чем больше я приближался к людям – становился все неудобнее им, жизнь их становилась от моего приближения неудобнее. И от меня очень многие, и притом чрезвычайно, страдали: без всякой моей воли.

Это – рок.

~

К вопросу о *неуместности* человека. Как-то стою я в часовенке, при маленьком сквере около Владимирской церкви, на Петербургской стороне. Может, и в самой церкви – забыл – было лет 14 назад. И замечаю, что я ничего не слышу, что́ читают и поют, – не слушаю. А пришел *с намерением* слушать и умилиться. Тогда я подумал: «Точно я *иностранец* – во всяком месте, в всяком часе, где бы ни был, когда бы ни был». Все мне чуждо, и какой-то странной, на *роду* написанной отчужденностью. Что бы я ни делал, кого бы не видел – не могу ни с чем слиться. «Не совокупляющийся человек», – духовно. Человек – «solo».

Все это я выразил словом «иностранец», которое у меня прошепталось, как величайшее осуждение себе, как величайшая грусть о себе, в себе.

Это – тоже рок.

«Какими рождаемся – таковы и в могилку». Тут какие-то особенные законы зачатия. Наследственность. Тут какой-то миг мысли, туман мысли или *безмыслия* у родителей, когда они зачинали меня: и в ребенке это стало непоправимо.

«Неизбежное»...

«Иностранец»... «*Где* ушибемся, там и *болит*»: не от этого ли я так бесконечно люблю человеческую *связанность*, людей *в связанности*, во *взаимном миловании, ласкании*. Здесь мой пафос к ним, так сказать, валит все заборы: ничего я так не ненавижу, ничему так не враждебен, как всему, что *разделяет* людей, что мешает им *слиться*, соединиться, стать *«в одно»*, надолго, на время – я даже не задаю вопроса. Конечно – лучше на вечность: а если нельзя, то хоть на сколько-нибудь времени. Это – конечно, доброта; но не замечательно ли, что она вытекла из недоброты, из личного несчастия, порока. Вот связь вещей. И как не скажешь: «Судьба! Рок»...

С какой печалью читал (август 1911 г.) статьи Изгоева об университете... Автор нигде не говорит: «Забастовки – мерзость», хотя и чувствует это, сознает это, говорит, но «эзоповым языком»... Отчего же он *явно* не *говорит*?

Студенты – еще мальчики, и оттого, что он *отчетливо* не выговорит «мерзость», непременно скажут: «И он – *за забастовку*». Каким образом можно вводить юношество в такой обман и самообман?

Отчего эта боязнь?

Как темно все вокруг юношества, как мало можно винить его за то, что оно «потеряло голову» и идет в пропасть, среди аплодисментов печати.

Подлая печать.

И все это причитанье: «Кассо виноват». Кассо составляет всего *одного* подписчика на «Русскую Мысль», а «примыкающие к университету» читатели – *тысячи* подписчиков. И из-за нескольких сот рублей, ну 2–3-х тысяч рублей, делается злодеяние над молодежью.

Из авторов «Вех» только двое – Гершензон и Булгаков – не разочаровали меня.

И какая это несчастная вещь – писать «обозрение» политики. Как не впасть в ложь. Между тем ведь душа – бессмертна. Как выше религия политики.

По фону жизни проходили всякие лоботрясы: зеленые, желтые, коричневые, в черной краске...

И Б. всех их описывал: и как шел каждый, и как они кушали свой обед, и говорили ли с присюсюкиванием или без присюсюкивания.

Незаметно в то же время по углам «фона» сидели молчаливые фигуры... С взглядом задумавшихся глаз. Но Б. никого из них не заметил.

(О Боборыкине, «75-летие»)

Знаете ли вы, что религия есть самое важное, самое первое, самое нужное? Кто этого не знает, с тем не для чего произносить «А» споров, разговоров.

Мимо такого нужно просто *пройти*. Обойти его *молчанием*.

Но кто это знает? Многие ли? Вот отчего в наше время почти *не́ о чем* и *не́ с кем* говорить.

(за нумизматикой)

Связь пола с Богом, – бóльшая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, – выступает из того, что все а-сексуалисты обнаруживают себя и а-теистами. Те самые господа, как Бокль или Спенсер, как Писарев или Белинский, о «поле» сказавшие не больше слов, чем об Аргентинской республике, и, очевидно, не более о нем и думавшие, в то же время до того изумительно атеистичны, как бы никогда до них и вокруг них и не было никакой религии. Это буквально «некрещеные» в каком-то странном, особенном смысле. Суть «метерлинковского поворота» за 20–30 лет заключалась в том,

что очень много людей начали «смотреть в *корень*» не в прутковском, а в розановском смысле: стал всем интересен *его* пол, *личный свой* пол. Вероятно, тут произошло что-нибудь в семени (и яйце): замечательно, что теперь стали *уже рождаться* другими, чем лет 60–70 назад. Рождается «новая генерация»... Одна умная матушка (Александра Александровна А–бова) сказала раз: «Перелом теперь в духовенстве все больше сказывается в том, какое множество *молодых матушек* страдает бесплодием». Она не договаривала ту мысль, которую через год я услышал от нее: именно, что «не жены священников не зачинают; а их *мужья не имеют силы зачать в них*». Поразительно.

Вот в этом роде что-то произошло и во всей метерлинковской генерации. Произошло не в образе мыслей, а в поле; и *уже потом и в образе мысли*.

Хочу ли я, чтобы очень распространилось мое учение?

Нет.

Вышло бы большое волнение, а я так люблю покой... и закат вечера, и тихий вечерний звон.

(за нумизматикой)

Мне, собственно, противны те недостатки, которых я не имею. Но мои *собственные недостатки*, когда я их встречаю в других, нисколько не противны. И я бы их никогда не осудил.

Вот *граница* всякого суждения, т. е. что оно «компетентно» или «некомпетентно»; насколько «на него можно положиться». Все мы «с хвостиками», но обращенными в разные стороны.

(за нумизматикой)

Благородное, что есть в моих сочинениях, вышло не из меня. Я умел только, как женщина, воспринять это и выполнить. Все принадлежит гораздо лучшему меня человеку.

Ум мой и сердце выразились только в том, что я всегда мог поставить (увидеть) другого выше себя. И это всегда было легко, даже счастливо. Слава Богу, завидования во мне вовсе нет, как и «соперничество» всегда было мне враждебно, не нужно, посторонне.

Постоянно что-то делает, что-то предпринимает...

(евреи)

Семья есть самая *аристократическая* форма жизни... Да! – при несчастиях, ошибках, «случаях» (ведь «случаи» бывали даже в истории Церкви) все-таки это единственная аристократическая форма жизни.

Семейный сапожник не только счастливее, но он «вельможнее» министра, «расходующего не менее 500 р. при всяком докладе» («на чай» челяди – слова И. И. Т. мне). Как же этой аристократической формы жизни можно лишать кого-нибудь? А Церковь нередко лишает («запрещения», «епитимьи», «степени родства» – 7-ая вода на киселе). Замечательно, что «тá книга» начинается с развода: «*Не ту* женщину имеешь женою себе». – «А тебе какое дело? Я на тебе вшей не считал в пустыне». Вот уже где началось разодрание основных слов. Никогда Моисей не «расторг» ни одного брака; Ездра «повелел оставить вавилонянок», но зато он и был только «Ездрою», ни – святой и ни – пророк.

Этому «Ездре» я утер бы нос костромским платком. Не *смел* расторгать браков. Не по Богу. Семя Израиля приняли; и «отторгаться *мне* от лона с *моим* семенем» – значит *детоубийствовать*.

20 лет я живу в непрерывной поэзии. Я очень наблюдателен, хоть и молчу. И вот я не помню дня, когда бы не заприметил в ней чего-нибудь глубоко поэтического, и видя чтó или услыша (ухом во время занятий) – внутренно навернется слеза восторга или умиления. И вот отчего я счастлив. И даже от этого хорошо пишу (кажется).

(Луга – Петерб., вагон)

Хочу ли я действовать на жизнь? Иметь влияние?

Не особенно.

ВАША МАМА

(детям)

И мы прожили тихо, день за днем, многие годы. И это была лучшая часть моей жизни.

(25 февраля 1911 г.)

Мне как-то печально (и страшно) при мысли, что «как об умершем» и «тем более был писатель» обо мне станут говорить с похвалою.

Может быть, это и будет основательно: но ведь в оценку не войдет «печальный матерьял». И получая «не по заслугам», мне будет стыдно, мучительно, *преступно* «на том свете».

~

Если кто будет любить меня после смерти, пусть об этом промолчит.

(Луга – Петербург, вагон)

Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти.

Или еще:

Это – золотые рыбки, «играющие на солнце», но помещенные в аквариуме, наполненном навозной жижицей.

И не задыхаются. Даже «тем паче»... Неправдоподобно. И однако – *так*.

~

Б. всего меня *позолотил*.

Чувствую это...

Боже, до чего чувствую.

~

Каждая моя строка есть священное писание (не в школьном, не в «употребительном» смысле), и каждая моя мысль есть священная мысль, и каждое мое слово есть священное слово.

– Как вы смеете? – кричит читатель.

– Ну вот так и «смею», – смеюсь ему в ответ я.

~

Я весь «в Провидении»... Боже, до чего я это чувствую.

~

Когда, кажется на концерте Гофмана, я услышал впервые «Франческу да Римини», забывшись, я подумал: «Это моя душа».

То́ место музыки, где так ясно слышно движение крыл (изумительно!!!).

«Это моя душа! Это моя душа!».

Никогда ни в чем я не предполагал даже такую *массу внутреннего движения*, из какой, собственно, сплетены мои годы, часы и дни.

Несусь как ветер, не устаю как ветер.

– Куда? Зачем?

И наконец:

– Что ты любишь?

– Я люблю мои ночные грезы, – прошепчу я встречному ветру.

(глубокой ночью)

Старость, в постепенности своей, есть развязывание привязанности. И смерть – окончательный холод.

Больше всего, к старости, начинает томить неправильная жизнь; и не в смысле, что «мало насладился» (это совсем не приходит на ум), – но что не сделал *должного*.

Мне, по крайней мере, идея «долга» только и начала приходить под старость. Раньше я всегда жил «по мотиву», т. е. по аппетиту, по вкусу, по «что́ хочется» и «что́ нравится». Даже и представить себе не могу такого «беззаконника», как я сам. Идея «закона» как «долга» никогда даже на ум мне не приходила. «Только читал в словарях, на букву *Д*». Но не знал, что́ это, и никогда не интересовался. «Долг выдумали жестокие люди, чтобы притеснить слабых. И только дурак ему повинуется». Так приблизительно...

Только всегда была у меня *жалость*. Но это тоже «аппетит» *мой*; и была благодарность, – как мой *вкус*.

~

Удивительно, как я уделывался с *ложью*. Она никогда не мучила меня. И по странному мотиву: «А какое вам дело до того, что я *в точности думаю*», «чем *я обязан* говорить свои настоящие мысли». Глубочайшая моя субъективность (пафос субъективности) сделала то, что я точно всю жизнь прожил за *занавескою*, не снимаемою, не раздираемою. «До этой занавески никто не смеет коснуться». Там я жил; там, *с собою*, был правдив... А что́ говорил «по сю сторону занавески», – до правды этого, мне казалось, никому дела нет. «Я должен говорить *полезное*». «Ваша критика простирается только на то, *пользу ли* я говорю», «да и то условно: если вред – то *не принимайте*». Мой афоризм в 35 лет: «Я пишу не на гербовой бумаге» (т. е. всегда можете разорвать).

Если, тем не менее, я в большинстве (даже всегда, мне кажется) писал искренно, то это не по любви к правде, которой у меня не только не было, но «и представить себе не мог», – а по небрежности. Небрежность мой отрицательный пафос. Солгать, – для чего надо еще «выдумывать» и «сводить концы с концами», «строить», – труднее, чем «сказать то, что́ есть». И я просто «клал на бумагу, что́ есть»: что́ и образует всю мою правдивость. Она натуральная, но она не нравственная.

«Так расту»: «и если вам не нравится – то и не смотрите».

Поэтому мне часто же казалось (и может быть, так это и есть), что я самый правдивый и искренний писатель: хотя тут не содержится ни скрупула нравственности.

«Так меня устроил Бог».

Слияние своей жизни, fatum'а, особенно мыслей и, главное, писаний с Божеским «хочу» – было постоянно во мне, с самой юности, даже с отрочества. И отсюда, пожалуй, вытекла моя небрежность. Я потому был небрежен, что какой-то внутренний голос, какое-то непреодолимое внутреннее убеждение мне говорило, что все, что я говорю, – хочет Бог, чтобы я говорил. Не всегда это бывало в одинаковой степени, в одинаковом напряжении: но иногда это убеждение, эта вера доходила до какой-то раскаленности. Я точно весь делался *густой*, душа делалась густою, мысли совсем приобретали особый строй, и «язык сам говорил». Не всегда в таких случаях бывало перо под

рукой: и тогда я *выговаривал*, что́ было на душе... Но я чувствовал, что в «выговариваемом» был такой напор силы («густого»), что не могли бы стены выдержать, сохраниться учреждения, чужие законы, чужие тоже «убеждения»... В такие минуты я чувствовал, что говорю какую-то абсолютную правду, и «под точь-в-точь таким углом наклонения», как это есть в мире, в Боге, в «истине в самой себе». Большею частью, однако, это не записалось (не было пера).

Чувства *преступности* (как у Достоевского) у меня никогда не было: но всегда было чувство бесконечной своей *слабости*...

Слабым я стал делаться с 7–8 лет... Это – странная потеря своей воли над собою; над своими поступками, «выбором деятельности», «должности». Например, на факультет я поступил потому, что старший брат был «на том факультете», без всякой умственной и вообще без всякой (тогда) связи с братом. Я всегда шел в «отворенную дверь», и мне было все равно, «которая дверь отворилась». Никогда в жизни я не делал *выбора*, никогда в этом смысле не *колебался*. Это было странное безволие и странная безучастность. И всегда мысль: «Бог *со мною*». Но «в какую угодно дверь» я шел не по надежде, что «Бог меня *не оставит*», но по единственному интересу «к Богу, который *со мною*», и по вытекавшей отсюда безынтересности, «в какую дверь войду». Я входил в дверь, где было «жалко» или где было «благодарно»... По этим двум мотивам все же я думаю, что я был добрый человек: и Бог за это многое мне простит.

Сколько у нас репутаций, если не литературных (литературной – ни одной), то журнальных, обмоченных в юношеской крови. О если бы юноши когда-нибудь могли поверить, что люди, никогда их не толкавшие в это кровавое дело (террор), любят и *уважают* их, – бесценную вечную их душу, их темное и милое «будущее» (целый мир), – больше, чем эти их «наушники», которым они доверились... Но никогда они этому не поверят! Они думают, что одиноки в мире, покинуты: и что одни у них остались «родные», это – кто им шепчет: «Идите впереди нас, мы уже стары и дрянцо, а вы – героичны и благородны». Никогда этого шопота дьявола не было разобрано. Некрасов, член английского клуба, партнер миллионеров, толкнул их более, чем кто-нибудь, стихотворением: «Отведи меня в стан *погибающих*». Это стихотворение поистине все омочено в крови. Несчастнее нашего юношества, правда, нельзя никого себе вообразить. Тут проявляется вся наша действительность, «похожая (по безмыслию) на сон», поддерживавшая в юношах эту черную и горькую мысль («всеми оставлены»). В самом деле, что́ они видели и слышали от чугунных генералов, от замороженных статских советников, от «аршинников-купцов», от «всего (почти) российского народа». Но, может, они вспомнят старых бабушек, старых тётей... Вот тут просвет. Боже, как ужасна наша жизнь, как действительно мрачна.

Чуковский все-таки очень хороший писатель. Но это «хорошее» получает от него литература (закапывание трупов), но не останется на *нем* самом. Дело в том, что он очень полезен, но он не есть прелестный писатель; а в литературе это – *всё*.

Но он не есть дурной человек, как я его старался выставить (портрет Репина).

(СПб. - Киев, вагон)

Человек стоит на двух якорях: родители, их «дом», его младенчество – это один якорь. «Первая любовь», 13–14 лет – есть перелом; предвестие, что потянул «другой якорь»... Исход и – венец; пристань «отчала» и пристань «причала». «Причал» *окончательный* – могила; и замечательно, что уже любовь подводит к ней. Но любовь – это «опять рожу» и стану для детей «пристанью *отчала*».

По этому *сложению жизни* до чего очевидно, что genitalia в нас важнее мозга. «Мозг» – это капитан; тот, кто правит. Но для «мореплавания», очевидно, важен не капитан, лицо сменяемое, или наемное, а вековечные «отчалы» и «причалы». Ост-Индская компания, во всяком случае, существовала не для удовольствия капитанов; и не для них – волжское пароходство и хлебная торговля.

Т. е. «красота личика», ей-ей, важнее «способностей ума» для барышни. Да так это и есть. Так оне и чувствуют. Но только – *оне*. А школа? вся организация воспитания? – «Зубри квадратные уравнения» и «реки Ю. Америки». «Да притоки-то Рио-де-Лаплаты не упусти». Но как понятно и даже как хорошо, это оне «опускают».

(Луга – Петербург, вагон)

Как «матерый волк» он наелся русской крови и, сытый, отвалился в могилу.

(о Щедрине, вагон)

Она *родила* и, след., имела *право родить*. «Мочь» нигде так не совпадает с «я *вправе*», как в деторождении.

Ваш же старик сказал: «Я *могу*, следовательно, я *должен*». Это он разумел о гофратах, отправляющихся поутру в должность; и еще о молодых людях, могущих («а следовательно...») удержаться от девушек. Положим – *так*. Но ведь *не иначе* будет и в рассуждении юношей: «Я *могу* с нею зачать ребенка, и, следовательно, я *должен* его зачать в ней». Что́ ответил бы на это Кенигсбергский мудрец?

(Луга – Петерб., вагон)

Что́ такое пафос égalité?* Стоя (в своем мнении) довольно высоко в литературе, я никогда не стал бы ни рваться к ней, ни избегать ее (égalité). «Мне все равно»... Но Поприщин рвался бы к égalité с испанским королем, и Бобчинскому, конечно, хотелось бы быть в égalité с губернатором. Что́ же это значит? Неужели поверить, что дух égalité есть тоска всего униженного, скорбящего о себе, всего «половинчатого» – до уравнения с *единицею*?

~

Дарвин, заявив égalité шимпанзе и человека, гораздо более трудился во «французском духе», чем в английском (как думали; думал Н. Я.Данилевский).

(Луга – Петербург, вагон)

Вот и я кончаю тем, что все русское начинаю ненавидеть. Как это печально, как страшно.

Печально особенно на конце жизни.

~

Эти заспанные лица, неметеные комнаты, немощеные улицы...

Противно, противно.

(Луга – Петерб., вагон)

И везде лукавство. «Почему этот соня к тому же вечно врет?».

(русские; Луга – Петерб., вагон)

А для чего иметь «друга читателя»? Пишу ли я «для читателя»? Пишу ли я «для читателя»? Нет, пишешь для себя.

– Зачем же печатаете?

– Деньги дают.

Субъективное совпало с внешним обстоятельством.

Так происходит литература. И только.

(Луга - Петерб., вагон)

Странник, вечный странник и везде только странник.

(Луга -- Петерб., вагон)

---

* Равенство *(фр.)*.

Что́ же была та стрела, которую постоянно чувствовал в моем сердце? И от которой, в сущности, и происходит вся моя литература.

Это – грех мой.

Через грех я познавал все в мире и через грех (раскаяние) относился ко всему в мире.

(Луга – Петербург; смотря в окно вагона)

Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна.

Потому что на земле единственное «в себе самом *истинное*» – это любовь.

~

Любовь исключает *ложь*: первое «я солгал» означает: «я уже *не люблю*», «я *меньше* люблю».

Гаснет любовь – и гаснет истина. Поэтому «истинствовать на земле» – значит постоянно и истинно любить.

(Луга – Петерб., вагон)

Слава – змея. Да не коснется никогда меня *ее* укус.

(за нумизматикой)

Лежать в теплом песке после купанья – это в своем роде стоит философии.

И лаццарони, вечно лежащие в песке, почему не отличная философская школа?

(за нумизматикой)

Русская церковь представляет замечательное явление. Лютеранство и католичество во многих отношениях замечательнее его, но есть отношения, в которых оно замечательнее их. Обратим внимание, что умы спокойные, как Буслаев, Тихонравов, Ключевский, как С.М. Соловьёв, – не искали *ничего в ней поправить*, и были совершенно ею удовлетворены. Вместе с тем это были люди верующие, религиозные, люди благочестивой жизни в самом лучшем смысле – в *спокойно*-русском. Они о религии специально ничего не думали, а всю жизнь трудились, благородствовали, созидали. Религия была каким-то боковым фундаментом, который поддерживал всю эту гору благородного труда. Нет сомнения, что, будь они «безверные», – они не были бы ни так благородны, ни так деятельны. Религиозный скептицизм они встрети-

ли бы с величайшим презрением. «Допросы» Православию начинаются ниже (или в стороне?) этого этажа: от умов более едких, подвижных и мелочных. Толстой, Розанов, Мережковский, Герцен – уже не Буслаев, с его вечерним тихим закатом. Это – сумятица и буря, это – злость и нервы. Может быть, кое-что и замечательное. Но не спокойное, не ясное, не гармоничное.

Православие в высшей степени отвечает гармоничному духу, но в высшей степени не отвечает потревоженному духу. В нем есть, говоря аллегорически, Зевс; в Александре Невском (опять аллегорически) оно получило себе даже «Марса». В «петербургском периоде» (славянофилы) – все строят храмы Александру Невскому, этому «Аресу» и вместе «Ромулу» Руси, отодвинув в сторону киевских подвижников. Итак, Марс и Зевс (*их стихии*) – вот Православие; но нет в нем Афродиты, нет Юноны, «госпожи дома», Сатурна и далекой мистики.

(на обороте полученного письма)

Недодашь чего – и в душе тоска. Даже если недодашь подарок.

(Девочка на вокзале, Киев, которой хотел подарить карандаш-«вставочку», но промедлил, и она с бабушкою ушла)

А девочка та вернулась, и я подарил ей карандаш. Никогда не видала, и едва мог объяснить, что за «чудо». Как хорошо ей и мне.

Кто с *чистою душою* сходит в землю? О, как нужно нам *очищение*.

(зима 1911 г.)

...там, может быть, я и «дурак» (есть слухи), может быть, и «плут» (поговаривают): но только той *широты* мысли, *неизмеримости* «открывающихся горизонтов», – ни у кого до меня, как у меня, не было. И «все самому пришло на ум» – без заимствования даже иоты. Удивительно. Я прямо удивительный человек.

(на подошве туфли; купанье)

Запутался мой ум, совершенно запутался...

Всю жизнь посвятить *на разрушение того*, что *одно* в мире люблю: была ли у кого печальнее судьба.

(лето 1911 г.)

Судьба *бережет* тех, кого она лишает славы.

(зима 1911 г.)

Воображают, что я «подделывался к начальству». Между тем как странная черта моей психологии заключается в таком сильном *ощущении пустоты около себя – пустоты, безмолвия* и *небытия* вокруг и *везде*, – что я едва знаю, едва *верю*, едва *допускаю*, что мне «современничают» другие люди. Это кажется невозможным и нелепым, но это – так.

Почему я так «не желаю известности» (или влияния) и так (иногда) тоскую (хотя иногда и хорошо от этого бывает на душе), что «ничего не вышло из моей литературной деятельности», никто за мной не идет, не имею «школы»?

Только из какого-то странного желания *счастья людям*. Судишь всегда «по себе» (и иначе невозможно). А «по себе» я и сужу, что нельзя быть иначе счастливым, как *имея именно мои мысли*. Я бы очень рад был, если бы «без меня обошлось»; и вот в этом случае хотя бы все то же точь-в-точь написал, что́ написал: но был бы уже вполне равнодушен, читают или не читают.

~

В этом смысле «желание влияния» есть втайне очень благородное чувство: *иметь себя другом всех* и *иметь себе другом целый мир*.

~

Только тогда не надо бы подписываться, а я подписываюсь. Это странно. Но, в смысле благополучия, «Розанова» ругали больше, чем «Розанова» хвалили: и ругали более уничижительно, мне кажется, даже более проницательно (*в некоторых точках*), нежели хвалили.

(за подбором этих заметок)

Он был не умен и не образован; точнее – не развит: но изумительно талантлив. «Взял» он что́ от Витте или не взял – я не знаю. Но он, безусловно, был честный человек: ибо с $^{1}/_{10}$ его таланта люди кончали «тайными советниками» и успокоивались на рентах и пенсиях. Он же умер если не нищим, то бедняком.

Но и не по этому одному он *безусловно честен*: было что́-то в нем неуловимое, в силу чего, даже взяв его за руку с вытащенным у меня носовым платком, я пожал бы ему руку и сказал бы: «Сережа, это что-то случайное: ведь я знал и знаю *сейчас*, что ты один из честнейших людей в России». И он расплакался бы слезами ангела, которыми вот никогда не заплачет «честный» Кутлер, сидящий на 6-тысячной пенсии.

(о Шарапове, когда он умер)

Я не спорщик с Богом и не изменю Ему, когда Он по молитве не дал мне «милости»: я *люблю* Его, *предан* Ему. И что́ бы Он ни делал – не скажу хулы, а только буду плакать *о себе*.

(грустное лето 1911; рука все не движется)

Душа православия – в даре молитвы. Тело его – обряды, культ. Но кто подумал бы, что, кроме обрядов, в нем нет ничего (Гарнак, дерптец-берлинец), – тот все-таки при всяческом уме *не понял бы в нем ничего*.

(лето 1911 г.)

Кто любит народ русский – не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь – одно. И только у русских это – *одно*.

(лето 1911 г.)

Никакого интереса к реализации себя, отсутствие всякой внешней энергии, «воли к бытию». Я – самый нереализующийся человек.

Несколько прекрасных писем от Горького этот год. Он прекрасный человек. Но если все другие «левые» так же видят, так же смотрят: то прежде всего против «нашего горизонта» какой это суженый горизонт! Неужели это правда, что разница между радикализмом и консерватизмом есть разница между узким и широким полем зрения, между «близорукостью» и «дальнозоркостью». Если так, то ведь, значит, мы победим? Между тем никакой на это надежды.

(лето 1911 г.)

Рок Горького – что он попал *в славу*, в *верхнее положение*. Между тем по натуре это – боец. С кем же ему бороться, если «все повалены», не с Грингмутом же, не с Катковым? Не с кн. Мещерским, о самом *бытии* которого Горький едва ли что́ знал.

И руки повисли.

Боец умер вне боя. Я ему писал об этом, но он до странности не понял ничего в этой мысли.

Трех людей я встретил умнее или, вернее, даровитее, оригинальнее, самобытнее себя: Шперка, Рцы и Фл–го. Первый умер мальчиком (26 л.), ни в чем не выразившись; второй был «Тентетников», просто гревший на сол-

нышке брюшко. «Иван Иванович, который играет на скрипке», – определял он себя (иносказательно, в одной статье). Замечательное в их *уме* или, вернее, – в их *душе*, в их *метафизической (до рождения) опытности*, – было то́, что они не знали ошибок; их суждения можно было принимать «вслепую», не проверяя, не раздумывая. Их слова, мысли, суждения, самые коротенькие, освещали часто целую мировую область. Все были почти славянофилы, но в сущности – не славянофилы, а *одиночки*, «я»...

Прочие из знаменитых людей, каких я встречал: Рачинский, Страхов, Толстой, Победоносцев, Соловьёв, Мережковский, – не были сильнее меня...

Мне почувствовалось что-то очень *сильное* и *самостоятельное* в Тигранове (книжка о Вагнере). Но мы виделись только раз, и притом я был в тревоге и не мог внимательно ни смотреть на него, ни слушать его. Об этом скажу, что «может быть, даровитее меня»...

Столпнер был *очень умен*, и *в отдельных суждениях* сильнее меня; но *в общем* сильнее меня не был.

Да... Еще сильнее себя я чувствовал Константина Леонтьева (переписка с ним).

Но над всеми перечисленными я имел преимущества хитрости (русское «себе на уме»), и, может быть, от этого не погиб (литературно), как эти несчастные («неудачники»). С детства, с моего испуганного и замученного детства, я взял привычку молчать (и вечно думать). Все молчу... и все слушаю... и все думаю... И дураков, и речи этих умниц... И все, бывало, во мне зреет, медленно и тихо... Я никуда не торопился, «полежать бы»... И от этой неторопливости, в то время как у них все «порвалось» или «не дозрело», у меня и не порвалось, и, я думаю, дозрело. Сравнительно с «Рцы» и Шперком как обширно развернулась моя литературная деятельность, сколько уже издано книг... Но за всю мою жизнь никакие печатные отзывы, никакие дифирамбы (в той же печати) не дали мне этой спокойной, хорошей гордости, как дружба и (я чувствовал) уважение (от Шперка – и любовь) этих трех людей.

Но какова судьба литературы: отчего же они так незнамениты, отвергнуты, забыты?

Шперк, точно предчувствуя свою судьбу, говаривал: «Вы читали (кажется) Грубера? Нет? Ужасно люблю отыскать что-нибудь его. *Меня вообще манят* писатели безвестные, оставшиеся незамеченными. Что́ были за люди? И так радуешься, встретив у них необычайную и преждевременную мысль». Как это просто, глубоко и прекрасно.

Еще помню его афоризм о детях: «Дети тем отличаются от нас, что воспринимают все с такою силою реализма, как это недоступно взрослым. Для нас «стул» есть подробность «мебели». Но дитя категории мебели не знает, и «стул» для него так огромен и жив, как не может быть для нас. От этого дети *наслаждаются миром* гораздо больше нас»...

Еще удивительное суждение: «Житейское правило, что *дети должны уважать родителей, а родители должны любить детей*, – нужно читать наоборот: родители именно должны *уважать детей* – уважать их своеоб-

разный мирок и их пылкую, готовую оскорбиться каждую минуту, натуру; а дети должны только *любить* родителей, – и уже непременно они будут любить их, раз почувствуют это *уважение к себе*».

Как это глубоко и как ново.

Толстой... Когда я говорил с ним, между прочим, о семье и браке, о поле, – я увидел, что во всем этом он путается, как переписывающий с прописей гимназист между «И», и «І» и «Й»; и, в сущности, ничего в этом не понимает, кроме того, что «надо удерживаться». Он даже не умел эту ниточку – «удерживайся» – развернуть в прядочки льна, из которых она скручена. Ни – анализа, ни способности комбинировать; ни даже *мысли*, одни восклицания. С этим нельзя взаимодействовать, это что-то imbécile*...

Должно быть, самой физиономией моей (красной) он, однако, приведен был к рассказу, как *знавал* попа, все плакавшего («грех») о том, что во время службы церковной, как только он входил в алтарь, то чувствовал возбуждение, и «он» подымался, а когда выходил на амвон (вон из алтаря) – то «он» опускался.

Воображаю испуг попа...

Действительно поразительно: какая-то «в самом деле» religio phalli, очутившаяся «островком» в море православия, в море христианства... «Служу *Богу*: и кровь *согревается* в жилах, и все во мне *подымается*, как на крыльях».

В С–ве то́ только интересное, что «бесенок сидел у него на плече» (в Балтийском море). Об этом стоило поговорить. Загадочна и *глубока* его тоска; то́, о *чем он молчал*. А слова, *написанное* – все самая обыкновенная журналистика («бранделясы»).

Он нес перед собою свою *гордость*. И она была – *ничто́*. Лучшее в себе, *грусть*, – он о ней промолчал.

Победоносцев был прекрасный человек; но ничем не выразил, что имел «прекрасный, *самородный, русский ум*». Был настолько обыкновенен, что не истоптал своего профессорства.

Перед ним у меня есть вина: я *не смел* о нем писать дурно после смерти. Хотя объективно там и есть правильное, – но я был в этих писаниях *неблагороден*. Рачинский был сухой и *аккуратный* ум, без всего нового и оригинального.

Литература (*печать*) прищемила у человека *самолюбие*. Все стали *бояться* ее; все стали *ждать* от нее. «Эти мошенники, однако, раздают монтионовские премии». И вот откуда выросла ее *сила*.

Сила ее оканчивается там, где человек *смежает на нее глаза*. «Шестая держава» (Наполеон о печати) обращается вдруг в серенькую, хилую деревушку, как только, повернувшись к ней спиною, – вы *смотрите на дела*, а не на ландкарту с надписью «шестая держава».

---

* Слабоумное *(фр.)*.

...а ведь по существу-то – Боже! Боже! – в душе моей вечно стоял монастырь.

~

Неужели же мне нужна была площадь?
Брррр...

Вот чего я совершенно и окончательно не знаю: «*что́-нибудь* я», или – *ничто*? Какой-то пар надувает меня, и тогда кажется, что «что́-то». Но «развивается длинный свиток» (Пушкин), и тогда выходит – «ничто».

(СПб. – Киев, вагон)

«Что́ ты все думаешь о себе. Ты бы подумал о людях».
– Не хочется.

(СПб. – Киев, вагон)

Ах, люди: пользуйтесь каждым-то вечерком, который выйдет ясным. Скоро жизнь проходит, пройдет, и тогда скажете: «насладился бы», а уж нельзя: боль есть, грусть есть, «некогда»! Нумизматика – хорошо и нумизматику; книга – пожалуй, и книгу.

Только не пишите ничего, не «старайтесь»: жизнь упустите, а написанное окажется «глупость» или «не нужно».

Да, может быть, и неверен «план здания»: но уже оно бережет нас от дождя, от грязи: и как *начать рубить* его?

(вагон; о церкви)

Голова моя качается под облаками.
Но как слабы ноги.

~

Во *многих отношениях* я понимаю язычество, юдаизм и христианство полнее, *сердцевиннее*, чем они понимались в классическую пору расцвета собственными исповедниками.

И между тем я только «житейский человек сегодняшнего дня», – со всеми его слабостями, с его великим антиисторическим «не хочется»...

Но тут тайна диалектики: «мой сегодняшний день», в который я уперся с силою, как, я думаю, никто *до меня*, – и дал мне всю силу и все проницание. Так что «из слабости *изошла сила*», и «от *такой* силы – *вышла обратно слабость*».

«Текущее поколение» не то́ чтобы не имеет «большого значения»: но – и совершенно *никакого*. Минет 60 лет, «один вздох истории», и от него останется не больше, чем от мумий времен Сезостриса. Что́ мы знаем о людях 20-х годов (XIX-го в.)? Только одно то, что́ говорил Пушкин. Вот *его* каждую строчку знаем, помним, учимся над нею. А его «современники» и существовали *для своего времени*, для нашего же ровно *никак* не существуют. Из этого вывод: живи и трудись *как бы никого не было*, как бы не было у тебя вовсе «современников». И если твой труд и мысли ценны – они одолеют все, что вокруг тебя ненавидит тебя, презирает, усиливается затоптать. Сильнейший и есть сильнейший, а слабейший и есть слабейший. Это мать «друга» говоривала (в Ельце): «Правда светлее солнца».

И живи для нее; а люди пусть идут куда знают.

– Что же ты любишь, чудак? – Мечту свою.

(вагон; о себе)

Когда я сижу у д-ра, то всегда сижу на уголке стула, и мысленно шепчу: «Не хочется ли вам выдрать меня за ухо – пожалуйста», или «дать пощечину – пожалуйста, пожалуйста, я терпелив, и даже с удовольствием, но только уж после этого постарайтесь и вылечите». Почему-то у меня о всех болезнях существует представление, что оне неизлечимы, и от этого я так трепетал всегда звать доктора; t^{o} уже 39, бред, – «ну, это так, это простуда, сейчас aspirini 5 gr., уксусом растереть, горчишник, слабительное», и вообще «домашнее», и «пройдет». А «позвал д-ра» – это *болезнь*, и почему-то всегда идея – «она неизлечима». А у доктора Рентельна, перед 3-ей операцией, я только согнул тело, чтобы иметь вид сидящего, у самой двери, но не дотронулся до сиденья. Он говорил медленно:

«Фистула... и нужно отрезать шейку матки... И вообще уменьшить, пообчистить (срезая?!!) матку».

Но, Боже мой: *рак* всегда и появляется «на шейке матки», и раз ее «отрезать» – значит, рак...

Как я тогда дотащился до дому, не помню...

Вот и совсем прошла жизнь... Остались немногие хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные.

Как все становится не нужно: Боже, до чего не нужно. Это главное ощущение старости. Особенно – вещи, предметы; одежда, мебель, обстановка.

Каков же *итог* жизни?

Ужасно мало смысла. Жил, когда-то *радовался*: вот главное. «Что вышло?». Ничего особенного. И особенно как-то *не нужно*, чтобы что-нибудь «вышло». Безвестность – почти самое желаемое.

~

Что́ самое лучшее в прошедшем и давнопрошедшем? Свой хороший и мало-мальски порядочный поступок. И еще – добрая встреча: т. е. узнание доброго, подходящего, милого человека. Вот это в старости ложится светлой, светлой полосой, и с таким утешением смотришь на эти полосы, увы, немногие.

Но шумные удовольствия (у меня немного)? так называемые «наслаждения»? Они были приятны только в момент получения, и не имеют никакого значения для «потом».

Только в старости узнаешь, что «надо было хорошо жить». В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте – не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении – единственный «светлый гость» в «комнату» (в душу).

(глубокой ночью)

Да что́ же и дорого-то в России, как не старые церкви. Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок «не очень», и священник тоже «не очень», все с грешком, слабенькие. А *тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно*? Хоронили *тут* мамашу, братцов; похоронят меня; будут тут же жениться дети; все *тут*... Все *важное*... И вот люди надышали *тепла*.

В «друге» Бог дал мне встретить человека, в котором я никогда не усомнился, никогда не разочаровался. Забавно, однако, что не проходило дня, чтобы мы не покричали друг на друга. Но за вечерний час никогда не переходила наша размолвка. Обычно я или она через $^1/_2$ часа уже подходили с извинением за грубость (выкрик).

Никогда, никогда между нами не было гнева или неуважения.

Никогда!!! И ни на один *полный день*. Ни разу за 20 лет день наш не закатился в «разделении»...

(глубокой ночью)

Тихие темные ночи...
Испуг преступленья...
Тоска одиночества...
Слезы отчаянья, страха и пота труда.
Вот ты, религия...

Помощь согбенному...
Помощь усталому...
Вера больного...
Вот твои корни, религия...
Вечные, чудные корни...

(за корректурой фельетона)

«Все произошло через плаценту», – сказал Шернваль. В 17 $^{1}/_{2}$ лет, – когда *в этих вещах* она и теперь, в 47 лет, как ребенок. «Отчего рука висит?!» – и никакой другой заботы, кроме руки. Доктор насмешливо: «Вот больше всего их беспокоит рука. Но ведь это же ничего, у вас даже и недвижна-то *левая*»...

И курит папироску в какой-то задумчивости.

Болит душа, болит душа, болит душа...
И что́ делать с этой болью – я не знаю.
Но только *при боли* я и согласен жить... Это есть самое дорогое мне и во мне.

(глубокой ночью)

Уже года за три до 1911 г. мой безымянный и верный друг, которому я всем обязан, говорил:

– Я чувствую, что недолго еще проживу... Давай эти немногие годы проживем хорошо...

И я весь замирал. Едва слышно говорил: «Да, да!».

Но в действительности этого «да» не выходило.

ВАША МАМА

(детям)

– Я отрезала косу, потому что она мне не нужна.

Чудная каштановая коса. Теперь волосы торчат, как мышиный хвостик.

– Зачем? И не спросясь! Это *мне обида*. Точно ты что *бросила от себя*, и такое, что было *другим хорошо*...

– Я все потеряла. Зачем же мне коса? Где моя шея? где мои руки? Ничего не осталось. И я бросила косу.

(В день причастия, поздно вечером.)

Мне же показалось это, как и все теперь кажется, каким-то предсмертным жестом.

(25 февраля 1911 г.)

К 56-ти годам у меня 35 000 руб. Но «друг» болеет... И все как-то не нужно.

Все же у нее «другом» был действительно *я*: у меня одного текут слезы, текут и не могут остановиться...

Дети... Как мало им нужны родители, когда они сами входят в возраст: товарищи, своя жизнь, будущее – так это волнует их...

Когда мама моя умерла, то я только то́ понял, что можно закурить папиросу открыто. И сейчас закурил. Мне было 13 лет.

20 лет как «журчащий свежий ручеек» я бежал около гроба...

И еще раздражался: отчего вокруг меня не весело, не цветут цветы. И так поздно узнать все...

...да, я приобрел «знаменитость»... О, как хотел бы я изодрать зубами, исцарапать ногтями эту знаменитость, всадить в нее свой гнилой зуб, последний зуб.

И все поздно...

О, как хотел бы я вторично жить, с единственной целью – *ничего не писать*.

Эти строки – они отняли у меня все; они отняли меня у «друга», ради которого я и должен был жить, хотел жить, хочу жить.

А «талант» все толкал писать и писать.

(глубокой ночью)

И бредет-бредет моя бродулька по лестнице, все ступает вперед одной правой ногой, меня не видит за поворотом, а я вижу: лицо раскраснелось, и оживленно говорит поддерживающей горничной: «Вот... (не помню) сегодня внесла сто рублей доктору. Ободрала совсем В. В-ча». – «Совсем ободрала, – смеюсь я сверху, сбегая вниз. – Какие же сто рублей ты внесла: внесу *я*, и *не* сегодня, а только на этой неделе».

Но для нее одна забота, вперед бегущая за семь дней, что на болезнь ее выходит много денег. Она засмеялась, и мы и больно и весело вошли в прихожую. Ах, моя бродулька, бродулька: за твердую походку я дал бы тысячи... и *за все здоровье* отдал бы *все*.

«Этого мне теперь уж ничего не нужно. Нужно, чтобы ты был здоров и дети устроены и поставлены».

(3-го ноября 1911, перед консилиумом, в ответ на обещание, в котором много лет отказывал, – насчет рисовки монет)

Я говорил о браке, браке, браке... а ко мне шла смерть, смерть, смерть.

Страшное одиночество за всю жизнь. С детства. Одинокие души суть затаенные души. А затаенность – от порочности. Страшная тяжесть одиночества. Не от этого ли боль?

Не только от этого.

27 ноября скончалась, 85 лет от роду, в Ельце, «наша бабушка», – *Александра Андрияновна Руднева*, урожденная Жданова. Ровно 70 лет она несла труд для других, – уже в 15 лет определив себе то́ замужество, которое было бы удобнее для оставшегося на руках ее малолетнего брата. Оба – круглые сироты. И с этого времени, всегда веселая, только «бегая в церковь», уча окружающих ребят околицы – «грамоте, Богу, Царю и отечеству», ибо в «ѣ» была сама не тверда, – она как нескончаемая свечка катакомб (свечка клубком) светила, грела, ласкала, трудилась, плакала – много плакала (††...) – и только «церковной службой» вытирала глаза себе (утешение). Пусть эта книга будет посвящена ей; и *рядом с нею* – моей бедной матери, *Надежде Васильевне Розановой.*

Она была совсем другою. Вся истерзанная, – бессилием, вихрем замутненных чувств... Но она не знала, что когда потихоньку вставала с кровати, где я с нею спал (лет 6–7–8): то я не засыпал еще и слышал, как она молилась за всех нас, безмолвно, потом становился слышен шопот... громче, громче... пока возгласы не вырывались с каким-то свистом (легким).

А днем опять суровая и всегда суровая. Во всем нашем доме я не помню никогда улыбки.

Томительно, но не грубо свистит вентилятор в коридорчике: я заплакал (почти): «Да вот чтобы слушать его – я хочу еще жить, а главное, *друг* должен жить». Потом мысль: «Неужели он (*друг*) на том свете не услышит вентилятора», и жажда бессмертия так схватила меня за волосы, что я чуть не присел на пол.

(глубокой ночью)

О доброте нашего духовенства: сколько я им корост засыпал за воротник. Но между теми, *кто знал меня*, да и *из незнавших многие* отнеслись, «отвергая мои идеи», враждуя с ними в печати и устно, – не только добр ко мне, но

и любяще (Устьинский, Филевский, цензор Лебедев, Победоносцев, М.П. Соловьёв, свящ. Дроздов, Акимов, Целиков, проф. Глубоковский, Н.Р. Щербова, А.А. Альбова). Исключением был только С.А. Рачинский, *один*, который «возненавидел брата своего» (после статей о браке в «Рус. Труде» и в «С.-Петерб. Ведом.»). Чего: Гермоген, требовавший летом отлучить меня, в ноябре – декабре *дважды* просился со мной увидеться. Епископ Сергий (Финляндский), знавший (из одного ему пересланного Федоровым письма моего) о «всем возмутительном моем образе мыслей», – тем не менее, когда «друг» лежал в Евангелической (лютеранской) больнице после 3-ей операции, приехал посетить ее, и приехал по заботе митрополита Антония, *вовсе ее ни разу не видавшего*, и который и меня-то раза 2–3 видел, без всяких интимных бесед. И везде – деликатность, везде – тонкость: после такой моей *страшной вражды к ним* – и совершенно *непереносимых обвинений*. Но светские: какими они ругательствами («Передонов», «двурушник», «с ним нельзя садиться за один стол и вести одну работу», etc., etc.) меня осыпали, едва я проводил рукою «против шерстки» их партии. Из этого я усмотрел, до чего Церковь *теплее* светской жизни en masse*: сердечнее, душевнее, примиреннее, прощающее. И если там был огонь (инквизиция), то все-таки это не плаха позитивистов: холодная и с *холодным железом*...

И я бросился (1911 г., конец) к Церкви: одно в *мире теплое, последнее теплое* на земле...

Вот моя биография и судьба.

(9 декабря 1911)

P. S. Религиозный человек выше мудрого, выше поэта, выше победителя и оратора. «Кто молится» – победит всех, и *святые* будут победителями мира.

Иду в Церковь! Иду! Иду!

(тот же день и час)

P. P. S. Никогда моя нога не будет на одном полу с позитивистами, никогда! никогда! И никогда я не хочу с ними дышать воздухом одной комнаты!

P. P. P. S. Лучше суеверие, лучше глупое, лучше черное, но *с молитвой*. Религия, или – ничего. Это борьба и крест, посох и палица, пика и могила.

Но я верю, «святые» победят.

P. P. P. P. S. Лучшие люди, каких я встречал, — нет, каких я *нашел* в жизни: «друг», великая «бабушка» (Ал. Андр. Руднева), «дяденька», Н.Р.Щербова, А.А.Альбова, свящ. Устьинский, – все были *религиозные* люди; глубочайшие умом, Флоренский, Рцы, – религиозны же. Ведь это что-нибудь да значит? Мой выбор *решен*.

---

* В целом *(фр.)*.

Молитва – и ничего.
Или:
Молитва – и игра.
Молитва – и пиры.
Молитва – и танцы.
Но в сердцевине всего – молитва.
Есть «молящийся человек» – и можно все.
Нет «его» – и ничего нельзя.
Это мое «credo», – и да сойду я с ним в гроб.

Я начну великий танец молитвы. С длинными трубами, с музыкой, со всем: и *все будет дозволено*, потому что *все будет замолено*. Мы *все сделаем*, потому что после всего *поклонимся Богу*. Но не сделаем лишнего, сдержимся, никакого «карамазовского»: ибо и «в танцах» мы будем помнить Бога и не захотим огорчить Его.

«С нами Бог» – это вечно.

Торг, везде торг, в литературе, в политике, – торг о *славе*; торг о *деньгах*: а упрекают попов, что они «торгуют восковыми свечами» и «деревянным маслом». Но у этих «торг» в $^{1}/_{10}$, и они необразованны: а у светских в $^{9}/_{10}$, хотя они и «просвещены».

(13 декабря 1911 г.)

Почему я так сержусь на радикалов?
Сам не знаю.
Люблю ли я консерваторов?
Нет.
Что со мною? Не знаю. В каком-то недоумении.

(14 декабря 1911 г.)

26-го августа 1910 г. я сразу состарелся.
20 лет стоял «в полдне». И сразу 9 часов вечера.
Теперь ничего не нужно, ничего не хочется. Только могила на уме.

(14 декабря 1911 г.)

Никакого интереса в будущем.

Потому что никакого интереса уже не разделит «друг». Интерес нужен «вдвоем»: для *одного* – нет интереса.

Для «одного» – могила.

(14 декабря 1911 г.)

Действительно, я чудовищно ленив читать. Напр., Философова статью о себе (в сборнике) прочел 1-ую страницу; и только этот год, прибирая книги после дачи (пыль, классификация), – наткнулся, раскрыл и прочитал, не вставая с полу, остальное (много верного). Но отчего же втайне я так мало читаю?

1000 причин; но главная – все-таки это: мешает думать. Моя голова, собственно, «закружена», и у меня нет сил выйти из этой закруженности.

Я жадно (безумно) читал в гимназии: но уже в университете дальше начала книг «не ходил» (Моммзен, Блюнчли).

Собственно, я родился странником; странником-проповедником. Так в Иудее, бывало, «целая улица пророчествует». Вот я *один* из таких; т.е. людей *улицы* (средних) и «во пророках» (без миссии *переломить*, напр., судьбу народа). «Пророчество» не есть у меня *для русских*, т. е. факт истории нашего народа, а мое *домашнее обстоятельство*, и относится *только до меня* (без значения и влияния); есть частность моей биографии.

Я решительно не могу остановиться, удержаться, чтобы не говорить (писать): и все мешающее отбрасываю нетерпеливо (дела житейские) или выраниваю из рук (книги).

Эти говоры (шопоты) и есть моя «литература». Отсюда столько ошибок: дойти до книги и раскрыть ее и справиться – для меня труднее, чем написать целую статью. «Писать» – наслаждение: но «справиться» – отвращение. Там «крылья несут», а тут – должен работать: но я вечный Обломов.

И я утешался в этом признанном положении, на которое *все дали свое согласие*: что ведь вообще *«мир есть мое представление»*. По этому тезису я вовсе и не обязан «справляться» и писать верно историю и географию: а писать «как мне представляется». Не будь Шопенгауэра, мне, может, было бы стыдно: а как есть Шопенгауэр, то мне «слава Богу».

Из Шопенгауэра (пер. Страхова) я прочел тоже только первую половину первой страницы (заплатив 3 руб.): но на ней-то *первою строкою* и стоит это: «*Мир есть мое представление*».

– Вот это хорошо, – подумал я по-обломовски. – «*Представим*», что дальше читать очень трудно и вообще для меня, собственно, не нужно.

(14 декабря 1911 г.)

Могила... знаете ли вы, что смысл ее победит целую цивилизацию...

Т. е. вот равнина... поле... ничего нет, никого нет... И этот горбик земли, под которым зарыт человек. И эти два слова: «зарыт человек», «человек умер» – своим потрясающим смыслом, своим великим смыслом, стонающим... преодолевают всю планету, и важнее «Иловайского с Атиллами».

Те все топтались... Но «человек умер», и мы даже не знаем *кто*: это до того ужасно, слезно, отчаянно... что вся цивилизация в уме точно перевертывается, и мы не хотим «Атиллы и Иловайского», а только сесть на горбике (†) и выть на нем униженно, собакою...

О, вот где *гордость* проходит.

Проклятое свойство.

Недаром я всегда так ненавидел тебя.

(14 декаб. 1911)

Как-то везут гроб с позументами и толпа шагает через «мокрое» и цветочки, упавшие с колесницы: спешат, трясутся. И я, объезжая на извощике и тоже трясясь, думал: так-то вот повезут Вас. Вас–ча; живо представилось мне мое глуповатое лицо, уже тогда бледное (теперь всегда красное), и измученные губы, и бороденка с волосенками, такие жалкие, и что публика тоже будет ужасно «обходить лужи» и ругаться, обмочившись, а другой будет ужасно тосковать, что нельзя закурить, и вот я из гроба ужасно ему сочувствую, что «нельзя закурить», и не будь бы отпет и вообще такой официальный момент, когда я «обязан лежать», то подсунул бы ему потихоньку папироску.

Знаю по собственному опыту, что именно на похоронах хочется до окаянства курить...

И вот везут-везут, долго везут: «Ну, прощай, Вас. Вас., плохо, брат, в земле; и плохо ты, брат, жил: легче бы лежать в земле, если бы получше жил. С *неправдой-то*»...

Боже мой: как с *неправдой* умереть.

А я с *неправдой*.

(14 декаб. 1911)

Да: может быть, мы всю жизнь живем, чтобы *заслужить могилу*. Но узнаем об этом, только подходя к ней: раньше «и на ум не приходило».

(14 декаб. 1911)

60 раз только, в самом счастливом случае, я мог простоять в Великий Четверток «со свечечками» всенощную: как же я мог хоть *один* четверг пропустить?!!

Боже: да и Пасох 60!!! Так мало. Только 60 Рождеств!!! Как же можно из этого пропустить хоть одно?!!

Вот основание «ходить в церковь» – и «правильного круга жизни», с родителями, с женой, с детьми.

Мне вот 54: а я едва ли был 12 раз «со свечечками».

И все поздно: мне уже 56 лет!

(14 декаб. 1911)

Как пуст мой «бунт против христианства»: мне надо было хорошо жить, и были даны для этого (20 лет) замечательные условия. Но я все испортил своими «сочинениями». Жалкий «сочинитель», никому, в сущности, не нужный, – и поделом, что не нужный.

(14 декаб. 1911)

Церковь есть единственно поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы ее разрушить.

И как хорошо, что не удалось.

Да чем была бы *земля* без церкви? Вдруг обессмыслилась бы и похолодела.

Цирк Чинизелли, Малый театр, Художественный театр, «Речь», митинг и его оратор, «можно приволокнуться за актрисой», тот умер, этот родился, и мы все «пьем чай»: и мог я думать, что этого «довольно». Прямо этого я не думал, но косвенно думал.

(14 декаб. 1911)

Пусть Бог продлит мне 3–4–5 лет (и «ей»): зажгу я мою «соборованную свечу» и уже не выпущу ее до могилы. Безумие – моя прежняя жизнь; недаром «друг» так сопротивлялся сближению с декадентами. Пустые люди, без значения, не нужные России. «Слава литераторов да веет над нами». Пусть некоторые и талантливые, да это все равно. Все равно с точки зрения Костромы, Ельца, конкретного, жизненного. Мое дело было быть с Передольским, Титовым, Максимовым («Куль хлеба»); вот люди, вот русские. А «стишки» пройдут, даже раньше, чем истлеет бумага.

(14 декаб. 1911)

Несите, несите братцы: что делать – помер. Сказано: «Не жизнь, а жисть». Не трясите очень. Впрочем, не смущайтесь, если и тряхнете. Всю жизнь трясло. Покурить бы, да неудобно: официальное положение. Покойник в гробу должен быть «руки по швам». Я всю жизнь «руки по швам» (чорт знает перед кем). Закапывайте, пожалуйста, поскорее, и убирайтесь к чорту с вашей официальностью. Непременно в земле скомкаю саван и коленко выставлю вперед. Скажут: «Иди на страшный суд». Я скажу: «Не пойду». – «Страш-

но?». – «Ничего не страшно, а просто не хочу идти. Я хочу курить. Дайте адского уголька зажечь папироску». – «У вас Стамболи?». – «Стамболи». – «Здесь больше употребляют Асмолова. Национальное».

(15 декаб. 1911)

– Ну, а девчонок не хочешь?

– Нет.

– Отчего же?

– Вот прославили меня: я и «там» если этим делом и баловался, то, в сущности, для «опытов». Т. е. наблюдал и изучал. А чтобы «для своего удовольствия» – то почти и не было.

– Ну и вывод?

– Не по департаменту разговор. Перемените тему.

(16 декаб. 1911)

1½ года полуживу. Тяжело, печально. Страшно. Несколько месяцев не вынимал монет (античн., для погляденья). Только вырабатываю 50–80 р. «недельных»: но никакого интереса к написанному.

(16 декаб. 1911)

Ну, вот и он дачку себе в Крыму купил (Г. С. П.). Когда несчастный Рцы, загнанный нуждой и болезнями детей, пошел в «Россию», он, захлебываясь в славе и деньгах, злорадно написал мне: «*Рцы* – в «России»», и оправдал тургеневское изречение: «Всякий в конце концов *попадает на свою полочку*». Т. е. где же *такому гаду, как Рцы, и быть*, как не в сыромятниковской «России», правительственном органе. Но вот он теперь с именьем на южн. берегу Крыма тоже попал «на свою полочку».

(16 декаб. 1911)

Печать – это пулемет, из которого стреляет идиотический унтер. И скольких Дон-Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Да и вовсе не доберутся *никогда*.

Finis и могила.

(16 декабря 1911)

«Общественность», – кричат везде, – «возникновение в литературе общественного элемента», «пробуждение общественного интереса».

Может быть, я ничего не понимаю: но когда я встречаю человека с «общественным интересом», то́ не то чтобы скучаю, не то чтобы враждую с ним: но просто умираю около него. «Весь смолкнул» и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души.

Умер.

И пробуждаюсь, открываю глаза, когда догадываюсь или подозреваю, что «общественность» выскочила из человека (соседа, ближнего).

В гимназии, когда «хотелось дать в морду» или обмануть, – тоже хотелось без «общественности», а просто потому, что печально самому и скверно вокруг.

И «социального строя» хотелось без «общественности», а просто: «тогда мы переедем на другую улицу» и «я обзаведусь девчонкою» (девчонки всегда хотелось, – гимназистом).

Отчего же я так задыхаюсь, когда говорят об «общественности»? А вот точно говорят о перелете галок. «Полетели к северу», «полетели к югу».

– Ах, летите, матушки, куда угодно: мне-то какое дело.

Или: «люди идут к целям»: но я знаю, что всякое «идут» обусловлено *дорогой*, а не тем, *кто* «идут». И вот отчего так скучны эти галчата.

~

И потом я не выношу самого шума. А где галки – всегда крик.

(18 декабря 1911 г.)

Как Бог меня любит, что дал «ее» мне.

(19 декабря 1911 г.)

Закатывается, закатывается жизнь. И не удержать. И не хочется удерживать.

Как все изменилось *в мысли* соответственно этому *положению*.

Как теперь не хочется веселья, удовольствий. О, как не хочется. Вот *час*, когда добродетель слаще наслаждений. Никогда не думал, никогда не предполагал.

(21 декабря 1911 г.)

Кончил рождественскую статью. «Друг» заснул... Пятый час ночи. И в душе – Страстная Пятница...

(23 декабря 1911 г.)

Если кто будет говорить мне похвальное слово «над раскрытою могилою», то я вылезу из гроба и дам ему пощечину.

(28 декабря 1911 г.)

Никакой человек не достоин похвалы. Всякий человек достоин только жалости.

(29 декабря 1911 г.)

P. S. *«За нумизматикой»:* определение, классификация и описание античных монет требует чрезвычайного внимания *глаза, рассматривания* (в лупу) и – работы *памяти, припоминания* (аналогичные монеты и изображения). Но – *оставляет свободным* воображение, мысль, также гнев или нежность. Тогда, положив монету и лупу, – «записывалось» то, что протекло в душе, «вот этот миг», эти «двадцать минут»...

P. P. S. *«На обороте транспаранта»:* т. е. когда писалась одна статья, но во время уже писания являлась совсем другая, к писанию не относящаяся мысль: и тогда, быстро вынув транспарант, на обороте его записывалась эта «другая мысль».

P. P. P. S. «Слава», «знаменитость» и подобные термины – в смысле «общерусская *распространенность*», «общерусская *известность*», происходящая от участия в *общераспространенной газете* (в Пятигорске хозяин Лермонтовского домика, оказывается, преспокойно уже «знал меня»: а он был старенький, полуумирающий чиновничек в отставке. Жив ли?).

Опавшіе Листья

В. Розановъ.

С.-Петербургъ
1913

Я думал, что все бессмертно. И пел песни.
Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла.

(три года уже)

Сильная любовь кого-нибудь одного делает ненужным любовь многих.

Даже не интересно...

Что́ значит, когда «я умру»?
Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст ее новому жильцу.
Еще что́?
Библиографы будут разбирать мои книги.
А я *сам*?
Сам? – *ничего.*

Бюро получит за похороны 60 руб., и в «марте» эти 60 руб. войдут в «итог». Но там уже все сольется тоже с другими похоронами; ни имени, ни воздыхания.

Какие ужасы!

Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего *бессилия,* глубокой ограниченности. Молитва – где «я не могу»; где «я могу» – нет молитвы.

Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют.

«Прибавляет» только теснейшая и редкая симпатия, «душа в душу» и «один ум». Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает.

И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее.

(за утрен. чаем)

И бегут, бегут все. Куда? зачем?

– Ты спрашиваешь, зачем мировое volo?*

Да тут – не volo, а скорее ноги скользят, животы трясутся. Это скэтинг-ринг, а не жизнь.

(на Волково)

Да. Смерть – это *тоже религия. Другая религия.*

~

Никогда не приходило на ум.

. . . . . .

Вот арктический полюс. Пелена снега. И ничего нет. Такова смерть.

. . . . . .

Смерть – конец. Параллельные линии сошлись. Ну, уткнулись друг в друга, и ничего дальше. Ни «самых законов геометрии».

~

Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды два – *ноль*».

(смотря на небо в саду)

Мне 56 лет: и помноженные на ежегодный труд – дают *ноль*.

Нет, больше: помноженные на *любовь*, на *надежду* – дают *ноль*.

~

Кому этот «ноль» нужен? Неужели Богу? Но тогда кому же? Зачем?

Или неужели сказать, что смерть *сильнее* самого Бога. Но ведь тогда не выйдет ли: *она сама* – Бог? *на Божьем месте?*

Ужасные вопросы.

~

Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь.

Смерть «бабушки» (Ал. Адр. Руд.) изменила ли что-нибудь в моих соотношениях? Нет. Было жалко. Было больно. Было *грустно за нее*. Но *я* и «со мною» – ничего не переменилось. Тут, пожалуй, еще больше грусти: как смело «со мною» не перемениться, когда умерла она? Значит, она мне *не нужна*? Ужасное подозрение. Значит, вещи, *лица* и имеют соотношение, пока живут, но нет соотношения *в них, так сказать, взятых от подошвы до вершины,* метафизической подошвы и метафизической вершины? Это *одиночество вещей* еще ужаснее.

---

* Хочу *(лат.)*.

~

Итак, мы с мамой умрем и дети, *погоревав,* останутся жить. В мире ничего не переменится: ужасная перемена *настанет только для нас.* «Конец», «кончено». Это «кончено» не относительно подробностей, но *целого, всего* – ужасно.

~

Я кончен. Зачем же я *жил*?!!!

Если бы не любовь «друга» и вся история этой любви, – как обеднилась бы моя жизнь и *личность.* Все было бы пустой идеологией интеллигента. И, верно, все скоро оборвалось бы.

...о *чем* писать?
Все написано *давно* (*Лерм.*).

Судьба с «другом» открыла мне бесконечность тем, и все запылало личным интересом.

Как *самые счастливые* минуты в жизни мне припоминаются те, когда я видел (слушал) людей счастливыми. Стаха и Алек. Пет. П–ва, рассказ «друга» о первой любви ее и замужестве (кульминационный пункт моей жизни). Из этого я заключаю, что я был рожден *созерцателем,* а не *действователем.*

~

Я пришел в мир, чтобы *видеть,* а не *совершить.*

Что́ же я скажу (на т. с.) Богу о том, что Он послал меня увидеть?
Скажу ли, что мир, им сотворенный, прекрасен?
Нет.
Что́ же я скажу?

~

Б. увидит, что я плачу и молчу, что лицо мое иногда улыбается. Но Он ничего не услышит от меня.

Я пролетал около тем, но не летел на темы.
Самый полет – вот моя жизнь. Темы – «как во сне».
Одна, другая... много... и все забыл. Забуду к могиле.
На том свете буду без тем.
Бог меня спросит:
– Что́ же ты сделал?
– Ничего.

Нужно хорошо «вязать чулок своей жизни», и – не помышлять об остальном. Остальное – в «Судьбе»: и все равно *там* мы ничего не сделаем, а *свое* («чулок») испортим (через отвлечение внимания).

Эгоизм – не худ; это – кристалл (твердость, неразрушимость) около «я». И, собственно, если бы все «я» были в кристалле, то не было бы хаоса, и, след., «государство» (Левиафан) было бы почти не нужно. Здесь есть $^{1}/_{1000}$ правоты в «анархизме»: не нужно «общего», κοινόν: и тогда индивидуальное (главная красота человека и истории) вырастет. Нужно бы вглядеться, что́ такое «до-историческое существование народов»: по Дрэперу и таким же, это – «троглодиты», так как не имели «всеобщего обязательного обучения» и их не объегоривали янки; но по Библии – это был «рай». Сто́ит же Библия Дрэпера.

(за корректурой)

Проснулся...

Какие-то звуки... И заботливо прохожу в темном еще утре по комнатам.

С востока – светает.

На клеенчатом диванчике, поджав под длинную ночную рубаху голые ножонки, – сидит Вася и, закинув голову в утро (окно на восток), с книгой в руках твердит сквозь сон:

И ясны спящие громады
Пустынных улиц и светла
Адмиралтейская игла.
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...
Ад-ми-рал-тей-ска-я...

Не дается слово... такая «Америка»; да и как «игла» на улице? И он перевирает:

...светла
Адмиралтейская игла,
Адмиралтейская звезда,
Горит восточная звезда.

– Ты что́, Вася?

Перевел на меня умные, всегда у него серьезные глаза. Плоха память, старается, трудно, – потому и серьезен:

– Повторяю урок.
– Так нужно учить:

Адмиралтейская **игла**.

Это шпиц такой. В несколько саженей длины, т. е. высоты.
– Шпиц? Чтó это??
– Э... крыша. Т. е. на крыше. Все равно. Только надо: **игла**. Учи, учи, маленькой.
И повернулся. По дому – благополучно. В спину мне слышалось:

Ад-ми-рал-тей-ска-я звезда,
Ад-ми-рал-тей-ская игла.
.....

Не литература, а *литературность* ужасна; литературность души, литературность жизни. Тó, что всякое *переживание* переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается, – само *переживание* умерло, нет его. Температура (человека, тела) остыла от слова. Слово не возбуждает, о, нет! оно – расхолаживает и останавливает. Говорю об оригинальном и прекрасном слове, а не о слове «так себе». От этого после «золотых эпох» в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни, ее апатия, вялость, бездарность. Народ делается как сонный, жизнь делается как сонная. Это было и в Риме после Горация, и в Испании после Сервантеса. Но не примеры убедительны, а существенная связь вещей.

Вот почему литературы, в сущности, не нужно: тут прав К. Леонтьев. «Почему, перечисляя славу века, назовут все Гёте и Шиллера, а не назовут Веллингтона и Шварценберга». В самом деле, «почему»? Почему «век Николая» был «веком Пушкина, Лермонтова и Гоголя», а не веком Ермолова, Воронцова, и как их еще. Даже не знаем. Мы так избалованы книгами, нет – так завалены книгами, что даже не помним полководцев. Ехидно и дальновидно поэты назвали полководцев «Скалозубами» и «Бетрищевыми». Но ведь это же односторонность и вранье. Нужна вовсе не «великая литература», а великая, прекрасная и полезная жизнь. А литература мож. быть и «кой-какая», – «на задворках».
Поэтому нет ли провиденциальности, что здесь «все проваливается»? что – не Грибоедов, а Л.Андреев, не Гоголь – а Бунин и Арцыбашев. Может быть. М. б., мы живем в великом окончании литературы.

Листья в движении, но никакого шума. Все обрызгано дождем сквозь солнце. И мамочка сказала:
– Посмотри.

Я глядел и думал то́ же. Она же думала и сказала:
– Что может быть *чище* природы...
Она не говорила, но это была ее мысль, которую я продолжал:
– И люди и жизнь их уже не так чисты, как природа...
Мамочка сказала:
– Как природа невинна. И как поэтому благородна...

(лет восемь назад в саду)

~

Когда я прочел это мамочке, она сказала:
– Это было года четыре назад.
Это еще было до болезни, но она забыла: тому – лет восемь. Она прибавила:
– Ты теперь несчастен, и потому вспоминаешь о том, когда мы были счастливы.

~

Прихрамывая, несет полотняные туфли, потому что сапоги я снял и по ошибке поставил торжественно перед собою на перильцах балкона («куда-нибудь»).
И все хромает.
И все помогает.
– Как было нехорошо вчера без тебя. Припадок. Даже лед на голову клала (крайне редкое средство).

Иду. Иду. Иду. Иду...
И где кончится мой путь – не знаю.

~

И не интересуюсь. Что-то стихийное и не человеческое. Скорее, «несет», а не иду. Ноги волочатся. И срывает меня с каждого места, где стоял.

(окружной суд, об «Уединен.»)

После книгопечатания любовь стала невозможной.

~

Какая же любовь «с книгою»?

(собираясь на именины)

Сказать, что Шперка *теперь совсем нет на свете* – невозможно. Там, м. б., в платоновском смысле «бессмертие души» – и ошибочно: но для моих друзей оно ни в каком случае не ошибочно.

И не то чтобы «душа Шперка – бессмертна»: а его бороденка рыжая не могла умереть, «Бызов» его (такой приятель был) дожидается у ворот, и сам он на конке – направляется ко мне на Павловскую. Все как было. А «душа» его «бессмертна» ли: и – не знаю, и – не интересуюсь.

Все бессмертно. Вечно и живо. До дырочки на сапоге, которая и не расширяется, и не «заплатывается» с тех пор, как была. Это лучше «бессмертия души», которое сухо и отвлеченно.

Я хочу «на тот свет» прийти с носовым платком. Ни чуточки меньше.

16 мая 1912 г.

Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьёва и Рачинского. Не люблю их мысли, не люблю их жизни, не люблю *самой души.* Пытая, кажется, нахожу главный источник по крайней мере *холодности* и какого-то безучастия к ним – (странно сказать) в «сословном разделении».

Соловьёв если не был аристократ, то все равно был «в славе» (в «излишней славе»). Мне твердо известно, что тут – не зависть («мне все равно»). Но говоря с Рачинским об *одних мыслях* и будучи *одних взглядов* (на церковн. школу), – я помню, что все им говоримое было мне *чужое*; и то же – с Соловьёвым, то же – с Толстым. Я мог ими всеми тремя *любоваться* (и любовался), ценить их деятельность (и ценил), но никогда их *почему-то* не мог любить, не только много, но и ни капельки. Последняя собака, раздавленная трамваем, вызывала большее движение души, чем их «философия и публицистика» (устно). Эта «раздавленная собака», пожалуй, кое-что объясняет. Во всех трех не было абсолютно никакой «раздавленности», напротив, сами они весьма и весьма «давили» (полемика, враги и пр.). Толстой ставит то́ «3», то́ «1» Гоголю: приятное самообольщение. Все три вот и были самообольщены: и от этого не хотелось их ни любить, ни с ними «водиться» (знаться). «Ну, и успевайте, господа, – мое дело сторона». С детства мне было страшно врождено сострадание: и на этот главный пафос души во всех трех я не находил никакого объекта, никакого для себя «предмета». Как я любил и люблю Страхова, любил и люблю К.Леонтьева; не говоря о «мелочах жизни», которые люблю безмерно. Почти нашел разгадку: любить можно то́, или – того́, о ком сердце болит. О всех трех не было никакой причины «душе болеть», и от этого я их не любил.

~

«Сословное разделение»: я это чувствовал с Рачинским. Всегда было «все равно», что́ бы он ни говорил; как и о себе я чувствовал, что Рачинскому было «все равно», *что у меня в душе,* и он таким же отдаленным любленьем любил мои писания (он их любил, – по-видимому). Тут именно сословная страшная разница; другой мир, «другая кожа», «другая шкура». Но нельзя ничего понять, если припишешь зависти (было бы слишком просто): тут именно *непонимание* в смысле невозможности усвоения. «Весь мир другой: – *его,* и – *мой*». С Рцы (дворянин) мы понимали же друг друга с ½ слова, с

намека; но он был беден, как и я, «не нужен в мире», как и я (себя чувствовал). Вот эта «ненужность», «отшвырнутость» от мира ужасно соединяет, и «страшно все сразу становится понятно»; и люди не на словах становятся братья.

История не есть ли чудовищное *другое* лицо, которое проглатывает людей *себе в пищу*, нисколько не думая о их счастье. Не интересуясь им? Не есть ли мы – «я» в «Я»? Как все страшно и безжалостно устроено.

(в лесу)

Есть ли жалость в мире? Красота – да, смысл – да. Но жалость?

~

Звезды жалеют ли? Мать – жалеет: и да будет она выше звезд.

(в лесу)

Жалость – в маленьком. Вот почему я люблю маленькое.

(в лесу)

Писательство есть Рок. Писательство есть fatum. Писательство есть несчастие.

(3 мая 1912 г.)

...и, может быть, только от этого писателей нельзя судить *страшным* судом... *Строгим*-то их все-таки следует судить.

(4 мая 1912 г.)

1 р. 50 к.

– Я тебе, деточка, переложу подушку к ногам. А то от горячей печи голова разболится.

– Хорошо, папа. Но поставь стул (к изголовью).

Поставил.

И, улыбаясь, поднялась и, вынув что-то из-под подушки, бросила на решетку стула серебряный рубль.

– Я буду на него смотреть.

Я уже догадался: «рубль» мамочка дала, чтобы было «терпеливее» лежать.

Больна. 11 или 12 лет.

Варя в саду так и старается. Метлой больше себя сметает по дорожкам и перед балконом листья, бумажки и всякий сор, – чтобы бросить в яму.

– Хорошо, Варя.

Подняла голову. Вся красивая. Волосы как лен. Огромные серые глаза, с прелестью вечного недоумения в них, подпольного проказничества, и смелости. И чудный (от работы) румянец на щеках.

13 лет.

Это она зарабатывает свой полтинник. Больная мама говорит мне с кушетки:

– Ну, все-таки и моцион на воздухе.

Трем удовольствие, и всего обошлось в 1 р. 50 к.

~

Варю Таня (старшая, с нею в одной школе) зовет «белый коняшка» или «белый конёк». Она в самом деле похожа на жеребеночка. Вся большая, веселая, энергичная, – и от белых волос и белого цвета кожи ее прозвали «белым конём».

~

Это когда-то давно-давно, когда все были крошечные и в училища еще ни одна не поступала, – я купил, увидя на окне кондитерской на Знаменской (была страстная неделя) зверьков из папье-маше. Купил слона, жирафу и зебру. И принес домой, вынул «секретно» из-под пальто, и сказал:

– Выбирайте себе по одному, но такого зверя, чтобы он был похож на взявшего.

Они, минуту смотря, схватили:

Толстенькая и добренькая Вера, с милой улыбкой

– слона.

Зебру, – шея дугой и белесоватая щетинка на шее торчит кверху (как у нее стриженые волосы)

– Варя.

А тонкая, с желтовато-блёклыми пятнышками, вся сжатая и стройная жирафа досталась

– Тане.

Все дети были похожи именно на этих животных, – и в кондитерской я оттого и купил их, что меня поразило сходство по типу, по духу.

~

Еще было давно: я купил мохнатую собачонку, пуделя. И, не говоря ничего дома, положил под подушку Вере, во время вечернего чая. Когда она пошла спать, то я стал около лестницы, отделенной лишь досчатой стеной от их комнаты. Слышу:

– Ай!

– Ай! Ай! Ай!

– Что́ это такое? Что́ это такое?

Я прошел к себе. Не сказал ничего, ни сегодня, ни завтра. И на слова: «Не ты ли положил?» – отвечал что-то грубо и равнодушно. Так она и не узнала, как, что́ и откуда.

Толстой был гениален, но не умен. А при всякой гениальности ум все-таки «не мешает».

Ум, положим, – мещанинишко, а без «третьего элемента» все-таки не проживешь.

Надо ходить в чищеных сапогах; надо, чтобы кто-то сшил платье. «Илья-пророк» все-таки имел милоть, и ее сшил какой-нибудь портной.

Самое презрение к уму (мистики), т. е. к мещанину, имеет что-то на *самом конце своем* – мещанское. «Я такой барин» или «пророк», что «не подаю руки этой чуйке». Сказавший или подумавший так eo ipso* обращается в псевдо-барина и лже-пророка.

Настоящее *господство над умом* должно быть совершенно глубоким, совершенно в себе запрятанным; это должно быть субъективной тайной. Пусть Спенсер чванится перед Паскалем. Паскаль должен даже время от времени назвать Спенсера «вашим превосходительством», – и вообще не подать никакого вида о настоящей *мере* Спенсера.

Мож. быть, я расхожусь не с человеком, а только с литературой? Разойтись с человеком страшно. С литературой – ничего особенного.

Левин верно упрекает меня в «эготизме». Конечно – это *есть*. И даже именно от этого я и писал (пишу) «Уед.»: писал (пишу) в глубокой тоске как-нибудь разорвать кольцо уединения... Это именно кольцо, надетое с рождения.

Из-за него я и кричу: вот что *здесь*, пусть – *узнают*, если уже невозможно ни увидеть, ни осязать, ни придти на помощь.

Как утонувший, на дне глубокого колодца, кричал бы людям «там», «на земле».

. . . . . .

. . . . . .

Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рытвины.

– Что́ это? – ремонт мостовой?

---

* Вследствие этого *(лат.)*.

– Нет, это «Сочинения Розанова». И по железным рельсам несется уверенно трамвай.

(на Невском, ремонт)

Много есть прекрасного в России, 17-ое октября, конституция, как спит Иван Павлыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника – разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери.

И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие.

~

И лавка небольшая. Все дерево. По-русски. И покупатель – серьезный и озабоченный, – в благородном подъеме к труду и воздержанию.

~

Вечером пришли секунданты на дуэль. Едва отделался.

~

В чистый понедельник грибные и рыбные лавки первые в торговле, первые в смысле и даже в истории. Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского.

(первый день Великого Поста)

25-летний юбилей Корецкого. Приглашение. Не пошел. Справили. Отчет в «Нов. Вр.».

Кто знает поэта Корецкого? Никто. Издателя-редактора? Кто у него сотрудничает?

Очевидно, гг. писатели идут «поздравлять» всюду, где поставлена семга на стол.

Бедные писатели. Я боюсь, правительство когда-нибудь догадается вместо «всех свобод» поставить густые ряды столов с «беломорскою семгою». «Большинство голосов» придет, придет «равное, тайное всеобщее голосование». Откушают. Поблагодарят. И я не знаю, удобно ли будет после «благодарности» требовать чего-нибудь. Так Иловайский не предвидел, что великая ставка свободы в России зависит от многих причин и еще от одной маленькой: улова семги в Белом море.

~

«Дорого да сердито...». Тут наоборот – «не дорого и не сердито».

(март, 1912 г.)

Из каждой страницы Вейнингера слышится крик: «Я *люблю мужчин*!» – «Ну что́ же: *ты – содомит*». И на этом можно закрыть книгу.

Она вся сплетена из *volo* и *scio*: его scio* – гениально, по крайней мере где *касается обзора природы*. Женским глазом он уловил тысячи дотоле незаметных подробностей; даже заметил, что «кормление ребенка возбуждает женщину». (Отсюда, собственно, и происходит вечное «перекармливание» младенцев кормилицами и матерями и последующее заболевание у младенцев желудка, с которым «нет справы»).

– Фу, какая баба! – Точно ты *сам кормил* ребенка, или хотел его выкормить!

«Женщина бесконечно благодарна мужчине за совокупление, и когда в нее втекает мужское семя, то это – кульминационная точка ее существования». Это он не повторяет, а *твердит* в своей книге. Можно погрозить пальчиком: «Не выдавай тайны, баба! Скрой тщательнее свои грёзы!!». Он говорит о *всех женщинах*, как бы оне были все его соперницами, – с этим же раздражением. Но женщины великодушнее. Имея каждая своего верного мужа, оне нимало не претендуют на уличных самцов, и оставляют на долю Вейнингера совершенно достаточно брюк.

Ревнование (мужчин) к женщинам заставило его ненавидеть «соперниц». С тем вместе он полон глубочайшей нравственной тоски: и в ней раскрыл глубокую нравственность женщин, – которую в ревности отрицает. Он перешел в христианство: как и вообще женщины (св. Ольга, св. Клотильда, св. Берта) первые приняли христианство. Напротив, евреев он ненавидит: и опять – потому, что $^{\text{они}}/_{\text{онс}}$ суть его «соперницы» (бабья натура евреев, – моя idée fixe).

Наш Иван Павлович – врожденный священник, но не посвящается. Много заботы. И пока остается учителем семинарии.

Он всегда немного дремлет. И если ему дать выдрематься – он становится веселее. А если разбудить, становится раздражен. Но не очень и не долго.

У него жена – через 8 лет брака – стала «в таком положении». Он ужасно сконфузился, и написал предупредительно всем знакомым, чтобы не приходили. «Жена несколько нездорова, а когда выздоровеет – я извещу».

Она умерла. Он написал в письме: «Царство ей небесное. Там ей лучше».

Так кончаются наши «священные истории». Очень коротко.

(за чаем вспомнил)

Мертвая страна, мертвая страна, мертвая страна. Все недвижимо, и никакая мысль не прививается.

(24 марта, 1912 г., купив 3 места на Волковом)

---

* Знаю *(лат.)*.

У Нины Р–вой (плем.) подруга: вся погружена в историю, космографию. Видна. Красива. Хороший рост. Я и спрашиваю:

– Что самое прекрасное в мужчине?

Она вдохновенно подняла голову:

– *Сила!*

(на побывке в Москве)

Никогда, никогда не порадуется священник «плоду чрева».

Никогда.

~

Никогда ex cathedra*, а разве приватно.

А между тем есть нумизмат Б. (он производит себя от Александра Бала, царя Сирии), у которого я увидел бронзовую Faustina jun., с реверзом (изображение на обратной стороне монеты): женщина держит на руках двух младенцев, а у ног ее держатся за подол тоже два – побольше – ребенка. Надпись кругом.

FECVNDITAS AVCVSTAE

т. е.

ЧАДОРОДИЕ ЦАРИЦЫ.

Я был так поражен красотой этого смысла, что тотчас купил. «Торговая монета», орудие обмена, в руках у всех, у торговок, проституток, мясников, франтов, в Тибуре и на Капитолии: и вдруг императрица Фаустина (жена Марка Аврелия), такая видная, такая царственная (портрет на лицевой стороне монеты), точно вываливает беременный живот на руки «доброго народа Римского», говоря:

«– Радуйтесь, я еще родила: теперь у меня – четверо».

Все это я выразил вслух, и старик Б., хитрый и остроумный, тотчас крикнул жену свою: вышла пышная большая дама, лет на 20 моложе Б., и я стал ей показывать монету, кажется забыв немножко, что она «дама». Но она (гречанка, как и он) сейчас поняла, и стала с сочувствием слушать, а когда я ее деликатно упрекнул, что «вот у нее, небойсь, – нет четверых», – она с живостью ответила:

– Нет, ровно четверо: моряк, студент и дочь...

Но она моментально вышла и ввела дочь, такую же красавицу, как сама. Этой я ничего не сказал (барышня), и она скоро вышла.

Вхожу через два года, отдать Б. должишко (рублей 70) за монеты. Постарел старик, и жена чуть-чуть постарела. Говорю ей:

– Уговорите мужа, он совсем стар, упомянуть в духовном завещании, что он дарит мне тетрадрахму Маронеи с Дионисом, держащим два тирса

* С амвона *(лат.)*.

(трости) и кисть винограда (руб. 25), и тетрадрахму Триполиса (в Финикии, а Маронея – во Фракии) с головою Диоскуров (около ста рублей). – Б. кричит:

– Ах, вы... Я – вас переживу!

– Куда, вы весь седой. Состояние у вас большое, и что́ вам две монеты, стоимостью в 125 р., детям же они, очевидно, не нужны, потому что это специальность. А что дочь?

– Вышла замуж!!

– Вышла замуж?!! Это добродетельно. И...

– И уже сын, – сказала счастливая бабушка.

Она была очень хороша. Пышна. И именно как Фаустина. Ни чуточки одряхления или старости, «склонения долу»; Б., хоть весь белый, жив и юрок, как сороконожка. Уверен, самое проницательное и «нужное» лицо в своем министерстве.

Вот такого как бы «баюкания куретами младенца Диониса» (миф, – есть на монетах), свободного, без сала, но с шутками и любящего, – нет, не было, не будет возле одежд с позументами, слишком официальных и торжественных, чтобы снизойти до пеленок, кровати и спальни.

~

Отсюда такое недоумение и взрыв ярости, когда я предложил на Религиозно-Философских собраниях, чтобы новобрачным первое время после венчания предоставлено было оставаться там, где они и повенчались; потому что я читал у Андрея Печерского, как в прекрасной церемонии постригаемая в монашество девушка проводит в моленной (церковь старообрядческая) трое суток, и ей приносят туда и еду и питье. «Что́ монахам – то́ и семейным, равная честь и равный обряд» – моя мысль. Это – о провождении в священном месте нескольких суток новобрачия, суток трех, суток семи, – я повторил потом (передавая о предложении в Рел.-Фил. собрании) и в «Нов. Вр.». Уединение в место молитвы, при мерцающих образах, немногих зажженных лампадах, без людей, без посторонних, без чужих глаз, без чужих ушей... какие все это может родить думы, впечатления! И как бы эти переживания протянулись длинной полосой тихого религиозного света в начинающуюся и уже начавшуюся супружескую жизнь, – начавшуюся именно *здесь, в Доме молитвы*. Здесь невольно приходили бы первые «предзнаменования», – приметы, признаки, как у vates* древности. И кто еще так нуждается во всем этом, как не тревожно вступившие в самую важную и самую ценную, – самую сладкую, но и самую опасную, – связь. Антоний Храповицкий все это представил совершенно не так, как мне представлялось в тот поистине час ясновидения, когда я сказал предложенное. Мне представлялась ночь, и половина храма с открытым куполом, под *звездами*, среди которого подымаются небольшие деревца и цветы, посаженные в почву по дорожкам, откуда вынуты половицы пола и насыпана черная земля. Вот тут-то, среди цве-

---

* Пророки *(лат.)*.

тов и деров и под звездами, *в природе* и вместе с тем *во храме,* юные проводят неделю, две, три, четыре... Это – как бы летняя часть храма, в отличие от зимней, «теплой» (у нас на севере). Конечно, все это преимущественно осуществимо на юге: но ведь во владениях России есть и *юг.* Что́ же еще? Они остаются здесь до ясно обозначившейся беременности. Здесь – и бассейн. Ведь в ветхозаветном храме был же бассейн для погружения священников и первосвященника, – «каменное море», утвержденное на спинах двенадцати изваянных быков. Почему *эту* подробность ветхозаветного культа не внести в наши церкви, где есть же ветхозаветный «занавес», где читаются «паремии», т. е. извлечения из ветхозаветных книг. И вообще со Священным Писанием Ветхого Завета у нас не разорвано. Да и в Новом Завете... Разве мы не читаем там, разве на богослужении нашем не возглашается: «Говорю вам, что *Царствие Божие подобно Чертогу Брачному...*» «Чертогу брачному»!! – конечно, это не в смысле танцующей вечеринки гостей, которая не отличается от всяких других вечеринок и к браку никакого отношения не имеет, а в смысле – комнаты двух новобрачных, в смысле их опочивальни. Ужели же ту, *с чем сравнена* самая *суть того, о чем учил* Спаситель (Царствие Божие), – неужели это низко, грязно и недостойно того, чтобы мы часть церкви своей приспособили, – украсив деревьями, цветами и бассейном, – к этому образу в устах Спасителя?! Внести в нашу церковь *Чертог брачный* – и была моя мысль. Нет, верно́ указание Рцы, много раз им повторенное (а он ли не религиозен и не предан православию, взяв самый псевдоним свой от диаконского «рцы», «рцем»), что «тесто *еще не взошло* (евангельская притча) и закваска (дрожжи) *не овладела всею мукою, всыпанною в сосуд*». Эта «мука, всыпанная в сосуд», – есть вся наша жизнь. *Весь наш быт.* Вот этим бытом еще не овладели *вполне* «дрожжи», евангельская «закваска», т. е. Слово Божие, целые Божии притчи, образы, сравнения!!! Позвольте: да в церкви Смоленского кладбища я, хороня старшую Надю, видел комнату с вывескою над дверью: «*Контора*»; какового имени и какового смысла с *утвердительным* значением нигде нет в Евангелии. Позвольте, скажите вы, владыка Антоний, – почему же «Контора» выше и священнее «Чертога брачного», о котором, *и не раз,* Спаситель говорил любяще и уважительно. И если внесена сейчас «Контора» в храмы, не обезобразив и не загрязнив их, то почему это храмы наши загрязнились бы через внесение в них нареченных с любовью Спасителем Чертогов брачных?! – конечно, не одного, а многих, потому что в течение 2–3-х месяцев до беременности вот этой молодой, положим Марии, повенчается еще много следующих Лиз и Екатерин. Подобное внесение просто лишь «непривычно», мы не привыкли «видеть». Но «мы не привыкли» и «ересь» – это разница. При этом, разумеется, никаких актов (как предположил же еп. Антоний!!!) *на виду* не будет, так как после грехопадения всему этому указано быть *в тайне и сокровении* («кожаные препоясания»); и именно для воспоминания об этом потрясающем законе отдельные чертоги (в нишах стен? возле стен? позади хоров?) *должны быть завешены именно кожами, шкурами зверей,* имея открытым лишь верх для соединения с воз-

духом храма. Как было не понять моей мысли: раз все здесь – религия, то, конечно, все должно быть деликатно и не оскорбительно для взора и для ума. Все – именно так, как и привыкли в супружестве: где чистейшие семьи и благороднейшие думы, напр. думы священников, не оскверняются сами и не оскорбляют ни взора, ни ума тем, что в них оплодотворяются и множатся, а при замужестве дочери («взяли зятя в семью») оплодотворяются и множатся родители и дети. Почему же не к *такой семье,* почему именно к *одинокой квартире* ректора-архимандрита должен быть придвинут по образу, по типу и по духу наш православный храм, в котором молитвенников-семьянинов, конечно, больше, нежели холостых или вдовствующих!!! ???!

Непонятно – у Храповицкого.

А моя мысль – совершенно понятна.

Совершенства нет на земле...
Даже и совершенной церкви...

(ужасное по греху письмо Альбова)

Мед и розы...
И в розе – младенец.
«Бог послал», – говорит мир.
– «Нет, – говорят старцы-законники: – От лукавого».

Но мир уже перестает им верить.

(в клинике Ел. Павл.)

В невыразимых слезах хочется передать все просто и грубо, унижая милый предмет: хотя в смысле *напора* – сравнение точно:

Рот переполнен слюной, – нельзя выплюнуть. Можно попасть в старцев.

Человек ест дни, недели, месяцы: нельзя сходить «кой-куда», – нужно все держать в себе...

Пил, пьешь – и опять нельзя никуда «сходить»...

Вот – девство.

– Я задыхаюсь! Меня распирает!

«– Нельзя».

Вот – монашество.

Что́ же такое делает оно? Как могло оно получить от земли, от страны, от законов санкцию себе не как личному и исключительному явлению, а как некоторой норме и правилу, как «образцу христианского жития», если его *суть* – просто никуда «не ходи», когда желудок, кишки, все внутренности расперты и мозг отравлен мочевиною, всасывающейся в кровь, когда желудок отравлен птомаинами, когда начинается некроз тканей всего организма.

– Не могу!!!!

«– Нельзя!»

– Умираю!!!!

«– Умирай!»

Неужели, неужели это истина? Неужели это *религиозная* истина? Неужели это – Божеская правда на земле?

Девушки, девушки! – стойте в вашем стоянии! Вы посланы в мир животом, а не головою: вы – охранительницы Древа Жизни, а не каменных ископаемых дерев, находимых в угольных копях.

Охраняйте Древо Жизни – вы его Ангел «с мечом обращающимся». И не опускайте этот меч.

(в клинике Ел. Павл.)

Семь старцев за 60 лет, у которых не поднимается голова, не поднимаются руки, вообще ничего не «поднимается», и едва шевелятся челюсти, когда они жуют, – видите ли, не «посягают на женщину» уже, и предаются безбрачию.

Такое удовольствие для отечества и радость Небесам.

Все удивляются на старцев:

– Они в самом деле не посягают, ни явно, ни тайно.

И славословят их. И возвеличили их. И украсили их. «Живые боги на земле».

Старцы жуют кашку и улыбаются:

– Мы действительно не посягаем. В вечный образец дев 17-ти лет и юношей 23-х лет, – которые могут нашим примером вдохновиться, как им удерживаться от похоти и не впасть в блуд.

Так весело, что планета затанцует.

(в клинике Ел. Павл.)

Как же бы я мог умереть не *так* и не *там*, где наша мамочка.

И я стал опять православным.

(клиника Ел. Павл.)

Все *очерчено* и *окончено* в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью... которую встречает и с которою связывается неясность или многоточие другого организма. И тогда – оба *ясны*. Не от этой ли *неоконченности* отвратительный вид их (на который все жалуются): и – восторг в минуту, когда недоговоренное – кончается (акт в ощущении)?

~

Как бы Б. хотел сотворить *акт*: но не исполнил движение свое, а дал его *начало* в мужчине и *начало* в женщине. И уже они оканчивают это первоначальное движение. Отсюда его сладость и неодолимость.

В *«s»* же (utriusque sexus homines*) все уже *кончено*: вот отчего с *«s»* связано столько таланта.

Одни молоды, и им нужно веселье, другие стары, и им нужен покой, девушкам – замужество, замужним – «вторая молодость»... И все толкаются, и вечный шум.

~

Жизнь происходит от «неустойчивых равновесий». Если бы равновесия везде были устойчивы, не было бы и жизни.

Но неустойчивое равновесие – тревога, «неудобно мне», опасность.

Мир вечно тревожен, и тем живет.

~

Какая же чепуха эти «Солнечный город» и «Утопия»: суть коих – *вечное счастье*. Т. е. окончательное «устойчивое равновесие». Это не «будущее», а смерть.

(провожая Верочку в Лисино, вокзал)

Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм – буря, дождь, ветер...

Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о высохшей росе: «Неужели он (соц.) *был*?». «И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода»?

– О, да! И еще скольких этот град побил!!

– «Удивительно. Странное явление. Не верится. Где бы об истории его прочитать?».

Что́ я все *надавил* на Добчинских. Разве они не рады бы были быть как Шекспир? Ведь я, собственно, *на это* сержусь, почему «не как Шекспир», – не на *тему* их, а на способ, фасон, стиль. Но «где же набраться Шекспиров», и неужели *от этого* другим «не жить»?..

Как много во мне умерщвляющего.

И опять – пустыня.

Всякому нужно жить, и Добчинскому. Не *я* ли говорил, что «есть идея и *волоса*» (по Платону), идея – «ничего», даже – *отрицательного* и *порока*. Бог меряет не верстами только, но и миллиметрами, и «миллиметр» ро́вно

* Оба человеческих пола *(лат.)*.

так же нужен, как и «верста». И все – живут. «Трясут животишками»... Ну и пусть. Мое дело *любоваться*, а не ненавидеть.

Любовался же я в Нескучном (Мос.), глядя на пароходик. «Гуляка по садам» (кафе-шантанам), положив обе руки на плечи гуляки же, говорил:

– Один – и *никого*!

Потом еще бормотанье и опять выкрик:

– Вообрази: один и *никóго*!

Это он рассказывал, очевидно, что «вчера пришел, туда-то», и – *никого* из «своих» не встретил.

Он был так художествен, мил в своей радости, что «вот теперь с приятелем едет», что я на десятки лет запомнил. И что я его тогда *любил*, он мне *нравился* – это доброе во мне. А «литература» – от лукавого.

(за статьей о пожарах)

Рассеянный человек и есть *сосредоточенный.* Но не на ожидаемом или желаемом, а на другом и своем.

Имей всегда сосредоточенное устремление, не гляди по сторонам. Это не значит – будь слеп. Глазами, пожалуй, гляди везде: но душой никогда не смотри на многое, а на *одно*.

...а все-таки тоскуешь по известности, по признанности, твердости. Есть этот червяк, как пот в ногах, сера в ушах. Все зудит. И все вонь. А ухо хорошо. И нога хороша. Нужно эту гадость твердо очертить, и сказать: плюйте на нее.

Поразительно, что у Над. Ром., Ольги Ив. (жена Рцы) и «друга» никогда не было влечения к известности хотя бы в околотке. «Все равно». И по этим качествам, т. е. что оне не имели самых неизбывных качеств человека, я смотрел на них с каким-то страхом восторга.

Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец даже порочна. Именно, именно когда наша «мать» пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, – мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости – тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...

(за уборкой библиотеки)

Как зачавкали губами и «идеалист» Борух, и «такая милая» Ревекка Ю–на, «друг нашего дома», когда прочли «Темн. Лик». Тут я сказал в себе: «Назад! Страшись!» (мое отношение к евреям).

Они думали, что я не вижу: но я хоть и «сплю вечно», а подглядел. Ст–ъ (Борух), соскакивая с санок, так оживленно, весело, *счастливо* воскликнул, как бы передавая мне тайную мысль и заражая собою:

– Ну, а все-таки – *он лжец*.

Я даже испугался. А Ревекка проговорила у Ш..ы в комнате: «Н-н-н... да... Я прочла *Т. Л.*». И такое счастье опять в губах. Точно она скушала что-то сладкое.

Таких *физиологических* (зрительно-осязательных) вещиц надо увидеть, чтобы понять то́, чему мы не хотим верить в книгах, в истории, в сказаниях. Действительно, есть какая-то *ненависть* между *Ним* и еврейством. И когда думаешь об этом – становится страшно. И понимаешь ноуменальное, а не феноменальное: «Распни *Его*».

Думают ли об этом евреи? толпа? По крайней мере никогда не высказываются.

(за уборкой библиотеки)

Да... вся наша история – немножечко трущоба, и вся наша жизнь – немножечко трущоба. Тут и администрация и citoyens*.

(в вагоне)

Сколько изнурительного труда за подбором матерьяла (и «примечаний» к нему) в «Семейном вопросе». Это мои литературные «рудники», которые я прошел, чтобы помочь семье. Как и «Сумерки просвещения» – детям. И сколько в *каждой странице* любви. Самая причина сказать: «Он ничего не чувствует», «Ничего ему не нужно».

(вагон; думая о критиках своих)

Какой это ужас, что человек (вечный филолог) нашел слово для этого – «смерть». Разве *это* возможно как-нибудь назвать? Разве *оно* имеет имя? Имя – уже определение, уже «что́-то знаем». Но ведь мы же об этом *ничего не знаем*. И, произнося в разговорах «смерть», мы как бы танцуем в бланманжэ для ужина или спрашиваем: «Сколько часов в миске супа?». Цинизм. Бессмыслица.

Как я отношусь к молодому поколению?

Никак. Не думаю.

Думаю только изредка. Но всегда мне его жаль. Сироты.

---

* Гражданс *(фр.)*.

Любовь есть *боль*. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого).

Литература (печать) прищемила у человека *самолюбие*. Все стали *бояться* ее; все стали *ждать* от нее... «Эти мошенники, однако, раздают монтионовские премии». И вот откуда выросла ее *сила*.

Сила ее оканчивается там, где человек *смежает на нее глаза*. «Шестая держава» (Наполеон о печати) обращается вдруг в посеревшую хилую деревушку, как только, повернувшись к ней спиной, вы *смотрите на дело*, а не на ландкарту с надписью: «Шестая держава».

Революция имеет два измерения – длину и ширину; но не имеет третьего – глубины. И вот по этому качеству она никогда не будет иметь *спелого, вкусного плода*; никогда не «завершится»...

Она будет все расти *в раздражение*, но никогда не настанет в ней того окончательного, когда человек говорит: «Довольно! Я – счастлив! *Сегодня* так хорошо, что не надо *завтра*»... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». Perpetuum mobile, circulus vitiosus*, и не от бесконечности – куда! – а именно от короткости. «Собака на цепи», сплетенной из своих же гнилых чувств. «Конура», «длина цепи», «возврат в конуру», тревожный коротенький сон.

~

В революции нет радости. И *не будет*.

Радость – слишком царственное чувство, и никогда не попадет в объятия этого лакея.

~

Два измерения: и она не выше человеческого, а ниже человеческого. Она механична, она матерьялистична. Но это – не случай, не простая связь с «теориями нашего времени»; это – судьба и вечность. И, в сущности, подспудная революция в душах обывателей, уже ранее возникшая, и толкнула всех их понести на своих плечах Конта-Спенсера и подобных.

Революция сложена из двух пластинок: нижняя и настоящая, arheus agens** ее – горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяние. Это – чернота, демократия. Верхняя пластинка – золотая: это – сибариты, обеспеченные и *не*

---

* Вечный двигатель, порочный круг *(лат.)*.

** Перводвигатель *(лат.)*.

делающие; гуляющие; *не служащие.* Но они чем-нибудь «на прогулках» были уязвлены, или – просто слишком добры, мягки, уступчивы, конфетны. Притом в своем кругу они – только «равные», и кой-кого даже непременно пониже. Переходя же в демократию, они тотчас становятся primi inter pares*. Демократия очень и очень умеет «целовать в плечико», ухаживать, льстить: хотя для «искренности и правдоподобия» обходится грубовато, спорит, нападает, *подшучивает* над аристократом и его (теперь вчерашним) аристократизмом. Вообще демократия тоже знает, «где раки зимуют». Что «Короленко первый в литераторах своего времени» (после Толстого), что Герцен – аристократ и миллионер, что граф Толстой есть именно «граф», а князь Кропоткин был «князь», и, наконец, что Сибиряков имеет золотые прииски – это она при всем «социализме» отлично помнит, учтиво в присутствии всего этого держит себя, и отлично учитывает. Учитывает не только как выгоду, но и как *честь.* Вообще в социализме лакей неустраним, но только очень старательно прикрыт. К Герцену все лезли и к Сибирякову лезли; к Шаляпину лезут даже за небольшие рубли, которые он выдает кружкам в виде «сбора с первого спектакля» (в своих турнэ: я слышал это от социал-демократа, *все* в этой партии знающего, и очень удивился). Кропоткин не подписывается просто «Кропоткин», «социалист Кр.», «гражданин Кр.», а «*князь* Кропоткин». Не забывают даже, что Лавров был *профессором.* Ничего, одним словом, не упускают из *чести,* из тщеславия: любят сладенькое, как и все «смертные». В то́ же время так презирая «эполеты» и «чины» старого строя...

Итак, две пластинки: движущая – это черная рать внизу, «нам *хочется»,* и – «мы не сопротивляемся», пассивная, сверху. Верхняя пластинка – благочестивые Катилины; «мы великодушно сжем дом, в котором сами живем и жили наши предки». Черная рать, конечно, вселится в до́мы этих предков: но как именно это – *черная рать,* не только по бедности, но и по существу бунта и злобы (два измерения, *без третьего),* то в «новых домах» она не почувствует никакой радости: а как Никита и Акулина «в обновках» (из «Власти тьмы»):

«– Ох, гасите свет! Не хочу чаю, убирайте водку!».

Венцом революции, *если она удастся,* будет великое volo:

– Уснуть.

Самоубийства – эра самоубийств...

И тут Кропоткин с астрономией и физикой и с «дружбой Реклю» (тоже тщеславие) очень мало помогут.

Есть дар слушания голосов и дар видения лиц. Ими проникаем в душу человека.

---

* Первые среди равных *(лат.).*

Не всякий умеет слушать человека. Иной слушает слова, понимает их связь и связно на них отвечает. Но он не уловил «подголосков», *теней звука «под* голосом», – а в них-то, и притом в них одних, говорила душа.

Голос нужно слушать и в чтении. Поэтому не всякий «читающий Пушкина» имеет что́-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто́ вслушивается в голос *говорящего* Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого. Кто «живого Пушкина не слушает» в перелистываемых страницах, тот как бы все равно и не читает его, а читает кого-то взамен его, уравнительного с ним, «такого же образования и таланта, как он, и писавшего на те же темы», – но не *самого его.*

Отсюда так чужды и глухи «академические» издания Пушкина, заваленные горою «примечаний», а у Венгерова – еще аляповатых картин и всякого ученого базара. На Пушкина точно высыпали сор из ящика: и он весь пыльный, сорный, загроможденный. Исчезла – в самом *виде* и *внешней форме* издания – главная черта его образа и души: изумительная *краткость во всем* и *простота.* И, конечно, *лучшие* издания и даже единственные, которые можно держать в руке без отвращения, – старые издания его, на толстоватой бумаге, каждое стихотворение с новой страницы (изд. Жуковского). Или – отдельные при жизни напечатанные стихотворения. Или – его стихи и драматические отрывки в «Северн. Цветах». У меня есть «Борис Годунов» 1831 года, и 2 книжки «Северн. Цвет.» с Пушкиным; и – издание Жуковского. Лет через 30 эти издания будут цениться как золотые, а мастера будут абсолютно повторять (конечно, без цензурных современных урезок) бумагу, шрифты, расположение произведений, орфографию, формат и переплеты.

В таком издании мы можем достигнуть как бы слушания Пушкина. Недосягание через печать *до голоса* сделало безразличие того, кто берется «издавать» и «изучать» Пушкина и составлять к нему «комментарии». Нельзя не быть удивленным, до какой степени теперь «издатели классиков» не имеют ничего, связывающего с издаваемыми поэтами или прозаиками. «Им бы издавать Бонч-Бруэвича, а они издают Пушкина». Универсально начитанный «товарищ», в демократической блузе, охватил Пушкина «как он есть», в шинели с бобровым воротником и французской шляпе, и понес, высоко подняв над головой (уважение) – как медведь Татьяну в известном сне.

И сколько общего у медведя с Татьяной, столько же у теперешних комментаторов с Пушкиным.

К таинственному и трудному делу «издательства» применимо архимедовское

Noli tangere meos circulos*.

Душа озябла...

Страшно, когда наступает озноб души.

---

* Не прикасайся к моим кругам *(лат.)*.

Возможно ли, чтобы позитивист заплакал?

Так же странно представить себе, как что «корова поехала верхом на кирасире».

И это кончает разговоры с ним. Расстаюсь с ним **вечным расставанием**.

~

Позитивизм в тайне души своей или, точнее, в сердцевине своего бездушия:

И пусть *бесчувственному телу*
Равно повсюду *истлевать*.

Позитивизм – философский мавзолей над умирающим человечеством.

Не хочу! Не хочу! Презираю, ненавижу, боюсь!!!

Как увядающие цветы люди.

~

Осень – и ничего нет. Как страшно это «нет». Как страшна осень.

(на извощике)

Тяжелым утюгом гладит человека Б.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

И расправляет душевные морщины.

. . . . . .
. . . . . .

Вот откуда говорят: бойся *Бога и не греши*.

(на извощике ночью)

Велик горб человечества, велик горб человечества, велик горб человечества...

Идет, кряхтит, с голым черепом, с этим огромным горбом за спиною (страдания, терпение) великий древний старик: и кожа на нем почернела, и ноги изранены...

~

Что́ же тут молодежь танцует на горбе? *«Мы* – последние», всё – *«мы»*, всё – *«нам»*. Ну, танцуйте, господа.

(за нумизматикой)

На «том свете» мы будем немыми.
И восторг переполнит наши души.

Восторг всегда нем.

(за набивкой табаку)

Все жду, когда Григорий Спиридонович П-в напишет свою автобиографию. Ведь он замечательный человек.

~

Конечно, Короленко – более его замечательный человек: и напечатал чуть не том своего жизнеописания, – под грациозной вуалью: «История моего современника». Но отчего же не написать и Гр. Сп. П-ву? Не один Кутузов имел себе Михайловского-Данилевского: мог бы иметь и Барклай-де-Толли. Отчего «нашим современникам» не соединить в себе полководца и жизнеописателя, – так сказать, поместить себе за пазуху «Михайловского-Данилевского» и продиктовать ему все слова.

– «Мне Тита Ливия не надо», – говорят «современные» Александры Македонские. «Я довольно хорошо пишу, и опишу сам свой поход в Индию».

Ряд поников, кушающих севрюжину. Входит философ:

– Ну, что́ же, господа... т. е. отцы духовные... холодно везде в мире... Озяб... И пришел погреться к вам... Бог с вами: прощаю вашу каменность, извиняю все глупое у вас, закрываю глаза на севрюжину... Все по слабости человеческой, может быть временной. Фарисеи вы... но сидите-то *все-таки «на седалище Моисеевом»*: и нет еще такого седалища в мире, как у вас. Был некто, кто, обратив внимание на ваше фарисейство, столкнул вас и с вами вместе и самое «седалище»... Я наоборот: ради значения «седалища», которое нечем заменить, закрываю глаза на вас и кладу голову к подножию «седалища»...

Если Философову случится пройти по мокрому тротуару без калош, то он будет неделю кашлять: я не понимаю, какой же он друг рабочих?

Этак Антихрист назовет себя «другом Христа», иудей – христианина, папа – Антихриста, а Прудон – Ротшильда. Что же это выйдет? Мир разрушится, потеряет грани, связи; ибо потеряет *отталкивания*. Необходимые: ибо самые *связи*-то держатся через отталкивания. Но мир ничего, впрочем, не потеряет, ибо все они, от Философова до папы, именно только «назовут» себя, а дело останется, как есть: папа – враг Антихриста, а Антихрист – *его* враг, и Философов – враг плебса, а плебс – враг Философова. А «го́воры» – как хотите.

Вот уж, поистине – речи, в которых «скука и томление духа» (Экклез.).

Не язык наш – убеждения наши, а сапоги наши – убеждения наши. Опорки, лапти, смазные, «от Вейса». Так и классифицируйте себя.

Русский «мечтатель» и существует для разговоров. Для чего же он существует. Не для дела же?

(едем в лавку)

Почти не встречается еврея, который не обладал бы каким-нибудь талантом; но не ищите среди них гения. Ведь Спиноза, которым они все хвалятся, был подражателем Декарта. А гений неподражаем и не подражает.

Одно и другое – талант и не более, чем талант, – вытекает из их связи с Божеством. «По связи этой» никто не лишен некоторой талантливости, как отдаленного или как теснейшего отсвета Божества. Но, с другой стороны, все и принадлежит Богу. Евреи и сильны своим Богом и обессилены им. Все они точно шатаются: велик – Бог, *но* еврей, даже пророк, даже Моисей, не являют той громады личного и свободного «я», какая присуща иногда бывает нееврею. Около Канта, Декарта и Лейбница все евреи-мыслители – какие-то «часовщики-починщики». Около сверкания Шекспира что́ такое евреи-писатели, от Гейне до Айзмана? В самой свободе их никогда не появится великолепия Бакунина. «Ширь» и «удаль», и – еврей: несовместимы. Они все «ходят на цепочке» перед Богом. И эта цепочка охраняет их, но и ограничивает.

О Рылееве, который, – «какая бы ни была погода, – каждый день шел пешком утром, и молился у гробницы императора Александра II», – при коем был адъютантом. Он был обыкновенный человек, – даже имел француженку из балета, с которой прожил всю жизнь. Что́ же его заставляло ходить? кто́ заставлял? А мы даже о родителях своих, о детях (у нас – Надя на Смоленском) не ходим *всю жизнь* каждый день, и даже – каждую неделю, и – увы, увы – каждый месяц! Когда я услышал этот рассказ (Маслова?) в нашей редакции, – я был поражен и много лет вот не могу забыть его, все припоминаю. «Умерший падишах стоит меньше живой собаки», прочел я где-то в арабских сказках, и в смысле благополучия, выгоды умерший «освободитель» уже ничем ему (Рылееву) не мог быть полезен. Что́ же это за чувство и почему оно? Явно – это *привязанность, память,* благодарность. Отнесем ½ к благородству ходившего († около 1903 г., и по поводу смерти его и говорили в редакции): но ½ относится явно *к Государю.* Из этого вывод: явно, что Государи представляют собою не только «форму величия», существо «в мундире и тоге», но, и что-то *глубоко человеческое* и *высоко человеческое,* но чего *мы не знаем по страшной удаленности от них,* – потому, что нам, кроме «мундира», ничего и не показано. Все рассказы, напр., о Наполеоне III – ан-

типатичны (т. е. он в них – антипатичен). Но он не был «урожденный», – и инстинкт выскочки уцепиться за полученную власть сорвал с него все величие, обаяние и правду. «Желал устроиться», – с императрицею и деточками. «Урожденный» не имеет этой нужды: вечно «признаваемый», совершенно не оспариваемый, он имеет то́ довольство и счастье, которое присуще было «тому первому счастливому», который звался Адамом. «От роду» около него растут райские яблоки, которых ему не надо даже доставать рукой. Это – психика совершенно вне нашей. Все в него влюблены; все он имеет; что́ пожелает – есть. Чего же ему пожелать? По естественной психологии – счастья людям, счастья всем. Когда мы «в празднике», когда нам удалась «любовь» – как мы раздаем счастье вокруг, не считая – кому, не считая – сколько. Поэтому психология «урожденного» есть, естественно, доброта: которая вдруг пропадает, когда он *оспаривается*. Поэтому не оспаривать Царя есть сущность царства, regni et regis*. Поразительно, что все жестокие наши государи были именно «в споре»: Иван Грозный – с боярами и претендентами, Анна Иоанновна – с Верховным Советом, и тоже – по неясности своих прав; Екатерина II (при случае, – с Новиковым и прочее) тоже по смутности «восшествия на престол». Все это сейчас же замутняет существо и портит лицо. Поэтому «любить Царя» (просто и ясно) есть действительно существо дела в монархии и «первый долг гражданина»: не по лести и коленопреклонению, а потому, что иначе портится все дело, «кушанье не сварено», «вишню побил мороз», «ниву выколотил град». Что это всемирно и общечеловечно, – показывает то, до чего люди «в оппозиции» и «ниспровергающие», т. е. в претензии «на власть», рвущиеся к власти, – мирятся со всем, но уже очень подозрительно относятся к спокойным *возражениям себе,* спору с собой: а *насмешек* совершенно не переносят. Они отмели Страхова (критика), а Незлобина-Дьякова прокляли таким негодованием, которое в «литературной судьбе» равно «ссылке в каторгу». «Нельзя оскорблять *величие* оппозиции, ни – *правды* ее», на этом построена (у нас) вся литературная судьба $^1/_2$ века, и около этого развился литературный карьеризм и азарт его. «Все хватают чины и ордена просто за *верноподданические чувства»* оппозиции и даже за грубую ей *лесть*. Такими «верноподданными», страстными и с пылом, были Писарев, Зайцев, Благосветлов: последний *в жизни* был невыразимый халуй, имел негра возле дверей кабинета, утопал в роскоши, и его близкие (рассказывают) утопали в «амурах» и деньгах, когда в его журнале писались «залихватские» семинарские статьи в духе: «все расшибем», «Пушкин – г...о». Но халуй ли, не халуй ли, а раз «сделал под козырек» и стоит «во фронте» перед оппозицией, – то́ ему все «прощено», забыто, получает «награды» рентами и чинами. Но что́ же это? Да это «придворный штат», уже готовый и сформированный, для будущей и ожидаемой власти, для les rois** в лохмотьях. Обертываясь, мы усматриваем *существо* дела: «не будите нас от *сновиде-*

---

* Царства и царя *(лат.)*.

** Короли *(фр.)*.

ний», «дайте нам *сознать себя правыми*, и *вечно* правыми, *во всех случаях правыми*, – и мы зальем вас счастьем»... «Скажите, признайте, полюбите в нас полубога: и мы будем даже лучше самого Бога!!». Хлыстовский элемент, элемент «живых христов» и «живых богородиц»... Вера Фигнер была явно революционной «богородицей», как и Екатерина Брешковская или Софья Перовская... «Иоанниты», все «иоанниты» около «батюшки Иоанна Кронштадтского», которым на этот раз был Желябов. Когда раз в печати я сказал, что Желябов был дурак, то даже подобострастный Струве накинулся на меня с невероятной злобой, хотя у Вергежской он про революционеров говорил такие вещи, каких я себе никогда не позволял. «Но про себя думай, что́ знаешь – а на площади окажи усердие» («ура»): и Струве закричал на меня, потребовал устранения меня от прессы, просто за эти слова, что Желябов – дурак. «Его величество всегда умен» – в отношении Людовика XIV, или – мечтаемого, призываемого, заранее славословимого Кромвеля. Обертывая всё это и видишь: да это *всемирная* психология, *всемирная* потребность, *всемирный* фокус, что человек только *в счастье и в самозабвении* – подлинно *благ*, доброжелателен, «творит милость и правду». Ну хорошо: то́, чем этого ожидать *завтра*, не лучше ли поклониться *вчера*? Чем рубить топором и строгать рубанком куклу, – для внешнего глаза «куклу», а для сердца верующего икону, – отчего не поставить «в передний угол» ту, которую мы нашли у себя в доме, родившись?

И особенно нам, людям нижнего яруса, которые во власти не участвуем и *не хотим участвовать*, которые любим стихи и звезды, микроскоп и нумизматику, – совершенно явно мы должны «оставить все как есть» и не становиться «в оппозицию» к le roi à présent*, в интересах le roi futur**, «Желябова № 1».

«Нам все равно»... Т. е. успокоимся и будем делать свои дела. Вот почему от «14-го декабря 1825 г. до сейчас» вся наша история есть отклонение в сторону, и просто совершилась ни для чего. «Зашли не в тот переулок» и никакого «дома не нашли». «Вертайся назад», «в гости не попали».

Да не воображайте, что вы «нравственнее» меня. Вы и не нравственны и не безнравственны. Вы просто сделанные вещи. Магазин сделанных вещей. Вот я возьму палку и разобью эти вещи.

Нравственна или безнравственна фарфоровая чашка? Можно сказать, что она чиста, что хорошо расписана, «цветочки» и все. Но мне больше нравится Шарик в конуре. И как он ни грязен, в сору, – я, однако, пойду играть с ним. А с вами – ничего.

(получив письмо от Г-на, что Сто-р перестал у меня бывать за мою «immoralность», – в идеях? в писаниях?)

---

* Нынешний король *(фр.)*.

** Будущий король *(фр.)*.

...Показывал дачу. Проходя спальней – вижу двуспальную кровать. И говорю:

– Разве *живете*?

– До конца жизни! – крепко сказал поп.

У него дочь четвертый год замужем, – и вышла, уже окончив Курсы.

~

Он охоч был рыбу ловить (на взморье). Раз случилась буря, а он за 10 верст уехал. Матушка бегает по берегу и кричит:

– Поезжайте батьку спасать! Спасите отца!

Чухны не трогаются. Боятся (рыбаки).

– Десять рублей дам!!!

Те сели в огромную лодку и пустились в море. К вечеру привезли батьку. Она дала рубль и разговаривать не стала. Ругались.

Сама она была охоча до грибов. И для грибов повязывала голову платочком по-крестьянски. В 10 часов утра уже возвращается с полной корзиной белых.

Спросишь:

– *Где* ищете грибов?

– «Там», – махнет она неопределенно.

Никогда не скажет «места».

~

Раз на взморье шел дождь. Я торопился домой. Вечерело. И вижу, под зонтом стоит фигура. Стоит и смотрит в море. Пелена дождя. «Чего он тут смотрит? Ждет кого?».

Рассказываю бате за чаем. Он засмеялся:

– Это мой отец. Приехал погостить из Вятки. Никогда моря не видал. Ужасно *любит воду.* И как увидит море, не может оторваться. Тоже священник. 74 года.

~

Он и «пузыри пускал». Т. е. этот. Должно быть, помня из Иловайского, и говорит:

– Я им говорю: «Выпишите *Виклефа.* Я буду продолжать диссертацию, начатую в Духовной академии, да тогда не кончил. А теперь свободнее и допишу». Выписали. Девять томов. Зимой начну читать.

Он был «профессором богословия» в высшем (техническом) заведении Петербурга. На лекции к нему ни один человек не приходил, и он был милостив к студентам и тоже сам не ходил. Одно жалованье, честь и квартира. Это так понравилось, что его пригласили и на курсы (женские). Он и на курсах читал, т. е. получал жалованье.

Дача у него была тысяч на десять, – т. е. с «местом». Великолепный сад. Ягоды. Два дома, в одном «сам», другой сдавал. У него я в баню

ходил. Баня не очень удобна. Короток полок (лежать, ложиться). Такое неприспособление.

И на что ему «Виклеф» – смеялся я в душе. Да вспомнил Юлия Кесаря: «Чем в Риме быть *вторым* – предпочитаю быть в деревне *первым*». Так и «батя» среди ученого персонала профессоров (высшее заведение) не хотел быть иначе как тоже ученым богословом, особенно заинтересованным реформациею в Англии.

Никакого желания спорить со Спенсером: а желание вцепиться в его аккуратные бакенбарды и выдрать из них ½.

Поразительно, что, видев столько на сцене «старых чиновников Николаевского времени» (у Островского и друг.), русские пропустили, что Спенсер похож на всех их. А его «Синтетическая философия» повторяет разграфленный аккуратно на «отделения» и «столоначальничества» департамент. И весь он был только директор департамента, с претензиями на революцию.

В VII-м классе гимназии, читая его «О воспитании умственном, нравственном» и еще каком-то, я был (гимназистом!!) поражен глупостью автора, – и не глупостью *отдельных мыслей* его, а – тона, так сказать – самой *души* авторской. Он с первой же страницы как бы читает лекцию какой-то глупой, воображаемой им мамаше, хотя я убежден, что все английские лэди гораздо умнее его. Эту мамашу он наделяет всеми глупыми качествами, какие вообразил себе, т. е. какие есть у него и каких вовсе нет у англичанок. Ей он читает наставления, подняв кверху указательный перст. Меня все время (гимназистом!) душил вопрос: «Как он *смеет*! Как он *смеет!*». Еще ничего в то время не зная, я уголком глаза и, наконец, здравым смыслом (гимназиста!) видел, чувствовал, знал, что измученные и потрепанные матери все-таки страдают о своих детях, тогда как этот болван ни о чем не страдал, – что оне все-таки знают и видят самый *образ* ребенка, *фигуру* его, тогда как Спенсер (конечно, неженатый) видал детей только в «British Illustration», и что вообще он все «Умственное воспитание» сочиняет из головы, притом нисколько не остроумной. Напр.: «Не надо останавливать детей, – ибо они, неостановленные, пусть дойдут до *последствий* неверных своих мыслей и своих вредных желаний: и тогда, ощутя *ошибку* этих мыслей и *боль* от вреда – вернутся назад, и тогда это будет *прочное воспитание*». И иллюстрирует, иллюстрирует с воображаемой глупой мамашей. «Напр., если ребенок тянется к огню, – то пусть и обожжет палец»... *Сложнее* этого ничего не лезло в его лошадиную голову. Но вот 8-летний мальчик начинает заниматься онанизмом, случайно испытав, пожав рукой или как, его приятность: что́ же, «мамаша» должна ждать, когда он к 20-ти годам «разочаруется»? Спенсер ничего не слыхал о пагубных привычках детей!! Конечно, дети в «Британской иллюстрации» онанизмом не занимаются: но матери это знают и мучаются с этим и не знают, как найти средств. Да мое любимое занятие от 6-ти до 8-ми лет было следующее: подойдя к догорающей лежанке, т. е. когда ½ дров – уже уголь, и она вся пылает, раскалена и красна, – я, вытащив

из-за пояса рубашонку (розовая с крапинками, ситцевая), устраивал парус. Именно, поддерживая зубами верхний край, я пальцами рук крепко держал нижние углы паруса и закрывал, почти вплотную, отверстие печки. Немедленно красивой дугой она втягивалась туда. Как сейчас вижу ее: раскалена, и когда я отодвигался, и парус, падая, касался груди и живота, – он жег кожу. Степень раскаленности и красота дуги меня и привлекали. Мне в голову не приходило, что она может *сразу вся вспыхнуть*, что я стоял на краю смерти. Я был уверен, что зажигается «*все* от *огня*», а не от жару и что нельзя зажечь рубашку иначе как «поднеся к ней зажженную спичку»: «такой есть один способ горения». И любил я всегда это делать, когда в комнате один бывал, в какой-то созерцательности. Однако от нетерпения уже и при мамаше начинал делать «первые шаги» паруса. Всегда усталая и не замечая нас, – она мне не объяснила опасности, *если это увеличить*. А по Спенсеру, «и не надо было объяснять», пока я сгорю. Но мамаша была без «ѣ», а он написал 10 томов. Ну, что с таким дураком делать, как не выдрать его за бакенбарды?!!

(после чтения утром газет)

«Это просто *пошлость*!»

Так сказал Толстой, в переданном кем-то «разговоре», о «Женитьбе» Гоголя.

~

Вот год ношу это в душе и думаю: как гениально! Не только *верно*, но и *полно*, так что остается только поставить «точку» и не продолжать.

И *весь* Гоголь, *весь* – кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещиц, – есть *пошлость* в смысле постижения, в смысле содержания. И – *гений* по форме, по тому, *«как»* сказано и рассказано.

Он хотел выставить «пошлость пошлого человека». Положим. Хотя очень странна тема. Как не заняться чем-нибудь интересным. Неужели интересного ничего нет в мире? Но его заняла, и на долго лет заняла, на всю зрелую жизнь, одна пошлость.

Удивительное призвание.

Меня потряс один рассказ Репина (на ходу), который он мне передал если не из вторых рук, то из третьих рук. Положим, из *вторых* (т. е. он услышал его от человека, знавшего Гоголя и даже подвергшегося «быть гостем» у него), и тогда он, буквально почти, передал следующее:

«– Из нас, молодежи, ничего еще не сделавшей и ничем себя не заявившей, – Гоголь был в Риме не только всех старше по годам, но и всех, так сказать, почтеннее по великой славе, окружавшей его имя. Поэтому мы, маленькой колонийкой и маленьким товариществом, собирались у него однажды в неделю (положим – в праздник). Но собрания эти, дар почтительности с нашей стороны, были чрезвычайно тяжелы. Гоголь принимал нас чрезвычайно величественно и снисходительно, разливал чай и приказывал подать какую-нибудь закуску. Но ничего в горло не шло вследствие ледяного, чо-

порного, подавляющего его отношения ко всем. Происходила какая-то надутая, неприятная церемония чаепития, точно мелких людей у высокопоставленного начальника, причем, однако, отношение его, чванливое и молчаливое, было таково, что все мы в следующую (положим, «среду») чувствовали себя обязанными опять прийти, опять выпить этот жидкий и холодный чай и, опять поклонившись этому светилу ума и слова, – удалиться».

Буквальных слов Репина не помню, – смысл этот. Когда Репин говорил (на ходу, на даче, – было ветрено) и все теснее прижимал к телу свой легкий бурнус, то я точно застыл в страхе, потому что почувствовал, точно передо мной вырастает из земли главная тайна Гоголя. Он был весь именно формальный, чопорный, торжественный, как «архиерей» мертвечины, служивший точно «службу» с дикириями и трикириями: и так и этак кланявшийся и произносивший такие и этакие «словечки» своего великого, но *по содержанию пустого и бессмысленного*, мастерства. Я не решусь удержаться выговорить последнее слово: *идиот*. Он был так же неколебим и устойчив, так же не «сворачиваем в сторону», как лишенный внутри себя всякого разума и всякого смысла человек. *«Пишу»* и *«sic»*. Великолепно. Но какая же мысль? Идиот таращит глаза. Не понимает. «Словечки» великолепны. «Словечки» как ни у кого. И он хорошо видит, что «как ни у кого», и восхищен бессмысленным восхищением, и горд тоже бессмысленной гордостью.

– Фу, дьявол! – сгинь!..

Но манекен моргает глазами. Холодными, стеклянными глазами. Он не понимает, что за словом должно быть *что́-нибудь*, – между прочим, что за словом должно быть *дело, пожар* или *наводнение, ужас* или *радость*. Ему это непонятно, – и он дает «последний чекан» слову и разносит последний стакан противного холодного чая своим «почитателям», которые в его глупой, пошлой голове представляются какими-то столоначальниками, обязанными чуть не воспеть «канту» директору департамента... то́ бишь творцу «Мертвых душ».

– Фу, дьявол! Фу, какой ты дьявол!! Проклятая колдунья с черным пятном в душе, вся мертвая и вся ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная... в которой вообще нет *ничего!*

Ничего!!!

Нигилизм!

– Сгинь, нечистый!

Старческим лицом он смеется из гроба:

– Да меня и нет, не было! Я только *показался*...

– Оборотень проклятый! Сгинь же ты, сгинь! сгинь! С нами крестная сила, чем оборониться от тебя?

«Верою», – подсказывает сердце. В ком затеплилось зернышко «веры», – веры в душу человеческую, веры в землю свою, веры в будущее ее, – для того Гоголя *воистину не было*.

Никогда более страшного человека... *подобия* человеческого... не приходило в нашу землю.

Язычество – утро, христианство – вечер.
Каждой единичной вещи и целого мира.

~

Неужели не настанет утра, неужели это последний вечер?..

Заступ – железный. И только им можно соскребсти сорную траву.

Вот основание наказаний и темницы.

Только не любя человека, не жалея его, не защищая его – можно отвергать этот железный заступ.

Во всех религиях есть представление и ожидание ада и рая, т. е. это внутренний голос всего человечества, религиозный голос. «Хулиганства», «заразать» и «обокрасть» – и Небо не защищает.

Защищают одни «новые христиане» и социал-демократы, пока их наказывают и пока им нечего есть. Но подождите: сядут они за стол, – и тогда потребуют отвести в темницу всякого, кто им помешает положить и ноги на стол.

(за занятиями)

С 4-мя миллионами состояния, он сидел с прорезанным горлом в глубоком кресле.

Это было так: я вошел, опросил Василья, «можно ли?», – и, получив кивок, прошел в кабинет. Нет. Подошел к столу письменному. Нет. Пересмотрел 2–3 книги, мелькнул по бумагам глазом и, повернувшись назад, медленно стал выходить...

На меня поднялись глаза: вбоку от пылающего камина терялось среди ширм кресло, и на нем сидел он, так незаметный...

Если бы он сказал слово, мысль, желание, – завтра это было бы услышано всею Россиею. И на слово все оглянулись бы, приняли во внимание.

Но он три года не произносит уже никаких слов. 78 лет.

Я поцеловал в голову, эту седую, милую (мне милую) голову... В глазе, в движении головы – то́ доброе и ласковое, то́ *талантливое* (странно!), что́ я видел в нем 12 лет. В нем были (вероятно) недостатки: но в нем не было *неталантливости* ни в чем, даже в повороте шеи. Весь он был молод и всегда молод; и теперь, умирая, он был так же молод и естествен, как всегда.

Пододвинув бланк-нот, он написал каракулями:

– *Я ведь только балуюсь, лечась. А я знаю, что скоро умру.*

И мы все умрем. А пока «не перережут горла» – произносим слова; пишем, «стараемся».

Он был совершенно спокоен. Болей нет. Если бы были боли – кричал бы. О, тогда был бы другой вид. Но он умирает без боли, и вид его совершенно спокойный.

Взяв опять блок-нот, он написал:

– Толстой на моем месте все бы писал, а я не могу.

Спросил о последних его произведениях. Я сказал, что плохи. Он написал:

– Даже Хаджи-Мурат. Против «Капитанской дочки» чего же это стоит. Г...

Это любимое его слово. Он любил крепкую русскую брань: но – в ласковые минуты, и произносил ее с обворожительной, детской улыбкой. «Национальное сокровище».

Он был весь националист: о, не в теперешнем, партийном смысле. Но он не забывал своего Воронежа, откуда учителем уездного училища вышел полный талантов, веселости и надежд: в Россию, в славу, любя эту славу России, чтобы ей споспешествовать. Пора его «Незнакомства» неинтересна: мало ли либеральных пересмешников. Трогательное и прекрасное в нем явилось тогда, когда, как средневековый рыцарь, он завязал в узелок свою «известность» и «любимость», отнес ее в часовенку на дороге, и, помолясь перед образами, – вышел вон с новым чувством. «Я должен жить не для своего имени, а для имени России». И он жил так. Я определенно помню отрывочные слова, сказанные как бы вслух про себя, но при мне, из которых совершенно явно сложился *именно этот образ.*

(об А. С. Суворине. – в мае 1912 г.; на обложке серенького конверта. Слова о Хаджи-Мурате, – по справке с подлинной записочкой С–на, – не содержали «крепкого русского слова», но оставляю их в том впечатлении, как было у меня в душе и как записалось минуты через три после разговора. Но «крепкое слово», однако, было вообще любимо А. С. С–ным. – Раз он о газете сказал мне, вскипев и стукнув углами пальцев о стол: «Я люблю свою газету больше семьи своей (еще вскипев:) больше своей жены...». Так как ни денег, ни общественного положения нельзя любить крепче и ближе жены и детей, – то слова эти могли значить только: «Совместная с Россиею работа газеты мне дороже и семьи и жены». Это, т. е. подспудное в душе около этого восклицания, я и назвал «рыцарской часовенкой» журналиста)

Русские, как известно, во все умеют воплощаться. Однажды они воплотились в Дюма-fils. И поехал с чувством настоящего француза изучать Россию и странные русские нравы. Когда на границе спросили его фамилию, он ответил скромно:

– Боборыкин.

Самое важное в Боборыкине, что он ни в чем не встречает препятствия...

Боборыкина «в затруднении» я не могу себе представить.

Всем людям трудно, одному Боборыкину постоянно легко, удачно; и, я думаю, самые трудноперевариимые вещества у него легко перевариваются.

Несу литературу как гроб мой, несу литературу как печаль мою, несу литературу как отвращение мое.

Никакой трагедии в душе... Утонули мать и сын. Можно бы с ума сойти и забыть, где чернильница. Он только написал «трагическое письмо» к Прудону.

(Герцен)

~

Прудон был все-таки для него «знатный иностранец». Как для всей несчастной России, которая без «иностранца» задыхается.

– «Слишком заволокло все Русью. Дайте про́резь в небе». – В самом деле, «тоска по иностранному» не есть ли продукт чрезмерного давления огромности земли своей, и даже цивилизации, «всего» – на маленькую душу каждого.

– Тону́, дай немца.

Очень естественно. «Иностранец» есть протест наш, есть вздох наш, есть «свое лицо» в каждом, которое хочется сохранить в неизмеримой Руси.

– Ради Бога – Бокля!! Поскорее!!!

Это как «дайте нашатырю понюхать» в обмороке.

(в конке)

Вся натура его – ползучая. Он ползет, как корни дерева в земле.

(об Фл–м)

~

Воздух – наиболее отдаленная от него стихия. Я думаю, он вовсе не мог бы побежать. Он запнется и упадет. Все – к земле и в землю.

(на полученном письме Уст–го)

Недаром еще в гимназии как задача «с купцами» или «с кранами» (на тройное правило) – не могу решить.

Какие-то «условия», и их как-то надо «поставить»... «Ну их к ч-чёрту!!» – и с негодованием закрывал книгу.

«Завтра спишу у товарища» или «товарищ подскажет». Всегда подсказывали.

Добрые гимназисты. Никогда их не забуду. Если что́ из «Российской Державы» я оставил бы, то́ – гимназистов. На них даже и «страшный суд» зубы обломает. Курят – и только; да насчет «горничных». Самые праведные дела на свете.

(с «горничными» – разное о них вранье, и самые маленькие шалости; «обид» же им не было)

Я только смеюсь или плачу. Размышляю ли я *в собственном смысле*? – Никогда!

Вообще драть за волосы писателей – очень подходящая вещь.

~

Они те же дети: только чванливые, и уже за 40 лет.

~

Попы в Средние века им много вихров надрали. И поделом.

Центр – жизнь, материк ее... А писатели – золотые рыбки; или – плотва, играющие около берега его. Не «передвигать» же материк в зависимости от движения хвостов золотых рыбок.

(утром после чтения газет)

Чего хотел, тем и захлебнулся. Когда наша простая Русь полюбила его простою и светлою любовью за «Войну и мир», – он сказал: «Мало. Хочу быть Буддой и Шопенгауэром». Но вместо «Будды и Шопенгауэра» получилось только 42 карточки, где он снят в $^3/_4$, $^1/_2$, en face, в профиль и, кажется, «с ног», – сидя, стоя, лежа, в рубахе, кафтане и еще в чем-то, за плугом и верхом, в шапочке, шляпе и «просто так»... Нет, дьявол умеет смеяться над тем, кто ему (славе) продает свою душу.

«Которую же карточку выбрать», – говорят две курсистки и студент. Но покупают целых 3, заплатив за все 15 коп.

Sic transit gloria mundi*.

Слава – не только не величие: слава – именно начало *падения* величия...

Смотрите на церкви, на царства и царей.

(на поданной визитной карточке)

Между эсэрами есть недурненькие jeunes premiers**; и тогда они очень хорошо устраиваются.

(2 случая на глазах)

---

* Так проходит земная слава *(лат.)*.

** Первые любовники *(фр.)*.

Если муж плачет об умершей жене, то, наклонясь к уху лакея, вы спросите: «А не был ли он знаком с Замысловским?». И если лакей скажет: «Да, среди других у нас *бывал* и *Замысловский»*, – вы пойдите в участок и сообщите приставу, что этот господин, сделавший у себя имитацию похорон, на самом деле собирает по ночам оголтелых людей, с которыми составил план ограбить квартиру градоначальника. Покойница же «живет» со всею шайкою.

Не к этому ли *тону* и *духу* сводится все «честное направление» в печати. Или – все «честное, возвышенное и идеальное» у нас.

Да... noli tangere nostros circulos.

(по прочтении Гарриса об «Уединен.»)

Он довольно литературен: оказывается, он произносит с надлежащей буквой «ѣ» такое трудное выражение, как «переоценка ценностей». И сотрудничества его ищут редакторы журналов и газет.

Смех не может ничего убить. Смех может только придавить.

И терпение одолеет всякий смех.

(60-ые годы и потом)

Это какой-то *впечатлительный* Боборыкин стихотворчества.

Да, – знает все языки, владеет всеми ритмами, и, так сказать, не имеет в матерьяле сопротивлений для пера, мысли и воображения: по сим качествам он кажется *бесконечным*.

Но *душа*? Ее нет у него: это – вешалка, на которую повешены платья индийские, мексиканские, египетские, русские, испанские. Лучше бы всего – цыганские: но их нет. Весь этот торжественный парад мундиров проходит перед читателем, и он думает: «Какое богатство». А на самом деле под всем этим – просто гвоздь железный, выделки кузнеца Иванова, простой, грубый и элементарный.

Его совесть? Об этом не поднимай вопроса.

(в окружном суде, дожидаясь секретаря, – о поэте Б–те)

Техника, присоединившись к душе, – дала ей всемогущество. Но она же ее и раздавила. Получилась «техническая душа», лишь с механизмом творчества, а без вдохновения творчества.

(печать и Гутенберг, в суде)

Грусть – моя вечная гостья. И как я люблю эту гостью.

Она в платье не богатом и не бедном. Худенькая. Я думаю, она похожа на мою мамашу. У нее нет речей, или мало. Только вид. Он не огорченный и не раздраженный. Но что́ я описываю; разве есть слова? Она бесконечна.

Грусть – это бесконечность!

~

Она приходит вечером, в сумерки, неслышно, незаметно. Она уже «тут», когда думаешь, что нет ее. Теперь она, не возражая, не оспаривая, примешивает ко всему, что́ вы думаете, свой налет: и этот «налет» – бесконечен.

Грусть – это упрек, жалоба и недостаточность. Я думаю, она к человеку подошла в тот вечерний час, когда Адам «вкусил» и был изгнан из рая. С этого времени она всегда недалеко от него. Всегда «где-то тут»: но показывается в вечерние часы.

(окружной суд; дожидаясь секретаря)

Вопрос «об еврее» бесконечен: о нем можно говорить и написать больше, чем об Удельно-вечевом периоде русской истории.

~

Какие «да!» и «нет!».

(окружн. суд: на поданной визит. карт.)

Суть «нашего времени» – что оно все обращает в шаблон, схему и фразу. Проговорили великие мужи. Был Шопенгауэр: и «пессимизм» стал фразою. Был Ницше: и «Антихрист» его заговорил тысячею лошадиных челюстей. Слава Богу, что на это время Евангелие совсем перестало быть читаемо: случилось бы то же.

Из этих оглоблей никак не выскочишь.

– Вы хотите успеха?

– Да.

– Сейчас. Мы вам изготовим шаблон.

– Да я хотел сердца. Я о душе думал.

– Извините. Ничего, кроме шаблона.

– Тогда не надо... Нет, я лучше уйду. И заберу свою бедность с собою.

(на той же визитной карточке Макаревского)

Отчего так много чугуна в людях? Преобладающий металл.

– Отчего он не сотворен из золота?

«Золото для ангелов».

Но золотые нити прорезывают чугун. И какое им страдание. Но и какой «вслед им» восторг.

(поговорив с попом)

Истинное отношение каждого только к *самому себе*. Даже рассоциалист немного фальшивит в отношении к социализму, и просто потому, что социализм для него – *объект*. Лишь там, где субъект и объект – *одно*, исчезает неправда.

~

В этом отношении какой-то далекой, хотя и тусклой, звездочкой является эгоизм, – «я» для «я»... *мое* «я» для *«меня»*. Это грустно, это сухо, это страшно. Но это – истина.

Сила еврейства в чрезвычайно старой крови...

Не дряхлой: но она хорошо выстоялась и постоянно полировалась (борьба, усилия, изворотливость). Вот чего никогда нельзя услышать от еврея: «как я *устал*» и – *«отдохнуть* бы».

Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай ее против ума, отстаивай ее против власти.

Будь крепок в любви – и Бог тебя благословит.

Ибо любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь.

(на Волково)

Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то *мила*.

~

Вот последнее и боишься потерять, а то́ бы «насмарку все». Боишься потерять нечто *единственное* и чего *не повторится*.

~

Повторится и лучшее, а не *такое*. А хочется «такого»...

(на Волково)

«Современность» режет только пустого человека. Поэтому и жалобы на современность – пусты.

Нет, не против церкви и не против Бога мой грех, – не радуйтесь, попики.

~

Грех мой против человека.

~

И не о «морали» я тоскую. Все это пустяки. Мне *не* 12 лет. А не было ли от меня *боли.*

«– Я сейчас! я сейчас!..» – и с счастливым детским лицом она стала надевать пальто, опуская больную руку, как в мешок, в рукав...

Когда вошла Евг. Ив., она была уже в своем сером английском костюме.

Поехали к Лид. Эр. – Я смотрел по лестнице: первый выезд далеко (на Удельную). И, прихрамывая, она торопилась, как на лучший бал. «Так далеко!» – обещание выздоровления...

...Увы...

~

Приехала назад вся померкшая... (изнемогла).

21 апреля 1912 г.

Все же именно *любовь* меня не обманывала. Обманулся в вере, в цивилизации, в литературе. В людях вообще. Но те два человека, которые меня любили, – я в них не обманулся никогда. И не ту, чтобы *мне было хорошо* от любви их, вовсе нет: но жажда видеть *идеальное, правдивое* – вечна в человеке. В двух этих привязанных к себе людях («друге» и Юлии) я и увидел правду, на которой не было «ущерба луны», – и на светозарном лице их я вообще не подметил ни одной моральной «морщины».

Если бы я сам был таков – моя жизнь была бы полна и я был бы *совершенно счастлив,* без конституции, без литературы и без красивого лица.

~

Видеть лучшее, самое прекрасное, и знать, что оно к тебе привязано, – это участь богов. И дважды в жизни, – последний раз целых 20 лет, – я имел это «подобие божественной жизни».

~

Думая иногда о Фл., крещу его в спину с А., – и с болью о себе думаю: «Вот *этот* сумеет сохранить».

Все женские учебные заведения готовят в удачном случае монахинь, в неудачном проституток.

«Жена» и «мать» в голову не приходят.

Может быть, народ наш и плох, но он – *наш* народ, и это решает все.

~

От «своего» куда уйти? Вне «своего» – *чужое*. Самым этим словом *решается все*. Попробуйте пожить «на чужой стороне», попробуйте жить «с чужими людьми». «Лучше есть краюшку хлеба у себя дома, чем пироги – из чужих рук».

Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде.

У, как везде холодно.

Моя кухонная (прих.-расх.) книжка стоит «Писем Тургенева к Виардо»... Это – *другое*, но это такая же ось мира и, в сущности, такая же поэзия.

Сколько усилий! бережливости! страха не переступить «черты»! и – удовлетворения, когда «к 1-му числу» сошлись концы с концами.

Всякий раз, когда к «канонам» присоединяется в священнике *личная горячность*, – получается нечто ужасное (ханжа, Торквемада); только когда «спустя рукава» – хорошо. Отчего это? Отчегó *здесь*?

Смерти я совершенно не могу перенести.

Не странно ли прожить жизнь так, как бы ее и не существовало. Самое обыкновенное и самое постоянное. Между тем я так относился к ней, как бы никто и ничто не должен был умереть. Как бы смерти не было.

Самое обыкновенное, самое «всегда»: и этого я не видал.

Конечно, я ее *видел*: но значит, я *не смотрел* на умирающих. И не значит ли это, что я их и *не любил*.

Вот «дурной человек во мне», дурной и страшный. В этот момент как я ненавижу себя, как враждебен себе.

Собственно, *непосредственно слит с церковью* я никогда не был (в детстве, юношей, зрелым)... Я всегда был *зрителем* в ней, *стоятелем* – **хотящим** помолиться, но не и **уже** молящимся; оценщиком; во мне было много *любования* (в зрелые годы) на церковь... Но это совсем не то, что, напр., в «друге», в ее матери: «пришел» и «молюсь», «*это – мое*», «тут – *все* мы», «это – *наше*». Таким образом, и тут я был «иностранец», – «восхищенным Анахарсисом», как в политике, увы, как – *во всем*.

Эта-то страшная *пустыня* и томит меня: что я нигде не «свой»; что на земле нет места, где я бы почувствовал: «мое», «мне *данное*», «врожденное».

И вся жизнь моя есть поиски: «где же *мое*». Только в «друге» мне мелькнуло «мое». Это что-то «в судьбе», «в звездах», т. е. встреча и связанность. Тут – живое; и – идеальное, которое живо, а не то́ чтобы «вследствие живого (которое понравилось) – идеализировалось». Связь эта – провиденциальна. Что-то Бог мне тут «указал», к чему-то «привел».

(за статьей по поводу пожарного съезда)

Напрасно я обижал Кускову...

Как все прекрасно...

Она старается о том, о чем ей вложено. Разве я не стараюсь о вложенном мне?

(за истреблением комаров)

Сочетание хитрости с дикостью (наивностью) – мое удивительное свойство. И с неумелостью в подробностях, в ближайшем – сочетание дальновидности, расчета и опытности в отдаленном, в «конце».

«Трепетное дерево» я написал именно как 1-ю главу «Тем. Лика». А за сколько лет до «Т. Л.» оно было напечатано, и *тогда* о смысле и тенденции этой статьи никто не догадывался.

А в предисловии к «Люд. лун. света» – уже все «Уедин.».

(в ват...)

Я не враждебен нравственности, а просто «не приходит на ум». Или отлипается, когда (под чьим-нибудь требованием) ставлю темою. «Правила поведения» не имеют химического сродства с моею душою; и тут ничего нельзя сделать. Далее, люди «с правилами поведения» всегда были мне противны: как деланные, как неумные, и в которых вообще не́чего рассматривать. «Он подал тебе шпаргалку: прочтя которую все о *нем* знаешь». Но вот: разве не в этом заключается и мой восторг к «другу», что когда увидишь великолепного «нравственного» человека, которому тоже его «нравственность» не приходит на ум, а он таков «от Бога», «от родителей» и вечности, который не имеет двоящейся мысли, который не имеет задней мысли, который никогда ни к кому не имел злой мысли, – то́ оставляешь художества, «изящное», из рук выпадает «критика чистого разума», и, потихоньку отойдя в сторону, чтобы он не видел тебя, – следишь и следишь за ним, как самым высшим, что́ вообще можно видеть на земле.

Прекрасный человек, – и именно в смысле вот этом: «добрый», «благодатный», – есть лучшее на земле. И, поистине, мир создан, чтобы увидеть его.

Да к чему рассуждения. Вот пример. Смеркалось. Все по дому измучены как собаки. У дверей я перетирал книги, а Надя (худенькая, бледная горничная, об муже и одном ребенке) домывала окна. «Костыляет» моя В., – мимо, к окну, – и, захватив правой рукой (здоровая) шею Нади, притянула голову и поцеловала как своего ребенка. Та, испугавшись: «Что́ вы, барыня?». Заплакав, ответила: «Это нам Бог вас послал. И здоровье у вас слабое, и дома несчастье (муж болен, лежит в деревне, без дела, а у ребенка – грыжа), а вы все работаете и не оставляете нас». И отошла. Не дождавшись ни ответа, ни впечатления.

Есть вид работы и службы, где нет барина и господина, владыки и раба: а все делают дело, *делают гармонию,* потому что она *нужна*. Ящик, гвозди и вещи: вещи пропали бы без ящика, ящик нельзя бы сколотить без гвоздей; но «гвоздь» не самое главное, потому что все – «для вещей», а с другой стороны, «ящик обнимает все» и «больше всего». Это понимал Пушкин, когда не ставил себя ни на капельку выше «капитана Миронова» (Белогорская крепость); и капитану было хорошо около Пушкина, а Пушкину было хорошо с капитаном.

Но как это непонятно *теперь,* когда все раздирает злоба.

В *поле – сила, пол* есть *сила*. И евреи – *соединены* с этою силою, а христиане с нею *разделены*. Вот отчего евреи одолевают христиан.

Тут борьба *в зерне,* а не на поверхности, – и в такой глубине, что голова кружится.

~

Дальнейший отказ христианства от пола будет иметь последствием увеличение триумфов еврейства. Вот отчего так «во́время» я начал проповедовать пол. Христианство должно хотя бы отчасти стать фаллическим (дети, развод, т. е. упорядочение семьи и утолщение ее пласта, увеличение множества семей).

~

Увы: образованные евреи этого не понимают, а образованным христианам «до всего этого дела нет».

– Зачем я пойду к «хорошему воздуху», когда «хороший воздух» сам ко мне идет. На то́ и ветерок, чтобы человеку не беспокоиться.

(на: «поди гулять, хороший воздух»)

Когда жизнь перестает быть милою, для чего же жить?

– Ты впадешь в большой грех, если умрешь *сам*.

– Дьяволы: да заглянули ли вы в *тоску мою,* чтобы учить теперь, когда все поздно. Какое дело мне до вас? Какое дело вам до меня? И *умру* и *не* умру – *мое дело*. И никакого *вам* дела до меня.

Говорили бы *живому*. Но тогда вы молчали. А над мертвым ваших речей не нужно.

(за набивкой папирос)

Смерть есть то, после чего ничто не интересно.

~

Но она настанет для всего.

~

Неужели же сказать, что – ничтó не интересно?

Может быть, библиография Тургенева теперь для него интересна? Бррр...

«Религия Толстого» не есть ли «туда и сюда» тульского барина, которому хорошо жилось, которого много славили, – и *который ни о чем истинно не болел.*

Истинно и страстно и лично. В холодности Толстого – его смертная часть.

(читая Перцова о «Сборнике в его память»)

Как я смотрю на свое «почти революционное» увлечение 190..., нет 1897–1906 гг.?

– Оно было пра́во.

Отвратительное человека начинается с самодовольства.

И тогда самодовольны были чиновники.

Потом стали революционеры. И я возненавидел их.

Перечитал свою статью о Леонтьеве (сборник в память его). Не нравится. В ней есть *тайная* пошлость, заключающаяся в том, что, говоря о *другом*, и притом *любимом* человеке, я должен был говорить о нем, не прибавляя «и себя». А я прибавлял. Это так молодо, мелочно, – и говорит о нелюбви моей к покойному, тогда как я его любил и люблю. Но – как вдова, которая «все-таки посмотрелась в зеркало».

Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в зеркало.

Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: – смотрятся в зеркало, – *не* смотрятся в зеркало.

Соловьёв не имел силы отстранить это зеркало, Леонтьев не видел его.

Я невестюсь перед всем миром: вот откуда постоянное волнение.

Авр. невестился перед Иег., а я перед природой. Это и вся разница.
Я знаю все, что было открыто ему.

Писателю необходимо подавить в себе писателя («писательство», литературщину). Только достигнув этого, он становится писатель; не «делал», а «сделал».

Чем я более всего поражен в жизни? и за всю жизнь?
Неблагородством.
И – благородством.

И тем, что благородное всегда в унижении.

Свинство почти всегда торжествует. Оскорбляющее свинство.

...вообще, когда меня порицают (Левин, другие) – то это справедливо (порицательная вещь, дурная вещь). Только не в цинизме: мне не было бы трудно в этом признаться, но этого зги нет во мне. Какой же цинизм в существенно кротком? В постоянно почти грустном? Нет, другое.

Во мне нет ясности, настоящей *деятельной* доброты и открытости. Душа моя какая-то *путаница,* из которой я не умею *вытащить ногу...*

И отсюда такое глубокое бессилие. (Немножко все это, т. е. путаница, – выражается в моем стиле).

Французы неспособны к республике, как неспособны и к монархии. У них нет ни нормальных монархических чувств, ни нормальных республиканских. Они неспособны к любви, привязанности, доверию, обожанию. Какая же может быть тогда монархия? А республика... какие же республиканцы – эти карманщики, эти портмонэ, около которых, – каждого, – поставлен счетчик и сторож, именующий себя citoyen? Это и есть сторожа своих карманов.

Чем же она (Франция) держится? Всего меньше «республиканским строем». Квартал к кварталу, город к городу, департамент к департаменту. Почему же всему этому не «держаться», если ничто их не разрушает, не раскалачивает, не бьет, не валит? Сухой лес еще долго стоит.

Что́ за мерзость... нет, что́ за *ужас* их маленькие повестушки... Прошлым летом прочел одну – фельетон в «Утре России». Она стояла у меня как кошмар в воображении. Вот сюжет: три сестры – проститутки. Отец и мать – швейцар дома. Третья, младшая сестра, влюбилась в студента, перешла на чердак к нему и (тут вся ирония автора) нанесла бесчестье отцу, матери, сестрам. Она – «погибшая».

Только дочитав рассказ, и еще вторично пробежав, – догадываешься, в чем дело, т. е. что проститутки. В сумерки оне появлялись в шикарном café и садились так, чтобы быть видными в соответствующем освещении. Одеты великолепно, и вообще считаешь их «барышнями» – пока не дочтешь. Потом только о всем догадываешься: больше из судьбы третьей сестры, и общего иронического тона автора. Отец и мать, вечером и утром, в уютной своей швейцарской, потягивают душистый кофе, который заканчивают рюмкою дорогого вина. Дочери к ним почтительны, любящи, – и «зарабатывают» на кофе и вино.

Дети почитают родителей, и родители любят своих детей. Старик и старушка. И три красавицы. Нужно сказать, что я знаю (пришлось *слышать*, но слышать о тех девушках, которых я *видал*) два подобных случая в Петербурге. Именно, – матери, указав на лежащую в коляске кокотку, сказали дочерям лет 16-ти: «Вот бы тебе подцепить дружка, *как эта*» (кокотка), «Вот бы тебе устроиться к кому-нибудь».

Ну, и – факт. Грубость семьи, пошлость тона. Пол дочери зачеркнут мегерой, которая сама не имеет пола, и «что́-то вроде пола» рассматривается, как «неразменный рубль». Впрочем, я рационализирую и придумываю. То, что *виделось*, – было просто грязная мочалка, грязная неметеная комната. Наконец, в детстве (ничего не понимая, – еще до поступления в гимназию) мне пришлось видеть глазами историю хуже. Офицер от себя отпускал молодую женщину, когда извозчик постучит в окно: «Здесь Анна Ивановна? Зовут в гостиницу».

Итак, видал, слыхал. Но этого подленького, *уже авторского*, уже citoyen – «пили кофе и любили винцо, потому что дочери хорошо получали», этого *лакея-литератора,* сводящего все событие, в сущности, огромного быта и, может быть, скрытой огромной психологии к вкусовому ощущению хорошего винца на языке, – я не встречал... Даже «хуже» здесь – в сущности, лучше. Вовсе не в получаемой «монете» здесь дело, не в «кофе» поутру, а в другом: в преувеличенной развращенности уже стариков родителей или альфонса-любовника. Вообще тут квадрат угара, а «монета» – только прикладное. И этот квадрат угара есть все-таки феномен природы, в который мы можем вдумываться, который мы можем изучать, тогда как совершенно не́чего ни думать, ни изучать у этого француза, который рассмотрел здесь одну бухгалтерскую книгу и щекотание нёбных нервов. Падший здесь – литератор. О, он гораздо ниже стоит и швейцара со швейцарихой, и сестер-кокоток. У кокоток – и развитие кокоток, и начитанность кокоток, и религия кокоток, и все. Маленькое животное, имеющее маленький корм. Но литератор, но литература, унижающиеся до этого торжественно-язвительного:

Се – *лев,* а се – *человек*

– после Вольтера, Руссо, после Паскаля, Монтаня, после Гизо, Тьери, Араго...

В «социальном строе» один везет, а девятеро лодарничают...

И думается: «социальный вопрос» не есть ли вопрос о девяти дармоедах из десяти, а вовсе не в том, чтобы у *немногих* отнять и поделить между всеми.

Ибо после дележа будет 14 на шее одного трудолюбца; и окончательно задавят его. «Упразднить» же себя и даже принудительно поставить на работу они никак не дадут, потому что у них «большинство голосов», да и просто кулак огромнее.

Любовь подобна жажде. Она есть жаждание души тела (т. е. души, коей проявлением служит тело). Любовь всегда – к тому, чего «особенно недостает мне», жаждущему.

~

Любовь есть томление; она *томит*; и убивает, когда не удовлетворена.

~

Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда *возрождает*. Любовь есть *возрождение*.

~

Любовь есть взаимное пожирание, поглощение. Любовь – это всегда обмен – души-тела. Поэтому, когда *нéчему* обмениваться, любовь погасает. И она *всегда* погасает по одной причине: исчерпанности матерьяла для обмена, остановки обмена, сытости взаимной, сходства-тожества когда-то *любивших* и *разных*.

Зубцы (разница) перетираются, сглаживаются, не зацепляют друг друга. И «вал» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла *машина*, как *стройность* и *гармония* «противоположностей».

Эта любовь, естественно умершая, *никогда не возродится*...

Отсюда, раньше ее (полного) окончания, вспыхивают *измены*, как последняя надежда любви: ничто так не *отдаляет* (творит *разницу*) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще *не стёршийся зубец* – нарастает, и с ним зацепливается противолежащий зубчик. Движение опять возможно, éсть, – сколько-нибудь. Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, «починка» любви, «заплата» на изношенное и ветхое. Очень нередко «надтреснутая» любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем, и образует сносное счастье до конца жизни. Тогда как без «измены» любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; *умерли окончательно*.

...право, русские напоминают собою каких-то арабов, странствующих по своей земле...

И «при свете звезд поющих песни» (литература). *Дело* все не в русских руках.

Почтмейстер, заглядывавший в частные письма («Ревизор»), был хорошего литературного вкуса человек.

Раз, лет 25 назад, я пошел случайно на чердак. Старый чемодан. Поднял крышку, – и увидел, что он до краев набит (в конвертах) старыми письмами. Сойдя вниз, я спросил:

– Что́ это?

– Это мои (ко мне) старые письма, – сказала женщина-врач, знаменитая деятельница 60-х годов.

Целый чемодан!

Читая иногда письма прислуге, я бывал поражен красками народного го́вора, народной души, народного мировоззрения и быта. И думал: «Да это – литература, прекраснейшая литература».

Письма писателей вообще скучны, бесцветны. Они, как скупые, «цветочки» приберегают для печати, и все письма их – полинявшие, тусклые, без «го́вора». Их бы и печатать не сто́ило. Но корреспонденция частных людей истинно замечательна.

Каждый век (в частных письмах) говорит своим языком. Каждое сословие. Каждый человек.

Вместо «ерунды в повестях» выбросить бы из журналов эту новейшую беллетристику и вместо ее...

Ну, – печатать *дело:* науку, рассуждения, философию.

Но иногда, а впрочем, лучше в отдельных книгах, вот воспроизвести чемодан старых писем. Цветков и Гершензон много бы оттуда выудили. Да и «зачитался бы *с задумчивостью»* иной читатель, немногие серьезные люди...

Приятно стоять «выше морали» и на просьбы кредиторов – по-наполеоновски размахнуться и гордо ответить: «Не плачу». Но окаянно, когда мне не платят; а за «ближними» есть должишки. Перебиваюсь, жду. Не знаю, как выдти из положения: в мелочной задолжал. Не обращаться же к приставу, хоть и подумываю.

(философия Ницше)

Да, я коварен, как Цезарь Борджиа: и про друзей своих чорт знает что́ говорю. Люблю эту черную измену, в которой блестят глаза демонов. Но ужасно неприятно, что моя квартирная хозяйка распространяет по лестнице сплетню, будто я живу с горничной, – и дворники «так запанибрата» смотрят на меня, как будто я уже и не барин.

~

Я барин. И хочу, чтобы меня уважали как барина.

~

До «ницшеанской свободы» можно дойти, только «пройдя через барина». А как же я «пройду через барина», когда мне долгов не платят, по лестнице говорят гадости, и даже на улице кто-то заехал в рыло, т. е. попал мне в лицо, и, когда я хотел позвать городового, спьяна закричал:

– Презренный, ты не знаешь новой морали, по которой давать ближнему в ухо не только не порочно, но даже добродетельно.

Я понимаю, что это *так*, если я даю. Но когда мне дают?..

(тоже философия)

Рцы точно без рук и без ног. Только голова и живот.

~

Смотрит, думает и кушает.

Ему приходится «служить». Бедный. На службе в контроле он мне показал из-под полы великолепные «пахитоски»:

– Из Испании. От друга. Контрабанда.

Потом я таких нигде не встречал.

На обеде с Шараповым и еще каким-то пароходчиком я услышал от него замечательное выражение: «вкусовая гамма» (что́ после чего есть).

~

Но сидя и не двигаясь, он все отлично обдумывает, и не ошибается в расчете и плане. Он есть естественный и превосходный *директор-воспитатель*, с 3–4 подручными «субиками», лицея, правоведения, чего угодно. А он вынужден был «проверять отчетность» в железнодорожном департаменте. Поневоле он занимался пахитосками.

От него я слышал замечательные выражения. Весь настороженный и как-то ударя пальцем по воздуху, он проникновенно сказал раз:

«Такт есть *ум сердца»*. Как это деликатно и тонко.

Еще:

«Да, он не может читать лекций. И вообще – ничего не может. У нас его и вообще таких гонят в шею. В Оксфорде его оставляют. Он копается в книгах. Он ищет, находит, нюхает. *Он – призванный ученый*; ученый по вдохновению, а не по диплому. И молодым людям из элементарной школы и почти что с улицы полезно видеть около себя эту постоянную фигуру сгорбленного над книгами человека, которая их учит больше, чем лекции молодого, блестящего говоруна».

Ведь это – канон для университетов, о котором не догадался ни один из русских министров просвещения.

Есть *несвоевременные* слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду и высокую человеческую правду. Однако, если бы эта «правда» расползлась в десятках и сотнях тысяч листков, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли, – доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то́ пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона.

Вероятнее, они призвали бы «способных иностранцев» завоевать Россию, как собирался позвать их Смердяков и как призывал их к этому идейно «Современник»; также и Карамзин не написал бы своей «Истории». Вот почему Радищев и Новиков хотя говорили «правду», но – не нужную, *в то время – не нужную*. И их, собственно, устранили, а словам их не дали удовлетворения. Это – не против мысли их, а против *распространения* этой мысли. Вольно же было Гутенбергу изобретать свою машинку. С тех пор и началось «стеснение свободы мысли», которая на самом деле состоит в «не хотим слушать».

Национальность для каждой нации есть *рок* ее, *судьба* ее; может быть, даже и черная. Судьба в ее *силе*.

~

«От *Судьбы* не уйдешь»: и из «оков народа» тоже не уйдешь.

– Посидите, Федор Эдуардович.

– Нельзя. Меня Бызов ждет.

– Что́ такое «Бызов».

– Товарищ. Из университета. Тоже вышел.

– Ну?

– Я пошел к вам. Да зашел к нему: «Пойдемте вместе, а то мне скучно». Он теперь ждет меня у ворот.

И до сих пор «Шперка» я не могу представить *«и»* без «Бызова». Шперк всегда «с Бызовым». Что́ такое «Бызов» и какой он с виду, я никогда не видал. Но знаю наверное, что не мог бы так привязаться к Шперку, если бы он не был «с Бызовым» и вечно бы не таскал его с собой.

Еще Шперк приучился таскаться к философу... забыл фамилию. Он (под псевдонимом) издал умопомрачительную по величине и, должно быть, по глубине книгу – «Кристаллы человеческого духа». Радлов и Введенский, конечно, не читали ее. Забыл фамилию. Леднев (псевдоним)... Он жил за Охтой, там у него был свой домик, с палисадником, а сам он был маклером на бирже; маклером-философом. У него была уже дочь замужняя, и вообще он был в летах.

Моя жена («друг») и этот маклер были причиною перехода Шперка в православие. Шперк удивительно к нему привязался; попросту и по-благородному – «по-собачьи». Маклер был для него самый мудрый человек в России, – «куда́ Введенский и Радлов». Он был действительно прекрасный русский человек, во всех книгах начитанный и постоянно размышляющий. Он упрекал Шперка, что тот выпускает все брошюры, т. е. «расходуется на мелочи».

Наблюдать любовь к нему Шперка было удивительно и трогательно.

Вспомнил фамилию философа – *Свечин*.

– Барин, какой вы жестокий.

– А что́, няня?..

– Да вы заснули.

«Боже! Боже! Заснул!!!».

А Шперк все тем же музыкальным, вникающим в душу голосом читал «Душа моя» (поэма его в белых стихах).

– «Вы читайте, Федор Эдуардович, а я полежу», – сказал я. И в *чтении* его – все было понятно, как в *разговорах* его – все понятно. Но когда *сам его читаешь по печатному* – ничего не понимаешь.

Я встал. Он улыбнулся. Он никогда на меня не сердился, зная, что я никогда не захочу его обидеть. И мы пошли пить чай.

(в С.-Петербурге, на Павловской улице)

Взгляните на растение. Ну там «клеточка к клеточке», «протоплазма» и все такое. Понятно, рационально и физиологично.

«Вполне научно».

Но в растении, «как растет оно», есть еще художество. В грибе одно, в березе другое: но и в грибе художество, и в березе художество.

Разве «ель на косогоре» не художественное произведение? Разве она не картина ранее, чем ее можно было взять на картину? Откуда вот это-то?!

Боже, откуда?

Боже, – от Тебя.

Язычество, спрессованное «до невозможности», до потери всех форм, скульптур, – это юдаизм. Потом спрессовывание еще продолжилось: теперь только запах несется, материи нет, обращена в «0»: это – христианство. Таким образом, можно рассматривать все религии, как «одно развитие», без противоречий, противодвижений, как постепенное сжимание материи до плотности «металла» и до «один пар несется».

Можно ли?

После хиротонии, облекшись в «ризы нетления», – он оглядится по сторонам и начинает соображать доходы.

(судьба русского архиерея) (не все)

Он был самоотверженный человек и не жил с своей женой. С ней жили другие. Сперва секретарь, потом сын друга (С), потом кто попало. Он плакал.

~

Раз едем на извозчике, куда-то или откуда-то. Он и говорит:

– Чтобы жить хорошо, не надо иметь денег.

– Как?

– Вы нуждаетесь?

– Да.

– Отлично. Мы берем вексель, я и Рцы ставим свои бланки, вы идете в банк и учитываете...

– Как «учитываете»?

– Так учитываете. Вам выдают не полную сумму, а немного вычитая. Вексель остается в банке. Разумеется, вы его выкупаете *сами,* когда деньги будут. Так что *сейчас* вовсе не надо иметь деньги, а только быть уверенным, что *потом получите*, и на это «потом получите» – жить.

Отличное *«сейчас»*!

– Это какая-то сказка.

– Да! И потом – тоже «переписать» вексель, еще дальше на «будущее». Так я живу, и вот сколько лет, и не нуждаюсь.

(море житейское)

О мое «не хочется» разбивался всякий наскок.

Я почти лишен страстей. «Хочется» мне очень редко. Но мое «не хочется» есть истинная страсть.

От этого я так мало замешан, «соучаствую» миру.

Точно откатился куда-то в сторону и закатился в канавку. И из нее смотрю – только с любопытством, но не с «хочу».

(почью в постели)

То, чему я никогда бы не поверил и чему поверить невозможно, – *есть в действительности*: что все наши ошибки, грехи, злые мысли, злые отношения, с самого притом детства, в юности и проч., имеют себе *соответствие* в пожилом возрасте и особенно в старости. Что жизнь, таким образом (наша биография), есть *организм,* а вовсе не «отдельные поступки».

Жизнь (биография) *органична*: кто́ бы мог этому поверить?! Мы всегда считаем, что она «цепь отдельных поступков», которую я «поверну куда́ хочу» (т. е. что такова жизнь).

Как я чувствовал родных? Никак. Отца не видал и поэтому совершенно и никак его не чувствую и никогда о нем не думаю («вспоминать», естественно, не могу о том, чего нет «в памяти»). Но и маму, я только «когда уже все кончилось» (†), почувствовал каким-то больным чувством, при жизни же ее не почувствовал и не любил; и мы, дети, до того были нелепы и ничего не понимали, что раз хотели (обсуждали это, сидя «на бревнах», – был «сруб» по соседству) жаловаться на нее в полицию. Только когда все кончилось и я

стал приходить в возраст, а главное – когда сам почувствовал первые боли (биография), я «вызвал тень ее из гроба» и страшно с ней связался. Темненькая, маленькая, «из дворянского рода Шишкиных» (очень гордилась) – всегда раздраженная, всегда печальная, какая-то измученная, ужасно измученная (я потом только догадался), в сущности, ужасно много работавшая, и последние года два больная. Правда, она с нами ни о чем не беседовала и не играла: но *до этого ли* ей было, во-первых; а во-вторых, она физически видела нашу от нее отчужденность и почти вражду; и, естественно, «бросила разговаривать» с «такими дураками». Только потом (из писем к Коле) я увидел, или, лучше сказать, узнал, что она постоянно о нас думала и заботилась, а только «не разговаривала с дураками», потому что они «ничего не понимали». И мы, конечно, «ничего не понимали» со своей «полицией». И потом эта память ее молитвы ночью (без огня), и толстый «акафистник» с буро-желтыми пятнами (деревянное пролившееся масло), и как я ей читал (лет 7-ми, 8-ми, даже 5-ти?) «Училище благочестия» и там помню историю «О Гурие, Самоне (?) и Авиве». Мне эти истории очень нравились, коротенькие и понятные. И мамаша их любила.

Но на наш «не мирный дом» как бы хорошо повеяла зажженная лампадка. Но ее не было (денег не было ни на масло, ни на самую лампадку).

И весь дом был какой-то – у!-у!-у! – темный и злой. И мы все были несчастны. Но что «были несчастны» – я понял потом. Тогда же хотелось только «на всех сердиться».

(за нумизматикой)

До встречи с домом «бабушки» (откуда взял вторую жену) я вообще не видел в жизни гармонии, благообразия, доброты. Мир для меня был не Космос *(χοσμεω – украшаю)*, а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, что́ такое и зачем вообще жизнь? – такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, «О понимании») – этого всегда хотелось, это «летело»: но что́ творится, в области действия или вообще «жизни», – хаос, мучение и проклятие.

И вдруг я встретил этот домик в 4 окошечка, подле Введения (церковь, Елец), где было все *благородно.*

В первый раз в жизни я увидал *благородных людей* и *благородную жизнь.*

И жизнь очень бедна, и люди очень бедны. Но никакой тоски, черни, даже жалоб не было. Было что-то «благословенное» в самом доме, в деревянных его стенах, в окошечке в сенях на «За-Сосну» (часть города). В глупой толстой Марье (прислуге), которую терпели, хотя она глупа, – и никто не обижал.

И никто вообще никого не обижал в этом благословенном доме. Тут не было совсем «сердитости», без которой я не помню ни одного русского дома. Тут тоже не было никакого завидования, «почему другой живет лучше», «почему он счастливее нас», – как это опять-таки решительно во всяком русском доме.

Я был удивлен. Моя «новая философия», уже не «понимания», а «жизни», – началась с великого удивления...

«Как могут быть синтетические суждения a-priori»: с вопроса этого началась философия Канта. Моя же новая «философия» жизни началась не с вопроса, а скорее с зрения и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости *от одного этого* – счастлива; как люди могут во всем нуждаться, «в судаке к обеду», «в дровах к 1-му числу»: и жить благородно и счастливо, жить с тяжелыми, грустными, без конца грустными воспоминаниями: и быть счастливыми по тому одному, что они ни против кого не грешат (не завидуют) и ни против кого не виновны.

Ни внучка 7-ми лет, «Санюша», ни молодая женщина 27 лет, ее мать, ни мать ее – бабушка, лет 55.

И я все полюбил. Устал писать. Но с этого и началась моя новая жизнь.

(за нумизматикой)

Может быть, даже и нет *идеи* бессмертия души, но есть *чувство бессмертия* души, и проистекает оно *из любви*. Я оттого отвергал или «не интересовался» бессмертием души, что мало любил свою мамочку; жалел ее – но это другое, чем любовь, или не совсем то́... Если бы я ее *свежее*, горячее любил, если бы мне больнее и страшнее было, что «ее нет»: то вот и «бессмертие души», «вечная жизнь», «загробное существование». Но, может быть, это «гипотеза любви»? Какая же «гипотеза», когда я «ем хлеб» и умру без «ем». Это – просто «еда», как «обращение земли около солнца» и проч. космическое. Так из великой *космологической* тоски (ибо тоска-то эта *космологическая*) при разлуке в смерти – получается, что «за гробом встретимся». Это как «вода течет», «огонь жжет» и «хлеб сытит»: так «душа *не умирает*» в смерти тела, а лишь раздирается с телом и отделяется от тела. Почему это *должно быть* так – нельзя доказать, а видим просто все, и знаем все, что – *есть*. К числу этих вечных «есть», на которых мир держится, принадлежит и вечность «я», моего «горя», моей «радости». Идея эта, – или, вернее, связывающее нас всех живущих чувство, до того благородна, возвышенна, нежна, что что́ же такое перед нею «Госуд. Дума» или «Ленская забастовка», или лошадиное «предлагаю всем встать» (при известии о смерти)... А между тем эту идею и это чувство отвергает наш мир. Не хочет и не знает ее, смеется над нею. Не значит ли это, что «наш мир» (и его понятия) есть что-то до такой степени преходящее и зыбкое, до такой степени никому не нужное, – не нужное *следующему же за нами поколению*, – что даже страшно подумать. Турнюры.

– Носили женщины турнюры.

– А? Что?

– Турнюры, говорю.

– Ну, так что́ же? Больше не видим.

– В том и дело, что «не видим». Так вот «не увидим» завтра всего «нашего времени», с парламентами, Дарвином и забастовками. И, может, по такой малости, что вот ему (наш. времени) не нужно было «бессмертия души».

Нежная-то идея и переживет железные идеи. Порвутся рельсы. Поломаются машины. А что человеку «плачется» при одной угрозе «вечною разлукою» – это никогда не порвется, не истощится.

Верьте, люди, в нежные идеи. Бросьте железо: оно – паутина. Истинное железо – слезы, вздохи и тоска. Истинное, что́ никогда не разрушится – одно *благородное*.

~

Им и живите.

(21 апреля)

Что́-то такое *противное* есть в моем слоге. С *противным* – все не вечно. Значит, я временен?

Противное это в каком-то самодовольстве. Даже иногда в самоупоении. Точно у меня масляное брюхо, и я сам его намаслил. Правда, от этого я точно *лечу*, – и это, конечно, качество. Но в полете нет праведного тихого шествования. Которое лучше.

Мой идеал – тихое, благородное, чистое. Как я далек от него.

Когда так сознаешь себя, думаешь: как же *трудна литература*! Поистине, тот только «писатель», кто чист душою и прожил чистую жизнь. Сделаться писателем – совершенно невозможно. Нужно родиться, и «удалась бы биография».

Чистый – вот Пушкин. Как устарела (через 17 лет) моя статья из «Русск. Вестн.» (вырезанная, – цензура), которою все восхищались. Она смешна, уродлива, напыжена. Я бы не издавал ее, если бы предварительно перечитал: а «уже сдал в набор», – то́ пошла. В «Капитанской дочке» ни одна строка не устарела: а ей 80 лет!!

В чем же тут тайна? В необыкновенной полноте Пушкинского духа. У меня дух вовсе не полный.

Какой я весь судорожный и – жалкий. Какой-то весь растрепанный:

Последняя туча разорванной бури...

И *сам* себя растрепал, и «укатали *горки*».

Когда это сознаешь (т. е. ничтожество), как чувствуешь себя несчастным.

Вообще полезно заглядывать в прежние сочинения (я – никогда). Вдруг узнаешь меру себе. «Сейчас – все упоительно», и, может быть, это уже fatum. Но прошли годы, обернулся, и скажешь: «Ложь! Ложь!».

Грустно и страшно.

(за корректурою книги «О монархии», – вырезанной в 1896 г. из «Русск. Вестн.»)

Вот когда почувствуешь свое бессилие в литературе, вдруг начинаешь уважать литературу: «Как это *трудно! Я не могу!*» Где «*я не могу*» – удивление и затем восхищение (что другой мог).

У меня это редкий гость, редчайший.

Есть ведь и маленькие писатели, но совершенно *чистые.*

Как они счастливы!

Настоящей серьезности человек достигает, только когда умирает.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Неужели же вся жизнь легкомыслие?

Вся.

Памятники не удаются у русских (Гоголю, и т. д.), потому что единственный нормальный памятник – *часовня*, и в ней неугасимая лампада «по рабе Божием Николае» (Гог.).

Милая Надежда Роман. (Щерб.) незадолго до кончины говорила мужу: «Поставь мне только деревянный крест». Т. е. даже не каменный. Между тем она своей маме сшила зимнее пальто на белой шелковой подкладке. Та была больная, – душевно (несколько), от семейного несчастия, – и у нее была такая придурь: театр, красивая одежда; жила же в бедности. Деньги на пальто дочь собрала из уроков рисования.

Вот *ее* несколько слов, оброненных на ходу, стоят всех наших «сочинений» по религии.

Какая она вся была милая. Она знала мое «направление» (отрицательное) и никогда меня не осудила.

(Между прочим, она любила очень и античное искусство. Мужа возила «по заграницам»).

А знаете ли вы, что урожденная она – Миллер (отец ее – в Учетном банке заведовал каким-то отделом). Сестра ее совсем пошла в монахини.

~

А мы, русские, бросаем веру и монастыри.

Да, этот странный *занавес*, замыкавший одно отделение от соседнего, – не стена, не решетка, – занавес *цветной* и *нарядный*, наконец – *со складками*, как бы *со сборками*, – и куда так страшно запрещено было входить, куда

единожды в год входивший не вносил света, не мог иметь при себе свечи или факела, что́ было бы так естественно, чтобы не наткнуться и чтобы сделать там что́ нужно, – он в высшей степени напоминает просто сборчатую цветную юбку, подол, «кра́я которого», конечно, «никто не поднимает»?

Отвечает ли этому остальное расположение всего и предметы, там поставленные?

(скиния Моисея)

Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь.

(в ват...)

Отроду я никогда не любил читать Евангелия. Не влекло. Читал – учась и потом – но ничего особенного не находил. Чудеса (все «победы» над природой) меня не поражали и даже не занимали. Слова, речи – я их не находил необыкновенными, кроме какой-то загадки лица, будущих знаний (разрушение храма и Иерусалима) и чего-то вещего. Напротив, Ветхим Заветом я не мог насытиться: все там мне казалось *правдой* и каким-то необыкновенно *те́плым*, точно внутри слов и строк *струится кровь*, притом родная! Рассказ о вдове из Сарепты Сидонской мне казался «более христианским, чем все христианство».

Тут была какая-то врожденная непредрасположенность: и не невозможно, что она образовалась от ранней моей расположенности к рождению. Есть какая-то несовмещаемость между христианством и «разверстыми ложеснами» (Достоев.).

(однако певчих за обедней с «Благословен Грядый во имя Господне» – я никогда не мог слушать без слез. Но это мне казалось зо́вом, к чему-то другому относящимся. К **Будущему** *и вместе к* **Прежде Покинутому**)

Что́ это было у меня в юности (после 26 лет), предчувствие или желание: что я хожу за больной. Полумрак, и я хожу между ее кроватью и письменным столом. И непременно – вечер.

Так и вышло.

Сравнивал портрет Д. С. Милля с Погодиным. Какое богатство лица у второго и бедность лица у первого.

Все-таки русская литература как-то несравненно колоритна. Какие характеры, какое чудачество. Какая милая чепуха. Не вернусь ли я когда-нибудь к любви литературы? Пока ненавижу.

(за уборкой фотогр. карточек, студентом накупленных)

«Чистосердечный кабак» остается все-таки кабаком. Не спорю – он не язвителен; не спорю, в нем есть что-то привлекательное, «прощаемое». Однако ведь дело-то в том, что он все-таки кабак. Поэтому русская ссылка, что у нас «все так откровенно», нисколько не свидетельствует о золотых россыпях нашего духа и жизни. Ну-ка сложим: praesens кабак, perfectum кабак, futurum* кабак: получим все-таки один кабак, в котором задохнешься.

(при размышлении о Ц-ве, сказавшем, что наше духовенство каково есть, таковым и показывает себя, – что́ меня поразило и привлекло)

Чему я, собственно, враждебен в литературе?

Тому же, чему враждебен в человеке: самодовольству.

Самодовольный Герцен мне в той же мере противен, как полковник Скалозуб. Счастливый успехами – в литературе, в женитьбе, в службе – Грибоедов, в моем вкусе, опять тот же полковник Скалозуб. Скалозуб нам неприятен не тем, что он был военный (им был Рылеев), а тем, что «счастлив в себе». Но этим главным в себе он сливается с Грибоедовым и Герценом.

(идя к доктору)

Кажется, что *существо* литературы есть ложное; не то́ чтобы «теперь» и «эти литера́торы» дурны: но *вся эта область* дурна, и притом по существу своему, от «зерна, из которого выросла».

– Дай-ка я *напишу*, а *все прочтут*?..

Почему «я» и почему «им читать»? В состав входит – «я *умнее* других», «*другие меньше* меня», – и уже это есть грех.

Совершенно не заметили, что́ есть нового в «У.». Сравнивали с «Испов.» Р., тогда как я прежде всего не исповедуюсь.

Новое – *тон*, опять – манускриптов, «до Гутенберга», для себя. Ведь в Средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодоносна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга.

Моя почти таинственная действительная уединенность смогла это. Страхов мне говорил: «Представляйте всегда *читателя*, и пишите, чтобы ему было совершенно *ясно*». Но сколько я ни усиливался представлять читателя, никогда не мог его вообразить. Ни одно читательское лицо мне не вообража-

---

* Настоящее... прошедшее... будущее *(лат.)*.

лось, ни один оценивающий ум не вырисовывался. И я всегда писал *один*, в сущности – для себя. Даже когда плутовски писал, то точно кидал в пропасть «и там поднимется хохот», где-то далеко под землей, а вокруг все-таки никого нет. «Передовые» я любил писать в приемной нашей газеты: посетители, переговоры с ними членов редакции, ходня, шум – и я «По поводу последней речи в Г. Думе». Иногда – в общей зале. И раз сказал сотрудникам: «Господа, тише, я пишу черносотенную статью» (шашки, говор, смех). Смех еще усилился. И было так же глухо, как *до*.

Поразительно впечатление *уже напечатанного*: «Не мое». Поэтому никогда меня не могла унизить брань напечатанного, и я иногда смеясь говорил: «Этот дур. Р–в всегда врет». Но раз Афонька и Шперк, придя ко мне, попросили прочесть уже изготовленное. Я заволновался, испугался, что станут настаивать. И рад был, что подали самовар и позвали чай пить (все добрая В.). Раз в редакции «Мир Искусства» – Мережковский, Философов, Дягилев, Протек., Нувель... Мережковский сказал: «Вот, прочтем *Заметку о Пушкине* В. В–ча» (в корректуре верстаемого номера). Я опять испугался, точно в смятении, и упросил не читать этого. Когда в Рел.-ф. обществе читали мои доклады (по рукописи и *при слушателях перед глазами*), – я бывал до того подавлен, раздавлен, что ничего не слышал (от стыда).

В противность этому смятению перед рукописью (*чтением* ее), к печатному я был совершенно равнодушен, что́ бы там ни было сказано, хорошо, дурно, позорно, смешно; сколько бы ни ругали, впечатление – «точно это *не меня вовсе, а другого ругают*».

Таким образом, «рукописность» души, врожденная и неодолимая, отнюдь не своевольная и не приобретенная, и дала мне *тон* «У.», я думаю, совершенно новый за все века книгопечатания. Можно рассказать о себе очень позорные вещи – и все-таки рассказанное будет «печатным»; можно о себе выдумать «ужасы» – а будет все-таки «литература». Предстояло устранить это опубликование. И я, который наименее опубликовывался уже в печати, сделал еще шаг внутрь, спустился еще на ступень вниз против своей обычной «печати» (халат, штаны) – и очутился «как в бане нагишом», что́ мне не было вовсе трудно. Только мне и одному мне. Больше этого вообще не сможет никто, если не появится *такой же*. Но я думаю, не появится, потому что люди вообще индивидуальны (единичные в лице и «почерках»).

Тут не качество, не сила и не талант, а sui generis generatio*.

Тут, в конце концов, та тайна (граничащая с безумием), что я сам с собой говорю: настолько постоянно и внимательно и *страстно*, что вообще, кроме этого, ничего не слышу. «Вихрь вокруг», *дымит* из меня и около меня, – и ничего не видно, никто не видит меня, «мы с миром незнакомы». В самом деле, дымящаяся головешка (часто в детстве вытаскивал из печи) – похожа на меня: ее совсем не видно, не видно щипцов, которыми ее держишь.

И Господь держит меня щипцами. «Господь надымил мною в мире».

---

* Своего рода наследственность *(лат.)*.

Может быть.

(ночь)

Не выходите, девушки, замуж ни за писателей, ни за ученых.

И писательство, и ученость – эгоизм.

И вы не получите «друга», хотя бы он и звал себя другом.

Выходите за обыкновенного человека, чиновника, конторщика, купца, лучше бы всего за ремесленника. Нет ничего святее ремесла.

И такой будет вам другом.

Каждый в жизни переживает свою «Страстную Неделю». Это – верно.

(из письма Волжского)

Рождаемость не есть ли то́же *выговариваемость себя* миру...

~

Молчаливые люди и нелитературные народы и не имеют других слов к миру, как через детей.

~

Подняв новорожденного на руки, молодая мать может сказать: «Вот мой пророческий глагол».

На мне и грязь хороша, п. ч. это – *я*.

(пук злобных рецензий на «Уед.»)

Мамаша всегда брала меня «за пенсией»... Это было 2 раза в год и было единственными разами, когда она садилась на извозчика. Нельзя передать моего восторга. Сев раньше ее на пролетку, едва она усядется, я, подскакивая на сиденье, говорил:

– Едь, едь, извозчик!

«Поезжай», – скажет мамаша.

И только тогда извозчик тронется.

~

Это были счастливые дни, когда все выкупалось от закладчиков, и мы покупали («в будущее») голову сахару. Пенсия была 150 р. (в год 300 р.). Но какая неосторожность или, точнее, небрежность: получай бы мы ежемесячно 25 р., то́, при своем домике и корове, могли бы существовать. Между тем

доходило иногда до того, что мы питались одним печеным луком (свой огород) с хлебом. Обычно 150 р. «куда-то проплывут», и месяца через 3–4 сидим без ничего.

Как сейчас помню случай: в дому была копейка, и вот «все наши» говорят: «Поди, Вася, купи хлеба 1/2 фунта». Мне ужасно было стыдно ходить с копейкой, – и я молчал и не шел – и наконец пошел. Вошел и сказал равнодушно мальчишке (лет 17) лавочнику: «Хлеба на копейку». Он, кажется, ничего не сказал (мог бы посмеяться), и я был так рад.

Другая мамаша (Ал. Адр. Руднева) по пенсии дьяконицы получала, кажется, 60 руб. в год, по четвертям года, но я помню, – хотя это было незаметно от меня, – с каким облегчением она всегда шла за нею. Бюджет их держался недельно в пределах 3–5–8 рублей: и это была такая помощь!

Мне кажется, в старых пенсиях, этих крошечных, было больше смысла, чем в теперешних обычно «усиленных», которые больше нормальных в 5 приблизительно раз. Человек, в сущности, должен вечно *работать*, вечно быть «полезным другим» до гроба: и пенсия нисколько не должна давать им полного обеспечения, не быть на «неделание». Пенсия – не «рента», на которую бы «беспечально жить», а – *помощь*.

Но зато эти маленькие пенсии, вот по 120 р. в год, должны быть обильно рассыпаны. 120 р. в год, или еще 300 в год – это 3000 – на 10, 30 000 – на 100, 300 000 – на 1000, 3 000 000 – на 10 000, 30 000 000 – на 100 000. «По займам» Россия платит что-то около 300 миллионов; и если бы 1/10 этих уплат выдавалась в пенсию, то в России поддерживалось бы около 1/2 миллиона, может быть, *прекраснейших существований*!

Я бы, в память чудного рассказа Библии, основал из них «Фонд вдовы Сарепты Сидонской». И поручил бы указывать лица для них, т. е. пенсионеров, 1/2 – священникам, 1/2 – врачам.

Перипетии отношений моих к М. – целая «история», притом совершенно мне непонятная. Почему-то (совершенно непонятно, *почему*) он меня постоянно любил, и когда я делал «невозможнейшие» свинства против него в печати, до последней степени *оскорбляющие* (были причины), – которые всякого бы измучили, озлобили, восстановили, которых *я никому бы не простил от себя*, он продолжал удивительным образом любить меня. Раз пришел в Р.-Ф. собрание и сел (спиной к публике) за стол (по должности члена). Все уже собрались. «Вчера» была статья против него, и, конечно, ее все прочли. Вдруг входит М. с своей «Зиной». Я низко наклонился над бумагой: крайне неловко. Думал: «Сделаем вид, что не замечаем друг друга». Вдруг он садится по левую от меня руку, и спокойно, скромно, но и громко, здоровается со мной, протягивая руку. И тут же, в каких-то перипетиях словопрений, говорит не афишированные, а простые, – и в высшей степени *положительные, – слова обо мне*. Я ушам не верил. То же было с Блоком: после оскорбительной статьи о нем, – он издали поклонился, потом подошел и

протянул руку. Что́ это такое – совершенно для меня непостижимо. М. всегда Варю любил, – уважал, и был *внутренно, духовно* к ней внимателен (я чувствовал это). Я же всем им ужасные «свинства» устраивал (минутные раздражения, которым я всегда подчиняюсь). Потому хотя потом М. и Ф. пошли в «Рус. Сл.» и потребовали: «Мы *или* он (Варварин) участвуем в газете», т. е. потребовали моего исключения – к счастью, это мне не повредило, потому что финансово я уже укрепился (35 000), – нужно понять это как «выдержанность стиля» (с.-д. и «общественность»), к которой не было присоединено души. Редко в жизни встретишь любовь и *действительную связанность:* и имя его, и дух, и судьба – да будут благословенны; и дай Б. здоровья (всего больше этого ему нужно) его «З».

11 июля 1912.
(Мер. и Фил.)

Что́ это, неужели я буду «читаем» (успех «Уед.»)?

То́ только, что *«со мной»* будут читаемы, останутся в памяти и получат какой-то там «успех» (может быть, ненужный) Страхов, Леонтьев, Говоруха бы Отрок (не издан); может быть, Фл. и Рцы.

Для «самого» – не надо, и, м. быть, не следует.

11 июня 1912 г.

Что́, однако, для *себя* я хотел бы во влиянии?

Психологичности. Вот этой ввинченности мысли в душу человеческую, – и рассыпчатости, разрыхленности их собственной души (т. е. у читателя). На «образ мыслей» я нисколько не хотел бы влиять; «на убеждения» – даже «и не подумаю». Тут мое глубокое «все равно». Я сам «убеждения» менял, как перчатки, и гораздо больше интересовался калошами (крепки ли), чем убеждениями (своими и чужими).

11 июня 1912 г.

Будет ли хорошо, если я получу влияние? Думаю – *да.* Неужели это иллюзия, что «понимавшие меня люди» казались мне наилучшими и наиболее интересными. Я отчетливо знаю, что это не от самолюбия. Я клал свое «да» на этих людей, любовь свою, видя, что они проникновеннее чувствуют душу человеческую, мир, коров, звезды, *все* (рассказы Цв-а о мучащихся птицах и больных собаках, о священнике в Сибири и о проказе, – умер, и с попадьей, ухаживая). Вот такой человек – «брат мне», «лучший, чем я». Между тем как Струве сколько ни долдонил мне о «партиях» и что «без партийности нет политики», я был как кирпич, и он был для меня кирпич. Так. обр., «мое влияние» было бы в расширении души человеческой, в том, что «дышит *всем*» душа, что она «вбирает *в себя все*».

Что душа была бы нежнее, чтобы у нее было больше ухо, больше ноздри. Я хочу, чтобы люди «все цветы нюхали»...

И – больше, в сущности, ничего не хочу:

И царства ею сокрушатся,
И всем мирам она грозит

(о смерти). Если – *так*, то что́ остается человеку, что́ остается бедному человеку, как не нюхать цветы в поле.

~

Понюхал. Умер. И – могила.

11 июля 1912

Конечно, я ценил ум (без него скучно): но ни на какую степень его не *любовался*.

С умом – интересно; это – само собою. Но почему-то не привлекает и не восхищает (совсем другая категория).

Чем же нас тянет Б..? Явно – не умом, не «премудростью». Чем же?

Любованье мое всегда было на *душу*. Вот тут я смотрел и «забывался» (как при музыке)... Душа – обворожительна (совсем другая категория). Тогда не тянет ли Б. мира «обворожительностью»? Во всяком случае он тянет душою, а не мудростью, Б. – *душа мира*, а – не *мировой разум* (совсем разница).

11 июля 1912

Сколько праздношатающихся интеллигентов «болты болтают»: а в аптекарских магазинах (по 2 на каждой улице) засели прозорливые евреи, и ни один русский не пущен даже в приказчики. Сегодня я раскричался в одном таком: «Все взяли вы, евреи, в свои руки». Молоденькая еврейка у кассы мне ответила: «Пусть же русские входят с нами в компанию».

– Ведь 100 % дает эта торговля! – сказал я, со слов одного русского «с садоводством» (видел в бане).

– Нет, только 50 процентов.

~

Пятьдесят процентов барыша!!

Русский ленивец нюхает воздух, не пахнет ли где «оппозицией». И, найдя таковую, немедленно пристает к ней и тогда уже окончательно успокаивается, найдя оправдание себе в мире, найдя смысл свой, найдя, в сущности, себе «Царство Небесное». Как же в России не быть оппозиции, если она таким образом всех успокаивает и разрешает тысячи и миллионы личных проблем.

«Так» было бы неловко существовать; но «так» *с оппозицией* – есть житейское comme il faut*.

* Как следует *(фр.)*.

Пришел вонючий «разночинец». Пришел со своею ненавистью, пришел со своею завистью, пришел со своею грязью. И грязь, и зависть, и ненависть имели, однако, свою силу, и это окружило его ореолом «мрачного демона отрицания»; но под демоном скрывался просто лакей. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру от Державина до Пушкина. Культуру и литературу...

(«разночинцы» в литературе и упоение ими разночинца-Михайловского)

Как мог я говорить («Уед.») о своем величии, о своей значительности около больного?

Как хватило духу, как смел. Какое легкомыслие.

Нравились ли мне женщины как *тела*, телом?

Ну, кроме мистики... *in concreto**? Вот «та» и «эта» около плеча?

Да, именно – «около плеча», но и только. Всегда хотелось пощипать (никогда не щипал). С детства. Всегда любовался, щеки, шея. Более всего грудь.

Но отвернувшись, даже минуты не помнил.

Помнил всегда дух и в нем страдание (это *годы* помнил о *минутно* виденном).

~

Хищное («хищная женщина») меня даже не занимало. В самом теле я любил доброту его. Пожалуй – добро́тность его.

~

Волновали и притягивали, скорее же очаровывали – груди и беременный живот. Я постоянно хотел видеть весь мир беременным.

~

Мне кажется, женщины «около плеча» это чувствовали. Был Сологубовский вечер, с плясавицами («12 привидений»?). Народу тьма. Я сидел в ряду 16-м и, воспользовавшись, что кто-то не сидел ряду в 3-м, к последнему действию перешел туда. Рядом дама лет 45. Так как все состояло вовсе не из «привидений», а из открытых «досюда» актрис, то я в антракте сказал полусоседке, а отчасти «в воздух»:

– Да, над всем этим смеются и около всего этого играют. А между тем *как все это важно для здоровья*! То есть чтобы все это *жило*, – отнюдь не запиралось, не отрицалось, – и чтобы все около этого совершилось во́-время, естественно и хорошо.

---

* В действительности *(лат.)*.

Соседка поняла замечание и сказала серьезно:

– О, да!

– Как расцветают молодые матери! Как вырабатывается их характер, душа! Замужество – как второе *рождение,* как *поправка к* первому *рождению! Где* недоделали родители, доделывает муж. Он *довершает* девушку, и просто – тем, что он – муж.

– О, да! да! да! – вдохновенно сказала она, и я услышал в голосе что-то личное.

Помолчав, она:

– У меня дочь замужем...

– И есть ребенок?..

– Да. Несколько месяцев. Но уже до ро́дов, только став женою, она вся расцвела. Была худенькая и бледная, все на что-нибудь жаловалась. Постоянно недомогала. Замужество как рукой сняло все это. Она посвежела, расцвела.

– Вы говорите, ребенок? И сама кормит?

– О, да! да! да! Сама кормит.

Что́ же я ей был? «Сосед справа» в 3-м ряду кресел, где вообще чопорные. Но интерес к «животу» моментально снимает между людей перегородки, расстояния, делает «знакомыми», делает друзьями. Эта громадная связывающая, социализирующая роль живота поразительна, трогательна, благородна, возвышенна. От «живота» не меньше идет идей, чем от головы (довольно пустой), и идей самых возвышенных и горячих. Идей самых важных, *жизнетворческих.* То же было у Толстых. София Андреевна не очень была довольна, что мы приехали (без спроса *у нее*; она очень властолюбива). Но заговорили (по поводу ее «Открытого письма к Л. Андрееву»), и уже через ½ часа знакомства она рассказывала о своих родах, числе беременностей, о кормлении грудью. Она вся была великолепна, и я любовался ею. И она рассказывала открыто, прямо и смело.

Она вся благородная и «выступающая» (героическая).

Отношение к женщинам (и девушкам) у меня и есть вот *это*: всегда – к Судьбе их, всегда горячее, всегда точно невидимо за руку я веду их (нить разговора) к забеременению и кормлению детей, в чем нахожу высший *идеализм их существования.*

Встретясь (тоже в театре) с поэтом С. и женой его, которые оба неузнаваемо раздобрели и покрасивели, говорю:

– Вы прежде ходили вверх ногами (декаденты обои), а теперь пошли «по пути Розанова»...

– По какому «пути»?

– По самому обыкновенному. И скоро обои обратитесь в Петра Петровича Петуха. Какой он прежде был весь темный в лице, да и вы – худенькая и изломанная. Теперь же у него лицо ясное, светлое, а у вас бюст вот как вырос.

Они оба сидели, немножко грузные. «Совсем обыкновенные».

Оба смеялись, и им обоим было весело.

– Вы знаете, когда прошла (в литературе) молва о вашем браке – многие высказывали тревогу. Он ведь такой жестокий и сладострастный в стихах, и у него везде чорт трясется в ступе.

Не забуду ее теплого, теплого ответа. Вдохновенно:

– *Добрее* моего (имя и отчество) – нет на свете человека, нет на свете человека!! Добрее, ласковее, внимательнее! – Она вся сияла. Сзади был опыт и *знание.*

Это было поистине чудесно, и чудо сделал «обыкновенный путь». Женщина, сколько-нибудь с умом, выравнивает кривизны мужа, незаметно ведет его в супружестве к идеалу, к лучшему. Ведет его в могущественных гóворах и ласках ночью. «Ну! ну!» – и все «помаленьку!» к лучшему, к норме.

Пол есть гора светов: гора высокая-высокая, откуда исходят светы, лучи его, и распространяются на всю землю, всю ее обливая новым благороднейшим смыслом.

Верьте этой горе. Она просто стоит на четырех деревянных ножках (железо и вообще жёсткий металл недопустимы здесь, как и «язвящие» гвозди недопустимы).

Видел. Свидетельствую. И за это буду стоять.

Пушкин и Лермонтов *кончили* собою всю великолепную Россию от Петра и до себя.

По великому мастерству слова Толстой только немного уступает Пушкину, Лермонтову и Гоголю; у него нет созданий такой чеканки, как «Песнь о купце Калашникове», – такого *разнообразия* «эха», как *весь* Пушкин, такого дьявольского могущества, как «Мертвые души»... У Пушкина даже в отрывках, мелочах и, наконец, в зачеркнутых строках – ничего плоского или глупого... У Толстого *плоских* мест – множество...

Но вот в чем он их всех превосходит: в благородстве и серьезности *цельного движения* жизни; не в «что́ он сделал», но в «что́ он хотел».

Пушкин и Лермонтов «ничего особенного не хотели». Как ни странно при таком гении, но – «не хотели». Именно – все кончали. Именно – закат и вечер целой цивилизации. Вечером вообще «не хочется», хочется «поутру».

Море русское – гладко как стекло. Все – «отражения» и «эха». Эхо «воспоминания»... На всем великолепный «стиль Растрелли»: в дворцах, событиях, праздниках, горестях... Эрмитаж, Державин и Жуковский, Публичная библиотека и Карамзин... В «стиле Растрелли» даже оппозиция: это – декабристы.

Тихая, покойная, глубокая ночь.

Прозрачен воздух, небо блещет...

Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли то́ки мути, болотных пузырьков... Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. «Лишние люди». Тоскующие люди. Дурные люди.

Все врозь. «Тащи нашу монархию в разные стороны». – «Эй, Ванька: ты чего застоялся, тащи! другой минуты не будет».

Горилка. Трепак. Присядка. Да, это уж не «придворный менуэт», а «нравы Растеряевой улицы»...

Толстой из этой мглы поднял голову: «К идеалу!».

Как писатель, он ниже Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Но как человек и благородный человек, он выше их всех... Он даже не очень, пожалуй, умный человек: но никто не напряжен у нас был так в сторону благородных, великих идеалов.

В этом его первенство над всей литературой.

При этом как *натура* он не был так благороден, как Пушкин. Натура – одно, а намерения, «о чем грезится ночью» – другое. О «чем грезилось ночью» – у Толстого выше, чем у кого-нибудь.

И вся радость ее – была в радости других.

(на слова: «Шурочка, кажется, очень довольна» – на сон грядущий мне. Наша общая Мамочка)

Уважение к старому должно быть благочестиво, а не безумно.

(старообрядцам и канонистам)

– Что же именно «канонично»?

– Для уважающего Церковь и любящего ее канонично то, что сейчас клонится к благочестию Церкви, к правде ее, к красоте ее, благоустройству ее, к истине ее. К миру, здоровью и праведной жизни верующих. Но для злых, бесчестных и бессовестных, не любящих Церкви и не блюдущих ее, «канонично» то, что́ «сказали такие, как *мы*, в равном с нами ранге и чине состоявшие». Для них:

– Не церковь, но – *мы*.

И на нечестивых безбожников должна быть положена *узда*.

(Гермогенам и Храповицким – 26 июня 1912 г.)

Будет больше научности, больше филологии, даже добропорядочности больше будет, но *позолоты времен* не будет.

И не будет вдохновения.

Ибо могучие дерева вырастают из старых почв.

(в мыслях о русской реформации)

Голосок у нее был тоненький-тоненький, слабый-слабый: как у прищемленной птички. И выпустив несколько звуков, 1–2 строки песни, всегда рассмеется, как чему-то невозможному у себя.

(когда мама в гамаке запела песню, а я, сидя у окна за статьей, – услышал)

В мышлении моем всегда был какой-то столбняк.

~

Я никогда не догадывался, не искал, не подглядывал, не соображал. Эти обыкновеннейшие способности совершенно исключены из моего существа.

~

Но меня вдруг поражало что́-нибудь. Мысль или предмет. Или «вот *так* бы *(оттуда* бы) бросить свет». «Пораженный», я выпучивал глаза: и смотрел на эту мысль, предмет, или «*оттуда*-то» – иногда годы, да и большею частью годы.

В отношении к предметам, мыслям и «*оттуда*-то» у меня была зачарованность. И не будет ошибкой сказать, что я вообще прожил жизнь в каком-то очаровании.

Она была и очень счастлива и очень грустна.

~

~

~

В сущности, я ни в чем не изменился с Костромы (лет 13). То же равнодушие к «хорошо» и «дурно». Те же поступки по мотиву «любопытно» и «хочется». Та же, пожалуй, холодность или скорей безучастие к окружающему. Та же почти постоянная грусть, откуда-то текущая печаль, которая только ищет «зацепки» или «повода», чтобы перейти в страшную внутреннюю боль, до слез... Та же нежность, только ищущая зацепки.

Основное, пожалуй, мое отношение к миру есть нежность и грусть.

Откуда она и в чем, собственно, она состоит?

Мне печально, что все несовершенно: но отнюдь не в том смысле, что вещи не исполняют какой-то заповеди, какого-то от них ожидания (и на ум не приходит), а что самим вещам как-то нехорошо, они не удовлетворены, им больно. Что вещам «больно», это есть постоянное мое страдание за всю жизнь. Через это «больно» проходит нежность. Вещи мне кажутся какими-то обиженными, какими-то сиротами, кто-то их мало любит, кто-то их мало ценит. «Неженья» же все вещи в высшей степени заслуживают, и мне решительно ни одна вещь в мире не казалась дурною. Я бы ко всем дотрагивался, всем проводил бы «по шёрстке» («против шёрстки» – ни за что́). Поэтому через некоторое «воспитание» (приноровление, привыкание) я мог доходить

до влюбления в прямо безобразные или отвратительные вещи, если только оне представятся мне под «симпатичным уголком», с таким-то «милым уклоном». Мне иногда кажется, что я вечно бы с людьми «воровал у Бога»... не то́ золотые яблоки, не то́ счастье, вот это убавление грусти, вот это убавление боли, вот эту ужасную смертность и «окончательность людей», что все «кончается» и все не «вечно». Это мое воровань у Бога какой-то другой истины вещей, чем какая открывается глазу, не было, однако (отнюдь!), восстанием против Бога... Тут туманы (души и мира) колеблются, и мне все это «ворование с людьми» представлялось чем-то находящимся под тайным покровительством Божиим, точно Бог и сам хотел бы, чтобы «мир был разворован», да только строг закон (Рок, Ανάγκη). Вот эта борьба с Роком стояла постоянно в душе: и, собственно, о чем я плакал и болел – это что есть Рок и Ανάγκη.

Разница между мамочкой и ее матерью («бабушка» А. А. Р.) была, как между ионической и дорической колонной. Я замечал, что м. вся человечнее, мягче, теплее, страстнее. Разнообразнее и проницательнее. Но баб. – тверже, спокойнее, объемистее, общественнее. Для б. была «улица», «околица», «наш приход», где она *всем* интересовалась и мысленно всем «правила вожжи». Для м. «улицы» совершенно не существовало, был только «свой дом»: дети, муж. Даже почти не было «друзей» и «знакомых». Но этот «свой дом» вспыхнул ярко и горячо. Б. могла всю жизнь прожить без личной любви, только в заботе о других: мама этого совершенно не могла, и уже в 14 лет поставила «свою веру в этого человека» как знамя, которого ничто не сломило и никто (у 14-летней!) не смог вырвать. Этого баб. не могла бы и не захотела. Для нее «улица» и авторитет улицы был значущ (для мам. совершенно не значущ).

Так и вышло: из «дорической колонны», простой, вечной – развилась волнующаяся и волнующая ионическая колонна. Верным глазом я узнал обеих (1890 г., подготовительно 1886–1890 гг.).

В рубашонке, запахивая серый (темно-серый) халат, Таня быстрым, торопящимся шагом подходит к письменному столу. Я еще не поднял головы от бумаг, как обе ее руки уже обвиты кругом шеи, и она целует в голову, прощаясь:

– Прощай, папушóк... Как я люблю слушать из-за стены, как ты тут копаешься, точно мышка, в бумагах...

И смеется, и на глазах всегда блестит взволнованная слеза. Слеза всегда готова у ней показаться в ресницах, как у нашей мамы.

И душа ее, и лицо, и фигура похожи на маму, только миньятюрнее.

Я подниму голову и поцелую в смеющуюся щечку. Она всегда в улыбке. Или, точнее, между улыбкой и слезой.

Вся чиста как Ангел небесный, и у нее вовсе нет мутной воды. Как и вовсе нет озорства. Озорства нет оттого, что мы с мамой знаем, что она

много потихоньку плакала, ибо много себя ограничивала, много сдерживала, много работала над собою и себя воспитывала. Никому не говоря.

Года три назад (4? 5?) мы гуляли с Коноплянцевым по высокому берегу моря. В уровень ног и чуть-чуть ниже темнел верх соснового бора, отделявшего обрыв «равнины страны» от собственно морского берега. Это около Тюрсево, за Териоками. И говорю я ему, что меня удивляет, что Белинский лишь незадолго до смерти оценил как лучшее у Пушкина стихотворение – «Когда для смертного умолкнет шумный день». Коноплянцев запамятовал его, и я, порывисто и не умея, хотел сказать хотя 2-ую и 3-ью строки. Шедшая все время молча Таня сказала мне тихо:

– Я, папа, помню.

– Ты?? – обернулся я с недоумением.

– Да. Я тоже его люблю.

И тихо, чуть-чуть застенчиво, она проговорила на мои слова: «Скажи! скажи!!»:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья...

– я чувствовал, что слова, как «сто́гна» и «бденья» – смутны бедной девочке: и если, в какой-то непонятной тревоге, она затвердила довольно трудные по длине строки, то – привлекаемая тайной мукой, сокрытой в строках, кого-то жалея в этих строках, с кем-то ответно разделяясь в этих строках душой. Я весь взволновался, слушая. Коноплянцев молчал. Таня продолжала. И как будто она уже не о другом жалела, а сказывала о себе:

В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят...

Она остановилась, ниже наклонила голову, и слова стали тише:

в уме, подавленном тоской.
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:

Робко, по-детски:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Остановилась.

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в чужих степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Каприды –

так и сказала «*Ка*приды»... Я чувствовал, многих слов она не понимала...

И сердцу вновь наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
И нет отрады мне...

Теперь она почти шептала. Я едва уловлял слова:

– и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые – два данные судьбой
Мне ангела во дни былые!

Металличнее и холоднее, как чужое:

Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба.

Опять с сочувствием:

И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах вечности и гроба.

За всю семейную жизнь свою (20 лет) я не пережил волнения, как слушая от Тани, «которая тут где-то около ног суетится», стихотворение, столь для меня (много лет) разительное. Да, но – для *меня*. А для *нее*??!! С ее «Катакомбами» Евгении Тур, и – не далее? Почему же не «далее»? Оказывается, она пробегла гораздо «далее», чем нам с мамой казалось. И не сказала ни слова. И только на случайный вопрос, сказав стих почти как «урок» (к «уроку» этого никогда не было), вдруг открыла далеко не «урочную» тайну, – о, как далеко пересягающую все их уроки, классы, учителей.

– Хорошо, Таня. Как ты запомнила?

– Я очень люблю это стихотворение.

– С «Каприда»!?

~

Прочел маме (в корректуре).

– Как мне не нравится, что ты все это записываешь. Это должны знать *ты* и *я*. А чтобы рынок это знал – не хорошо. Ты уж лучше опиши, как ты ее за ухо драл.

Но это был другой случай, на Иматре. Когда-нибудь расскажу в другом месте.

Неумолчный шум в душе.

(моя психология)

Днем, когда проснусь ночью, – и, странно, иногда продолжается и в сон (раза 3 «разрешались» во сне недоумения, занимавшие этот день и предыдущие дни).

Не сторожит муж, – не усторожит отец.

(судьба девушек)

«Поспешно»

– прочел я над адресом, неся Надюшкино письмо на кухню (откуда берет их почтальон). И куда это Пучёк (прозвище) пишет свои письма все «поспешно». Раньше все кричала: «Папа! – мне *заказное*» (т. е. послать «заказным»). Я наконец рассердился на расходы, и говорю: «Да зачем тебе *заказным*?» – «*Скорее* доходит!» – «Да, напротив, заказное идет *медленнее*, а только *вернее* доходит».

С тех пор не пишут «заказным», а зато надписывают «поспешно». И куда оне все торопятся – 11, 12, 13-ти лет.

Важничанье письмами – необыкновенное. Избави Бог дотронуться до открытки. Глаза так и сверкают, губы трясутся, и, брызгая слюной, Пучёк кричит, отцу ли, матери ли:

– Это бессовестно *читать чужие письма*!

– Милая, да *открытки* на то и пишутся, чтобы их все читали.

– Вовсе нет!!! Это – письмо!!!! Ведь **не к тебе** оно написано!!!!!

Трясется.

– Милая, – да ведь и глупости там написаны. Что́ такое «Твоя Зоя», или еще: «Я узнала важный секрет. Но скажу тебе осенью, когда соберемся в школу». Правда, в письме есть еще: «Бабушка захворала воспалением легких», но это – в самом конце, сбоку по краю листа и с кляксой, так что очевидно «секрет» важнее.

Раз нам не пришло ни одного письма, а Наде две открытки: то она, схватив их, – выскочила в сад, пробежала огромную аллею, и уже только тогда взглянула на адрес и от кого, и даже – что с картинками. Восторг и, главное, *важность* сорвали ее как вихрь и унесли как свеженький листок в бурю...

У одной основные подруги – это «Зоя» и еще какая-то «Гузарчик», у другой – вечная «Наташа Полевая».

(12 июня 1912 г.)

Как вешний цвет проходит жизнь. Как ужасно это «проходит». Ужасна именно категория *времени*; ужасна эта связь с временем.

Человек – *временен*. Кто может перенести эту мысль...

~

У, как я хочу *вечного*. «Раб времени», тысячелетия или минуты – *все равно*. У, как я не хочу этого «раба времени».

(11 июля 1912 г.)

Только горе открывает нам *великое* и *святое*.

~

До горя – прекрасное, доброе, даже большое. Но никогда именно *великого*, именно *святого*.

(1 июля 1912 г.)

Мы рождаемся для любви.

И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете.

И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете.

(1 июля 1912 г.)

Не спас я мамочку от страшной болезни. А мог бы. Побольше бы внимания к ней, чем к нумизматике, к деньгам, к литературе.

Вот одна и *вся* моя боль. Не «Христос», нисколько. «Христос» и без меня обойдется. У него – много. А у мамочки – только я.

Я был поставлен на страже ее. И не устерег. Вот моя боль.

Жизнь требует верного глаза и твердой руки. Жизнь – не слезы, не вздохи, а борьба; и страшная борьба. Слезы – «дома», «внутри». Снаружи – железо. И только тот дом крепок, который окружен железом.

Во мне было мало железа: и вот отчего мамочке было так трудно. Она везла воз и задыхалась; и защищала его. И боролась за меня.

И возничий упал. А я только оплакиваю его.

(2 июля 1912 г.)

Попы – медное войско около Христа.

~

Его слезы и страдания – ни капли в *них*. Отроду я не видал ни одного заплакавшего попа. Даже «некогда»; всё «должность» и «служба».

~

Как «воины» они и защищают Христа, но в каком-то отношении и погубляют его *тайну* и *главное*.

(может быть, только «наши попы»? притом очевидно – не все). (через $^1/_2$ года после «пришла мысль», т. е. после записи)

Между прочим, ни в ком я не видал такого равнодушного отношения к смерти, как у попов. «Эта метафизика нам нипочем».

(ну, это – не все). (через $^1/_2$ года после «пришла мысль»)

~

Но, однако, при всех порицаниях как страшно остаться без попов. Они содержат вечную возможность слез: позитивизм не содержит самой *возможности, обещания*.

Недостаток слез у попа и есть недостаток; у позитивистов – просто нет их, и это не есть нисколько в позитивизме «недостаток». Вот в чем колоссальная разница.

(все-таки попы мне всего милее на свете). (приписка через $^1/_2$ года)

Режет Темное, режет Черное.

Что́ такое?

Никто не знает.

Всегда в мире был наблюдателем, а не участником.

~

Отсюда такое томление.

Есть люди, которые, как мостик, существуют только для того, чтобы по нему перебегали другие. И бегут, бегут: никто не оглянется, не взглянет под ноги. А мостик служит и этому, и другому, и третьему поколению.

~

Так была наша «бабушка», Александра Адриановна, – в Ельце.

Тайный пафос еврея – быть элегантным. Они вечно моются и душатся. Еврей не выберет некрасивую в танцы, а самую красивую, и будет танцовать с ней до упаду. Вообще они все «до упаду». Но остановимся на элегантности: еврей силится отмыть какую-то мировую нечистоту с себя, какой-то допотопный пот. И все не может. И все испуган, что сосед потихоньку отворачивается от этого пота.

(вспомнив вечеринку в Брянске, с провизорами)

Талант у писателя невольно съедает жизнь его.
Съедает счастье, съедает всё.
Талант – рок. Какой-то опьяняющий рок.

(1-го августа 1912 г.)

Иногда и «на законном основании» – а трясутся ноги; а другой раз «против всех законов» – а в душе поют птички.

С детьми и горькое – сладко. Без детей – и счастья не нужно.
Завещаю всем моим детям, – сын и 4 дочери, – всем иметь детей. Судьба девушки без детей – ужасна, дымна, прогоркла.
Девушка без детей – грешница. Это «канон Розанова» для всей России.

(кроме «лунных людей», с «не хочу! не хочу!» природы)

Мы не по думанью любим, а по любви думаем.
Даже и в мысли – сердце *первое.*

(за занятиями)

Осложнить вдохновение хитростью – вот Византия.
Такова она от перепутанностей дворцовой жизни до канонов и до заставок на рукописях.

(в лесу на прогулке)

...откуда эта *беспредельная злоба?*

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

(о Гоголе)

...демон, хватающийся боязливо за крест.

(он же перед смертью)

Говорят, дорого назначаю цену книгам («Уед».), но ведь сочинения мои замешаны не на воде и даже не на крови человеческой, а на *семени человеческом.*

Не полон ли мир ужасов, которых мы еще совершенно не знаем?

Не потому ли нет полного ведения, что его не вынес бы ум и особенно не вынесло бы сердце человека?

Бедные мы птички... от кустика до кустика и от дня до дня.

Всё воображают, что душа есть существо. Но почему она не есть музыка?

И ищут ее «свойства» («свойства *предмета*»). Но почему она не имеет только *строй*?

(за кофе утр.)

Я вовсе не «боролся» (Мер.), а схватил Победу.

Когда увидал смерть. И я разжал руку.

(на извозчике)

– Дети, вам вредно читать Шерлока Холмса.

И, отобрав пачку, потихоньку зачитываюсь сам.

В каждой – 48 страничек. Теперь «Сиверская – Петербург» пролетают как во сне. Но я грешу и «на сон грядущий», иногда до 4-го часу утра. Ужасные истории.

Боль мира победила радость мира – вот христианство.

И мечтается вернуться к радости. Вот тревоги язычества.

Евреи *подлежат*, а не *надлежат*. Оттого они и «подлежащее» истории.

Евреи – *суккубы* своего божества (средневековый термин).

(на Гороховой за покупками)

Пройдет все, пройдем мы, пройдут дела наши.
Любовь?
Нет.
Хочется думать.

~

Зачем я так упираюсь тоже «пройти»?

~

И будет землица, по которой будут проходить люди. Боже: вся земля – великая могила.

Без веры в себя нельзя быть сильным. Но эта вера в себя развивает в человеке – нескромность. Не отсюда ли то́ противное в том, что́ я иногда нахожу у себя (сочин.)?

(на Загородном)

Песни – *оттуда* же, откуда и цветы.

Умей искать уединения, умей искать уединения, умей искать уединения.

Уединение – лучший страж души. Я хочу сказать – ее Ангел Хранитель.

Из уединения – всё. Из уединения – силы, из уединения – чистота.

Уединение – «собран дух», это – я опять «целен».

(за утренним кофе. 31-го июля 1912 г.)

Прочел в «Русск. Вед.» просто захлебывающуюся от радости статью по поводу натолкнувшейся на камни возле Гельсингфорса миноноски... Да что́ там миноноски: разве не ликовало все общество и печать, когда нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене? Слова Ксюнина, года три назад: «Японский посланник, при каких-то враждебных Японии статьях (переговоры, что ли, были) левых русских газет и журналов, сказал вслух: «Тон их теперь меня удивляет: три года тому назад (во время войны) русская радикально-политическая печать говорила о моем отечестве с очень теплым чувством». «*Понимаете*? – *смеясь* прибавил Ксюнин. – Радикалы говорили об Японии хорошо, пока Япония, нуждавшаяся в них (т. е. в разодрании *единства духа* в воюющей с нею стране), платила им деньги». И в словах посла японского был тон хозяина

этого дела. Да, русская печать и общество, не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и роздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без нерешимости и колебания нужно прямо становиться на сторону «бездарного правительства», которое *все-таки* одно только все охраняет и оберегает. Которое еще одно только не подло и не пропито в России.

Злая разлучница, злая разлучница. Ведьма. Ведьма. Ведьма. И ты смеешь благословлять брак.

(о ц. англиканской; семейные истории в Шерлоке Холмсе: «Голубая татуировка» и «В подземной Вене». «Повенчанная» должна была вернуться к хулигану, который зарезал ее мужа, много лет ее кинувшего и уехавшего в Америку, и овладел его **именными документами,** *а также и случайно разительно похож на него; этого хулигана насильно оттащили от виски, и аристократка должна была стать его женою, по закону церкви)*

Будь верен человеку, и Бог ничтó тебе не поставит в неверность.

Будь верен в дружбе и верен в любви: остальных заповедей можешь и не исполнять.

(13 июля)

Там – башмачки, куклы, там – Мадонна (гипсовая, – из Казани), трепаные листы остатков Андерсена, один пустой корешок от «задачника» Евтушевского, больше всего картин – Васи: с какой веселостью относишь это в детскую кучу.

(за уборкой книг и всего – к переезду с дачи)

Мамочка всегда воображала, что я без рук, без ног, а главное, без головы. И вот она убирает и собирает мои листки, рукописи (никогда ничего не забудет), книги. Переехали:

– Варя, платок!

– Платок?

– Да. Скорее. Ты же спрятала грязный, а где же чистый?

Молчание.

– Ну?

– Подожди. Платок. Я их уложила на дно сундука. *Потому что очень нужно.* И всегда, чтó «очень нужно», она – на дно сундука.

– Я сейчас! Сейчас! Подожди одну минуту (растерянно, виновно и испуганно).

И раскупоривает, бедная и бессильная, весь сундук. Эти истории каждую осень и весну.

«Платок» я взял наудачу. Именно с платками не случалось. Но, напр., ручка и перо. Или еще –фуфайка, когда холодно. Раз, жалея ей «рыться», я в жарчайшие дни сентября («бабье лето») ходил в ватном, потел, мучился, бессилел, «потому что все летнее было уже убрано», и, конечно, «на дно сундука».

(убираясь с лета в город)

Будем целовать друг друга, пока текут дни. Слишком быстротечны они – будем целовать друг друга.

И не будем укорять: даже когда прав укор – не будем укорять.

(28 июля, † Наука; объявление в «Н. Вр.»; мамочка заплакала о нем)

...да, но ведь дело в том, что *жених* или товарищ-*друг* – внимательнее к нашим детям, чем их *родители*...

Что́ же мы осуждаем детей, что они «более открыты» *другу,* нежели родителям, и, в сущности, более с ним связаны.

~

Выростание – отхождение. И именно – от родителей. Дети – сучья на стволе: но разве сук с каждым днем не отдаляется от ствола – своим «зелененьким», своим «кончиком», прикасаясь к стволу только бездумным основанием. В этом «зеленом» и в «кончике», в листочках сука – его мысль, сердце, душа. Так же и люди, дети, так – в семье. Судьба. Рок. Плачь или не плачь – а не переменишь.

Пусть объяснит духовенство, для чего растут у девушки груди?
– Чтобы кормить свое дитя.
– Ну, а... *«дальше»* для чего дано?
Сказать не́чего, кроме:
– Чтобы родить дитя.
И весь аскетизм зачеркнут.

Кто же дерзает его проповедовать? Да Суздальский монастырь, вообще ни для кого не нужный, – если б кому и понадобился, то единственно Храповицкому, Гермогену и Рачинскому.

Со времени «Уед.» окончательно утвердилась мысль в печати, что я – Передонов, или – Смердяков. Mercì.

(ряд отзывов)

Так мы с мамочкой и останемся вдвоем, и никого нам больше не нужно.

Она всегда придавала значение, *как* я написал (по своему чувству), но никогда я не видал ее взволнованною тем, что обо мне написано. И не по равнодушию: а... прочла, и стала заваривать чай. Когда же что-нибудь хорошо (по ее оценке) напишу – она радовалась день и даже иногда утро завтра.

(16 июля 1912)

Вся моя жизнь, в особенности вся моя *личность,* б. гораздо грубее.

Я курю, она читает свой акафист Скорбящей Божией Матери, вот постоянное отношение.

(не встав с постели)

Достоевский, как пьяная нервная баба, вцепился в «сволочь» на Руси и стал пророком ее.

Пророком «завтрашнего» и певцом «давнопрошедшего».

~

«Сегодня» – не было вовсе у Достоевского.

Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) – вот мое «17-ое октября». В этом смысле я «октябрист».

(в купальне)

...и вовсе не *я* был постоянно-то с Б., а *она:* а я, видя постоянно ее с Б., – тоже угвоздился к Богу.

Впрочем, с университета (1-й же курс) я постоянно любил Его. С университета я уже не оставлял Б., не забывал Его.

(я и мама, 21 июля)

Не понимаю, почему меня так ненавидят в литературе. Сам себе я кажусь «очень милым человеком».

~

Люблю чай; люблю положить заплаточку на папиросу (где прорвано). Люблю жену свою, свой сад (на даче). Никогда не волнуюсь* и никуда не спешу.

---

* Кроме болезней в дому.

Такого «мирного жителя» дай Бог всякому государству. Грехи? Так ведь кто же без грехов.

Не понимаю. Гнев, пыль, комья грязи, другой раз булыжник. Просто целый «водоворот» около дремлющей у затонувшего бревна рыбки.

И рыбка – ясная. И вода, и воздух. Чего им нужно?

(пук рецензий)

Необыкновенная *сила* Церкви зависит (между прочим) от того, что прибегают к ней люди в *самые лучшие моменты* своей души и жизни: страдальческие, горестные, страшные, патетические. «Кто-нибудь умер», «сам умираю». Тут человек *совсем другой*, чем всю жизнь. И вот этот «совсем другой» и «лучший» несет сюда свои крики, свои стоны, – слезы, мольбы. Как же этому месту, «куда все снесено», не сделаться было наилучшим и наимогущественнейшим. Она захватила «острия всех сердец»: и нет иного места с таким же могуществом, как здесь.

(за утренним чаем, 23-го июля)

...все-таки есть что-то такое Темное, что́ одолевает и Б.

Иначе пришлось бы признать «не благого Бога». Но этого вынести уже окончательно не может душа человеческая. Всякая душа человеческая от этой мысли умрет. Не человек умрет, а душа его умрет, задохнется, погибнет.

~

И на конце всего: бедные мы человеки.

(глубокой ночью)

Европейская цивилизация погибнет от сострадательности.

~

Как Греция – от софистов и Рим – от «паразитов» (прихлебатели за столом оптиматов).

~

Механизм гибели европейской цивилизации будет заключаться в параличе против всякого зла, всякого негодяйства, всякого злодеяния: и в конце времен злодеи разорвут мир.

Заметьте, что уже теперь теснится, осмеивается, пренебрежительно оскорбляется все доброе, простое, спокойное, попросту добродетельное. Он зарезал 80-летнюю бабку и ее 8-летнюю внучку. Все молчат. «Не интересно». Вдруг резчика «мещанин в чуйке» («Преступление и наказание») полоснул по морде. Все вскакивают: «Он оскорбил *лицо человеческое*», он «совершил некультурный акт».

Так что, собственно (погибнет), не от сострадательности, а от лжесострадательности... В каком-то *изломе* этого... Цивилизации гибнут от извращения

основных добродетелей, стержневых, «на роду написанных», на которых «все тесто взошло»... В Греции это был ум, σωφία, в Риме – volo, «господствую», и у христиан – любовь. «Гуманность» (общества и литературы) и есть ледяная любовь...

Смотрите: ледяная сосулька играет на зимнем солнце и кажется алмазом. Вот от этих «алмазов» и погибнет все...

Как с головной болью каждый день поутру: «Почему не позвал Карпинского?» «Почему не позвал Карпинского?» «Почему не позвал Карпинского?».

(все лето 1912 г.)

...а по-моему только и нужно писать «Уед.»: для чего же писать «в рот» читателю.

Души в вас нет, господа: и не выходит литературы.

(за ужином; о печати)

~

...прав старый мой вопрос Соловьёву («О свободе и вере»): «Да зачем *вам* свобода?». Свобода нужна *содержанию* (чтобы ему *развиваться),* но какая же и зачем свобода бессодержательному? А ведь русское *общество* бессодержательно.

Русский человек не бессодержателен, – но русское общество бессодержательно.

Издали:

– Мама! Мама!

– Дура: да ты подойди к больной матери, чем ее к себе звать.

~

30 ящиков мужики выносят на лошадей.

– Ну, хорошо... Мама, зачем ты уложила мой пенал? Он мне нужен.

15 лет. Рост – с мать. Гимназистка «новой школы с лучшими методами».

~

Приехала с экскурсии. Видела Киев, т. е. вагон поезда, который шел в Киев. Все платки потеряла, и новая кофточка – никуда.

(переезд на новую квартиру)

Глубокое недоумение, как же «меня» издавать? Если «все сочинения», то выйдет «Россиада» Хераскова, и кто же будет читать? – (эти чуть

не 30 томов?). Автор «в 30 томах» всегда = 0. А если избранное и лучшее, тома на 3: то́ неудобное в том, что некоторые *острые стрелы* (завершения, пики) *всего моего миросозерцания* выразились просто в *примечании* к чужой статье, к Дернову, Фози, Сикорскому...

Как же издавать? Полное недоумение.

Вот странный писатель non ad typ., non ad edit*.

Во всяком случае тот будет враг мне, кто будет «в 30 т.»: это значит все похоронить.

(за ужином на даче)

Толстой не был вовсе религиозным лицом, религиозною душою, – как и Гоголь. У обоих страх перед религией – страх перед темным, неведомым, *чужим*.

(27 мая 1912 г.)

Самый смысл мой осмыслился через «друга». Все вочеловечилось. Я получил речь, полет, силу. Все наполнилось «земным» и вместе каким небесным.

Собственно, мы *хорошо знаем* – единственно *себя*. О всем прочем – догадываемся, спрашиваем. Но если единственная «открывшаяся действительность» есть «я», то́, очевидно, и рассказывай об «я» (если сумеешь и сможешь). Очень просто произошло «Уед.».

Самое *существенное* – просто *действительность*.

(за уборкою книг и в мысли, почему я издал «Уед.»)

Несут газеты. Письма. Я, взглянув:

– От Вари (из Царского, школа) письмо. Пишет...

– Нет, дай очки... Надя (горничной), дайте очки! Я сама...

А и пишет-то всего:

> «Дорогая мамочка! Целую тебя крепко, крепко, как твое здоровье. Поклон всем. Я здорова, приеду в эту субботу. Очень хочется домой, без Тани соскучилась. Прощай,
>
> твоя *Варя Розанова*».

Я не хочу истины, я хочу покоя.

(после доктора)

---

* Не для печати, не для издания *(лат.)*.

Совсем подбираюсь к могиле. Только одна мысль – о смерти.

Как мог я еще год назад писать о «литерат. значительности». Как противно это. Как тупо.

(после доктора; «процесс в корковом веществе идет»)

Ошибочный диагноз Бехтерева в 1898 году все погубил (или невнимательный? или «успокоительный»?). Но как можно было предположить невнимательность после моего длинного письма, на которое последовало разрешение «аудиенции у знаменитости».

Как мог я и мама не поверить и не успокоиться? Академик. 1-й авторитет в России по нервным и *мозговым болезням*.

Он сказал (о диагнозе Анфимова, – профессора в Харькове, который я ему изложил в письме): «Уверяю вас, что у нее этого нет!» (твердо, твердо! и – радостно). «Проф. Анфимов не применил к ней этого новейшего приема исследования коленных рефлексов, состоящего в том, чтобы далеко назад отвести локти и связать их, и уже тогда стукать молоточком по колену» (сухожильные рефлексы, определяющие *целость* или *идущий процесс разрушения* в нервной ткани).

Ничего не понимая в этом, мы из чрезмерного, смертельного испуга, при котором у обоих «ноги подкосились» (t., cer. sp., по Анфимову), перешли к неудержимой радости.

«Из смерти выскочишь», конечно, как безумным. *Именно* Анфимовой болезни и не было у нее, как разъяснил Карпинский, и Анфимов ошибся в диагнозе; болезнь была совершенно *лечимая* и *относительно излечимая* (но, конечно, без запаздывания).

Восторг, что Бехтерев, 1-й авторитет, отверг, был неописуем. (Анфимов и сказал, в 1898-м году, что, «вернувшись в Петербург» – с Кавказа – «покажите светилам тамошним, прежде всего Бехтереву, и проверьте мой диагноз»).

И потом мы уже предупреждали других врачей: «Бехтерев сказал, что – *ничего»*, что «это *врожденная аномалия*, что зрачки в глазах неравномерны».

И Наук 5 лет пичкал бромом и камфарой, все «успокаивал нервы» человеку, у которого шел разрушительный медленный процесс в ткани нервной системы. «Обратите внимание на головные боли, – говорил я. – Всегда ночью, всегда боль (давление) в темени». Он пропускал молчанием, выслушав. И то́, что он слышал, и то́, что молчал и не расспрашивал (не вцепливался в явление), успокоило меня, заставив все отнести (к *«постоянной* причине») к малокровию (всего тела и, след., *головы)*, о коем у нее давно сказали все врачи (с 1-го ребенка, когда не могла кормить, – не было молока).

Но теперь и «не было молока» разъяснилось.

И все повернул Карпинский: «Да позвольте! Бехтерев или не Бехтерев сказал, но если исчезли *эти* и *те* рефлексы (зрачка и сухожилий), то, значит,

разрушены мозговые центры, откуда выходят эти *движущие* (заведующие *сокращением*) нервы. Значит, их – *нет*! и болезнь – *есть*; и, значит, надо только искать: *отчего* это произошло?».

Как по железной линейке провел пером. И диагноз Бехтерева пал, и все открылось.

«Не было бы ни раннего склероза артерий, если бы своевременно лечить, ни перерождения сердечных клапанов, ни – в зависимости от этого – удара» (Карпинский).

Все было бы спасено. Теперь все поздно.

«Проверим лечением», – сказал Карпинский. И едва было начато специфическое лечение, как *по всем частям* началось улучшение: давление в груди (аорта) исчезло, головные боли пропали, выделения кр. стали в норму, чего не могли добиться все гинекологи (тоже мастера, – не посмотрели в зрачки).

Но это уж «кое-что», что́ мы стали поспешно хватать. Испорчено сердце, испорчены жилы.

Зрачки же, по ясности и неколеблемости как симптома, есть то́ же самое в медицине, что в науке географии есть «Лондон в Англии»: и этого «Лондона в Англии» не знали Мержеевский (в Аренсбурге), Наук, Розенблюм (в Луге) и еще другие.

Когда я говорил о болезни А.А.Столыпину, он спросил:

– Кто у вас доктор (постоянный)?

– Наук.

– И держитесь *его*.

Действительно, он имел массу практики в Петербурге. Эти твердые слова Столыпина так на меня повлияли.

Мой совет читателям: *проверять врача по книгам*. Потому что они «не знают часто Лондона». Эта дикая ошибка Анфимова, Бехтерева и Наука погубила на 15 лет нашу жизнь, отняв мать у детей и «столп дома» – у дома.

. . . . . .

– Ну, что́ же, придет и вам старость, и так же будете одиноки.

Неинтересны и одиноки.

И издадите стон, и никто не услышит.

И постучите клюкой в чужую дверь, и дверь вам не откроется.

(колесо судеб; поколения)

Да, они славные. Но всё лежат.

(вообще русские)

Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха.

Государство есть *сила*. Это – его главное.

Поэтому единственная порочность государства – это его слабость. «Слабое государство» – contradictio in adjecto*. Поэтому «слабое государство» не есть уже государство, а просто *нет*.

(прислонясь к стене дома на Надеждинской)

До 17-ти лет она проходила Крестовые походы, потом у них разбирали в классе «Чайльд Гарольда» Байрона.

С 17-ти лет она поступила в 11-ое почтовое отделение и записывает заказную корреспонденцию. Кладет печати и выдает квитанции.

(к истории русской революции)

В энтузиазме:

– Если бросить бомбу в русский климат, то, **конечно**, он станет как на южном берегу Крыма!

Городовой:

– Полноте, барышня: климат не переменится, пока не прикажет начальство.

(наша революция)

Человек живет как сор и умрет как сор.

Литературу я чувствую, как штаны. Так же близко и вообще «как свое». Их бережешь, ценишь, «всегда в них» (постоянно пишу). Но что́ же с ними церемониться???!!!

~

Все мои «выходки» и все подробности: что я не могу представить литературу «вне себя», напр. вне «своей комнаты».

(рано утром, встав)

«Знаю» мое о ней – только физическое, касательное, и оно более поверхностно, чем глубина моего «не знаю». И от этих качаний, где чаша (небытия) перевешивает, – и происходит все.

Конечно, я знаю (вижу), что *есть* журналы, газеты и «как все устроено». Подписка и почта. Но «как в сновидении» и почти «не верю». Сюда я не прошусь и «имени своего здесь не реку». Вообще «тут» – мне все равно.

Дорогое (в литературе) – именно штаны. Вечное, теплое. Бесцеремонное.

Очень около меня много пуху и перьев летит. И от этого «вся литература моя» как-то некрасива.

---

* Противоречие в определении *(лат.)*.

Я боюсь, среди сражений
Ты утратишь навсегда
Нежность ласковых движений,
Краску неги и стыда.

Мой идеал – Передольский и Буслаев. Буслаев в спокойной разумности и высокой человечности.

(на клочке бумаги, где это было записано, Верунька – VII кл. Стоюниной, вся в пафосе и романтизме, приписала:)

«Неверно, неправда, ибо ты был первый, что смог так ярко и полно выразить то, что хотел. Твоя литература есть *ты*, весь *ты* с твоей душой мятежной, страстной и усталой. Никто этого не смог сделать в такой яркой (форме?) и так полно отразить каждое свое движение».

~

Интересно, что думают ребятишки о своем «папе». Первое «Уедин.», когда лежала пачка корректур (уже «прошли»), я вдруг увидел их усеянными карандашными заметками, – и часто возражениями. Я не знал, кто. С Верой не разговаривал уже месяц (сердился): и был поражен, узнав, что это – *она*. Написано было с большой любовью. Вообще она бурная, непослушливая, но способна к любви. В дому с ней никто не может справиться и «отступились» (с 14-ти лет). Но она славная, и дай Бог ей «пути»!

Тайна писательства в кончиках пальцев, а тайна оратора в кончике его языка.

~

Два эти таланта, ораторства и писательства, никогда не совмещаются. В обоих случаях ум играет очень мало роли; это – справочная библиотека, контора, бюро и проч. Но не пафос и не талант, который исключительно *телесен*.

(21 ноября, в праздник Введения. Любимый мой праздник, – по памяти милой Введенской церкви в Ельце)

Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником.

~

Так я стою перед своим невыученным уроком. Учитель вышел. «Собирай книги и уходи». И рад был бы, чтобы кто-нибудь «наказал», «оставил без обеда». Но никто не накажет. Ты – вообще никому не нужен. Завтра будет «урок». Но для другого. И другие будут заниматься. Тобой никогда более не займутся.

...а все-таки «мелочной лавочки» из души не вытрешь: все какие-то досады, гневы, самолюбие; – и грош им цена, и минута времени; а есть, сидят, и не умеешь не допустить в душу.

(на уединенной прогулке)

Протоиерей Ш. хоронил мать. И он был старый, а она совсем древняя. Столетняя.

Провожал и староста соборный, он же и городской голова.

Они шли и говорили вполголоса. Разговор был заботливый, деловой. И говорили до самого кладбища.

Отворили ворота. Внесли. Пропели. Он проговорил заупокойное.

Опустили в землю и поехали домой.

(воспоминание)

Мамаша томилась.

– Сбегай, Вася, к отцу Александру. Причаститься и исповедоваться хочу.

Я побежал. Это было на Нижней Дебре (Кострома).

Прихожу. Говорю. С неудовольствием:

– Да ведь я ж ее две недели тому исповедовал и причащал.

Стою. Перебираю ноги в дверях.

– Очень просит. Сказала, что скоро умрет.

– Так ведь две недели! – повторил он громче и с неудовольствием. Чего ей еще?

Я надел картуз и побежал. Сказал. Мама ничего не сказала и скоро умерла.

(в 1869 или 1870 году)

«Буду в гробу лежать и все-таки буду работать».

Как отчеканено.

И, едва стоя на ногах, налила верно, – ни жидко, ни крепко, – мне чаю.

(за завтраком)

Но это – «и в гробу работаю» – вся ее личность.

(8 ноября)

– «Душа еще жива. Тело умерло».

(через 2 часа, когда брела к Тане в комнату, на слова мои: «Куда ты, легла бы». 8 ноября).

В один день консилиум из 4-х докторов: Карпинский, Куковенов, Шернваль, Гринберг. И – суд над «Уединенным». Нужно возиться с цензурным глубокомыслием. Надо подать на Высочайшее имя – чтобы отбросить всю эту чепуху. «У нас есть свое Habeas corpus – право всякого русского просить защиты лично у Государя» (замечательные слова Рцы).

(10 ноября, суббота)

Иногда чувствую что-то чудовищное в себе. И это чудовищное – моя задумчивость. Тогда в круг ее очерченности ничтó не входит.

Я каменный.

А камень – чудовище.

Ибо нужно любить и пламенеть.

От нее мои несчастия в жизни (былая служба), ошибка всего пути (был только «выходя из себя» внимателен к «другу» и ее болям) и «грехи».

В задумчивости я ничего не мог делать.

И, с другой стороны, все мог делать («грех»).

Потом грустил: но уже было поздно. Она съела меня и всё вокруг меня.

(7 декабря 1912 г.)

Грубость и насилие приносит 2% «успеха», а ласковость и услуга 20% «успеха».

Евреи раньше всех других, еще до Р. Х., поняли это. И с тех пор всегда «в успехе», а противники их всегда в «неуспехе».

Вот и вся история, простая и сложная.

~

Еврея ругающегося, еврея, который бы колотил другого, даже еврея грубящего – я никогда не видал. Но их иголки глубоко колются. В торговле, в богатстве, в чести – вот когда они начинают все это отнимать у других.

Чиновничество оттого ничего и не задумывает, ничего не предпринимает, ничего нового не начинает, и даже все «запрещает», что оно «рассчитано на маленьких».

~

«Не рассчитывайте в человеке на большое. Рассчитывайте в нем на самое маленькое». Система с расчетом «на маленькое» и есть *чиновничество.*

(на повестке на «Вечер Полонского»)

Заранее решено, что человек не гений. Кроме того, он естественный мерзавец. В итоге этих двух «уверенностей» получился чиновник и решение везде завести чиновничество.

Если государство «все разваливается», если Церковь «не свята», если человеку «верить нельзя», то тут, здесь и там невольно поставишь чиновника.

(на повестке на «Вечер Полонского»)

Все «казенное» только формально существует. Не беда, что Россия в «фасадах»: а что фасады-то эти – пустые.

И Россия – ряд пустут.

«Пусто» правительство – от мысли, от убеждения. Но не утешайтесь – пусты и университеты.

Пусто общество. Пустынно, воздушно.

Как старый дуб: корка, сучья – но внутри – пустóты и пустóты.

И вот в эти пустоты забираются инородцы; даже иностранцы забираются. Не в силе их натиска – дело, а в том, что нет сопротивления им.

Эгоизм партий – выросший над нуждою и страданием России: – вот Дума и журнальная политика.

Конечно, я умру *все-таки с Церковью*, конечно, Церковь мне *неизмеримо больше нужна, чем литература* (совсем не нужна), и *духовенство все-таки всех* (сословий) *милее*. Но, среди их умирая, я все-таки умру с какой-то *мукой о них*.

Иван Павлович погладит по щеке, улыбнется, скажет: «Ну, ничего...». Фл. посмотрит долгим взглядом и ничего не скажет. Дроздов скажет: «Давайте я вас исповедую». Все-таки это не «лекция потом» Кусковой, не реферат обо мне Философова и не «венок от редакции».

(встав рано поутру, 9 декабря)

То, что́ *есть*, мне кажется невероятным, а чего «нет», кажется действительным.

~

Отсюда свобода, мука и ненужность (своя).

(рано утром встав)

Когда человек спит, то он, конечно, «не совершает греха». Но какой же от этого толк?

Этот «путь бытия» утомителен у русских.

(на извозчике)

Греху и преступнику заготовлена такая казнь, какой люди не придумают.

(на извощике; 14 мая – о тоске молодежи)

Еврей всегда начинает с услуг и услужливости и кончает властью и господством.

~

Оттого в первой фазе он неуловим и неустраним. Что́ вы сделаете, когда вам просто «оказывают услугу»? А во второй фазе никто уже не может с ним справиться. «Вода затопила все».

~

И гибнут страны, народы.

(за набивкой табаку)

Умер Суворин: но кругом его – дела его, дух его, «всё» его. Так же шумит типография, и шумит газета, и вот-вот, кажется, «сходить бы с корректурой наверх» (в кабинет, «к самому»).

А нет его. «Нет», – и как будто «есть». Это между «нет» и «есть» колебание – какое-то страшное. Что-то страшное тут.

Даже еще увеличивает ужас смерти и отвратительное в ней. «Человек как будто с нами»: это еще гораздо ужаснее, чем «его более нет». В «его более нет» – грусть, тоска, слезы; тут – работа продолжается, и это отъемлет у смерти ее грусть, ее тоску, ее смысл, ее «всё».

«Человек как будто не умирал»: и это до того страшно и чудовищно для того, кто *ведь действительно умер*, и ему только то́ одно и важно, что *его более нет* и он *перешел в какую-то новую действительность*, в которой «газет уж во всяком случае нет».

И оставлен *нами*, суетящимися, «совсем один» в этой страшной новой действительности.

(за нумизматикой)

«Спор выяснит истину», напр. спор Юркевича с Чернышевским.

Спор Пуришкевича и Милюкова доводил даже до оплеух: это уже небесная истина.

(об аксиоме 60-х годов)

Это во 2-ой раз в моей жизни: корабль тонет – а пушки стреляют.

1-й раз было в 1896–7–8 году: контроль, чванливо-ненавидяще-надутый Т. И. Ф., редакции «своих изданий» (консервативных), не платящие за статьи и

кладущие «подписку» на текущий счет, дети и жена и весь «юридический непорядок» около них, в душе – какая-то темная мгла, прорезаемая блёстками гнева: и я, «заворотив пушки», начал пальбу «по своему лагерю» – всех этих скупых (не денежно) душ, всех этих ленивых душ, всех этих бездарных душ.

Пальбу вообще по «хроменьким», «убогеньким и копящим деньжонку», по вяленьким, холодненьким и равнодушным.

. . . . . .

Кроме «друга» и ее вечной молитвы (главное), поворот «вправо» много был вызван Н. Р. Щ., Фл. и Цв. – «Эти сами всё отдали». И я с хр-вом нравственно примирился. *Нравственное*-то расхождение, за которым уже *потом* я нашел и метафизическое расхождение, и было главное.

(за занятиями)

М. б., я всю жизнь про́жил «без Руси» («идейные скитания»), но хочу умереть с Русью и быть погребенным с русскими.

Кроме русских, единственно и исключительно русских, мне вообще никто не нужен, не мил и не интересен.

(прочтя в «Колоколе» об ужасном погребении Шуваловского – на еврейском кладбище по еврейскому обряду; он всю жизнь считался православным) (2 ноября 1912, в ват...)

Линяет, линяет человек. Да и весь мир в вечном полинянии. С каждым кусочком хлеба в нас входит новый кусочек тела: и мы не только едим, но и съедаем самих себя, сами себя перевариваем и «извергаем вон»... Как же нам оставаться «всё тем же».

~

Самые планеты движутся, *всё уклоняясь от прямой*, всё *отступая* от вчерашнего пути. «По планете – и человек».

~

Клонимся, жмемся... пока – умрем!

И вот тогда уже станем «несгибаемы» и «без перемен»...

(13 декабря 1912 г.)

Да, если семя – грязь, то, конечно, «он запачкал ее».

Грязь ли?

Семя яблока есть яблоко, семя пшеницы есть пшеница: а семя человека, *по-видимому*, человек?

Так он дал ей человека? Конечно – это ребенок от него. Так почему же говорят – «это грязь», и «он запачкал ее»?

Не понимаю.

(13 декабря 1912 г.)

Цивилизация не на улицах, цивилизация в сердце.
Т. е. ее корень.

«Услуги» еврейские как гвозди в руки мои, *ласковость* еврейская как пламя обжигает меня.

Ибо, пользуясь этими услугами, погибнет народ мой, ибо, обвеянный этой ласковостью, задохнется и сгниет мой народ.

(на письме Г–а об евреях, 28 декабря).

Ибо народ наш неотесан и груб. Жёсток.
Все побегут к евреям. И через сто лет «всё будет *у евреев*».

К 57 годам я достиг свободы книгопечатания. Свобода печати состоит в том, если книги окупают стоимость своего издания. До «Итал. впечатл.» все было в убыток, и издавать значило разоряться. Конечно, я не имел «свободы пера» и «свободы духа» и вообще никакой свободы.

Но теперь я свободно показываю кулак. Книжки мои, – не знаю, через *кого, как* – быстро раскупаются сейчас по выходе в нескольких сотнях экземплярах, и в течение 2-х лет (срок типографских счетов, по условию) окупают сполна все.

И теперь мне «читателя» не нужно и «мнения» не нужно. Я печатаю, что́ хочу – душа моя свободна.

(за табаком)

Бог мой, Вечность моя: отчего Ты дал столько печали мне?

Отчего нумизматика пробуждает столько мыслей?

Своей бездумностью. И «думки» летят как птицы, когда глаз рассматривает и вообще около монет «копаешься». Душа тогда свободна, высвобождается. «Механизм занятий» (в нумизматике) отстранил душевную боль (всегда), душа отдыхает, не страдает. И вылетев из-под боли, *которая подавляет самую мысль,* душа расправляется в крыльях и летит-летит.

Вот отчего я люблю нумизматику. И отдаю ей поэтичнейшие ночные часы.

(за нумизматикой)

Наш вьюн все около кого-то вьется, что-то вынюхивает и где-то даже подслушивает (удивившее сообщение Вл. Мих. Дорошевича). «Душа нараспашку», тон «под мужичка» или «под мастерового», – грубит, шутит, балагурит,

«распахивайтесь, господа». Но под всем этим куда-то втирается и с кем-то ввязывается «в дружбу». А метод ввязываться в дружбу один: вставить комплиментик в якобы иронию и подшучивание. Так что с виду демократ всех ругает, но демократа все приглашают к завтраку. Сытно, и побыл в хорошем обществе. Ах, это «хорошее общество» и меня с ума сводит. Дома закута и свои сидят в закуте, но хлопотливый публицист ходит по хорошим паркетам, сидит на шелковой мебели и завтракает с банкиром и банкиршей или с инженером и инженершей. У них шляпы «во́ какие», а жена ходит в русском платочке.

(замусоренный демократ)

Без телесной приятности нет и духовной дружбы. Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела.

У Рцы в желудке – арии из «Фигаро», а в голове – великопостная «Аллилуия». И эти две музыки сплетают его жизнь.

~

Единственный, кого я встретил, кто совместил в себе (*без мертвого эклектизма*) совершенно несовместимые контрасты жития, звуков, рисунков, штрихов, теней; идеалов, «пáмяток», грез. По «амплитуде размаха» маятника это самый *обширный* человек из мною встреченных в жизни.

А не выходит не только на улицу, но даже в палисадник при доме.

(на обороте транспаранта)

Язычество есть младенчество человечества, а детство в жизни каждого из нас – это есть его естественное язычество.

Так что мы все проходим «через древних богов» и знаем их по инстинкту.

Собственно нравственность (не в книжно-теоретическом значении, а в житейском и практическом) есть такая вещь, о которой так же не говорят, как о воздухе или кровообращении, «нужны ли они»? Можно ее отрицать, но пока дело не коснулось *нас* и *жизни*. Вот, напр., все писатели были *не добры* к К.Леонтьеву и не хотели ни писать о нем, ни упоминать: то́ *как* он это чувствовал?! Эту *не́-доброту* он проклинал, ненавидел, сплетничал о ней («дурные *личные* мотивы»), отталкивал ее, звал заменить ее *добротою*, чтобы «были *отзывы о нем*». Это -- *факт*, и о нем говорит вся биография Леонтьева, плачут и кричат об этой *«недоброте людей»* все его письма и ко всем лицам. Как же осуждать людей еще в ужаснейших страданиях *голода, бедности, угнетения личного* и *народного*, когда они тоже зовут *доброту* и недоброту проклинают. Теоретически можно против этого спорить, и Леонтьев спорил, но это и показывает, до чего он был теоретиком и Дон-Кихотом «эго-

истического Я», а не был вовсе жизненным человеком, со всей суммой реальных отношений. Так же он допускал «лукавство»: но представим, что из его домашних слуг, которых он так любил и их верностью был счастлив, во-первых, обои бы обманывали его на провизии, на деньгах, а во-вторых (слуги были муж и жена, и брак их устроил Л–в), муж обманывал бы жену, и «великолепно как Алкивиад» имел бы любовниц на стороне? Явно, Л-в бы взбунтовался, проклинал и был несчастен. По этим мотивам «весь Леонтьев», в сущности, есть – «всё одни разговоры», но́, согласимся – Великие Разговоры. Но – и только. А «хороший разговор» не стоит пасхального кулича. **Жил** же Леонтьев и **практически желал** всего того, что «средний европеец» и «буржуа в пиджаке».

(на визитной карточке Родановича)

По обстоятельствам климата и истории у нас есть один «гражданский мотив»:

– Служи.

~

Не до цветочков.

~

Голод. Холод. Стужа. Куда же тут республики устраивать? Родится картофель да морковка. Нет, я за самодержавие. Из теплого дворца управлять «окраинами» можно. А на морозе и со своей избой не управишься.

И республики затевают только люди «в своем тепле» (декабристы, Герцен, Огарев).

(за набивкой табаку)

Спрашивал Г. о «Пути» и Морозовой...

Удивительная по уму и вкусу женщина. Оказывается, не просто «бросает деньги», а одушевлена и во всем сама принимает участие. Это важнее, чем больницы, приюты, школы.

Загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия – это в России такой ужас, не победив который не́чего думать о школах, ни даже о лечении больных и кормлении голодных.

Душа погибает: что́ же тут тело.

И она взялась за душу.

~

Конечно, ее понесли бы на руках, покорми она из своего миллиона разных радикалистов.

Она это не сделала.

Теперь ее клянут. Но благословят в будущем.

Изданные уже теперь «Путем» книги гораздо превосходят содержательностью, интересом, ценностью «Сочинения Соловьёва» (вышла деятельность из «Кружка Соловьёва»). Между тем книги эти все и не появились бы, не

будь издательницы. Так. обр., простое богатство, «нищая вещь перед Богом», в умных руках сотворила как бы «второго философа и писателя в России, Соловьёва».

Удивительно.

~

Нельзя не вспомнить параллельную деятельность тихого, скромного и умного священ. Антонова («Религиозные философы на Руси»).

~

Там поднимаются Цветков и Андреев.

~

Со всех сторон поднимаются *положительные зо́ри.*

Уроди нам, Боже, – хлеб
мое богатство!

Несомненно, однако, что западники лучше славянофилов *шьют сапоги.* Токарничают. Плотничают.

«Сапогов» же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть. Сапоги носил сам Александр Сергеевич, и притом любил хорошие. Западник их и сошьет ему. И возьмет, *за небольшой и честный процент*, имение в залог, и вызволит «из нужды» сего «гуляку праздного», любившего и картишки и всё.

Как *дух* – западничество ничто. Оно не имеет содержания.

Но нельзя забывать практики, практического ведения дел, всего этого «жидовства» и «американизма» в жизни, которые почти целиком нужно предоставить западникам, ибо они это *одни умеют в России.* И конституция, и сапог. Не славянофилы же будут основывать «Ссудо-сберегательную кассу» и первый «Русский банк». А он *тоже нужен.*

(13 декабря)

Во мне ужасно есть много *гниды,* копошащейся около корней волос.

Невидимое и отвратительное.

Отчасти отсюда и глубина моя (вижу корни вещей, гуманен, не осуждаю, сострадателен).

Но как тяжело таким жить. Т. е. что *такой.*

Смысл Христа не заключается ли в Гефсимании и кресте? Т. е. что Он – Собою дал образ человеческого страдания, как бы сказав, или указав, или промолчав:

– Чадца Мои, – избавить я вас не могу (все-таки *не могу*! о, как это ужасно): но вот, взглядывая на Меня, вспоминая Меня *здесь,* вы несколько будете утешаться, облегчаться, вам будет легче – что и *Я страдал.*

Если так: и Он пришел *утешить* в страдании, которого обойти невозможно, победить невозможно, и прежде всего в этом ужасном страдании смерти и ее приближениях...

Тогда все объясняется. Тогда Осанна...

Но *так* ли это? Не знаю.

~

Но во всяком случае понятно тогда умолчание о браке, о плоти, «не нужно обрезания».

Когда тяжелый больной в комнате, скажем ли: «Обнажи уд и отодвинь («обрежь») крайнюю плоть».

В голову не придет. Вкус отвращается.

И все «ветхозаветное прошло», и «настал Новый Завет».

Но так ли это? Не знаю. Впервые забрезжило в уме.

(7 ноября 1912)

~

Если Он – Утешитель: то как хочу я утешения; и тогда Он – Бог мой.

Неужели?

Какая-то радость. Но еще не смею. Неужели мне не бояться того, чего я с таким смертельным ужасом боюсь; неужели думать – «встретимся! воскреснем! и вот Он – Бог наш! И всё – объяснится».

Угрюмая душа моя впервые становится на эту точку зрения. О, как она угрюма была, моя душа, – еще с Костромы: ведь я ни в воскресенье, ни в душу, ни особенно в Него – не верил.

– Ужасно странно.

Т. е. ужасное было, а странное наступает.

Неужели сказать: умрем и ничего.

Неужели Ты велишь не бояться смерти?

Господи: неужели это Ты. Приходишь в ночи, когда душа так ужасно скорбела.

Вовсе не университеты вырастили *настоящего* русского человека, а добрые безграмотные няни.

Церковь есть не только *корень* русской культуры, – это-то очевидно даже для хрестоматии Галахова, – но она есть и *вершина* культуры. Об этом догадался Хомяков (и Киреевские), теперь говорят об этом Фл. и Цв.

Рцы – тоже.

Между тем, что́ такое в хрестоматии Галахова Хомяков, Киреевские, князь Одоевский? Даже не названы. Имена их гораздо меньше, чем Феофана Прокоповича и Мелетия Смотрицкого, и уж куда в сравнении с князем Антиохом Кантемиром и Ломоносовым.

«Оттого что не писали стихотворений и сатир».

Поистине, точно «Хрестоматию Галахова» сочинял тот пижо́н, что выведен в «Бригадире» Фон-Визина. И все наше министерство просвещения «от какого-то Вральмана».

Как понятен таинственный инстинкт, заставлявший Государей наших сторониться от всего этого гимназического и университетского просвещения, обходить его, не входить, или только редко входить, в гимназии и университеты.

Это, действительно, все нигилизм, отрицание и насмешка над Россией.

~

Как хорошо, что я проспал университет. На лекциях ковырял в носу, а на экзамене отвечал «по шпаргалкам». Чорт с ним.

Святые имена Буслаева и Тихонравова я чту. Но это не шаблон профессора, а «свое *я*».

Уважаю Герье и Стороженка, Ф.Е.Корша. Больше и вспомнить некого. Какие-то обшмыганные мундиры. Забавен был «П.Г.Виноградов», ходивший в черном фраке и в цилиндре, точно на бал, где центральной люстрой был он сам. «Потому что его уже приглашали в Оксфорд».

Бедная московская барышня, ангажированная иностранцем.

Выписал (через Эрмитаж) статуэтку Аписа из Египта. Подлинная. Бронза. Сей есть «телец из золота», коему поклонились евреи при Синае, и которых воздвиг в Вефиле Иеровоам. Одна идея. Одно чувство. Именно *израильтянки* страстно приносили «золотые украшения» с пальцев и из ушей, чтобы сделали им это изображение.

Апис – здоровье. Сила. Огонь (мужеский).

~

А здоровье «друга» проглядел.

~

Отчего у меня всегда так глупо? Отчего вся моя жизнь «без разума» и «без закона».

Вся помертвевшая (бессилие, сердце), с оловянными тусклыми глазами (ужасно!!):

– От кого письмо?

– От Веры Ивановны (с недоумением). На что-то пишет согласие...

– Это я ей писала. Музыка Тане. Ответь, что «хорошо», и поблагодари.

Устроила «музыку» (уроки) Тане.

Таня с ранцем бежит в классы. Кофе не пила. Торопится. Опоздала. Поворачиваясь ей вслед:

«– Таня, вот тебе музыка. Слава Богу!».

Таня спешит и не оглянулась.

~

Кто-то вас, детки, будет устраивать без матери. Сами ничего не умеете.

(7 ноября)

Шатается. Из рук моих выпадает.

– У Тани печь топится?

– Нет.

– Отчего дым?

– Вечно дым. Дом так устроен, что не топят, а дымно в комнате откуда-то.

Совсем падает. Плетется до комнаты. Открыто окно, и ветер хлеснул.

– Да пойдем назад! Пойдем же, ветер!!

Не отвечая, тащит меня к печке. Заслонка закрыта.

– Ну, видишь, не топится.

Дотащила меня до печи. Потрогала заслонку. Печь потрогала: горяча. Топили утром.

И, повернув назад, повалилась на кушетку.

Ждем Карпинского: день особенной слабости, полного изнеможения. На ногах не стоит. Глаза потухающие.

Таня вернулась из классов.

– Веру видела?

Вере нездоровится и осталась дома.

– Как «видела»? Как же я ее увижу, когда ты знаешь, что она дома.

Мне:

– Она Веру не видела и пришла без Нади.

– Ну, что́ же. У Нади позднее кончается, и она придет потом.

– Отчего без Нади пришла? Не зашла за ней. Обе бы и пришли вместе, старшая и маленькая.

Надя бежит тут – умывать руки (перед обедом).

– Да вот Надя. Она дома. И значит, вместе пришли. (Наде:) Вместе ли?

Вместе.

Успокоилась. И горит. И нет сил. Душа горит, а тело сохнет.

(7 ноября)

От Вильборга (портрет Суворина):

– Пришлю дополнительную смету.

Из Казани (письмо читается):

– У Николая...

– Какого «Николая»?

– Сын ее, т. е. матери моей, но от другого мужа. У Николая есть приемная дочь. И вот плату за учение ее трудно ему взносить, и, может быть, вы поможете?

Да я и «Николая» никогда не видал. Матери его не видал. Приемной же дочери невиданного сына никогда не виденной мною женщины уже совсем не видел, и не знаю, и совсем не понимаю сцепления их имен с моим...

Студент – длинное письмо: пишет, что тяжело обременять отца, «а уроки – Вы знаете, что́ такое уроки» (не знаю). «Прочел в «Уедин.», что у вас 35 000: поэтому не дадите ли мне $2^1/_2$ тысячи на окончание курса».

Почему «отцу тяжело», а «чужому человеку не тяжело»? И почему не прочел там же, в «*Уед.*», что у меня «11 человек кормятся около моего труда». Но студенту вообще ни до чего другого, кроме себя, нет дела.

Фамилия нерусская, к счастью. $2^1/_2$ т. не на взнос платы за учение, а чтобы «не обременять отца» едой, комнатой, и прочее. Наверное – и удовольствиями.

«Честная молодежь» вообще далеко идет.

(7 ноября)

Мы проходим не зоологическую фазу существования, а каменную фазу существования.

АНКЕТА

. . . . . .

– Кто самый благородный писатель в современной русской литературе?

Выставился Оль-д-Ор «откуда-то» и сказал:

– Я.

Русский болтун везде болтается. «Русский болтун» еще не учитанная политиками сила. Между тем она главная в родной истории.

С ней ничего не могут поделать, – и никто не может. Он начинает революции и замышляет реакцию. Он созывает рабочих, послал в первую Думу кадетов. Вдруг Россия оказалась не церковной, не царской, не крестьянской, – и не выпивочной, не ухарской: а в белых перчатках и с книжкой «Вестника Европы» под мышкой. Это необыкновенное и почти вселенское чудо совершил просто русский болтун.

Русь молчалива и застенчива, и говорить почти что не умеет: на этом просторе и разгулялся русский болтун.

В либерализме есть некоторые *удобства,* без которых трет плечо. Школ будет много, и мне *будет куда отдать сына.* И в либеральной школе моего сына *не выпорют*, а научат легко и хорошо. Сам захвораю: позову *просвещенного доктора,* который болезнь сердца не смешает с заворотом кишок, как Звягинцев у Петропавловского (†). Таким образ., «прогресс» и «либерализм» есть английский чемодан, в котором «все положено» и «все удобно», и который предпочтительно возьмет в дорогу и не либерал.

Либерал красивее издаст «Войну и мир».

Но либерал никогда *не напишет «Войны и мира»:* и здесь его граница. Либерал «к услугам», но не душа. Душа – именно не либерал, а энтузиазм, вера. Душа – безумие, огонь.

Душа – воин: а ходит пусть он «в сапогах», сшитых либералом. На либерализм мы должны оглядываться, и придерживать его надо рукою, как носовой платок. Платок, конечно, нужен: но кто же на него «Богу молится». «Не любуемая» вещь – он и лежит в заднем кармане, и обладатель не смотрит на него. Так и на либерализм не надо никогда смотреть (сосредоточиваться), но столь же ошибочно («трет плечо») было бы не допускать его.

Я бы, напр., закрыл все газеты, но дал автономию высшим учебным заведениям, и даже студенчеству – самостоятельность запорожской сечи. Пусть даже республики устраивают. Русскому Царству вообще следовало бы допустить внутри себя 2–3 республики, напр. Вычегодская республика (по реке Вычегде). Рионская республика (по реке Риону, на Кавказе). И Новгород и Псков, «Великие Господа Города» – с вечем. Что́ за красота «везде губернаторы». Ну их в дыру. Князей бы восстановил: Тверских, Нижегородских, с маленькими полупорфирами и полувенца́ми. «Русь – раздолье, всего – есть». Конечно, над всем Царь с «секим башка». И пустыни. И степи. Ледовитый океан и (дотянулись бы) Индийский океан (Персидский залив). И прекрасный княжий Совет – с $^1/_2$-венца́ми и посадниками; и внизу – голытьба Максима Горького. И все прекрасно и полно, как в «Подводном Царстве» у Садко.

Но эта воля и свобода – «пожалуйста, без газет»: ибо сведется к управству редакторишек и писателишек. И все даже можно бы либерально: «каждый редактор да возит на своей спине «Вестник Европы» подписчикам». А по *государственной* почте «заплатите как за частное письмо, 7 коп. с лота». Я бы сказал демократически: «Почему же солдат, от матери получая письмо, платит 7 коп., а подписчик «Вестн. Европы», богатый человек, получает ему ненужную повестушку об аресте студента по $^1/_{200}$ коп. за лот?». Так что у меня закрытие периодической печати было бы либерально и филантропично. «Во имя равенства и братства» – это с одной стороны, и «Сам Господь благословил» – это с другой.

Если бы предложили в Тамбове или Пензе «выбрать излюбленного человека в законодатели», но поставили условием – выбирать только *на жаргоне* (еврейско-немецкий говор в Литве), то Пенза и выбрала бы еврея. Как? Да очень просто. Русские не смогли бы и не сумели, а наконец даже и не захотели бы «правильно *по закону, т. е. на жаргоне* подать голоса». А сумели бы исполнить это законное требование только 10–15 пензенских башмачников-евреев. Они и выставили бы «народного трибуна в Думу».

Механизм выборов в Думу для русского то́ же, что *жаргон*; и «не родясь в Винавера» – не приступишь к нему. Вот отчего выбирают везде «приблизительно Винавера» и «Винавер есть представитель России».

«Коренной ее представитель».

Но Россия даже и не знает «Винавера».

И Россия, в сущности, знать не знает своего «представительства».

Что делать. Ее метод не «бюллетени», «избирательные ящики» и «предвыборная агитация». А другой:

Жребий – «как Бог укажет».

И – потасовка: «чья сила возьмет».

Так и выбирали «на Волховом мосту». Пока Иван III не сказал:

– Будет драться.

И послал Вечевой Колокол куда-то в Тверь и вообще в «места не столь отдаленные».

Не спорю, что это печально. Но ведь вся Русь печальна. «Все русское печально», и тут только разведешь руками, – то́же по-русски.

(выборы в 4-ую Думу; от имеющих право выбирать явилось не более 30 %)

Грубы люди, ужасающе грубы, – и даже по *этому* одному, или главным образом по *этому* – и *боль* в жизни, столько боли...

(на билете в Славянское Общество; «победы»)

Болит душа о себе, болит о мире, болит о прошлом, будущее... «и не взглянул бы на него».

(там же)

У Мережковского есть замечательный афоризм: «пошло́ то, что по́шло»... Нельзя было никогда предполагать, чтобы он оделся в этот афоризм. Но судьба сломила его. Что́ же такое писатель без читателей? Что́ такое десятки лет глумления таких господ, как Михайловский, Скабичевский, как Горнфельд (Кранифельд?), Иванов-Разумников, и вообще литературных лаптей, сапогов и туфель. И он добровольно и сознательно стал «по́шл», чтобы «пойти»...

И «пошёл»... Смотрите, он уже сюсюкает и инсинуирует, что Александр I имел *«вторую семью»*... Такой ужас для декадента, ницшеанца и певца «белой дьяволицы». Да, – «нам позволено» иметь любовниц, актрис; но, по Мережковскому, народу «с высот власти» должен быть подаваем пример семейных добродетелей. Мережковский, я думаю, и сам не понимает, выражает ли он в своих инсинуациях злость парижских эмигрантов, или он только жалуется, что вообще Александр I допускал в своей жизни отступленья от «Устава духовных консисторий».

И это «по́шлое» его – «пошло́». Теперь он видный либеральный писатель щедринской Руси, «обличающий» даже недобродетель императоров.

~

Но Мережковский, при кротких и милых его чертах, никогда не был умен; не был практически, «под ногами», умен.

~

Все же почему-то, издали и в разделении, я жму ему руку. Мало от кого я видел долгие годы непонятную (для меня) дружбу, которая, казалось даже, имела характер любви. Да простит Бог ему грехи; да простит Он мне мои (против него) грехи. А они есть. Он – из немногих людей, которых я необъяс-

нимо почему не мог любить. В нем есть много грусти; но поразительно, что самая *грусть его – холодная*. Грусть вообще тепла *по природе своей:* но у Мер–ого она изменила *своей природе*.

Я думаю, из писателей, писавших в России (нельзя сказать «из *русских писателей*»), было мало принявших в душу столько печали.

Христианство так же выразило собою и открыло миру внутреннее содержание бессеменности, как юдаизм и Ветхий Завет раскрыли семенность.

Там – все семя, от семени начато, к семени ведет, семя собою благословляет.

Здесь все отвращает от семени, как само лишено его. «Нет более *мужеск* и *женск* пол», но – «человек». И несть «эллин и иудей», нет племен, наций.

Все это было бы хорошо, если бы не пришел Винавер:

– Я же и говорил, что Моисей и Христос, в сущности, трудились для адвоката, который «похлопал по плечу» эти старинки, отодвинул их в сторону, и начал говорить об «общечеловеческих культурных ценностях».

(на обороте транспаранта)

7 000 000 желудков и 7 000 000 трезвых голов и рук одолеют 70 000 000 желудков, на которых работает всего только тоже 7 000 000 рук и голов, а 63 000 000 переваривают пищу и еще просят «на удовольствие».

Ведь у нас решительно на 5 лодарничающих приходится только 1 труженик.

Вот еврейско-русский вопрос под углом одного из тысячи освещений.

«– *Молитесь!*» – говорил К. Леонтьев всею своею религиею, своим христианством, своим по́стригом в монашество и связью с афонскими и оптинскими старцами.

Хорошо. Понимаем. Ясно.

Но слыхал ли он, однако, когда-нибудь, чтобы, во́ззрясь на иконы православные, на Спаса-*Милостивого* и Богородицу-*Заступницу*, верующий начал молить их о каком-нибудь «алкивиадстве», об удаче любовной интрижки, об *обмане* врага, о благополучной *измене* жене своей, и прочих §§-ах Леонтьево-ницшеанской философии?

Нет.

Молятся всегда о *добре*, «об Ангеле мирне душам и телесам нашим», о тихой кончине, о незлобствовании на врагов своих; о «временах *мирных* и *благорастворении* воздухов». Увы, молятся всегда «среднею буржуазною молитвою», – молитвой «европейца *в пиджаке*».

Что́ же такое *весь* Леонтьев?

В 35-ть лет он кажется старцем и гением, потрясшим Европу. В 57 лет он кажется мальчиком, охватившим ручонками того «кита», на котором земля держится.

Этот «кит» – просто хороший воздух и «все здоровы». Да чтобы немножко деньжонок в мошне.

Кит нисколько не худой и нимало не «вор». Леонтьев захотел отрастить у него клыки и «чтобы глаза сверкали». Но кит отвечает ему: «Мясного я не ем», а глаза – «какие дал Бог».

Еще: когда он молился Богородице в холере, вдруг бы Она ему ответила не исцелением, как ответила, а рассыпалась смехом русалки и наслала на него чуму. «По-алкивиадовски». Очень интересно, что́ сказал бы Леонтьев на возможность такого отношения.

Друг мой (Л–ву): «буржуа» – небесная истина, «буржуа» предопределен Небом. Не непременно буржуа XIX-го века, довольно паршивый, но это – *не его́ сущность*. А «буржуа» Халдеи, Назарета, «французских коммун», описанных Авг. Тьери. Они любили музыку, и, конечно, они могли бы драться на турнирах, сохраняя лавочку и продолжая торговать.

Что́ же такое Леонтьев?

Ничего.

Он был редко прекрасный русский человек, с чистою искреннею душою, язык коего никогда не знал лукавства: и по этому качеству был почти unicum в русской словесности, довольно-таки фальшивой, деланой и притворной. В лице его *добрый* русский Бог дал *доброй* русской литературе *доброго* писателя. И – только.

Но *мысли* его?

Оне зачеркиваются одни другими. И все opera omnia* его – ряд «перекрещенных» синим карандашом томов. Это прекрасное *чтение*. Но в них не́чего *вдумываться*.

В них нет *совета* и *мудрости*.

Спорят (свящ. Аггеев), был ли он христианин или язычник. Из двух «взаимно зачеркивающих половин» его истинным и главным остается, конечно, его «натура», его «врожденное». Есть слух (и будто бы сам Л–в подсказал его), что он был рожден от высокой и героической его матери, вышедшей замуж за беспримерно тупого и плоского помещика (Л–в *так* и отзывается об отце своем) через страстный роман ее... *на стороне*. Сын всегда – *в мать*. Этот-то горячий и пылкий роман, где говорила страсть и головокружение, мечты и грёзы, и вылил его *языческую природу* в такой искренности и правде, в такой красоте и силе, как, пожалуй, не рождалось ни у кого из европейцев. А «церковность» его прилепилась к этому язычеству, как прилепился нелюбимый «канонический» муж его матери. В *насильственном* «над собою» христианстве Л–ва есть что-то противное и неперено́сное...

Старый муж,
Грозный муж,
Ненавижу тебя.

---

* Полное собрание сочинений *(лат.)*.

С этой стороны, языческой и истинной, Леонтьев интересен как редчайший в истории факт рождения человека, с которым христианство ничего не могло поделать, и внутренно он не только «Апостола Павла не принимал во внимание», но и не слушался самого Христа.

И не пугался.

Религиозно Л–в был совершенно спокойный человек, зовя битвы, мятежи и укрощения и несчастия на народы.

Гоголь все-таки пугался своего демонизма. Гоголь *между язычеством и христианством,* не попав ни в одно. Л–в родился вне всякого даже *предчувствия христианства.* Его боги совершенно ясны: «Ломай спину врагу, завоевывай Индию»; «И ты, Камбиз, – пронзай Аписа».

~

Разнообразие форм и *сила* каждого из расходящихся процессов (осно́ва его теории истории и политики), конечно, суть выражение *природы как она есть.* Но есть два мира, и в этом и заключалось «пришествие Христа»; мир *природный* и мир *благодатный.* А «победа Евангелия», по крайней мере *теоретическая* и *словесная,* «возглашенная», – заключалась в том, что люди, безмерно страдавшие «в порядке естественной природы», условились, во всех случаях противоречия, *отдавать преимущество миру благодатному.* «Христианство» в этом и заключается, что ищет «мира» среди условий войны, и «прощает», когда можно бы и следовало даже наказать. Леонтьев пылко потребовал возвращения к «порядку природы», он захотел Константина-язычника и противопоставил его крещеному Константину. Но уже куда девать «битву с Лицинием» и «**сим победиши**», на Небе и в лабаруме (государственная хоругвь Константина с монограммой Христа).

Но... *природа непобедима,* а *Церковь* вечно *усиливается ее победить*: вот условие борьбы и нового в христианстве, богатства форм. «Героизм» не исчез и «великое» не исчезло в христианстве, но так переродилось и получило настолько новый вид, что действительно стало неузнаваемо. «Камбиз, идущий на Египет» и «Александр, завоевывающий Персию» действительно отрицаются глубочайше христианством, и если бы появились в нем, или когда подобное появлялось, – то было «сбоку припёкою» в христианской истории, без всякой связи с зерном ее и сущностью. Но, позвольте: жизнь Амвросия Оптинского разве не красочнее, чем биография старого ветерана цезаревых войск, и жизнь пап Льва I, Григория Великого, Григория VII и Иннокентия III – несравненно еще полнее движением, переменами, борьбою и усилиями, чем довольно беструдные и нимало не интересные победы Александра над Дарием и Пором. Вообще история *не потеряла интерес,* а только переменила *тон* и *темы.* Тон, действительно, другой. «Царство благодатное», правда, не допускает повториться Киру Великому, Александру Великому, Цезарю; Наполеон был явно исключением и инстинктивно правильно нарекался «Антихристом» (вот *его* и зовет вторично Л–в, с комическим результатом и комическим впечатлением от зо́ва); но «царство благодатное» зовет к *великим* же *подвигам* в области борьбы с «демонами *собственного* духа» и с тою «бесовщиной», которой совершенно достаточно остается и *навсегда останется* в социальном строе и вообще *вне стен* «благодатного царства».

~

Но какая же, однако, causa efficiens* лежала для исторического появления Л–ва? Та, что «средний европеец» и «буржуа» именно в XIX веке, во весь *послереволюционный* фазис европейской истории, выродился во что́-то *противное*. Не «буржуа» гадок: но поистине гадок буржуа XIX века, самодовольный в «прогрессе» своем, вонючий завистник всех исторических величий и от этого единственно стремящийся к *уравнительному состоянию* всех людей, – в одной одинаковой грязи и одном безнадежном болоте. «Ничего *глубже* и ничего *выше*, – сказал мерзопакостный приказчик, стукающий в чахоточную грудь кулаком величиной с грецкий орех. – Ни – *святых*, ни – *героев*, ни *демонов* и *богов*». Он не являет и идиллии никакой; жену он убедил произвести кастрацию, чтобы не обременяться детьми, и занимается с нею в кровати онанизмом. «Вечно пассивная» женщина подалась в сторону советов этого мошенника, son mari**. Так вдвоем они немножко торгуют, имеют «текущий счет» в еврейской конторе, ездят повеселиться в Монако, отдохнуть на Ривьере, покупают картинки «под Рафаэля»; и к ним присоседивается «друг семьи», так как онанизм втроем обещает бо́льшие перспективы, чем вдвоем.

Практически против таких господ поднялась Германия, как сильный буйвол против выродившихся до собаки волченят; а теоретически «Бог послал Леонтьева».

«– А! а! а!!.. Смести всех этих пакостников с лица земли! – с их братством, равенством и свободой и прочими фразами. И призвана к такому сметанию Россия или, вернее, весь *Восток*, хоть с персами, монголами, с китайцами или кем-нибудь». Вот формула Л–ва и пафос всей его жизни. Повесть Вл. Соловьёва о «монгольском завоевании Европы» перед Антихристом параллельна и, пожалуй, имитирует политические зо́вы Л–ва. То́ и другое знаменует вообще великую тоску по *идеале*. По идеальном *существовании*, по идеальном *лице*.

~

В византизме, церковности, в христианстве его не манило то́ *положительное* и *доброе, святое* и *благое*, что́ обратило «Савла» в «Павла», чему мученики принесли свою жертву... Вообще самой «жемчужины евангельской» он вовсе не заметил, а еще правильнее – взглянул и равнодушно отворотился от нее, именно «как Кир *ничего не предчувствующий*». **Любить** в христианстве ему было не́чего. Почему же ½ его страниц «славят церковь, Афон и русскую православную политику»? Его *не тянуло* (нисколько!) к себе христианство, но он увидел здесь неистощимый арсенал стрел «против подлого буржуа XIX-го века», он увидел здесь склад бичей, которыми всего больнее может хлестать самодовольную мещанскую науку, дубовый безмысленный позитивизм и вообще всех «фетишей» ненавидимого, и *основательно* им ненавидимого, века. В сущности, он был «Байрон больше самого Байрона»: но какой же «Байрон», если б ему еще вырасти, был, однако, христианин?!!

---

* Достаточная причина *(лат.)*.

** Ее мужа *(фр.)*.

~

В его *греческих* повестях («Из жизни христиан в Турции»), где он описывает довольно *красочную жизнь*, его отношение к Церкви и христианству – гораздо менее пылко, чем в теории («Восток, Россия и славянство»). Там, о́бок с турками и гаремами, рассказывая о разбойниках и повстанцах, «на которых такие красивые фустанеллы», он забывает о «старом муже» своих теорий, похваливает мусульманство, дает теплые слова о древнеязыческой жизни, и даже раза два с пера его соскальзывает выражение: «Христианство немножко уж устарело», и, особенно, это томительное его «одноженство». Буржуа, француз, европеец – далеко. Леонтьев отдыхает. Он закуривает кальян, становится в высшей степени добродушен, язык его не раздражителен, мысли успокоены. Синие фустанеллы и красные фески дали бальзам на его нервы, и, поталкиваясь локтями между пашой, старым епископом и разбойником Сотири, который переодетым пришел на праздник в деревушку, он шепчет с равным благодушием им всем о танцующих крестьянских девушках, болгарках и гречанках:

– Паша́! зачем ты прячешь своих дочерей и жен? Это – единственный закон у вас, который мне не по душе. Я – широкий русский человек, и мне – чтобы все было на скатерти. Если бы турчанки то́же присоединились к гречанкам и болгаркам, нам было бы так же хорошо, как счастливым эллинским мужам VI-го века до Р. Хр., где-нибудь на о. Хиосе, когда они следили пляски дев и юношей под Вечным Небом Эллады...

«Марксисты», «экономическая борьба», «положение рабочих»: но, садясь в карты, почему-то предпочитает vis-a-vis с генералом. И при «недохватке» все одолжается «до среды» у генерала. А в среду по рассеянности забывает.

(виденное и слышанное)

Растопырив ноги и смотря нахально на учительницу, Васька (3-й класс Тенишевского) повторяет:

– Ну... ну... ну «блаженные нищие духом». Ну... ну... ну... (забыл, а глаза бессовестные).

Что́ ему, тайно пикирующемуся с учительницей, эти «блаженны нищие духом»...

~

И подумал я:

– В Тайну, в Тайну это слово... замуровать в стены, в погреб, никому ее не показывать до 40 лет, когда начнутся вот страдания, вот унижения, вот неудача жизни: и тогда подводить «жаждущего и алчущего» к погребу и оттуда показывать, на золотом листке, вдали:

Блаженны нищие духом!..

Боже мой: да ведь это и сказано «нищим духом», еще – никому, и никому – не понятно, для всех это «смех и глупость», и сила слова этого только и открывается в 40 лет, когда жизнь прожита. Зачем же это Ваське с растопыренными ногами, это «метание бисера перед свиньями».

Величественный шарлатан.

Шарлатаны вообще бывают величественны... Это я только под старость узнал. И пользуются в обществе непререкаемым авторитетом.

~

Нет, уж лучше положиться на «чинушу» 20-го числа. Помусолится и все-таки что-нибудь сделает. Обругает, сгрубит, за шиворот возьмет, а не оберет.

Как нескольких литераторов безжалостно и бесстыдно обобрал издатель «Декабристов» и «Жизни Иисуса», с таким портретом Ренана, который стоил чуть не 1000 руб.

~

Величественный шарлатан, с такой германской походкой, погубил и мамочку, объявляя себя (в «указателе») врачом по нервным болезням, 5 лет ездя к страдающей «чем-то нервным», и не понимая, что́ означают *неравномерно расширенные зрачки. Видел* их 5 лет, и не понимал – *что́* это? *почему?*

~

Да и сколько врачей видели эти зрачки, Мержеевский (в Аренсбурге), Розенблюм (в Луге), Наук, княжна Гедройц, Райвид; и никто не сказал: «Вы *видите* это, это – *глубокое страдание, надо лечить*».

И мамочка была бы спасена.

Карпинский 1-й сказал, и уперся, отверг нелепый диагноз Бехтерева («уверяю вас, что ничего нет») и схватился лечить 14 лет запущенную болезнь. Дай Бог ему всего доброго. Карпинский – доброе, прекрасное имя в моей биографии, благодетель нашей семьи. Как Бехтерев – погубитель.

Удивительный рассказ Варвары Андреевны: у княгини NN были 2 дочери и сын, лицеист или кадет, не помню. Но – *не* высшего учебного заведения. У него бывали товарищи, и одному из этих кадетиков нравилась старшая дочь, пышная, большеростая. Но при всем росте она была спокойного характера, тогда как меньшая ее сестра, худенькая и небольшая, так и пылала. – Рассказчица не понимала, – моé же наблюдение, что вообще пыл пола или развертывается в рост, и, потратя силы свои «на произведение своего же тела», успокаивается; или же он в рост не развертывается, и тогда весь сосредоточивается в стрелу пола, – и эта стрела сильно заострена и рвется с тетивы. – Мать, заметив чувство юноши, почти отрока, в конце зимы отозвала его в сторону и спросила: «Вам нравится моя старшая дочь?». Тот вспыхнул и замялся... «Да...». – «Ну, я вижу, что если и нравится, то не безотвязно. Вот что́: женитесь на младшей. Она и по годам больше вам подходит». Тот выра-

зил согласие. «И – теперь. Гражданского брака я не хочу. Законный брак кадетам недозволен. Но я – княгиня, у меня есть связи, и я все устрою». Действительно, жениться ему было все равно как бы гимназисту – нельзя. Она поехала, упросила. Может быть, и сказала лишнее, напр., что дочь «в положении», и ей дали согласие на *негласную женитьбу юноши, с правом продолжать ему учение.* И вот, мать сейчас их обвенчала, и, затем, молодой муж – опять сейчас в школу, но должен был приезжать к теще и жене по воскресеньям и (почему-то) четвергам. Квартирка у них была маленькая, – именье распродал отец, – и она, отделив молодым комнату, сама со старшей дочерью помещалась в другой. Сыну же кадету сказала, что он может являться днем в дом, а ночевал бы в школе. «Нет комнаты, взята под молодых». Так и было. «А старшая?» – спросил я. «Через два года тоже вышла замуж». Но слушайте дальше. Эта маленькая и худенькая удивительно расцвела в замужестве, пополнела, подобрела. И через год у нее был ребенок, а через два – двое детей. Первый – красота мальчик, и родился огромный. Княгиня вынесла из их спальни к гостям и, подкидывая на ладони, воскликнула: «Вот какой! Видите! А все – *мой* ум. Отец его – не истасканный, свеженький. Дочь моя вся чистая – еще с неиспорченным воображением. И принесли мне такого внука!».

Вот до этой *государственной* мудрости старой княгини не додумаются ни министерства наши, ни старые митрополиты, заседающие в Синоде и устрояющие брак в стране.

Ведь же анкета показала, что приблизительно с VI-го класса гимназии *все* учащиеся вступают в полосу перемежающегося с проституцией онанизма. Одно, – или другое. Не одно, – *так* другое. Не *оба* ли, однако, ужасны? Если бы в государственных учреждениях была $^1/_{10}$ доля ума этой княгини, то, конечно, не только *разрешен* бы был брак гимназистам и гимназисткам, но он был бы вообще сделан *обязательным* для 16-ти (юношам) и $14^1/_2$ (чтобы не испортилось именно *воображение)* лет девушкам: и чтобы соблюдение этого было предоставлено согласованным усилиям родителей и начальств учебных заведений, но обеими сторонами – *непременно* исполнено, без чего не дается «свидетельство об окончании курса». В самом деле, «мечта» и «роман» могут поместиться и внутрь брака, настать «потом», в супружестве. Ведь женится же *обязательно* все сплошь духовенство перед посвящением. И – ничего. Не стонут. И даже «плодовитое духовенство» одно поддерживает честь русской рождаемости. Вообще «роман», конечно, важен, и его не отрицаю: но только мне хочется, чтобы он не был воздушным, а хлебным. Поразительная история «изнасилований» и «соблазнений» почти в одно слово говорит примерами, что к первому «посягнувшему» девушка чувствует на всю жизнь необыкновенную привязанность, которую не погашают все последующие невольные связи, «перехождения из рук в руки», и вся вообще ужасная судьба. И «первый», собственно, остается мужем, а последующие – безвпечатлительны. Этот закон до такой степени всеобщ, что именно на нем нужно установить норму супружества *в стране*: пробудится любовь непременно к первому, и сохранится на всю жизнь, если «да» было произнесено без отвращения, искренно, хотя бы и без пыла и «романа».

В Ельце М.А.Ж–ков (несколько дочерей красавиц):

– Надо выдавать дочь, пока *она еще не стала выбирать.*

И выходили. И жили. – Положим, здесь возможна и трагедия, будут трагедии, – в ½%. Как в ½% они есть и теперь, при долголетних «выборах» и полной любви. Собственно, «роман» есть пар, занимающий пустое место при не наступившем *во́время* супружестве. Розовый пар. И его вовсе не нужно при нормальном супружестве. Супружество – заповедь Божия, с молитвами. А без «Птички Божией» можно и обойтись.

Так-то, девушки, – подумайте об этом. Подумайте, когда станете матерями.

Спасибо Варваре Андреевне за рассказ. Он поучителен. Особенно для министров и архиереев. Сама она – замужняя и добродетельная, урожденная – Г.

Глупа ли моя жизнь?
Во всяком случае не очень умна.

Хочу ли я играть роль?
Ни – малейшего (жел.).

~

Человек без роли?
– Самое симпатичное существование.

У меня есть какой-то фетишизм мелочей. Мелочи суть мои «боги».

~

Все «величественное» мне было постоянно чуждо.
Я не любил и не уважал его.

Я весь в корнях, между корнями. «Верхушка дерева» – мне совершенно непонятно (непонятна эта ситуация).

~

Дует ветер. Можно упасть. Если «много видно», то я все равно не посмотрю.

Это Николай Семеныч (Мусин, учитель русского языка в Костроме, – благороднейший челов.) говорил:

– Хе, – ты дурак. Не видал, есть ли сено на базаре. А проходил (к нему в дом) базаром.

Я действительно не видал, проходя по Сенной (Павловская площадь).

У Ник. Семен. подбородок был брит, как и верхняя губа, – и волосы, полуседые, вершка в $1^1/_2$, шли только около горла с лица книзу. Это было некрасиво, но какой он был весь добрый, «благой».

У него была дочь Катя, 7 лет, и мамаша посылала «погостить к ним». Тщетно он показывал мне какой-то атлас с гербами, коронами и воинами. По-немецки. Я держался за стул и плакал.

Мне были непереносимы их крашеные полы и порядок везде. Красота. У нас было холодно, не метено. И мне хотелось домой.

Так как рев мой не прекращался, меня отправляли домой.

Дома был сор, ссоры, курево, квас, угрюмость мамаши и вечная опасность быть высеченным.

Вообще литература, конечно, дрянь (мнение и Фл.), – но и здесь «не презирай никакого *состояния в мире*», и ты иногда усмотришь нечто прекрасное.

Прихожу в «Бюро газ. вырезок», вношу 10 р. И очень милый молодой заведующий разговорился со мною:

– Мое дело – ужасно хлопотливое. Вы говорите, чтобы я присылал, «дожидаясь пачек» и разом, сокращая марки. А сколько неприятностей по телефону: «Обо мне была утром статья – почему *не присылаете*?». Оправдываюсь: «Получите – *утром* завтра». – «Нет. Сегодня. Вы должны *два раза в день*».

Еще. Я, выходя, говорю:

«А ядовитое это дело, "Бюро вырезок". Собственно, оно бесконечно *портит литературу*, отнимая у авторов талант и достоинство. Он прочитает о себе гадость, расстроится и, бедный, весь день не может писать. Тут не одна слава, а хлеб. Я об этом *думаю написать*. Т. е. чтобы не выписывали».

Испугался:

– Ради Бога – не пишите. В нашем Бюро 40 студентов «вырезывают вырезки», и оно учреждено по мысли и под покровительством Государыни Императрицы...

Я обещал (т. е. не писать).

– Ужасно нервный народ (т. е. писатели). С утра – звонки. Входит писатель, весь расстроенный, и говорит, что он «не говорил *этого*», в чем его упрекает рецензент, а говорил «вот то́-то», и ошибиться в смысле могло только злое намерение. И дает – *читать:* «Посудите! Взгляните!». Он улыбнулся... «Мы же ведь *не читаем* всего этого: куда! 100 газет!! А только студент-труженик бежит, не читая, по строкам – до *большой буквы* и *фамилии*, и, увидя ее, – отхватывает статью ножницами...».

И моментально мне представились эти «взволнованные писатели», и что они – вовсе не то́, что «обычный журналист», который в великой силе своей уже «ни на что не обращает внимания», и разговаривает в печати не иначе как с министрами, да и тем «чихает в нос», или «хватает его за фалды», как собачонка медведя...

И я думаю, что как полное ремесло, сапожное ремесло – литература имеет в себе качества и достоинство, и вообще человеческое в ней не утратилось. Я припоминаю приемную какой-то редакции, лет 20 назад, когда и я начинал. Редактор долго не принимал, все мы были (должно быть) с рукописями, я прохаживался, а в стуле сидел довольно «благообразный» литератор, «кудри» и «этак». Спокойно и с важностью.

Я ходил по одной диагонали комнаты, а по другой диагонали ходил с длиннейшими волосами и в плохоньких очках «некто»...

Он был мал ростом. Весь заношен. Беден. И, очевидно, – «с выпивкой». Время было радикальное (очень давно). И, очевидно, его оскорбляло спокойное сиденье того благообразного литератора.

Он непременно хотел ему «сказать что́-то».

Он ходил нервно, наконец вынул папиросу – и...

Александр Македонский так не двигался на индийского царя Пора, как он, весь негодуя, трясясь (смущение, страх и обида на свой страх), подошел и с мукой – и оскорбляя, игнорируя, а в то же время и боясь невежливого отказа, – сказал:

– Вы мне позволите закурить.

Тот курил. И подал папиросу. Вообще я согласен, что «тот» царь Пор был отвратительное существо: но этот наш бедный русский петух...

Я совершенно уверен, что он никогда не солгал в своей действительно «честной литературе», что он мнил «нести службу отечеству» и *действительно ее нес.* Обличал, укорял, требовал правды. Что же, господа, если мы уважаем полицейского, который мокнет на углу улиц для «упорядочения езды», как мы пройдем мимо «такого страдальца за русскую землю», который всю жизнь пишет, получает гроши, бьется с женой и ребятишками... И мучится, мучится: пылает, действительно пылает. Хворает, и «нет денег», и теперь он только скорбно смотрит «на портрет Белинского».

Вот, господа. Так оставим высокоумие, и протянем руку другу нашему, доброму хранителю провинции, смелому хвататслю воров (казенных) etc., etc. *Настоящего литератора* закрыла от нас действительно хлестаковская мантия столичного фельетониста или самоупоенного передовика, он же приват-доцент местного университета. Но «не ими свет кончается». Есть доброе и сильное и честное в литературе; есть (нужда) бесконечно в ней страдающее. Такой литератор – народный учитель, т. е. то же, что труженик сельской или городской школы.

И поклонимся ему... Не все цинично на Руси. И не все цинично в литературе.

Толстой искал «мученичества» и просился в Шлиссельбург посидеть рядом с Морозовым.

– Но какой же, ваше сиятельство, вы Морозов? – ответило правительство и велело его, напротив, охранять.

А между тем мученичество просилось ему в сумку: это – тряхнуть «популярностью», отказаться от быстрой раскупки книг и от «отзывов печати». Но что́ делать, Добчинский залезает иногда даже в Сократа, а 50 коп. поп кладет в карман после того, как перед ним рыдала мученица, рассказывая долгую жизнь. И Т. положил свои 50 коп. (популярность) в карман.

Одна лошадь, да еще старая́ и неумная, везет телегу: а дюжина молодцов и молодух сидят в телеге и орут песни.

И песни то́ похабные, то́ заунывные. Что «весело на Руси», и что «Русь пропадает». И что все русских «обижают».

Когда замедляется, кричат на лошадь:

– Ну, вези, старуха.

И старуха опять вытягивает шею, и напрягаются жилы в пахах.

(мое отечество)

Теперь все дела русские, все отношения русские осложнились «евреем». Нет вопроса *русской жизни,* где «запятой» не стоял бы вопрос: «как *справиться* с евреем», *«куда* его девать», «как бы он не *обиделся».*

При Николае Павловиче этого всего в помине не было. Русь, может быть, не растет, но еврей во всяком случае растет.

Дешевые книги – это некультурность. Книги и должны быть дороги. Это не водка.

Книга должна отвертываться от всякого, кто при виде на цену ее сморщивается. «Проходи мимо», – должна сказать ему она, и, кивнув в сторону «газетчика на углу», прибавить: «Бери их».

Книга вообще должна быть горда, самостоятельна и независима. Для этого она прежде всего д. быть дорога.

(за газетами утром)

Валят хлопья снега на моего друга, заваливают до плеч, головы...

И замерзает он и гибнет.

А я стою возле и ничего не могу сделать.

(«надо показать 3-му специалисту: мы не понимаем этих явлений. Это – не наша, а **другая какая-то болезнь**». *Крепилась. Пока не говорила, как замерзла. И за обедом молчала. А после обеда она легла на кушетку и заплакала. «Всё болезни», «болезни». С* **этой стороны** *все было хорошо после леченья: и вдруг – опять худо». 16 октября 1912 г.)*

Болит ли Б. о нас? Есть ли у Б. боль по человеке? Есть ли у Б. вообще *боль:* как по «свойствам бытия Б-жия» (по схоластике).

(еду за деньгами)

Все глуше голоса земли...
И – не надо.

Только один слабый надтреснутый голосок всегда будет смешиваться с моими слезами.

И когда и он умолкнет для меня, я хочу быть слепым и глухим в себе самом, an und für sich*.

(поздно ночью на даче и всегда)

P. S. К стр. 75 по поводу мысли о *печатной* литературе за три последние года, – об изменении *тона* и отчасти *тем* ее.

P. P. S. Место и обстановка «пришедшей мысли» везде указаны (абсолютно точно) ради опровержения фундаментальной идеи сенсуализма «*nihil* est in intellectu, quod *non fuerat* in sensu»**. Всю жизнь я, наоборот, наблюдал, что in intellectu происходящее находится в полном разрыве с quod fuerat in sensu. Что вообще *жизнь души и течение ощущений,* конечно, соприкасаются, отталкиваются, противодействуют друг другу, совпадают, текут параллельно: но лишь в *некоторой* части. На самом же деле *жизнь души* и имеет другое русло, *свое самостоятельное,* а, самое главное, – имеет другой *исток,* другой себе *толчок.*

Откуда же?

От Бога и рождения.

Несовпадение внутренней и внешней жизни, конечно, знает каждый в себе: но, в конце концов, с очень ранних лет (13-ти, 14-ти) у меня это несовпадение было до того разительно (и тягостно часто, а «служебно» и «работно» – глубоко вредно и разрушительно), что я бывал в постоянном удивлении этому явлению (*степени* этого явления); и пища здесь «вообще все, что́ поражало и удивляло меня», как и что́ «нравится» или очень «*не* нравится», записал и это. Где против «природы вещей» (время и обстановка записей) нет изменения ни иоты.

Это *умственно.* Есть для этих записей обстановки и времени и моральный мотив; о котором когда-нибудь потом.

---

* Сам по себе *(нем.).*

** Нет ничего в уме, чего бы не было раньше в ощущении *(лат.).*

В. РОЗАНОВЪ

ОПАВШІЕ ЛИСТЬЯ

КОРОБЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНІЙ

ПЕТРОГРАДЪ

Чем старее дерево, тем больше падает с него листьев. Завещая по «†» моей перепечатывать все аналогичные и продолжающие «Уедин.» и «Опав. листья» книги в том непременно виде, как напечатаны оне (т. е. с новой страницы каждый новый текст), я, в целях компактности и, след., ускорения печатания «павших листов», отступаю от прежней формы, с крайним удручением духа.

*«Опав. листья» изд. 1913 г. представляют ½ или ⅓ того, что записалось за 1912 г., причем печатались они в таком состоянии духа, что я их почти не приводил в порядок хронологически. Так все помеченное «***Клиника Елены Павловны***» – относится к* **октябрю, ноябрю и декабрю месяцам**, *– и должно быть отнесено в конец издания за этот год. Вообще же печатающееся ныне должно быть как бы «стасовано» («тасуем карты») с изданным в 1913 году, – листок за листом, – и, во всяком случае, не в том порядке и виде, как было издано в 1913 г.*

Во 2-м коробе листы лежат в строгом хронологическом порядке, насколько его можно было восстановить по пометкам и по памяти.

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякий дурной корень она жадно хватает и произращает из него обильнейшие плоды. А добрый корень умерщвляет.

(смотря на портрет Страхова: почему из «сочинений Страхова» ничего не вышло, а из «сочинений Михайловского» вышли школьные учителя, Тверское земство и множество добросовестно работающих, а частью только болтающих, лекарей)

Страшная пустота жизни. О, как она ужасна...

Теперь в новых печках повернул ручку в одну сторону – труба открыта, повернул в другую сторону – труба закрыта.

Это неблагочестиво. Потому что нет разума и заботы.

Прежде, возьмешь маленькую вьюшку, и надо ее не склонить ни вправо, ни влево, – и она ляжет разом и приятно. Потом большую вьюшку, – и она покроет ее, как шапка.

Это правильно.

Раз я видел новое жнитво: не мужик, а рабочий сидел в чем-то, ни – телега, ни – другое что́, ее тянула пара лошадей; колымага колыхалась, и мужик в ней колыхался. А справа и слева от колымаги, как клешни, вскидывались кверху не то ко́сы, не то грабли. И делали дело, не спорю – за двенадцать девушек. Только девушки-то эти теперь сидели с молодцами за леском и финтили. И сколько им не наработает рабочий с клешнями, они все профинтят. Выйдут замуж – и профинтят мужнее.

Выйдут замуж – профинтят мужнее.

Муж, видя, что жена финтит, – завел себе на стороне «зазнобушку».

И повалилось хозяйство.

И повалилась деревня.

А когда деревни повалились – зачернел и город.

Потому что не стало головы, разума и Бога.

Несут письма, какие-то теософические журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачем мне?

«Прочти и загляни».

Да почему я должен во всех вас заглядывать?

То́ знание ценно, которое острой иголкой прочертило по душе. Вялые знания – бесценны.

(на поданной почтовой квитанции)

С выпученными глазами и облизывающийся – вот *я*.

Некрасиво?

Что́ делать.

...иногда кажется, что́ во мне происходит разложение литературы, самого *существа ее*. И, может быть, это есть мое мировое «emploi»*. Тут и моя (особая) мораль, и имморальность. И вообще мои дефекты и качества. Иначе, нельзя понять. Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта. Но вообразить, что это было возможно потому, что «я захотел», никак нельзя. Сущность гораздо глубже, гораздо лучше, но и гораздо страшнее (для меня): безгранично страшно и грустно. Конечно, не быва-

* Призвание *(фр.)*.

ло еще примера, и повторение его немыслимо в мироздании, чтобы в тот самый миг, как слезы текут, и душа разрывается, – я почувствовал неошибающимся ухом слушателя, что оне текут литературно, музыкально, «хоть записывай»; и ведь только потому я записывал («Уединенное», – девочка на вокзале, вентилятор). Это так чудовищно, что Нерон бы позавидовал; и «простимо» лишь потому, что фатум. Да и простимо ли?.. Но оставим грехи; таким образом, явно во мне есть какое-то завершение литературы; литературности; ее существа, – как потребности отразить и выразить. Больше что́ же еще выражать? Паутины, вздохи, *последнее уловимое*. О, фантазировать, творить еще можно: но ведь суть литературы не в *вымысле же*, а в потребности *сказать сердце*. И вот с этой точки я кончаю и кончил. И у меня мелькает странное чувство, что я *последний* писатель, с которым литература вообще прекратится, кроме хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станут просто *жить*, считая смешным, и ненужным, и отвратительным литераторствовать. От этого, может быть, у меня и сознание какого-то «последнего несчастия», сливающегося в моем чувстве с «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично последней трагедией: ибо в нем как-то диалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячелетнее «я» литературы.

– Фу, гад! Исчезни и пропади!

Это частое мое чувство. И как тяжело с ним жить.

(дожидаясь очереди пройти исповедываться). (1-ая гимназия)

~

Какие добрые бывают (иногда) попы. Иван Павлиныч взял под мышку мою голову, и, дотронувшись пальцем до лба, сказал: «Да и что́ мы можем знать *с нашей черепушкой*»? (мозгом, разумом, черепом). Я ему сказал разные экивоки и «сомнения» за го́ды Рел.-фил. собраний. И так сладко было у него поцеловать руку. Исповедывал кратко. Ждут. Служба и доходы. Так «быт» мешается с небесным глаголом, – и не забывай о быте, слушая глагол, а, смотря на быт, вспомни, что ты, однако, слышал и глаголы. Но Слободской – глубоко бескорыстен. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень).

Есть люди, которые рождаются «ладно», и которые рождаются «не ладно».

Я рожден «не ладно»: и от этого такая странная, колючая биография, но довольно любопытная.

~

«Не ладно» рожденный человек всегда чувствует себя «не в своем месте»: вот, именно, как я всегда чувствовал себя.

Противоположность – бабушка (А.А.Руднева). И ее благородная жизнь. Вот кто родился... «ладно». И в бедности, ничтожестве положения – какой непрерывный *свет* от нее. И польза. От меня, я думаю, никакой «пользы». От меня – «смута».

Я мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир... Но не хочу.

[*«Люди лунного света» (если бы настаивать); 22 марта 1912 г.*]

И сгорело бы все... Но не хочу.

Пусть моя могилка будет тиха и «в сторонке».

(«Люди лун. св.», тогда же)

Работа и страдание – вот вся моя жизнь. И утешением – что я видел заботу «друга» около себя.

Нет: что я видел «друга» в самом себе. «Портретное» превосходило «работное». Она еще более меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висела, – в гневе на недвижность (весна 1912 года), она, остановясь среди комнаты, – несколько раз взмахнула обеими руками: правая делала полный оборот, а левая – поднималась только на небольшую дугу, и со слезами стала выкрикивать, как бы топая на больную руку:

– Работай! Работай! Работай! Работай!

У ней было все лицо в слезах. Я замер. И в восторге, и в жалости.

(левая рука имеет жизнь только в плече и локте)

«Ты тронь *кожу* его», – искушал Сатана Господа об Иове...

Эта «кожа» есть у всякого, у всех, но только она неодинаковая. У писателей, таких великодушных и готовых «умереть за человека» (человечество), вы попробуйте задеть их *авторство*, сказав: «*плохо пишете*, господа, и *скучно* вас читать», – и они с вас кожу сдерут. Филантропы, кажется, очень не любят *«отчета* о деньгах». Что касается «духовного лица», то оно, конечно, «всё в благодати»: но вы затроньте его со стороны «рубля» и наград – к празднику – «палицей», крестом или камилавкой: и «лицо» начнет так ругаться, как бы русские никогда не были крещены при Владимире...

(получив письмо попа Альбова)

~

Ну, а у тебя, Вас. Вас., где «кожа»?

Сейчас не приходит на ум, но, конечно, – *есть*.

~

Поразительно, что у «друга» и Устьинского нет «кожи». У «друга» – наверное, у Устьинского – кажется, наверное. Я никогда не видел «друга» оскорбившимся *и в ответ разгневанным* (в этом все дело, об этом Сатана и говорил). Восхитительное в нем – полная и спокойная гордость, молчаливая, и которая ни разу не сжалась и, разогнувшись пружиной, ответила бы ударом (в *этом* дело). Когда ее теснят – она посторонится; когда нагло смотрят на нее –

она отходит в сторону, отступает. Она никогда не поспорила, «кому сойти с тротуара», кому стать «на коврик», – всегда и первая уступая каждому, до зóва, до спора. Но вот прелесть: когда она отступала – она всегда была царицею, а кто «вступал на коврик» – был и *казался* в этот миг «так себе». Кто учил?

Врожденное.

Прелесть манер и поведения – всегда врожденное. Этому нельзя научить и выучиться. «В моей походке – душа». К сожалению, у меня, кажется, преотвратительная походка.

Цензор только тогда начинает «понимать», когда его Краевский с Некрасовым кормят обедом. Тогда у него начинается пищеварение, и он догадывается, что «Щедрина надо пропустить».

~

Один 40-ка лет сказал мне (57 л.): «Мы понимаем *все, что и вы*». – Да, у них «диплом от Скабичевского» (кончил университет). Чтó же я скажу ему? – «Да, я тоже учился только в университете, и дальше некуда было пойти». Но печальна была бы образованность, если бы дальше нас и цензорам некуда было «ходить».

Они грубы, глупы и толстокожи. Ничего не поделаешь.

Из цензоров был *литературен* один – Мих. П. Соловьёв. Но на него заорали Щедрины: «Он нас не пропускает! Он консерватор». Для всей печати «в цензора» желателен один Балалайкин, человек ловкий, обходительный и либеральный. Уж при нем-то литература процветет.

(арестовали «Уедин.» по распоряжению петроградск. цензуры)

Почему я *издал* «Уедин.»?

Нужно.

Там были и побочные цели (главная и *ясная* – соединение с «другом»). Но и еще, сверх этого, слепое, неодолимое

НУЖНО.

~

Точно потянуло чем-то, когда я почти автоматично начал нумеровать листочки и отправил в типографию.

Да, «эготизм»: но чего это стоило!

~

Отсюда и «Уед.» как попытка выйти из-за ужасной «занавески», из-за которой не тó чтобы я не хотел, но не *мог* выйти...

Это не физическая стена, а духовная, – о, как страшней физической.

~

Отсюда же и привязанность или, вернее, какая-то таинственная *зависимость* моя от «друга»... В которой *одной* я сыскал что-то *нужное* мне... Тогда как суть «стены» заключается в «не нужен *я*» – «не нужно *мне*»... Вот это «не нужно» до того ужасно, плачевно, рыдательно, это такая метафизическая пустота, в которой невозможно жить: где, как в углекислоте, «все задыхается».

И, между тем, во мне есть «дыханье». «Друг» и дал мне возможность дыханья. А «Уед.» есть усилие расширить дыхание, и прорваться к люд., кот. я искренне и глубоко люблю.

Люблю, а не чувствую. Ловлю – но воздух. И как будто хочу сказать слово, а пустота не отражает звука.

Ведь я никогда не умел себе представить читателя (совет Страхова). Знал – читают. И как будто не читают. И «не читают», «не читает ни один человек» – живее и действительнее, чем что читают многие.

И тороплюсь издавать. Считаю деньги. Значит, *знаю*, что «читают»: но момент, что-то перестроилось перед глазами, перед мыслью, и – «не читают» и «ничего вообще нет».

Как будто глаз мой (дух) на уровне с доской стола. И стол – тоненький лист. Дрогнуло: и мне открыто *под столом* – вовсе другое, нежели на *столе*. Зрение переместилось на миллиметр. «На столе» – наша жизнь, «читают», «хлопочу»; «под столом» – ничего вообще нет или совсем другой вид.

Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя»; «везде скучно, где не ты».

Это внешнее описание, но самое точное.

Любовь вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней «дышится легко».

Вот и все.

Печальны и запутанны наши общественные и исторические дела... Всегда передо мною гипсовая маска покойного нашего философа и критика, Н. Н. Страхова, – снятая с него в гробу. И когда я взглядываю на это лицо человека, прошедшего в жизни нашей какою-то тенью, а не реальностью, – только оттого одного, что он не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и тихо писал книги, – у меня душа мутится...

Судьба Константина Леонтьева и Говорухи-Отрока...

Да и сколько таких. Поистине, прогресс наш может быть встречен словами: «Morituri te salutant»* – из уст философов, поэтов, одиночек-мыслителей. «Прогресс наш» совершился при «непременном требовании», – как говорится в полицейских требованиях и распоряжениях, – чтобы были уб-

* Обреченные на смерть тебя приветствуют *(лат.)*.

раны «с глаз долой» все люди с задумчивостью, пытливостью, с оглядкой на себя и обстоятельства.

С старой любовью к старой родине...

Боже! если бы стотысячная, пожалуй, даже миллионная толпа «читающих» теперь людей в России с таким же вниманием, жаром, страстью прочитала и *продумала* из страницы в страницу Толстого и Достоевского, задумалась бы над каждым их рассуждением и каждым художественным штрихом, – как это она сделала *с каждою страницею* Горького и Л.Андреева, то общество наше выросло бы *уже теперь* в страшно серьезную величину. Ибо даже без всякого *школьного учения*, без знания *географии* и *истории*, – просто «передумать» только Толстого и Достоевского значит стать как бы Сократом по уму, или Эпиктетом, или М.Аврелием – люди, тоже не очень «знавшие географию» и «не кончившие курса в гимназии».

Вся Греция и Рим питались только литературою: школ, в нашем смысле, вовсе не было! И как возросли. Литература, собственно, есть *естественная школа* народа, и она может быть *единственною* и *достаточною* школою... Но, конечно, при условии, что весь народ читает «Войну и мир», а «Мальву» и «Трое» Горького читают только специалисты-любители.

И это *было* бы, конечно, если бы критика, печать так же «задыхались от волнения» при появлении каждой новой главы «Карениной» и «Войны и мира», как они буквально задыхались и продолжают задыхаться при появлении каждой «вещи» в 40 страничек Леонида Андреева и М.Горького.

Одно это неравенство весов отодвинуло на сто лет назад русское духовное развитие – как бы вдруг в гимназиях были срезаны старшие классы и оставлены одни младшие, одна прогимназия.

Но откуда это? почему?

Как же: и Л.Андреев, и М.Горький были «прогрессивные писатели», а Достоевский и Толстой – русские одиночки-гении. «Гений – это так мало»...

Достоевский, видевший все это «сложение обстоятельств», желчно написал строки:

«И вот, в XXI столетии, – при всеобщем реве ликующей толпы, блузник с сапожным ножом в руке поднимается по лестнице к чудному Лику Сикстинской Мадонны: и раздерет этот Лик во имя всеобщего равенства и братства»... «Не надо гениев: ибо это – аристократия». Сам Достоевский был бедняк и демократ: и в этих словах, отнесенных к будущему торжеству «равенства и братства», он сказал за век или за два «отходную» будущему торжеству этого строя.

Чего я совершенно не умею представить себе – это чтобы он запел песню или сочинил хоть в две строчки стихотворение.

В нем совершенно не было певческого, музыкального начала. Душа его была совершенно без музыки.

И в то же время он был весь шум, гам. Но без нот, без темпов и мелодии.

Базар. Целый базар в одном человеке. Вот – Герцен. Оттого так много написал: но ни над одной страницей не впадет в задумчивость читатель, не заплачет девушка. Не заплачет, не замечтается и даже не вздохнет. Как это бедно. Герцен и богач, и бедняк.

«Я до времени не беспокоил ваше благородие, по тому самому, что мне *хотелось накрыть их тепленькими*».

Этот фольклор мне нравится.

Я думаю, в воровском и в полицейском языке есть нечто художественное.

Сюда Далю не мешало бы заглянуть.

(на процессе Бутурлина мелкий чиновник выслеживавший в подражание Шерлоку Холмсу Обриена-де-Ласси и Панченко)

Вся «цивилизация XIX-го века» есть медленное, неодолимое и, наконец, восторжествовавшее просачивание всюду кабака.

Кабак просочился в политику – это «европейские (не английский) парламенты».

Кабак прошел в книгопечатание. Ведь до XIX-го века газет почти не было (было кое-что), а была только литература. К концу XIX-го века газеты заняли господствующее положение в печати, а литература – почти исчезла.

Кабак просочился в «милое хозяйство», в «свое угодье». Это – банк, министерство финансов и социализм.

Кабак просочился в труд: это фабрика и техника.

Раз я видел работу «жатвенной машины». И подумал: тут нет Бога.

~

Бога вообще в «кабаке» нет. И сущность XIX-го века заключается в оставлении Богом человека.

Измайлов (критик) не верит, будто я «не читал Щедрина». Между тем как в круге людей нашего созерцания считалось бы невежливостью в отношении ума своего *читать* Щедрина.

За 6 лет личного знакомства со Страховым я ни разу не слышал произнесенным это имя. И не по вражде. Но – «не приходит на ум».

То же Рцы, Флоренский, Рачинский (С.А.): никогда не слыхал.

Хотя, конечно, все знали *суть* его. Но:

– Мы все-таки учились в университете.

(май 1912 г.)

Из всего «духовного» ему нравилась больше всего основательная дубовая кожаная мебель.

И чин погребения.

Входит в начале лета и говорит:

– Меня приглашают на шхуну, в Ледовитый океан. Два месяца плавания. Виды, воздух. Гостем, бесплатно.

– Какие же вопросы? Поезжайте!

– И я так думал и дал согласие.

– Отлично.

– Да. Но я отказался.

– Отказались?!..

– Как же: ведь я могу заболеть в море и умереть.

– Все мы умрем.

– Позвольте. Вы умрете на суше, и вас погребут по полному чину православного погребения. Всё пропоют и всё прочитают. Но на кораблях совершенно не так: там просто по доске спускают в воду зашитого в саван человека, прочитывая «напутственную молитву». Да и ее лишь на военном корабле читает священник, а на торговом судне священника нет, и молитву говорит капитан. Это что же за безобразие. Такого я не хочу.

– Но, позвольте: ведь вы *уже умрете тогда*, – сказал я со страхом.

– Те-те-те... Я так не хочу!!! И отказался. Это безобразие.

Черные кудри его, по обыкновению, тряслись. Штаны хлопались, как паруса, около тоненьких ног. Штиблеты были с французскими каблуками.

Мне почудилось, что через живого человека, т. е. почти живого, «все-таки», – оскалила зубы маска Вольтера.

(наш Мадлазелькин)

Хороши делают чемоданы англичане, а у нас хороши народные пословицы.

(собираюсь в Киев). († Столыпина)

Только то́ чтение удовлетворительно, когда книга *переживается*. Читать «для удовольствия» не стоит. И даже для «пользы» едва ли стоит. Больше пользы приобретешь «на ногах», – просто живя, делая.

Я *переживал* Леонтьева (К.) и еще отчасти Талмуд. *Начал* «переживать» Метерлинка: страниц 8 я читал неделю, впадая почти после каждых 8-ми строк в часовую задумчивость (читал в конке). И бросил от *труда* переживания, – великолепного, но слишком утомляющего.

Зачем «читал» другое – не знаю. Ничего нового и ничего поразительного.

~

Пушкин... я его *ел*. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь; но это – *еда*. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов. Его

Когда для смертного умолкнет шумный день...

одинаково с 50-м псалмом («Помилуй мя, Боже»). Так же, велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда.

Слабохарактерность – главнейший источник неправдивости. Первая (неодолимая) неправда – из боязни обидеть другого.

И вот почему Бог не церемонится с человеком. Мы все церемонимся друг с другом, и все лжем.

(за нумизматикой)

Что́ я все нападаю на Венгерова и Кареева. Это даже мелочно...

Не говоря о том, что тут никакой нет «добродетели».

~

Труды его почтенны. А что он всю жизнь работает над Пушкиным, то это даже трогательно. В личном обращении (раз) почти приятное впечатление. Но как взгляну на живот – уже пишу (мысленно) огненную статью.

Ужасно много *гнева* прошло в моей литерат. деятельности. И все это напрасно. Почему я не люблю Венгерова? Странно сказать: оттого, что толст и черен (как брюхатый таракан).

Александр Македонский с 30-ти тысячным войском решил покорить монархии персов. Это что́ нам, русским: Пестель и Волконский решили с двумя тысячами гвардейцев покорить Россию...

И пишут, пишут историю этой буффонады. И мемуары, и всякие павлиньи перья. И Некрасов с «русскими женщинами».

(на извозчике)

Нужно разрушить политику... Нужно создать аполитичность. «Бог больше не хочет политики, залившей землю кровью»... обманом, жестокостью.

Как это сделать? Нет, как *возможно* это сделать?

Перепутать все политические идеи... Сделать «красное – желтым», «белое – зеленым», – «разбить все яйца и сделать яичницу»...

Погасить политическое пылание через то́, чтобы вдруг «никто ничего не понимал», видя все «запутанным» и «смешавшимся»...

А, вам нравилось, когда я писал об «адогматизме христианства», т. е. об отрицании *твердых,* жестких, неуступчивых костей, *линий* в нем... Аплодировали.

Но почему?

Я-то думал через это мягкое, нежное, во все стороны подающееся христианство – указать возможность «спасти истину». Но аплодировали-то мне *не за это,* я это видел: а – что это сокрушает *догматическую церковь*... «Парное молоко потом само испарится: а пока и сейчас – сломать бы косточки, которые нам мешают, и мы справиться с ними не умеем».

Меня пробрал прямо ужас ввиду всеобщих *культурно-разрушительных* тенденций нашего времени... «Все бы – нивелировать... Одна – *пустыня*»... Кому? Зачем?

А вот «нам», «политикам»... В стране, свободной от всего, от церкви, от религии, от поэзии, от философии, – Кузьмины-Караваевы и Алексинские разгулялись бы...

Тогда пойдут иные речи...

Но мне, ну вот, именно, *мне* (каприз истории), до последней степени тошно от этих речей. «Земля уже обернулась около оси», и «всемирная скука», указанием на которую я начал книгу о революции, угрожает теперь с другой стороны, – именно из «речей»...

Пусть оне *потускнеют*...

Пусть *подсечется нерв в них*...

Савва в рассказе Максима Горького взрывает чудотворный образ, родник «народного энтузиазма», – «суеверного, ложного»... Ну, хорошо. «Потому что христианства не нужно». Вся Россия аплодировала.

«Политики» стали пятой на горло невест, детей, вдов (случаи, на которых я остановился в печати). «Кто не оставит отца и матери ради Имени Моего», – кричит политика... «И – детей, и – дома ваши»...

«Хорошо, хорошо», – слушаю я.

Теперь дайте же я полью серною кислотою в самый стержень, на коем «вертится» туда и сюда «политическая дверь»; капну кислотою в самую «середочку», в самую «душку» их... Что́ такое? В – *политическое убеждение* (то же, что «догмат» в христианстве). Ну, как? «Спорят»... «партии».

– Господа, – можно иметь *все убеждения,* принадлежать *ко всем партиям*... притом совершенно искренне! чистосердечно!! до истерики!!! В то же время не принадлежа и *ни к одной* и тоже «до истерики».

Я начал, но движение это пойдет: и мы, философы, религионисты, – люди уж, во всяком случае, «высшего этажа», чем в каком топчутся политики, – разрушим мыслью своею, поэзией своей, своим «другим огнем», своим жаром, – весь этот кроваво-гнойный этаж...

Ведь все партии *«доказывают* друг другу»... Но чего же мне (и «нам») *доказывать,* когда «мы совершенно согласны»...

Согласны с *тоном* и «правых», и «левых»... с «пафосом» их, и – согласны совершенно *патетически*.

Явно, что когда *лично* и персонально все партии сольются «в одной душе» – не для чего им и быть как *партиям*, в *противолежании* и в *споре*... Партии исчезнут. А когда исчезнет их сумма – исчезнет и политика, как *спор, вражда*.

Конечно, останется «управление», останется «ход дел» – но лишь в *эмпиризме своем*: «вот – *факт*», «потому что он – *нужен*»... Без всяких переходов в теорию и общую страсть.

«Нет-с, позвольте, – я *принципиально* этого не хочу»... Вот «принципиально»-то и будет вырвано из-под ног этих лошадей («политики»). – «Ты, пожалуйста, вези свой воз: а *принципы* – вовсе не дело вашего этажа». «О принципах» мы будем говорить с оракулами, первосвященниками, и у подножия той чудотворной иконы, которую взорвал ваш неумный Савва.

«Принципы»... о них будет решать «песенка Гретхен», «принципы» будут решать «гуляки праздные» («Моцарт и Сальери»).

Будут решать «мудрецы» (в «Республике» Платона).

Если «политика» и «политики» так страстно восстали против религии, поэзии, философии: то ведь давно надо было догадаться, что, значит, *душа* религии, поэзии и философии в равной степени враждебна политике и пылает против нее... Чтó же скрывать? Политики давно «оказывают покровительство» религии, позволяют поэтам петь себе «достойные стихосложения», «гладят по головке» философов, почти со словами – «ты существо хотя и сумасшедшее, но мирное». Вековые отношения... У «политиков» лица толстые, лоснятся... (почти все члены Г. Думы – огромного роста: замечательно!!. Лошадиная порода так и светит из существа дела, «призвания»...). Но не пора ли им сказать, что дух человеческий решительно не умещается в их кожу, что дух человеческий желает не таких больших ушей; что копыта – это мало, нужен и коготь, и крыло. «Мало, мало!». «Тесно, тесно!». Вот лозунг, вот будущее.

Но «переспорить» всех политиков решительно невозможно – такая порода.

Нужно со всеми ими – *согласиться*!

Тогда их упругие ноги (лошадиные) подкосятся; они упадут на колени, как скакун с невозможностью никуда бежать, с бесцельностью бежать. «Ты меня победил и, так сказать, пробежал все пространства, не выходя из ворот». Тогда он упадет.

«Перемена, перемена»... «изменчивость, изменчивость» – жалуются

Столпообразные руины... –

не замечая, что эта «изменчивость» входит в самый план мира... В самом деле, «по эллипсисам», – все «сбивающимся в одну сторону» от прямой линии, все «уклоняющимся и уклоняющимся» от прежнего направления, – дви-

жутся все небесные светила. И на этом основано *равновесие* вселенной. Самые «лукавые линии» приводят к вечной *устойчивости*. Не наблюдали ли вы в порядке истории, что *начала* всех вещей хороши... Прекрасно «начинались» папы, когда в лагерь гуннов, к Атилле, они спешили, чтобы, поклонившись варвару, остановить поток полчищ перед ветхими, бессильными, но осмысленными старым смыслом городами Италии. Прекрасно волновалась реформация... Революция в первых шагах – какой расцвет, рассвет... Да не хорошо ли начало всякой любви... И любви, и молитвы, и даже войны. Эти легионы, текущие к границам отечества, чтобы его защитить, – как они трогательны...

Но представьте-ка войну «без конца», – влюбленность, затянувшуюся до 90 лет, папство без реформации, реформацию без отражения ее Тридентским собором...

И вот вещи «сгибаются на сторону» («эллипсис» вместо «прямой линии»), «лукавят», «дрожат»... Вещи – *стареют*!!. Как это страшно! Как страшна старость! Как она и, однако, радостна, – ибо из «старости»-то все и юнеет, из «старости» возникает «юность» (*устойчивость* эллиптических линий)... Юная реформация – из постаревшего католицизма, юное христианство – из постаревшего язычества, юная... новая жизнь, vita nuova – из беззубой политики... Так я думаю, так мне кажется. Тут (нападение на меня Струве, укоры и других) привходит мой «цинизм», «бесстыдство». Однако, оглянитесь-ка на прошлое и вдумайтесь в корень жизни. С великих измен начинаются великие *возрождения*.

In *nova* fert animus*

Тот насаждает истинно новый сад, кто предает, предательствует старый, осевший, увядший сад... Глядите, глядите на удивительные вещи истории: христиане-воины *«бесстыдно* изменяют твердыням Рима», бросая равнодушно на землю копье и щит, – Лютер «ничего не чувствует при *измене* Папы и *нагло* отказывается повиноваться ему»... Певец ведь вечно «изменяет политике». Люди прежнего одушевления теряются, проклинают, упрекают в «аморализме», что́ есть в сущности «измена *нашей традиции*», «перерыв нашего *столбового (наследственного)* дворянства». Клянет язычник христианина, католик – лютеранина, и, глубже и основнее всего – политик клянет поэта, философа, религиозного человека. Хватают «за́ полы» бесстыдных. Бессильно. Это Бог «переломил через колено» одну «прямую линию» истории, и, бросив концы ее в пространство, – повелел двигаться совсем иначе небесному телу, земле, луне, человеческой истории. «Мы же в руках Божиих и делаем то́, что Он вложил нам» ...и своею правдою, и своею неправдою, и своими качествами, и своими пороками даже, без коих «согнуться в складочку» не смог бы эллипсис, а ему это «нужно»... Великая во всем этом реальность: и «да будет благословенно Имя Господне вовек.

(размышляя о полемике со Струве)

---

* К новому влечется душа *(лат.)*.

8-ми лет. Мамаша вошла в комнату.

– Где сахар?

На сахарнице было кусков пять. Одного недоставало.

Я молчал. Сахар съел я.

Она бурно схватила Сережу за белые волосы, больно-больно выдрала его. Сережа заплакал. Ему было лет 6. Я молчал.

Почему я молчал? Много лет (всю жизнь) я упрекал, как это было низко; и только теперь прихожу к убеждению, что низости не было. Ужасная низость, как бы клеветы на другого, получается в материи факта, и если глядеть со стороны. Но я промолчал от испуга перед гневом ее, бурностью, но *не от того, что будет больно,* когда будет драть. Боль была пустяки. Она постоянно сердилась (сама была несчастна): а именно, как ветер сгибает лозину – гнев взрослого пригнул душонку 8-ми лет. У меня язык не шевелился.

Зато добрый поступок с Сережей. Мы бежали от грозы, а гроза как бы гналась за нами. Бывают такие внезапные, быстрые грозы. Сперва потемнело. Облако. Дом далеко, но мы думали, что успеем. Полянка с бугорками. Вдруг брызнул гром: и мы испуганно кинулись бежать.

Бежали, не останавливая шагу.

Еще бежали, бежали. Я ужасно боялся. «Ударит молния в спину». Сережа был сзади, шагах в четырех. Вдруг он стал замедлять бег.

Я оглянулся. И не сказал – «ну». Остановился. И чуть-чуть, почти идя, но «не выдавая друг друга молнии», пошли рядом.

Бодро, крепко:

– Ну, Варя. Сажусь писать.

– Бог благословит! Бог благословит!

И большим крестом клала три православных пальца на лоб, грудь и плечи.

И выходило лучше. Выходило весело (хорошо на душе).

(все годы)

Много лет спустя я узнал ее обычай: встав на ½ часа раньше меня утром, подходила к столу и прочитывала написанное за ночь. И если хорошо было (живо, правдиво, энергично, – в «ход мысли» и «доказательства» она не входила), то ничего не говорила. А если было вяло, устало, безжизненно, – она как-нибудь в день, между делом, замечала мне, что «не нравится», что́ я написал, иногда – «язык заплетается». И тогда я не продолжал. Но я думал, что она как-нибудь днем прочла, и не знал этого ее *обычая*, – и узнал уже во время последней болезни, года 3 назад.

В грусти человек – естественный христианин. В счастье человек – естественный язычник.

Две эти категории, кажется, извечны и первоначальны. Оне не принесены «к нам», оне – «из нас». Оне – *мы сами* в разных состояниях.

Левая рука выздоравливает и «просит древних богов». Правая – заболевает и ищет Христа.

Перед древними как заплакать? «Позитивные боги», с шутками и вымыслами. Но вдруг «спина болит»: тут уж не до вымыслов, а «помоги! облегчи!». Вот Юпитеру никак не скажешь: «Облегчи!». И когда по человечеству прошла великая тоска: «Облегчи», – явился Христос.

В «облегчи! избави! спаси!» – в муке человечества есть что-то более важное, черное, глубокое, м. б., и страшное, и зловещее, но, несомненно, и *более глубокое,* чем во всех радостях. Как ни велика загадка рождения, и вся сладость его, восторг: но когда я увидел бы человека в раке, и с другой стороны – «счастливую мать», кормящую ребенка, со всеми ее надеждами, – я кинулся бы к больному. Нет, иначе: старец в раке, а хуже – старуха в раке, а по другую сторону – рождающая девица. И вдруг бы выбор: ей – *не родить*, а той – *выздороветь*, или этой – родить, зато уж той – *умереть*; и всемирное человеческое чувство воскликнет: лучше погодить родить, лишь бы *выздоровела она.*

Вот победа христианства. Это победа именно над позитивизмом. Весь античный мир, при всей прелести, был все-таки позитивен. Но болезнь прорвала позитивизм, испорошила его: «Хочу *чуда,* Боже, дай *чуда*!». Этот прорыв и есть Христос.

Он плакал.

И только слезам Он открыт. Кто никогда не плачет – никогда не увидит Христа. А кто плачет – увидит Его непременно.

Христос – это слезы человечества, развернувшиеся в поразительный рассказ, поразительное событие.

~

А кто разгадал тайну слез? Одни *при всяческих несчастиях* не плачут. Другие плачут и при не очень больших. Женская душа вся на слезах стоит. Женская душа – другая, чем мужская («мужланы»). Что́ же это такое, мир слез? Женский – отчасти, и – страдания, тоже отчасти. Да, это категория вечная. И христианство – вечно.

Христианство нежнее, тоньше, углубленнее язычества. Все «Авраамы» плодущие не стоят плачущей женщины. Вот граница чередующихся в рождениях Рахилей и Лий. Есть великолепие душевное, которое заливает все, будущее, «рождение», позитивное стояние мира. Есть то́ «прекрасное» души, перед чем мы останавливаемся и говорим: «Не надо больше, не надо лучше, ибо лучшее мы имеем и больше его не будет». Это конец и точка, самое рождение прекращается.

Я знал такие экстазы восхищения: как я мог забыть их.

Я был очень счастлив (20 лет): и невольно впал в язычество. Присуще счастливому быть язычником, как солнцу – светить, растению – быть зеленым, как ребенку быть глупеньким, милым и ограниченным.

Но он вырастет. И я вырос.

Могу ли я вернуться к язычеству? Если бы совсем выздороветь, и *навсегда* – здоровым: мог бы. Не в этом ли родник, что мы умираем и болеем: т. е. не потому ли и для того ли, чтобы всем открылся Христос.

Чтобы человек не остался без Христа.

Ужасное сплетение понятий. Как мир запутан. Какой это неразглядимый колодезь.

(глубокой ночью)

Шуточки Тургенева над религией – как оне *жалки.*

Чего я жадничаю, что «мало обо мне пишут». Это истинно хамское чувство. Много ли пишут о Перцове, о Философове. Как унизительно это сознание в себе хамства. Да... не отвязывайся от самого лакейского в себе. Лакей и гений. Всегдашняя и, м. б., всеобщая человеческая судьба (кроме «друга», который «лакеем» никогда, ни на минуту не был, глубоко спокойный к любви и порицаниям. Так же и бабушка, ее мать).

Только такая любовь к человеку есть настоящая, не преуменьшенная против существа любви и ее задачи, – где любящий совершенно не отделяет себя в мысли и не разделяется как бы в самой крови и нервах от любимого.

Одна из удивительных мыслей Рцы. Я вошел к нему с Таней. Он вышел в туфлях и «бабьей кацавейке» в переднюю. Новая квартира. Оглядываюсь и здороваюсь. Он и говорит:

– Как вы молоды! Вы помолодели, и лицо у вас лучше, чем прежде, – чем я его знал много лет.

Мне 57.

– *Теперь* вы в фокусе, – и это признак, что вам остается еще много жить. – Он что-то сделал пальцами вроде щелканья, но не щелканье (было бы грубо).

– Почему «фокус» лица, «фокус» жизни? – спросил я, что-то чувствуя, но еще не понимая.

Он любитель Рембранта, а в свое время наслаждался Мазини, коего слушал и знал во все возрасты его жизни.

– Как же!.. Сколько есть «автопортретов» Рембранта... сколько я видел карточек Мазини. И думал, перебирая, рассматривая: «Нет, нет... это – *еще не* Мазини», или «это – *уже не* Мазини»... «Не тот, которого мы, замирая, слушали в Большом театре (Москва), и за которым бегала вся Европа»... И наконец, найдя *одну* (он назвал, какого года), говорил: Вот!! – *«Настоящего»* Мазини существует только *одна* карточка, – хотя вообще-то их множество; и так же *настоящего* Рембранта – только *один* портрет. То же – Бисмарк: конечно, только в *один* момент, т. е. в *одну* эпоху жизни своей, из нескольких, Бисмарк *имел свое настоя-*

щее лицо: это – лицо во власти, в могуществе, в торжестве; а – не там, где он старый, обессиленный кот, на все сердитый и ничего не могущий.

Я слушал и удивлялся.

Он говорил, и я догадывался о его мысли, что *биография* человека и *лицо* его, – его физика и вместе дух, – имеют *фокус, до* которого все идет, расширяясь и вырастая, а *после* которого все идет, умаляясь и умирая; и что этот фокус то́ приходится на молодые годы, – и тогда человек не долго проживет; то́ – лет на 40, – и тогда он проживет нормально; то́ на позже – даже за 50: и тогда он проживет очень долго. «Жизнь **в** *горку* и **с** *горки*». И естественно – в ней есть кульминационный пункт. Но это – не «вообще», а имеет выражение себя в серии меняющихся лиц, из которых только об *одном* лице можно сказать, что *тут* и *в эти свои годы* он... «достиг *себя*».

Как удивительно! Нигде не читал, не слышал. Конечно, – это магия, магическое постижение вещей.

Тут домовой, тут леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.
.....И кот *ученый*
Свои нам сказки говорит.

Седой, некрасивый и – увы! – с давно перейденным «фокусом», Рцы мне показался таким мудрым «котом».

Вот за что я его люблю.

(это было в 1911 или 1910 г.)

Перестаешь верить действительности, читая Гоголя.

Свет искусства, льющийся из него, заливает *все*. Теряешь осязание, зрение и веришь только *ему*.

(за вечерним чаем)

Щедрин около Гоголя – как конюх около Александра Македонского.

Да Гоголь и есть Алекс. Мак. Так же велики и обширны завоевания. И «вновь открытые страны». Даже – «Индия» есть.

(за вечерним чаем)

Ни один политик и ни один политический писатель *в мире* не произвел в «политике» так много, как Гоголь.

(за вечерним чаем)

Катков произнес извощичье:

– Тпррру...

А линия журналов и газет ответила ему лошадиным ляганьем.

И вот весь русский консерватизм и либерализм.

Неужели же Стасюлевич, читавший Гизо, не понимал, что нельзя быть образованным человеком, не зная, откуда происходит слово «география», т. е. что есть γή* и γράφω**. Но он 20 лет набрал воды в рот и не произнес: «Господа, все-таки *ге*-о-*граф*-ию-то нужно знать».

Но «обозреватели» в его журнале только пожимали плечами и писали: «Это – не ученье, а баллопромышленничество» и «тут не учителя, а – чехи», тогда как *вопрос шел вовсе не об этом.*

(в вагоне)

Кто не знал горя, не знает и религии.

Демократия имеет под собою одно *право*... хотя, правда, оно очень огромно... проистекающее из *голода*... О, это такое чудовищное право: из него проистекает убийство, грабеж, вопль к небу и ко всем концам земли. Оно может и *вправе* потрясти даже религиями. «Голодного» нельзя вообще судить; голодного нельзя осудить, когда он у вас отнял кошелек.

Вот «преисподний» фундамент революции.

~

Но ни революция, ни демократия, кроме *этого*, не имеют никаких прав. «Да, – ты *зарезал меня,* и, как голодного, я тебя не осуждаю». «Но ты еще говоришь что́-то, ты хочешь души моей и рассуждаешь о высших точках зрения: в таком случае, я плюю кровью в бесстыжие глаза твои, ибо ты менее голодный, чем мошенник».

~

Едва демократия начинает морализировать и философствовать, как она обращается в мошенничество.

Тут-то и положен для нее *исторический предел.*

~

Высший предел демократии, в сущности, в *«Книге Иова»*. Дальше этого она не может пойти, не пошла, не пойдет.

Но есть *«Книга Товии сына Товитова»*. Есть Евангелие. Есть вообще, кроме черных туч, небо. И небо больше всякой тучи, которая «на нем» (часть) и «проходит» (время).

Хижина и богатый дом. В хижине томятся: и все то́ прекрасное, что сказано о вдове Сарепты Сидонской («испечем последний раз хлеб и умрем»), – принадлежит *этой* хижине.

---

* Земля *(греч.)*.

** Писать *(греч.)*.

Но в богатом доме также все тихо. Затворясь, хозяин пересматривает счетные книги, и подводит месячный итог. Невеста – дочь, чистая и невинная, грёзит о женихе. Малыши заснули в спальне. И заботливая мысль бабушки обнимает их всех, обдумывая завтрашний день.

Тут полная чаша. Это – Иов «до несчастия».

И хорошо там, но хорошо и тут. Там благочестие, но и тут не без молитвы.

Почему эти богатые люди хуже тех бедных?

Иное дело «звон бокалов»...

Но ведь и в бедной хижине может быть лязг оттачиваемого на человека ножа.

Но *до порока* – богатство и бедность равночастны.

Но после порока проклято богатство, но проклята также и бедность.

~

И, собственно, вместо социал-демократии лежит старая, простая, за обыденностью, пошлая истина, «ее же не прейдеши».

Живи в богатстве так просто и целомудренно, заботливо и трудолюбиво, как бы ты был беден.

. . . . . .

. . . . . .

Бывало:

– Варя. Опять дырявые перчатки? Ведь я же купил тебе новые?

Молчит.

– Варя. Где перчатки?

– Я Шуре отдала.

Ей было 12 лет. Она же – «дама» и «жена».

Так ходила она всегда «дамой в худых перчатках».

Теперь (2 года) все лежит, и руки сжаты в кулачок.

Забыть землю *великим забвением* – это хорошо.

(идя из Окруж. суда, – об «Уед.»; затмение солнца)

Поразительное суждение я услышал от Флоренского (в 1911 г., зима, декабрь): «Ищут Христа *вне Церкви*», «хотят найти Христа *вне Церкви*», но мы не знаем Христа *вне Церкви*, *вне Церкви* – «нет Христа». «Церковь – она *именно* и дала человечеству Христа».

Он сказал это немного короче, но еще выразительнее. Смысл был почти тот, как бы Церковь родила нам Христа, и (тогда) как же сметь, любя Христа, ополчаться на Церковь?

Смысл был этот, но у него – лучше.

Это меня поразило новизною. Теперь очень распространена риторика о Христе без Церкви, – и сюда упирается все новое либеральное христианство.

Действительно. По мелочам познается и крупное. «Лучшую книгу – переплетаем в лучший переплет»: сколько же Церковь должна была почувствовать в Евангелии, чтобы переплести его в $^1/_2$-пудовые, кованные из серебра и золота, переплеты. Это – пустяки: но оно показует важное. Все «сектанты» читают Евангелие, только раз в неделю соберясь: это – в миг их прозелитизма, взрывчатого начала. А «Церковь», через 1800 лет после начала, не понимает «отслужить службы», днем ли, ночью ли, каждый день – не почитав Евангелия.

Она написала его огромными буквами. Переплет она усыпала драгоценными камнями.

Действительно: именно, Церковь пронесла Христа от края и до края земли, пронесла «как Бога», без колебания, даже до истребления спорящих, сомневающихся, колеблющихся.

Таким образом, энтузиазм Церкви ко Христу б. так велик, как «не хватит порохов» у всех сектантов вместе и, конечно, у всех «либеральных христиан» тоже вместе. Действительно, Церковь может сказать: «Евангелие было бы как «Энеида» Виргилия у читателей, – книга чтимая, но не действенная – и, м. б., просто оно затерялось бы и исчезло. Ведь не читал же всю жизнь Тургенев Евангелия. *Он* не читал, – могло бы и *поколение* не читать, – и, наконец, пришло бы поколение, совсем его *забывшее*, и уже следующее за ним – просто *потерявшее самую книгу*. Я спасла Евангелие для человечества: как же теперь, вырывая его из моих рук, вы смеете говорить о Христе *помимо и обходя Церковь*. Я дала человечеству: ну, а нужно ли Евангелие больным, убогим, страждущим, томящимся, нужно ли оно *сегодня*, будет ли нужно *завтра* – об этом уже не вам решать».

Поразительно. Так обыкновенно и совершенно ново. И, конечно, одним этим сохранением для человечества Евангелия Церковь выше не то что «наших времен», но и выше всего золотого века Возрождения, спасшего человечеству Виргилия и Гомера.

Есть люди до того робкие, что не смеют сойти со стула, на котором сел. Таков Михайловский.

(размышляя об удивительном заглавии статьи его – полемика со Слонимским – «Страшен сон (!!!), да милостив Бог»)

Михайловский был робкий человек. Это никому не приходило на ум. Таково и личное впечатление (читал лекцию о Щедрине, – торопливо, и все оглядывался, точно его кто хватает).

Правительству нужно бы утилизировать благородные чувства печати, и всякий раз, когда нужно провести что-нибудь в покое и сосредоточенности (только проводит ли оно что-нибудь «сосредоточенно»?), – поднимать дело о «проворовавшемся тайном советнике N», – или о том, что он «содержит актрису». Печать будет ½ года травить его, визжать, стонать. Яблоновский «запишет», Баян «посыплет главу пеплом», *«Русское Слово»* будет занимать 100 000 подписчиков новыми столбцами à la «Гурко-Лидваль», «Гурко-Лидваль»...

И когда все кончится, и нужное дело будет проведено, «пострадавшему (фиктивно) тайному советнику» давать «еще орден через два» («приял раны ради отечества») и объявлять, что «правительство ошиблось в излишней подозрительности».

Без этого отвлечения в сторону правительству нельзя ничего делать. Разве можно делать дело среди шума?

Поэт Майков (Ап. Н.) смиренно ездил в конке.

Я спросил Страхова.

– О, да! Конечно – в конке. Он же беден.

Был «тайный советник» (кажется), и большая должность в цензуре.

~

Это бедные студенты воображают (или, вернее, их науськал Некрасов), что тайные советники и вообще «черт их дери, все генералы», едят все «Вальтасаровы пиры» (читал в каком-то левом стихотворении: «Они едят Вальтасаровы пиры, когда народ пухнет с голода»).

В газетах, журналах интересны не «передовики» и фельетонисты. Эти, как personae certae* и индейские петухи, с другой стороны – нисколько не интересны. Но я люблю в газете зайти, где собирается «пожарная команда», т. е. сидят что-то делающие в ночи. Согнувшись, как Архимед над циркулем, одни сидят «в шашки». Другие шепчутся, как заговорщики, о лошадях (скачки, играют). Тут услышишь последнюю сплетню, сногсшибательную сенсацию. Вдруг говор, шум, поток: ругают Шварца. Папиросы и «крепкое слово».

Ге о Евг. П. Иванове: «Вот кто́ *естественный* профессор университета: сколько новых мыслей, какие неожиданные, поразительные замечания, наблюдения, размышления».

Делянов сказал, когда у него спросили, отчего Соловьёв (Влад.) не профессор:

---

* Известные лица *(лат.)*.

– У него *мысли.*

Старик, сам полный мыслей и остроумия, не находил, чтобы они были нужны на кафедре. Но еще удивительнее, что самопополняющаяся коллегия профессоров тоже делает все усилия, чтобы к ним в среду не попал человек с *мыслью*, с творчеством, с воображением, с догадкой.

Ни Иванов, ни Шперк не могли даже кончить русского университета.

Профессор должен быть балаболка. Это его стиль. И дождутся, когда в обществе начнут говорить:

– Быть умным – это «не идет» профессору. Он будет черным вороном среди распустивших хвост павлинов.

Что-то было глухое, слепое, что́ даже без имени...

И все чувствовали – нет *дела.* И некуда приложить силу, добро, порыв.

Теперь все только ждет работы и приложения силы.

Вот «мы» до 1905–6 года и после него. Что-то прорвало и какой-то застой грязи, сырости, болезни безвозвратно унесло потоком.

(после разговора с Ге)

Все мы выражаем в сочинениях субъективную уверенность. Но – обобщая и повелительно. Что́ же делать, если Дарвин «субъективно чувствовал» происхождение свое от шимпанзе: он так и писал.

Во Франкфурте-на-Майне я впервые увидел в зоол. саду шимпанзе. Действительно, удивительно. Она помогала своему сторожу «собирать» и «убирать» стол (завтрак), сметала крошки, стлала скатерть. Совсем человек!

Я безмолвно дивился.

Дарвину даже есть честь происходить от такой умной обезьяны. Он мог бы произойти и от более мелкой, от более *позитивной* породы.

(рано утром)

Не надо забывать, что Фонвизин бывал «при дворе», – *видал лично* Императрицу, – и «просветителей» около нее, – может быть, *лично с нею разговаривал.* Это чрезвычайная высокопоставленность. Он был тем, что́ *теперь* Арс. Арк. Кутузов или гр. А.К.Толстой. Изобразительный талант (гений?) его несомненен: но *высокое* положение не толкнуло ли его посмотреть слишком *свысока* на окружающую его поместье дворянскую мелкоту, дворянскую обывательщину, и даже губернскую вообще жизнь, быт и нравы. Поэтому яркость его «Недоросля» и «Бригадира», говоря о живописи автора, не является ли пристрастною и неверною в *тоне*, в *освещении*, в *понимании.*

«Недоросли» глубокой провинциальной России несли ранец в итальянском походе Суворова, с ним усмиряли Польшу; а «бригадиры» командовали в этих войнах. Каковы они были?

Верить ли Суворову или Фонвизину?

Прогресс технически необходим, для души он вовсе не необходим.

Нужно «усовершенствованное ружье», рантовые сапоги, печи, чтобы не дымили.

Но душа в нем не растет. И душа скорее даже малится в нем.

Это тот «печной горшок», без которого неудобно жить, и ради которого мы так часто малим и даже вовсе разрушаем душу.

~

И борьба между «прогрессистами» и людьми «домашнего строя» очень часто есть борьба за душу или за «обед с каперцами», в котором «каперцы», конечно, побеждают.

(умываясь утроя)

Не всякую мысль можно записать, а только если она музыкальна.

И «У.» никто не повторит.

В каждом органе ощущения, кроме его «я *знаю*» (вижу, слышу, обоняю, осязаю), есть еще – «я *хочу*». Органы суть не только органы чувств, но еще и – хотения, жажды аппетитов. В каждом органе есть жадность к миру, алкание мира; органами не связывается только с миром человек, но органами он *входит* (врезается) в мир, *уродняется* ему. Органами он «съедает мир», как через органы – «мир съедает человека». Съедает – ибо властно *входит в него*...

Человек входит в мир.

Но и мир входит в человека.

Эти «двери» – зрение, вкус, обоняние, осязание, слух.

(на обороте транспаранта)

Легко Ш. Х. разыскивать преступников, когда они говорят, когда он подслушивает – то́ самое, что́ ему нужно. Так-то и я бы изловил.

(Шерлок Холмс – один случай).

А когда осматривают труп, то, непременно, в пальцах «зажат волос убийцы».

Евреи слишком стары, слишком культурны, чтобы не понимать, что лаской возьмешь больше, чем силой. И что гений в торговле – это призвать Бога в расчет (честно рассчитаться).

Они во́время и полным рублем рассчитываются*; и все предложили им кредит. Они со всеми предупредительны; и все обратились к ним за помощью.

И через век вежливости, ласки и «Бога в торговле» – они овладели всем.

А кто обманывал – сидит в тюрьме; и кто был со всеми груб, жёсток, отталкивающ – сидит в рубище одиночества.

(ночью в постели, читая письмо еврея Р–чко)

Мы прощались с Рцы. В прихожей стояла его семья. Тесно. Он и говорит:

– Все по чину.

– Что́? – спрашиваю я.

– Когда Муравьев («Путешествие по Св. Местам») умирал, то его соборовали. Он лежал, закрыв глаза. Когда сказали «аминь» (последнее), он открыл глаза и проговорил священнику и сослужителям его:

«Благодарю. Все по чину». Т. е. все было прочитано и спето без пропусков и малейшего отступления от формы.

Закрыл глаза и помер.

У Рцы была та ирония, что каким образом этот столь верующий человек имел столь слабое и, до известной степени, легкомысленное отношение к смерти, что перед лицом ее, перед Сею Великою Минутою, ни о чем не подумал и не вспомнил, кроме как о «наряде церковном» на главу свою. Сия смерть подобна была смерти Вольтера.

Смысл *Литературного Фонда* понятен: «фракция Чернышевского», «особый фонд Добролюбова». Все это понятно каждому, кроме «сфер». Однако из «сфер» они тоже получают тысячки. Что же это такое?

«– Я тебе готовлю нож под 4-ое ребро. А предварительно дай все-таки гривенничек на чаек». Это Федька каторжник из «Бесов». Вот что на *это* ответил бы Пешехонов. Отчего об *этом* не напишет «обличительной статьи» Короленко. Нет, господа, о связи себя с *идеализмом* – оставьте.

(вагон)

Кто не любит человека в радости его – не любит и ни в чем.

~

Вот с этой мыслью как справится аскетизм.

Кто не любит радости человека – не любит и самого человека.

---

* Статья в законах Моисея, которую полезно бы переплести в «Правила Св. Апостол» и в «Кормчую»: «Не задерживай до завтра утра плату, которую ты должен уплатить работающему вечером сегодня».

Все критики, признавая ум (уж скорее «гений», т. е. что-то «невообразимое»; а «ума» – ясного, комбинирующего, считающего – не очень много), или не упоминают, или отрицают – *сердце:* но тогда как же произошел «Семейный вопрос в России» и «Сумерки просвещения», два великих отмщения за женщин и за гимназистов.

Еще поразительнее и говорит о благородстве литературы, что о «Семейном вопросе» не было ни одной рецензии, кроме от Разинькова, Василия Лазаревича, – о которой я его упросил. Все писали о «Трейхмюллере», а на «Семейный вопрос в России» – ни один литератор не оглянулся.

Видали ли вы вождя команчей в пустыне? Я тоже не видал, но читал у Майн-Рида: на диком мустанге, нагой и бронзовый, мчится он, – в ноздрях у него вдеты перья, на голове павлиний хвост, – татуировка осыпается, с него, как штукатурка...

Но не бойтесь, сограждане, и не очень пугайтесь даже гимназисты: это мчится вовсе не Тугой Лук, а только очень похожий на него профессор канонического права, напр. Заозерский: «правила» всевозможных греческих соборов осыпаются с него, как старая штукатурка, но он полон воинственного жара, и, поводя головою, дает видеть торчащие у него из носа «добавочные постановления (novellae) императора Алексея Комнена»... Вот он, весь полный запрещений и угроз, натиска и бури... не замечает вовсе Владимира Карловича, а тоже и Розанова, подсказывающего тому бросить под ноги мустанга решение Апостола:

«А если *через исполнение закона* (и, след., каких бы то *правил*) люди оправдываются перед Богом, – то вообще Христу тогда *незачем было умирать*».

А Он умер – и *оправдал нас.*

(к вопросу о диакониссах. 24 марта 1912 г.)

...не верьте, девушки, навеваниям вокруг вас, говорам, жестам, маскам, шумам, мифам...

Верьте, что что́ *есть* – то́, *есть,* что́ *будет* – *будет,* что́ *было* – *было.*

Верьте истории.

Верьте, что историю нельзя закрыть двумя ладонями, сложить ли их «в гробик», «в крестик» или «в умоление».

Будьте неумолимы.

Да, хорошо, я понимаю, что

Вставай, подымайся, рабочий народ...

Но отчего же у вашей супруги каракулевое пальто не в 500–600 р., как обыкновенно*, а в 750 р., и «сама подбирала шкурки».

(из жизни)

С прессой надо справиться именно так: «возите на своих спинах». Тогда «для всех направлений не обидно», и меру увидели бы не политической, а культурной.

Мысль эта занимает меня с 1893 г., когда Берг вычеркнул большое примечание (в страницу) об этом, и я никогда от нее не отказывался. Это – спасение души. Когда-нибудь раздастся это как крик истории.

Пресса толчет души. Как душа будет жить, когда ее постоянно что-то раздробляет со стороны.

~

Если бы «плотина закрыла реченьку» – как вдруг поднялись бы во́ды. Образовалась бы гладь тихих вод.

И звезды, и небо заиграли бы в них.

Вся та энергиишка, которую – тоже издробленную уже – суют авторы в газеты, в ненужные передовицы, в увядшие фельетоны, в шуточку, гримаску, «да хронику-то не забудь», у кого раздавило собаку (уже Алькивиад, отрубивший хвост у дорогой собаки, был первым газетчиком, пустившим «бум» в Афинах)...

Все эти люди, такие несчастные сейчас, вернулись бы к покою, счастью и достоинству.

Число книг *сразу* удесятерилось бы...

Все отрасли знания возросли бы...

Стали бы лучше писать. Появился бы стиль.

Число научных экспедиций, вообще духовной энергии, удесятерилось бы. И словари. И энциклопедии. И великолепная библиография, «бабушка литературы».

Бу́ди! бу́ди!

~

А читателю – какой выигрыш: с утра он принимается за дело, свежий, не раздраженный, не опечаленный.

Как теперь он уныло берется за дело, отдав утреннюю свежую душу на запыление, на загрязнение, на измучивание («чтение газет за чаем»), утомив глаза, внимание.

~

Да: *все* теперь мы принимаемся без внимания за дело. Одно это не подобно ли алкоголизму?

---

* Было в год 1904–1905 г.

Печатная водка. Проклятая водка. Пришло сто гадов и нагадили у меня в мозгу.

«Такой книге нельзя *быть*» (Гип. об «Уед.»). С одной стороны, это – так, и это я чувствовал, отдавая в набор. «Точно усиливаюсь проглотить и не могу» (ощущение отдачи в набор). Но, с другой стороны, столь же истинно, что этой книге непременно *надо быть*, и у меня даже мелькала мысль, что, собственно, все книги – и должны быть такие, т. е. «не причесываясь» и «не надевая кальсон». В сущности, «в кальсонах» (аллегорически) все люди не интересны.

Да, вот когда минует трехсотлетняя давность, тогда какой-нибудь «профессор Преображенский» в Самаркандской Духовной Академии напишет «О некоторых мыслях Розанова касательно Ветхого Завета».

Отчего это окостенение?

Все богословские рассуждения напоминают мне «De civitate veterum Tarentinorum»*, которую я купил студентом у букиниста.

По-видимому (в историю? в планету?), влит определенный % пошлости, который не подлежит умалению. Ну, – пройдет демократическая пошлость и настанет аристократическая. О, как она ужасна, еще ужаснее!! И пройдет позитивная пошлость, и настанет христианская. О, как она чудовищна!!! Эти хроменькие-то, это убогонькие-то, с глазами гиен... О! О! О! О!.. «По-христиански» заплачут. Ой! Ой! Ой! Ой!..

(на ходу)

Далеко-далеко мерцает определение: – Да, он, конечно, не мог бы быть Дегаевым; но «пути его были неведомы» – и Судейкиным он очень мог бы быть...

По крайней мере, никто в литературе не представляется таким «естественным Судейкиным», с страшным честолюбием, жаждой охвата власти, блестящим талантом и «большим служебным положением».

(Н. Михайловский)

---

* «О государстве древних тарентийцев» *(лат.)*.

«Встань, спящий»... Я бы взял другое заглавие: «Пробудись, бессовестный».

(заглавие журнала 1905 г. Ионы Брихничева)

– Байрон был свободен, – неужели же не буду свободен *я*?! – кричит Арцыбашев.

– Ибо ведь я печатаюсь теми же свинцовыми буквами!

Да, в свинцовых буквах все и дело. Отвоевали свободу не душе, не уму, но свинцу.

Но ведь, господа, может прийти Некто, кто скажет:

– Свинцовые пули. И даже с Гуттенберговой литерой N(apoleon)... – как видел я это огромное N на французских пушках вкруг арсенала в Москве.

(июнь)

До тех пор, пока вы не подчинитесь школе и покорно дадите ей переделать себя в не годного никуда человека, до тех пор вас никуда не пустят, никуда не примут, не дадут никакого места и не допустят ни да какой работы.

(история русских училищ)

Нет хорошего лица, если в нем в то́ же время нет «чего-то некрасивого». Таков удел земли, в противоположность небесному, – что «мы все с чем-то неприятным». Там – веснушка, там – прыщик, тут – подпухла сальная железка. Совершенство – на небесах и в мраморе. В небесах оно безукоризненно, п. ч. *правдиво*, а в мраморе уже возбуждает сомнение, и мне, по крайней мере, не нравится. Обращаясь «сюда», замечу, что хотя заглавия, восстановленные мною «из прежнего», – хуже (некрасивее) тех, какие придал (в своих изданиях) П.П.Перцов некоторым моим статьям, но они *натуральнее в отношении того настроения духа,* с каким писались в то́ время. Эти *запутанные заглавия*, – плетью, – выразили то́ «заплетённое», смутное, колеблющееся, и вместе порывистое и торопливое состояние ума и души, с каким я вторично выступил в литературу в 1889 году, – после неудачи с книгою «О понимании» (1886 г.). Вообще заглавия – всегда органическая часть статьи. Это – тема, которую себе написывает автор, садясь за статью; и если читателю кажется, что это заглавие неудачно или неточно, то опять характерно, как он эту тему теряет в течение статьи. Все это – несовершенства, но которые не должны исчезнуть.

(обдумываю перцовские издания своих статей; и что ему может показаться печальным, что при втором издании я восстановил свои менее изящные, «долговязые» заглавия. Они характерны и нужны)

У нас Polizien-Revolution; куда же тут присосались студенты.
А так бедные бегают и бегают. Как таракашки в горячем горшке.

Этот поп на пропаганде християнских рабочих людей зарабатывал по несколько десятков тысяч рублей год. И квартира его – всегда целый этаж (для бессемейной семьи, без домочадцев) – стоила 2–3 тысячи в год. Она вся была уставлена тропическими растениями, а стены завешаны дорогими коврами. Везде, на столах, на стенах, «собственный портрет», – en face, в $^3/_4$, в профиль... с лицом «вдохновенным» и глазами, устремленными «вперед» и «ввысь»... Совсем «как Он» («Учитель» мой и наш)... Сам он, впрочем, ходил в бедной рясе, суровым, большим шагом, и не флиртировал. За это он мне показался чуть не «Jean Chrisostome», как его вывел Алексей Толстой:

К земным утехам *нет участья*
И взор в грядущее глядит...

Можно же быть такой телятиной, чтобы «Повесть о Капитане Копейкине» счесть за «Историю Наполеона Бонапарте».

(из жизни)

Что́ это было бы за Государство «с историческим призванием», если бы оно не могло справиться с какою-то революциешкой; куда же бы ему «бороться с тевтонами» etc., если б оно не справлялось с шумом улиц, говором общества, и нервами «высших женских курсов».

И оно превратило ее в Polizien-Revolution, «в *свое явление»:* положило в карман и выбросило за забор как сифилитического неудачного ребенка.

Вот и всё. Вся «история» ее, от Герцена до «Московского вооруженного восстания», где уже было больше полицейских, чем революционеров, и где вообще полицейские рядились в рабочие блузы, как и в свою очередь и со своей стороны революционеры рядились в полицейские мундиры (взрыв дачи Столыпина, убийство Сипягина).

«Ряженая революция»: и она кончилась. *Только с окончанием революции, чистосердечным и всеобщим с нею распрощанием,* – можно подумать о прогрессе, о здоровье, о работе «вперед».

Эта «глиста» все истощила, все сожрала в кишках России. Ее и надо было убить. Просто убить.

«Верю в Царя Самодержавного»: *до этого* ни шагу «вперед».

(за другими занятиями)

Когда Надежда Романовна уже умирала, то все просила мужа не ставить ей другого памятника, кроме деревянного креста. Непременно – только *дерево* и *только крест.* Это – христианка.

Не только – «почти ничего» (дерево, ценность), но и – *временное* (сгниет).

И потом – ничего. Ужасное молчание. Небытие. В этом и выражается христианское – «я и *никогда не жила для земли*».

Христианское сердце и выражается в этом. «Я не только не хочу работать для земли, но и не хочу, *чтобы земля меня помнила*». Ужасно... Но и что-то величественное и могущественное.

Надежда Романовна вся была прекрасна. Вполне прекрасна. В ней было что-то трансцендентное.

. . . . . .

– Может быть, мы сядем в трамвай: он, кажется, сейчас трогается...

– Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

– Он и довезет нас до Знаменской...

– Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

(опыты)

Да жидов оттого и колотят, что они – *бабы:* как русские мужики своих *баб*. Жиды – не *они,* а *оне.* Лапсердаки их суть бабьи *капоты:* а на такого кулак сам лезет. Сказано – «будешь *биен*», «*язвлен* будешь». Тут – не экономика, а мистика; и жиды почти притворяются, что сердятся на это.

(выпустил из коррект. «Уедин.»)

«Разврат» есть слово, которому нет соответствующего предмета. Им обозначена груда явлений, которых человечество не могло понять. В дурной час ему приснился дурной сон, будто все эти явления, – на самом деле подобные грибам, водорослям и корням в природе, – суть «дурные» уже как «скрываемые» (мысль младенца Соловьёва в «Оправдании добра»); и оно занесло их сюда, без дальних счетов и всякого разумения.

(Эйдкунен – Берлин, вагон)

Раза три в жизни я наблюдал (издали, не вблизи) или слышал рассказ о матерях, сводничающих своих замужних дочерей. Точно оне бросают стадо к... на нее как с... Никогда не «прилаживают к одному», не стараются устроить «уют», хотя бы на почве измены.

Вся картина какого-то «поля» и «рысканья». Удивительно.

Еще поразительнее, что таких жен, *все зная о них,* глубоко любят их мужья. *Плачут* и любят. Любят до *обожания.* А жены, как и тещи, питают почти отвращение к несчастному мужу. Тут еще бóльшая метафизика. Между прочим, такова была знаменитая Фаустина senior, жена Антонина Благочестивого. Она сходилась даже с простолюдинами. А муж, когда она

умерла, воздал ей божеские почести (divinatio) и воздвиг ее имени, чести и благочестию – храм.

На монетах лицо ее – властительное, гордое. На темени она несет маленькую жемчужную корону (клубочком). По-видимому, хороша собой, во всяком случае «видная». Лицо Антонина Пия – нежное, «задумчивое», отчетливо женственное.

Он – родоначальник добродетелей и философии.

Я знавал двух славянофилов, испытавших эту судьбу. Комично, что один из них водил своего старшего сына (конечно, не от себя) смотреть памятник Минина и Пожарского, и все объяснял ему «русскую историю».

(на представлении переводной пьесы на эту тему; пер. Е.А.Егорова)

Все это тянется как резинка, и никакого индивидуального интереса. Только наблюдаешь общие законы (проститутки).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

– Мы – мостовая. Каких же надписей ты на нас ищешь?

(о проституции; еду в Киев, † Столыпина)

Несмотря на важность проституции, однако в каком-то отношении, мне не ясном, – оне суть действительно «погибшие создания», как бы погаснувшие души. И суть действительно – «небытие»; «не существуют», а только кажется, что они – «есть».

(вагон) (еду в Киев)

О девстве глубокое слово я слышал от А. С. Суворина и от А. В. Карташова.

Первый как-то сказал:

– Нет, я замечал, что когда девушка теряет девство (без замужества), то она теряет и *всё*. Она делается *дурною*.

Конечно, он ни малейше не имел в виду обычных нравственных суждений, и передал наблюдение «что́ бывает», «что́ случается», «что́ *дальше* следует».

Карташов сказал, когда – в их же присутствии – я сказал о двух барышнях типа вечных девственниц (virgo aeterna):

– Ведь оне никогда не выйдут замуж: непонятно, почему оне или почему вообще *такие* не бросят свое девство кому попало, – и, вообще все равно, кто возьмет?

У меня было философское об этом недоумение.

Он ответил:

– Оне (он как бы запнулся, придумывая формулу) – *питаются от своего девства*. Да, оно не нарушено и, кажется, не нарушится. Но сказать, чтобы оно *было им и не нужно* – нельзя: оно им не только нужно, но и необходимо. Оне *живут им*, и именно – *его целостью*. Это – богатство, которое не тратится, но которое их *обеспечивает*. Обеспечивает что́? Их душу, их талант (они были талантливы), их покой и свежесть.

– *Есть* девство – и оне трудятся, выставляют работы (художницы), дружатся, знакомятся, читают, размышляют.

– *Не будет* девства – и все разрушится. Так что хотя оне и призваны к девству, и никакой мужчина им не воспользуется, но это не обозначает, что *их девственность есть ничто́, – есть не существующая для мира вещь*. Для «мира»-то оно не существует, хотя как их *талант* – и для мира существует; но как телесная нетронутость и целость – оно существует *и для них самих*.

Замечательно глубоко. Несколько месяцев перед этим я спросил одну из этих девушек, что́ бы она сделала с мужчиною, если бы он «с голоду» взял у нее то́, что́ у нее лишнее (как мне казалось):

– Упекла бы в Сибирь, – ответила она твердо и по-мужски.

– И не пощадили бы?

– Не пощадила бы.

– Но ведь вам *не нужно*? (aeterna virgo).

Она промолчала.

Рассуждение Карташова, так сказать, наполняет речами ее молчание. Она не успела только формулировать; но поступила бы по чувству («засужу»), которое неодолимо и в котором правда.

Вот источник, по-видимому, *непонятно* жестоких наказаний, присуждаемых насилователям.

«Кроме замужества – совокупление есть гибель. Обществу оно безвредно: но оно *губит субъекта, лицо»*.

Тогда, конечно, – казнь! Как за убийство или ближайшее к убийству!!! Кроме особенных случаев, о которых длинна речь: но как раз именно в нашей цивилизации и приходится принимать во внимание эти «кроме»...

~

Кроме случая aeternae virginis, который чрезвычайно редок и сам себя отстаивает, во имя чего мы могли бы потребовать у девушки и всех вообще девушек сохранения их девства?

«Мы» здесь – государство, религия, нравственность, старая семья (родители, братья, «Валентин» [Фауст]).

Девушка всегда может ответить, или, при молчании, – она будет полна речей:

– *Мотивируйте* мне мое девство: и я его сохраню.

Но единственного мотива нет: – *замужества*.

Нет *замужества*, рассыпается и *девство*!

Девство только и сохраняется *для мужа*; каждая девушка обязана его хранить – если непременно *каждой девушке замужество обеспечено*. Чем? кем? Status quo* общества, законом, религией, родителями. «Мне до этого дела нет, я в это не вмешиваюсь, я не законодательница», – может ответить девушка. – *Мне подай мужа.* Вот *это – я знаю, и – только это».*

Девство есть *вещь,* когда есть (будет) *муж.*

А когда муж «будет или нет», «выйдет или нет», «чёт–нéчет» и «сколько лепестков у сирени»: то и девство тоже «выйдет» или «нет», при «чёте» – выйдет, а если «нéчет» – то и не «выйдет»; и девушка просто выйдет за калитку и бросит его нá ветер: ибо «нá ветер» бросила целая цивилизация ее *замужество.*

Тут смычок и струна: струна поет ту арию, которую ведет смычок. Смычок – замужество, активная сторона, «хозяин всего дела». И если «хозяин» пьян или дурак: то пусть уж и не слезает с полатей, если у него «из-под полы» все девушки разбегутся.

Девство *в наше время* потенциально свободно; и оно не сегодня-завтра станет реально свободно. Девушки вырвутся и убегут. Убегут неодолимо, с этими криками дочерей Лота: «Никого нет, кто вошел бы к нам *по закону всей земли*: напоим отца нашего, и зачнем от него детей, – *я,* потом – *ты*».

Это сказала старшая и благоразумнейшая младшей, которой осталось только послушаться. От дев произошли два народа – *моавитяне и аммалекитяне.* Почему сразу случилось? Бог не хотел, с одной стороны, чтобы это *повторялось*: а решительные девушки повторили бы поступок свой, если бы остались пустыми, без зарождения. С другой стороны, однако, сохранив потомство их в веки и веки, до размножения в *целый народ,* – чтó далеко не с каждой беременной девушкой случается, – Бог тех библейских времен, и не знавший иной награды угодному Ему человеку как *умножение его потомства,* тем самым явно показал, что таковое твердое, как у дочерей Лота, размножение, уверенное в себе размножение – гордое и смелое, не ползучее, а как бы «верхом на коне, в латах и шлеме» – Ему приятно. Да, и в самом деле, только *оно* обеспечивает расцвет земли и исполнение воли Божией.

(выпустил из коррект. «Уедин.»)

...«дорого назначаете цену книгам». Но это преднамеренно: книга – не дешевка, не разврат, не пойло, которое заманивает «опустившегося человека». Не дева из цирка, которая соблазняет дешевизною.

Книгу нужно уважать: и первый этого знак – готовность дорого заплатить.

---

* Существующий порядок *(лат.).*

Затем, сказать ли: мои книги – лекарство, а лекарство вообще стоит дороже водки. И приготовление – сложнее, и вещества (душа, мозг) положены более ценные.

(в лесу на прогулке)

Ученых надо *драть за уши.* И мудрые из них это одобрят, а прочие если и рассердятся, то на это нечего обращать внимания.

(на прогулке в лесу)

Удивительна все-таки непроницательность нашей критики... Я добр или по крайней мере совершенно не злобен. Даже лица, причинившие мне неисчерпаемое страдание и унижение, – Афонька и Тертий, – не возбуждают во мне собственно злобы, а только смешное и «не желаю смотреть». Но никогда не «играла мысль» о их страдании. Струве – ну, да́, я хотел бы поколотить его, но добродушно, в спину. Господи, если бы мне «ударить» его, я расплакался бы и сказал: «Ударь меня вдвое». Таким образом, никогда *месть* мне не приходила на ум. Она приходила разве в отношении учреждений, государственности, церкви. Но это – не лица, не душа.

Таким образом, самая *суть* моя есть доброта, – самая обыкновенная, без «экивоков». Ничье страданье мне не рисовалось как *мое наслаждение,* – и в этом все дело, в этом суть «демонизма». Которого я совершенно лишен, – до *непредставления его и у кого-нибудь.* Мне кажется, что это все выдумано, преимущественно дворянами, как Байрон, – и от *молодости.* «Были сказки о домовых, а потом выдумали занимательнее – демон».

Печальный и пр. и пр.

. . . . . .

Между тем все статьи обо мне начинаются определениями: *«демонизм* в Р.». И ищут, ищут. Я читаю: просто – ничего не понимаю. «Это – не *я*». Впечатление до такой степени *чужое,* что даже странно, что пестрит моя фамилия. Пишут о «корове», и что она «прыгает», даже потихоньку «танцует», а главное – у нее «клыки» и «по ночам глаза светят зеленым блеском». Это ужасно странно и нелепо, и такое нелепое я выношу изо всего, что обо мне писали Мережковский, Волжский, Закржевский, Куклярский (только у Чуковского строк 8 *индивидуально*-верных, – о давлении крови, о температуре, о множестве сердец). С Ницше... никакого сходства! С Леонтьевым – никакого же личного (сход.). Я только люблю его. Но сходство и «люблю» – разное.

Я самый обыкновенный человек; позвольте полный титул: «коллежский советник Василий Васильевич Розанов, пишущий сочинения».

Теперь, эти «сочинения»... Да, мне многое пришло на ум, чего раньше *никому* не приходило, в том числе и Ницше, и Леонтьеву. По сложности и

количеству мыслей (точек зрения, узора мысленной ткани) я считаю себя *первым*. Мне иногда кажется, что я понял *всю историю* так, как бы «держу ее в руке», как бы историю *я сам сотворил*, – с таким же чувством уроднения и полного постижения. Но сюда я выведен был своим «положением» («друг» и история с ним), да и пришли лишь именно *мысли*, а это – не *я сам*. Я – добрый и малый (parvus): а если «мысли» действительно великие, то разве мальчик не «открывает солнца», и «звезд», всю «поднебесную», и что «яблоко падает» (открытие Ньютона), и даже труднейшее и глубочайшее – первую молитву. Вот я такой «мальчик с неутертым носом», – «все открывший». Это – мое *положение*, но не – *я*. От этого я считаю себя, что «в Боге»... У меня есть серьезная уверенность: Бог *для того-то* и подвел меня (точно взяв за руку) встретиться с другом, *чтобы* я безмерно наивным и добрым взглядом *увидел* «море зла и гибели», вообще – *сокрытое* «от премудрых земли», о чем не догадывались никогда.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Тогда я жил оставленный, брошенный – *без моей вины*. Обошел человек и сделал вред.

Вдруг я встречаю, при умирании третьего (товарищ), слезы... Я удивился... «Что́ такое слезы?». «Я никогда не плачу». «Не понимаю, не чувствую».

Я весь задеревенел в своей злобе и оставленности и мелких «картишках».

Плач, – у гроба *третьего*, – был для меня, что́ яблоко для Ньютона. «Так вот, можно жалеть, плакать»... Удивленный, пораженный (Ньютонов момент), я стал вникать, вслушиваться, смотреть.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Раз я стоял во Введенской церкви с Таней, которой было три года.

Службы не было, а церковь никогда не запиралась. Это – в Петербурге, на Петербургской стороне. Особенно – тихо, особенно – один. В церковь я любил заходить все с этой Таней, которая была худенькая и необыкновенно грациозна, мы же боялись у нее менингита, как у первого ребенка, и почти не считали, что «выживет». И вот, тихо-тихо... Все прекрасно... Когда вдруг в эту тишину и мир капнула какая-то капля, точно голос прошептал:

«...вы здесь – *чужие. Зачем* вы сюда пришли? К *кому?* Вас никто *не ждал.* И не думайте, что вы сделали что-то «так» и «что́ следует», придя «вдвоем» как «отец и дочка». Вы – «смутьяны», от вас «смута».

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Когда я услышал этот голос, может быть, и свой собственный, но *впервые эту мысль сказавший,* без предварений и подготовки, как «внезапное», «вдруг», «откуда-то», – то я вышел из церкви, вдруг залившись сиянием и гордостью и как *победитель.* Победитель того, чего никто не побеждал, – даже того, *кого* никто не побеждал.

– Пойдем, Таня, отсюда...

– Пора домой?

– Да... домой пора.

«Неужели же так и кончится его деятельная жизнь, посвященная всецело на благо человечества?»

«Ему не хотелось верить, что Провидение уготовило ему столь ужасный конец».

«Он вспомнил о Гарри Тэксоне, вспомнил много случаев, когда он освобождал от ужасной смерти этого многообещающего, дорогого ему юношу...»

(«Графиня-Преступница»)

Так предсмертно рассуждал Шерлок Холмс, вися в коптильне под потолком, среди окороков *(туда его поднял на блоке, предварительно оглушив ударом резины, – разбойник),* и ожидая близкой минуты, когда будет впущен дым и он прокоптится наравне с этими окороками.

Мне кажется, Шерл. Хол. – то же, что «Страшные приключения Амадиса Гальского», которыми зачитывался, по свидетельству Сервантеса, герой Ламанчский, – и которыми, без сомнения, потихоньку наслаждался и сам Сервантес. Дело в том, что неизвестный составитель книжек о Холмсе (в 48 стр., 7 к. книжка), – вероятно, исключенный за неуспешность и шалости гимназист V–VI-го класса, – найдя такое успешное приложение своих сил, серьезно раскаялся в своих гимназических пороках и написал книжки свои везде с этим пафосом к добродетели и истинным отвращением к преступлению. Книжки его везде нравственны, не циничны, и решительно добропорядочнее множества якобы «литературно-политических» газет и беллетристики.

~

Есть страшно интересные и милые подробности. В одной книжке идет речь о «первом в Италии *воре».* Автор принес, очевидно, рукопись издателю: но издатель, найдя, что «король воров» не заманчиво и не интересно для

сбыта, зачеркнул это заглавие и надписал свое (издательское): *«Королева* воров». Я читаю-читаю, и жду, когда же выступит *королева* воров? Оказывается, во всей книжке – ее нет: рассказывается только о джентльмене-воре.

~

Есть еще трогательные места, показывающие дух книжек:

> «На мгновение забыл все на свете Шерлок Холмс, ввиду такого опасного положения своего возлюбленного ученика. Он поднял Гарри и понес его на террасу, но окно, ведущее в комнаты, оказалось уже запертым.
>
> . . . . . .
>
> . . . . . .
>
> – А кто этот раненый молодой человек?
>
> – Это честный, добрый молодой человек, на вас не похожий, милорд».
>
> *(«Только одна капля чернил»)*

Еще в конце:

> «– И вы действительно счастливы и довольны своим призванием?
>
> – Так счастлив, так доволен, как только может быть человек. *Раскрыть истину, охранять закон и права* – великое дело, великое призвание.
>
> – Пью за ваше здоровье... Вы – *утешитель несчастных, заступник обиженных*, страх и гроза преступников».
>
> *(«Одна капля чернил», конец)*

Читая, я всматривался мысленно в отношения Шерлока и Гарри, – с точки зрения «людей лунного света»: нельзя не заметить, что, как их представил автор, они – не замечая того сами – оба влюблены один в другого: Гарри в Холмса – как в старшего по летам своего мужа, благоговея к его уму, энергии, опытности, зрелости. Он везде бежит около Холмса, как около могучего быка – молодая телушечка, с абсолютным доверием, с абсолютной влюбленностью. Холмс же смотрит на него как на возлюбленного сына, – с оттенком, когда «сын-юноша» очень похож на девушку. Обоих их *нельзя представить себе женатыми*: и Гарри, в сущности, – урнинг, и Холмс – вполне урнинг:

> К *земным утехам нет участья,*
> И взор в грядущее глядит.

Удовольствие, вкусная еда, роскошь в одежде – им чужда. Незаметно, они суть «монахи хорошего поведения», и имеют один пафос – истребить с лица земли преступников. Это – Тезей, «очищающий дорогу между Аргосом и Афинами от разбойников» и освобождающий человечество от страха злодеев и преступлений. Замечательно, что проступки, с которыми борются Шерлок и Гарри, – исключительно отвратительны. Это не проступки нужды или положения, а проступки действительного *злодейства в душе*, совершаемые виконтами, лордами-наследниками, учеными медиками, богачами или извращенными

женщинами. Везде лежит *вкус к злодейству,* с которым борется *вкус к добродетели* юноши и мужа, рыцаря и оруженосца. Когда я начал «от скуки» читать их, – я был решительно взволнован. И впервые вырисовалось в моем уме человеческое

CRIMEN*

Оно – есть, *есть, есть!!!..*

Есть как особое и *самостоятельное* начало мира, как первая буква особого алфавита, на котором не написаны «наши книги»; а его, этого преступного мира, книги все написаны «вовсе не на нашем языке».

И, помню, я ходил и все думал: crimen! crimen! crimen!

«Никогда на ум не приходило»...

И мне представился *суд* впервые, как что-то необходимое и важное. Раньше я думал, что это «рядятся» люди в цепи и прочее, и делают какие-то пустяки, не похожие на дела других людей, и что все это интересно наблюдать единственно в смысле профессий человеческих.

Нет.

Вижу, что – нужно.

Дело.

Только у человека: цветет, а завязаться плоду не дают.

(«сформировывается» девушка в 13–14 лет, а «супружество» отложено до 20-ти лет и далее)

...да Элевзинские таинства совершаются и теперь. Только когда их совершают люди, они уже не знают теперь, что это – таинства.

...да ведь совершенно же ясно, что социал-демократия никому решительно не нужна, кроме Департамента государственной полиции.

Без нее – у Департамента работы нет, как нет удочки и лова без «наживки». Социал-демократия, как доктрина, – есть «наживка» на крючке. И Департамент ловит «живность» этой приманкой.

С этой точки зрения, – а в верности ее нельзя сомневаться, – «Отечественные Записки», «Русское Богатство», «Дело», Михайловский, Щедрин, были в «неводе» правительства и служили наиболее ядовитому его департаменту. Все совершилось «обходом» – и Щедрин – Михайловский сработали III-му отделению.

---

* Преступление, грех *(лат.)*.

Но вышло «уж чересчур». Неосторожно «наживку» до того развели, что она прорвала сеть и грозит съесть самого рыбака. «Вся Россия – социал-демократична».

~

Понятно, для чего существует «Русское Богатство». Какой же томящийся питомец учительской семинарии, как и сельский учитель «с светлой головой», не напишет «письмо-души-Тряпичкина» нашему славному Пешехонову или самому великому Короленке. И чем ловить там по губерниям, следить там по губерниям, – легче «прочитать на свет» письма, приходящие к 3–4–10 «левым сотрудникам известного журнала». «Весь улов» и очутится «тут».

Понятно. Математика. Но «переборщили», не заметив, что вся Россия поглупела, опошлела, когда $^1/_2$ века III-ье отделение «оказывало могущественное покровительство» всем этим дурачкам, служившим ему при блаженной уверенности, что они служат солидарной с ними общечеловеческой социал-демократии.

Департамент сделал революцию бессильной. Но он сам обессилел, революционизировав всю Россию.

Каша и русская «неразбериха». Где «тонко» – там и «рвется».

~

Но вот объяснение, почему славянофильские журналы один за другим запрещались; запрещались журналы Достоевского. И только какая-то «невидимая могущественная рука» охраняла целый ряд антиправительственных социал-демократических журналов. Почему Благосветлов с «Делом» *не был* гоним, а Аксаков с «Парусом» и «Днем» – гоним *был*.

Пожалуй, и я попал: Куприн, описывая «вовсю» публ. д., – «прошел», а Розанов, заплакавший от страха могилы («Уед.»), – был обвинен в порнографии.

– Пора, – сказала мамаша.

И мы вышли в городской сад. На мне был черный сюртук и летнее пальто. Она в белом платье, и сверху что-то. В начале июня. Экзамены кончились, и на душе никакой заботы. Будущее светло.

Солнце было жаркое. Мы прогуливались по главной аллее, и уже сделали два тура, когда в «боковушке» Ивана Павловича отворилось окно, и, почти закрывая «зычной фигурой» все окно, он показался в нем. Он смеялся и кивнул.

Через минуту он был с нами. Весь огромный, веселый.

– И венцы, Иван Павлович?

– Конечно!

Мы сделали тур. – «Ну, пойдемте же». И за ним мы вошли во двор. Он подошел к сторожке. – «Такой-то такой-то (имя и отчество), дайте-ка ключи от церкви».

Старичок подал огромный ключ, как «от крепости» (видал в соборах: «ключ от крепости такой-то, взятой русскими войсками»).

– Пойдемте, я вам все покажу.

Растворилась со звуком тяжелая дверь. Я «что-то стоял»... И, затворив дверь, он звучно ее запер. «Крепко». Лицо в улыбке, боязни – хоть бы тень. Повернулись оба к лестнице:

Стоит моя Варя на коленях... Как войти по лесенке, – ступеней 6, – то сейчас на стене образ; увидав его, «как осененная» Варя бросилась на колени – и что-то горячо, пламенно шептала.

Я «ничего». Тоже перекрестился.

Вошли.

. . . . . .

. . . . . .

Самолюбие и злоба – из этого смешана вся революция. Если попадаются исключения, то́ это такая редкость (Мельшин, Анненский).

(на поданной почтовой квитанции)

Сила евреев в их липкости. Пальцы их – точно с клеем. «И не оторвешь».

(засыпая)

Все к ним прилипает, и они ко всему прилипают. «Нация с клеем».

(утром завтра)

...окурочки-то все-таки вытряхиваю. Не всегда, но если с $^1/_2$-папиросы не докурено. Даже и меньше. «Надо утилизировать» (вторично употребить остатки табаку).

А вырабатываю 12 000 в год, и, конечно, не нуждаюсь в этом. Отчего?

Старая неопрятность рук (детство)... и даже, пожалуй, по сладкой памяти ребяческих лет.

Отчего я так люблю свое детство? Свое измученное и опозоренное детство.

(перебрав в пепельнице окурки и вытряхнув из них табак в свежий табак) (на письме Ольги Ивановны)

Симпатичный шалопай – да это почти господствующий тип у русских.

Я чувствую, что *метафизически* не связан с детьми, а только с «другом». Разве с Таней...

И, следовательно, связь через рождение еще не вхлестывает в себя метафизику.

С детьми нет какой-то «связующей тайны». Я им нужен – но это эмпирия. На них (часто) любуюсь – и это тоже эмпирия. Нет загадки и нет боли, которые есть между мною и другом. Она-то одна и образует метафизическую связь.

Если она умрет – моя душа умрет. Все будет только волочиться. Пожалуй, писать буду (для денег, «ежедневное содержание»), но это все равно: *меня* не будет.

«Букет» исчезнет из вина, и останется одна вода. Вот «моя Варя».

Мамочка никогда не умела отличить *клубов* пара от дыма и, войдя в горячее отделение бани, где я поддал себе на полок, вскрикивала со страхом: «Какой *угар*!..». Также она не умела отпереть никакого замка, если отпирание не заключалось в простом поворачивании ключа *вправо*. Когда я ей объяснил, что нужно же писать «мнѣ» и вообще в дательном падеже – ѣ, то она, не пытаясь вникнуть и разобраться, вообще везде предпочла писать ѣ. Когда я ей объяснил, что лучше везде писать *е*, то она уже не стала переучиваться, и удержала старую привычку (т. е. везде ѣ).

Вообще она не могла вникнуть ни в какие *хитрости* и ни в какие *глупости* (мелочи): слушая их ухом, она не прилежала к ним *умом*.

Но она высмотрела детям все *лучшие школы* в Петербурге. Пошла к Штембергу (для Васи). Директор ей понравился. Но, выйдя на двор, во время роспуска учеников, она стала за ними наблюдать: и, придя, изложила мне, что «все хорошо, и директор, и порядок», но как-то *«вульгарен будет состав товарищей»*. Пошла в школу Тенишевой, – и сказала твердое – «туда». Девочкам выбрала гимназию Стоюниной, а нервной, падающей на́ бок Тане, как и неукротимой Варваре, выбрала школу Левицкой. И, действительно, для *оттенков* детей подошли именно эти *оттенки* школ; она их не угадала, а твердо выверила.

Вообще твердость суждения и поступка – в ней постоянны. Никакой каши и мямленья, нерешительности и колебания. И никогда «сразу», «с азарту», «вдруг». Самое колебание всегда продолжалось 2–3 дня, и она ужасно в них работала умом и всей натурой.

А замка не умела отпереть: ибо это и действительно ведь *глупость*. Ибо замки ведь вообще должны *запирать*, и – *только*, т. е. все «направо»; а что́ сверх сего – «от лукавого». И она «от лукавого» не понимала.

Однажды мне кой-что грозило, и я между речей сказал ей, что куплю револьвер. Вдруг к вечеру с пылающим лицом она входит в мою квартиру, в доме Рогачевой. И, едва поцеловав, заговорила:

– Я сказала Тихону (брат, юрист)... Он сказал, что это *Сибирем пахнет*.

– Сибирью...

– Сибирем, – она поправила, – равнодушная к форме и выговаривая, как восприняло ухо. Она была занята *мыслью о ссылке*, а не грамматикой.

Крепко схватив, я ее осыпал поцелуями. И до сих пор эта тревога за любимого человека у меня не разъединима с «Сибирем пахнет».

Она вся пылала, торопилась и запрещала (т. е. покупать револьвер). Да я и стрелять не умел.

Она вышла из 3-го класса гимназии. Именно, – она все пачкала (замусляк ивала) чернилами парту, заметив, что Иван Павлович (Леонов), говоря ученицам объяснения, опирается пальцами на стол (он был огромного роста и толстый). Тот все пачкался. Пожаловался. И поставили в поведении «4». Мамаша (Ал. Адр. Руднева), вообразив, что «4 в поведении *девушке*» – марает ее и намекает на «VII заповедь», оскорбилась и сказала:

«– Не ходи больше. Я возьму тебя из гимназии. Они *не смеют порочить девушку*».

Хорошее – и у чужого хорошо. Худое – и у своего ребенка худо.

Встала в 11-м часу. Отдых, 3 раза будили.

. . . . . .

(начало вакации у учащихся детей) (сержусь)

У Кости Кудрявцева директор (Садоков) спросил на переэкзаменовке:

– Скажите, что́ вы знаете о *кум?*

Костя был толстомордый (особая лепка лица), волосы ежом, взгляд дерзкий и наглый.

А душа нежная.

Улыбнулся и отвечает:

– Ничего не знаю.

– Садитесь. Довольно.

И поставил ему единицу.

Костя мне с отчаянием говорил (я ждал у дверей):

– Подлец он этакий: скажи он мне *квум* – и я бы ответил. О *квум* три страницы у Кремера (грамматика). Он, чорт этакий, выговорил – *кум*! (есть право и так выговаривать, но им не пользуются). Я подумал: «*кум*! – предлог *с*»; что́ же об нем отвечать, кроме того, что – «с творительным»? ...но это – до того «само собою разумеется», что я счел позорным отвечать для пятого класса.

И исключили. В тот час у него умер и отец. Он поступил на службу (чтобы поддерживать мать с детьми), – сперва в полицейское управление, – и писал мне отчаянные письма («Вася, думали ли мы, что придется служить в проклятой полиции»), потом – на почту, и «теперь работаю в сортировочной» (сортировка писем по городам).

~

В то же время где-нибудь аккуратный и хорошенький мальчик «Сережа Муромцев» учился отлично, директор его гладил по голове, кончил с медалью, в университете – тоже с медалью, наконец – профессор «с небольшой оппозицией»... И, оправдывая некрасовское

...До хорошего местечка
Доползешь ужом,

– вышел в председатели 1-й Госуд. Думы. И произнес знаменитое mot*: «Государственная Дума *не может ошибаться*». Неужели мой Костя мог бы так провалиться на государственном экзамене??!!

Да, он *кум* не знал: но он был ловок, силен, умен, тактичен «во всяких делах мира». А как греб на лодке! а как – потихоньку – пил пиво и играл на биллиарде! И читал запоем.

Где этот милый товарищ?!

~

Я сохранил его письма; вот они:

I

Скука, братец, без тебя в классе ужасная (по крайней мере, для меня)! Неужели ты пролежишь еще неделю? Впрочем, это лучше – отдохнешь, а то тебя совсем замучили классические репетиции.

В классе у нас все по-старому, т. е. всё плохо и *все* плохи. Звезда первой величины, Ешинский, сегодня явилась в наше туманное пятно, но с меньшим блеском, чем прежде. Остафьев тоже пришел; все укорял, что не заходил к тебе во время болезни. Гуманный мальчик!.. Звезда 4-й величины.

Теперь перехожу к патентованным. Алексеевский шатается по концертам, по Покровке** и, кажется, преуспевает в сердце м-сс Кетти***. Воспылай гневом Отелло, Васька!

Поливанов... впрочем, это уж не звезда, а целая видимая планета по части глупостей и шалопайничества. Сообщу два факта. Вчера я узнал, от него самого, что триппер, или бобон, посетил его от неумеренных наслаждений с горничною. Далее, сегодня, в классе, во время геометрии, он курил,

---

* Слово *(фр.)*.

** Главная улица в Нижнем, куда к вечеру «высыпали все» и искали «встреч», – или, скромнее, – обменивались взглядами. Гулять по Покровке считалось презренным для демократической части гимназистов. Алексеевский – лучший в классе математик, и о нем «на Покровке» – с удивлением и возмущением пишет Кудрявцев. Он был наш дорогой товарищ.

*** Презирая грубое русское «Катя», мы именовали по-английски, «мисс Кетти», горничную Катерину, служившую у покойного моего брата. Она была как бы субтильная немочка по виду, – т. е. бледна и тонка; по манерам - утонченна; и это было причиною, что она нравилась мне и всем моим товарищам. Я с ней вел переговоры, что сперва ее обучу, а потом – мы женимся. И учил ее читать и писать. О ней см. смешной *договор* в конце переписки.

пуская клубы дыма из-под парты! Я тебе передаю *буквально*. Грехов* не заметил.

Про других учеников не стоит говорить.

Силин глупеет с каждым днем (в *моих* глазах) все более и более. Шляется, гудит на скрипке, так что беги вон, кое-что читает... Суворов достал место в конторе «Кавказ и Меркурий».

Я читаю, думаю, много сплю, уроками занимаюсь мало и проч. Посетить тебя можно, что ли? Впрочем, сегодня и завтра прийти не могу. Пиши мне что-нибудь, тебе же я написал довольно, еще, пожалуй, Бертран** спросит повторить.

Кудрявцев.

Так и есть.

1874 г. март 10.

На спинке записки адрес:

Василию Васильевичу
Розанову,
доктору медицины и философии, члену-корреспонденту
всех Академий Наук в свете, знаменитому естествоиспытателю,
минералогу, энтомологу, и проч., и проч., и проч.

От *К. К.*

II

Милый Розанов!

Сто раз с разом прошу прощения за то, что вчера не пришел. Получив твое письмо, я намеревался быть у тебя в 7 часов, но... является Переплетчиков, зовет с собой. Я сперва отказывался, но не устоял против искушения – поиграть на биллиарде. (Я недавно начал учиться играть на нем и полюбил биллиард больше пива). Ну, пошли, играли, пили... потом я зашел к П–ову, просидел до часу ночи. К тебе – *если можно* – приду сегодня в 7 часов. Что ты, брат, какая тюря: все хвораешь? После этой болезни, наде-

---

* Грехов – прекраснейший преподаватель математики в Нижнем. Жена его, Дарья Кирилловна, – общая любимица гимназистов и заступница за них. Петруша Поливанов, – уже в гимназии бредивший революцией, – попал впоследствии в Петропавловскую крепость; а выпущенный из нее, почему-то покончил с собой (повесился). Ссылка на Поливанова – конечно, ложна: *весь* наш класс, очень демократический, и, след., серьезный, был «без этих увлечений *девицами*», кроме разговоров и шуток. Поливанов, без сомнения, хвастался и врал на себя.

** Учитель французского языка, на уроке коего Кудрявцев мне писал эту записку. Из приписки «Так и есть» – после письма – видно, что Бертран и «поймал» Костю в невнимании.

юсь, последней – тебя не будут выпускать из дому... В мае и июне сидеть дома!!.. До свидания.

Кудрявцев.

1874 г. 10 мая.

Ответь, пожалуйста, на эту писульку. От тебя так приятно получать записки... «Русск. Стар.» еще у вас?

К. К.

Ш

Деревушка Митинка.
28 сентября 1874 г.

Милый и дорогой мой друг Вася!

Если бы ты видел, как я читал твое письмо, как я радовался, чуть не прыгал и чуть не плакал, что ты так мало (sic. – *В.Р.*) написал! От души, от всего сердца благодарю тебя, Вильям*, за твою записку... Мне она показалась лучше и дороже длиннейшего письма Силина. Но к делу, к делу... Да, милый Розанов, в нынешний год я столько перенес горя, несчастий, что и сказать страшно. Ты уж знаешь, вероятно, от Силина или Переплетчикова, что я лишился отца. Что́ я чувствовал, что́ во мне происходило – сказать трудно... Но пойми только это: отец умер после того, как у нас все сгорело; дела все в расстройстве, я не знаю – куда приткнуться; и ты живо вообразишь мое положение. Видеть убитую горем мать, слышать вокруг себя от всех и каждого: «Он умер, оставив жену и 8 человек детей мал-мала меньше!» – все это, Розанов, ужасно подействовало на меня. Тысячи мыслей, одна другой печальнее, приходили мне в голову... Мне нужна была сильная поддержка, – ее не было. Я положительно упал духом... Но скоро я поправился; я стал думать о матери, о братьях... А о себе? Что думать... На меня находят, Вася, минуты горького раскаяния в моей безалаберной, бесшабашной жизни в Нижнем! И в самом деле: ведь я был бы теперь в 7-м классе! Пробивал бы грудью, а не лбом себе дорогу... Какой я бесхарактернейший человек, Вася! Но не суди меня ради... ради *науки* (sic. – *В.Р.*), милый Вася! Что делать? А теперь... эх!.. теперь университет от меня *далеко*, милый Вася! От тебя близко... (Ты не поверишь, Розанов, – я плачу, когда пишу эти строки, *буквально плачу*...). Да, горько, грустно!

Теперь, в настоящую минуту, у меня одна цель: попасть на порядочное место и поддерживать мать, а там... что пошлет Судьба, неумолимый fatum. Но какая скука, какая безысходная тоска жить здесь! У нас есть свой домик в уездном городишке Симб. губ., Алатыре; но мать пока живет у родного брата своего, здесь. Кругом все заботы о делах; даже замучился, хлопоча об них.

---

* Т. е. «Василий». В гимназии мы питали (Бог весть, почему) презрение ко всему русскому, вернее – ко всему «своему», «близкому», «здешнему», – и переменяли имена свои на чужие. Прочитав уже Бокля и Дрэпера, я выбрал себе английское имя «Вильям». В Симбирске был у меня товарищ, который называл себя и подписывался – «Kropotini italio» (Кропотов).

Сидишь, сидишь, а тоска лезет на душу... Братья хохочут, играют, крикнешь на них, поколотишь... А тоска... Ждешь, ждешь писем, особенно письма́ из Москвы. Ах, да, Розанов, – у меня есть протекция, и очень, кажется, сильная... У меня, твоего бедного друга! Дело в том, что некий граф Ланской может дать мне выгодное местечко, так как хорошо был знаком с отцом; за меня хлопочет соседняя помещица, Федорова, которая приходится мне крестной матерью. Она теперь в Москве. Может быть, я и попаду туда. Но я даю тебе слово, Розанов, что я буду заниматься, хотя понемногу, при каких бы то ни было обстоятельствах. Видишь ли, в чем штука: мне нужно выдержать экзамен в 6-й или 7-й класс, чтобы не служить 6 лет в паршивой военщине! Я *постараюсь* выдержать. Как мне хочется быть хоть вольнослушателем в университете! А ведь ужасно скверно, Розанов, быть недоучившимся, остановиться на полдороге. Видал я таких господ. Как мне хочется, Розанов, увидать тебя, поговорить с тобой! Peut-être*, я с тобой скоро увижусь на пути в Москву, а может быть – и долго, долго... так что ты меня забудешь... Ах, Розанов, это так тяжело будет для меня! Впрочем, нет, – что за глупости! – ты пишешь: «я все такой же, как и прежде...», а я комментирую: т. е. он так же любит меня и так же дружен со мной... Не правда ли? Скажи, милый Вася!

Я здесь очень мало читаю; впрочем, перерыл все шкафы с журналами начала XIX-го века: «Вест. Евр.» М.Каченовского, даже Карамзина, «Сын Отеч.», «Библ. для Чтения», «Соврем.» и т. п. Все ужасное старье! Стараюсь доставать книг, откуда только можно. Много гуляю, много хожу с ружьем. Ужасно я полюбил эти уединенные прогулки. Идешь по проселочной дорожке, куришь порядочную сигару (я курю открыто), а сам думаешь... Погода здесь стоит весь сентябрь прелестная. Солнце садится... Тишь кругом. Изредка откуда-то долетит песня... Каркнет ворона. Длинные белые паутины носятся по воздуху... Зайдешь в самую глушь полей, приляжешь к стогу... и Боже! чего, чего не передумаешь? Даже Америку вспомнишь, мою заветную думушку, и изучение английского языка... А доллары были бы теперь весьма кстати. Не правда ли? С каким томительным нетерпением ждешь в такой глуши новостей, писем, газет... Страх! «Русские Ведомости», благо их выписывает дядя, я пожираю строчку за строчкой... Что это у вас делается в Нижнем? Аресты, обыски, открытия... Поливанов кипятится, горячится... Крепко жму ему руку и всем моим хорошим товарищам, Карпову, Остафьеву и... Ешинскому. (Если он захочет пожать мне руку).

Ну, мой милый, теперь к тебе безотлагательная просьба. А именно: пиши ко мне такие же огромные фолианты, как я тебе, а не короткие записки. Пиши ко мне все, решительно все, – все, что́ думаешь, что́ делаешь, как живешь, учишься. Пиши про товарищей так же язвительно, как про А–ского. (Видно, он тебе очень надосл). За такие послания я тебя, при свидании, пылко, горячо, от всего сердца поблагодарю. Ну, будь здоров и прощай! Один искренний совет: не изнуряй слишком ты себя и не порть своего здоровья. Пожалуйста!

Твой друг *К. Кудрявцев.*

P. S. Я писал Переплетчикову с просьбой показать и тебе письмо; получил ли он его? Писал я уже давно.

---

* Может быть *(фр.)*.

Брожение умов распространяется и на нашу местность: два молодые управляющие из окрестностей арестованы. Что это такое?

Отдал ли ты Ник. Вас. книгу «Жизнь Вашингтона». Мой № 72.

Мой адрес: на Болховскую станцию Курмышского уезда Симбирской губ. чрез Кочетовское волостное правление в деревню Митинку, прямо мне.

IV

10 января 1875 года.
Село Мурзицы.

Дорогой любезный, хороший мой Вася!

Прости меня, прости, тысячу раз прости за долгое молчание! Ты, пожалуй, думаешь, что я тебя вовсе забыл, забыл и нашу дружбу, и проч., и проч. Нет, Вася, я больше всего на свете желал бы в настоящую минуту повидаться с тобой, наговориться досыта, отвести душу, утомленную печалями, разочарованиями и безнадежной тоской. Я несколько раз собирался тебе написать, писал даже огромные, черновые письма, – да ни одно из них не дошло по назначению. Теперь же, улучив досужную минуту, опишу тебе все перемены, происшедшие с твоим несчастным другом К–вым.

В настоящее время я живу на месте, очень плохом и скверном, но и его еле-еле добился; начальник мой и повелитель – полицейский чиновник, становой пристав Маслов. Условия – семь руб. в месяц жалованья, стол и освещение его и, вдобавок, маленькое отделеньице за ширмами для успокоения моего бренного тела. Не правда ли, превосходное, замечательное место? Думал ли ты, Вася, что я когда-нибудь буду служить в полиции, так нами осмеиваемой и презираемой?

На такую должность я поступил просто потому, что надо же куда-нибудь деваться, губить где-нибудь молодые силы и горячие способности, которые, впрочем, давно уже погублены... Мне нужно привыкнуть к канцелярской деятельности, усвоить, так сказать, нравы и обычаи писцов, учиться с азбуки всем тонкостям писарской науки, так как я еще нигде не служил и ничего не знаю в практической деятельности. Вот уж скоро будет $1^1/_2$ месяца, как я сделался письмоводителем у станового; привыкаю понемногу и узнаю, в чем *вся суть*. Дела, собственно, не очень много, но оно до крайности мелочно и кропотливо, да притом нет определенных часов для занятий; занимайся утром, пиши вечером, в середине дня приготовляй бумаги на почту... Почта получится – нужно ее записать, потом рассортировать по книгам, и проч., и проч.; к тому же часто приходится ездить с становым по уезду: беспокойно, хлопотливо и неудобно. Одним словом – долго я здесь не прослужу, а буду ждать места, и, чуть узнаю получше, – прощай, полиция! Хорошо еще, что близко от родных (всего 9 верст), а то бы я умер от скуки. Обстановка самая скверная: голые стены, грязный пол, а на стеклах – фантастические изображения тропических лесов, воспроизводимые русским морозом. Сам г. Маслов – человек лет 32, среднего роста, брюнет, с довольно пошлой рожей, украшенной синим носом (хотя мало пьет), вообще довольно дюжинная,

невзрачная физиономия. Он не слишком сварлив, но кричать любит; самолюбив и дает это чувствовать. Жена его и дочь 7-ми лет – личности, заслуживающие только презрения, первая потому, что решительно *ничего* не делает (впрочем, сплетничает), а вторая – миньятюрный портрет матери. Ты видишь, Вася, с какими людьми приходится мне начинать мою новую жизнь, деятельность, на поддержку семьи... Что может во мне развиться хорошего при такой обстановке? Что даст мне эта служба? В письме ведь всего не расскажешь, а многое я бы тебе передал. Что сталось с моими задушевными мыслями? Куда девалась моя веселая беззаботность, смеющийся взгляд на *черный день?* Ты меня не узнаешь, Вася, если придется когда-нибудь свидеться. Я стал задумчивее и серьезнее более, чем когда-либо. С гимназией я разделался совсем: бумаги и свидетельство получил, поведение мне выставили 4, из латинского 2, и добавили, что по службе на производство в 1-й классный чин я не имею препятствий. Чорт бы их драл с их чином!..

Ничего-то, ровнехонько ничего, я хорошего, полезного не читаю; как я завидую в этом отношении (и во всех прочих) тебе. Ты можешь читать все новинки, следить за литературой (в промежутках чтения гистологии), а я и газет-то порядочных здесь не вижу.

Напиши мне, дорогой Вася, про свое житье-бытье? – Что ты был, и что стал, и что есть у тебя? Я так давно не получал никаких известий из Нижнего, что для меня каждая мелочная подробность интересна.

Скажи, как у тебя идет ученье? Чем занимаешься посторонним? Не забудь, если будешь писать ко мне, и тех господ, которые смотрят на меня «с полупрезрительным сожалением»... Чорт их возьми; ведь я тебя люблю, ты со мной дружен – и больше нам ничего и никого не надо. Только очень и очень жаль, что судьба забросила нас в разные стороны, размыкало по обширному приволью русской земли... Ты говоришь, что «дружба дает силу, с которой»... и проч. Я с тобой согласен. Что бы я сделал, если б ты был постоянно около меня! Ты бы меня всегда научил, успокоил, развлек... А то, посуди сам, Вася: вокруг меня здесь нет ни одного товарища-ровесника (не говоря уж друга), ни одного человека, с которым бы я мог поделиться своими мыслями! Так грустно, отвратительно-однообразно проходят дни, месяцы... Поневоле вспомнишь Лермонтова:

А годы проходят, все лучшие годы...

Скверно, безотрадно, тяжело думать, Вася, что мы с тобой еще долго не увидимся; я не могу сказать даже приблизительно – когда именно. Но мы, я надеюсь, будем продолжать начатую переписку еще долго, до тех пор, по крайней мере, пока не найдем новых, лучших друзей. (Не забывай тогда пословицы: «старый друг лучше новых двух»).

Если интересуешься знать положение моей семьи, вот в двух словах: мать с братьями все еще живет у дяди В.М.Потехина в деревне Митинка; один брат в 1-м классе Сергачского уездного училища. Двух других тоже через год нужно будет поместить в Училище; старшую сестру берет одна знакомая для обученья рукоделью и прочему бабьему делу. Всех смерть отца согнала с нагретого, теплого родного гнезда! Грустно, грустно, как раз-

думаешься... Бедная мамаша все прихварывает и еще не может забыть своей невозвратимой потери. Жалко мне ее, от души жалко... Что ей дала жизнь? Родилась она в суровое крепостное право, молодость провела в барской девичьей за вязаньем и шитьем; потом замужество и куча детей... Постоянно больной муж... хлопоты... в конце концов – смерть любимого человека и *нужда* в перспективе... Немного, очень немного, веселых дней в ее жизни... «Разве под старость меня утешат дети», – вероятно, думает она. И то, Вася, надежда плоха... Есть у меня двоюродная сестра, Люба, дочь дяди В. М.; та ее любит как родную мать, и мамаша ей не нахвалится... И я, грешный человек, любуюсь сестренкой и часто, когда я еще жил в Митинке, наш веселый смех оглашал комнаты, тот смех – беспричинный, неудержимый, – который и ты знаешь...

Праздники провел я скучнейшим образом... Ах, извини; поздравляю тебя с ними и с новым годом, в котором желаю тебе больших успехов и всего, всего, что ты сам желаешь! А ты, мой милый, ученый *деятельный* друг, как веселился на праздниках? Исполняешь ли ты мою просьбу – выходить чаще из дому и развлекаться? Без этого ты совсем захиреешь...

Ну, Вася, пора кончить. Много еще я хотел сказать, да всего не напишешь. Будем лучше ожидать радостного свиданья, тогда наговоримся и вдоль и поперек.

Пиши мне по следующему адресу, не прибавляя и не убавляя ничего: в г. Курмыш, Симбир. губ. Его Благородию Г-ну Приставу 2-го стана, с передачей Конст. Иванов. Куд–ву.

Кланяйся всем, кто помнит веселого, шутливого товарища, покинувшего их Куд-ва; передай, если увидишь, Переплетчикову, что я сержусь за его молчание, и скажи еще, что 4 р., заимообразно-взятые, в скором времени возвращу по адресу, написанному им самим.

Прощай, мой друг Вася, до следующего письма; утешь меня, отшельника, задушевным посланием, в котором дай подробный отчет о твоей жизни, и помни, что тебя любит по-прежнему

Друг твой *К. Кудрявцев.*

P. S. Жми руки у Остафьева, Карпова, Поливанова, Маринина и *Кнушевицкого.*

V

Митинка, 15-го апреля 1875 г.

Ты, вероятно, заждался ответа на свои письма, дорогой Вася. Но я тут решительно не виноват – письмо твое от 17-го марта я получил 9-го апреля. Ты удивляешься? Это случилось так: оно было адресовано на станового, – а я у него вот уже три месяца не служу. Но дело не в том, когда я его получил, а хорошо, что оно получено. Легко могло пропасть. – Ты сердишься, Вася, что я *не отвечаю* на твои письма, даже оскорбляешь меня подозрением в их целости, убедительно просишь ответа на письмо от 19-го октября 74 г., советуешь письма разделять на две части, хорошенько вдумываться в твои по-

слания, и проч., и проч. Делать нечего. Последую твоему мудрому совету и твоим теоретико-литературным правилам. Это было вступление, теперь следует 1-ая часть.

Я сперва постараюсь представить мой разбор твоего предыдущего письма. Громадная разница между этими двумя письмами: первое – почти все наполнено желчными шутками и едкими остротами, только в конце что-то вроде лирического монолога, похожего на бред больного в белой горячке. Тем не менее, он очень поэтичен и художествен, по моему крайнему разумению. (Кроме тебя, еще так мог написать Чернышевский, см. сны Веры Павл.). Второе – более спокойное и дельное; конец, впрочем, тоже очень грустный. В этот период времени (от 19 октября по 17 марта) ты, кажется, много перенес и испытал.

Состояние духа, судя по последнему письму, у тебя очень скверное, мрачное... Но к делу. В предыдущем письме ты, во-первых, спрашиваешь, «рад ли я, по смерти отца, своей свободе?». Я решительно не понимаю твоего вопроса. В свою очередь, и я могу дать тебе такой же вопрос: у тебя уже давно нет отца, но рад ли ты этому? Ни о какой радости, ни о малейшей свободе – тут не может быть и речи. Напротив, – во сто раз *больше зависимости* от семейства, от ясного сознания долга поддерживать его и помогать ему. Я теперь долго буду мучаться этими обязанностями; если бы еще одна мать, а то сосущие титьку братья. Нет, Вася, я теперь человек не свободный, с этим ты должен согласиться. Далее ты спрашиваешь меня – о своих способностях. Прежде чем отвечать на этот вопрос, действительно нужно подумать. Мой ответ, совершенно *беспристрастный*, следующий: что ты способен к обширной деятельности – нет сомнения; у тебя хорошие задатки к научной деятельности, которые еще достигнут полного развития в университете; ты легко можешь сделаться отличным писателем в области критики и вообще публицистики, а может быть, и в беллетристике. Ты говоришь: «*Я хочу* её (деятел.) во что бы то ни стало», – весьма звучные слова, от которых у горячего человека вся кровь заиграет в жилах, но примесь *железа* в твоем *характере* нужно еще подвергнуть химическому анализу. Растолкуй еще мне, Вася, как ты понимаешь слово – *общественная* деятельность? Я, по крайней мере, понимаю так и сяк. – Вот мой ответ; он неполон, краток... но пополнений, вероятно, будет еще много.

«Догоню ли я тебя на пути к таинственному огоньку?». Вот что я тебе скажу *откровенно*, мой милый Вася: у меня нет таких возвышенных стремлений и идей, таких широко развитых целей и планов, как у тебя. Судьба мифического титана, Колхидского изгнанника, меня не особенно интересует.

«Все люди находятся в глубочайшем мраке»... Неужели *все* и *везде*? Может быть, в Нижнем только? Слушай, дорогой Вася: *показать людям истину* я не способен и не считаю себя таким гениальным и великим человеком; слагаю всю честь на тебя. Скажи мне, милый, что́ такое вообще *истина*? Я еще раз повторяю, что ты страдаешь болезненными припадками, и «тысячи мыслей, тысяча вопросов» (особенно таких отвлеченных и метафизических) доведут тебя, пожалуй, до того, что ум за разум зайдет, и вместо того, чтобы показать человечеству истину, - тебя самого станут показывать любопытным как сумасшедшего. Не сердись на меня, Вася, за резкие выражения. Ты дей-

ствительно «мечтатель»; но, по-моему, уж лучше «искать успокоения в думах» – более рациональных. Ты и прежде смеялся над преобладающей во мне страстью к долларам; совершенно верно, Вася, – у меня стремления, а особенно в последнее время, чисто материальные и успокояются на практической, действительной почве, а не в воздушных зáмках. Но, Вася, миллион раз повторяю, – *не исключительно* материальная... Пойми это!

Письмо твое от 17-го марта я и не знаю, как назвать: скажу только, что оно очень меня поразило и имеет, замечу в скобках, начатки разложения нашей немноголетней дружбы. Ты пишешь в нем очень много глупого, сомневаешься во мне, в нашей дружбе, предполагаешь мое будущее «затишье»... Начну с начала твоего письма. Ты советуешь мне «не опускаться, не пьянствовать»... Ты, вероятно, помнишь во мне прежнего Кудрявцева, бесшабашного мальчишку. Я писал тебе и раньше, что я *переменился*. Смерть отца на меня сильно подействовала, и я, пожалуй, согласен, что «несчастья исправляют человека». С отъезда моего из Нижнего я не выпил *ни одной* рюмки вина, даю в этом *честное слово*. Успокоился ли ты теперь или не веришь? Как хочешь, для меня это решительно все равно; двадцать раз писать об одном и том же – мне ужасно надоедает. Ты просишь «ради Бога» не считать тебя наивным мальчиком. Нет, воля твоя, а я тебя еще долго буду считать этим garçon naif. Тебе еще только *кажется*, что – бедность и «заедающая среда» не составляет неодолимых препятствий... Вспомни хоть наших поэтов: Грибоедова, Никитина, Кольцова... Ломоносовых у нас, да и везде, мало. Я вовсе не отчаиваюсь в своем положении и знаю, что я *могу* уйти дальше писаря... и *уйду*. Что же касается до моего «затишья», то я (извини) плюю на все это место твоего письма и никогда бы не поверил до сих пор, чтобы *ты это* мог написать, *ты*, мой *друг*! Ты, следовательно, меня *ни капли* не знаешь, если «боишься, сильно боишься», что, чрез $1^1/_2$ года, моя жизнь будет похожа на «прозябание растения»! Эх, Вася, Вася! ты до глубины души *оскорбил* меня этим предположением...

Твердого характера, как ты понимаешь это слово, у тебя гораздо меньше моего; я это мог лучше увидеть в тебе «со стороны»; я вспыльчив, горяч, самонадеянно-хвастлив, но самообладание у меня есть, никогда его не «недоставало». Ты с своими философскими размышлениями зашел слишком далеко... Ты становишься чуть ли не педантом, метишь в мои менторы-покровители... Но чтобы не раздражаться более, перестану обо всем этом упоминать. Что́ тебе сказать о твоем плане поступления моего в университет? Одна наивность, восторженность, глубокомысленные советы, а в конце концов – мыльный пузырь. Употреблять годы на приобретение учебников, по меньшей мере, странно: в 12 рублях мать мне не откажет, особенно на такое дело; «не жалеть себя» для приобретения аттестата зрелости – глупо. Прочти программы: можно поступить вольнослушателем и выдержать экзамен во 2-й курс. И прочее – всё в этом роде. Этот план мне не нравится, если хочешь – напиши другой. Удивил ты меня также своим намеком на Никол. Васил. Неужели он, в самом деле, «*попрекает*» тебя хлебом? Не верится что-то, Вася; насколько я знаю твоего брата, он, мне кажется, не способен на это. Сделай милость, исполни обещание, опиши тайну своего детства.

Теперь я сообщу тебе кое-что из моей жизни. Февраль месяц я прослужил в гор. Алатыре Симб. г., у тамошнего купца Попова, в качестве помощника конторщика. Жалованье было положено в 180 руб. в год. Я было обрадовался этому плохенькому местечку, во-первых, потому, что обстановка и занятия гораздо лучше, чем было у станового пристава; во-вторых – мать весной хочет туда переехать в свой дом: нам было бы хорошо жить вместе. Но обстоятельства сделали иначе... И вот я опять сижу здесь, жду у моря погоды. Подыскиваю, расспрашиваю, узнаю места и людей, но места еще не нашел. Впрочем, золотое время даром не теряю: выписал из Москвы учебник франц. яз. и ревностно им занимаюсь, просиживаю над ним целые дни, всё свободное время. «Ты всегда слишком скоро осваивался со всяким положением», – пишешь ты мне; без этого похвального качества, отвечаю я, нельзя пробыть неделю на тех местах, где я служил. Нет, Вася, нет; пойми ты, пожалуйста, что все хорошие инстинкты, все лучшие чувства и мысли нужно скрывать под холодною наружною маскою в обществе тупоразвитом и малообразованном! От этого я скоро со всем и сживаюсь или, лучше сказать, привыкаю, хотя в душе я презираю весь состав их жизни, осмеиваю их чувства и их предрассудки. В своей семье меня прозвали безбожником и нигилистом (как залетело сюда это слово?), потому что я тут не стесняюсь и громко выражаю то, что́ чувствую. Но какая же здесь скука, мой милый, особенно в этот паршивый великий пост! Хотя я дома сижу мало – все езжу по делам матери. *Книг нет!* Ужасные слова, не правда ли? Другой раз я света не вижу от тоски и скуки, от мучительных дрязг и мелочей семейных. Возьму и засяду на целые дни за учебник Оллендорфа... Всего в письме не напишешь, а перебирать мельком отдельные случаи не стоит; а я все еще надеюсь побывать в Нижнем, на пути в Москву... Даже газет я вот уже месяца с два не видал; дядя перестал выписывать: говорит, что дорого 8 руб. за «Русск. Вед.», а дешевенькой еще не подыскал...

Что ты ничего не напишешь о своем учении, о своих посторонних занятиях, о своем чтении? Неужто ты не в состоянии добыть себе гривенник другим путем, а не путем попрошайничества? Карпов еще в 4 кл., живя на братской квартире, секретно давал уроки и зарабатывал копейку; я секретно от отца давал уроки, квартирная хозяйка даже не знала об этом. А ты в 6 кл. и... где же твоя сила характера, твой гениальный ум? Между тем копейка необходима... хоть бы на то, чтоб поскорее ответить другу. Что́ Остафьев в куртке кадета? А Маринин все поглощает писаревщину и К°? Пиши по *старому* адресу и поскорее, если хочешь, чтоб твое письмо меня застало; я живу как на бивуаках – сегодня здесь, чрез неделю в другом месте.

Прощай, мой милый Вася! Верь, что твой приятель «не затихнет», верь, что он тебя любит по-прежнему. А propos – поздравляю с праздником и целую: «Неужели **Христос Воскрес**?»*.

Твой друг К. Кудрявцев.

P. S. Кнушевицкому вторичный поклон и более низкий. Что́ Силин, ходишь ты к нему?

* Вероятно – целу́ю (эту строку в твоем письме): «Неужели» и пр.

VI

Господину
Василию Васильевичу
Розанову
Отд. Д. П.

Алатырь, 23 сентября 1875 г.

Дорогой, милый и добрый Вася!

Извини меня, двадцать миллионов раз извини, что я не писал до сих пор. Прощаешь, что ли? А?

Но даю слово, при первой возможности настрочить письмо «огромной дистанции». И в этом письме сообщу тебе все, все, все мои треволнения и неудачи... А теперь извини, брат, положительно некогда. Пожалуйста, пиши, если хочешь утешить бедного товарища и друга.

Живу скверно и гадко!

Целую тебя и жму руку.

Твой друг
Конст. Кудрявцев.

Миленький Вася, пиши *по адресу*:
г. Алатырь, Симбир. губ.
Стрелецкий переулок, д. Промзинкина.

К. К.

VII

Алатырь, 16 мая 76 г.

Милый и дорогой друг Вася!

Ты, чай, совсем махнул рукой на своего верного друга, Костьку Кудрявцева, и думаешь, что он или сгиб, или пропал без вести, или забыл Розанова... Прости меня, товарищ Вася, и верь, что, как бы далеко меня ни забросила лиходейка судьба, как бы долго я не писал тебе, – я всегда-всегда буду помнить о той беззавстно-искренней дружбе, о тех всселых днях и вечерах, когда мы толковали с тобой о том, о сем, почти свято веровали в нашу будущность, строили всевозможные планы... Куда это девалось? Ах, Вася, я бы расцеловал тебя так, как жених не целует любимую невесту, если бы я мог увидаться с тобой!

Итак, ты прощаешь меня? Порасскажем о себе. Я, право, не знаю – с чего начать. Скажу о самом главном: теперь я готовлюсь держать экзамен... ты думаешь куда? - в уездные учителя, мой голубчик! Мой специальный предмет – история и география. И вот чем оканчиваются мои мечты об

университете! Но это, – пойми, дружочек Вася, – еще лучший конец. Дурак я, что раньше не подумал об этом... Разве лучше быть каким-нибудь конторщиком или прикащиком, хотя там иногда и больше жалованье? Чорт их дери, эти места. Знаю я их. Теперь же, если я выдержу экзамен, ничего не может быть лучше: в здешнем городе открывается с будущего года вакансия именно на учителя истории и географии, – и я думаю попасть сюда, чтобы не разлучаться с семейством и матерью. Держать экзамен я буду в сентябре, в Казани. Экзамен довольно трудный, так как по главным предметам, т. е. истории и географии, требуется знание полного гимназического курса, а я что́ знал – половину забыл, остальное же, напр. новую историю, и не учил никогда. Если же выдержу на уездн. учителя, то чем чорт не шутит – впоследствии могу держать и на учителя гимназии... Так-то, мой милый Васинька, вот чем я теперь занимаюсь и о чем думаю. История и география были всегда мои любимые предметы. Что сказать еще? Я целую зиму проездил по делам матери и очень мало был дома; даже готовиться только начал с конца апреля. Брат живет конторщиком в одном из имений кн. Енгалычева. Остальные братья и сестры живут при нас с мамашей; трое из них учатся в 1-м кл. уездн. уч. Читаю я, по-прежнему, много; беру книги из училищной библиотеки. Остальных развлечений никаких, хотя, напр., и достал ружье, но ни разу еще не ходил.

Извини, что мало пишу: теперь, право, некогда – я только напоминаю о себе, а то и ты, пожалуй, забудешь

друга твоего *К.Кудрявцева.*

Адрес: Алатырь, Симбир. губ., Стрелецкая ул., собственный дом.

Кланяйся всем, кто еще помнит меня.

VIII

Алатырь,
17 августа 76 г.

Мой милый, милый
Вася!

Сейчас, сию минуту получил твое милое письмо и карточку! Немедленно сажусь отвечать... Ах, если б ты видел меня в ту минуту, когда из конверта выпала твоя карточка!.. Я положительно был вне себя от радости, прыгал, бегал по комнате и даже (ты ведь знаешь мою глупую натуру) заплакал. Моя бедная мамаша, сидевшая в этой же комнате, положительно недоумевала – чему это я так разъезжаюсь? и, вероятно, серьезно опасалась за мои мозги... Благодарю тебя, Васинька, бесконечно благодарю за присылку своего портрета; сам я, как только снимусь, – сейчас же вышлю тебе, мой дорогой, свою... Ты пишешь, что «рад бы увидать меня хотя на карточке», – теперь мне понятно твое желание по опыту, и я постараюсь как можно скорее исполнить его.

Я не знаю, от кого ты слышал подобные рассуждения об уездных учителях: оне с начала до конца неверны... Дело вот в чем: о преобразовании уездн. училищ возбужден был вопрос уже давно, и, по проэктам, действительно будут учреждены 4-х-классные город. училища. Действительно, для приготовления новых учителей основаны Учител. Институты (напр., в Казани), но чтобы уездн. учителя опасались за свои места – враки. Эта реформа, как и все реформы, не может произойти так быстро, а должна вводиться постепенно. Теперешние учителя будут командированы по очереди на 1 год в эти Институты; закрыть уездн. училища, понятно, нельзя, и учителя, побывавшие в институте, останутся на прежних местах. Все это я узнал от здешнего учителя математики Стефановича, который уже лет 9 учит здесь и теперь ждет командировки... В прошлом году выдержал экзамен на учителя русск. яз. один здешний молодой человек и теперь служит тоже здесь. В нашем училище имеется вакансия также на учителя истории и географии, на которую мне теперь и хочется попасть. Если я выдержу экзамен, то вместо того, чтобы идти куда-нибудь на место, могу прямо поступить в Уч. Инст.; но гораздо, по-моему, практичнее сперва поступить на место и, проучивши там известное время, ехать по командировке в Инст., так как в этом случае я сохраняю свое жалованье и, кроме того, получаю 150 р. каких-то подъемных. Держать экзамен я думаю, как я тебе уже, кажется, писал, в нынешн. сентябре, но в настоящее время у меня сильно болят глаза (по увер. доктора, золотушное воспаление), так что мне нельзя, да и запрещено, читать, – и это письмо я пишу с большим трудом. Болезнь глаз, если скоро не пройдет, может отсрочить экзамен на неопределеннос время, а это для меня весьма скверно и гадко...

Я беспрестанно отрываюсь от письма, потому что утомляю глаза (или лучше – глаз, так как другой завязан). Свои глаза я в особенности испортил в последнее время усиленным чтением; целое лето и весну я по целым дням сидел за книгами, редко выходил из дому и ничего почти, кроме учебников да газет, интересных (ты следишь?) по настоящей борьбе славян с турками.

Теперь давай, Вася, потолкуем как следует – искренно, по-братски, как говорят друзья и как говорили мы когда-то с тобой (где они, эти золотые дни)? Конец твоего письма опять смахивает на прошлогодние письма. Что с тобой, Вася, в самом деле? В средине письма ты иронически намекаешь о настроении своего духа в прошлом году, а теперь – опять за то же... Разве quasi-вдовушка уехала из Нижнего? или твоя симпатичная amante* изменила тебе, что люди опять начинают казаться тебе «копошащимися» червяками, и собственное твос *я* чуть-чуть не разлетается мыльным пузырем? Не подумай, милый Вася, что я смеюсь над тобой, но мне, *честное слово*, самому до крайности жалко тебя и горько за состояние твоего духа... Как выйти из этой беды-печали? Ты пробовал развлечься – ну, и сознайся, ведь тогда не находили на тебя такие мрачные и скверные думы, такие минуты тоски и разочарования, как теперь? Да? Так слушай же, Вася, - неужели нельзя тебе как-нибудь

---

* Должно быть, - роман с Юльсй (см. «Уед.») – учительницею музыки. Но это был прекраснейший роман, ни от кого не скрытый. Я был в VII кл. гимназии. Мы чудно читали с нею Монтескьё, Бентама, и немного шалили. Она была чистейшая девушка 19 л., мне было 18.

соединить развлечения с умной, рабочей жизнью, твое прелестное веселье с серьезными занятиями? Я говорю – прелестное веселье, потому что знакомство с умной, образованной девушкой, вечерние разговоры, беседы têtе à têtе, да еще сходство характеров, – да это просто великолепие! Твой покорный слуга, «старый товарищ», как ты пишешь, ни разу в жизни не испытал такого удовольствия... Здесь, в Алатыре, я не знаком ни с одной девушкой, не говоря уже с образованной, а просто – мало-мальски симпатичной... А мои прежние знакомства в Нижнем? Ты, чай, знаешь о них: вспомнить гадко.

О твоих развлечениях я мельком узнал из письма Силина, который сообщал со свойственной ему глупостью и идиотским педантизмом, что ты пустился во все тяжкие, никуда не ходишь, а если тебя и видят, то только, дескать, в известных домах, которые населяют презренные девы или «исчадия духа злого»... (так и написал последние слова в кавычках; откуда это он взял?). Не помню, где его письмо, а разыскивать лень, но в общих чертах я пересказываю его слова верно*. Но я очень усомнился его сообщению, особенно последнему, и, как помнится, послал к тебе письмо с запросом. Кстати, о Силине: он, кажись, совсем из ума выживает, пишет корреспонденции (где и какой дурацкий журнал их помещает?), драмы (вот, чай, потеха-то!), и, даже, стихотворения... Одно из последних он прислал мне, как, дескать, писанное экспромтом, в минуту такую-то... и проч., и просил написать ему мое мнение... Умора просто; я, пожалуй, пришлю стихи.

Я очень рад за тебя, что ты вышел из обычной колеи своей жизни (как помню я ее)... Кстати, милый мой, отчего ты так мало пишешь о своих прекрасных знакомках? (даже *г-жа N* написал!). Я надеюсь, что это не секрет, тем более для меня: так как я верю, что ты меня любишь братски и друг мой *навсегда*... В следующем письме, которое ты, по моему примеру, пиши сейчас же по получении моего, – и которое ты сам обещаешь *длинным*, – ты, пожалуйста, напиши обо всем этом подробно, а также и об общих знакомых товарищах (все как-то интересно слышать о них что-нибудь). Меня же, мой милый и хороший Вася, ты извини: это письмо я пишу положительно больной и чрез силу, – и пишу, что́ вздумается, нимало не заботясь о порядке и последовательности; пишу потому, что ты просишь поскорее отвечать и в благодарность за присылку карточки.

Если я выдержу экзамен и останусь учителем здесь, то не на Рождестве, так в летнюю вакацию, на будущий 77 г., *непременно* побываю у тебя, в Нижнем, собственно, для того, чтобы повидаться с тобой и развлечься (как ты же) от утомительного однообразия и скучнейшего монотонного прозябания, здешней отвратительной жизни!.. Если бы ты видел глупые хари моих знакомых, если бы ты слышал их разговоры, если бы ты рассмотрел их пошленькую, мелочную – до омерзения – жизнь... да еще если бы тебе привелось, как мне, почти постоянно видеть их и жить с ними, – ты бы затосковал и замучился еще более, так как натура у тебя впечатлительнее и свежее моей!..

Кстати, Вася, если ты так желал меня видеть, как пишешь, ты бы сделал вот что: во время ваката улучил бы недельку-другую, да и махнул бы ко мне!

---

* В домах «с исчадиями» я ни разу гимназистом не был, и раза 2 был с товарищами-студентами («в компании»), но оставаясь в гостиной и следя за танцами.

Суди сам: ты пишешь, что у тебя были деньги (даже *много*), а проезд от Нижнего до Васильсурка на Самолете стоит пустяков, а от В. Сурска, крайнего пункта у устьев р. Суры, до Алатыря ходит и до сих пор пароход, на котором ты преблагополучно доехал бы чуть не до моей квартиры, заплатив за это удовольствие 3 р. 50 к. Не правда ли, – отлично бы?! Весь проезд тебе стоил бы много-много 10 р., зато провел бы великолепную неделю у меня... Дурак я, тысячу раз дурак, что во́время не уведомил тебя об этом, а то, может быть, и соблазнил бы тебя. Что ты скажешь относительно этого?

Утром, 18-го.

Много я тебе, мой любезный Вася, наскрипсил, и все-таки еще много хочется поведать тебе и о себе, и о своих мыслях... Но я так думаю, что сколько ни пиши, а все найдется, что́ сказать, сколько ни старайся яснее и подробнее сообщать в письмах, а все при личном разговоре, в 5 минут, расскажешь и поймешь друг друга в миллион раз лучше, чем в наидлиннейшем письме. Не так ли?

Хотелось бы мне утешить тебя как-нибудь, развлечь чем ни на есть... но ты, чай, помнишь знаменитое изречение: «Врач! исцелися сам!». Я почти все нынешнее лето находился в таком же сквернейшем настроении духа и забывался только за приготовлениями к экзамену, в чаянии хоть на иоту изменить свою жизнь... Одно могу сказать тебе, Вася, что «от скуки не умирают», как гласит мудрая пословица. От скуки или *сплина*, как известно, стреляются только сыны туманного Альбиона; и то, как говорят путешественники, этому способствует природа их страны...

В минуты, особенно для тебя мучительные и невыносимые, ты, мой милый друг, бери листок бумаги и пиши ко мне: все легче будет на душе, право, когда изложишь свою тоску в письме к другу; тогда половина горя и все муки как будто свалятся с плеч, если знаешь, что есть где-то человек, сочувствующий тебе и понимающий тебя... Верно ли? Если и это не поможет, неужели ты не придумаешь, как развлечься? Иди гулять, – не хочется – отправляйся к товарищам, – скучно – ступай хоть в театр, – и это не весело – то забегай хоть к г-же N... Да мало ли чем можно забыться. Неужто ты, Вася, так пресыщен жизнью и так сильна твоя тоска?

Еще раз прошу и прошу тебя писать мне тотчас же, а я в следующий раз (глаза, может, пройдут) напишу о себе поподробнее.

Благодарю и благодарю искренно и горячо за карточку! Целую тебя и жму крепко руку.

Весь твой *К. Кудрявцев.*

IX

4 октября 76 г.
Алатырь.

Вот когда я собрался ответить тебе, дорогой мой Вася, на твое последнее письмо, полученное мною назад тому слишком месяц! Не брани меня, Христа ради, что долго не писал... И теперь я пишу через силу, опять только одним глазом, – еле различаю строчки и буквы... Глаз (и опять левый) разбо-

лелся до того, что я – честное слово – сомневаюсь в благополучном исходе болезни, да и сам доктор говорит, что «плохо». Теперь, впрочем, немного лучше, т. е. краснота яблока и воспаление уменьшается, но на самом зрачке появились какие-то белые пятна... Однако я о своем глазе расписался слишком много, но ведь ты знаешь, Вася пословицу – «что́ у кого болит, тот про то́ и говорит». И ведь надо же было ему заболеть именно в то время, когда я совсем был готов подать прошение!.. В последнем письме ты, Вася, думаешь, что я поеду в Казань держать экзамен; теперь оказывается, что можно и здесь. С августа м-ца здесь открылась 4-х-классная классическая прогимназия, где я и думаю держать экзамен. Если бы не заболел глаз, я уже давно бы сдавал экзамен, а теперь приходится сидеть, сидеть... И какая скука, милый Вася, сидеть! Делать ничего нельзя, выйти тоже... Да еще прескверная, преотвратительная мысль – что того и гляди окривеешь, так вот и гложет душу! В голове еще беспрестанно вертится этот экзамен... Ей-Богу, чорт знает, куда бы я ни делся в эту минуту... Ну, а ты что, Вася? Пиши, пиши ко мне, пожалуйста, поскорее и побольше! Прости, что я не могу поговорить теперь с тобою толком и ответить дельно на твои последние, милые, дружеские письма... Поверь, Вася, что, право, мне нельзя много ни читать, ни писать: еще, пожалуй, и последний глаз свернется с панталыку...

Целую тебя и жму крепко твою руку.

Друг твой *Кудрявцев.*

X

Алатырь, 26 февраля 1877 г.

Милый мой и дорогой Вася!

Я – хоть убей – не знаю, с чего начать это письмо... Хотелось бы, прежде всего, броситься к тебе на шею, расцеловать тебя, крепко, крепко поцеловать! Хочется также и извиниться пред тобой, попросить прощения за мое невообразимое «окаянство», за долгое, почти полгодовое молчание... Наконец, на твое последнее письмо я ровно месяц не отвечал! Чорт знает, что такое! Ты имеешь полное право сердиться на меня, кричать, топать ногами, ругать, а я, презренная, рассеянная и ленивая скотина, молча и поникнув головой, опустив долу свои карие очи, буду выслушивать эти справедливые и горькие упреки... Прости меня, мой друг Вася! А чтобы ты не сердился – я даю тебе честное слово прислать до Пасхи *еще два письма,* если ты даже не сочтешь нужным (чего я, впрочем, не думаю) отвечать мне...

Нужно ли говорить, что ты меня обрадовал своим письмом, дорогой Вася, хотя – не сердись, пожалуйста – больше половины его занято описанием (которое мне, впрочем, очень полезно для знакомства с домашней обстановкой этого нового мужа-хозяина и дилетанта-писателя) твоего визита к Силину. Благодарю тебя за искреннее поздравление с получением диплома учителя, благодарю и искренне верю, что ты рад за меня. Диплом-то я получил, да места мне еще покуда нигде не вышло. Видишь, в чем дело: я тебе уж,

кажется, писал, что здесь есть, или была теперь, вакансия в уезд. учил. на должность учителя истор. и геогр. Мне и хотелось занять ее, но или мое прошение опоздало, или почему-либо другому, только сюда назначен другой, а я опять сижу у моря... Назначен, да еще вдобавок с правом через год еще только держать экзамен на учителя, а я совсем выдержавший... Не подло ли и не досадно ли? Теперь если и дадут скоро место, так где-нибудь в Царевококшайске, напр.; есть, впрочем, надежда, что этот вновь присланный учитель не выдержит экзамена – и тогда я займу его место, или, может быть, он согласится поменяться со мной... А то, право, милый Вася, ужасно надоело быть без дела и без... своих денег, хоть и маленьких. Для меня решительно все равно, положим, куда меня ни посылай, в Астрахань или Сарапул (оба Казанск. округа), да и бедная моя мать грустит, что расстанется со мной, как я ее ни уговариваю.

Ты спрашиваешь, Вася, что я поделываю? О, мой дорогой друг и приятель, лучше бы тебе и не спрашивать! Ты ужаснешься всем безобразиям, какие творил твой закадыка, Кудрявцев, начиная с Рождества и кончая... чорт знает, когда кончу. Ты ведь знаешь, что я почти 5 месяцев просидел дома, занятый приготовлениями к экзамену и больной глазами; а как сдал все эти разные испытания благополучно – и пошла писать! С цепи сорвался! Знакомых много, дела нет, развлечься хочется, скучно, а тут приспели бешеные святки, – немудрено, как хочешь, Вася, что я свихнулся... Попойки (с разными жженками и пуншами), танцы, вечера с масками (какие у меня были костюмы! умопомрачение!), катанья на тройках, наконец – картишки вплоть до рассвета (много выиграл и много продул) и живые камелии в 30° мороза... – вот тебе яркая картина моей жизни в последнис 2–3 месяца. Теперь буря стала утихать, но все я еще часто хожу по гостям и нередко ворочаюсь домой «так поздно, что – ей-Богу – очень рано!..». Рядом со всеми этими оргиями, которые тоже надоедают, я читаю Костомарова и Шлоссера, Мордовцева и Тьери, Соловьёва и проч. Прочел недавно всего Геттнера, который достал из прогимназической библиотеки. (Помнишь, вместе еще читали!). Читаю толстые журналы последних лет и пожираю газеты; только не могу достать «Нови», никак и нигде... Навряд ли в Алатыре выписывается экземпляра с 2 «Вестн. Евр.». Я горячо желаю войны с Турцией, боюсь только... ты, чай подумал: «Ну, и он эскадронов боится!». Нет. Я боюсь того, – найдутся ли у нас новые Румянцевы и Суворовы, знатно колотившие турок, и не будет ли, – чем чорт не шутит? – какого-нибудь своего Базена... Впрочем, анархия в Турции достигла до nec plus ultra*, и если уж Черняев с своими добровольцами и сербскими пресловутыми войсками стоял против турок и даже поколачивал их, – так перед нашими войсками, я надеюсь, они непременно покажут пятки и растеряют туфли...

В твоем письме, милый Вася, есть странное место: ты намекаешь на мое письмо к Силину и говоришь, т. е. двумя словами его характеризуешь, что «написано очень дружественно, не хуже, чем мне, и не меньше...». Послушай, Вася: неужели ты до сих пор не уверен в моей дружбе, неужели ты

---

* Дальше некуда *(лат.)*.

думаешь, что я больше дружен с Силиным?! Я пишу Силину обыкновенно редко и помалу; он же часто громит меня своими объемистыми письмами, настоящими папирусами или фолиантами, и в каждом из них последняя страница занята просьбами как можно больше, больше писать... Одних восклицательных знаков у него не пересчитаешь. Действительно, последний раз я был глубоко изумлен его женитьбой и спрашивал его о ней, потом высказал свой взгляд на его занятия литературой. И только. Ты, пожалуйста, успокойся, Вася; я всегда считал тебя не только выше Силина, но выше 20, 30 подобных ему, и с тех пор, как знаком с тобой, был твоим истинным другом.

Конст. Кудрявцев.

Пиши мне, будь так добр, пожалуйста, поскорее; как только получу письмо, *сейчас* буду тебе отвечать. Что ты ничего не черкнешь об Алексеевском, Ешинском – когда-то общих товарищах? Что поделывают г-жи Каменская и Поддубенская? Напиши.

Прощай, будь здоров.

Целую тебя. – *К. К.*

XI

Алатырь, 5-го апреля 1877 г.

Милый друг Вася!

Что это за «окаянство» с твоей стороны? Неужели ты не получил моего письма перед Страстной неделей, в котором я еще обещался писать тебе почаще? Разве ты болен или слишком занят, что не найдешь времени черкнуть мне? Отвечай мне, пожалуйста; я так давно ничего от тебя не слыхал. Я даже и не буду сердиться, если вскоре получу от тебя письмо... толстое, понятно.

О себе ничего нового сказать не могу: все то же, все старое. Места мне еще не вышло, дела поэтому у меня ровно никакого... Хочу заняться математикой и – чорт их дери – классиками... Буду готовиться держать испытание зрелости; чем чорт не шутит, – может быть, и вывезет!

Читаю, по обыкновению и по-прежнему, много и, тоже по обыкновению, почти без разбора: все, что попадется. Отдаю, положим, преимущество историческим сочинениям и... беллетристике, по обыкновению.

На праздниках (кстати – христосуюсь и поздравляю с прошедшим), впрочем, ничего не читал, «потому, значит, гуляли»...

Из журналов читаю «От. Зап.», «Древнюю и нов. Россию», «Русск. Стар.» и, кроме газет, только «Нови» никак еще не могу достать.

Жаль, право, что я здесь не остался учителем: я бы, непременно, приехал к тебе летом. А теперь, чертовщина такая, – сидишь без гроша... и уж тут не до поездки в Нижний. Впрочем, если назначат куда-нибудь по Волге, я бы еще заехал, дал бы крюку, да навряд ли...

Извини, что мало пишу: тороплюсь, да и устал – накопилось много писем, а я, кстати, и вздумал напомнить тебе о себе. Я не буду просить тебя еще раз *писать:* полагаю, – сам «восчувствусшь» эту потребность...

Здоров ли ты, в самом деле? Не посещает ли тебя по-прежнему знаменитая перемежающаяся лихорадка? Прощай. Крепко целую и жму руку.

Твой друг

К.Кудрявцев.

XII

Милый мой друг,

Вася!

Что с тобой сделалось, что ты не отвечаешь на мои письма? Вероятно, ты их или не получаешь, или тебя нет в Нижнем? Наконец, не болен ли ты, что не имеешь возможности писать??..

Я тебе послал два или три письма, а ты все молчишь и молчишь... Какая этому причина? Не мучь меня, Христа ради, и отвечай хоть двумя-тремя словами, только ответь. Я ничего не знаю о тебе – Аллах ведает, с коих пор – целую вечность, одним словом... И ты ни одним словом не известишь о себе старого друга и приятеля?!? Или, может быть, ты забыл о нем?.. Мне будет очень и очень грустно!

Я спрашивал о тебе даже Силина (впрочем, и некого больше); но тот остолоп тоже ничего не узнал или не хотел узнавать... Итак, если у тебя еще не совсем испарилась дружба ко мне и осталась хоть крошечка участия, – ты мне ответишь? Ведь *да*? И, пожалуйста, – как только получишь это письмо. Пожалуйста!

Если ты скоро напишешь мне, я буду отвечать более длинным и подробным письмом, теперь же извини за краткость.

Я все еще сверхштатный учитель и библиотекарь здешнего уездного училища. Вакантного места мне не вышло. Впрочем, я имею надежду остаться здесь: хочу заняться преподаванием русского языка. Придется опять держать экзамен... Подробности после.

Читаю много, жадно слежу за военными событиями, занимаюсь французским языком, купаюсь и гуляю по берегам Суры... Вот что я теперь делаю. Чтение и гулянье надоедают; «скучно и грустно» чаще, чем весело; досадно и тошно бывает иногда... Все учителя и немногие знакомые разъехались, кто в отпуск, кто в деревню, а без них мне Алатырь кажется еще томительнее и однообразнее... особенно в такую африканскую жару, какая стоит теперь.

Крепко жму руку и целую тебя, милый Вася! Неужели ты опять мне не ответишь? Прощай!

Твой друг

К.Кудрявцев.
Алатырь,
6 июля 1877 г.

P. S. Как сошли у тебя экзамены? Боюсь, что ты живешь с братом на даче, и это письмо долго пролежит в гимназии... а я буду «безутешно ждать» ответа.

Есть еще письмо: немного неприличное. Я его сохранил ради «смехотворности»:

Я, Василий Розанов, должен получить от Владимира Алексеевского аммонит* 1 января 1874 г. Чтобы получить его, я отдаю ему право на мою горничную, мисс Кетти. Если он и не будет имсть успеха, то, и в таком случае, аммонит переходит в мою коллекцию.

К этому заявлению руку приложили

В. Розанов.
Владимир Алексеевский.
Свидетель *К. Кудрявцев.*

1873 г. 13 декабря.

А может быть, ты, Костя, жив: тогда откликнись – Петроград, Коломенская, 33, кв. 21.

Русское хвастовство, прикинувшееся добродетелью, и русская лень, собравшаяся «перевернуть мир»... – вот революция.

(за занятиями)

Отвращение, отвращение от людей... от самого *состава человека*... Боже! с какой бесконечной любви к нему я начинал (гимназия, университет).

Отчего это? Неужели это *правда.*

Торчит пень. А была такая чудная латания. 13 рублей.

Так и мы...

И вся история – голое поле с торчащими пнями.

(купил за 13 с кадкой и жестяным листом на Сенной; оценивали гости в 30 р.; два года прожила; утешала глаз; на 3-й стала чахнуть, и в сентябре, у швейцара на «прилавочке», – огромная кадка и страшный пень в ней)

---

* Аммонит, – ammonites, – прелестный, золотистый, небольшой: предмет моего «соблазна»... В гимназии я собрал прекрасную коллекцию «ископаемых»: этот аммонит был лучшим если не по значительности и интересу, то по красоте – украшением всего собрания; также я собрал и прекрасную коллекцию минералов и руд, – копаясь в Кокшарове («Кристаллография», – лекции), проф. Еремееве (литограф. курс лекций). Ляйэле и Море.

Вполне ли искренне («Уед.»), что я так не желаю славы? Иногда сомневаюсь. Но когда думаю о *боли* людей – вполне искренне.

«Слава» и «знаменитость» какое-то бланманже на жизнь; когда сыт всем – «давай и этого». Но едва занозил палец, как кричишь: «Никакой славы не хочу». Во всяком случае, это-то уже справедливо, что к славе могут стремиться только пустые люди. И итог: *насколько* я желаю славы – я *ничто*. И, конечно, человечество может поступить тут «в пику». Т. е. плевать «во все лопатки».

«Анунциата была высока ростом и бела, как мрамор» (Гоголь) – такие слова мог сказать только человек, не взглянувший ни на какую женщину, хоть «с каким-нибудь интересом».

~

Интересна половая загадка Гоголя. Ни в каком случае она не заключалась в он..... как все предполагают (разговоры). Но в чем? Он, бесспорно, «не знал женщины», т. е. у него не было физиологического аппетита к ней. Что́ же было? Поразительна яркость кисти везде, где он говорит о покойниках. «Красавица (колдунья) в гробу» – как сейчас видишь. «Мертвецы, поднимающиеся из могил», которых видят Бурульбаш с Катериною, проезжая на лодке мимо кладбища, – поразительны. То же – *утопленница* Ганна. Везде покойник у него живет удвоенною жизнью, покойник – нигде не «мертв», тогда как живые люди удивительно мертвы. Это – куклы, схемы, аллегории пороков. Напротив, покойники – и Ганна, и колдунья – прекрасны, и *индивидуально интересны*. Это «уж не Собакевич-с». Я и думаю, что половая тайна Гоголя находилась где-то тут, в «прекрасном упокойном мире», – по слову Евангелия: «где будет *сокровище* ваше – там и *душа ваша*». Поразительно, что ведь ни одного мужского покойника он не описал, точно мужчины не умирают. Но они, конечно, умирают, а только Гоголь нисколько ими не интересовался. Он вывел целый пансион покойниц, – и не старух (ни одной), а все молоденьких и хорошеньких. Бурульбаш сказал бы: «Вишь, турецкая душа, чего захотел». И перекрестился бы.

Кстати, я как-то не умею представить себе, чтобы Гоголь «перекрестился». Путешествовал в Палестину – да, был ханжою – да. Но перекреститься не мог. И просто смешно бы вышло. «Гоголь крестится» – точно медведь в менуэте.

Животных тоже он нигде не описывает, кроме быков, разбодавших поляков (под Дубно). Имя собаки, я не знаю, попадается ли у него. Замечательно, что нравственный идеал – Уленька – похожа на покойницу. Бледна, прозрачна, почти не говорит, и только плачет. «Точно ее вытащили из воды», а она взяла да (для удовольствия Гоголя) и ожила, но самая жизнь проявилась в прелести капающих слез, напоминающих, как каплет вода с утопленницы, вытащенной и поставленной на ноги.

Бездонная глубина и загадка.

(когда болел живот. В саду)

Боже Вечный, стой около меня.
Никогда от меня не отходи.

(часто) (чтобы не грешить)

Какого бы влияния я хотел писательством? Унежить душу.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

– А «убеждения».
Ровно наплевать.

Благородный ли я писатель?

Конечно, я не написал бы ни одной статьи (для денег – да), т. е. не написал бы «от души», если бы не был в этом уверен.

А ложь? Разврат («поощряю»)? Нередкая злоба (больше притворная)?

Как сочетать? согласить? примирить?

Не знаю. Только этот напор в душе убеждения, что *у меня* это – благородно.

Почему же? Какие аргументы? – «на суде ничего не принимается без доказательств»?

Да, – а *что такое* неблагородное?

«Подделывался».

Но ни к кому не подделывался.

«Льстил».

Но никому не льстил.

«Писал против своего убеждения».

Никогда.

Если я писал с «хочется» (мнимый «разврат»), то́ ведь что́ же мне делать, если мне «хотелось»?

Не потащите же вы корову на виселицу за то, что ей «хотелось».

И если «лгал» (хотя определенно не помню), то просто в то время не хотел говорить правды, ну – «не хочу и не хочу».

Это – дурно.

Не очень и даже совсем не дурно. «Не хочу говорить правды». Что вы за дураки, что не умеете отличить правды от лжи; почему я для вас должен трудиться?

Да и то определенной лжи я совсем не помню.

Правда, я писал однодневно «черные» статьи с эс-эрными. И в обеих был убежден. Разве нет $^1/_{100}$ истины в революции? и $^1/_{100}$ истины в черносотенстве?

Но зачем в «правом» издании и в «левом»?

По убеждению, что правительство *и подумать не смеет* поступать по «правым» ли, по «левым» ли листкам. Мой лозунг: «Если бы я был Кое-кто, то́ приказал бы обо всем, не исключая «Правительственного Вестника»:

– В мой дом этих прокламаций не вносите.

Я бы уравнял «Русское Знамя» и какую-нибудь «Полярную Звезду».

– Этих прокламаций *мне* не надо.

Как сметь управлять «по 100 газетам», когда не *подали голоса* 100 000 000 людей (мужики, вообще *не* «имущие»)? не подали бабы? чистые сердцем гимна‹зи›сты?

Подали, извольте, «люди с пером».

Я бы им такое «чиханье» устроил, что не раскушались бы.

Правительство должно быть абсолютно свободно. И особенно – от гнета печати. Разумеется, в то же время оно должно быть чрезвычайно *строго к себе.*

Но – по *своему убеждению и своим принципам.*

А то:

– Баян говорит.

– Григорий Спиридоныч желает.

– Амфитеатров из-под Везувия фыркает.

Скажите, пожалуйста, какая «важность»? Как же им не фыркать, не желать и не говорить, когда есть чернильницы и их научили грамоте.

Не более я думал и о себе.

– Все это ерунда.

Это скромность. Именно, что я писал «во всех направлениях» (постоянно искренне, т. е. об $^1/_{1000}$ истины в каждом мнении мысли) – было в высшей степени прекрасно, как простое обозначение глубочайшего моего убеждения, что все это «вздор» и «никому не нужно»: правительству же (в душе моей) строжайше запрещено это слушать.

И еще одна хитрость или дальновидность – и, м. б., это лучше всего объяснит, что я *сам* считаю в себе притворством. Передам это шутя, как иногда люблю шутить в себе. Эта шутка, *действительно,* мелькала у меня в уме:

– Какое сходство между «Henri IV» и «Розановым»?

– Полное.

Henri IV в один день служил лютеранскую и католическую обедню, и за обеими крестился и наклонял голову. Но Шлоссер, но Чернышевский, не говоря о Добчинском-Бокле, все «химики и естествоиспытатели», все великие умы новой истории – согласно и без противоречий, дали хвалу Henri IV за то́, что он принес в жертву *устарелый* религиозный интерес новому *государственному* интересу, тем самым, по Дрэперу, «перейдя из века Чувства в век Разума». Ну, хорошо. Так все хвалили?

Вот и поклонитесь все «Розанову» за то, что он, так сказать, «расквасив» яйца разных курочек, – гусиное, утиное, воробьиное – кадетское, черносотенное, революционное, – выпустил их «на *одну* сковородку», чтобы нельзя было больше разобрать «правого» и «левого», «черного» и «белого» – *на том фоне, который по существу своему ложен и противен*... И сделал это с восклицанием:

– Со мною Бог.

Никому бы это не удалось. Или удалось бы притворно и *неудачно*. «Удача» моя заключается в том, что я *в самом деле* не умею здесь различать «черного» и «белого», но не по глупости или наивности, а что там, «где ангелы реют» – в самом деле, не видно, «что́ Гималаи, что́ Уральский хребет», где «Каспийское» и «Черное море»...

Даль. Бесконечная даль. Я же и сказал, что «весь ушел в мечту». Пусть это – мечта, т. е. призрак, «нет». Мне все равно. Я – *вижу* партии и *не вижу* их. Знаю, что – и *ложны* оне и что – истинны. «Прокламации».

«Век Разума» (мещанская добродетель) опять переходит в героический и святой «Век Порыва»: и как там на сгибе мелкий бес подсунул с насмешкой «Henri IV», который цинично, ради короны *себе*, на «золотую свою головку» – надсмеялся над верами, где страдали суровый Лютер и великий Григорий I (папа), – так послал Бог в этот другой сгиб человека, сердце которого так во всем перегорело, ум так истончился («О понимании») в анализе, что для него «все политические истины перемешались и переплелись в ткань, о которой он вполне знает, что она провиденциально должна быть сожжена».

У нас нет совсем *мечты своей родины*.

И на голом месте выросла космополитическая мечтательность.

У греков есть она. Была у римлян. У евреев есть.

У француза – «chére France», у англичан – «Старая Англия». У немцев – «наш старый Фриц».

Только у прошедшего русскую гимназию и университет – «проклятая Россия».

Как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристает к партии «ниспровержения государственного строя».

Щедрин смеялся над этим. «Девочка 16-ти лет задумала сокрушение государственного строя. Хи-хи-хи! Го-го-го!».

Но ведь Перовская почти 16-ти лет командовала 1-м марта. Да и сатирик отлично все это знал. – «Почитав у вас об отечестве, десятилетний полезет на́ стену».

У нас слово «отечество» узнается одновременно со словом «проклятие».

Посмотрите названия журналов: «Тарантул», «Оса». Целое издательство – «Скорпион». Еще какое-то среднеазиатское насекомое (был журнал). «Шиповник».

И все «жалят» Россию. «Как бы и куда ей запустить яда».

Дивиться ли, что она взбесилась.

~

И вот простая «История русского нигилизма».

~

Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол.

И в середине всех, распоясавшись, «сам русский» ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины.

(за шашками с детьми)

Я учился в Костромской гимназии, и в *1-м классе* мы учили: «Я *человек* хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра». Потом – позвонки.

Только доучившись *до VI класса,* я бы узнал, что «был Сусанин», какие-то стихи о котором мы (дома и на улице) распевали еще до поступления в гимназию:

«...не видно ни зги!»
...вскричали враги.

И сердце замирало от восторга о Сусанине, умирающем среди поляков.

Но до VI-го класса (т. е. в Костроме) я не доучился. И очень многие гимназисты до IV-го класса не доходят: все они знают, что у человека «32 позвонка», и не знают, как Сусанин спас царскую семью.

Потом Симбирская гимназия (II и III классы) – и я не знал ничего о Симбирске, о Волге (только учили – «3600 верст», да и это в IV классе). Не знал, куда и как протекает прелестная местная речка, любимица горожан – Свияга.

Потом Нижегородская гимназия. Там мне ставили двойки по латыни, и я увлекался Боклем! Даже странно было бы сравнивать «Минина и Пожарского» с Боклем: Бокль был подобен «по гордости и славе» с Вавилоном, а те, свои князья, – скучные мещане «нашего закоулка».

Я до тошноты ненавидел «Минина и Пожарского», – и, собственно, за то́, что они не написали никакой великой книги вроде «Истории цивилизации в Англии».

Потом университет. «У них была реформация, а у нас нечесаный поп Аввакум». Там – римляне, у русских же – Чичиковы.

Как не взять бомбу; как не примкнуть к партии «ниспровержения существующего строя».

В основе просто:

Учась в Симбирске – ничего о Свияге, о городе, о родных (тамошних) поэтах – Аксаковых, Карамзине, Языкове; о Волге – там уже прекрасной и великой.

Учась в Костроме – не знал, что это имя – еще имя языческой богини; ничего – о Ипатьевском монастыре. О чудотворном образе (местной) Феодоровской Божией Матери – ничего.

Учась в Нижнем – ничего о «Новгороде низовыя земли», «о Макарии, откуда ярмарка», об Унже (река) и ее староверах.

С 10-ти лет, как какое-то Небо, и Вера, и Религия:

«Я человек хотя и маленький, но у меня 24 ребра и 32 зуба», или наоборот, чорт бы их брал, чорт бы их драл.

Да, еще: учили, что та кость, которая *есть* берцовая, и *называется* берцовою.

~

Представьте, как если бы годовалому ребенку вместо материнской груди давали, «для скорейшего ознакомления с географией», – кокосового молока, а девочке десяти лет надевали бы французские фижмы, тоже для ознакомления с французской промышленностью и художеством. «Моим детям нет еще одиннадцати лет, но они уже знают историю и географию».

И в 15 лет эти дети – мертвые старички.

...пока еще «цветочки»: погодите, русская литературочка лет через 75 принесет и ягоды.

~

Уже теперь Фаресов, «беллетрист-народник», предложил поскорее, для утешения в горести, «принять в хорошую христианскую семью» немецкую бонну, которая, читая со свечой роман ночью, зажгла пожар, и когда горела 9-летняя Тамарочка Ауэр, то она вытаскивала свои платья и оставила без помощи горевшую Тамарочку. Фаресов, биограф Лескова, написал (в «Петербургской Газете»):

«Это она, бедная, растерялась. Ее скорее надо утешить».

Я бы ему предложил пожертвовать от себя этой гувернантке 25 р. Даю честное слово, что не дал бы.

О гувернантке же двоюродная тетя Тамарочки (Васина учительница) рассказывала, что она уже поступила на место и что получила страховую премию за белье свое, которое якобы сгорело, а оно, на самом деле, было в стирке, и, конечно, было благополучно ей возвращено, а она показала его сгоревшим.

Да: но она 1) немка, 2) труженица, 3) интеллигентка. А что́ такое Тамарочка? Она только кричала, увидев пылающую комнату: «Бедный папочка! – все сгорит, и, когда он вернется (из-за границы), он ничего не найдет».

Он не нашел дочери. Вечная память. Еще: она нередко у этой бонны целовала руку, как дитя неразумеющее, и ее от этого отучали. Она была страшно нежна к окружающим.

Сгорела она в мае. Мать ее умерла в декабре той же зимы, т. е. месяцев за 5–6. Молодой вдовец быстро вновь женился.

Революция русская вся свернулась в тип *заговора;* но когда же заговор был мощен против государства, а не против лица? Революция русская и мучит лиц, государство же русское даже не чувствует ее.

«На нашей Звенигородской улице все стоит после 1-го марта, как до 1-го марта». И ни один лавочник не чихнул.

(в саду вечером)

Когда рвалось железо и люди при Цусиме, литературочка вся хихикала, и профессора хихикали:

– Дан ранг капитана – определить высоту мачты (у К.Тимирязева – против Данилевского).

Можно бы профессорам и ответить на это:

– Принесли и положили на стол диссертацию профессора: определить, из скольких немецких лоскутков она сшита?

Лучшее в моей литературной деятельности – что десять человек кормились около нее. Это определенное и твердое.

А мысли?..

Что́ же такое мысли...

Мысли бывают разные.

(вагон)

Люди, которые никуда не торопятся, – это и есть Божьи люди.

Люди, которые не задаются никакою целью, – тоже Божьи люди.

(вагон)

Правду предсказывал Горький (в очень милом, любящем письме): «Ваше *Уед.* – разорвут».

Особенно стараются какие-то жидки из Киева – Колтановский или Полтановский. Раз 6 ругался.

Но я довольно стоек. Цв. пишет – «вы затравлены». Ни малейше не чувствую, т. е. ни малейше не больно. Засяду за нумизматику, и «хоть ты тут тресни». *Я сам собрал* коллекцию богаче (порознь), чем в Киевском и чем в Московском университетах. И которые собирались *сто лет*.

Любящему мужу в жене сладок каждый кусочек. Любящей жене в муже сладок каждый кусочек.

(на извозчике, похороны Суворина). (яркое солнечное утро)

Вечное детство брака – вот что́ мне хочется проповедать. Супруги должны быть детьми, должны быть щенятами. Они должны почти сосать мамку с папкой. Их все должны кормить, заботиться, оберегать. Они же только быть счастливы, и рождать прекрасному обществу прекрасных детей. В будущем веке первый год молодые будут жить не в домах, а в золотых корзинах.

(на извозчике, похороны Суворина). (яркое солнечное утро)

Успех в доброте и доброта в успехе...

~

Он был всегда ясен, прост и в высшей степени натурален. Никогда не замечал в нем малейшей черты позы, рисовки, «занятости собою», – черты почти всеобщие у журналистов. Никогда – «развалившийся в креслах» (самодовольство), что́ для писателя почти что́ Царство Небесное.

Писатель вечно лакомится около своего самолюбия.

(судьба и личность старика-Суворина)

...да я нахожу лучше стоять полицейским на углу двух улиц, – более «гражданским», более полезным, более благородным и соответствующим человеческому достоинству, – чем сидеть с вами «за интеллигентным завтраком» и обсуждать чванливо, до чего «у нас все дурно» и до чего «мы сами хороши», праведны, честны и «готовы пострадать за истину»...

Боже мой: и мог я несколько лет толкаться среди этих людей. Не задохся, и меня не вырвало.

Но, слава Богу, кой-что я за эти годы повидал (у В–ской). Главное, как они «счастливы» и как им «жаль бедную Россию». И икра. И двухрублевый портвейн.

(читая Изгоева о Суворине, «Русская Мысль»: «сын невежественной попадьи и николаевского солдата, битого фухтелями»). (Уверен, что этот Изгоев, почему-то никогда не смотрящий прямо в глаза, знает дорожку к Цепному мосту)

Евреи «делают успех» в литературе. И через это стали ее «шефами». Писать они не умеют: но при этом таланте «быть шефом» им и не надо уметь писать. За них напишут все русские, – чего они хотят и им нужно.

Вся литература (теперь) «захватана» евреями. Им мало кошелька: они пришли «по душу русскую»...

Паук один, а десять мух у него в паутине.

А были у них крылья, полет. Он же только ползает.

И зрение у них шире, горизонт. Но они мертвы, а он жив.

Вот русские и евреи. 100 миллионов русских и 7 миллионов евреев.

(засыпая)

Погром – это конвульсия в ответ на муку.

Паук сосет муху. Муха жужжит. Крылья конвульсивно трепещут,– и задевают паука, рвут бессильно и в одном месте паутину. Но уже ножка мухи захвачена в петельку.

И паук это знает. Крики на погромы – риторическая фигура страдания того, кто господин положения.

~

Погром – грех, жестокость. Погром – всегда убийство и представляет собою ужас. Как убийство при самозащите есть все-таки убийство. И его нельзя делать и можно избежать,– прямою физическою защитою евреев. Но сделав это – надо подрезать паутину по краям, и бросить ее, и растоптать ее. Нужно освободиться от паука и вымести из комнаты все паутины.

5-го августа узнал о болезни Шуры.

Почему я так не могу перенести смерти? перенести *невечности радостей* земных.

Цари умирали. Умер Александр III. Почему же я не могу перенести?

Не знаю. Но не могу перенести. «Я умру» – это вовсе не то́, что «он умрет». С «я умру» сливается (однокачественно) только мама умрет; даже чудовищнее: п. ч. я грешный.

Да, вот в чем дело: для всего мира я тоже – «он умрет», и тоже – «ничего».

Каждый человек только для себя «я». Для всех он – «он». Вот великое solo. Как же при этом не зареветь с отчаянием.

(вагон, 9 авг. 1912 г.)

Церковь об умершем произнесла такие удивительные слова, каких мы не умеем произнести об умершем отце, сыне, жене, подруге. Т. е. она всякого вообще умирающего, умершего человека почувствовала так близко, так «около души», как только мать может почувствовать свое умершее дитя. Как же ей не оставить за это всё, что...

(помешали)

Все хотел (1899–1909 гг.) сделать бархатное платье. И все откладывал. Теперь уж поздно. Бархатные отделки были.

Как хорошо было (в Белом) светло-серое платье с серебряной отделкой (полоса вертикальная на боку, – и еще немного где-то).

(у Таратина; жду за покупками для детей; мама выбирает)

Все писатели – рабы. Рабы своего читателя.

~

Но уж *кого* бы там ни было, а все-таки в нем существо *раба.*

~

Это все Мефистофель-Гутенберг устроил. Черная память.

(8 ч. утра; переезд в город)

Сестра Верочка (умирала в чахотке 19-ти лет) всегда вынимала мякиш из булки и отдавала мне. Я не знал, почему она не ест (не было аппетита). Но эти массы мякиша (из 5-копеечной булки) я съедал моментально, и это было наслаждение. Она меня же посылала за булкой, и, когда я приносил, скажет: «Подожди, Вася». И начинала, разломив вдоль, вынимать бока и середочку.

У нее были темные волосы (но не каштановые), и она носила их «коком», сейчас высоко надо лбом; и затем – гребешок, узкий, полукругом. Была бледна, худа и стройна (в семье *я только* был некрасив). Когда, наконец, решили (не было денег) позвать Лаговского, она лежала в правой зелененькой (во 2-м этаже) комнате. Когда он вошел, она поднялась с кровати, на которой постоянно лежала. Он сказал потом при мне матери:

– Это она похрабрилась и хотела показать, что еще «ничего». Переменитe комнату, зеленые обои ей очень вредны. Дело ее плохо.

Как она умерла, и ее хоронили, я ничего не помню.

~

Однажды она сказала мне: «Вася, принеси ножницы». Мне было лет едва ли 8. Я принес. Из печатного листка она выстригла узкую крошечную полос-

ку и бережно положила к себе в книгу, бросив остальное. Напечатано было: *Самойло.* «Ты не говори никому, Вася». – Я мотнул головой.

Поступив в гимназию, я на естественной истории увидел за учительским столиком преподавателя, которого называли «Самойло». Он был умеренно-высокого роста, гладко выбритый в щеках и губах, большие, слегка волнистые волосы, темно-русые, ходил всегда не иначе, как в черном сюртуке (прочие – в синих фраках), и необыкновенно торжественный или, вернее, как-то пышный, величественный. Он никогда не допускал себе сходить со стула и демократически «расхаживать по классу». Вообще в нем ничего не было демократического, простого. Среди других учителей, ужасно ученых, он был как бог учености и важности. Может быть, за год он улыбнулся раза два, при особенно нелепом ответе ученика,– т. е. губы его чуть-чуть сжимались в «мешочек», скорее морщились, но с видом снисхождения к забавному в ученике, дозволяя догадываться, что это улыбка. Говоря, т. е. пропуская из губ немногие слова, он всегда держал (рисуя по бумаге «штрихи») ручку с пером как можно дальше от пальцев,– и я видел благородные, суживающиеся к концу пальцы с очень длинными, заостренными, без черноты под ними, ногтями, обстриженными «в тон» с пальцами (у́же, у́же,– ноготь: но и он обстрижен с боков конически).

Мы учили по Радонежскому или Ушинскому:

«Я человек хотя и маленький, но у меня 32 позвонка и 12 ребер»... И еще разное, противное. В 3-м классе (брат Федор) он (Самойло) учил ботанике. Это была толстая книга «Ботаника Григорьева»; но это уже были недоступности, на которые я не мог взирать.

В вечной тревоге ума о каком-то неблагополучии.

(мамочкина психология)

Но теперь, как все это разъяснилось, когда она 15 лет уже ясно, ощутимо больна, и никто ее не лечил.

...главная забота, откуда бы получить денежек, через Жуковского исходатайствовать от Двора; и где бы повиднее стать, – в профессоры...

Очень хорош был, как профессор. Подвязывал щеку и говорил, что зубы болят, не зная, *как* читать и о *чем* читать. Зачем ему надо-то было в профессоры.

Да: еще – *кому* бы прочитать рацею. Даже мамаше еще учеником уездного училища писал поучительные письма.

За всю деятельность и во всем лице ни одной благородной черты.

Все действия без порыва («благородный порыв»), какие-то медленные и тягучие. Точно гад ползет. «Будешь ходить на чреве своем».

(о Гоголе)

– Горе задавило! – *(заплакав)*: – Да!!

(мама о Шуре, 9 авг. 1912 г., на извозчике, – перебив мои о чем-то слова)

Литературная память самая холодная. На тех немногих «литературных похоронах», на которых я бывал (и никогда не любил), меня поражало, до чего идущим за гробом – никакого дела нет до лежащего умершего. Разговоры. «Свои дела». И у «выдающихся» заботливая дума, что он скажет на могиле.

Неужели эти «сказыватели» пойдут за моим гробом. Бррр...

То ли дело у простецов: жалость, слезы, всё.

~

Мне кажется, церковь и преданные ей люди ужасно ошибаются, избирая для защиты церкви способы и орудия враждебной стороны – печать. Церковь – безмолвна. Церковь не печатна или «старопечатна». Зачем слово церкви? Слово ее – в литургии, в молитвах. Эти великие сокровища, сокровища церковного слова, уже созданы (еще до книгопечатания) и *есть* и всегда *к пользованию*. «Проповеди» едва ли нужны. Разве два-три слова и никогда больше пяти минут речи. Церковь должна быть безмолвна и *деятельна*.

Разве поцеловать больного, напутствуемого не *дело*? Это и *дело*, и *слово*. Поцелуй заменяет слово, поцелуй тем богаче слова – что, как музыка, он бесконечнее и неопределеннее слова. Провел рукой по волосам. Кающегося и изнеможенного обнял бы. Вот «слово» церкви. Зачем говорить?

Говорят пусть литераторы.

И все церковные журналы и газеты – прах и тление...

– Беспросветный мрак...

(хоть раз в неделю, – годы, – засыпая на ночь, или так лежа, и – когда я подойду и спрошу: «Что́ ты?»)

Шура на ходу:

– Когда она лечилась? Никогда она не лечилась.

В самом деле,– не «лечение» же были эти тусклые визитации Наука с бромом, камфарой, *digitalis** и хинином.

Он ее «успокаивал», когда таяло вещество мозга, и стачивалась ткань сердца.

---

* Наперстянка *(лат.)*.

Сижу у Рцы. Жена (оч. милая,– уж мало зубов) и говорит:

– Не выношу жидов, я всех бы истребила...

Смех. Она прекрасная хозяйка, семьянинка и безукоризненно честная и искренняя женщина; по плодородию и семейности – в самой есть что-то библейское.

– Когда родилась у меня последняя девочка, то соседка наша, еврейка, – в Гатчине, – вбегает и спрашивает:

– Кто?

– Девочка.

Она (еврейка) опустилась. И, поднявшись, сказала:

– Если бы мальчик, то вся Гатчина закричала бы (радуясь, сочувствуя).

– Вот! вот! – сказал Рцы.– Ругайте евреев, кляните, но признайте же и у них достоинство.

Р. (талантливый еврей в Москве), написав мне 3-е письмо (незнакомы лично), приписал: «Моей сестре вот-вот родить».

Да. Их нельзя ни порицать, ни отрицать. Только они сами *(теперешние* выродки, интеллигенция) не знают, «за *что*». Но вернемся к «Гатчине».

Отчего же Гатчина бы так радовалась «мальчику»? С девочкой – такой же *дух*. Да: но *орган* – не тот. Что́ же, собственно, сказала еврейка, не подозревая сама того?

– Если бы вы произвели, моя русская соседка, новый *мужской орган* от себя, вдобавок к сущим в мире,– вся бы Гатчина закричала от восторга.

Но ведь это совпадает с церемонией «несение фаллов» жрицами греческими, а еще ранее – египетскими. «Нести в процессии» или «воскликнуть городом» – все одно. И кто же смеет отрицать, что в юдаизме скрыто то́, что́ историки немо и мертво именуют «фаллическим культом», и что есть целокупное народное обожание, целокупное народное влечение «к этим... маленьким вещам»...

Религия выразила Εθνος*.

При устроении брака (в стране) всегда нужно иметь в виду, что это есть вопрос (нужда) стад, вопрос тельцов, – «множества», «тьмы тьмущей»... и никак нельзя мотивировать на «наше дворянское сословие», вообще на городские привилегии и исключения... Эти и сами при уме устроятся и расположатся. Но «отворяй ворота стаду, стадищу, стадищам»: и, естественно, эти ворота не должны быть узки, иначе все сломается.

(за нумизматикой)

~

Обыкновенно каноны (греческой церкви о браке) имели в виду или императорскую фамилию, или патрициев. И через это упустили все (стадо). Патриархи константинопольские, естественно, хотели «утереть нос» (через

* Народ *(греч.)*.

свое право «не разрешать») кесарям, и были *от этого* горды и свободны в требованиях: и «едва разрешили 3-й брак». Но, споря со дворцами, они забыли «Ваську Буслаевича», который кричит – «подавай мне десятый брак», и что́ же ему делать (такой вышел случай из 1 000 000 людей), если у него, *без его вины*, померло девять жен, а здоровье брызжет, кровь с молоком. И он орет насмешливо: «Не с подушкой же мне спать», «не на перине жениться».

И были правы патриархи (гордость церкви перед Византийским Двором), но и Васька Буслаевич тоже прав, п. ч. он – *народ* (стадо, тельцы).

~

Может ли девять жен умереть у мужа *без его вины*? Во-первых, у «жены-самарянки» умерли же, или куда-то от нее отошли, *семь мужей*, что́ уже недалеко от девяти. А во-вторых, рассказ мне Бакста, задумчивый и удивленный: «Может ли *один* человек испытать *два железнодорожных крушения в сутки*?». Я ответил: «Конечно, нет!! Невероятно!!!». – «Представьте, – возразил он мне, – один мой знакомый ехал из Гавра в Лион: и потерпел крушение в поезде *Гавр – Париж*. Избавился, и так рад был продолжать путь, но был убит при крушении поезда *Париж – Лион*. *Однодневное* крушение поездов на *двух* линиях, конечно, возможно и уже не кажется *невероятным*; это вообще – *бывает*, по нескольку раз в год. Между тем, в этом совершенно возможном случае будет происходить *невероятное несчастие: один и тот же пассажир* испытает *два железнодорожные крушения в один и тот же день*. Это произойдет со всеми теми пассажирами, которые, «уцелев» в одном поезде, — следовали дальше в своем пути и пересели в другой поезд, *тоже крушившийся*».

Чудо. А – *есть*. «Невозможно», а – «случается». Ибо – стада, миллионы. Так и в народе и народном браке, т. е. в диктовании законов о браке, церковная иерархия должна «благодатно предположить» все самые невероятные случаи. Дабы по завету Божию – «трости надломленной не переломить» и «льна курящегося не загасить».

Голубой глаз так и смотрит.

Но не так смотрит *черный глаз*.

Когда Церковь устраивала пол (институт брака), то́ ведь видно, что она устраивала «не *свое*».

Устраивала *не* «своих».

И «*не* свои» – разбежались (XIX век, – да и всегда раньше; «нравы»).

Нельзя помещать коня в коровник, корову в стойло, собаку в птичник, курицу в собачью конуру.

И только.

(за нумизматикой; как устроен у нас брак; отсутствие развода)

Все убегающее, ускользающее неодолимо влечет нас.

Так в любви и в литературе. Неужели *так* – в истине? Боже, неужели так и в религии, где «Бога никогда же никто не виде»?!!

(за ужином и Шерл. Холмсом, 20 авг.)

Не иллюзия ли это, что я считаю своими читателями только покупателей своих книг, т. е. 2500 человек? В газете, правда, не отделить «вообще» (чит.) от *преданного тебе*? Но я по письмам знаю, что не читавшие ни одной моей книги – *преданы* мне? В таком случае сразу иллюзия «нечитаемости» исчезла бы.

Не знаю. Колеблюсь в этот час. По отсутствию покупателей книг я заключил вообще, что «мало известн. в России» и не имею никакого влияния.

(глубок. ночью, за Шерл. Холмсом)

Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели.

Смотрите, злодеяния льются, как свободная песнь; а добродетельная жизнь тянется, как панихида.

Отчего это? Отчего такой ужас?

Да посмотрите, как хорош «Ад» Данте, и как кисло его «Чистилище». Тó же между «Потерянным Раем» Мильтона и его же «Возвращенным Раем». Отчего? Отчего?!!

Одно исключение, кажется, единственное: олимпийские оды Пиндара, которым не соответствовало никакой басни, насмешки, сатиры.

Т. е. греки IV–V-го века до Р. Х. — вот они и были счастливы и чисты.

(в каб. уединения)

Порок живописен, а добродетель так тускла.

Что же все это за ужасы?!

(20 авг. 1912 г.)

Герцен напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это «политика» и «история»...

Именно, он есть основатель политического пустозвонства в России. Оно состоит из двух вещей: 1) «я страдаю», и 2) когда это доказано – мели какой угодно вздор, все будет «политика».

Т. к. все гимназисты страдают у нас от лени и строгости учителей, то с Герцена началось, что после него всякий гимназист есть «политик», и гимназисты делают политику.

Это не вообще «так», но в $^{9}/_{10}$ – так.

...и все-таки, при всей искренности, есть доля хитрости. Если не в сказанном, то в том, чего не сказано. Значит, и в нашем «вдруг» и в выкриках мы все обращиваем себя шёрсткой. «Холодно». «Некрасиво».

Какие же мы зябкие. Какие же мы жалкие.

(об «Уед.», за уборкой книг, осенью 1912 г.)

«Заштампованный человек», который судится и не по материалу, и не по употреблению, а – по «штампу». И кладутся на него «штампы» – один к другому, все глубже. Уже «вся грудь в орденах». И множество таких и составляют «заштампованное отечество».

Которое не хватает силы любить.

И стали класть «штамп» на любовь.

И положили «штамп» на церковь.

Вот наша история.

(выйдя покурить на лестницу)

Осени поздней, цветы запоздалые...

– этот стих для меня только миф. Ни осени, ни дерев осенью – не видел никогда (иначе, как в младенчестве).

Только появится грибок, – собирай книжки и отправляйся в город. «Начало ученья». Грибок появляется в августе, а иногда уже к концу августа: и вот этот год только 2 раза сходил с Васей за грибами, и почти ничего не нашел, так, $^1/_2$, $^1/_4$ сковородки, всяких – и подберезовиков, и сыроежек, и лисичек даже. Белый – только один. А местность – грибная.

У детей – всех – чудная лесная память. Лет 6 назад, за Териоками, мы забрались совсем далеко и совсем в глушь, перескочив какие-то плетни и пробравшись через какие-то болотца. Вдруг – вечереет. Я испугался: мама ждет к ужину, мама будет испугана. «Дети, скорее домой, темнеет!!!». Все – тут в один момент.

Я совершенно беспамятен, и знаю в общем – *куда* идти, но совершенно не помню дороги – *где именно* проходили. А ведь можно попасть в полуболотца, и не выбраться до утра. Вдруг дети кричат: «Папа – сюда, папа – туда!!!». И Васька, такой крошечный, едва 7-ми лет, шагает уверенно, как король или старый лесовик. «Вон – береза, мы проходили мимо, вон – бугор, тогда остался влево». Так как уже темнело, то мы почти бежали, а не шли; и не прошло часа, как послышались «ау» прислуги, высланной нам навстречу.

Мама, вся обессилев от испуга, говорила:

– Что же это вы со мной делаете?..

– Ну, мама! – дети наши, как лесовики, их можно куда угодно пустить, не заблудятся.

И Таня, и Вера, и Варя – все как герои. Точно выросли, «доведя папу домой». И грибы. Корзинки. И сейчас – чистить на кухне (лучший момент удовольствия, «торжество правды» и «награда за подвиг»).

~

Чего же, в образовательном отношении, стоит один такой вечер; и неужели его можно заменить знанием:

Много есть имен на is
Masculini generis:
Panis, piscis, crinis, finis*.

О, чорт бы их драл!!!

Но пусть это жестокая необходимость – в ноябре, в октябре, а не когда

Роняет лес багряный свой убор.

Да, и эта строка для меня тоже миф. Мы ничего теперь этого не видели. Мои бедные дети, такие талантливые все, но которым ученье трудно, – никогда этого не видят.

~

Не видят, действительно, этого оранжевого великолепия лесов. А что ребенок, в 7–11 лет, почувствует, увидев его, — кто иссчитал? кто угадал?

Может быть, оранжевый-то лес в детстве спасет его в старости от уныния, тоски, отчаяния? Спасет от безбожия в юности? Спасет отрока от самоубийства.

Ничего не принято во внимание. Бедная наша школа. Такая самодовольная, такая счастливая в убожестве. «Уже проходим алгебру» (с сопляками, не умеющими утереть носа).

Необыкновенной глубины и тревожности замечание Тернавцева, года 3 назад. Я говорил чуть ли не об университетах, о профессорах, может быть, о правительстве и министрах. Он меня перебил:

– Пустое! Околоточный надзиратель – вот кто важен!

Он как-то повел рукой, как бы показывая окрест, как бы проводя над крышами домов (разговор был вечером, ночью):

– Тут вот везде под крышами живут люди. *Какие* люди? *как* они живут? – никто не знает, ни министр, ни ваш профессор. Наука не знает, администрация не знает. И не интересуется никто. Между тем, *какие* люди живут и *как* они живут – это и есть узел всего; узел *важности*, узел *интереса. Знает* это один *околоточный надзиратель*, – знает молча, знает анонимно, и в состав его службы входит – *все знать*, «на случай»; хотя отнюдь не входит в состав службы обо всем докладывать. Он знает *вора*, – он знает *проститутку*, – он

* Мужского рода: хлеб, рыба, волосы, конец *(лат.)*.

знает шулера, человека сомнительных средств жизни, знает изменяющую жену, знает ходы и выезды женщины полусвета. Все, о чем гадают романы, что́ вывел Горький в «На дне», что выводят Арцыбашевы и другие, – вся эта тревожная и романтичная жизнь, тайная и преступная, ужасная и святая, находится, «по долгу службы», в ведении околоточного надзирателя, и еще, «по долгу службы», ни в чьем ведении не находится.

Он почти только не договорил, или мысленно я договорил за него:

– Вот бы где служить: где подлинно – *интересно*, где подлинно – *всемогущественно!*

Я только ахнул в душе: «В самом деле – *так*! и – *никому в голову не приходило*!»

Он как-то еще ярче и глубже это сказал. Почти в этом смысле: все службы – призрачны и литературны, а действительная служба одна – это полицейская.

Сам Тернавцев – благороднейший мечтатель, á la Гамлет. И вдруг – такая мысль!

(20 августа, 12 ч.)

Только русская свободушка и подышала до евреев.
Которые ей сказали «цыц».
И свободушка завиляла хвостом.

Вся русская «оппозиция» есть оппозиция лакейской комнаты, т. е. какого-то заднего двора – по тону: с глубоким сознанием, что это – задний двор, с глубокой болью – что сами «позади»; с глубоким сознанием и *признанием*, что критикуемое лицо или критикуемые лица суть барин и баре. Вот это-то и мешает слиться с оппозицией, т. е. принять тоже лакейский тон. Самым независимым человеком в литературе я чувствовал Страхова, который никогда даже о «правительстве» не упоминал, и жил, мыслил, и, наконец, служил на государственной службе (мелкая и случайная должность члена Ученого Комитета министерства просвещения с 1000 р. жалованья), имея какой-то талант или дар, такт или вдохновенье вовсе не интересоваться «правительством». То ли это, что лакей-Михайловский, «зачарованный» Плеве, или что «дворовый человек»-Короленко, который не может прожить дня, если ему не удастся укусить исправника или земского начальника или показать кукиш из кармана «своему полтавскому губернатору». «А то – и повыше», думает он с трясущимися поджилками. «На хорах был пристав: и вот Анненский, сказав после какого-то предостережения, что *пусть нас слушают и* **там**, – показал на хоры», – пишет Любовь Гуревич, – т. е. показал **на самого пристава**!!! Какая отчаянная храбрость. Страхов провалился бы сквозь землю от неуважения к себе, если бы в речи, имеющей культурное значение, он допустил себе, хоть минуту, подумать *о приставе*. Он счел бы унижением думать даже о мини-

стре внутренних дел, – имея в думах лишь века и историю. Вот эта прелестная свобода *не-радикалов* – к ним и манит, т. е. манит к славянофилам, к русским, которые решительно ничего о «правительстве» не думают, *ни* – «да», *ни* – «нет», *«и* – да», *«и* – нет». Когда хорошо правительство поступает – «да», когда худо, бездарно, беспомощно – «нет». Правительство есть просто орган народа и общества: и член общества, писатель, смотрит на него как на слугу своего, т. е. слугу таких, *как он*, обывателей, граждан. Так. образ., признание «верховенства власти» есть у радикалов, и решительно его нет у «нашего брата». Вот чего не разобрано, вот о чем не догадываются. Политическая свобода и гражданское достоинство есть именно у консерваторов, а у «оппозиции» есть только лакейская озлобленность и мука «о своем ужасном положении».

Покорить брак закону любви...

казалось бы, в этом ведь христианство: все – покорять закону согласия, мира, тишины. Но, именно, в христианстве, – не в мусульманстве, не в еврействе, – две тысячи лет бьется другой принцип:

Покорить любовь закону брака.

И все в этом задыхаются.

~

Кажется, что в нашем браке – и не Евангелие, и не Библия (уж, конечно): это – римский государственный брак. Отцы Церкви были все обывателями Греко-Римской Империи, или – чисто Римской: и понятие об «основной социальной клеточке» взяли из окружающей жизни.

~

Вот почему мои порывы к новой семье хотя кажутся и суть «антиканонические», но суть подлинно евангельско-библейские стремления, и только анти-римско-языческие, неосторожно взятые в «каноны».

~

Бог сотворил любовь. Адам и Ева были в *любви* – и по *сему*, единственно, Библия их нарекла *иш* и *иша* («сопряженные»), *муж* и *жена*. Любовь древнее «закона брачного». И понятно, что древнейшее и основное не умеет покориться новому и прибавочному.

Не «существительное» согласуется в роде, числе и падеже с «прилагательным», а «прилагательное» согласуется с «существительным».

~

И следуйте этому, попы; или, во всяком случае, вам не будут повиноваться. Будете убивать за это, и все-таки вам повиноваться не будут: по слову Писания – «любовь *сильнее даже и смерти*».

Очень хорошо «расположение образования» в стране: от 8-ми до 22-х лет – прилежное учение. «Долбеж», от которого не поднимешь головы... От 22-х лет до 35-ти – корректная служба, первые чины и первые ордена. В 35-ть лет – статский советник. Женат (с приданым) и первые дети; ну, это – «кухня и спальня». Достигнув статского советника, – карточный стол, мелок, и пока – он проигрывает начальству, а потом – ему будут проигрывать подчиненные. Тогда он будет уже действительный статский советник.

Потом умрет. И в черной кайме «жена и дети» извещают, что «после тяжкой болезни» Иван Иваныч, наконец, «скончался».

Это здоровая реакция на «глупости», что гимназисты не учатся.

– Не учитесь, господа. Ну их к чорту. Шалите, играйте. Собирайте цветы, влюбляйтесь. Только любите своих родителей и уважайте попов (ходите потихоньку в церковь). На экзаменах «списывайте», – в удовлетворение министерской ненасытности.

В 20 лет, когда уже будете, конечно, женаты, начинайте полегоньку читать, и читайте все больше и больше, до самой смерти.

Тогда она настанет поздно, и старость ваша будет мудрая.

...а то́ вас с детства делают старичками, а в старости предложат жениться. «Ибо уже так мудр, что можешь теперь воспитывать детей», которых теперь родить не можешь.

Вы им скажите, взрослым:

– Нет, папаша: я буду за книгами и бумагой, за письменным столом и делами сидеть – под старость. Ибо будет ум «вершить дела́». А теперь я – глупенький, побегу в поле, нарву цветов и отнесу их девочке.

Из этих слов И. Христа, что «нельзя разводиться мужу и жене, токмо как по вине прелюбодеяния», духовенство извлекло больше доходов, чем из всех австралийских, и калифорнских, и алтайских золотых россыпей.

И хотя отсюда брызнули кровь и мозг человечества: церковь не может их перетолковать, распространить или усложнить, потому что иначе закроются золотоносные россыпи. И на отстаивание и сохранение буквальными этих слов положено более усилий, чем на защиту всего Евангелия.

Что не отдаст человек за восстановление своего семейного счастья? В эту-то кнопку духовенство и надавило.

(посвящается памяти С. А. Рачинского)

Теряя девственность, девушка теряет свое *определение.*

Она не согрешила (закон природы), она никого не обидела. Всему миру она может сказать: «Вам какое дело». Так.

~

Но когда с нею будут говорить как с девушкою, как с «барышнею», а – не «барыней», не как с «дамою», ведь она не скажет:

– Я уже *не девушка.*

Она нечто *утаит.* И это на каждом шагу. Всякий день она вынуждена будет солгать. Она окажется в положении, как «с *не своим* паспортом» в дороге; с «ложным видом» в кармане.

Правдивая в девстве, искренняя в девстве, прямая в девстве,– теперь (потеряв девство) она будет вынуждена каждый день согнуться, скривить, сказать «неправду» и упрекнуть себя за «недостаток мужества».

Это такая мука.

Но и еще ужаснее, что, «сгибаемая бурей», она, наконец, начнет расти криво, как-то «боком», неправдиво.

Она вся потускнеет. Сожмется. И вовсе не по «греху», коего нисколько не содержится в совокуплении, но по этим обстоятельствам – потеря «девственности», в самом деле, есть «падение». И эмпирически с этого времени девушка обыкновенно «падает» и «падает». «Падает» в должности. «Падает» в труде. Падает «дома».

~

Но анафемы (общество, старшие): предупредите же это ужасное несчастие детей ваших своевременным, возможно ранним замужеством. И никогда не смейте кричать – *«ты* пала» (родители дочерям), когда уже 3–4 года прошло, когда она все томилась, ожидая.

(т. е. после «сформирования»); (вообще должен бы быть в законе определен срок «уплаты векселей», срок – пока девушка «обязана ждать». Пока – всё обществу, и ничего – девушке. Закон должен, напр., сказать: «После 30 лет сохранение девства не обязательно, и материнство не несет никакого порицания, а ребенок – законен»)

Да, я тоже думаю, что русский прогресс, рожденный выгнанным со службы полицейским и еще клубным шулером, далеко пойдет:

Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте. Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.

Вообще у русского народа от многочисленных «спасибо» шея ломится. Со всех сторон генералы, и где военный попросит одного поклона, литературный генерал заставит «век кланяться».

Щедрину и Некрасову кланяются уж 50 лет.

Все-таки бытовая Русь мне более всего дорога, мила, интимно близка и сочувственна.

Все бы любились. Все бы женились. Все бы растили деточек.

Немного бы их учили, не утомляя, и потом тоже женили. «Внуки должны быть готовы, когда родители еще цветут» – мой канон.

Только «†» страшна.

(вернувшись со свадьбы Светозара Степановича)

Кто же была Суламифь?

Каждая израильтянка в вечер с пятницы на субботу.

~

«Песнь песней» надо сближать с тем местом Иезекииля (14 или 16-ая глава), где говорит через пророка Б., как он встретил деву Израиля: «и груди (только что) поднялись у тебя»... «и волосы показались»... и «Я взял кольцо и вдел тебе в ноздри, и повесил в уши запястья»... И т. д. «Но ты... всем проходящим по дороге давала жать свои сосцы... и Ассуру, и Египтянину»...

(за газетами утром)

Место это – чудно. Его каждый юноша и каждая девушка должны заучить наизусть, – как *корень* жизни своей, как основание *прав* своих:

Книга пророка Иезекииля, глава XVI:

И было ко мне слово Господне: «Сын человеческий! выскажи Иерусалиму мерзости его.

И скажи: так говорит Господь Бог дщери Иерусалима: твой корень и твоя родина, в земле Ханаанской: отец твой, Аморрей, и мать твоя, Хеттеянка;

При рождении твоем, – в день, как ты родилась, – пупа твоего не отрезали, и водою ты не была омыта для очищения, и солью не была осолена, и пеленами не повита.

Ничей глаз не сжалился над тобою, чтобы из милости к тебе сделать тебе что-нибудь из этого; но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего.

И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на попрание в кровях твоих, и сказал тебе: «в кровях твоих живи!» Так. Я сказал тебе: «в кровях твоих живи».

Умножил тебя, как полевые растения; ты выросла и стала большая, и достигла превосходной красоты: поднялись груди, и волосы у тебя выросли; но ты была нага и непокрыта.

И проходил Я мимо тебя, и увидал тебя, и вот, *это было время твое, время любви; и простер Я воскрылия риз Моих на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе, и вступил в союз с тобою, – говорит Господь Бог; и ты стала Моею.*

Омыл Я тебя водою, и смыл с тебя кровь твою, и помазал тебя елеем.

И надел на тебя узорчатое платье, и обул тебя в сафьянные сандалии, и опоясал тебя виссоном, и покрыл тебя шелковым покрывалом.

И нарядил тебя в наряды, и положил на руки твои запястья и на шею твою ожерелье.

И дал тебе кольцо на твой нос, и серьги к ушам твоим и на голову твою прекрасный венец.

. . . . . .

И пронеслась по народам слава твоя.

. . . . . .

И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения, и блудодействовала с ними.

И взяла узорчатые платья твои, и одела их ими, и ставила перед ними елей Мой и фимиам Мой,

И хлеб Мой, который Я давал тебе, пшеничную муку, и елей, и мед, которыми Я питал тебя, – ты поставляла перед ними в приятное благовоние. И это – было, говорит Господь Бог».

. . . . . .

Получил два характерных письма.

Многоуважаемый
Василий Васильевич!

Я решился обратиться к вам с просьбой, которая вам, быть может, покажется странной и даже нахальной. Я – студент 3-его курса Психо-Неврологического ин-та. Денег своих не имею. Живу помощью отца.

Эти деньги меня страшно тяготят – прямо «руки жгут».

С удовольствием отказался бы от этой поддержки. Но больше мне неоткуда ждать помощи. Зарабатывать уроками и т. п. – сами знаете, что это такое!..

Я и решил, при первой возможности, отказаться от денег отца. И вот мне пришло в голову попросить у вас 2000 руб. Может быть, мои соображения слишком наивны – но когда я узнал, что у вас имеется 35 000 руб. (Уединенное), я решил, что вы вполне можете уделить мне 2000 руб.

На эти деньги я мог бы еще 4 года проучиться (раньше кончить не удастся), затем стал бы выплачивать самым усердным образом.

Мне будет очень обидно, если вы меня примете за афериста.

На что я решился – мною глубоко продумано. Конечно, гарантии своей честности я вам представить не могу – вы можете мне или поверить, или с омерзением бросить письмо в корзинку...

Во всяком случае, для меня – моя просьба вещь серьезная, и я прошу вас поверить, что в ней нет ничего шарлатанского.

Мне бы очень хотелось получить от вас ответ.

Г. Ш.

Адр. СПБ. Екатерининская ул. д. NN.
Студенту Г. И. Ш.

27 авг. 1912 г.

P. S. Мне желательно, чтоб содержание этого письма осталось между нами. *Г. Ш.*

Удивительно: автор, нужду коего я должен заметить, – не заметил в том же «Уед.», что около 35 000 кормятся 11 человек, из них – 5 маленьких детей, и – больная затяжно годы, жена. «*Мне до вас* – дела нет»; *но вам до меня* – есть дело.

– Но почему?

– Я студент, будущность России, а вы – старик и ничего.

Очень мило.

М. Г.

Частенько в газетах мне приходилось читать: такой-то утопился, такой-то застрелился, та-то отравилась; оставляя перед смертью записку: «Есть нечего», «Нечем было жить». И, прочитавши про какое-либо самоубийство, я думал: «Неправда, не может быть, чтобы человеку, который имеет руки и желает работать, нечем было жить; тут не что иное, как оправдание перед кем-то в своей преждевременной кончине». Я думал, что такой человек имеет какую-то душевную драму, и, не в силах ее пережить, – он лишает себя жизни. Записка? – записка открывает лишь часть, малую часть его душевной драмы; простое совпадение обстоятельств.

И, так думая, я приходил к такому выводу: Человек, если он может и желает работать, всегда может отыскать для себя труд и прокормить себя, и никогда не решится, исключительно из-за этого, лишить себя жизни. И я это еще увереннее говорил про холостого человека.

Но мне, совершенно неожиданно для меня, пришлось прийти к обратному заключению. И не при помощи каких-либо умозаключений, а просто испытывая это поневоле на себе.

Познакомлю Вас с собой.

Я техник, окончил курс низшего механико-технического училища, где учился первым учеником, и не потому, что я очень зубрил, а потому, что мне очень легко давалось то, что давалось другим с трудом. Служил на одном месте и учился дома; хотел все сдать экзамен на аттестат зрелости. Но, видя, что успехи по учению у меня неважные, – репетитора же я не мог нанять, – я решил ехать в Петербург, зная, что здесь (в Петербурге) я могу довольно дешево приготовиться, отдавая для этого свободные вечера.

Приехал. Работу на первое время нашел. Начал приискивать места. Работа кончилась. А места все найти не могу. Вот уже 2 месяца; как я ищу работы или места; но его нет. Я искал его в различных отраслях труда: я мог бы быть чертежником, слесарем, работать на станках по обработке металла или дерева, мог бы ухаживать за паровой машиной, двигателем или динамо-машиной, или же быть монтером по электричеству; но где бы я ни просил, соглашаясь вперед на какое угодно жалованье, мне всегда отказывали*. «У нас полный комплект служащих». «Все места заняты». Вот тот типичный ответ, который я получал в конторах и правлениях, или же – от сторожа, где не пускали не только работать, но и просить места. Все деньги, которые я привез и заработал, были или прожиты, или израсходованы на объявления; осталось от них всего 3 рубля,– да не улыбающаяся перспектива помирать с голоду. Помереть с голоду! как это звучит? но нет! я до этого не дойду, и лишу себя жизни.

В России с голоду никто не умирал, а я показывать пример не буду. Я пойду старой, проторенной другими, дорожкой.

Правда, есть еще другие выходы: или идти просить милостыню, или пойти служить мальчиком на посылках; но то и другое я сделать не хочу, потому что не могу.

Я хочу жить! Я хочу работать! Я могу работать! У меня свежие силы. Но что же мне делать, когда получаю такой ответ: «Все места заняты!». Что?

«Полный комплект служащих. Нам больше не надо».

Тут кипит жизнь! тут идет работа! а я? – Я лишний. Ведь не такой же я лишний, как лишний пуд для носильщика тяжестей; как лишний в шлюпке человек при кораблекрушении. Положи лишний пуд носильщику на спину, и он упадет и другие не снесет. Посади лишнего человека в лодку, лодка потонет, и никто не спасется. Ведь не такой же я лишний? Как вы думаете?

---

* *Все* работы и службы уже заняты евреями или немцами: все *практическое* – расхватано ими. *«Русского* человека – просто никуда *не пускают*» – аксиома улиц, контор, торговли. «Иди – на Хитров рынок, иди – в хулиганы, иди – в революцию» (вот в ней *прикармливают*, и – тоже инородцы и из-за границы). Прикармливают по простейшему мотиву: – «прочь с дороги, конкуренты». Вот об этой стороне «рабочего вопроса» ни гу-гу Горнфельд, ни гу-гу Короленко, ни гу-гу Мякотин и Пешехонов. Может быть, Плеханов и кн. Крапоткин откликнулись бы? Ну, это «звездочеты»: смотрят на небо и не замечают земли... Ах, господа, скверны дела на этой земле...Печать? свобода мысли? свобода закричать? указать?

– Ха! ха! ха! ха! ха! ха!..

– Покричи, покричи. Понатужься.

Нет, уже все, очевидно, «устроилось» и «окончилось».

Ах, надежда: М. Г. Гершензон услышит: ведь он славянофил?

Друзья, мои, русские: *вас никто не услышит в России,* уже все «обработано» и вообще все «кончилось»...

Ба! ба! ба! - Максим Горький, Леонид Андреев?..

Еврейский хохот вокруг:

– Ха! ха! ха! Пукнут ли они против тех, когда мы их столько лет хвалили, славили и называли гениями...

«Закруглено»... Завязано «крепким узелком»..

А время летит. Придет час, и одним человеком меньше станет. Такова жизнь! Всему научили меня, – не то, так другое могу делать; а главному: как жить? как приспособиться к жизни? – и забыли научить. Фонарей в дорогу много надавали, а спичек не дали; потухли фонарики один за другим: вот и заблудился! и темно! темно!

Если прибавить к этому письму мой адрес, то я боюсь, что вы подумаете, что я хочу порисоваться, – или, что еще хуже, вы можете подумать, что я прошу помощи: и я решил послать вам это письмо без адреса и фамилии. Так будет лучше! Да!

С почтением к вам пребываю

. . . . . *ов.*

СПб.
Октября 11 дня
1911 г.

Какое страшное письмо. Усилия мои предупредить несчастие – письмо в газете к анониму – прийти ко мне, уже, вероятно, опоздало.

Толстой удивляет, Достоевский трогает.

Каждое произведение Толстого есть здание. Что́ бы ни писал или даже ни начинал он писать («отрывки», «начала») – он строит. Везде молот, отвес, мера, план, «задуманное и решенное». Уже от начала всякое его произведение есть, в сущности, до конца построенное.

И во всем этом нет стрелы (в сущности, нет сердца).

Достоевский – всадник в пустыне, с одним колчаном стрел. И капает кровь, куда попадает его стрела.

Достоевский дорог человеку. Вот «дорогого»-то ничего нет в Толстом. Вечно «убеждает», ну и пусть за ним следуют «убежденные». Из «убеждений» вообще ничего не выходит, кроме стоп бумаги и собирающих эту бумагу, библиотеки, магазина, газетного спора и, в полном случае, металлического памятника.

А Достоевский *живет* в нас. Его музыка никогда не умрет.

(сентябрь)

На том свете, если попадешь в рай, будут вместо воды поить арбузами.

(за арбузом)

– Какой вы хотели бы, чтобы вам поставили памятник?
– Только один: показывающим зрителю кукиш.

(в трудовом дне)

У меня есть какой-то фетишизм мелочей. «Мелочи» суть мои «боги». И я вечно с ними играюсь в день.

А когда их нет: пустыня. И я ее боюсь.

«Пароход идет» писательства – идет при горе, несчастии, муках души... Все «идет» и «идет»... Корректуры, рукописи...

(история с рыжей лошадью из Лисино)

Крепче затворяй двери дома, чтобы не надуло.

Не отворяй ее часто. И не выходи на улицу.

Не сходи с лестницы своего дома – там зло.

Дальше дома зло уже потому, что дальше – равнодушие.

(Лисино)

Так, один около одного болтается: Горнфельд трется о спину Короленки, Петрищев где-то между ногами бегает, выходит – куча; эта куча трется о такую же кучу «Современного Мира». Выходит шум, большею частью, «взаимных симпатий» и обоюдного удивления таланту. Но почему этот «шум литературы» Россия должна принимать за «свой прогресс»?

Не понимаю. Не поймет ни пахарь, ни ремесленник, и разве что согласится чиновник. «Я тоже бумажное царство, – подумает он, – и не разумею, для чего они отделяются от меня. Мы вполне гармоничны».

Ты бы, демократ, лучше не подслушивал у дверей, чем эффектно здороваться со швейцарами и кухарками за руку. От этого жизнь не украсится, а от того, решительно, жизнь воняет. Притом надо иметь слишком много самообольщения и высокомерия, чтобы думать, будто она – будет осчастливлена твоим рукопожатием. У нее есть *свое достоинство*, и, как ни странно, в него входит получить гривенник за «пальто», которого ты никогда не даешь.

(И.)

– Нет, папа, ты ошибаешься. Когда мы недели 2 там жили,– помнишь, когда вернулись рано с Кавказа, – то я раз утащила на кухне морковку, а она увидала. Ну, что морковка? Я выбежала и, не доев, бросила в канавку, а с испугу сказала, что не брала. Так она мучила меня, мучила. – «Ты дурная, Таня, девочка, украла и солгала. Я маме твоей скажу». И жаловалась на меня маме, что я лгала, когда она приехала. А что морковка?

(социал-пуританка Лидия Эрастовна)

Отвратительная гнойная муха – не на рогах, а на *спине* быка, везущего тяжелый воз, – вот наша публицистика, и Чернышевский, и Благосветлов: кусающие спину быку.

Россия иногда представляется огромным буйволом, съевшим на лугу траву-зелье, съевшим какую-то «гадину-козулю» с травою: и, отравленный ею, он завертелся в безумном верченье.

(Желябов и К-о)

Дочь курсистка. У нее подруги. Разговоры, шопоты, надежды...

Мы «будем то-то»; мы «этого ни за что́ не будем»... «Согласимся»... «Не согласимся»...

~

Все – перед ледяной прорубью, и никто этого им не скажет:

«Едва вы выйдете за волшебный круг Курсов, получив в руки бумажку "об окончании", – как не встретите никого, ни одной руки, ни одного лица, ни одного учреждения, службы, где бы отворилась дверь, и вам сказали: "Ты нам нужна"».

И этот ледяной холод – «никому *не нужно*» – заморозит вас и, может быть, убьет многих.

Но терпите. Боритесь, терпите. Это ледяное море приходится каждому переплывать, и кто его переплывет – выползет на берег.

Без перьев, без шлейфа, кой-какой. Но вылезет.

~

Отчего вы *теперь* же, на «Курсах», не союзитесь, не обдумываете, не заготовляете службы, работы? У евреев вот все как-то «выходит»: «родственники» и «пока подежурь в лавочке». «Поучи» бесчисленных детей. У русских – ничего. Ни лавки. Ни родных. Ни детей. Кроме отвлеченного «поступить бы на службу». На что́ услышишь роковое: «Нет вакансий».

Две курсистки и четыре гимназиста, во имя «правды в душе своей», решили совершить переворот в России.

И не знают, бедные, что и без «переворота» им, по окончании (курса), будет глотать нечего. И будут называть «ваше превосходительство», чтобы не умереть с голоду.

И печать их подбодряет: «Идите! Штурмуйте!» – Азефы – милые человеки. Азефы, и – не больше.

(Короленке и Пешехонке)

Все люди утруждены своим необразованием, – один Г. находит в этом источник гордости и наслаждения. Прежде, когда он именовал себя «социалистом-народником» (с такой-то фамилией), он говорил в духе социалистов, что «хотя ничему не учился, однако все знает и обо всем может судить». Объяснить ему, что Португалия и Испания – это *разные* государства, нет никакой возможности: ибо он смешивает «Пиринейский полуостров» с «Испанией». Теперь, когда он стал «народником и государственником», он считает несогласным со своими «русскими убеждениями» знать географию Европы. Раз – без всякого повода, но со счастливым видом, – он стал говорить, будто «сказал Столыпину, что его взгляды на Россию совершенно ошибочны».

– Александру Аркадьевичу Столыпину?

Как бы кушая бланманже:

– Н-е-е-е-т. Петру Аркадьевичу. Я сказал ему, что совершенно ни в чем с ним не согласен.

Tout le monde est frappé que G.* недоволен им.

Не знаю, был ли счастлив Столыпин поговорить с Г., но Г. был счастлив поговорить со Столыпиным.

И, уезжая домой, в конке, вероятно, думал:

– Что теперь Столыпин думает обо мне?

Эта занятость Столыпина Г–ом и Г–а Столыпиным мне представляется большим историческим фактом. «В груду истории должен быть положен везде свой камешек». И Г. усердно положил «свой».

(на «приглашение» в Славянское Общество)

К *силе* – все пристает, с *силою* (в *союзе с* нею) – все безопасно: и вот история нигилизма или, точнее, нигилистов в России.

Стоит сравнить тусклую, загнанную, «где-то в *уголку*» жизнь Страхова, у которого не было иногда щепотки чая, чтобы заварить его пришедшему при-

---

* Все удивлены, что Г. *(фр.)*.

ятелю, – с шумной, широкой, могущественной жизнью Чернышевского и Добролюбова, которые почти «не удостаивали разговором» самого Тургенева; стоит сравнить убогую жизнь Достоевского в позорном Кузнечном переулке, где стоят только извощичьи дворы и обитают по комнатушкам проститутки, – с жизнью женатого на еврейке-миллионерке Стасюлевича, в собственном каменном доме на Галерной улице, где помещалась и «оппозиционная редакция» «Вестника Европы»; стоит сравнить жалкую полужизнь, – жизнь *как несчастье и горе*, – Кон. Леонтьева и Гилярова-Платонова – с жизнью литературного магната Благосветлова («Дело») и, наконец, – жизнь Пантелеева, в палаццо которого собралось «Герценовское Общество» (1910–11 г.) с его более чем сотнею гостей-членов – с жизнью «Василия Васильевича и Варвары Димитриевны», с Ге и Ивановым за чашкой чаю, – чтобы понять, что нигилисты и отрицатели России давно догадались, где «раки зимуют», и побежали к золоту, побежали к чужому сытному столу, побежали к дорогим винам, побежали везде с торопливостью *неимущего – к имущему*. Нигилизм давно *лижет пятки* у богатого – вот в чем дело; нигилизм есть *прихлебатель у знатного* – вот в чем тоже дело. К «Николаю Константиновичу» на зимнего и весеннего Николу (праздновал именины два раза в год) съезжались не только из Петербурга, но и из Москвы литераторы; из Москвы специально поздравить приезжал Максим Горький (как-то писали), и курсистки – с букетами, и студенты – должно быть, пролепетать свою «оппозицию» и «поздравление»; и он раздавал свои порицания и похвалы, как возводил в чин и низвергал из чинов. Об этом неумытом нигилисте Благосветлове я как-то услышал у Суворина рассказ, чуть ли не его самого, что в кабинет его вела дверь из черного дерева с золотой инкрустацией, перед которою стоял слуга-негр, и вообще все «как у графов и князей»; это уж не квартирка бедного Рцы с его Ольгой Ивановной «кое-в-чем». Вот этих «мелочей» наша доверчивая и наивная провинция не знает, их узнаешь, только приехав в Петербург, и, узнав, – дивишься великим дивом. Гимназистом в VI–VII–VIII классах я удивлялся, как правительство, заботящееся о культуре и цивилизации, может допустить существование такого гнусно-отрицательного журнала, где стоном стояла ругань на все существующее, и мне казалось – его издают какие-то пьяные семинаристы, «не окончившие курса», которые пишут свои статьи при сальных огарках, после чего напиваются пьяны и спят на общих кроватях со своими «курсистками»: но «черные двери с негром» мне *и нам всем* в Нижнем и в голову не приходили... Тогда бы мы повернули дело иначе. «Нигилизм» нам представлялся «отчаянным студенчеством», вот, пожалуй, «вповалку» с курсистками: но всё – «отлично», всё – «превосходно», всё – «душа в душу» с народом, с простотой, с бедностью. «Грум» (негр) в голову не приходил. Мы входили «в нигилизм» и в «атеизм» как в страдание и бедность, как в смертельную и мучительную борьбу против всего сытого и торжествующего, против всего сидящего за «пиршеством жизни», против всего «давящего на народ» и вот «на нас, бедных студентов»; а в самом нижнем ярусе – и нас, задавленных гимнази-

стов. Я прямо остолбенел от удивления, когда, приехав в Петербург, вдруг увидел, что́ «и Тертий Иванович в оппозиции», а его любимчик, имевший 2000 «аренды» *(неотъемлемая* по смерть награда ежегодная по распоряжению Государя), выражается весьма и весьма сочувственно о взрывчатых коробочках: тут у меня ум закружился, тут встал дым и пламя в душу. «Ах, так вот *где* оппозиция: с орденом Александра Невского и Белого Орла, с тысячами в кармане, с семгой целыми рыбами за столом». – «Это совсем *другое дело*». Потом знакомство со Страховым, который читал «как по-русски» на 5-ти языках и как специалист и виртуоз знал биологию, математику и механику, знал философию и был утонченным критиком и которому в журналистике *некуда было*, кроме плохо платившего «Русского Вестника», пристроить статейку... Потом пришел ушедший от Михайловского Перцов, с его великодушными (при небольших своих средствах) изданиями чужих трудов...

Я понял, что в России «быть в оппозиции» – значит любить и уважать Государя, что «быть бунтовщиком» в России – значит пойти и отстоять обедню, и, наконец, «поступить как Стенька Разин» – это дать в морду Михайловскому с его «2-мя именинами» (смеющийся рассказ Перцова). Я понял, что «Русские Ведомости» – это и есть служебный департамент, «всё повышающий в чинах», что Елизавета Кускова – это и есть «чиновная дама», у которой все подходят «к ручке», так как она издавала высокопоставленный журнал «Без заглавия». Что «несет шлейф» вовсе не благородная, около нищих и проституток всю жизнь прожившая княжна Дондукова-Корсакова (поразительна биография, – в книге Стасова о своей сестре), а «несут длинный трэн» эта же Елизавета Кускова, да Софья Ковалевская, и перед ними шествующие «кавалерственные дамы» с Засулич и Перовской во главе, которые великодушную и *святую* Дондукову-Корсакову даже не допустили «на аудиенцию к себе» в Шлиссельбурге. Тогда-то я понял, *где* оппозиция; что значит быть «с униженными и оскорбленными», что значит быть с «бедными людьми». Я понял, где корыто и где свиньи, и где – терновый венец, и гвозди, и му́ка.

Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выедающая «православие, самодержавие и народность» из книг; непропуск моей статьи «О монархии», в параллель с покровительством социал-демократическим «Делу», «Русскому Богатству», etc. Я вдруг опомнился и понял, что идет в России «кутеж и обман», что в ней встала левая «опричнина», завладевшая всею Россиею, и плещущая купоросом в лицо каждому, кто не примкнет «к оппозиции с семгой», к «оппозиции с шампанским», к «оппозиции с Кутлером на 6-ти тысячной пенсии»...

И пошел в ту тихую, бессильную, может быть, в самом деле имеющую быть затоптанною оппозицию, которая состоит в:

1) помолиться,

2) встать рано и работать.

(15 сентября 1912 г.)

Где, однако, погибло русское дело, русский дух? как все *это* (см. выше) могло стать? сделаться? произойти?

В официальности, торжественности и последующей «наградке».

В той самой «вони», в которой сейчас погибает (?) нигилизм.

Все объясняется лучше всего через *случай,* о коем, где-то вычитав, передавал брат Коля (лет 17 назад).

Однажды ввечеру Государь Николай Павлович проходил по дворцу и услышал, как великие княжны-подростки, собравшись в комнату, поют «Боже, Царя храни». Постояв у отворенной в коридор двери, – он, когда кончилось пение, вошел в комнату и сказал ласково и строго:

– Вы хорошо пели, и я знаю, что это из доброго побуждения. Но *удержитесь вперед*: это священный гимн, который нельзя петь при всяком случае и когда захочется, «к примеру» и почти в игре, почти пробуя голоса. Это можно *только очень редко* и *по очень серьезному поводу.*

Разгадка всего.

У нас в гимназиях, и, особенно, в тогдашней подлой Симбирской гимназии, при Вишневском и Кильдюшевском, с их оскверняющим и оскорбляющим чинопочитанием, от которого душу воротило, заставляли всей гимназией перед портретом Государя петь *каждую субботу* «Боже, Царя храни», да и теперь, при поводе и без повода, везде и всякая толпа поет «Боже, Царя храни»...

Как?

– Конечно, *бездушно*!

Нельзя каждую субботу испытывать патриотические чувства, и все мы знали, что это «Кильдюшевскому с Вишневским нужно», чтобы выслужиться перед губернатором Еремеевым: а мы, гимназисты, сделаны орудиями этого низменного выслуживания.

И, конечно, мы «пели», но каждую субботу что-то улетало с зеленого дерева народного чувства в каждом гимназисте: «пели» – а в душонках, маленьких и детских, рос этот желтый, меланхолический и разъяренный нигилизм.

Я помню, что именно *Симбирск* был родиною моего нигилизма. А я был там во II и III классе; в IV-м уже переехал в Нижний.

Вот в этом официально-торжественном, в принудительном «патриотизме» – все дело. Мне иногда думается, что «чиновничество» или, вернее, всякие «службы» пусть бы и остались: но с него нужно снять позументы и нашивки, кстати очень смешные и кургузые, *курьезные.* Как и ордена, кроме разве самых высших, лент и звезд. Все эти служебные «крестики» ни на что не похожи и давно стали посмешищем всех. «Служилый люд» должен быть одет в простой черный кафтан, – и вообще тут может быть придумано нечто строгое, серьезное и простое. Также все эти «поздравления с праздниками начальства», вероятно мешающие только ему отдыхать, веселиться, «разго-

веться со своими» (в семье), – вся эта поганая шушера должна быть выметена и просто-напросто «в один прекрасный день» запрещена.

Чувство Родины – должно быть строго, сдержанно в словах, не речисто, не болтливо, не «размахивая руками» и не выбегая вперед (чтобы показаться).

Чувство Родины должно быть великим горячим молчанием.

(15 сентября)

Теперь вы поищите Магнитских да Руничей, да Аракчеева и Фаддея Бенедиктовича Булгарина – в своем лагере, господа.

(радикалам)

Все «наше образование» – не русское, а и европейское нашего времени – выразилось в:

– Господа! Предлагаю усопшего почтить вставанием.

Все встают.

Кроме этого лошадиного способа относиться к ужасному, к несбыточному, к неизрекомому факту смерти, потрясающему Небо и Землю, наша цивилизация ничего не нашла, не выдумала, не выдавила из своей души.

– «Встаньте, господа!» – вот и вся любовь.

– «Встаньте, господа!» – вот и вся мудрость.

Дарвин, парламент и войны Наполеона, всем бесчисленным умершим и умирающим, говорят:

– «Мы встали». – «Когда вы умрете – мы встанем».

Это до того рыдательно в смысле наших «способностей», в смысле нашей «любви», в смысле нашего «уважения к человеку», что...

Ну и что́ же, мы будем «реформировать Церковь» с такими способностями?..

Да ведь ни в ком из нас, во *всей нашей цивилизации,* нет ни одной капельки той любви, нет ни одной капельки того безбрежного уважения к человеку, какие сказаны церковью при созидании этих (погребальных) обрядов, слов, песнопений, чтений, сказаний, сказаны – и все это запечатлелось как *документ.* Какой у нас *документ* любви?!

«Встали! Постояли!!»

– Ослы!

Что́ скажем еще, кроме «ослы».

Вот эта-то «важная попытка реформации», – попытка с пустым сердцем, попытка с ничтожным умом, – она потрясает Европу... Тут «и декаденты», и «мы», «и эго-футуристы», всякие «обновленцы», и еще «Дума» и Караулов.

Да, «постояли мы» и над Карауловым. Надо было ему с того света чихнуть нам: «Мало».

Рассказ Кускова (Пл. А.):

– Все жалуются, что полиция притесняет бедных обывателей и стесняет гражданскую свободу. «Задыхаемся». «Держи и не пущай». Раз я зашел в далекую улицу, панель – деревянная, и бредет мне навстречу пьяная баба. Только у нее, должно быть, тесемки ослабели, и подол спереди был до земли. Как она все «клюкала» вперед, то́ и наступала на подол. Он ее задерживал, и в досаде она поддергивала (его) вверх. Но юбка отделилась от кофты, и она, не замечая, дергала сорочку. Дальше – больше: и я увидел, что у нее пузо голое. Юбку совсем она «обступала» книзу, и она сползла на бедра, а рубашку вздернула кверху. От омерзения я воскликнул стоявшему тут же городовому:

– Что же ты, братец, смотришь: отведи ее домой или в участок.

Сделав под козырек действ. стат. советнику (Кус.), городовой отвечал:

– Никак нет-с, ваше высокоблагородие. Нельзя-с. Она сама идет, и я не могу ее взять, потому нам приказано брать только, если пьяный *лежит*.

Кусков никогда не выезжал (до отставки) из Петербурга, и это было в столице.

Минувший год мы ездили с мамой к Романовым, – на Б. Зеленину. И, проезжая небольшую площадку, кажется у Сытного рынка (Петерб. сторона), – *в 1 час дня,* – в яркий, солнечный весенний день, – я вскрикнул и *отвернулся.*

Тотчас же взглянула *туда* жена.

– Молоденькая, лет 18 (сказала).

Vis-à-vis стояла толпа. Рассеянно, не нарочно. Парни, женщины.

И против них эта «18-ти лет» подняла над голыми ногами подол «выше чего не следует» и показала всем.

Столица.

(насколько мелькнуло лицо – не видно было, чтобы это была проститутка)

Все что-то где-то ловит: в какой-то мутной водице какую-то самолюбивую рыбку.

Но больше срывается, и насадка плохая, и крючок туп.

Но не унывает. И опять закидывает.

(рыбак Г. в газетах)

Стиль есть душа вещей.

Уж хвалили их, хвалили...

Уж ласкали их, ласкали...

(революционеры у Богучарского и Глинского)

...дураки этакие, все мои сочинения замешены не на воде и не на масле даже, – а на семени человеческом: как же вам не платить за них дороже?

(на извозчике) (первое естественное восклицание, – затерявшееся; и потом восстановленное лишь в теме в «Оп. лист.»)

Мамочка не выносила Гоголя и говорила своим твердым и коротким:

– Ненавижу.

Как о духовенстве, будучи сама из него, говорила:

– Ненавижу попов.

– Отчего вы, Варвара Дмитриевна, «ненавидите» священников?

Не торопясь:

– Когда сходят с извозчика, то всегда, отвернув в сторону рясу, вынимают свой кошель и рассчитываются. И это «отвернувшись в сторону», как будто кто у них собирается отнять деньги, – отвратительно. И всегда даст извозчику вместо «5 коп.» этот... с особенным орлом и старый «екатерининский» пятак, который потом не берут у извозчика больше, чем за три копейки.

– А Гоголя почему?

Она не повторяла и не объясняла. Но когда я пытался ей читать что-нибудь из Гоголя, которого Саша Жданова (двоюродная ее) так безумно любила, то, деликатно переждав (пока я читал), говорила:

– Лучше что-нибудь другое.

Это меня поразило. И на все попытки оставалась деликатно (к предлагавшему) глуха.

«– Что такое???! Гоголь!!!». – Я не понимал.

Нередко она сама смеялась своим грациозным смехом, переходившим в счастливейшие минуты в игривость, – небольшую и короткую. Все общее расположение души было деликатное и ласковое (тогда), без тени угрюмости (тоже тогда). Она не анализировала людей и, кажется, не позволяла себе анализировать: «Я еще молода» (26 или 28 лет). Все отношение к людям чрезвычайно ровное и благорасположенное, но без пристрастий и увлечений. В сущности, она жила как-то странно: и – «не от мира сего», и – «от сего мира». Что-то среднее, промежуточное. Впереди – ничего; кругом – ничего; позади – счастливый роман первого замужества, тянувшийся года четыре.

Муж медленно погибал на ее глазах от неизвестной причины. Он со страшной медленностью слепнул, и, затем, коротко и бурно помешавшись,– помер. «Мне сшили тогда траурное все, но я не надела, и, как была, в цветном платье, – шла за ним» (на кладбище; не имела сил переодеть).

Это цветное платьице за гробом осталось у меня в душе.

«– Отчего она не любит Гоголя? *Не выносит*».

Со всеми приветливо-ласковая, она только не кланялась Евлампии Ивановне С–вой, жене законоучителя и соборного священника.

– Отчего?

– Она ожидает поклона, и я делаю вид, что ее не вижу.

За исключением этих, очень гордых, которых она обходила, она со всеми была «хорошо». Очень любила родственниц, которые были очень хороши: Марью Павловну Глаголеву, Лизу Бутягину (†), подругу ее детства, дяденьку Димитрия Адриановича.

К прочим была спокойна и, пожалуй, равнодушна. Мать уважала, почитала, повиновалась, но ничего особенного не было. Особенное пробудилось потом, – в замужестве со мною.

Отчего же она не любит Гоголя? и когда читаешь (ей) – явно «пропускает мимо ушей». «Почему? Почему?» – я спрашивал. – Потому что это мне «не нравится».

– Да что́ же «не нравится»: ведь это – *верно,* Чичиков, например?

– Ну, и что́ же «Чичиков»?..

– Скверный такой. Подлец.

– Ну и что же, что...

Слова «подлец» она не выговаривала.

– Ну, вот Гоголь его и осмеял!

– Да зачем?

– Как «зачем», когда такие бывают?!

– Так если «бывают» – вы их не знайте. Если я увижу, тогда и... скажу «подлец». Но зачем же я буду говорить о человеке «подлец», когда я говорю *с вами*, когда мы *здесь*, когда мы что-нибудь читаем или о чем-нибудь говорим, и – слово «подлец» на ум не приходит, потому что вокруг себя я не вижу «подлеца», а вижу или обыкновенных людей, или даже приятных. Я не знаю, к чему это «подлец» относится...

Я распространяю более короткую речь и менее мотивированную. Она упорно отказывалась читать о «подлецах», не понимая или, лучше сказать, осязательно и, так сказать, к «гневу своему» не видя, к чему это относится и с чем это связать.

У нее не было гнева. Злой памяти – не было.

Скорей вся жизнь, – вокруг, в будущем, а более всего в прошлом, – была подернута серым флером, тоскливым и остро-печальным в воспоминаниях.

Чуть ли даже она раз не выговорила:

– Я ненавижу Гоголя потому, что он *смеется.*

Т. е. что у него есть существо *смеха.*

Если она с Евлампией Ивановной не кланялась, то не прибавляла к этому никакого порицания, и тем менее – анекдота, рассказа, сплетни. И «пересуживанья» кого-нибудь я от нее потом и за всю жизнь никогда не слыхал, хотя были резкие отчуждения, и раза два полные «раззнакомления», но всегда вполне без слов (с Гамбургерами).

Я понял тогда (в 1889 и 1890 гг.), что существо смеха Гоголя было несовместимо с тембром души ее, – по серебристому и чистому звуку этого тем-

бра, в коем (тембре) была совершенно исключена грязь и выкрик. Ни сора как *зрелища,* ни выкрика как *протеста* – она не выносила.

Я это внес в оценку Гоголя («Легенда об инквизиторе»), согласившись с нею, что *смеяться* – вообще недостойная вещь, что смех есть низшая категория человеческой души. Смех «от Калибана», а не «от Ариэля» («Буря» Шекспира).

Мамочка этого не понимала, да я ей и не говорил.

Позднее она очень не любила Мережковских, – до пугливости, до «едва сижу в одной комнате», но и тогда не сказала ни одного слова порицания, никакой насмешки или еще «издевательства». Это было совершенно вне ее существования. Поздней, когда и я разошелся с М–ми, и на Дм. Серг. стал выливать «язвы», – думал, она будет сочувствовать, или хоть «ничего». Но и здесь, оттого что у меня *смех* состоял в «язвах», она не читала или была глуха к моим статьям (пробегала до $^{1}/_{2}$, не кончая), а в отношении их говорила:

– Не воображай, что ты их рассердил. Они, вероятно, только смеются над тобой. Ты сам смешон и жалок в насмешках. Ты злишься, что они тебя не признают, и впадаешь в истерику. Себе – вредишь, а им – ничего.

Так я и не мог привлечь мамочку к своей «сатире». И я думаю вообще, что «сатира» от ада и преисподней, и пока мы не пошли в него и еще живем на земле, т. е. в средних ярусах, – сатира вообще недостойна нашего существования и нашего ума.

Пусть это будет «каноном мамочки».

Смазали хвастунишку по морде – вот вся «История социализма в России».

(на прогулке в лесу)

«...да потому, что *ее* – это принадлежит *мне».*

– «А *его* – это принадлежит мне», – думает девушка.

На этом основаны соблазнения и свирепые факты.

Так устроено. Что́ же тут сделать? «Всякий покоряет обето́ванную ему землю».

(на обороте транспаранта)

Любовь есть совершенная отдача себя другому.

«Меня» уже нет, а «все – твое».

Любовь есть чудо. Нравственное чудо.

Развод – регулятор брака, тела его, души его. Кто захотел бы разрушить брак, но анонимно, тайно, скрыл «дело под сукно» – ему достаточно было бы испортить развод.

«Учение (и законы) о разводе» не есть учение только о разводе, но это-то и есть *почти все учение* о самом браке. В нем уже все содержится: мудрость, воля. К сожалению, – «в нашем» о нем учении ничего не содержится, кроме глупости и злоупотреблений.

...как мелкий вор я выходил от Буре, спрятав коробочку с золотой цепочкой в карман (к часам L.Ademars N 10165). У детей – ни нарядца, мама – больна: а я купил себе удовольствие, в общем на 300 р.

Вечером не сказал, а завтра перед завтраком: «Мамочка – я купил себе обновку». Все обрадовались. И мама. И дети.

L.Ademars – первые часы в свете. Сделаны еще около 1878 года (судя по медалям выставок на специальном к этим часам патентике), и таких теперь больше нигде не приготовляется, а в истории делания часов этот мастер не был никогда превзойден. Часы – хотя им 30 лет почти – были очень мало в употреблении (вероятно, пролежали в закладе). – Оттого и купил, по случаю.

Задавило женщину и пятерых детей.

Тогда я заволновался и встал.

Темно было. И услышал в ухо: «Ты побалуйся и промолчи, а они потом (6) – как знают».

Я отвернул огонь и увидел, что и о «баловстве», и об «оставлении» шептал первый авторитет на земле.

Вот моя победа и моя история. Мог ли я не воскликнуть:

– Я победил.

И увидел я вдали смертное ложе. И что умирают победители как побежденные, а побежденные как победители.

И что идет снег и земля пуста.

Тогда я сказал: Боже, отведи это. Боже, задержи.

И победа побледнела в моей душе. Потому – что побледнела душа. П. ч. где умирают, там не сражаются. Не побеждают, не бегут.

Но остаются недвижимыми костями, и на них идет снег.

...я знаю, что изображаю того «гнуса литературы», к которому она так присосалась, что он валит в нее всякое д..... Это рок и судьба.

У меня никакого нет стеснения в литературе, п. ч. литература есть просто мои штаны. Что есть «еще литера́торы», и вообще что она объективно существует, – до этого мне никакого дела.

Да, верно Христово, что «не от *плоти* и *крови*» родиться нужно, а «от духа»: я, собственно, «родился вновь» и, в сущности, просто «родился» – уже 35-ти лет – в Ельце, около теперешней жены моей, ее матери 55-ти лет и внучки 7 лет. И, собственно, «Рудневы-Бутягины» (вдова–дочь) были настоящими моими «родителями», родителями *души моей.*

Помню, на камне, мы обменялись крестами: она дала мне свой золотенький помятый, я ей снял мой голубой с эмалью. И с тех пор на ней все этот мой голубой крестик, а на мне ее помятый.

И вошла в меня ее душа, мягкая, нежная, отзывчивая; в нее же стала таинственно входить моя (до встречи) душа, суровая и осуждающая, критикующая и гневная.

Она все суровела, делалась строже, – к порокам, недостаткам, к самым слабостям. Я же «прощал» все. Но я «прощал» тем счастьем, какое она принесла мне, а она суровела теми терниями, занозами, горечами, какие, увы, я принес ей.

Все-то целуешь у дам ручки (пример Полонского, «школа» Ф–с). Она так и вспыхнет:

– Что́ ты все облизываешься около дам.

Как противно. Действительно, противно: это, в сущности, гнусная манера мужчин «подходить к ручке». И до женитьбы я никогда этого не делал (не знал, что «бывает»), а после женитьбы – всегда (от хорошего настроения духа).

И я не мог отстать от этой гадости. И от многих таких же гадостей и сору. А ее это мучило и раздражало. Она говорила с достоинством:

– Ты не понимаешь моих чувств. Мне больно, что *ты себя унижаешь*, свое достоинство и свои 40 лет, облизываясь, как мальчишка...

Во мне «мальчишка» так и кипел (был этот дух)...

– И что на тебя будут смотреть *как на мальчишку* – это мне больно.

И – все.

Мне все казались добрыми, и С–ниха, и все. Потому, что я был счастлив. И счастлив от золотого ее креста.

Чего, я даже у С–ной целовал ручки, не подозревая, что́ это за «особа».

Весь торопясь, я натягивал сапоги, и спросил Надю: «Не поздно ли?». – «Нет еще, половина одиннадцатого». – «Значит, опоздал! Боже мой. Ведь начинается в девять». – «Нет. В *десять*». В две минуты я надел нарядное платье (в церковь) и, написав:

взял извозчика за гривенник до Александра Свирского и уже был там.

Теснота. Духота. Подаю: «Не поздно?». – «Нет». Кладу на бумажку гривенник. «И две свечки по пяти коп.».– И прошел к «кануну».

Первый раз *за усопшего* ставлю свечку *«на канун»*. Всегда любил его, но издали, не подходя. Теперь я увидел дырочки для свеч в мраморной доске, и вставил свою. Поклонился и иду ставить «к Спасителю» о болящей.

Продираюсь. Потно, душно. Какая-то курсистка подпевает «Господи, помилуй» певчим. «Буду ставить Спасителю свечки, – подумал. – Поможет». А задним умом все думаю о «кануне» и что написал

«О упокоении души»...

Как о «упокоении души»? Значит, она *есть... живет... видит* меня, увы, такого дурного и грешного... да **кто** всему этому научил?

– **Церковь**.

«Она», пререкаемая, она – позоримая, о которой ругаются газеты, ругается общество, что «дóлги службы», что там «пахнет тулупом», и «ничего не разберешь в дьячке»...

Научила, о чем едва смел гадать Платон, и доказывал философскими извитиями мысли. Она же прямо и дивно сказала:

– Верь! Клади гривенник! «Выну частицу», и душе будет легче. И она взглянет на тебя оттуда, и ты почувствуешь ее взгляд.

«Гривенник» – так осязательно. Как что две булки за гривенник – несомненно в обиходе и лавочке. Значит, «бессмертие души» так же несомненно, близко, осязательно, как булка в булочной.

Неужели поверить, что ее постоянная молитва имела этот смысл:

– Отчего они меня не лечат?

– Вразуми их! – Укажи им.

В Мюнхене, в Наугейме (в Луге – и на Сиверской уже не было)... всегда это:

Пишу статью. Весь одушевлен. Строки черным бисером по белому растут и растут... Оглядываюсь... и раз... и два... и три:

– Она подымет глаза от акафиста и кивнет мне. Я улыбнусь ей:

– Чтó, милая?!

И она опустит глаза на разорванные листочки «Всех скорбящих радости» – и читает.

У меня: недоумение, грусть. «Отчего она все читает один акафист?». И смутная тревога.

Кончит. И встанет. И начнет делать.

На вопрос (об акаф.):

– Меня успокаивает.

Она никогда не читала перед образом, на коленях. Всегда сидя, – почему-то даже не на кушетке, а на кровати. Не помню положения ног, но – не лежа. Скорей сжалась, – и молится, молится «Всех скорбящих радости».

В Луге уже не могла, и я читал ей. Она лежит на кровати, я стоял на коленях на полу, но оборотившись так, что она видела – и я, «еще подвернувшись», тоже мог видеть – образ и перед ним зажженную лампадку.

~

А по воскресеньям и накануне праздников – так это было хорошо. На старом (без употребления) подносе стоит ряд лампадок. Во все наливается масло. Это – в столовой, и стоят оне с огоньками, как свечи «на кануне» в церкви...

И вот эти огоньки уже несутся (в руках) в разные комнаты, в спальню, в детские, в кабинет...

У нее *своей* комнаты (отдельной) никогда не было, и даже, в сущности, не было (годами) у нас спальни: на ночь вынимался из сундука (в прихожей) матрац, и устраивалась постель в моем кабинете.

(24 сентября)

Революции основаны на энтузиазме, царства – на терпении.

~

~

~

Революции исходят из молодого «я». Царства – из покорности судьбе.

~

Он был весь в цвету и красоте, женат на младшей из многочисленных сестер, недавно кончившей гимназистке, и пока находился в гостях у ее старшей сестры. Ее муж был старый кашляющий чиновник, собравшийся умирать.

Что́ у него не болело: печень, почки, сердце, кости. Он был жёлчен и груб, но с молодым зятем (т. е. с этим мужем сестры жены), – о котором знал, что он революционер, – старался быть сдержанным и отмежевывался коротенькими:

– Не знаю-с...

– Как угодно-с...

– избегая речей и более связного разговора. Но жену свою, имея все права на нее, беспощадно ругал и был невыносимо груб, не стесняясь гостями и их революционерством.

Она вышла за него, лет 29, для детей и хозяйства и вообще «исполнения женского назначения», когда ему было за 40. Теперь ему было за 50, но он

представлял труху болезней, и от непереносимости состояния, собственно, и ругался.

Скоро он умер. И, помня, что он все ругался, я спросил Петю (меньшого брата революционера), смиренно готовившегося стать учителем рисования. Он с недоумением выслушал мой негодующий вопрос:

– Нет, он не был худой человек. Ругался? – но оттого, что у него все болело. Последние недели перед смертью он все заботился, чтобы вдова его не осталась «ни при *чем*», и хотя он не дослужил до пенсии, но заблаговременно подал о ней прошение и представил свидетельства докторов. Да и имущество, правда, бедное, укрепил за нею одной, чтобы не могли вмешиваться другие родственники. Нет, он был хороший человек и хороший муж. Если старый, – то ведь она же пошла за старого.

Володя сидел «в крестах», и жена носила ему обеды. Она была очень некрасива, как-то мужеобразна. Он же был удивительный красавец, высокого роста и стройный, с нежным лицом и юношеским голосом. Наконец, будучи сама без денег, она откуда-то раздобыла 1000 р. и совсем высвободила его под «залог» этой тысячи.

Я видел их сейчас по освобождении. Она была так полна любовью, а вместе контраст его красоты и ее некрасивости был так велик, что она не могла более нескольких минут быть с ним в одной комнате. И я их не видел вместе, рядом, – разговаривающими.

Она только смотрела на него откуда-то, слушала из другой комнаты его голос. Но как-то избегала, точно в застенчивости, быть «тут».

Он был ласков и хорош, с нею и со всеми. Он был вообще очень добр, очень ласков, очень нежен и очень деликатен.

Он был прекрасный человек. И прекрасный с детства. Любимое дитя любимых родителей.

Это от него я услышал поразительное убеждение:

– Конечно, университет принадлежит *студенчеству*, потому что их *большинство*. И порядок, и ход дел в университете вправе устанавливать *они*.

Это на мое негодование, что они бунтуют, устраивают беспорядки и проч.

Сам, кончив отлично гимназию, он был исключен с медицинского факультета Московского университета, потому что вместе с другими стучал ногами при появлении в аудитории Захарьина. Захарьин был аристократ и лечил только богатых, а Володя был беден и демократ, и хотел, чтобы он лечил бедных.

Поэтому (стуча ногами) он стал требовать у начальства, чтобы оно выгнало Захарьина, но оно предпочло выгнать несколько студентов и оставить Захарьина, который лечил всю Россию.

Он перешел в «нелегальные», потом эмигрировал. Потом «кресты» и, наконец, – на свободе.

Вскоре он бежал. Но еще до бегства случилась драма.

Посещая его жену, я всегда слышал ответ, что «Володя ушел». Из соседней комнатки вылезала какая-то в ватных юбках и ватной кофте революционерка, до того омерзительная, что я не мог на нее смотреть.

(устал писать). (Володя оставил свою жену, сблизился с еврейкой, которую я мысленно определил лукошком; и которая хоть жила с ним в одной комнатушке, но его третировала, и он ужасно страдал. Рассказ его жены, как, уехав на берег моря, близ Риги, она слушала ночами рев волн, – осенью, – и была только с его портретом. Сравнение: революционеры живут для **себя**, *а старые кашляющие чиновники все же живут для* **жен**, *ограничивая себя, терпя, не срывая цветочков – как этот Володя – в любви, а трудясь и заботясь о человеке, с которым связала судьба)*

Год прошел, – и как многие страницы «Уед.» мне стали чужды: а *отчетливо* помню, что «неверного» (против состояния души) не издал ни одного звука. И «точно летел»...

Теперь – точно «перья» пролетевшей птицы. Лежат в поле одни. Пустые. Никому не нужные.

~

Не «мы мысли меняем как перчатки», но, увы, мысли наши изнашиваются, как и перчатки. Широко. Не облегает руку. Не облегает душу.

И мы не сбрасываем, а просто перестаем носить.

Перестаем думать думами годичной старости.

Хороша малина, но лучше был окурок. *Он* курил свернутые сосульки, и по кромке парника лежала где-нибудь коричневая сосуля – сухая (на солнышке), т. е. – сейчас закурить.

Мы ее с Сережей не сразу брали, а, указав пальцем, как коршуны над курицей, – стояли несколько времени, мяукая:

– Червонцы.

– Цехины.

Это было имя монет из «Тараса Бульбы» («рубли», конечно, не интересовали, – не романтично): но, разыскав 1–2 таких сосули, садились невидно, под смородину, и, свернув крючок (простонародная курка) – препарировали добро, пересыпали туда, и по очереди – с страшным запретом два раза сплошь не затянуться *одному* – выкуривали табак.

Сладкое одурение текло по жилам. На глазах слезы (крепость и глубина затяжки).

Он был слаще всего – ягод, сахара. Женщины мы еще не подозревали. А ведь, пожалуй, это все – наркотики, – и женщины. Ибо отчего же в 7–8 лет табак нам был нужнее хлеба?

Да как же без amor utriusque sexus* обошлось бы дело? Как же бы мы могли начать относиться к *своим* (noster sexus**) с тою миловидностью, с тою ласковостью, с тою нежностью, с какою обычно и *по природе* относимся к противоположному полу, к alter sexus***?.. без чего нет глубины отношения, а без amor *nostri* sexus нет *закруглённости* отношения. Universaliter debet amor mundi****. Но тогда явно ласка должна простираться туда и – *сюда.* Таким образом, действительно удивительная приспособленность к этому in natura rerum***** – получает свое объяснение. *Организм индивидуума поразительно гармонизует,* «созвучит», *организму человечества.*

(к организованности человечества
и к вопросу о всемирной гармонии)

Некоторые из написанных обо мне статей были приятны, – и, конечно, я связан бесконечной благодарностью с людьми, разбиравшими меня (что́ бы им за дело?): Грифцов, какой-то Закржевский (в Киеве), Волжский. Но в высшей степени было неприятно одно: никакой угадки меня не было у них. То́ как Байрон «взлетел куда-то». То́ – как «сатана», черный и в пламени. Да *ничего* подобного: добрейший малый. Сколько черных тараканов повытаскал из ванны, чтобы, случайно отвернув кран, кто-нибудь не затопил их. Ч. был единственный, кто угадал (точнее – сумел назвать) «состав костей» во мне, натуру, кровь, темперамент. Некоторые из его определений – поразительны. Темы? – да оне всем видны, и, по существу, чорт ли в темах. «Темы бывают всякие», – скажу я на этот раз цинично. Но он не угадал моего интимного. Это – боль; какая-то беспредметная, беспричинная, и почти непрерывная. Мне кажется, это самое поразительное, по крайней мере – необъяснимое. Мне кажется, с болью я родился; первый ее приступ я помню задолго до гимназии, лет 7–8: я лежал за спинами семинаристов, которые, сидя на кровати и еще на чем-то, пели свои «семинарские песни». Я лежал без всякого впечатления, или с тем – «как хорошо», т. е. лежать и что поют. Вдруг слышу строки:

И над Гамбиею знойной,
Там, где льется Сенегал...

по смыслу выходило, что «над этими местами» пролетает сокол куда-то, к убогой подруге своей, или вообще к какой-то тоске своей. Напев был, правда, заунывный, но ведь слыхал же «вообще заунывность» я и ранее. Скорее

---

* Любовь обоих полов *(лат.).*

** Наш пол *(лат.).*

*** Другому полу *(лат.).*

**** Вселенная обязана всемирной любви *(лат.).*

***** В природе вещей *(лат.).*

меня обняло впечатление пустынности и однотонности, пожалуй – невольной разлуки. Но едва звуки коснулись уха, как весь организм мой, весь состав жил как-то сжался во мне: и, затаивая звуки, в подушку, и куда-то, я вылил буквально потоки слез; мне сделалось до того тоскливо, до того «все скучно», дом наш, поющие, мамаша, о братьях и играх – не говорю: и явился тайный порыв «быть с этим соколом», конкретнее – объяла такая тоска об этом соколе, с которым я, конечно, соединял «душу человека», «судьбу человека», что я плакал и плакал, долго плакал...

В другой раз это случилось в 4-м классе гимназии: умер Димитрий Степанович Троицкий, нижегородский врач «для сапожников» (лечил одну бедноту), образованный человек, и странным образом – мой друг, говоривший со мною о Локке, Маколее, английской революции и проч., и вместе страдавший (форменная болезнь) запоем. Умер и похоронили. Он был братом жены моего брата Коли. Как хоронили, как несли, – ничего не помню. Но вот я стою в моей полутемной комнатке, переделанной из кухни. Тут печальная и сестра покойного, тоже очень любившая брата, и мой брат, очень его уважавший. В минуту, как я остался один, я опять – от мысли о своем *теперь* одиночестве – разразился такими рыданиями, длившимися едва ли менее $^1/_2$ часа, от которых ни я и никто не мог меня остановить. Это было что-то судорожное, и проникнутое такой горечью и отчаянием, как я не помню, – состояние души было до такой степени страшное, черное, – точно вот имело цвет в самом деле, – как не умею выразить. Ни его мать, ни сестра – ничего подобного не плакали.

Это были *мистические слезы* – иначе не умею выразить; думаю, это определение совершенно верно. Состояние было до того тяжелое, что еще бы утяжелить – и уже нельзя жить, «состав» не выдержит.

~

Это примыкает к *боли*. Боль моя всегда относится к чему-то *одинокому*, и чему-то *больному*, и чему-то *далекому*; точнее: что *я* – одинок, и оттого, что не со мной какая-то *даль*, и что эта даль как-то *болит*, – или я болю, что она только *даль*... Тут есть «порыв», «невозможность» и что я *сам* и *все* «не то́, не то́»...

Ничто так не обижало во мне «человека» в детстве, как что не дозволяли ходить в погреб за квасом «самому».

– Ты не заткнешь втулку хорошо. И квас станет утекать. Вот пойдут большие – пойдешь и ты.

И я ждал. Час. Два. Жажда томит. Квас манит. И почему я «не воткну втулку крепко»? Воткнул бы.

«Кнут» Фл. как-то месяцы жжет мне душу; «церковь бьет *кнутом*, п. ч. *иначе стало бы хуже*». Но она не только «бьет кнутом», но иногда и «очищает карманы брата своего», как случилось с 200 священниками домовых церквей

в Петербурге. Не понимаю, почему в *сем-то случае* «стало бы хуже»; а по «сему случаю» заключаю, что и в *тех случаях* бьет «кнутом» не по заботливости о хорошем, а по глупости, если только еще не *хуже*...

~

Неужели этот энтузиаст ц. станет реформатором? П. ч. лет-то через 20 он рассмотрит, что не всегда «для лучше», а иногда и «в мошну», и «в чрево», да и просто «не любим никого».

(Фл., защищающий каноническое право и **строгости** *церковные; развод, эпитимьи разведенным и внебрачные дети)*

Все мои пороки мокрые. Огненного ни одного.

Ни честолюбие, ни властолюбие, ни зависть не жгли мне душу.

Как же мне судить тех, кто не умеет совладать с огненными пороками (а я их сужу), когда я не умел справиться со своим, мокреньким.

Книга должна быть дорога. Книга не кабак, не водка и не гуляющая девушка на улице.

Книга беседует. Книга наставляет. Книга рассказывает.

Книга должна быть дорога.

Она не должна быть навязчива, она должна быть целомудренна.

Она ни за кем не бегает, никому не предлагает себя. Она лежит и даже «не ожидает себе покупателя», а просто лежит.

Книгу нужно уметь находить; ее надо отыскивать; и, найдя, – беречь, хранить.

Книг не надо «давать читать». Книга, которую «давали читать», – развратница. Она нечто потеряла от духа своего, от невинности и чистоты своей.

«Читальни» и «публичные библиотеки» (кроме императорских, на всю империю, книгохранилищ) и суть «публичные места», развращающие города, как и дома терпимости.

Всем великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся.

Наполеон совершенно никому не интересен. Наполеон интересен только дурным людям (базар, толпа).

(на почтовой расписке)

Больная раком, она сидела вся кокетливая у нас за чаем. Сестра ее сказала ей, будто 30 лет назад я был в нее влюблен; тогда мы не были знакомы, и теперь она заехала с сестрою к нам показаться тому, кто «когда-то был влюблен в меня».

Но это ошибка. Только проходя по Комаровской улице (Брянск), я видел маленький домик «К–ких», и видел в окно, как «они все пьют чай». Тогда она была худенькая, деликатная, если не красивая, то почти красивая. Она была такая скромная, что я, пожалуй, был «почти влюблен». Сестра ее была тогда гимназистка. Тогда они были «молодожены», и детей у них еще не было. Он – военный, служил в арсенале. Теперь он седой генерал.

И она сидела и смеялась. У нее отняты обе груди, и «вынуто все под мышками» и «тут» (на боку) – почти до костей. Сестра – хирург, и все «снимала» и «снимала» постепенно.

Никакого несчастья я не видел на лице. «Мне еще бы прожить 6 лет, чтобы младший (12-ти лет) поднялся», – передавала ее слова сестра и приятельница (в то время) нашего дома.

Она была и теперь видная. 40 лет. Приятный белый цвет лица и что-то «неуловимо-пластическое», чем нравятся женщины.

(объявление о «†» в «Нов. Вр.» 3–4 октября 1912 г.)

Вечная память. Хоть мимолетно встретились – но вечная память ей.

(1913 г.)

Иногда кажется, что я преодолею всю литературу.

И не оттого, что силен. Но «Господь со мною». Это так. Так. Так.

(за упаковкой в дорогу)

Левые «печатники» и не догадываются, что им дают ругаться – как пьяным, или ораторствовать – как провокаторам на сходке.

(смысл русской свободы)

Объяснение особой ревности стариков.

Je ne puis pas tout-à-fait.

И остаются вздохи, звезды, распустившиеся цветы и...

Бедный берет розу и обоняет:

Но это – как рисовали 20 лет назад старого толстого францисканца, поднесшего к носу розу:

– Червяк!!

«Человек съел жабу» и в бешенстве убивает того, кто вложил жабу в розу.

~

Поневоле станешь подозревать, следить, запирать на ключ. «Вечная опасность вместо вина напиться уксуса». С ума сведет.

Бедные очень страдают.

---

* Я совсем не могу *(фр.)*.

~

Но тут есть corrigenda*. Лет 20 назад мне пришлось выслушать странный рассказ, когда средних или чуть-чуть пожилых лет сватался к совсем молоденькой, и ввиду разности лет, говорил:

– Вы можете жить с кем угодно; но только выйдите за меня замуж. Я хочу быть вашим мужем и около вас, а стеснять я вас ни в чем не стану, и сам не буду вам навязываться.

Я не обратил внимания на рассказ, пока, на похоронах еврейки (жена Цынамгзварова, грузина), молоденькая «провожавшая», с которой на пролетку я сел от усталости (дождь, грязь), на мои расспросы о ней – сказала:

– Я на зубоврачебных курсах. – Нет, замужняя. – Буду зарабатывать сама хлеб. – По окончании гимназии я поехала в Златоуст и вышла замуж за офицера. – Молодого. – Оказалось, пьет ужасно. Но не от этого я ушла, а он говорил мне: «Что́ ты просишь у меня все на хозяйство (денег), я же тебя оставляю глаз на глаз с товарищами, у которых есть средства, и ты всегда можешь быть при деньгах». – Ну, этого я не могла вынести. И ушла.

Тогда мне объяснилось и «предложение» на условиях свободы. Но просящее – «будь *моей женой, около меня*».

Конечно, бедняк последний «рвал бы волосы на голове» при мысли об измене. И тут дело вовсе не в том, чтобы «были карманные деньги». Деньги скорее – предлог, оправдание и «введение»... «Все как будто у всех». Но тонкая *личная* струя здесь вводит в понимание архаичнейшей формы семьи – полиандрии, которая основана главным образом не на инстинкте женщин, а на странном вкусе мужей к «червяку» и «жабе».

Мне один извозчик (ехал в редакцию, к ночи) сказал о своей деревне (Новгородской губернии), – на слова, будто «деревенские девушки или женщины легко отдаются рубля за 3» (слова мне А.С.Суворина, о поре своей молодости).

– Зачем девушки. Замужние. У нас на деревне всякая за 3 рубля (отдастся). Да хоть мою жену захочет кто взять.

Я даже испугался. Так просто. Он был красавец, с небольшими усиками, тонкий. Молодой. Лет 27-ми.

И не поперхнулся. Ни боли, ни стыда. И, значит, – никакой ревности.

~

Кстати, принципиальный вопрос Флоренскому, священникам и профессорам церковного права: должен ли быть расторгнут, т. е. должна ли церковь расторгнуть брак в случае «зубодерки», т. е. когда муж просит жену отдаваться, а она, чувствуя отвращение к таким отношениям и гнусность ко всему этому типу семьи, нося в сердце идеал лучшей семьи, – просит церковь освободить ее от неудачно заключенного брака и дать разрешение на вступление в новый?

---

* Поправка *(лат.)*.

Есть ли это «прелюбодеяние»? Пока – нет. Т. е. церковь, «комментируемая и изъясняемая духовенством», единственным судиею сего «своего дела», – признает таковой брак расторжению не подлежащим. «Ни свидетелей», «ни жалобы мужа», «ни – измены мужа». Жена не может сказать: «муж мне изменяет», да он и не изменяет. А она? Да и она *может не изменять*. Какой же повод к разводу, формальный? И церковь сохраняет и приказывает сохранять такой чудовищный брак, около которого случайное «прелюбодеяние» мужа или жены, «прелюбодеяние» по налетевшей буре любви, кажется чем-то невинным и детским.

От кого же, господа духовные, идет развал семьи, от вас или от «непослушных жен», как вы традиционно и лениво жалуетесь? От вас, по-моему, по факту. И кто оскорбляет таинство брака? Ваш грязный взгляд на дело, ваши грязнящие брак законы. С «червем» и «жабою».

Да: на т. св. дадут вам покушать за отношение к семье и к семейным людям «червяка» и «жабы».

~

К разговору с извозчиком:

Толстой (такой ревнивый вообще и поощряющий ревность) гениально подметил это спокойствие крестьян к началу полиандрии:

– Дурак. Я сапогов не захватил.

Любовник прыснул от жены: и муж только жалел, зачем, «вспугнув» их с места, он не догадался предварительно взять сапоги его, тут же стоявшие.

Муж вернулся после отлучки. Узнав про любовь жены, он побил ее и все, что следует, и не лег с нею спать, а полез на́-печь. Жена среди ночи встала и пришла к нему. Он еще был сердит, и не хотел пускать. Но она облила его такими нежными словами. У Толстого это удивительно. Муж взял ее. И он все забыл; и она все забыла. Это и есть «полиандрия» в древности и сейчас.

(рассказ об этом в «Посмертных сочинениях» Толстого; заглавие забыл)

Я смотрел на Леву с такою завистью к его росту, к его красивости, к его достоинству.

Он был III-го класса, и я не знал, могу ли к нему подойти поздороваться потом (когда всенощная кончится).

Я был I-го или II-го класса, карапузик. Он обыкновенно ходил с толстой палкой (самодельщина) и мог меня побить, мог всех побить.

Слушал пение (в арке между теплой и холодной церковью). Красиво все. Рассеянность. И будто потянуло что-то.

Я обернулся.

За спиной, шага на 1½, стояла мамаша и улыбнулась мне. Это была единственная улыбка за всю ее жизнь, которую я видел.

(в Покровской церкви, в Костроме, 1868 или 1869 год)
(прислонясь к стене на Итальянской ул.)

Пересматриваю академическое изд. Лермонтова. Хотел отыскать комментарии к «Сашке». Не нашел (какая-то лапша издание). «Может, в I т.»? Ищу и вижу на корешке IV, II, V, III. «Где же первый? Не затерялся ли?». С тревогой ищу I. Вижу только 4 книги. «Затерялся». Еще тревожнее, и вижу, что я аккуратнейше и внимательно надписал на «бумажке обертки»: «Выпуск второй», «выпуск третий», «четвертый» и «пятый» под печатным: «Том первый», «второй», «третий», «четвертый». Каким образом я, *внимательно* надписывая (радость о покупке) нумерацию томов, мог не заметить, что подписываю неверно под *тут же* (на обложке!) *напечатанными* «первый», «второй», «третий»? Значит, я *рассматривал* и *не видел*. Это сомнамбулизм, сон. И в первый раз прошло извинение о болезни мамы, которое мучило все лето: «что́ же мне делать, если я *ничего не вижу*», «*родился* так», «таким *уродом*». Это фатум бедной мамочки, что она пошла за Фауста, а не за колл. асессора. Это все-таки грех и несчастие, но – *роковое*.

Сколько, сидя над морем, на высокой горе, я с бумажкой в руке высчитывал процентные бумаги. Было не то́ 16, не то́ 18 тыс., и обеспечения детей не выходило. Я перестраивал их так и иначе: «продать» одни и «купить» другие. Это был год, когда она была так мрачна, печальна и раздражительна. Я мучился. Зачем же я просиживал? Если бы я так же вдумался в состояние души ее, т. е. вдруг затревожился, отчего она тревожна, – я бы разыскал, так же бы стал искать, думать, так же бороться душою с чем-то неопределенно дурным, и попал бы на след, и, в конце концов, во́время разыскал бы и позвал Карпинского. И она была бы спасена.

То́, что я провозился с деньгами, нумизматикой и сочинениями, вместо здоровья мамы, и есть причина, что пишу «Уедин.». Ошибка всей жизни.

~

Так мы каркаем бессильно, пройдя ложный путь.

Нет, чувствую я, предвижу, – что, не пристав *здесь*, не пристану – и *туда*. Что же Новосёлов, издав столько, сказал ли хоть *одно слово*, *одну строку*, *одну страницу* (обобщим так, без подчеркивания), – на мои мучительные темы, на *меня мучащие темы*. Неужели же (стыдно, мучительно сказать) им нужны были строки мои, а *не нужна душа моя*, ну – душа последнего нищего, отнюдь не «писателя» (чорт бы его побрал). Поверить ли, что ему, Кожевникову, Щербову *не нужна душа*. Фл-ский промолчит, чувствую, что промолчит. «Неловко», да «и зачем расстраивать согласие», – в сущности, «хорошую компанию». N–в о своей только сказал: «Царство ей небесное, ей там лучше» (в письме ко мне). А о папаше как заботился, чтобы не «там было лучше», а и «здесь хорошо». Но – жонкам христианским вообще «*там* бы лучше», а камилавки и прочее – «нам останутся» и «износим здесь», или – «*покрасуемся* здесь»... Что же это в

конце концов за ужасы, среди которых я живу, ужаснее которых не будет и светопреставление. Ибо это – друзья, близкие, *самые лучшие встреченные люди*, и если не у «которых – тепло», то где же еще-то тепло? И вот пришел, *к ним* пришел – и... пожалуй, «тепло», но в *эту специальную сторону – тоже холодно и у них*. А между тем особенность судьбы моей привела искать и стучаться, стучаться и искать – *тепла специально в этой области*. Что́ же Фл–ский написал о N: «кнут» и «нужно промолчать». Какое же это решение?

Неужели же не только судьба, но и Бог мне говорит: «Выйди, выйди, тебе и тут места нет?». Где же «место?». Неужели я без «места» в мире? Между тем, несмотря на слабости и дурное, я чувствую – никакого «каинства» во мне, никакого «демонства», я – самый обыкновенный человек, простой человек, я чувствую – что хороший человек.

Умереть без «места», жить без «места»: нет, главное – все это *без малейшего* желания *борьбы*.

– Ребенок плачет. Да встань же ты. Ведь рядом и не спишь.

– Если плачет, то что́ же я? Он и на руках будет плакать. Пожалуй, подержу.

(отчего семьи разваливаются: первая Надя).

~

Она была так же образованна, как и другая, которая (я и не заметил, она потом, при случае, сказала):

– Когда я брала кормилицу (своего молока не было, – от *того же*, но мы и доктор не понимали) и деньги шли на то́, что́ я бы должна выполнить, то я тогда отпускала прислугу и сама становилась к плите.

(отчего семьи крепнут; наша мама)
(15 октября)

Ах, Бехтерев, Бехтерев, – все мои слезы от вас, через вас...

Если бы не ваш «диагноз» в 1896 (97?)-м году, я прожил бы счастливо еще 10 лет, ровно столько, сколько нужно, чтобы оставить детям 3600 ежегодно на пятерых, – по 300 в месяц, что́ было бы уже достаточно, – издал бы чудную свою коллекцию греческих монет, издал бы Египет (атлас с объяснениями), «Лев и Агнец» (рукопись), и распределил и сам бы издал книгами отдельные статьи.

(начало октября)

Желание мое умереть – уйти в лес, далеко, далеко. И помолиться и умереть. Никому ничего не сказав.

А услышать? О, как хотелось бы. Но и как при жизни – будет все «с недоговорками» и «уклонениями». А те чужие, болтуны – их совсем не надо.

Значит, и услышать – ничего́.

(глуб. ночью)

Холодок на сердце. Знаете ли вы его?

(в печали)

В 57 лет Бог благословил меня дружбой Цв.

(в печали) (октябрь 1912)

~

Как люблю его. Как уважаю.

Если бы Бехтерев увидел нашу мамочку, лежащую на кушетке, зажав левую больную руку в правой...

Но не увидит. Видит муж.

~

У них нет сердца. Как было не спасти, когда он *знал по науке,* что можно спасти, есть время и не *упущено еще* оно.

Знаю, физика: левая холоднее правой, и она ее постоянно греет. Но этот *вид* прижатых к груди рук – кулачок в кулачке – как он полон просьбы, мольбы и... безнадежности.

И все он передо мной, целые дни. Повернешь голову назад, подойдешь к стулу сесть, пройдешься по комнате и обратно пойдешь *сюда*: всё сжатые кулачки, всё сжатые кулачки. Дни, часы, каждый час, все месяцы.

(зима 1912 г.)

Нагими рождаемся, нагими сходим в землю.

Что́ же такое наши одежды?

Чины, знатность, положение?

Для прогулки.

~

День ясный, и все высыпали на Невский. Но есть час, когда мы все пойдем «домой». И это «домой» – в землю.

(октябрь)

Как не целовать руку у Церкви, если она и безграмотному дала способ молитвы: зажгла лампадку старуха темная, старая и сказала: «Господи, помилуй» (слыхала в церкви, да и «сама собой» скажет) и положила поклон в землю.

И «помолилась» и утешилась. Легче стало на душе у одинокой, старой.

Кто это придумает? Пифагор не «откроет», Ньютон не «вычислит».

Церковь сделала. Поняла. Сумела.

Церковь научила этому всех. Осанна Церкви, – осанна как Христу – «благословенна Грядущая во имя Господне».

...да, шулер –

Ударил по *сердцам* с неведомою силой.

Интересна история нашей литературы.

(у Гершензона об Огаревой, как ее обобрали, старуху)

Как раковая опухоль растет и все прорывает собою, все разрушает, – и сосет силы организма, и нет силы ее остановить: так социализм. Это изнурительная мечта, – неосуществимая, безнадежная, но которая вбирает все живые силы в себя, у молодежи, у гимназиста, у гимназистки. Она завораживает самое идеальное в их составе: и тащит несчастных на виселицу – в то время как они убеждены, что она им принесла счастье.

И в одном поколении, и в другом, в третьем. Сколько она уже утащила на виселицу, и все ее любят. «Мечта общего счастья посреди общего несчастья». Да: но именно *мечта* о счастье, а не работа для счастья. И она даже противоположна медленной, инженерной работе над счастьем.

– Нужно копать арык и орошить голодную степь.

– Нет, зачем: мы будем сидеть в голодной степи и мечтать о том, как дети правнуков наших полетят по воздуху на крыльях, – и тогда им будет легко летать даже на далекий водопой.

(за «Современником»)

В 1904–5 г. я хотел написать что-то вроде «гимна свободе»... Строк 8 вышло, – но больше жару не хватило: почувствовал, что загнуло в риторику... А теперь!..

. . . . . .

. . . . . .

...бежать бы как зарезанная корова, схватившись за голову, за волосы, и реветь, реветь, о *себе* реветь, а, конечно, не о том, что «правительство плохо» (вечное extemporalia* ослов).

(октябрь)

– Какое безобразие ваши сочинения.

– Да. Но все пыхтит в работе.

---

* Учебное упражнение на перевод *(лат.)*.

«Христианство и *не за́* пол, и *не про́тив* пола, а перенесло человека совершенно *в другую плоскость*».

(Флор.)

– Хозяин *не́* против ремонта дома и *не* за́ ремонт: а занимается библиографией.

Мне кажется – дом-то развалится. И хотя «библиография» не противоречит домоводству: однако его съедает.

Вопрос о браке ведь в каждой семье, у меня, у вас (будет). Томит дни, ночи, постоянно, всякого. Как же можно сказать: «Я никому не запрещаю, а только ухожу в Публичную библиотеку заниматься рукописями».

(8 октября)

Неужели Пушкин виноват, что Писарев его «не читал». И Церковь виновата, что Бюхнер и Молешотт «ее не понимали», и христианство виновато, что болтаем «мы».

Страшно, когда наступает озноб души... Душа зябнет.

– Вася, ты уйди, я постонаю.

– Стонай, Варя, при мне...

– Да я тебе мешаю.

– Деточка, кто же с тобой останется, если и я уйду? Да и мне *хочется* остаться...

(когда Шура вторично ушла. 23 октября: на счете по изданиям)

Все-таки я умру в полном, в полном недоумении. В религиозном недоумении.

И больше всего в этом Фл. виноват. Его умолчания.

С Б. я никогда не расстанусь. Но остальное...

Ожидаемые и желаемые и высматриваемые качества митрополита петербургского – скромность.

Ученость – хорошо, святость – прекрасно, подвиг жизни и аскетизм – превосходно: но выше всего скромность.

Молчаливость, тихость и послушание.

Если при этом хороший рост, мелодичный голос и достоинство манер и обращения – то такому «кандидату» не страшен был бы соперником и Филарет, и Златоуст, и «все три Святителя».

(28 октября перед † митр. Антония за вечерним чаем думаю)

Полуискренность – она сопутствует теперь всем делам церковным.

Ошибаются, кто говорит о неискренности. Ему сейчас укажут патетический голос, великий восторг, умиление, преданность.

Но не *допрашивайте* эту патетичность: щеки ее поблекнут, язык начнет путаться. Все пойдет в маленькую уклончивость и умолчание

Все теперь – в «полу»... нигде – «полного»...

(тоже, перед † митр. Антония)

Даже если будет все это место полно червями и тлением – я останусь *здесь*.

С глупыми – останусь. С плутами – останусь.

Почему?

Здесь говорят о бессмертии души. О Боге. О Вечной Жизни. О Награде и Наказаниях.

Здесь – Алтарь. Воистину алтарь, один на земле.

И куда же мы все пойдем отсюда...

(перед кончиной митр. Антония. 28 октября, ночь)

Может быть, другие не имеют права умереть *сами*, но я имею право умереть *сам*.

И Тиллинг, директор Евангелической больницы, когда «она там лежала» (опасное кровотечение, – на краю могилы), умер.

Роше в Мюнхене, Наук где-то за границей, теперь вот Тиллинг (такой гигант был), еще раньше виновный в кровотечении (велел массаж делать, не сняв швов) Рентельн – все †††. И если Немезида...

Грех! Грех! Грех!!!

(28 окт. ночь)

В случае «если бы» – вот план для издания моих статей, еще не перепечатанных в книги:

1) *Около церковных стен, III.* Статьи о Церкви, об управлении ею, о духовных школах. Это все «в помощь попам», а отчасти в помощь нашему милому духовенству. Передольский хорошо его звал «Божьей родней». Оно – и есть

таково: через 1000 лет пронесло и сохранило, не колеблясь, идею Неба, идею Правды, идею Суда... Да помолится оно о несчастных рабах Божиих «Василии и Варваре». Свящ. Устьинский все время о нас молился. Спасибо ему, милому.

2) «*О писателях и писательстве*». Тома на 4. Статьи о литературе. Есть предисловие к этой книге, очень одушевленно написанное где-то. – Сюда должны войти (в рукописях) неоконченные статьи «Паскаль», «Христианство и язык», «Фауст».

3) «*Юдаизм*». Вначале – «Замечательная еврейская песнь», потом «Жид на Мойке» (из «Нов. Пути»), «Чувство солнца и растений у древних евреев» и последним – «Юдаизм». Это – в I том. Во II том, с подзаголовком «Материалы», толстая тетрадь у меня в библиотеке, еврея Цинхенштейна; и затем бы – но этого никто не сумеет выбрать – отмеченные места из «Талмуда» и из «Ветхозав. храма».

4) «*Сумерки просвещения*» – вторым изданием, с дополнениями, а главное – с продолжением: «*В обещаниях дня*»: сюда собрать статьи, напечатанные в пору ломки и смуты школы и ее растерянности. Таким обр.: «Сумерки просвещения» – 1 т. «В обещаниях света», 1 т. Все – целое. Это – милым гимназистам.

5) «*Семейный вопрос в России*», том 3. Там одна статья: «В мире любви, испуганности и стыдливости».

Это – добрым страдалицам.

6) «*Эмбрионы*». Из книг, из «Торгово-промышл. газеты» («Из дневника писателя»), «Попутные заметки» (из «Нов. Вр.»), из «Гражданина». Это нужно издавать в формате «Уединенного», начиная каждый афоризм с новой страницы. Смешивать и соединять в одну книгу с «Уединенным» никак не нужно. «Уединенное» – *без* читателя, «Эмбрионы» – *к* читателю.

7) «*Германские впечатления*». Наугейм, Мюнхен, etc.; сюда же, собственно, надо бы перенести из «Итальянских впечатлений» последний отдел: «По Германии». И даже «Германские впечатления» (книжку) начинать с этих статей о Берлине и Кайзер-Вильгельме.

8) «*Кавказские впечатления*».

9) «*Русский Нил*» (впечатления по Волге). Сюда внести и статьи под заглавием «Израиль» и «В современных настроениях» из «Русск. Слова» за 1907 г., №№ 194 и 200 (ибо это все «Русский Нил», и только редакция переменила заголовки).

10) «*Чиновник. Очерк русской государственности*». Статьи из «Русск. Слова» и «Нов. Слова» о чиновничестве.

11) «*В связи с искусством*». Сюда внести статьи: «Молящаяся Русь» (о Нестерове), «Где же религия молодости», «Сицилианцы в Петербурге», «Из мыслей зрителя», «Гоголевские дни в Москве», «Памятник Александру III», «Отчего не удался памятник Гоголю», «Актер», «С.С.Боткин», «Памяти Комиссаржевской», «Театр и юность» и, может быть, «Танцы невинности» (о Дункан); «Зембрих».

12) *«Литературные изгнанники».* «Переписка с Леонтьевым» (с примечаниями) и «переписка с Рачинским» (с примечаниями). Письма ко мне милого Н.Н.Страхова (с портретом его, – худощавым, со сложенными руками и в саду, – снятым в Ясной Поляне после операции), письма ко мне Рцы (и портрет мой с Софой, крестницей), т. е. И.Ф.Романова, письма ко мне Шперка и портрет «Умирающий Шперк» (в Халиле, среди семьи: попросить выгравировать В.В.Матэ, адрес – в Академии художеств; гравюра обойдется рублей 200, – но, я думаю, за продажу это окупится), письма ко мне П.А.Флоренского (нужно спросить дозволения; адрес: в Троице-Сергиев Посад, Духовная Академия, Павлу Александровичу Флоренскому), – и Серг. Ал. Цветкова. Редактировать это издание могут П.А.Флоренский или С.А.Цветков. Адрес его: Москва, Остоженка, Молочный пер., д. 2, кв. 2.

13) *«Древо жизни и идея скопчества».* Статьи о поле, – из «Гражданина» и «Нов. Вр.» (особенно «Пол и душа»).

14) *«Черный огонь».* Статьи о революции и революционерах из «Нов. Врем.», «Русск. Слова» и «Нового Слова».

15) *«Во дворе язычников».* «Культура и деревня», «Древнеегипетские обелиски», «О древнеегипетской красоте», «Прорицатель Валаам» еписк. Серафима (библиогр. заметка), «О поклонении зерну», Буткевича – «Неверие XIX в.» (библиогр. заметка), «Афродита-Диана», «О лекции Влад. Соловьёва», «Сказочное царство», «Восток» (подп. *Орион*), «Величайшая минута истории», «Занимательный вечер», «Маленькая историческая поправка», «Серия недоразумений (?)», «Чудесное в жизни и истории», «Тема нашего времени», «Эллинизм», *«Демон* Лермонтова в окружении древних мифов», «Атлантида – *была»,* «Из восточных мотивов» (то же, что «Звезды» – заглавие это не мое, а редакции «Мира искусства»), и сюда прекрасный рисунок пером Бакста.

16) *«Лев и Агнец».* Громадная рукопись, неоконченная, в несгораемом шкафе. Где места пропусков – просто заменить страницей многоточия. Это не нарушит смысла и связи. Редакция пусть будет Флоренского, а если ему некогда – Цветкова, а если и ему некогда – подождать. Помня: «Дело не волк – в лес не убежит».

Встретился с Философовым и Мер. в Рел.-фил. собр. Точно ничего не было. Почувствовал дружбу. А ругались (в печати), и они потребовали в «Рус. Сл.», чтобы или меня исключили, или они «выходят».

Даже «под зад» дал Фил–ву, когда он проходил мимо. Полная дружба. Как гимназисты.

Ужасно люблю гимназическую пору. И вечно хочется быть опять гимназистом. «Ну ее к чорту, серьезную жизнь».

И когда сотрудничаю в газетах, – всегда с небольшим внутренним смехом, – всегда с этой мыслью: «Мы еще погимназистничаем».

~

И потому мне ровно наплевать, какие писать статьи, «направо» или «налево». Все это ерунда и не имеет никакого значения. «Шалости нижегородского гимназиста» (катались на Черном пруде).

(29 октября)

Зонт у меня Философова, перламутровый ножик (перочинный, прелестный) от Суходрева, теперь палка от Тычинкина.

– Она грязная (*он*).

– Тем лучше. Это в моем стиле.

~

У Фил. зонт был с дырочкой. Но такая прелестная палка, черная с рубчиками, не вертлявая (полная в теле) и необыкновенно легкая.

Эти декаденты умели выбирать необыкновенно изящные вещи. Простые и стильные.

(29 октября)

30 окт.

...*уклончивость* всех вещей от определения своего, *уклончивость* всех планет от «прямой»...

Что́ это?!!!

Ужасы, ужасы...

~

Может быть, она в том, что мир хочет быть «застегнут на все пуговицы», и не показать внутренних карманов ни репортеру, ни Ньютону.

Если *так* – еще можно успокоиться. «Темно. Не вижу». Это пусть и говорит косолапый Вий, ноги которого вросли в землю.

Но если *иное*?..

Что?

Не хочу даже сказать. Пугаюсь.

,

Все мои пороки были или мелким любопытством ума, – или «так», «распустился», и, в сущности, беспричинны. Но мне никогда [порок] не «сосал под ложечкой» и не «кружил голову».

~

Поэтому «порочность мира» я знаю очень мало. И поэтому же, очень может быть, суждения мои о мире неглубоки. В огненных пороках раскрывается какая-то «та́ сторона луны», которая ко мне никогда не повертывалась.

»

План «Мертвых душ» – в сущности, анекдот; как и «Ревизора» – анекдот же. Как один барин хотел скупить умершие ревизские души и заложить их; и как другого барина-прощалыгу приняли в городе за ревизора. И все пьесы его, «Женитьба», «Игроки», и повести, «Шинель» – просто петербургские анекдоты, которые могли быть и которых могло не быть. Они ничего собою не характеризуют и ничего в себе не содержат.

Поразительна эта простота, элементарность замысла; Гоголь не имел сил – усложнить плана; *романа* или *повести* в смысле развития или хода страсти – чувствуется, что он *и не мог бы представить*, и самых попыток к этому – в черновиках его нет.

Что́ же это такое? Странная *элементарность* души. Поразительно, что Гоголь и *сам не развивался*; в нем не перестраивалась душа, не менялись убеждения. Перейдя от малороссийских повестей к петербургским анекдотам, он только перенес глаз с юга на север, но глаз этот был *тот же*.

»»

Недостаток Перцова заключается в недостаточно яркой и даже недостаточно определенной индивидуальности.

Сотворяя его, Бог как бы впал в какую-то задумчивость, резец остановился, и все лицо стало матовым. Глаза «не *торчат*» из мрамора, и губы никогда не закричат. Ума и далекого зрения, как и меткого слова (в письмах), у него «как Бог дай всякому», и особенно привлекательно его благородство и бескорыстие: но все эти качества заволакиваются туманом неопределенных поступков, тихо сказанных слов; какого-то «шуршания бытия», а не скакания бытия.

Но он «рыцарь честный», честный и *старый* (по чекану) в нашей низменной журналистике.

С ним в контрасте Рцы: которого *переделав* Бог – плюнул от отвращения, и отошел. И с тех пор Рцы все бегает за Богом, все томится по Боге, и говорит лучшие молитвы, какие знает мир (в себе, в душе).

Увы: литературно это почти ни в чем не выразилось. Он писал только об еде, о Россини и иногда об отцах Церкви. Теперь, бедный, умолк.

Что́ такое литературная душа?
Это Гамлет.
Это холод и пустота.

(укладываясь спать)

31 октября

Мне не было бы так страшно, ни так печально, если бы не ужасы ясновидения. Но я живу как «в Провидении»: потому что за годы, за очень долгие годы, – все будущее было открыто ей в каких-то вещих тревогах.

Мы сидели в Кисловодском театре. Давали «Горе от ума». Ни хорошо, ни худо. И в котором-то антракте я обдумывал, нельзя ли склеить статью в «Н. Вр.» рублей на 70 (билеты – 6 руб., время – в нужде, довольно жестокой).

– Посмотри, Вася.

Я поднял голову, и смотрел на спущенный занавес, изображавший наяд и героев.

– Не там, а выше.

Занавес спускался из арки, и на арке были изображены... должно быть, античные маски.

– Вон там, в углу... Такая ужасная... Когда я буду умирать, у меня будет такое лицо.

Это было искаженное ужасом и отчаянием лицо «трагической маски».

Я захолодел. Губы мои что-то бессильное шептали. И этот ее «внушающий» голос, полный убеждения, пугал меня даже потом, когда я просыпался ночью.

Несколько раз, когда я хотел и предлагал ей отдохнуть в санатории (как было бы спасительно, определили бы при приеме болезнь), – она отказывалась в каком-то трепетном страхе: как забившаяся в угол птичка, боящаяся оставить этот угол.

И все подозрительность. И все испуг. – «Вы хотите остаться без меня *одни*» (для дурного, легкомысленного). – «Вы хотите *отвязаться от меня*»...

Я переставал говорить.

«– Как страшно... Мне тогда представляется, что меня везут в сумасшедший дом. И спущены занавески».

И она холодела. И я холодел. Центр ужаса находился, был в «спущенных занавесках».

А «занавески» в душе ее и в самом деле спускались. Она атомически, разрушительно отделялась от мира.

Моя страдалица. И опять говорила: «Я снова видела во сне Михаила Павловича. Так ясно. И он спрашивал: скоро ли ты, Варюнчик, придешь ко мне? Я жду тебя».

Это первый муж. С которого все и началось. И самая любовь наша началась с чудной элегии, в которой она рассказала о необъяснимой молодой гибели ее 1-го мужа. Она осталась вдовою 21-го года, с 2-х летней Саничкой и матерью.

,

Бог послал меня с *даром слова* и ничего другого еще не дал. Вот отчего я так несчастен.

,,

Ничего так красиво не лежит на молодости, как бедность.

Но без лицемерных «дыр»...

Бедность чистоплотная.

,,,

Душа моя как расплетающаяся нить. Даже не льняная, а бумажная. Вся «разлезается», и ничего ею укрепить нельзя.

(ночью на извозчике)

,,,,

Я вышел из мерзости запустения, и так и надо определять меня: «выходец из мерзости запустения».

Какая нелюдимость.

Вражда ко всем людям.

Нас не знали даже соседи, как не знали и мы соседей. Только разве портной в углу (рядом его хибарочка). Все нас дичились, и мы дичились всех.

Мы все были в ссоре. Прекрасная Верочка умерла так рано (мне лет 8–7), и когда умерла, то все окончательно заледенело, захолодело, а главное, замусорилось. За все время я не помню ни одной заботы, и чтобы сам о чем-нибудь позаботился. Все «бродили», а не жили; и ни у кого не было сознания, что что-нибудь *до́лжно делать*. Вообще слово «до́лжно» было исключено из самого обихода, и никогда я его не слыхал до 14 лет, когда хоть услышал – «ты *должен* выучить урок» (и сейчас возненавидел «должен»). Все проводили дни (ибо «жили» даже нельзя сказать) по «как бы *легче*» и «как бы изловчиться». Только теперь (57 лет) я думаю, что Коля был прав, оставшись только 3 дня, и уехал молча и никогда не отвечал ни на какие письма. Он оценил глазом, образованием и опытом взрослого человека, что тут все мертво, хотя и шевелится, и дышит. И воскресить ничего нельзя, а можно только утонуть возле этого, в связи с этим, распутывая это.

(лежа в постели ночью, вспоминаю детство, до 13 лет)

,,,,,

Что́ такое «писатель»?

Брошенные дети, забытая жена, и тщеславие, тщеславие...

Интересная фигура.

(засыпая)

1 ноября

Церковь научила всех людей молиться.

Какое же другое к ней отношение может быть у человека, как целовать руку.

Хорошо у православных, что целуют руку у попов.

Поп есть отец. Естественный отец. Ведь и натуральные отцы бывают дурные, и мы не говорим детям – ненавидьте их, презирайте их. Говорить так – значило бы развращать детей и губить их душу и будущность. Вот отчего, если бы было даже основательно осуждать духовенство, – осуждать его не следует.

Мы гибнем сами, осуждая духовенство. Без духовенства – погиб народ. Духовенство блюдет его душу.

,

Что́ выше, любовь или история любви?

Ах, все «истории любви» все-таки не стоят кусочка «сейчас любви».

~

Я теперь пишу «историю», п. ч. счастье мое прошло.

”

У Рцы «Бог прибрал» троих детей – Ваню, еще Сережу, еще... имена забыл. Сережа умер потом и отдельно. Но один за другим выносили три детских гробика, с Павловской, № 2, Ефимова, 2-й этаж.

Это было что-то чудовищное. Как вообще у человека «кости не ломаются» в таком несчастии? Он – недвижный, растерянный, она – вся в муке, и Гесс (докт.) говорил: «Который вот день (сутки) Ольга Ивановна не закрывает глаз» (мать).

И Елена Ивановна...

И вот перенесли что́ непереносимо. Что́ вообще нельзя перенести. Под чем кости хрустят, душа ломится. Как же они перенесли?

А как же бы они *не перенесли*? Остались жить. Бог «одних берет», других «оставляет»: и кого оставляет – «будет жить».

Хохота и прежде не было. Всегда была нужда. Теперь – часто тяжелая. Но тогда (на именинах Ольги Ивановны) бывал смех. Улыбка и теперь бывает. Не частая, но бывает. Говорят. Заботятся. Он читает всё Апостола Павла. Перечитывает. Обдумывает. Вчитывается. Все его чтение – Апостол Павел и «Нов. Вр.» (обо всем, – текущий день), иногда «Богосл. Вестник».

Он лицеист (Москва). Умница. Страсть – Рембрандт и Россини. Пишет. Но что-то «не выходит». Родился до книгопечатания и «презирает жить в веке сем». У него нет praesens, а все perfectum и plusquamperfectum. Futurum* яростно отвергает.

И живут.

Живут пассивною жизнью (после страдания), когда активная невозможна.

Вот отчего нужно уважать старость: что она бывает «после страдания».

Этого нам в гимназии в голову не приходило.

”

Священное слово

. . . . . .

. . . . . .

Зависимость моя от мамочки – как зависимость безнравственного или слабонравственного от нравственного.

Она все ползет куда-то, шатается, склоняется: а все назад оглядывается.

И эта всегдашняя забота обо мне – как Провидение. Оттого мне страшно остаться одному, что я останусь без Провидения**.

Ни – *куда* пойти.

Ни – *где* отдохнуть.

Я затеряюсь, как собака на чужой улице.

---

* Настоящее... прошлое... давнопрошедшее. Будущее *(лат.)*.

** Т. е. без некоторой тени его, осуществления его на земле, «осязательного» его.

,,,,

Основание моей привязанности – нравственное. Хотя мне все нравилось в ее теле, в фигуре, в слабом коротеньком мизинчике (удивительно изящные руки), в «одной» ямке на щеках (после смерти первого мужа другая ямка исчезла), – но это было то́, что только *не мешало* развиться нравственной любви.

В христианском мире уже только возможна нравственная любовь, нравственная привязанность. *Тело* как *святыня* (*Ветх. Зав.*) действительно умерло, и телесная любовь невозможна. Телесная любовь осталась только для улицы и имеет уличные формы.

Я любил ее, как грех любит праведность, и как кривое любит прямое, и как дурное – правду.

~

Вот отчего в любви моей есть какое-то странное «разделение». Оно-то и сообщило ей жгучесть, рыдание. Оно-то и сделало ее вечным алканием, без сытости и удовлетворения. Оно исполнило ее тоски, муки и необыкновенного счастья.

~

Почти всегда, если мы бывали одни и она не бывала со мною (не разговаривала), она молилась. Это и раньше бывало, но за последние 5–6–7 лет постоянно. И за годы, когда я постоянно видел возле себя молящегося человека, – мог ли я не привыкнуть, не воспитаться, не убедиться, не почувствовать со всей силой умиления, что молитва есть лучшее, главное.

(ночью в слезах, 1-го ноября, в постели)

,,,,,

Я возвращаюсь к тому идеализму, с которым писал «Легенду» (знакомство с Варей) и «Сумерки просвещения» (жизнь с нею в Белом). К старому провинциальному затишью. Петербург меня только измучил и, может быть, развратил. Сперва (отталкивание от высокопоставленного либерал-просветителя и мошенника) безумный консерватизм, потом столь же необузданное революционерство, особенно религиозное, антицерковность, антихристианство даже. К нему я был приведен семейным положением. Но тут надо понять так: теперешнее духовенство скромно сознает себя слишком не святым, слишком немощным, и *от этого* боится пошевелиться в тех действительно святых формах жизни, «уставах», «законах», какие сохранены от древности. Будь бы Павел: и он поступил бы, как Павел, *по правде,* осудив ту и оправдав эту. Без этого духа «святости *в себе*» (сейчас) как им пошевелиться? И они замерли. Это не консерватизм, а скромность, не черствость, а страх повредить векам, нарушив «устав», который привелось бы нарушать и в других случаях и для других (лиц), в случаях уже менее ясных, в случаях не белых, а уже серых и темных. Пришлось бы остаться, с отмененным «Уставом», только при своей совести: которая если не совесть «Павла», а совесть Антониев, и Никонов, и Сергиев, и Владимиров, и Константинов (Поб.) – то ка́к на нее возложить тяжесть мира? «Меня еще не подкупят, а моего преемника подку-

пят»; и станет мир повиноваться не «Уставу», а подкупу, не формализму, а сулящему. И зашатается мир, и погибнет мир.

Так мне и надо было понять, что, конечно, меня за <брак> никто не судит, и Церковь нисколько не осуждает <мою Варю>, и нисколько не разлучает меня с <детьми>, а только она пугается это сделать вслух, громко, печатно, потому что «в последние времена уже нет Павлов, а Никандры с Иннокентиями». Потому что дар пророчества и первосвященничества редок, и он был редок и в первой церкви Ветхозаветной, и во второй Новозаветной. Аминь и мир.

3 ноября

Все погибло, все погибло, все погибло.

Погибла жизнь. Погиб самый смысл ее.

Не усмотрел.

,,

Так любил ее, что никак не мог перестать курить ночью.

(Правда – пытался: но она сама говорила: «покури» – и тогда я опять разрешал.)

5 ноября

Ах, господа, господа, если бы мы знали все, как мы бедны...

Если бы знали, до чего мы убоги, жалки...

Какие мы «дарвинисты»: мы просто клячи, на которых бы возить воду.

Просто «собачонка из подворотни», чтобы беречь дом доброй хозяйки.

И она бросает нам кусок хлеба.

«Вот и Спенсер, и мы».

«И сочинения Огюста Конта, Милля и Спенсера, и женский вопрос» (читал гимназистом).

И «предисловие Цебриковой».

,

Родила червяшка червяшку.

Червяшка поползала.

Потом умерла.

~

Вот наша жизнь.

(3-й час ночи)

,,

...выберите молитвенника за Землю Русскую. Не ищите (выбирая) мудрого, не ищите ученого. Вовсе не нужно хитрого и лукавого. А слушайте, чья молитва горячее – и чтобы доносил он к Богу скорби и напасти горькой земли нашей, и молился о ранах, и нес тяготы ее.

(к выбору патриарха всея Руси; толки)

Жизнь – раба мечты.

В истории истинно реальны только мечты. Оне живучи. Их ни кислотой, ни огнем не возьмешь. Оне распространяются, плодятся, «овладевают воздухом», вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием как рассыпчаты каменные стены, железные башни, хорошее вооружение. Против мечты нет ни щита, ни копья.

~

А факты – в вечном полинянии.

7 ноября

К Б. меня нечего было «приводить»: со 2-го (или 1–го?) курса университета не то́ чтобы я чувствовал Его, но *чувство присутствия около себя* Его – никогда меня не оставляло, не прерывалось хоть бы на час. Я был «полон Б.» – и это всегда.

Но к Х. нужно было «привести».

То неужели вся жизнь моя и была, – с 1889-го года, – «приведением» сюда? С 1889-го и вот до этого 1912 г., и даже, определеннее, до 7 ноября, когда впервые «мелькнуло»...

Ведь до этого 7 ноября я б. совершенно «вне Его». До такой степени, как, может быть, ни у кого. Но сказано: «и *оружие пройдет тебе сердце*»...

Так вот что́ «приводит»...

~

Не смиренные смиренны, а те, которые были смирены.

Но этой точки я не хочу: она враждебна мне. Нет – Рок.

И потом – смиренье.

,

Томится душа. Томится страшным томлением.

Утро мое без света. Ночь моя без сна.

~

Это мамочка моя, открыв что-то, показала мне: «Что́ это такое? Как *верно*». Я взглянул и прочитал:

«На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком».

Это из Иова (III, ст. 23). И я подумал: «Вот что́ я хотел бы вырезать на твоей могиле, моя бедная». Это было лет 18-ть назад.

Почему я ее всегда чувствовал, знал бедной. Как и у нее, у меня была безотчетная тревога, теперь объяснившаяся (давняя болезнь). Казалось, – все обеспечено, все дети отданы в лучшие школы, мамочка, кажется бы, «ничего»: а мысль «бедная! бедная!» сосала душу. К этой всегдашней своей тоске, тревоге я и отношу некрасовское

Еду ли ночью по улице темной

так как я часто езжу в редакцию (править корректуры). И всегда – тоска, точно завтра начнется светопреставление.

У меня чесотка пороков, а не влеченье к ним, не сила их.

Это – грязнотца, в которой копошится вошь; огонь и пыл пороков – я его никогда не знал. Ведь весь я тихий, «смиренномудрый».

И часто за чайным столом, оглядывая своих гостей, – и думая, что они чисты от этих пороков, – с какой я тайной завистью, и с благодарностью (что чисты), и мукой греха смотрю на них.

И веду разговор о литературе или Рел.-фил. собр., едва сознавая, о чем говорю.

8 ноября

Вся жизнь моя была тяжела. Свнутри грехи. Извне несчастия. Одно утешение было в писательстве. Вот отчего я постоянно писал.

,

Теперь все кончилось. «Подгребаю угольки», как в истопившейся печке. Скоро «закрывать трубу» (†).

,,

У меня было религиозное высокомерие. Я «оценивал» Церковь как постороннее себе, и не чувствовал нужды ее себе, потому что был «с Богом».

Помню, в Брянске, я с высокомерием говаривал: «Он церковник», или еще: «Да, он – церковник, но это вовсе не то, что религиозный человек»... «Я не церковник, но я религиозный человек».

Но пришло время «приложиться к отцам». Уйти «в мать-землю». И чувство церкви пробудилось.

Церковь – это «все мы»; церковь – «я со всеми». И «мы все с Богом».

В отличие от высокомерной «религиозности» – «церковное» чувство смиренно, просто, народно, общечеловечно.

,,,

Философы, да и то́ не все, говорили о Боге; о «бессмертии души» учил Платон. Еще некоторые. Церковь не «учила», не «говорила», а *повелевала* и верить в Бога, и питаться от бессмертия души. Она одна. Она всегда. Непременно. Без колебания.

Она несла это Имя, эту Веру, это Знамя без колебания, с времен древних, и донесла до наших времен. О сомневающемся она говорила: «Ты – *не мой*». Нельзя представить себе простого дьячка, который сказал бы: «Может быть, бессмертия души и – *нет*». Всякий дьячок имеет уверенность в том, до чего едва додумался и едва имел силы досягнуть Платон.

«Сумма учений Церкви» неизмерима сравнительно с Платоновой системой. И так все хлебно, так все просто. Она подойдет к роженице. Она подходит к гробу. *Это нужно.* Вот «нужного»-то и не сумел добавить к своим идеям Платон.

Что́ же такое наши университеты и «науки» в Духовных Академиях сравнительно с Церковью?

Трава в лесу. Нет: трава в мире (космос).

Мир – Церковь.

А науки, и университеты, и студенты – только трава, цветочки: «пройдет серп и скосит их».

,,,,

Кто догадался подойти со словом к умирающему? Кто подумал, что надо протянуть руку роженице?

Спенсеру это не пришло на ум.

Боклю – не пришло.

Даже Платону на ум не пришло, ни Пифагору в Пифагорейском Союзе. Не знаю, приходит ли ксёндз, но пастор наверно не приходит. «Слишком грязно и душно» в комнате роженицы.

Православный священник приходит.

,,,,,

Не *дотягивал* я многого в церкви. Редко ходил с детьми в церковь. Но это «редко» так счастливо вспоминается. Это свет.

И такой «свет» разлит по всей стране. «Приходи и бери его даром». Кто не ленив – приходи все. Какой это недостаток по селам, что там нет службы в будние дни. Это недосмотрено. Приходили бы старухи. Приходили бы дети. Ведь это поучение.

Зачем священников обременили статистикой? И всякими глупостями, кроме прямого их дела, которое не исполнено.

,,,,,,

У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства. «Духовная нация»... «Во плоти чуть-чуть»...

От этого – наш нигилизм: «до нас ничего *важного* не было». И нигилизм наш постоянно радикален: «мы построяем все *сначала*».

,,,,,,,

Скоро кончатся мои дни... О, как не нужны они мне. Не «тяжело это время», но *каждый час тяжел.*

,,,,,,,,

Все больше и больше думаю о церкви. Чаще и чаще. *Нужна она мне стала.* Прежде любовался, восхищался, соображал. Оценивал пользу. Это совсем другое. *Нужна мне* – с этого начинается все.

До *этого,* в сущности, и не было ничего.

,,,,,,,,,

Церковь основывается на **«НУЖНО»**. Это совсем не культурное воздействие. Не «просвещение народа». Все эти категории пройдут. «Просвещение» можно взять у нигилистов, «культурное воздействие» дадут и жиды.

МНЕ НУЖНО: вот камень, на котором утверждается церковь.

,,,,,,,,,,

Отпустим им грех их, дабы и они отпустили нам грех наш.

(о духовенстве, 8 ноября, глубокая ночь)

~

Ведь их – сословие. И все почти – в священники, диаконы; как же не человеку, а *сословию* – быть без дурных людей, порой – ужасных людей. В иерейство идут «сплошь», без отбора зерна. И колос то́ пустой, то́ хилый, то́ со спорыньей: и из 100 – *один* полновесный. Так естественно.

~

Простим им. Простим им. Простим им. Простим и оставим.

Все-таки «с Рюрика» они молятся за нас. Хладно, небрежно: а все-таки им велели сказывать эти слова.

Останемся при «все-таки». Мир так мал, так скорбен, положение человека так ужасно, что ограничим себя и удовольствуемся «*все*-таки»...

И «все-таки» Серафим Саровский и Амвросий Оптинский были *из них*. Все-таки не из «литераторов»...

У литераторов нет «все-таки».

У литераторов – бахвальство.

9 ноября

Воображать легче, чем работать: вот происхождение социализма (по крайней мере ленивого *русского социализма*).

,

Кузнецов, трудовик 2-й Думы, пойман как глава мошеннически-воровской шайки в Петербурге. Это же ужасно.

Об этом не кричат газеты, как о «Гурко-Лидваль» целый месяц по 3–4 столбца в каждом №. И впечатление от двоякого отношения газет: *администрация* – воры, от которых спасают Россию – *трудовики*.

(наткнулся случайно в газетах, разыскивая «Дело Мартьянова»)

Завтра консилиум из 4-х докторов: «можно ли и целесообразно ли везти за границу». Тане – материи на белое платье (25 р.). Вечеринка в гимназии, с приглашением знакомых. Можно позвать мальчиков Акимовых, очень воспитанных и милых.

Так одни цветы увядают, другие расцветают. Уже 13 л. работы в «Н. Вр.»: я рассчитывал вначале ее на 10 лет, чтобы оставить 20 000 р. детям. Теперь же можно и самому «закрыть трубу». Но нет мужества. Не составлено дух. зав., и не знаю, как писать. В банке долгу 5000, и «на заграницу» придется взять тысячи 3. Останется детям 30 000 и изданные книги, с оплаченными счетами типографиям, будут давать доходу рублей по 600.

Но один взнос платы за ученье требует 2000 р. в год. Непонятно, откуда это возьмется, если «закрыть трубу».

~

Два года еще *должен* жить (расплатиться с типографией и долг банку).

Мой переиспуг и погубил все...

Анфимов (харьк. проф.) верно (почти) определил все (1896 г.). У меня руки повисли. А оне должны были подняться и работать.

Если б я не был так испуган, я начал бы, по приезде в Петерб., леченье, не перепроверяя у Бехтерева. И все было бы спасено: не было бы ни миокардита, ни перерождения сосудов, ни удара (Карпинский).

Т. е. 3-х вещей, которые сломили нашу жизнь.

Не было бы мрака в дому, «тревог», неопределенного страха. Вся жизнь, начав с сотрудничества в «Нов. Вр.» (обеспечение), потекла бы совсем иначе, веселее, жизненнее, открытее. Связнее с людями.

Мамочка, которая гибла, не убегала бы так от людей, с нелюдимостью, «не нужно», с «все тяжелы и никого не хочется видеть», особенно не хочется видеть – веселья и радости.

(10 ноября)

16 ноября

Ни Новосёлов, ни Флор., ни Цвет., ни Булгаков, которые все время думают, чувствуют и говорят о церкви, о христианстве, ничего не сказали и, главное, не скажут и потом ничего о браке, семье, о поле. Вл. Соловьёв написал «Смысл любви», но ведь «смысл любви» – это естественная философская тема: но и он ни одной строчки в десяти томах «Сочин.» не посвятил разводу, девственности вступающих в брак, измене, и вообще терниям и муке семьи. *Ни одною строчкой ей не помог.* Когда я издал два тома «Семейного вопроса в России», то на книгу не только не обратили никакого внимания, но во всей печати о ней не было сделано ни одной рецензии и ни одного указания или ссылки.

«Семейного вопроса в России» и не существует. И семья насколько страшно нужна каждому порознь, настолько же вообще все, коллективным национальным умом, коллективным христианским умом, собирательным церковным сердцем – к ней равнодушны и безучастны.

Это дело полиции и консистории, – дело взятки, протокола и позорного судьбища. Как ясно, что оно *именно не* «таинство», а грязь и мерзость во *всем*

ее реальном содержании, («два в плоть едину») – как об этом все они и говорят в сердце своем, в сочинениях своих, в молчании своем.

Фл. мог бы и смел бы сказать: но он более и более уходит в сухую, высокомерную, жестокую церковность. «Засыхают цветочки» Франциска Ассизского.

(посвящается доброму священнику Н. Р. Антонову)

,

О леность мою разбивался всякий наскок.

И классическая гимназия Толстого, и десять заповедей. И «как следует держать себя».

Все увязало в моей бесформенности (как охотник в болоте).

,,

Когда болит душа – тогда не до язычества. Скажите, кому «с болеющей душой» было хотя бы какое-нибудь дело до язычества?

,,,

Я жму *руку* всем, и все жмут мою руку. *Глазами* смотрю на весь мир, и весь мир смотрит мне в глаза. *Обоняю* и фиалку, и розу, и нарцис. *Слушаю* шум леса, и прибой моря, и музыку Бетховена, и русскую заунывную песню.

Какая *проституция* во всем! Поистине я «*всем* принадлежу, и все принадлежат *мне*». Кроме одного органа.

Который если я отдаю *еще кому-нибудь,* кроме *единого,* – все поднимают на меня камни.

Какое чудо: значит, он *один* во мне целомудрен? Один «и допустить не может», чтобы его коснулись *все* или он коснулся *всех:* т. е. непроституционен «в самом себе», в «своей натуре».

Ибо, побивая, все побивают меня не за грех против них... Какой? *Им* я причинил удовольствие!

А – за грех против *натуры органа*! Таинственное «побиение камнями» (воистину таинственное!), как мировое «осуждение за разврат», есть символ, что весь мир почитает себя стражем моего единичного органа, именно его целомудрия, именно его непроституционности.

Какое чудо!

Ведь казнят не орган, отрывая, укалывая, уродуя: ему ничего не делают, «как невинной Еве»; а казнят носившего его человека, за то, что не оберег его чистоты и невинности.

Вот «от сложения мира» вписанное в существо вещей доказательство «cultus phalli».

~

Теперь объясняется строка, когда-то поразившая меня в Талмуде: что «побиение камнями» было *привилегиею* иудеев и иудеянок, которого не имели право распространить на согрешивших в другом племени, если они жительствовали в Иерусалиме или в Иудее. «Побиение» было неотделимо от «обрезания».

17 ноября

Гнусность печати, м. б., имеет великую и святую, *нужную* сторону: «проходит лик мира сего» (Достоевск.). – Ну, не очень еще... Но вот, что «проходит лик печати», – это довольно явственно в распространяющемся и неустранимом гнушении ею, которое замечается всюду. Не читают. Бросают. Никто на нее не ссылается. Никто не ставит в авторитет.

«Прекрасное обольщение кончилось».

Но это было именно «обольщение», «наваждение Гуттенберга». Пока печатались Гёте и Шиллер – о «конце» этого обольщения нельзя было и думать. «Пришло царство и конца его не будет вовеки».

Нужно было, чтобы стали падать писатели. Чтобы пошла вонь, смрад. «А, – это *дело*». Стал проходить «гуттенбергов станок». – «Чем печатать такую ерунду, то́ лучше вовсе ничего не печатать». К концу XX-го века типографии будут продаваться на снос.

Их никто не покупает,
Никто даром не берет.

Люди станут опять свободны от «пишущей братии», – и, м. б., тогда выучатся танцовать, устраивать рауты, полюбят музыку, полюбят обедню, будут опять любить свято и чистосердечно. Будут счастливы и серьезны.

Ибо при «печати» – конечно, людям счастья и серьезности «как своих ушей не видать».

Будет опять возможна проповедь. Будет Саванаролла. Будет возможен Ап. Павел.

Неужели будет? Неужели заиграют эти зори.

Зори прекрасного и великого.

Новое. Все новое.

~

Так идите же, идите, *гуще* идите, Григорий Петров, и Амфитеатров, и «Копейка», и Боборыкин, и все вы, сонмы Бобчинских. Идите и затопляйте все. Ваш час пришел. Располагайтесь и празднуйте.

В празднике вашем великие залоги.

Все скажут: «Как дымно. Откуда горечь воздуха. И тошнота. И позыв на низ».

,

Да, мимо меня идет литература.

Нет, это ошибка, что я стал литератором.

Да, мимо идет.

(17 ноября: при мысли, что ни одной статьи не прочел в «Вестн. Евр.». «Русск. М.», «Современ.» и еще в чем-то получаемом. – за весь год, да ни одной и за прежние годы... Это только в оловянную голову может влезть. Да: еще получаю «Современ. Мир»)

Оловянная литература. Оловянные люди ее пишут. Для оловянных читателей она существует.

Sic и finis.

Конечно, Фл. ее не читает. Цв. не читает. Рцы читает только Ап. Павла и «Нов. Вр.».

Из умных никто. И я. А остальные – к чорту. И даже к тем двум буквам в «Уед.», увидя которые цензура почувствовала, что она лишена невинности.

„

Обрезание – конечно, новобрачие. Обрезание – медовый месяц человечества. Отсюда – привет «молодой луне» (у евреев праздник) и «луна» магометан (т. е. тоже обрезанцев); и все «обрезанные» *оттого,* что *обрезаны,* – чувствуют себя новобрачными.

Ну, а «новобрачные» и в хибарке веселы (оптимизм евреев).

~

Все это, когда больна жена, – просто ненужно. Неинтересно. «Не хочу смотреть». Не думаю.

~

Христос и вошел в это «не думаю». Это – еще вера: в той печали, когда всякая вера темна.

Вот как *здесь* надо молиться...

Научил.

Так ли?

Дорогое, дорогое для меня письмо. Кто-то «аукается» – все, что нужно писателю:

«Читаю «Уединенное» и «Опавшие листья» с жадностью день и ночь. Местами – с внутренним трепетанием. Так все важно и значительно. Сижу давно в колодце добровольно: толчея противна. Думаешь, думасшь такие вещи и усомнишься: не от глупости ли и мерзости ли моей так думаю? И вдруг голос из далекого колодца. Отрадно. И хочется сказать: спасибо.

Люблю вашу Таню. Целую книгу про нее хочется прочитать*. А что «друг» у вас – завидую. У меня нет. Верно, я и не заслуживаю.

И относительно пола и Бога, в нем открывающегося, – не так у меня вышло. Раньше, до опыта, – именно по-вашему все представлялось. Была горячая вера в это, и проповедь, и поношение со стороны «христиан». Опыт наступил, во имя этой веры. И... ничего, Бог сокрыл лицо Свое. В этом не открылся**. А ведь «по любви». Почему так вышло - не знаю. И осталось – тоска по «душе тела» и «душе мира» (у вас).

---

* Спасибо старушке (?) за Таню, – целую ее морщинистую руку. Таня у меня (у нас) «слава Богу». Только уж зубрит очень, сушит родительское сердце.

** Это все анафемы-мужчины, – не понимают, что они делают. Шутят, «наслаждаются». Ведь раньше чистой девушки они уж «побаловались» с проститутками, или «сами» истощились в субъективных удовольствиях.

Не дается.

Ребенок... В этом теперь все. Но это уже другое. В нем Бог открывается, но не в радости, а в страдании, когда смерть хочет его отнять, а я цепляюсь за Бога.

Пол меня обманул. Уже, кажется, ухожу из возраста пола. Не пришлось Бога увидеть.

Душу мира чую в красоте, в природе, но не входит она в меня. Я не член природы. Мысль, одиночество (метафизическое) и грусть. А я ведь женщина.

З. Ш.

P. S. Каждую вашу строчку читаю с жадностью и ищу в ней «Розановщины». Когда нет – когда не по-«Розановски» написано, – думаю: это так написал, «так...» (?).

Будет ли «Таня» такая, как «мама»? Или она слишком усердно училась у Добиаш и по Випперу*?

Секрет «мамы» в том, что она училась дома, где, верно, есть киот и сундучки, в церкви... И так прочно этому училась, что если и попала в гимназию – не испортилась.

P.P.S. Самое лучшее (для меня) на стр. 447–49 «Опав. лист.». Вот так и я узнала Его. А Иегову не знаю».

Вот сидящим-то «по колодцам» мне и хочется говорить. А базару – ничего.

„

Революции происходят не тогда, когда народу тяжело. Тогда он молится. А когда он переходит «в облегчение»... В «облегчении» он преобразуется из человека в свинью, и тогда «бьет посуду», «гадит хлев», «зажигает дом». Это революция.

Умиравшие от голоду крестьяне (где-то в Вятке) просили отслужить молебен. Но студенты на казенной стипендии, естественно, волнуются.

А всего больше «были возмущены» осыпанные золотом приближенные Павла I-го, совершившие над ним известный акт. Эти – прямо негодовали. Как и гвардейцы-богачи, высыпавшие на Исаакиевскую площадь 14-го декабря. Прямо страдальцы за русскую землю.

Какая пошлость. И какой ужасный исторический пессимизм.

~

Как объясняется роковое, черное, всемирное: «нужно несчастье».

Оно объясняется из какого-то врожденно-сущего – в «закваске» мира – неблагородства.

Страдаем – и лучше.

Счастливы – и хуже.

О, какой это *Рок*.

---

* Профессор всеобщей истории в Моск. унив.

20 ноября

Вася стоял над мамой.

Сегодня ее отвезут в больницу.

Идет в классы.

Вторник.

20 ноября.

Канун Введения.

Лицо ее все сжалось, и послышался вой:

– Детей жалко... Детей жалко... Детей жалко... (несколько раз прерываясь).

– Вчера и Домны Васильевны не было дома, а они вели себя так тихо. И ничем меня не расстроили.

Теперь она не плачет, а как-то воет. И лицо страшно сжимается...

(посвящаю это попу Альбову, – от которого единственно услыхала грубые укоры, им сделанные, пользуясь рясой. Услыхав, только сказала: «Что я ему сделала?»)

,

Тишина лечит душу.

~

Но если тишина относится к «концу всего», как сон к смерти, то неужели смерть окончательное излечение?

Что́ мы знаем о смерти?

О, если бы что-нибудь знали!

(20 ноября, канун «Введения», мамочка легла «для молчания», тишины и отдыха в клинику Елены Павловны).

,,

Вселенная есть шествование.

И когда замолкнут шаги – мир кончится.

~

И теперь уже *молчание* есть вечерняя заря мира.

,,,

В конце всех вещей – Бог.

И в начале вещей Бог.

Он всё.

Корень всего.

21 ноября

Оттуда и пошел этот тон самодовольства, самонадеянности, самомнения и «всех победим», даже «завтра же». Но с миллионом в кармане и вне досягаемости для «III-го отделения» отчего же и не быть в самомнении.

С миллионом и, кроме того, с 1000 способностей, если и не глубоких, то очень видных. За этот «гуж», однако, «по примеру» ухватились и студенты с 5-ью рублями в кармане, и нищие курсистки с одной готовностью «любить» и «все отдать» (без дурного намека), и вот им пришлось очень тяжко. Да и способностей таких нет, хотя, м. б., более глубока душа. Пришлось очень тяжко. Русская революция или скорее «русский протест» взял в Герцене неверную ноту, слишком высокую ноту, – фистулой и поднявшись на цыпочки пальцев. Но уж нельзя в середине «спустить тон»: получится какофония и невозможное. Так в Герцене, собственно, не зародилась, а *погибла* русская революция, с тех пор кричащая петушком и топчущаяся на одном месте, с его франтовским лозунгом: «Ни пяди назад!». «Мы, русские, *на ме́ньшем* не помиримся».

И едят, бедные, селедочку, запивая водочкой, ночуя с «курсихой», и завтра надеясь проснуться в заре торжествующего социализма.

~

Общественная политика, роль *общества* в политике, его *сила* и *значительность* в политике, – начнутся тогда только, когда оно почувствует мужество отречься от Герцена, и прежде всего не уважать в нем *литератора* (отвратительный тон).

Сказать ли наконец истину (которую едва сознают через сто лет), что *общественная* роль в политике начнется только с момента, когда общество, сняв шапку, поклонится Государю и скажет:

– Ты первенец Земли Русской, а мы – десятые и сотые. Но и сотые, и десятые имеют свой час, свой урок, свою задачу, свою судьбу, свое указание от Бога. Иди, и да будут благословенны пути твои. Но и ты, оглядясь на своих деток, – благослови тоже наши шаги.

Вот путь Розанова, а не Желябова. Розанов написал книгу «О понимании», и ему можно поверить больше, чем мужичонке, все качества которого заключались в том, что в него была влюблена «генеральша (по отцу) Перовская». Но генеральши иногда и в конюхов влюбляются (Некрасова «Огородник», Фаустина – жена Антонина Пия).

(в постели ночью)

,

Я сам прошел (в гимназии) путь ненависти к правительству... к лицам его, к принципам его... от низа и до верхушки... – путь страстного горения сердца к «самим устроиться» и «по-молодому» (суть революции), и, след., мне можно поверить, когда в 57 лет (а в сущности начал еще в университете) я говорю, что в России нельзя ничего сделать без Государя и без веры в него; это, во-первых, и вовсе еще не главное: а самое главное, что (не говоря об эмпирических исключениях, которые «простим») Государь есть в точности лучший человек в России, т. е. наиболее о ней думающий, наиболее за нее терпевший (ряд государей, «дипломатические поражения», «конфуз» за отсталость), наиболее для нее работавший (сколько *проработал* Александр II!),

и вместе – пока́ что́ – наиболее могущественный что-нибудь для нее сделать. Он есть лучший человек в России и, поистине, Первенец из всех потому, что самым положением своим и линией традиции («с *молоком* матери» и «врожденные предрасположения») не имеет *всецелым содержанием души* никакого другого интереса, кроме как благо России, благо народа, в условиях бессословности и вне-провинциальности. Самая выработка такого лица, поистине, есть феномен и чудо: и, поди-ка, если б его не было, создайте другое лицо, которое бы думало «только о народе, его благоденствии и славе». Так думали герои и святые, – как Перикл: и за то́ сколько его славят. Славят, собственно, не за успехи (какие особенные успехи у Перикла?), а что вот нашелся же «частный человек», который «всего себя посвятил Отечеству», и у которого вне Отечества не было своей и особой, личной и домашней мысли. Таковы были Перикл, Кимон, и еще немногие, человек семь. Аристид. Но уже Фемистокл не был таким, и не был таким Кромвель, Цезарь, величайшие из «республиканцев». Итак, человек *семь* всего. Какой же феномен и *святое* чудо, что веками терпения и страдания, веками покорности и *молитвы за царей* (вероятно, и гипнотически, магически это действует), русский народ выработал *такое учреждение,* такую «должность» и «лицо», что, как вот *новый* вступает «в него», он вдруг начинает думать и действовать «как Аристид и Кимон», т. е. с молитвой только об одном – «как можно справедливее», как можно «лучше стране», и – «ничего мне», «ничего особого и отдельного мне». Царская власть есть чудо. Подите-ка во Франции вот *теперь* зародите ее, когда раз она исчезла. Только через 500 лет может вновь явиться, – в меньший срок нельзя сделать. Но *ошибаться* и даже *вредить* могли и Аристид, и Кимон. Однако в царской власти и через ее таинственный институт побеждено чуть не главное зло мира, которого никто не умел победить, и никто его не умел избежать: *злая воля, злое желание, – злая, злобная страсть.* Дело не в ошибках: поправить *всякие ошибки* ничего не значит; в истории и даже в мире, в сложении его, в корнях его лежит и *всему присуща* злая, безобразная воля: Каин, Диавол, Люцифер. Вот с чем не могли справиться народы и от чего человечество невыразимо страдало, встречаясь, с чем гибли народы и разбивались целые цивилизации. Это-то метафизическое зло истории и даже метафизическое зло мира побеждено выработкой, в сущности, сверхисторического явления, явления какого-то аномального и анормального (конечно!) – царя: в котором зложелательность pur sang* есть contradictio in adjecto**, невозможность и небываемость. Вот почему злоумыслить что-нибудь на царя и отказать ему в повиновении, если он по болезни страстен и гневен (Грозный), или даже если бы он был лишен рассудка, – *ужасная вещь в отношении всей истории,* всего будущего, тысячи лет вперед; ибо это неповиновение или это злоумышление могло бы в последующих государях разрушить то́ главное, что́ составляет суть всего: их благость и их всецелую, без остатка для себя, благорасположенность ко всем и всему окружающему в

---

* Чистокровность *(фр.).*

** Противоречие в определении *(лат.).*

стране своей. Перикл, зная, что его «изгонят» или могут изгнать, вдруг стал бы «откладывать в копилку про черный день и на случай». Из царя именно исключен «случай» и «черный день». Все дни царя суть светлы, и о светлых днях ему молится весь народ, ибо непрерывный свет в душе царя есть тот свет, которым освещается вся страна. Вот отчего история с Павлом I-м была черна, подла, омерзительна для воспоминания, и ее антиблагой характер, «вредный последствиями», был как бы мы проиграли 12-ый год; и отчего гг. из Женевы и Парижа и должны быть не просто казнимы, а истребляемы, ибо сами они истребляют, в сущности, весь свет, всю радость, весь смысл, которым живет и осмысливается и окормляется весь русский народ. Вот отчего «раздражить» Государя, сделать ему «огорчение», есть величайшее народу злодеяние. «Перикла обворовали», «Периклу дали пощечину», «за Периклом гонялись с пистолетом» – «нет Перикла!». – Ну, а что́ значит «нет Перикла» для Афин – это знает Иловайский, да и не он один. Вот отчего истребление всяких врагов Государя и всякой вражды к Государю есть то́ же, что́ осушение болот, что лучшее обрабатывание земли, что «дождь для хлеба», и проч. Никакого черного дня Государю, все дни его должны быть белы – это *коренная забота народа,* на которую, как на хорошую пахоту – урожай, отвечает любовь *всемогущего* существа о народе, труд для него, забота о нем.

Теперь – о вере, Евангелии и Христе. Т. е. о Церкви, которая ничего еще и не делает и ничего еще и не имеет, кроме как хранить, говорить, учить и распространять Евангелие, Христа и Вечную Жизнь.

Едва я сказал, как все закричат: «Да ведь это цивилизация!». Это уж не Боклишко с Дарвинишком, не Спенсеришко в 20-ти томах, это не «наш Николай Григорьевич» (Чернышевский), все эти лапти и онучи русского просвещения, а это цивилизация *в самом деле* от пришествия гуннов и Алариха до Эдуарда Исповедника, до Крестовых походов, до рыцарства, до Сервантеса, до Шекспира и самой Революции. Что́ же тут трясутся «в изданиях Пирожкова» Ренан и Штраус: да их выдрать за уши, дать им под зад и послать их к чорту. Если запищат наши «Современники» и девица Кускова – сослать их за Кару. Что́ же делать с червяком, который упал с потолка вам в кушанье? Такового берут в ложку и выплескивают к чорту. Вечная Жизнь и Бокль, проповедь Апостолов и 43 года «Вестника Европы», который не удостоил их хотя бы когда-нибудь назвать по имени и, верно, не знал, что их «12» («*исторический* журнал»). Какое же рассуждение: «Вестник Европы» нужен 6000 своих подписчиков. Евангелие *было* необходимо человечеству двадцать веков, *каждому* в человечестве. Кто же бережет лопух, который заглушает сад, кто бережет червя, который ест яблоко, и кто бережет разбойника, который режет на дороге? Никакого рассуждения, что все это к выбросу. Но я говорю о корнях (исторических), когда хочу рассуждать: в Евангелии, в одной книге, и в Церкви, т. е. в одном учреждении, Европа – не русские и не немцы, а Европа – имеет *то одно,* как бы «в горсть взятое», чего не имели Греция и Рим, не имеют и Китай и Индия. Ибо там если и есть Будда и Конфуций, то это – философия, которая еще имеет соперничество в более древних лицах. Но Европа и только *одна она,* имеет *одно рожде-*

ние из одного Лица – Христа. Нет «Европы», а есть «Христианский мир», и все знают, что «Христианский мир», обширнее, многозначительнее и вечнее «Европы», а «Христос» обширнее «Христианского мира» и есть «Вечность» и «Всё».

Понимаете ли вы отсюда, что Спенсеришку надо было драть за уши, а «Николаю Григорьевичу» дать по морде, как навонявшему в комнате конюху. Что никаких с ним разговоров нельзя было водить. Что их просто следовало вывести за руку, как из-за стола выводят господ, которые вместо того, чтобы кушать, начинают вонять. Догадываетесь ли вы, наконец, что цивилизация XIX-го века, которая в значительной степени есть антихристианская, была вовсе не «цивилизация», а скандал в ней, и не «прогресс», а «наследили на полу», и надо это подтереть. Пришли свиньи и изрыли мордами огород: это не значит, что огороду не надо быть и надо к осени остаться без овощей, а значит, что свиней надо прогнать или заколоть, а гряды поправить, вырытое вновь всадить в землю и по осени собирать плоды.

И вот эта «Церковь» – она уже до того превосходит Россию, она до того превосходит Европу, что Русский Царь, о котором я сказал все слова, какие сказал, – Он склоняется перед одною Церковью, как Вечным Источником жизни всех, – и так же страшится и испуган Ее огорчить, как каждый из нас страшится и испуган огорчить Его.

И эти два, в слиянии, образуют Свод над мужиком и Русью, над каждым и всеми. Какого не имели ни Рим, ни Афины.

. . . . . .

(устал. Ночью в кровати 21 ноября)

»

Весь парламент есть, в сущности, бодливость безрогих коров и «критика на быка» раздувающейся лягушки. По крайней мере наш парламент и по крайней мере до сих пор.

Удался и с достоинством он только в Англии. Там он – *народен* и «с осанна». У нас он в противоречии «с *Господи помилуй*», и, вероятно, просто пройдет.

Нам нужно что́-то другое. Что – не ясно.

К числу безумств нашего 5-тилетнего ребеночка относится то, что он уже оскорбил Церковь. Этого «уже» никак не сотрешь и последствий его никак не избежишь. Последствие же есть то, что церковному народу он останется навсегда чужд и враждебен, а бесцерковные частицы в народе суть хулиганские. Хулиганство он потянул к себе, а историю оттолкнул. Что же с ним делать и куда его девать? Ибо такие вещи можно «девать», а «сделать из них» – ничего нельзя. И сделал он это ради сущих пустяков.

Парламент наш даже не есть политическое явление, а просто казенный клуб на правительственном содержании. Если бы он был *политическим явлением,* он сейчас же, родясь, – начал бы союзиться, искал «усилиться». А «наш 5-тилеток» сейчас же заявил:

– Я, па-па-ся, у-сех сильнее.

Пока его не ударили по́-носу. Тогда наш осетр нырнул в воду, а затем даже неизвестно, куда пропал: поехал в Лондон и только через год аукнулся в Париже. До того бедный испугался. Да и все они вообще чрезвычайно пугливы. Родичев сделал оскорбительный намек («Столыпинский галстух»), – но не только потом извинился, а захворал от проявленной храбрости («букеты» дам больному).

Между тем роль его была действительно велика и в высшей степени проста. Нужно было избавиться от того «крапивного семени», с которым войну начал еще Сумароков, – от чиновничества. Точнее – не избавиться, а серьезно подчинить себе и своему активному, возбуждающему контролю. Для этого надо было именно осоюзиться с Царем, с духовенством, с дворянством, с купечеством, которых чиновник, в сущности, всех «съел». Съел, поставя на место их свою безличность и формальность. Нужно было вернуть «лицо» всем этим угнетенным началам русской истории, – лицо, достоинство, деятельность.

Вместо этого парламент у нас явился «журналистом», тем русским журналистом, который беден и потому ругает богатых, без власти и потому ругает людей значительных, – жид и некрещеный, и потому ругает русских и веру. Это нелепое и чудовищное явление, вполне гадкое и в гуттенберговском наборе, стало еще гаже, обсуждая «законы». Оно стало комическим явлением и ничем, кроме комических заслуг, не может отличиться.

„

Господи! Прости ей грех, прости ей грех, прости ей грех.

Потому что она наследница Твоего богатства, которое Ты оставил миру, чтобы не заблудился мир. И которого если не будет, мир заблудится. И которого не будет, если погибнет Церковь.

Не дай погибнуть ей. Поддержи ее. Поддержи ее и укрепи.

„„

Мучительное в положении Церкви, что она не знает среднего пути между буйством и ренегатством самой вере (Гр. Петров), – и между смирением, переходящим в трусость, попустительство и лесть.

Нет кроткого мужества, нет мужественной кротости – в этом почти всё.

(21 ноября)

Я нуждаюсь только в утешении, и мне нужен только Христос.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

(Язычество и юдаизм и на ум не приходят.)

(за корректурой ночью в редакции 22 ноября)

Вот что значит рвануться к неудачной теме: Франция гибнет и уже почти погибла (даже население *вырождается*) в судорожных усилиях достигнуть просто глупой темы – Свободы.

Нужно достигать гармонии, счастья, добродетели, героизма, хлеба, женщин; ну, если брать отрицательное, – достигать разврата.

А не *пустоты*: а свобода есть просто пустота, простор.

– Двор *пуст*, въезжай кто угодно. Он не занят, *свободен*.

– Эта квартира пустует, она *свободна*.

– Эта женщина *свободна*. У нее нет мужа, и можешь ухаживать.

– Этот человек *свободен*. Он без должности.

Ряд отрицательных определений, и «свобода» их все объединяет.

– Я *свободен*, не занят.

От «свободы» все бегут: работник – к занятости, человек – к *должности*, женщина – к *мужу*. Всякий – к *чему-нибудь*.

Всё лучше свободы, «кой-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нет, и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру.

К этому-то милому идеалу, «обнимая воздух», Франция и рванулась. И разбилась в пустоте.

Тогда как надо было стремиться к гармонии, порядку и работе. Тогда как можно рваться: к героизму – без Бога, к святости – в Боге.

(каб. уедин. 23 ноября)

,

Смерть не страшна тому, кто верит в бессмертие.

Но как ему поверить?

Христос указал верить.

Но как я поверю Христу!

Значит, главное в испуге моем – неверие в Христа.

И мука моя оттого, что я далек от Христа.

Кто меня приведет ко Христу?

Церковь вела, но я не шел.

(23 ноября в редакции ночью, хлопоты о статье)

От всего ушел и никуда не пришел.

(о себе)

Из всех роскошеств мира она любила одну чистоплотность.

(детям, – как завет от мамочки)

Бархатная кофточка у нее была – раз (синяя, в молодости); платья такого не было. Шелковые кофточки, конечно, были.

...Так моя жизнь, как я вижу, загибается к ужасному страданию совести. Я всегда был относительно ее беззаботен, думая, что «ее *нет*», что «живу *как хочу*». Просто – ничего о ней не думал. Тогда она была приставлена (если есть «путь», а я вижу, что он *есть*) в виде «друга», на которого я оглядывался и им любовался, но по нему не поступал.

И вот эта мука: друг гибнет на моих глазах и, в сущности, по моей вине. Мне дано видеть каждый час ее страдания, и этих часов уже три года. И когда «совесть» отойдет от меня: оставшись без «совести», я увижу всю пучину черноты, в которой жил и в которую, собственно, шел.

Это ужасно: и если, напр., остаться с этой тоской не на 3 года, а на весь «загробный мир», на всю вечную жизнь, то разве это не *ад*, краешек которого я ощущаю. Она же, «друг» мой, всю себя отдавшая другим, – перейдет в вечную радость.

Вот на остающиеся 10 лет жизни я несчастен потому, что не по́звал *вовремя* Карпинского.

И в детстве: свой домик, брат 19-ти лет, сильный, умный и *даровитый*, сестра вернулась (из Кологрива), кончив училище... Да мать, – ну, в усталости. Да два малолетка. Да брат лет 16 – чуть-чуть слабоумный, «придурковатый», но тих и благородный, «плачущий» (когда его обижали «разумные»; они его обижали).

Отчего бы не жить? Огород большой. Парники. Аллеи липовые (или березовые? – за младенчеством не помню) вырубили: Т. е. земля большая.

Была своя корова (темная шатенка).

Отчего бы не жить?

Но 19-летний брат, когда его посылали в аптеку Зейгница – то приносил пузырек чего-то мутного. По «неформальной» завертке (цветные бумажки) догадывались, что это он сам наливал. Деньги же (меньше рубля) брал себе. Как-то раз сказал при мне (был один, и я с ним, – но слова слышал, не понимая смысла): «Это мне для.....». «И немножко вина».

И «для.....» же уносил последнее белье из комода (матернее, сестрино, наше детское). Говорили об этом. Как с ним драться, когда он всех сильнее (старший в дому).

Мать лежала (болезнь).

Дети играли. Я (из-под палки) все на носилках носил навоз в парники (очень тяжело, руки обрывались, колена подгибались). Потом – поливал (легче, но отвратительно, что, вытаскивая ведра из прудика, всегда заливал штаны). Потом – полол. Мне было 7, 8, 9 лет (хорошо бы труд, но всегда *без улыбки* и *ни единого слова*, т. е. каторжный). 19-летний и 17-летняя – ничего. (Нельзя было их заставить, и даже оскорблялись на «попросить».)

И развалилось все. В проклятиях. Отчаянии. Отчего? Не было гармонии. Где? *В доме.* Так «в «доме», а не – «в обществе», до которого ни нам не дотянуться, ни ему до нас не дотянуться.

Как же вы меня убедите в правоте Лассаля и Маркса?

И кто нас «притеснял»? Да мы были свободны, как галки в поле или кречеты в степи. И – проклятие, отчаяние и гибель.

А могли бы быть не только удовлетворены, но счастливы. Да: было еще пенсии 300 р. в год, по 150 р. в полугодие (получали полугодиями).

(ночью в постели вспоминаю)

Он точно кисточкой рисует свои добродетели. И так как узор красив, то он и продолжает быть добродетельным.

Но это не доброта.

Доброта болеет. Доброта делает. Доброта не оглядывается. Доброта не ищет «себя» и «своего» в поступке: она видит внутри поступка своего только лицо того, кому нужен поступок.

Доброта не творит милостыни, доброта творит братское дело. Мы все братья, и богатые, и нищие, и знатные, и простые. Ибо завтра богатый может потерять богатство и знатный очутиться в тюрьме.

В 1895–6 году я определенно помню, что у меня не было тем.

Музыка (в душе) есть, а пищи на зубы не было.

Печь пламенеет, но ничего в ней не ва́рится.

Тут моя семейная история и вообще все отношение к «другу» и сыграло роль. Пробуждение внимания к юдаизму, интерес к язычеству, критика христианства – все выросло из одной боли, все выросло из одной точки. Литературное и личное до такой степени слилось, что для меня не было «литературы», а было «мое дело», и даже литература вовсе исчезла вне «отношения к моему делу». Личное перелилось в универсальное.

Да это так и есть на самом деле.

Отсюда моя неряшливость в литературе. Как же я не буду неряшлив в своем доме. Литературу я чувствую как «мой дом». Никакого представления, что я «должен» что-нибудь в ней, что от меня чего-то «ожидают».

На «том свете» я спрошу:

– Ну, что же, Вера, доносила старые калоши?

Потому что на этом свете она спросила:

– Барин, у вас калоши-то худые. Отдайте их мне.

И я, – засыпая после обеда, – сказал:

– Возьми, Вера.

Она была черная, худая и мертвенная, лет 45-ти, но очень служила мне верной службой.

Я не догадался ничем ее отдарить. Не пришло на ум (действительно). А теперь почему-то мучит и вспоминаю. Это было 23 года назад.

Она была безмолвная и безответная. Огурцы засолила. Подает в сентябре. Твердые-претвердые.

– Что это за нелепые огурцы, Вера?

– Это с острогоном. Крепче. Через 2 недели будут совсем хороши.

Котлеты. И – ягоды черные!!!

– Это что за нелепость, Вера???!!!

– Я у купцов так готовила. С черносливом.

И действительно было приятно.

(в Ельце)

У Родзевича была горничная. Очень милая. Он же был жесток (учитель математики).

Тогда я, Стройков, Запольский, Штейн (жили у Василия Максимовича, наверху) решили ему отомстить за вечные двойки.

По длинному нижнему коридору (учительскому) она несла барину суп. Обе руки заняты. «Точно нас осенило»: мы подскочили с трех сторон и стали... чего-то искать у нее в кофте. Волнуется, бранится, но ничего не может поделать (руки заняты). И бежать не может (уронит миску). Бранится. У нас руки как таракашки по ней бегают. Но ничего особенного, и вообще скромно. IV класс гимназии... «Глупыши и не понимаем». Нам бы надругаться над Родзевичем.

Он был поляк, католик, ханжа и сослан в Нижний за «бунт». Бесцеремонно он всем полякам ставил не менее 3-х (даже Горскому, который ничего не знал и нагло манкировал); нам же, русским, почти сплошь ставил двойки.

Он был маленький, почти крошечного роста, с козлиной бородой, худой, злобный, и почему-то вкруг шеи наматывал длиннейший грязный шарф.

Голос – громóвый. Сущий сатир или дьявол.

На другой день, войдя на кафедру, но не садясь, он гробовым глухим голосом, не понятно ни для кого в классе (кроме «нас четырех»):

«И вы-ы-ы! – Бормотанье... – Испорченные ю-ю-ю-юноши... Некоторые из вас... Осмеливаются... Даже своих наставников не уважать»...

Но он был до того хитер, что *в этот урок* никого из нас не вызвал к доске (доказывать теорему).

Только потом мучил.

(в Нижнем)

Любовь *продажная* кажется «очень удобною»: «у кого есть пять рублей, входи и *бери*». Да, но

Облетели цветы
И угасли огни...

Что́ же он берет? Кусок мертвой резины. Лайковую перчатку, притом заплеванную и брошенную на пол, которую подымает и натягивает на свою офицерскую руку и свою студенческую руку. «Продажная любовь» есть поистине гнусность, которая должна быть истреблена пушками (моя гимназическая мечта), порохом и ножом. На нее нужно смотреть как на выделку «фальшивой монеты», подрывающей «кредит государства». Ибо она, все эти «лупанары» и *переполняющие улицы* ночью шляющиеся проститутки, – «подрывают кредит семьи», «опровергают семью», делают «не нужным (осязательно и прямо) брак». Ну, а уж «брак» и «семья» не менее важны для нации, чем фиск, казна.

Но «проституция ничему не уступает»: свидетельство истории. И, значит, «пусть она будет», но совершенно *в ином виде*, чем теперь: не в виде бродячих грязных собак, шляющихся «для всякого» по улице, не в виде «мелочной лавочки», где каждый берет «на три копейки семячек». Нужен *иной ее образ*: не оскверняющий, не развращающий.

Как-то у меня мелькнуло в уме: в часть вечера, между 7–9 (и *только*), все свободные (*без* мужей и не «лунного света») выходят и садятся на деревянные лавочки, каждая перед своим домом, и скромно одетые, – держа каждая цветок в руке. Глаза их должны быть скромно опущены книзу, и оне не должны ничего петь и ничего говорить. Никого – звать. Проходящий, остановясь перед той, которая ему понравилась, говорит ей привет: «Здравствуй. Я с тобой». После чего она встает и, всё не взглядывая на него, входит в дом свой. И становится в этот вечер женою его. Для этого должны быть назначены определенные дни в неделе, в каждом месяце и в целом году. Пусть это будут дни «отпущенной грешницы» – в память ее.

. . . . . .

. . . . . .В разряд этот войдут вообще все женщины страны, – или города, большого села, – неспособные к единобрачию, неспособные к правде и высоте и крепости единобрачия. Оне не должны быть ни порицаемы, ни хвалимы.

Оне – просто *факт*. Но оне очень должны наблюдать себя, свою телесную чистоту, свое нервное (полное) спокойствие. Оне должны быть постоянно свежи: от этого изгоняется каждая, принявшая двух в один вечер (теперь сплошь и рядом), принявшая кого-нибудь в дни своего «месячного очищения», и вообще в «непозволенные дни». Через это «кабак» проституции устранится, а «душа проституции», которая *есть*, выберется из-под мусора. Разумеется, у них должны быть дети, вообще они должны быть детные. Оне – семьянинки: «но – вдовствующие» с каждым утром и каждый вечер «вновь выходящие замуж» (психология, чувство самосознания, отнюдь не убитое и не умаленное).

Мне рассказывал один портной историю своего брака: он «и не видал жены своей», дочери швейцара в чрезвычайно высокопоставленном дому. Ей было всего 17 лет, и, как потом он узнал, родители говорили ей: «Ты *хоть постой за венчанием*» (т. е. «*а потом* – поступай как знаешь»). Она была совершенно неудержима в «отдачах» и не могла не отдаться каждому, кто ей понравился («приглянулся»). Муж (хмурый мещанинишка, – прилежный, «одна проза») был ей совершенно противен, и она, уже спускаясь с лестницы после венца, не позволила ему подать себе пальто, неглижерски отвернувшись от него. «Ко мне в дом она взяла тетку, которая с нею спала в одной комнате, в эту первую брачную ночь». Дней через 5 она переехала к родителям. Ежедневно с двоюродною сестрою мужа она уходила на холостую квартиру своего кузена, и он был ей «муж» на час. Родители уже не сдерживали: ничего нельзя было сделать. Замечательно, что на ее сторону стала и полиция (была обаятельна?) и посадила муженька «в холодную» или вообще «к себе», – и держала, «пока не даст паспорта (ей) на отдельную от себя жизнь». Он не давал, пока не пришел ко мне советоваться (тогда я писал о разводе). Я сказал, что́ знал, т. е. что «Св. Церковь ему развода не даст («ибо без свидетелей») и он должен претерпеть». Он, главное, был возмущен, что она мешает его работе, его укладу жизни, что он «не в спокойных мыслях», – не понимая сам, «муж или не муж». *Такую* же еще раз я встретил (ее рассказ) – образованную, красивую, *в высшей степени скромную* (в манерах), и об одной *такой* мне рассказывала поразительную историю Евгения Ивановна, добавлявшая: «Я не могла ее не любить, до того она была вся *милая* и *приятная*». Сама Евг. Ив. абсолютно целомудренна. Вот факты.

...Как поршень действует в цилиндре насоса? – под поршнем *образуется пустота*. И природа с ее terror vacui* стремится наполнить ее. Выступают и поднимаются во́ды земли, собираются во́ды земли (почвы) и устремляются к уходящему поршню... И жизнь, и силы, и кровь. Вот отчего «весь организм» как бы собирается в одну точку. И, поистине, эта *точка* и в это *время* есть «фокус организма и жизни», – подобно как есть «фокус» в оптических стеклах.

---

* Страх пустоты *(лат.)*.

Оплодотворение детей входит неописуемым чувством в родителей: «Вот я прикрепился к земле», «земля уроднилась мне», «теперь меня с Земли (планеты) ничего не ссадит», не изгладит, не истребит.

Отсюда обряд, песни, цветы, у всех народов, у нас – венчание; белое платье, венцы на головы брачущихся.

Но это – глубже, это не обряд; обряд пришел «совсем потом» и показует не свою важность, а *важность того, к чему он прикрепился.*

Отсюда же в древности «пир происходил», когда новобрачные уже отводились в опочивальню (в Иерусалиме – в «хуппу»), и они начинали совокупляться во время самого пира; у нас, русских, до последнего времени выносилась «в пир» и показывалась гостям снятая после совокупления сорочка новобрачной, со всеми знаками *его* силы и *ее* чистоты. Но это – не «проверка»: разве психология пира такова, чтобы «рассматривать подпись на долговой расписке». Совершалось это вначале по наивной и открытой радости родителей, что крови начали уже сливаться, два рода – *его* род и *ее* род – слились в одну реку, срослись в один ствол Вечного Дерева, – что «Древо Жизни» преуспело и снесло еще яблоко. У Андрея Т. Болотова, в его «Записках», описывается подробно этот вынос рубашки новобрачной. В Смоленской губернии торжество омоченной срачицы сохраняется до сих пор в благочестивом простом народе, у мещан по городам и везде в селах.

Но все это – «приложилось». В основе лежит чувство родителей, как бы вторично и *более полным образом* рождающихся в мире. Совокупление детей есть для родителей собственное их второе рождение. Едва крови – прорвав ткани – слились, как в родителей входит метафизическое знание, что от них отделилась нить, которая связалась в узел с нитью, вышедшей из пуповины «кого-то другого», «совсем нового», «чуждого вот *нашему* роду». Это близко к тому, как насекомое-наездник, опустив яйцевод, – просверливает кожу куколки и опускает в тело куколки яйцо свое, из коего вылупится «я» этого наездника и будет питаться телом этой куколки. Только там это – жестоко и убийственно, а здесь это благо, любящее, в наслаждение «яйцекладчиков» и в Вечную Жизнь. Отсюда же древние обычаи: что финикиянки выходили на берег и отдавались приплывавшим иностранцам, т. е. – «как тело куколки», но сладко, «принимали яйцо наездника», чтобы унести себе его в дом и там родить и вырастить. Отсюда же почти везде в древности существовавшая «семейная проституция», которая на самом деле есть вовсе не это отвратительное и денежное ремесло, но то же «приятие себе в дом яйца», как некоторой абсолютной мировой ценности, что́ ведь, в сущности, и есть так. Поэтому она никого не оскорбляла, а оскорблял, напротив, отказ иностранца, путника или гостя дать яйцо. «Как курица – побыла сутки в доме, но ничего не оставила». Это обижало, это отталкивало, это разделяло, это вводило людей в тоску и слезы. Напротив, «приняв яйцо», радовались и гоготали, как курица после яйценесения. Курица-то почему кричит? Да что она

«принесла пользу миру»; более «не *чужая миру*»; она кричит: «мир – *мой*», а «я – *мировая*», т. е. мировая вещь, *мировое лицо*; я теперь «мировое существо» – в «середочках», а не «с краешку» (конец мира).

Если курица чувствует, насколько ярче и сильнее чувствует человек!

Дети – не верьте родителям: они скрываются.

Проклятое уныние склонило чело их долу. Но это – тоска времени, и она пройдет.

Поднимите глаза: солнце восходит.

Солнце жизни...

Солнце улыбок...

(открытие Розанова)

Совокупление, – каждое единичное, и брак как нить и цепь их, всегда имеет определенный возраст. Год, месяц и день. Этот возраст равен половине суммы годов обоих совокупляющихся. Если *ему* 24 и *ей* 16, то совокупление *двадцатилетнее*

$$\left(\frac{24+16}{2}=\frac{40}{2}=20\right).$$

Следовательно, совокуплению лет –

когда *ему* 34 и *ей* 16

„ „ 32 „ „ 18

„ „ 30 „ „ 20

„ „ 28 „ „ 22

„ „ 26 „ „ 24

„ „ 24 „ „ 26

„ „ 22 „ „ 28

„ „ 20 „ „ 30

„ „ 18 „ „ 32

„ „ 16 „ „ 34

„ „ 14 „ „ 36

Или –

30 если сочетающимся 16 и 44 лет

35 „ „ 16 „ 54 „

40 „ „ 16 „ 64 „

И т. д.

Отсюда объясняются странные браки, даже странные любви, как и дерзкие посягновения: напр.,

45 и 16 дают возраст брака – 30 л., но:

45 и 14 „ „ „ – 29 „

45 и 12 „ „ „ – 28 „

И т. д. Отсюда объясняется факт, напр., об избитом (кажется, Тагиевым) инженере. Я читал тогда: у старика Тагиева был сын, и женат он был на

такой-то. Вдруг младшая, маленькая сестрица ее говорит этой своей замужней сестре:

– Знаешь, Зельма, – я *буду скоро твоей матерью.*

Та удивилась и не поверила: но скоро оказалась правда. Оказалось, старик Тагиев (миллионер-татарин в Баку, – нефтяник) сделал предложение и действительно женился на младшей сестре жены своего сына. Т. е. *в отношении себя он взял как бы внучку.* И был строгим и любящим мужем. Нельзя отрицать, что и она его любила, по общему инстинкту подростков: «Быть – *скорее большой*», «скорее – *вырасти*». Мне приходилось наблюдать (у немцев) любящую пару, где *ей* было 24 (хороший рост, полное здоровье, красива), а *ему* не менее 66 лет (след., брак был 45 лет). Она мне (т. е. обществу при мне) передавала, как они вдвоем при зимней луне катаются на лыжах; и постоянно была около мужа, не ища другого общества. Через год у них родился ребенок.

(в клинике Ел. П.)

...уже дотрагивание доставляет удовольствие, даже одна мысль. Дотрагивание *кого* бы то ни было, мысль о *ком* бы то ни было. Как же избежать «греха»?

Человек окружен, как морем, им.

И почему это «грех»? Какие доводы? Где доказательства?

От неясности доказательств море еще мутнее, человек еще угрожаемее.

Не говоря о мужчине, которому за тайной «все дозволено», но как вы убедите девушку, что ей «не дозволено», и она не может иметь детей, не «дождавшись» мужа, когда она «его ждала» до 25, до 30, до 35 лет: и, наконец, до каких же пор «дожидаться» – до прекращения месячных, когда рождение уже невозможно???

До *каких лет* дожидаться – это должно быть оговорено и в светских законах, и в церковных правилах. Ведь совершенно явно, что она должна еще до прекращения месячных «исполнить закон земли» (Бытие, кажется, 17-ая глава, – слова друг другу одиноких, за разрушением города, дочерей Лота, не имевших ни женихов, ни надежды на них).

Эй, не дразните собаку на цепи. И собака – срывается. А человек повалит и конуру, да еще и искусает сторожа.

(в клинике Ел. П.)

Без веры в себя нельзя быть сильным. Но вера в себя разливается в человеке нескромностью.

Уладить это противоречие – одна из труднейших задач жизни и личности.

Полевые и лесные частицы в человеке едва ли когда-нибудь могут вовсе исчезнуть, и даже едва ли желательно, чтобы оне вовсе изгладились.

Все будут в смокинге, как Скальковский, – нет! нет!

(одеваюсь в клинику)

Мало солнышка – вот все объяснение русской истории.

Да долгие ноченьки. Вот объяснение русской психологичности (литература).

~
~
~

Мы не зажжем инквизиции. Зато́ тюремное ведомство – целое министерство.

(в клинике Ел. П.; курю, выйдя)

У социал-демократа одна тоска: кому бы угво́здиться на содержание. Старая барыня, широко популярный писатель, «нуждающийся в поддержке молодежи», певец – все годится.

Не знаю, какую угрозу правительству составляют эти господа.

(клиника Ел. П.; курю, выйдя)

Сердце и идеал было во мне моногамично, но любопытство и воображение было полигамично.

И отсюда один из тягостных разрывов личности и биографии.

Я был и всешата́ем и непоколебим.

(еду в клинику)

Женщина – исподнее существо.

Договаривают: «и – *преисподнее*».

– Нет, она небесное существо.

(еду в клинику)

Cul. ph. непонятен и невозможен вне *родства*, в родстве же он понятен и неизбежен, как средоточие этого родства, его источник и возбудитель, тайная его поэзия и, наконец, религия.

«Cul. phal.» был продиктован кем-то очень старым, «ветхим деньми». Молодому он и на ум не может прийти, в молодом он возбудил бы только «смех или забавное отношение».

Он смешон для братьев и сыновей, но не смешон – для родителей; смешон для дочерей, для сестер, – но не смешон «для свекра и свекрови, для тестя с тещей». Он *совершенно понятен* для всякого *деда* и *бабки*. «Кто дал его» (первому человечеству) – был непременно «с развевающимися по ветру седыми волосами», был *око* (зрение, всеви́дение).

Всякий оплодотворяющий девушку сотворяет то, что нужно.

(канон Розанова, 28 ноября)

Последний момент – смятение души, смятение стихий.

Так и сказано, что он «в буре».

Супружество как замок и дужка: если чуть-чуть не подходят – то можно только бросить. «Отпереть нельзя», «запереть нельзя», «сохранить имущество нельзя». Только бросить (расторжение брака, развод).

Но русские ужасно как любят сберегать имущество замками, к которым «дужка» только приставлена. «Вор не догадается и не тронет». И блаженствуют.

(ноябрь) (в клинике Ел. П.)

Ученичество – тонкая музыка, и учительство – тонкая музыка.

И вовсе не на всяком инструменте ее можно играть.

Мы имеем только схемы учебных заведений. Умножение и печатание шаблонов их. Но лишь *кое-где* тут происходит просвещение. Просвещаются 2–3 из 500 учеников, и просвещает разве только *один* из 15-ти учителей.

Остальное – шаблонная выделка шаблонных интеллигентов, и даже скорее это *минус* просвещения, чем его *плюс*.

(в клинике Ел. П.)

...да Писарев и «Современник» и есть Нат-Пинкертон. Так же просто, плоско, такая же «новая цивилизация» и приложение «последних данных науки». И все – так же решительно и смело. Непонятно, чему Чуковский стал удивляться.

(клиника Ел. П.; Чуковский год назад читал об этом лекцию: «Откуда увлекаются Нат-Пинкертоном?»)

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Кто-то, где-то услышав, заплакал.

Писарев поднялся:

– **НЕ-ПО-НИ-МА-Ю**.

Неописуемый восторг разлился по обществу. Профессора, курсистки – все завизжали, захлопали, загоготали:

– ГЛУ-ПО.

~

Какое оправдание «Поэта и черни». Писарев все защищал мужиков от Пушкина, тогда как Пушкин никогда мужиков не разумел. «Чернь» ходит в лакированных сапогах и непрерывно читает просветительные лекции.

«Чернь» – это Григорий Петров, Б. и Академия Наук с почетным членом Анатолием Федоровичем.

(в клинике Ел. П.)

Неужели все, что идут по улицам, тоже умрут?

Какой ужас.

(переходя площадь перед цирком Чиниз., в страхе)

И она меня пожалела как сироту.

И я пожалел ее как сироту (тогдашняя история). Оба мы были поруганы, унижены.

Вот вся наша любовь.

~

Церковь сказала «нет». Я ей показал кукиш с маслом.

Вот вся моя литература.

(сидя над кроватью мамы: клиника Ел. П.)

Редко-редко у меня мелькает мысль, что напором своей психологичности я одолею литературу. Т. е. что «потом» будут психологичны – как я и «наши» (Рцы, Фл., Шперк, еще несколько, немного).

Какое бы счастье. Прошли бы эти «болваны». Ведь суть не в «левости», а в чтó болваны.

Кроме воровской (сейчас) и нет никакой печати. Не знаю, чтó делать с этой «6-ой державой» (Наполеон).

Главный лозунг печати: проклинай, ненавидь и клевещи.

(вспоминаю статьи по † Суворина).

Достоевский, который терся плечом о плечо с революционерами (Петрашевский), – имел мужество сказать о ней: «мошенничество». – «Русская революция сделана мошенниками» (Нечаев, «Бесы»).

Около этого приходится поставить великое

SIC.

Человека достойный памятник только один – земляная могила и деревянный крест.

Золотой же памятник можно поставить только над собакою.

Звездочка тусклая, звездочка бледная,
Все ты горишь предо мною одна.
Ты и больная, ты и дрожащая,
Вот-вот померкнешь совсем...

(в кл. Е. П., – ходя где курят)

Чтобы пронизал душу Христос, ему надо преодолеть теперь не какой-то опыт «рыбаков» и впечатления моря, с их ни «да», ни «нет» в отношении Христа, а надо пронзить всю толщу впечатлений «современного человека», весь этот и мусор, и добро, преодолеть гимназию, преодолеть университет, преодолеть казенную службу, ответственность перед начальством, кой-какие та́нцишки, кой-какой флиртишко, знакомых, друзей, книги, Бюхнера, Лермонтова... и – вернуть к простоте рыбного промысла для снискания хлеба. Возможно ли это? Как «мусорного человека» превратить в «естественное явление»? Христос имел дело с «естественными явлениями», а христианству (церкви) приходится иметь дело с мусорными явлениями, с ломаными явлениями, с извращенными явлениями, – иметь дело с продуктами разложения, вывиха, изуродования. И вот отчего церковь (между прочим) так мало успевает, когда так успевал Христос.

Христианству гораздо труднее, чем Христу. Церкви теперь труднее, чем было Апостолам.

(в клинике Ел. П.) (30 ноября 1912 г.)

Старые, милые бабушки, – берегите правду русскую.

Берегите; ее некому больше беречь.

Черви изгрызли все, – и мрамор, когда-то белый, желт теперь, как вынутая из могилы кость. И тернии, и сор, и плевелы везде.

– Что́ это, Парфенон?

...нет, это Церковь.

...это наш старый запивающий батюшка. И оловянное блюдо с копеечками...

~
~
~

...прибить заплатку – уродливо, не поновлять – все рассыпется...
ненавижу, люблю...
...всего надеюсь...
...все безнадежно...

~
~

...но здесь, други, только здесь живет бессмертие души.

(ночью на извозчике из ред.)

Церковь есть душа общества и народа.
Можно ли же поднимать руку на душу? Хотя бы она и была порочная.

~

Нужно мирянам «на сон грядущий» произносить молитву: «Господи, не отними от нас Святую Церковь. И устрой ее в правде и непорочности, как Невесту Свою».

Вот и все. А не говорить ей грубости, воплей и цинизма.

(ноябрь)

Что́ значил бы Христос без
МИЛОСЕРДИЯ?
Ничего.
Есть ли милосердие в Церкви?
О, если бы!

(в редакции, ночь) (оторвавшись от «передовой»)

Утешения! Утешения! Утешения!
– Где Утешитель?

(ночью в ред.) (в сл.)

«Умер! Он умер!» – воет зверь-человек.
Церковь подошла и тихо сказала:
– Нет, он *скончался*.
И провела рукой по лицу зверя, и стал зверь человек.

Z

Все человечество отступилось от церкви.
И нарекло ее дурным именем.
И прокляло ее.

В ночи подошел к запертой двери старик и постучал клюкой. И дверь отворилась. И вот это «старик в церкви» есть сияющая церковь, полная церковь.

А то «человечество» – ничтó.

(вернувшись домой, в постели)

И всегда она волновалась волнением другого, и всегда было трудно ей, когда было трудно кому-нибудь.

(о мамочке – в театре, когда она лежит в клинике)

Поношенные, хищные, с оголенными спинами, на которые по ошибке можно сесть вместо дивана...

(11 часов; мамочка, верно, спит в Еленинской клинике; театр)

Представить бы, что «Главное управление заготовки пороха для армии» уничтожало везде, где ни встретит: 1) серу, «п. ч. она дурно пахнет», 2) уголь – «потому что он черен», и 3) селитру, «п. ч. она ничего не значит»: так именно поступает Церковь ли, «мать брака», или духовенство: 1) ненавидя совокупление, потому что «оно имеет не такой вид, как нужно», 2) любовь – потому что «она розовая», и 3) наряды мира, потому что они «вообще суета».

Брак д. б. не наряден, безлюбовен и даже бесплотен: но только очень доходен.

(в театре с детьми) (на афише)

«Любите врагов ваших. Благословляйте клянущих вас»...

– Не могу. Флюс болит.

(в подъезде театра, выходя)

– «Ты уж теперь не испытываешь счастья. Так вспоминаешь прошлое».

(мама, прочтя в «Смертном» отрывок об Иване Павловиче и «всем деле» в Ельце)

Мамочка – нравственный гений, вот в чем дело.

И от этого так привязался и такая зависимость.

(после ее рассказа о своем рассказе докторам, отчего сердцебиение и приведший их в растерянность внезапный упадок сил).

– Так ли ты им рассказала, как мне? – спросил я, пораженный ясностью и отчетливостью.

– Так!

Доктор (проф.) встал и, радостно хлопая по плечу, сказал:

«Смотрите, она живет, а не рассказывает: и всякое слово вынимает у нее силы».

Оттого Сиротинин, пять лет назад, и определил болезнь:

– Усталое сердце.

Так меня поразил этот термин. Никогда не слыхал. И не предполагал болезни (бытия таких болезней).

«Устало» же сердце потому, что 19 лет на моих глазах, а в сущности с 14-ти лет (первая ее любовь), она уже «влагала все сердце» (в людей, в свои поступки, в отношения свои к людям).

Допиваю 1–1½ стакана кофе. Отшвыриваю газеты – и энергично:

– В церковь!

«В церковь, Василий Васильевич, опоздали. Двенадцатый час» (Домна Васильевна). – «Двенадцатый час!!! Все равно – Александр Свирский (Николаевская) под боком». Подымаюсь. Там звучит «Верую».

Не слушаю. «Ну ее, византийское богословие». И вдруг слух поражается: «Чаю воскресения мертвых»... Обернулся к ящику со свечами:

– Дайте 2 свечки на канун. И одну – к празднику (именины).

(4 декабря 1912 г.)

Никогда не видал старушку. Пишет 4-го декабря, в день Великомученицы Варвары:

> ...«В такой дорогой для вас день хочется мне поздравить вас, пожелать всего самого лучшего вашей дорогой Именинице-«Другу» и всей вашей семье.
>
> Вовсе не хочу беспокоить Вас перепиской, но не могу не сказать, какое огромное удовольствие доставили мне «Киреевские» и маленькая заметка о Виллари! On en mangerait avec délice!* Гиметский мед. Будьте здоровы, всего вам хорошего, уважающая вас *С. Щ-на.*
>
> P.S. Дочь моя, с месяц тому назад была в Киеве и вынимала за вас всех просфору в Михайловском монастыре!»

В Михайловском монастыре лежат мощи Великомученицы Варвары: где и я молился, и горячо молился, и там же молилась, – памятно и многозначительно, – Александра Адриановна Руднева, 49 лет тому назад.

---

* С наслаждением вкушала *(фр.)*.

Вот для таких старушек, как эта «С.Щ–на», я и пишу свою литературу. А юных читателей мне совсем не нужно. Я сам старик (57 л.) и хочу быть со стариками.

Средний возраст человека, от 30 (даже от 24-х) лет до 45-ти, я называю *физическим.*

Тут все понятно, рационально. Идет работа. Идет служба. «День за днем», «оглянуться некогда».

Механика. В которой не вспоминают и не предчувствуют.

Никогда не имел интереса к этому возрасту и не любил людей этого возраста.

Но я имел безумную влюбчивость в стариков и детей.

Это – *метафизический возраст.* Он полон интереса и значительности. Тут чувствуется «Аид» и «Небо». Чувствуются «мойры».

(6 декабря 1912 г.)

Штунда – это мечта «переработавшись в немца» стать если не «святою» – таковая мечта потеряна, – то по крайней мере хорошо выметенною Русью, без вшей, без обмана и без матершины дома и – на улице.

– Несите вон иконы…

– Подавайте метлу!

С «метлой» и «без икон» Русь – это и есть штунда.

Явление это огромно, неуловимо и повсеместно.

Штунда – не одно евангелическо-церковное явление. Штунда – это все, что делал Петр Великий, к чему он усиливался, что́ он работал и что́ ему виделось во сне; штунда – это Винавер и Милюков, это Струве и его «Освобождение». Если бы Петр Великий знал тогда, что она *есть* или *возможна,* знал ее *образ* и *имя,* он воскликнул бы: «Вот! вот!! *Это*!! Я – только *не умел назвать*! – Это *делайте* и *так верьте,* это самое!!».

Это – вычищенные до «блеска золота» дверные ручки в Клинике Елены Павловны перед обходом профессора Явейна, «просветительные и культурные усилия» гимназии Стоюниной, весь Толстой с его «пожалуйста, все читайте Евангелие, и постоянно», и мчащийся по Сибири с эстафетами о дне прибытия и чтения лекции экс-священник Петров. Это – все «Вехи».

(на конверте «приглашение на выставку»)

7 декабря

Да, есть политический цинизм. П. ч. политика есть вообще цинизм. И если вложить еще трагическое сюда – слишком много чести.

(на извозчике в клинику) (о себе)

,

Я не думаю о царствах. П. ч. душа моя больше царства.
Она вечна и божественна. А царства «так себе».
(Царства – базар).

(в клинику, заворотив на Кирочную)

,,

Через 1900 лет после Христа из проповедников слова Его (священники) все же на десять – один порядочный, и на сто – один *очень* порядочный. Все же через 1900 лет попадаются изумительные. Тогда как через 50 лет после Герцена, который был тщеславен, честолюбив и вообще с недостатками, нет ни одной *такой же* (как Герцен), т. е. довольно несовершенной, фигуры.

Это – Революция, то́ – Церковь.

Как же не сказать, что она вечнее, устойчивее, а след., и *внутренне ценнее* Революции. Что из двух врагов, стоящих друг против друга, – Церкви и Революции, – Церковь идеальнее и возвышеннее.

Что́ будет с Герценом через 1900 лет? – с Вольтером и Руссо, родителями Революции? Ужаснется *тысяче девятисот годам* самый пламенный последователь их и воскликнет:

– Еще бы *какой вы срок взяли*!!! – через 1900 лет, может быть, и Франции не будет, может быть, и Европа превратится в то́, чем была «Атлантида», и вообще *на такой срок – не́чего загадывать*... «Все переменится» – и самое имя «революция» станет смешно, едва припоминаемо, и припоминаемо как «плытие Приама в Лациум» от царицы Дидоны (положим).

Между тем священник, поднимая Евангелие над народом, *истово говорит возгласы*, с чувством необыкновенной реальности, «как бы живое еще». А диакон громогласно речет: «Вонмем». Диакон «речет» с такой силой, что стекла в окнах дрожат: как Вольтер – в Фернее, а вовсе не как Вольтер в 1840-м году, когда его уже ели мыши. И приходит мысль о всей Революции, о «всех их», что они суть снедь мышей.

Лет на 300 хватит, но не больше – пара, пыла, смысла.

~

Отчего же дьякон так речет, а Вольтер так угас?

И при жизни Вольтера, в его живых устах, слово не было особенно ценным. Скажите сразу, не думав, что́ сказал Вольтер дорогого человеку на все дни жизни и истории его? Не придумаете, не бросится в ум. А Христос: «Блаженны изгнанные правды ради». Не просто «они хорошо делают», или «нужно любить правду», «нужно за правду и потерпеть», – а *иначе:*

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное».

Как изва́яно. И стоит 1900 лет. И простоит еще 1900 лет, и это скажет тот самый последователь Вольтера, который сказал:

– Еще бы вы *какие сроки* загадываете!..

~

Евангелие бессрочно. А все другое срочно – вот в чем дело.

~

И орет дьякон. И я, пыльный писатель, с пылью и мелочью в душе и на душе, стоя в уголку церкви и улыбаясь и утирая слезы, скажу и весело и грустно:

– Ори, батюшка, сколько утробушки хватит. И «без сумления» кушай, придя домой, устав, гречневую кашу и щи, и все что́ полагается, со своей матушкой-дьяконицей, и с детушками, и с внуками. Вы на прочном месте стоите и строите в жизни вечную правду.

(7 декабря 1912 г.)

,,,

Автономия университетов, за которую когда-то я так (в душе) стоял, теперь мне представляется совершенно невозможной, и ненужной, и позорной для русского государства (которое, как хотите, господа, – *есть*: призна́емся в этом, хоть и «со стыдом за Россию»). Она вовсе не знаменует свободу университетского преподавания, независимость профессорской корпорации, и вообще отмену «цензуры на науку». Вовсе нет. Эти наивности можно было думать, т. е. даже это *было бы истиною*, если бы профессора in corpore* (кроме редчайших исключений, вроде черных лебедей) не обнаружили позорного нравственного ничтожества, полной робости перед студентами, страха перед учащимися и полной от них зависимости.

Ни своего «credo»**, ни своего «amo»***.

При таком положении «автономия университетов» была бы собственно автономиею студенчества.

Мне Володя (эс-дек «в странствиях») и говорит: «*Конечно,* университет принадлежит студенчеству, ибо их *больше,* чем профессоров, да и он существует *для студенчества*».

Действительно: causa materialis и causa finalis (цель и материя учреждения). И вообще это так же аксиоматично *для русских*, как – «земля Божия». «Университет – студенческая собственность, студенческое *подвластье*», и «земля – *Божия*» и, значит, – «*ничья*». Аксиома да песенка – неодолимы: тут поздно рассуждать.

Итак, «автономия университетов» значила бы «автономия студенчества», и прекращение действия каких-либо гражданских и общих законов «в их ученых учреждениях». «Потому что там наука». Причем «наука» или «*я* – наука», об этом судит не третий кто-либо, а собственник, т. е. студенчество же. «Сюда не показывай носу» – в этом суть *всеми представимой* автономии.

«Мы экстерриториальны», как папа в Ватикане.

В целях науки и свободы научного преподавания это, однако, можно было допустить по абсолютной, так сказать, безвредности и бескровности науки. Но если «наука» безбойна, то учащиеся могут быть и не безбойны. Как когда.

---

* В полном составе *(лат.)*.

** Верую *(лат.)*.

*** Люблю *(лат.)*.

Явно, однако (и так-то именно я и думал), что если бы профессора у нас были с «amo» и «credo», то все-таки и среди «буйных» студентов автономию бы можно допустить: ибо произошла бы борьба между профессурой и наукой, и – студенчеством и политикой. Жажда этой борьбы – бесконечная! От нее в значительной степени зависит счастье России, возможный «смысл» ее.

Но профессора вдруг побежали, даже, кажется, еще не битые. Побежали за «хлопанец». Вообще профессора всё и всех продали, предали и убежали или соответственнее даже картине – улизнули. «Вот и Иван Иванович» и прозекторша «Катерина Семеновна». И в тот момент, как они «улизнули», – опустилась, и навеки опустилась, занавесь над «автономией университетов».

Единственный ее мотив – воспитанье неучившихся и невоспитанных, вообще незрелых, через воздействие и борьбу (вековую) зрелых, воспитанных и ученых людей – этот ее мотив пропал.

Но и студенчество в свою очередь несамостоятельно: оно дергается нитками евреев и заграничных эмигрантов. Нитками «моего Володеньки», которого тоже «дергают». Сейчас по всей России «автономия университетов» перевелась бы «на русские события»: как возникновение во всяком городе, где есть высшее заведение, «неприступных цитаделей» для борьбы с «невозможным старым порядком», который, т. е. этот «порядок», туда не может *по статуту* вступить. «Невступаемая крепость», как Ватикан, естественно непобедима, как Ватикана не может взять вся Италия. У нас же было бы (*все* учебные высшие заведения) около *сорока* «Ватиканов», с правом вылазки и вообще войны.

Ибо «стены»-то университета неприступны, а студенчество – вовсе не в стенах университета, университет – вовсе не пансион, как Ватикан для папы: а оно бродит, странствует. Бродит по всей Москве, по всему Петербургу, ездит «на уроки» по всей России. Их «младшие» – это уже гимназисты, их «старые» – это общество. Словом, университет – клубок, а нити его протягиваются во всю Россию.

«Автономия университетов» поэтому вовсе не обозначала бы и не обещала «свободу научного преподавания», а совсем новое и поразительное: отведение сорока неприступных ни для кого мест, «не воюемых мест» (и это – главное), – людям, объявившим «войну современному обществу и современному строю».

Вот из-за чего велась война, идет борьба. Все прочее – соусы. «Сдай нам крепости, враг!». Во-первых, странно выпрашивать у «врага», – ссылаясь на «просвещение» и «дружбу» и всеобщую «симпатичность молодежи». Дело тут было не только военное, но в высшей степени вероломное. На русскую государственность, «кой-какую», шли Батый, фельдфебель и Талейран.

Фельдфебель – воин, «именуемый враг».

Батый – наша первобытная дикость.

Талейран – это лукавство всяких Бурцевых и Бакаев.

Фельдфебель не страшен России; но в высшей степени могли повредить Батый и Талейран. Да еще которых «нельзя достать» и вытащить из самого «сердца России»: ибо их оберегают «священные стены научного здания».

...как какие-то храмы-обсерватории Вавилона и древних Фив, – с Тимирязевым и Милюковым, один в смокинге и другой в сюртуке, но в париках седых «верховных жрецов» и «с жезлами».

Тень Герцена меня усыновила
И в революцию торжественно ввела,
Вокруг меня рабочих возмутила
И все мне троны в жертву обрекла.

Пуф, опера и обман. «Ложноклассическая трагедия Княжнина» – не удалась. Запахло водочкой, девочкой, пришел полицейский и всех побил. «Так кончаются русские истории».

И денег суешь, и просишь, и все-таки русская свинья сделает тебе свинство.

(какая-то «Катюша» или «Марфуша» сорвала с изголовья чудотворный образок у мамы, «меняя белье на кровати», и разбила. Клинический институт)

О чем она думала? О любовнике или о съеденном пироге?
«И уж извините, барыня. Ах, какая беда. Совсем не заметила».
Когда Он прямо так и смотрит даже на входящего в комнату.

(8 декабря 1912 г.)

Больше всего приходит мыслей в конке. Конку трясет, меня трясет, мозг трясется, и из мозга вытрясаются мысли.

(в конке)

Революционеры берут тем, что они откровенны. «Хочу стрелять в брюхо», – и стреляет.

До этого ни у кого духа не хватает. И они побеждают.

Но если бы «черносотенник» (положим, генер. М., бывший на разбирательстве Гершуни) прострелил на самом суде голову Гершуни, не дожидаясь «вынесения приговора» суда, – если бы публика на разбирательстве первомартовцев, перескочив через барьер, перестреляла хвастунишек, от Желябова до Кибальчича («такой ученый»), то революционеры, конечно, все до одного и давно были бы просто истреблены.

Карпович выстрелил в горло Боголепову – «ничтоже сумняся», не спросив себя, нет ли у него детей, жены. «В Шлиссельбург он явился такой радостный и нас всех оживил», – пишет в воспоминаниях Фигнер. Но если бы этой Фигнер тамошняя стража «откровенно и физиологически радостно» сказала, что вы теперь, барышня, как человек – уже кончены, но остаетесь еще как женщина, а наши солдаты в этом нуждаются, ну и т. д., со всеми

последствиями, – то, во-первых, что́ сказала бы об этом вся печать, радовавшаяся выстрелу Карповича? во-вторых, как бы почувствовала себя в революционной роли Фигнер, да и вообще продолжали ли бы революционеры быть так же храбры, как теперь, встретя такую «откровенность» в ответ на «откровенность».

Едва ли.

И победа революционеров, или их 50-летний успех, основывается на том, что они – бесчеловечны, а «старый строй», которого, «мерзавца», они истребляют, помнит «крест на себе» и не решается совлечь с себя образ человеческий.

Они – голые. Старый строй – в одежде. И они настолько и «дышат», насколько старый строй не допускает себя тоже «разоблачиться».

(9 декабря, день)

Фонвизин *пытался* быть западником в «Недоросле» и славянофилом в «Бригадире». Но не вышло ни того, ни другого. Побывав в Париже и «само собою русский дворянин», – он не был очень образован. Дитя екатерининских времен, еще очень грубых. Без утончения.

Комедии его, конечно, остроумны и, для своего времени, гениальны. Погодин верно сказал, что «Недоросля» надо целиком перепечатывать в курсы русской истории XVIII-го века. Без «Недоросля» она непонятна, некрасочна. Безымянна. Но в глубине вещей весь вообще Фонвизин поверхностен, груб, и, в сущности, не понимает ни того, что́ любит, ни того, что отрицает. Влияние его было разительно, прекрасно для современников, и губительно потом. Поверхностные умы схватились за его формулы, славянофилы за «Вральмана», западники и, очень скоро, нигилисты за «Часослов», и под сим благовидным предлогом русская лень не хотела западных наук и пересмеяла свою церковь (богослужение, молитвы). От «– ну, почитаем из Часослова, Митрофанушка!» (Кутейкин) и идет дикое «жезаны» и «жеможаху» Щедрина, и все лакейское оголтение русского духа, который побороть был бессилен образованнейший Рачинский (С. А.), Одоевский, Киреевские.

(10 декабря; за статьей Цветкова)

10 декабря

Едва ли он знает географию в пределе второго класса гимназии, но подает в печати государственные советы, как управлять Россией. Удивительно талантлива русская натура.

Но может всяческих Невтонов
И скорых разумом Платонов
Российская земля рождать.

И прочее. Можно бы в этом усомниться, но вот есть же Гофштетер.

Как Ерусланова мертвая голова, Хрущев разевал губы и шлепал в воздух:
– Педагогические методы, педагогические методы.
Мне тогда хотелось ему всунуть кол в рот.

(харьковский попечитель у Берга в 1894–5 гг.)(10 декабря 1912 г., – читая статью Цветкова о школах)

Когда говорят о «демоническом» и «бесовском» начале в мире, то мне это так же, как черные тараканы у нас в ванне (всегда бывает, и их люблю): ни страха, ни заботы. «Есть» – и Господь с ними, «нет» – и дела нет.

Это не моя сторона, не мое дело, не моя душа, ни – мой интерес.

Посему я думаю, что сродства с «демонизмом» (если он *есть*) у меня вовсе нет. «Бла-а-ду-шнейший человек». Петр Петрович Петух «в отхожих промыслах».

И так как *в то же время* у меня есть бесспорный *фаллизм,* и я люблю «все это» не только в идеях, но и в натуре, то отсюда я заключаю, что в фаллизме ничего демонического и бесовского не содержится; и выражения «Темная сила», «Нечистая сила» (по самым эпитетам, явно относимые к фаллической области) суть мнение апокрифов, а не Священного Писания.

Ей-ей, запах роз не отдает козлом, в каковом виде изображают бесов. Запах роз отдает розами, и им умащают Св. Плащаницу.

И аромат розового масла наполняет храмы, а в *светских* дворцах он показался бы странным.

Будем, господа, обонять розы.

Кое-что важное о девушках «без судьбы» в письме ко мне одной много лет болеющей, прекрасной собою и жизнью своею, девушки (лет 32).

> Очень, очень благодарна вам за присланную мне вашу книгу *Опавшие листья.* Простите, что несколько запоздала я с благодарностью, но мне хотелось написать вам после того, как я ее прочту. Прочитала я ее с большим интересом, и, конечно, критиковать я не могу, но мне хочется сказать вам, что в одном только месте у меня «горело сердце», а именно – где говорится об «Утешителе». Я знаю сердцем, что вы Его хоть почти всегда гоните, но все-таки любите, - любите, может быть, даже больше тех, кто не гонит Его. Зная, как вам бывает иногда тяжело, я всей душой желаю вам как можно чаще чувствовать Его так, как тогда ночью, и Иго Его будет для вас тогда Благо, и бремя легко, и смерть не так страшна. Вот нынче, дорогой Василий Васильевич, вы выразили надежду, что в другой половине моей жизни меня ждет что-то светлое. Только Его света я и желаю, и думается мне, что осталась меньшая половина жизни.

Еще одно слово скажу вам: за что вы, такой добрый, а так обижаете бедных девушек, не имеющих детей, или вообще незамужних? Разве многие из них виноваты в этом?

Вы ведь не знаете их души: ни одна из них не откроет вам, по целомудрию, своей души до конца, а как часто их жизнь бывает сплошным самопожертвованием, никем не оцененным. По-моему, непременное выдавание замуж очень молоденьких девушек, которые даже себя не сознают, – это убивание в них Бога. Мне всегда бывает тяжело, когда я у вас читаю об этом, и потому я даже стараюсь пропускать эти места, они мешают мне любить вас как человека, а я этого не хочу*. Простите, глубокоуважаемый Василий Васильевич, если сказала что-нибудь неприятное вам, но что делать, – в этом главные вопросы моей жизни. Прошу передать сердечный привет и наилучшие пожелания В. Д., А. М. и всей вашей семье. Уважающая вас и душевно преданная, ваша М. П. И-ва».

Ну, что же делать, если женщина «под», а chevalier** «над»: всякое иное положение неудобно, неловко и заменяется опять нормальным. И женщины, поволновавшись с Аспазией и Цебриковой, возвращаются опять в «подчиненное положение».

~

Но как не признать в «том» величайшей метафизики, если уже такие пустяки, как situatio in actu***, продиктовало план всемирной истории, – точнее, эту основную в нем линию, что «римлянки были верны мужу», «гречанки тупо родили детей» им в логове, и христианки не могут войти в алтарь, а я читал в гимназии (книжку): «Конт, Милль (и еще кто-то) о *подчиненности женщин*».

(на извозчике в дождь)

Растяжимая материя объемлет нерастяжимый предмет, как бы он ни *казался* огромнее. Она – всегда «больше»...

Удав толщиною в руку, ну самое большее в ногу у колена, поглощает козленка.

На этом основаны многие странные явления. И аппетит удавов и козы.

– Да, немного больно, тесно, но – обошлось...

Невероятно надеть на́ руку лайковую перчатку, как она лежит, такая узенькая и «невинная», в коробке магазина. А одевается и образует крепкий обхват.

Есть метафизическое тяготение мира к «крепкому обхвату».

---

* Как все глубоко и важно. Как все прекрасно. Тысячи девушек поблагодарят благородную их «сестру» за эту исповедь-защиту. *В. Р.*

** Рыцарь *(фр.)*.

*** Положение в акте *(лат.)*.

В «крепком обхвате» держит Бог мир...

И все стремится не только к свободе и «хлябанью», но есть и совершенно противоположный аппетит – войти в «узкий путь», сжимающий путь.

(в трамвае)

Крепкое, именно крепкое ищет узкого пути. А «хлябанье» – у старух, стариков и в старческом возрасте планеты.

~

Мир женился на старухе: вот французская революция и все ее три принципа.

Церковь поет: «Святый Боже! Святый крепкий...».

. . . . . .

Что-то брезжится в уме, что это тайно пели уже, погребая фараонов в пирамидах.

. . . . . .

Да и другие имена как *однотонны:* «Сильный», «Господин», «Отец всего», «Податель жизни» («Жизнодавче»)...

Какая древность.

Мне представляется история русского *общества* за XIX в. сплошным безумием.

(18 декабря, – Корнилов о Бакуниных, судьба Вареньки Бакуниной-Дьяковой. История ее брака – в материал о «Людях лунного света»)

Одели *мундир.*

Этот мундир – черная блуза, ремешок-пояс и стальная цепочка для часов, толщиной почти в собачью («на цепи» собака).

Так одетый, сидел он за чаем. Он был стар, слаб, сед. При бездетном, – в дому хозяйничала племянница с несвежими зубами, тоже радикалка, но носившая золотое пенснэ. В передней долго-долго стоит, поправляя свои немощи.

Он долго служил в департаменте либерального министерства и, прослужив 35 лет, получил пенсию в 2000 рублей.

Он говорил, и слова его были ясны, отчетливы и убежденны:

– Чем же я могу выразить свое отвращение к правительству? Я бессилен к реальному протесту, который оказал бы, если б был моложе... если б был сильнее. Между тем, как гражданин, и честный гражданин, я бы был вино-

вен, если бы допустил думать, что спокоен, что доволен, что у меня не кипит негодование. И сделал, что было в моих силах: перешел в протестантскую церковь. Я пошел к их пастору, сказал все. Он дал мне катехизис, по которому я мог бы ознакомиться с принимаемым вероисповеданием. И, – я вам скажу, – этот катехизис при чтении показался мне очень замечательным и разумным... Все ясно, здраво, – и многое здравомысленнее, чем в нашем... Ну, когда это кончилось, я и перешел.

Помолчал. И мы все молчали.

– Этим я совершил разрыв с правительством, которого я не могу нравственно и всячески уважать.

Отчетливою, мотивированною речью. Он сам себя слушал и, видно, любовался собою, – умом и справедливою общественною ситуацией.

Мы все молчали, потупив глаза.

«А пенсия?». – Но можно ли было это сказать в глаза.

(на скамье подсудимых, 21 декабря, об «Уед.»). (люди с цепями, не читав книги и не понимая вообще существа книги, присудили вырезать страницы и меня к аресту на 2 недели)

Я ничего так не ценю у духовенства, как хорошие...

(придя из суда)

Плодите священное семя, а то весь народ задичал.

(к многоплодию у духовенства)

Матушкам же я дал бы «на адрес писем» титул: «Ее высокоблагословению»; по мужу, – как и вообще у нас жены титулуются по мужьям.

Надо матушек высоко поставить, они много хранят веры.

(придя из суда)

Вот то́-то и оно-то, Димитрий Сергеевич, что вас **никогда, никогда, никогда** не поймут те, **с кем** вы...

Слово «царь» – вы почувствовали, они – не чувствуют... Но оставим жгущийся в обе стороны жупел...

Вы *когда-то* любили Пушкина: ну – и довольно...

И никогда, никогда, никогда вы не обнимете свиное, тупое рыло революции... Иначе чем ради сложностей «тактики», в которой я не понимаю.

Друг мой: обнимите и поцелуйте Владимира Набокова? Тошнит? – Ну, Григория Петрова? Нельзя? Ну, а ведь – это конкретно, осязательно, это не обманывающий термометр кожного ощущения. «Идейно» там вы можете говорить что́ угодно, а как вас положить в одну постель с «курсисткой» – вы пхнете ее ногой. Все этим и решается. А с «попадьею» если *так же*, то́ вы

вцепитесь ей в косу и станете с ней кричать о своих любимых темах, и, прокричав до 4-х утра, все-таки в конце концов совокупитесь с нею в 4 часа, если только вообще можете совокупляться (в чем я сомневаюсь).

В этом все и дело, мой милый, – «с кем можешь совокупляться». А разговоры – просто глупости, «туда», «сюда», «и то́, и сё»...

Вы *образованный, просвещенный* человек, и не внешним, а внутренним просвещением. Пусть – дурной, холодный (как и я); пусть любите деньги (как и я); пусть мы оба в вони, в грязи, в грехе, в смраде.

Но у нас есть *вздох*.

А у тех, которые тоже «выучены в университете» и «сочиняют книжки», и, по-видимому, похожи на нас, ибо даже нас чище, бескорыстны, без любовниц, «платят долги вовремя», «не должают в лавочке», и прочие, и прочие добродетели...

У них нет вздоха.

И только: но – небеса разверзлись, и разделилась земля, и на одном краю бездны они, и на другом краю бездны – мы.

Мы – святые.

Они – ничто.

Воры и святые, блудники и святые, мошенники и святые. Они «совершенно корректные люди» и ничто.

Струве спит только с женою, а я – со всеми (положим): и, между тем, он даже не муж жены своей, и не мужчина даже, а – транспарант, напр., «по которому хорошо писать», или гиря на весах, «по которой можно хорошо свесить». А я – все-таки муж, и «при всех» – вернейший одной.

Он «никому не должен», я только и думаю, чтобы «утянуть» (положим): и завтра-послезавтра я могу открыть всемирный банк с безукоризненными счетами.

Все это лежит во «вздохе»... В «дуновении», «душе». «Корректные люди» суть просто неодушевленные существа, – «линейка» и «транспарант», «редактор» и «контора»: и из этого не выведешь ни Царства Небесного, ни даже Всемирного банка или сколько-нибудь сносного – мужа.

Но в моем «вздохе» все лежит. «Вздох» богаче царства, богаче Ротшильда *даже деньгами:* из «вздоха» потекут золотые реки, и трон, и царство, и всё.

Вздох – всемирная история, начало ее. А «корректный человек» и есть корректный человек, которым все кончится, и сам он есть уже Смерть и Гроб.

«Земля есть и в землю отыдеши»...

«Вздох» же – Вечная Жизнь. Неугасающая.

К «вздоху» Бог придет: но скажите, пожалуйста, неужели же Бог придет к корректному человеку? Его можно только послать к тем двум буквам, за которые запретили «Уединенное», и поэтому я не вправе их напечатать; но вообще послать «по-непечатному».

Ну, Бог с вами, – прощайте. Да вы это и понимаете. Сами уже вздыхаете в душе, я знаю.

(прочел о реферате Философова и полемике со Струве, 22 декабря)

24 декабря

Океан – женщина. Материк – мужчина.

И бури, и тишина; и влага, и опасность.

И крепость, и первобытность, и потопление...

(еду в клинику)

,

Жена входит запахом в мужа и всего его делает пахучим собою; как и весь дом.

~

И Бисмарк, сказавший, что «тевтоны – муж, а славяне – жена» (и якобы «удобрение для германской культуры»), ничего другого не сказал, как что некогда Германия зальется русской вонью, русским болотом, русской мутью, русским кабаком. И пойдут везде «русские женщины» и «русские студенты», с анархией, «коллективными» кроватями и кулаками.

И отлично.

Розанов с удовольствием поставит калоши на трон Гогенцоллернов и, сплюнув на сторону горностаеву мантию, все покроет своим халатом.

~

Видел одного германца, из Саксонии, очень ученого, женатого на «русской (приблизительно) курсихе» (курсистке). Каким он цыпленочком ходил по комнатам, и едва она, встав, сказала:

– Фриц! Пора домой! –

как он, прервав ученые разговоры по химии, пошел в переднюю и одел ей калоши. Она очень хорошо ему «держала ножку» (подставила для одевания).

Она была, пожалуй, нехороша, но что-то дразнящее. И как он побежал за этим «дразнящим»...

Потом я слышал, что она пудрится и румянится. Вообще – полное свинство. Приняла его иностранное (по мужу) подданство: но он сам остался в России и даже переехал в Москву.

~

Еще я знавал 2-х немцев, с большим положением, женатых на русских: они – с достоинством, деятельностью, деньгами. Русские – ничего не делали (очень «талантливы»): и опять какая глубокая покорность немцев русским бабам!

~

А всё запах.

~

Как Шперк любил свою Анну Лавровну. Какая покорность. Она, бывало, ни слова не скажет, все что-то шьет или вяжет чулок. Худенькая в лице, высокая, очень большой бюст.

«Ничего особенного».

Он стал славянофилом. Переменил веру. Восхищался, когда какой-то мужик сшиб шляпу и сломал зонтик у барыни на Невском при проезде Царя, выкрикнув: «Ты мне застишь Царя».

О жене он говорил:

«Аня – незаметная и милая».

Она кончила 4 класса гимназии. И, кажется, не очень запомнила «курс».

Все шила. И «пришила» к себе тело мужа, душу его, биографию его, «все» его.

«Нет Шперка, а есть Анна Лавровна».

Я безумно его любил за это («отречение от себя», «от эгоизма», от гордости и самолюбия).

25 декабря

Стиль есть то́, куда поцеловал Бог вещь.

(день Рождества. У мамы в клинике).

,

Какими-то затуманенными глазами гляжу я на мир. И ничего не вижу.
И параллельно внутри вечная игра. Огни. Блестки. Говоры.
Шум народов. Шум бала.
И как росинки откуда-то падают слезы.
Это душа моя плачет о себе.

(у постели больной мамы)

,,

Стильные вещи суть оконченные вещи.
И посему оне уже мертвы. И посему оне уже вечны.
Потому что оне не станут изменяться. Но всегда останутся.

,,,

С тем вместе стиль есть нечто внешнее. Это наружность вещей. Кожа вещей. Но ведь у человека мы целуем же священные *уста*, и никто не вздумает поцеловать столь важное и нужное ему *сердце*.

(в Клиническ. институте. У мамы)

Струве осторожно, шажками в вершок, – и, я думаю, в осторожности этой неискренне, – подходит к тезису, который надвигается, как туча ли, как день ли, на всех нас:

Нужно признать правительство.

Заботы о юге, о балканских народностях, «интересы на Черном море»... В конце концов – возрожденная Россиею, т. е. in concreto* **Русским прави-**

* В действительности *(лат.)*.

тельством, жизнь народностей Балканского полуострова: скажите, пожалуйста, какую роль во всем этом играли «Письма Белинского», «Michel» (Бакунин), Герцен и его «Natalie», Чернышевский, писавший с прописной буквы «Ты» своей супруге, и вся эта чехарда, и вся эта поистине житейская пошлость, вся эта мелочь до того дробная, что ее в микроскоп не рассмотришь, – вся эта наша литературная «обывательщина», не выступающая из рамок – «как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Даже зычные речи Ив. Аксакова и Славянские комитеты – чехарда и чехарда, исчезающая в малости перед фактом: «этот батальон, наконец, отлично стреляет».

«Этот батальон отлично стреляет» – вот *дело*, вот гиря на мировых весах, перед которой «письма Белинского к Герцену» не важнее «писем к тетеньке его Шпоньки» (у Гоголя). Но посмотрите, в какой позе стоит Белинский с его «письмами» перед этим батальоном, да и не один Белинский, а и благоразумный (теперь) Струве с его статейками, и все «мы», «мы», – впрочем, «они», «они», – так как я решительно к этим знаменитым «письмам» не принадлежу.

Мне давно становится глубоко противною эта хвастливая и подлая поза, в которой общество корежится перед «низким» **правительством,** «низость» коего заключается в том одном, что оно одно было занято **делом**, и делом таких размеров, на какие свиное общество решительно не в силах было поднять свой хрюкающий «пятачок» (конец морды). Общество наше именно имело не *лицо*, а морду, и в нем была не душа, а свиной хрящик, и ни в чем это так не выразилось, как в подлейшем, в подлом из подлых, отношении к **своему правительству**, которое оно било целый век по лицу за то, что оно не читало «писем Белинского» и не забросило батальоны ради «писем Белинского».

Но с «**письмами Белинского**» и супругой Чернышевского, если бы, подобно нам, и правительство сыропилось в них, повторяя

Ах, супруга ты супруга,
Ах, Небесная моя,

то́ Балканы и остались бы, конечно, Балканами, Сербия была бы деревенькой у ног Австрии, болгарские девушки шли бы в гаремы турок, болгарские мужчины утирали бы слезы, и т. д. и т.д., и прочее и прочее. Но сам Струве, **САМ**, целует пятки и коленки подлому Желябову, считает его «политическим гением», а не хвастунишкой-мужичонком, которого бы по субботам следовало пороть в гимназии, а при неисправлении просто повесить, как чумную крысу с корабля... Что же это такое, что же это за помесь **Безумия** и **Подлости**, что, когда убили Александра II, который положил же свой **Труд** и **Пот** за Балканы, тот же Струве не выдавит из себя ни одной слезинки за Государя, ни одного доброго слова на его могилу, а льстиво и лакейски присюсюкивает у Желябова, снимает с него носки и чешет ему пятки, как крепостная девчонка растопыренному барину...

Да, с декабристов и даже с Радищева еще начиная, наше **Общество** ничего решительно не делало, как писало «письма Шпоньки к своей тетушке», и

все эти «Герцены и Белинские» упражнялись в чистописании, гораздо бесполезнейшем и глупейшем, чем Акакий Акакиевич...

Сею рукопись писал
И содержание оной не одобрил
Петр Зудотешин.
Петр Зудотешин.
Петр Зудотешин.

Вот и все «полные собрания сочинений» Герцена, Белинского и «шестидесятников».

Батальон и **Элеватор**.

Но кто его строил? Александр II и Клейнмихель. Да, этот колбасник, которого пришлось взять царям в черный час истории, – потому что собственное общество, потому что **сами**-то русские все скрылись в «письмо тетеньки к Шпоньке», в обаятельную Natalie, и во весь литературный онанизм. Онанисты – вот настоящее имя для этого общества и этой литературы; онанисты под ватным уездным одеялом, из «угольничков» сшитым, которые потеют и занимаются своими гнусностями, предаваясь фантазиям над раздетой попадьей.

О, какие уездные чухломские чумички они, эти наши **социал-демократы,** все эти знаменитые **Марксисты,** все эти «**Письма Бакунина**» и вечно топырящийся **ГЕРЦЕН.** Чухлома, Ветлуга, пошлая попадья – и не более, не далее. Никому они не нужны. Просто, они – **ничего.**

Эта потная Чухлома проглядела перед своим носом.

Александра II и **Клейнмихеля,** которые создали **Эрмитаж,** создали **Публичную библиотеку,** создали **Академию Художеств,** создали как-никак 8 **университетов,** которые если г...нные, то уж никак не по вине Клейнмихеля и Александра II, которые виновны лишь в том, что не пороли на съезжей профессоришек, как следовало бы.

– **Во фрунт, потное отродье**, – следовало бы им скомандовать.

– Вылезайте из-под одеяла, окачивайтесь студеной водой и пошлите делать **С НАМИ историческое дело** и освобождения славян, и постройки элеваторов.

Тут объясняется и какая-то жестокая расправа с славянофилами:

– Эх, все это – **болтовня,** все это – «Птичка Божия не знает», когда у нас:

Ничего нет.

Элеваторов нет.

Хлеб гниет на корню.

Когда немец или японец завтра нас сотрет с лица земли.

– В солдаты профессоров!

Да, вот команда, которую, хоть ретроспективно, ждешь как манны небесной...

Боже мой: целый век тунеядства, и такого хвастливого.

В «Былом» о чумных крысах рассказано «20 томов», сколько не было о *всей* борьбе России с Наполеоном, сколько, конечно, нет о «всех элеваторах»

на Руси, ни о Сусанине, ни о всех Иоаннах, которые строили Русь и освободили ее от татар.

Поистине, цари наши XIX века повторяли работу московских первых царей – в невозможных условиях хоть построить что-нибудь, хоть сохранить и сберечь что-нибудь. В «невозможных условиях»: т. к. когда общество ничего не делает и находит в том свою гордость.

Безумие, безумие и безумие; безумное общество.

Как объясняется и Аракчеев; как объясняются вспышки лютости в нашем правительстве:

– **Да что́ же вы ничего не делаете**?

Об Аракчееве только и кричат, что он откусил кому-то нос. Ну, положим, откусил, но ведь не осталась от этого «безносой» Россия. Подлецы: да, шляясь по публичным домам, вы не один «нос» потеряли, а 100 носов, 1000 носов, говорят, даже у самого «финансиста» недостает носа, и если бы вовремя **Зверь-Аракчеев** послал к чорту эти бар...., то **он – Зверь** – сохранил бы 1000 носов, и за 1000 носов можно обменить один откушенный. Нужно

ЖЕЛЕЗО.

Этим железом и был «Сила Андреевич», к которому придираются еще за «Наталью», хотя сам придирающийся профессор лезет к ночи к своей «Парасковье» на кухне тоже под ватное одеяло. И вообще это (любовницы) мировое и общее, а не «свойство Аракчеева».

Да **ОДИН** Аракчеев есть гораздо более значущая и более **ТВОРЧЕСКАЯ,** а следовательно, даже и более **ЛИБЕРАЛЬНАЯ** («движение **ВПЕРЕД**») личность, чем все ничтожества из 20-ти томов «Былого», с Михайловым – «дворником» и Тригони и всеми романами и сказками «взрыва в Зимнем дворце». «Колокол» Гауптмана – в него звонит Аракчеев, а не Тригони; Шиллер и Шекспир – писали об Аракчееве, а вовсе не о Желябове. Поэзия-то, философия-то русской истории, ее святое место – и находится под ногами...

...страшно и слезно сказать, но как не выговорить, взирая на целый Балканский полуостров, на **ВОЗРОЖДЕНИЕ** 18-ти миллионов народа, что

...эта святая земля нашей России – под ногами, скажем ужасное слово, просто

КЛЕЙНМИХЕЛЯ.

Да. Лютеранина и немца. Чиновника, чинодрала. Узкой душонки, которая умела только повиноваться.

Но она повиновалась, безропотно и идиотично, безропотно, как летящий в небесах ангел, –

ЦАРЮ,

который один и сделал все. Вот вам ответ на «Историю русской литературы».

(за статьей Струве о Балканах, декабрь)

Благодари каждый миг бытия и каждый миг бытия увековечивай.

(почему пишу «Уедин.»)

Смысл – не в Вечном; смысл в Мгновениях.

Мгновения-то и вечны, а Вечное – только «обстановка» для них. Квартира для жильца. Мгновение – жилец, мгновение – «я», Солнце.

Мир живет великими заворожениями.

Мир вообще есть ворожба.

И «круги» истории, и эпициклы планет.

Бог охоч к миру. А мир охоч к Богу.

Вот религия и молитвы. Мир «причесывается» перед Богом, а Бог говорит («Бытие», 1) «как это – хорошо». И каждая вещь, и каждый день.

Немножко и мир «ворожит» Бога: и отдал Сына своего Единородного за мир.

Вот тайна.

Ах, не холодеет, не холодеет еще мир. Это – только кажется. Горячность – сущность его, любовь есть сущность его.

И смуглый цвет. И пышущие щеки. И перси мира. И тайны лона его.

И маленький Розанов, где-то закутавшийся в его персях. И вечно сосущий из них молоко. И люблю я этот сосок мира, смуглый и благовонный, с чуть-чуть волосами вкруг. И держат мои ладони упругие груди, и далеким знанием знает Главизна мира обо мне, и бережет меня.

И дает мне молоко и в нем мудрость и огонь.

Потому-то я люблю Бога.

(24-го декабря 1912, у мамы в клинике)

ПРИЛОЖЕНИЕ

СМЕРТНОЕ*

Только такая любовь к человеку есть настоящая, не преуменьшенная против существа любви и ее задачи, – где любящий совершенно не отделяет себя в мысли и не разделяется как бы в самой крови и нервах от любимого. Вот *эту*-то любовь к человеку я и встретил в своем «друге» и в матери ее, Ал. Адр-е: почему оне две и сделались моими воспитательницами и «путеводными звездочками». И любовь моя к В. началась, когда я увидел ее лицо, полное слез (именно лицо плакало, не глаза) при «†» моего товарища, Ивана Феоктистовича Петропавловского (Елец), их постояльца, платившего за 2 комнаты и стол 29 руб. (приготов. класс). Я увидел такое горе «по чужом человеке» (неожиданная, но не скоропостижная смерть), что остановился как вкопанный: и это решило мой выбор, судьбу и будущее.

И я не ошибся. Так и потом она любила всякого человека, в котором была нравственно уверена.

В–ря есть самый нравственный человек, которого встретил в жизни и о каком читал. Она бы скорее умерла, нежели бы произнесла неправду, даже в мелочи. Она просто этого не могла бы, не сумела. За 20 лет я не видел ее хотя *двинувшуюся в сторону лжи*, даже самой пустой; ей никогда в голову не приходит возможность сказать не то, что́ она определенно думает.

Удивительно и натурально.

(19 декабря 1911 г.)

Но точь-в-точь такова и ее мать. В–ря («следующее поколение») только несколько одухотвореннее, поэтичнее и нервнее ее.

«Верность» В–ри замечательна: ее не могли поколебать ни родители, ни епископ Ионафан (Ярославль), когда ей было $14^1/_2$ лет и она полюбила Мих. Павл. Бутягина, которому была верна и по смерти, бродя на могилу его (на Чернослободском кладбище, Елец)... И опять – я влюбился в эту любовь ее и в память к человеку, очень несчастному (болезнь, слепота), и с которым (бедность и болезнь) очень страдала.

Ее рассказ «о *их* прошлом», когда мы гуляли в-вечеру около Введенской церкви, в Ельце, – тоже решил мою «судьбу».

Моя В–ря одна в мире.

(20 лет)

---

* Хронологически с конца 1911 года.

Что́ я все нападаю на Венгерова и Кареева. Это даже мелочно...
Не говоря о том, что тут никакой нет «добродетели».

~

Труды его почтенны. А что он всю жизнь работает над Пушкиным, то это даже трогательно. В личном обращении (раз) почти приятное впечатление. Но как взгляну на живот – уже пишу (мысленно) огненную статью.

Ужасно много *гнева* прошло в моей литерат. деятельности. И все это напрасно. Почему я не люблю Венгерова? Странно сказать: от того, что толст и черен (как брюхатый таракан).

Только то́ чтение удовлетворительно, когда книга *переживается*. Читать «для удовольствия» не стоит. И даже для «пользы» едва ли стоит. Больше пользы приобретешь «на ногах», – просто живя, делая.

Я *переживал* Леонтьева (К.) и еще отчасти Талмуд. *Начал* «переживать» Метерлинка: страниц 8 я читал неделю, впадая почти после каждых 8-ми строк в часовую задумчивость (читал в конке). И бросил от *труда* переживания, – великолепного, но слишком утомляющего.

Зачем «читал» другое – не знаю. Ничего нового и ничего поразительного.

~

Пушкин... я его *ел*. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь: но это – *еда*. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов. Его

Когда для смертного умолкнет шумный день

одинаково с 90-м псалмом («Помилуй мя, Боже»). Так же велико, оглушительно и религиозно. Такая же правда.

Есть люди, которые рождаются «ладно» и которые рождаются «не ладно».

Я рожден «не ладно»: и от этого такая странная, колючая биография, но довольно любопытная.

~

Не «ладно» рожденный человек всегда чувствует себя «не в своем месте»: вот именно как я всегда чувствовал себя.

Противоположность – бабушка (А. А. Руднева). И ее благородная жизнь. Вот кто родился... «ладно». И в бедности, ничтожестве положения – какой непрерывный *свет* от нее. И польза. От меня, я думаю, никакой «пользы». От меня – «смута».

Чего я жадничаю, что «мало обо мне пишут». Это истинно хамское чувство. Много ли пишут о Перцове, о Философове. Как унизительно это сознание в себе хамства. Да... не отвязывайся от самого лакейского в себе. Лакей и гений. Всегдашняя и, м. б., всеобщая человеческая судьба (кроме «друга», который «лакеем» никогда, ни на минуту не был, глубоко спокойный к любви и порицаниям. Также и бабушка, ее мать).

Почему я издал «Уедин.»?

Нужно.

Там были и побочные цели (главная и *ясная* – соединение с «другом»). Но и еще сверх этого слепое, неодолимое:

НУЖНО.

~

Точно потянуло чем-то, когда я почти автоматично начал нумеровать листочки: и отправил в типографию.

Работа и страдание – вот вся моя жизнь. И утешением – что я видел заботу «друга» около себя.

Нет: что я видел «друга» в самом себе. «Портретное» превосходило «работное». Она еще более меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висела, – в гневе на недвижность (весна 1912 года) она, остановясь среди комнаты, – несколько раз взмахнула обеими руками: правая делала полный оборот, а левая – поднималась только на небольшую дугу, и со слезами стала выкрикивать, как бы топая на больную руку:

– Работай! Работай! Работай! Работай!

У ней было все лицо в слезах. Я замер. И в восторге и в жалости.

(левая рука имеет жизнь в плече и локте, но уже в кисть нервный импульс не доходит)

Мать умирает, дети даже не оглянутся.

– Не мешала бы нашим играм.

И «портреты великих писателей»... И последнего недолгого «друга».

«Ты тронь *кожу* его», – искушал сатана Господа об Иове...

Эта «кожа» есть у всякого, у всех, но только – не одинаковая. У писателей, таких великодушных и готовых «умереть за человека» (человечество), вы попробуйте задеть их *авторство,* сказав: «*Плохо пишете*, господа, и скучно вас читать», и они с вас кожу сдерут. Филантропы, кажется, очень не любят «*отчета* о деньгах». Что́ касается «духовного лица», то оно, конечно, все «в благода-

ти»: но вы затроньте его со стороны «рубля» и награды к празднику «палицей», «набедренником» и какие еще им там полагаются «прибавки в благодати» и, в сущности, в «благодатном расположении начальства» – и «лица» начнут так ругаться, как бы русские никогда не были крещены при Владимире...

~

Ну а у тебя, Вас. Вас., где «кожа»?

Сейчас не приходит на ум – но, конечно, *есть*.

~

Поразительно, что у «друга» и у Устьинского нет «кожи». У «друга» – наверное, у Устьинского, кажется, наверное. Я никогда не видел «друга» оскорбившимся *и в ответ разгневанным* (в этом все дело, об этом сатана говорил). Восхитительное в нем – полная и спокойная гордость (немножко не то́ слово), молчаливая, – которая ни разу не сжалась и, разогнувшись пружиной, – отвечала бы ударом (в *этом* дело). Когда ее теснят – она посторонится; когда нагло смотрят на нее – она отходит в сторону, отступает. Она никогда не поспорила, «кому сойти с тротуара», кому стать «первому на коврик», – всегда и первая уступая каждому, до зова, до спора. Но вот прелесть: когда она отступала – она всегда была царицею, а кто «вступал на коврик» – был и казался в этот миг «так себе». И между тем она не знает «ѣ» (точнее, все «е» пишет через «ѣ»): кто учил?

Врожденное.

Прелесть манер и поведения всегда врожденное. Этому нельзя научить и выучиться. «В моей походке душа». К сожалению, у меня, кажется, преотвратительная походка.

Страшная пустота жизни. О, как она ужасна...

Несут письма, какие-то теософические журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачем мне?

«Прочти и загляни».

Да почему я должен во всех вас заглядывать?

Забыть землю *великим забвением* – это хорошо.

(идя из Окруж. суда, – об «Уед.»)

– *Куда* я «поеду»... Я *никуда* не «поеду»... Я умираю... «Поеду» в землю... А куда *вы* «поедете» и кто после меня будет жить в этих семи комнатах... я не знаю...

(громко, громко, – больше чем «на всю комнату», но не выкрикивая, а «отчеканивая»)

Мы все замерли. Дети тупо и раздраженно. Они все сердятся на мать, что она кричит, то́ – плачет. Мешает их «ровному настроению».

(переехав на новую квартиру, – «возня», – и в день отъезда Ш., о чем она весь день горько плакала. 27-го мая за вечерним чаем)

Шуточки Тургенева над религией – как они *жалки.*

Кто не знал горя, не знает и религии.

Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя»; везде скучно, где не ты.

Это внешнее описание, но самое точное.

Любовь вовсе не огонь (часто определяют): любовь – воздух. Без нее – нет дыхания, а при ней «дышится легко».

Вот и все.

– Вася, сходи – десяток сухарей.

Это у нас жил землемер. За чаем сидел он и семинарист.

Я побежал. Молодой паренек, лавочник, от хорошей погоды или удачной любви, отсчитав пять пар, – бросил в серый пакет еще один.

– Вот тебе одиннадцатый.

Боже мой, как мне хотелось съесть его. Сухари покупали только жильцы, мы сами – никогда. На дёснах какая-то сладость. Сладость ожидания и возможности.

Я шел шагом. Сердце билось.

– *Могу.* Он *мой.* И не узнают. И даже ведь он *мне дал, почти мне.* Ну, при *покупке им* и бросив в *их тюрюк* (пакет). Но это все равно: они послали за десятью сухарями, и я принесу десять.

Вопрос, впрочем, «украсть» не составляет вопроса: воровал же постоянно табак.

Что-то было другое: достоинство, великодушие, великолепие.

Все замедляя шаги, я подал пакет.

Сейчас не помню, сказал ли: «Тут одиннадцать». Был соблазн – сказать, но и еще бо́льший соблазн – не сказать. И не помню, если сказал, дали ли (догадались ли они дать) мне 11-й сухарёк. Я ничего не помню, должно быть от волнения. Но эта минута великолепной борьбы, где я победил, – как сейчас ее чувствую.

Я оттого ее и помню, что обыкновенно не побеждал, а побеждался. Но это – потом, большим и грешным.

(в Костроме, 1866–7 гг.)

Сестра Верочка (умирала в чахотке 19-ти лет) всегда вынимала мякиш из булки и отдавала мне. Я не знал, почему она не ест (не было аппетита). Но эти массы мякиша (из 5-копеечной булки) я съедал моментально, и это было наслаждение. Она меня же посылала за булкой, и когда я приносил, скажет: «Подожди, Вася». И начинала, разломив вдоль, вынимать бока и серединку.

У нее были темные волосы (но не каштановые), и она носила их «коком», сейчас высоко надо лбом; и затем – гребешок, узкий, полукругом. Была бледна, худа и стройна (в семье *я только* был некрасив). Когда наконец решили (не было денег) позвать Лаговского, она лежала в правой зелененькой (во 2-м этаже) комнате. Когда он вошел, она поднялась с кровати, на которой постоянно лежала. Он сказал потом при мне матери:

– Это она похрабрилась и хотела показать, что еще «ничего». Переменитe комнату, зеленые обои ей очень вредны. Дело ее плохо.

Как она умерла и ее хоронили, я ничего не помню.

~

Однажды она сказала мне: «Вася, принеси ножницы». Мне было лет едва ли 8. Я принес. Из печатного листка она выстригла узкую крошечную полоску и бережно положила к себе в книгу, бросив остальное. Напечатано было: *Самойло.* «Ты не говори никому, Вася». Я мотнул головой.

Поступив в гимназию, я на естественной истории увидел за учительским столиком преподавателя, которого называли «Самойло». Он был умеренно-высокого роста, гладко выбритый в щеках и губах, большие, слегка волнистые волосы, темно-русые, ходил всегда не иначе как в черном сюртуке (прочие – в синих фраках) и необыкновенно торжественный или, вернее, как-то пышный, величественный. Он никогда не допускал себе сходить со стула и демократически «расхаживать по классу». Вообще в нем ничего не было демократического, простого. Среди других учителей, ужасно ученых, он был как бог учености и важности. Может быть, за год он улыбнулся раза два, при особенно нелепом ответе ученика, – т. е. губы его чуть-чуть сжимались в «мешочек», скорее морщились, но с видом снисхождения к забавному в ученике, дозволяя догадываться, что это улыбка. Говоря, т. е. пропуская из губ немногие слова, он всегда держал (рисуя по бумаге «штрихи») ручку с пером как можно дальше от пальцев, – и я видел благородные, суживающиеся к концу пальцы с очень длинными, заостренными, без черноты под ними, ногтями, обстриженными «в тон» с пальцами (у́же, у́же, – ноготь: но и он обстрижен с боков конически).

Мы учили по Радонежскому или Ушинскому:

«Я человек хотя и маленький, но у меня 32 позвонка и 12 ребер»... И еще разное, противное. В 3-м классе (брат Федор) он (Самойл.) учил ботанике. Это была толстая книга «Ботаника Григорьева»; но это уже были недоступности, на которые я не мог взирать.

~

Мечта моя, года три назад и теперь, – следующая. Может быть, кто-нибудь любящий – исполнит (Флоренский? Цветков?). Нужно отобрать из моей коллекции римских монет – экземпляров 100 или 200, консульских денариев и из денариев Траяна, Адриана и Антонина Пия (особенно многочисленны). Поместить каждую монету в коробочку (у меня их громадный запас), надписать сверху *определение монеты* («Римская республиканская. Патрицианский род Манлиев», «Юлиев» и т. д.). Донышки коробок обмазать гуммиарабиком и прилепить ко дну небольшого ящика под стеклом – сперва республиканские по порядку алфавита и, затем, императорские по хронологии. Закрыть и запереть ящик (ящики есть у меня). И пожертвовать, – т. е. попросить принять его в дар, – начальнику Григоровского училища (теперь пансион? гимназия?) в Костроме – для этого училища. Позвав слесаря, можно там или поместить это в коридоре учениц старшего класса, или – если бы встретились препятствия – в старшем классе, прибив на петлях и крюках верхнюю сторону, а снизу сделав «отстранение» (от стены; такие «отстранения» у меня есть при ящиках). Таким образом, ящик будет в *покатом положении.* Над ящиком укрепить небольшой серебряный венок, на что из оставленных мною денег выдать рублей 150–200, с пластинкою-надписью по середине его:

Григоровскому училищу
от воспитанницы
1860–1867 годов
Веры Розановой.

~

Верочка была вся благородная и деликатная. Она была похожа только на старшего брата Колю (достоинство), на нас прочих не была похожа.

Штейнгауэр крепко схватил меня за руку. Испуганно я смотрел на него, и пот проступил во всем теле.

Он был бритый, с прекрасным лбом.

– Что́ вы делаете?

– Что? – спросил я виновно и не понимая.

– Пойдемте.

И вытащил меня в учительскую.

– Видели вы такого артиста, – негодуя, смеясь и удивляясь, обратился он к товарищам учителям. Там же был и инспектор Ауновский. – Он запел песню у меня на уроке.

Тут я понял. В самом деле, опустив голову и, должно быть, с каплей под носом, я сперва тихо, «под нос», а потом громче и наконец на весь класс запел:

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет.

Ту, что – наряду с двумя-тремя – я любил попевать дома. Я вовсе забыл, что – в школе, что – учитель и что я сам – гимназист.

«Природа» воскресла во мне...

Я подавленный стоял тогда в учительской. Но, я думаю, это было натуральное «введение» к «потом»: мог ли я написать «О понимании», забыв проходимое тогда учительство...

Да, в сущности, и все, все «потом»...

Этот педагогический «фольклор» я посвящаю Флоренскому.

(во 2-м классе Симбирской гимназии)

Степанов (математика) ловил нас следующим образом. У него была голова толстая и красная, как шар голландского сыра, – и он клал ее в ладонь, поставив локоть на стол (учительский). Нам (ученикам) было незаметно, что он оставлял щелочку между пальцами, – и следил через нее «в боку», в то́ же время обратясь лицом к «классной доске», где ученик отвечал ему его ерунду (алгебру).

Тогда «в боку», – видя, что «благорастворение воздухов», – ученик Умов или кто́, отрывая бумажки, сжимал их, и образовывался комочек с закоулочками и щелочками. И спускал на пол. Таким образом, на полу у его ног образовалась отличная «наша Свияга» (местная речка) и в ней эти рыбки. Когда все готово, он взглядывал на Степанова. Тот сидит массой и смотрит презрительно на длинноногого Пахомова, который стоит у доски и молчит, не зная, что́ говорить и писать.

Тогда Умов, видя, что «прекрасный воздух» продолжается, прикреплял к ниточке согнутую булавку и, опустив «в воду», начинал ловить рыбу. Т. е. зацепит бумажку и вытащит кверху.

Тишина. Рай. И счастье. Я издали смотрю и сочувствую. Приспособляю у себя подобное, хотя предпочитал «музыку на перьях».

Тсс... Тсс... Хорошо. Хорошо.

Вдруг гром, яростный, визжащий. Дело в том, что Степанов-то неподвижен и не вынул головы из проклятой ладони. Тем неожиданнее он поражает нас:

– Умов, бойван («л» не выговаривал)! Пошой в угой! Пошой в угой, бойван!

Умов вскочил. Дрожит. Удочка выпала из рук.

– Ты там, бойван, ибу удишь! ибу удишь (*р* не выговаривал)...

– Ежей (рожей) к стене, ежей к стене.

Умов плетется к двери. Но этот проклятый Степанов умел так делать, что и весь класс чувствовал себя подавленным, раздавленным – «проклятым и подверженным смерти». А в Степанове мы имели точно «Бога, наказавшего нас».

Он был зол и красен.

У *него* музыки я не смел на уроках. Был очень скромен, потому что я ничего не знал из математики (не понимал). Обыкновенно же «музыка» со-

стояла: перо «N»(apoleon) – нажмешь на парту, острийки отскочат, воткнешь их «по линии» в парту (одно, два) и, смотря внимательно «на урок» и вообще имея вид «благого», пускаешь тихую, мелодичную «трын, трын» на уроке. – Другой такую же – в другом углу, еще пуще – где-нибудь. Учитель из себя выходит. Но этого невозможно «найти». У всех лица благочестивы, тихи и воздержанны.

(в Симбирске, 71–72 годы)

У Кости Кудрявцева директор спросил на переэкзаменовке:

– Скажите, что́ вы знаете о *кум*?

Костя был толстомордый (особая лепка лица), волосы ежом, взгляд дерзкий и наглый.

А душа нежная.

Улыбнулся и отвечает:

– Ничего не знаю.

– Садитесь. Довольно.

И поставили единицу.

Костя мне с отчаянием говорил (я ждал у дверей):

– Подлец он этакий: скажи он мне *квум* – и я бы ответил. О *квум* три страницы у Кремера (грамматика). Он, черт этакий, выговорил *кум*! (есть право и так выговорить, но редко). Я подумал: «*Кум* – предлог *с*», что́ же об нем отвечать кроме того, что «с творительным», но это до того «само собою разумеется», что я счел позорным отвечать для пятого класса.

И исключили. В тот час у него умер и отец. Он поступил на службу (чтобы поддерживать мать с детьми), – сперва в полицейское управление, – и писал мне отчаянные письма («Вася, думали ли мы, что придется служить в проклятой полиции»), потом – на почту, и «теперь работаю в сортировочной» (сортировка писем по городам).

~

В то же время где-нибудь аккуратный и хорошенький мальчик «Сережа Муромцев» учился отлично, директор его гладил по голове, кончил с медалью, в университете – тоже с медалью, наконец – профессор «с небольшой оппозицией»... И:

...До хорошего местечка
Доползешь ужом.

Вышел в председатели 1-й Госуд. Думы. И произнес знаменитое mot: «Государственная Дума *не может ошибаться*». Неужели мой Костя мог бы так провалиться на государственном экзамене??!!

Да, он *кум* не знал: но он был ловок, силен, умен, тактичен «во всяких делах мира». А как греб на лодке! а как – потихоньку – пил пиво и играл на биллиарде! И читал, читал запоем.

Где этот милый товарищ?!

Александр Петрович, побрякивая цепочкой часов, остановил меня в коридоре:

– Розанов, у вас ни одной этимологической ошибки...

Я стоял, скромно опустив голову, как Мадонна на «Благовещении» у Боттичелли.

– Но синтаксис... невозможный. Отвратительно!!! Отчего это??!!

Молчу. Улыбаюсь извинительно!

~

А очень просто. Как нам продиктуют работу, то́ бедные мои товарищи так и спешат, и спешат. «Плохой же Розанов» хитрым образом положит руки в карманы. Посмотрит на окошечко. Посмотрит на солнышко. И лишь совершенно успокоясь и ни малейше не волнуясь, «приступает».

Я очень хорошо знал, что «ни *за какой синтаксис не поставят двойки*» (не имеют права), а двойки ставят только за этимологию. И вопрос был в том, чтобы не сделать этимологической ошибки. Так как optativus'ов и conjunctivus'ов* я не знал, – или помнил что-то вроде «каши» (спуталось в голове), – то я осторожно переделывал (переиначивал чуть-чуть) строение фразы, и, понаставив (мысленно, переделывая) союзов и прочее, – везде обходился с одними «изъявительными». Персы и греки у меня чорт знает как говорили: но грызущий перо в досаде учитель не имел права подчеркнуть двумя чертами («грубая этимологическая ошибка»).

~

Этот бедный Александр Петрович (Заболотский) умер от круглой язвы желудка – в Вязьме. Он был очень добр и снисходителен к ученикам. Ученики же его ужасно измучивали. И тут – болезнь. Уже лет за 20 до смерти он все хворал желудком и ездил в Эссентуки лечиться. – «Катар». – Но это был не катар, а начало круглой язвы желудка. Вся жизнь его была тусклая и несчастная.

(испытание зрелости по греческому языку)

Мамочка никогда не умела отличить *клубов* дыма от пара и, войдя в горячее отделение бани, где я поддал себе на полок, вскрикивала со страхом: «Какой *угар*!..». Также она не умела отпереть никакого замка, если отпирание не заключалось в простом поворачивании ключа *вправо*. Когда я ей объяснил, что нужно же писать «мнѣ» и вообще в дательном падеже – ѣ, то она, не пытаясь вникнуть и разобраться, вообще везде предпочла писать ѣ. Когда я ей объяснил, что лучше везде писать *е*, то она уже не стала переучиваться, и удержала старую привычку (т. е. везде ѣ).

---

* Желательное и сослагательное наклонение глагола *(лат.)*.

Вообще она не могла вникнуть ни в какие *хитрости* и ни в какие *глупости* (мелочи): слушая их ухом, она не прилежала к ним *умом*.

Но она высмотрела детям все *лучшие школы* в Петербурге. Пошла к Штембергу (для Васи). Директор очень понравился. Но, выйдя на двор, во время роспуска учеников, она стала за ними наблюдать: и, придя, изложила мне, что все хорошо, и директор, и порядок, но как-то вульгарен будет состав товарищей. Пошла в школу Тенишевой – и сказала твердое – «туда». Девочкам выбрала гимназию Стоюниной, а нервной, падающей на бок Тане, как и неукротимой Варваре, выбрала школу Левицкой. И действительно, для *оттенков* детей подошли именно эти *оттенки* школ; она их не угадала, а твердо выверила.

Вообще твердость суждения и поступка – в ней постоянны. Никакой каши и мямленья, нерешительности и колебания. И никогда «сразу», «с азарту», «вдруг». Самое колебание продолжалось 2–3 дня, и она ужасно в них работала умом и всей натурой.

А замка не умела отпереть: ибо это и действительно ведь *глупость*. Ибо замки ведь вообще должны *запирать*, и – *только*, т. е. все «направо», а что́ сверх сего – «от лукавого». И она «от лукавого» не понимала.

В Ельце кой-что мне грозило, и я между речей сказал ей, что куплю револьвер. Вдруг к вечеру с пылающим лицом она входит в мою квартиру, в доме Рогачевой. И, едва поцеловав, заговорила:

– Я сказала Тихону (брат, юрист)... Он сказал, что это *Сибирем пахнет*.

– Сибирью...

– Сибирем, – она поправила, равнодушная к форме и выговаривая, как восприняло ухо. Она была занята *мыслью о ссылке*, а не грамматикой.

Крепко схватив, я ее осыпал поцелуями. И до сих пор эта тревога за любимого у меня не разъединима с «Сибирем пахнет».

Она вся пылала, – торопилась и запрещала (т. е. покупать револьвер). Да я и стрелять не умел.

Она вышла из 3-го класса гимназии. Именно она все пачкала (замусливала) чернилами парту, заметив, что Иван Павлович (Леонов), говоря ученицам объяснения, опирался (он был огромного роста и толстый) пальцами на стол. Тот все пачкался. Пожаловался. И поставили в поведении «4». Мамаша (Ал. Адр. Руднева), вообразив, что «4» в поведении *девушке* – марает ее и намекает на «VII заповедь», оскорбилась и сказала:

– Не ходи больше. Я возьму тебя из гимназии. Они *не смеют порочить девушку*.

Это, кстати, и совпало с началом влюбления в Михаила Павловича. «Мамаша, бывало, посылает за бумагой (нитки): я воспользуюсь и мигом пролечу в Черную Слободу, – чтобы хоть взглянуть на дом, где *он* жил».

Удивительна все-таки непроницательность нашей критики... Я добр или, по крайней мере, совершенно не злобен. Даже лица, причинившие мне неисчерпаемое страдание и унижение, Афонька и Тертий, – не возбуждают во

мне собственно злобы, а только смешное и «не желаю смотреть». Но никогда не «играла мысль» о их страдании. Струве – ну, да́, я хотел бы поколотить его, но добродушно, в спину. Господи, если бы мне «ударить» его, я расплакался бы и сказал: «Ударь меня вдвое». Таким образом, никогда *месть* мне не приходила на ум. Она приходила разве в отношении учреждений, государственности, церкви. Но это – не лица, не душа.

Таким образом, самая *суть* моя есть доброта – самая обыкновенная, без «экивоков». Ничье страдание мне не рисовалось как *мое наслаждение*, – и в этом все дело, в этом суть «демонизма». Которого я совершенно лишен, – до *непредставления его и у кого-нибудь*. Мне кажется, что это все выдумано, преимущественно дворянами, как Байрон, – и от *молодости*. «Были сказки о домовых, а потом выдумали занимательнее – демон».

Печальный и пр., и пр.

. . . . . .

Между тем все статьи обо мне начинаются определениями: «*демонизм* в Р.». И ищут, ищут. Я читаю: просто – ничего не понимаю. «Это – не *я*». Впечатление до такой степени *чужое*, что даже странно, что пестрит моя фамилия. Пишут о «корове», и что она «прыгает», даже потихоньку «танцует», а главное – у нее «клыки» и «по ночам глаза светят зеленым блеском». Это ужасно странно и нелепо, и такое нелепое я выношу изо всего, что обо мне писали Мережковский, Волжский, Закржевский, Куклярский (только у Чуковского строк 8 *индивидуально*-верных – о давлении крови, о температуре, о множестве сердец). С Ницше... никакого сходства! С Леонтьевым – никакого же личного (сход.). Я только люблю его. Но сходство и «люблю» – разное.

Я самый обыкновенный человек; позвольте полный титул: «Коллежский советник Василий Васильевич Розанов, пишущий сочинения».

Теперь эти «сочинения»... Да, мне много пришло на ум, чего раньше *никому* не приходило, в том числе и Ницше, и Леонтьеву. По сложности и количеству мыслей (точек зрения, узора мысленной ткани) я считаю себя *первым*. Мне иногда кажется, что я понял *всю историю* так, как бы «держу ее в руке», как бы историю я *сам сотворил*, – с таким же чувством уроднения и полного постижения. Но сюда я выведен был своим «положением» («друг» и история с ним), да и пришли лишь именно *мысли*, а это – не я *сам*. Я – добрый и малый (parvus): а если «мысли» действительно великие, то разве мальчик не «открывает солнца» и «звезд», всю «поднебесную», и что «яблоко падает» (открытие Ньютона), и даже труднейшее и глубочайшее – первую молитву. Вот я такой «мальчик с неутертым носом» – «все открывший». Это мое *положение*, но не *я*. От этого я считаю себя, что «в Боге»... У меня есть серьезная уверенность: Бог *для того-то* и подвел меня (точно взяв за руку) встретиться с другом, *чтобы* я безмерно наивным и добрым взглядом *увидел* «море зла и гибели», вообще *сокрытое* «от премудрых земли», о чем не догадывались никогда деревянные попы, да и «святые» их категории, – не

догадывался никто, считая все за «эмпирию», «случай» и «бывающее», тогда как это суть, душа и *от самого источника.* Слушайте, человеки: что́ для нас самое убедительное? Нечто, что́ мы сами увидели, узнали, ущупали, унюхали. Ну, словом: **знаю** – и баста. Так для жулика – самое ясное, что он может отпереть всякий замок отверткою; для финансиста – что не ошибется в бирже; для Маркса – что рабочим надо дать могущество; и прочее. Всякий человек живет немногими знаниями, которые суть плод его жизни, именно *его*, опыта, страдания, нюха и зрения. Для меня (ведь *внутренность* же свою я знаю) было ясно в Е., 1886–1891 гг., что я – погибал, что я – не нужен, что я наконец – озлоблен (вот тогда «демонизм» был), что я весь гибну, может быть, в разврате, в картах, вернее же, в какой-то жалкой уездной пыли, написав лишь свое «О понимании», над которым все смеялись...

Тогда я жил оставленный, брошенный – *без моей вины.* Обошел человек и сделал вред.

Вдруг я встречаю, при умирании третьего (товарищ), слезы... Я удивился... «Что такое слезы?». «Я никогда не плачу». «Не понимаю, не чувствую».

Я весь задеревенел в своей злобе, и оставленности, и мелких «картишках».

Плач – у гроба *третьего – был* для меня что яблоко для Ньютона. «Так вот, можно жалеть, плакать...». Удивленный, пораженный, я стал вникать, вслушиваться, смотреть.

Та́ же судьба, та́ же оставленность. Но реагирующая на зло *плачем в себе*, без осуждения, без недоумения, без всякой злобы, без догадки, что есть в мире злоба – вот «демонизм», вот «бесовщина».

Я подал руку – долго не принимаемую, по неуверенности. Ведь я ходил в резиновых глубоких галошах в июне месяце и вообще был «чучело». Да и «невозможно» было (администрация и проч.). Но колебания быстро прошли: случилось (от нервности) несчастие (оказавшееся через несколько месяцев мнимым), которое, так сказать, «резиновые калоши» простирало до преисподней и делало меня «совершенно невозможным». Но «слезы по третьем» решили все: именно когда казалось все «разрушенным и погибшим», и до скончания веков, когда *подойти ко мне* значило *погибнуть самому* (особенная личная тайна), и я обо всем этом честно рассказал, – рука протянулась со словами: «Колебания кончились». Дальше, больше, годы, вдруг бороды лопатой говорят:

– Стоп!

Не обращаю внимания, но за ними и высокопросвещенные люди, как С. А. Рачинский, говорят:

– Нельзя.

«Что́ такое?!». Будь я «в панталонах мальчик», я ничего особенного бы не понял, не постигнул. Нужно было бесконечно наивной природе (я) столкнуться с фактом, чтобы понять... что «ведь это *искусственное дело* падать *вниз* яблоку, оторвавшемуся от ветки: натурально оно должно бы оставаться в воздухе; а уж если лететь, то почему же не вверх, а вниз: значит – *земля*

притягивает». Я понял (и первый *я*), что не в «лопатах» дело, которым «все равно», и не в Рачинском, который благочестив, ко мне добр, а в другом, от *чего Рачинский не хотел отстать*, а «лопаты» приставлены «к этому забору». Кому-то далекому-далекому, чему-то великому-великому, нужно...

– Что́ нужно?

– Играйте вы по-прежнему в преферанс, – ну, и погибнете, но мало ли же вообще людей гибнет. И этот «друг» ваш (с скрытною уже тогда болезнью)... тоже погибнет... Но ведь что́ же?.. Ведь это вообще *есть, бывает*; бывает смерть, и болезнь, и разврат, и пустота жизни или лица... Ну, и что же особенного тут, чему же волноваться...

– Да нет, не в *этом* дело, а что я был *злобен*, остервенен, забыл *Бога, людей* мне было не нужно. ...А теперь я совсем *ваш* же, с образами, лампадкой, христианством, Христом, с Церковью... Я – *ваш*.

– Именно – *не* «*наш*», и такого нам вовсе не нужно, поскольку вы *вдвоем, соединены*. И будете «наши» – лишь *разъединясь*!

– «Разъединясь»?.. Значит – опять в злобу, в атеизм, вред людям...

– Это уже наше дело, мы все берем на себя. О злобе вашей помолимся, а атеизм – замолим, и вообще все обойдется, потихоньку и не колко. Ну, *кто* не вредит людям, и разве все так особенно «веруют». А обходится. Будет сохранен порядок: а если вы погибнете в разделении, то ведь людей вообще всяких и постоянно очень много гибнет. Ничего нового и даже, извините, ничего интересного.

Конечно, при «упрямстве» можно было бы «преломить», и вышла бы грубость, но никакого открытия. Но я был именно кроток, – как и наивность или «натуральность» (дикий человек) простиралась до того, что я *годы* ничего не замечал... Как *годы* же потом шло мое «ньютоновское открытие», что «яблоко очень просто падает на землю» от **того-то**.

Раз я стоял во Введенской церкви с Таней, которой было три года.

Службы не было, а церковь никогда не запиралась. Это – в Петербурге, на Петербургской стороне. Особенно – тихо, особенно – один. В церковь я любил заходить все с этой Таней, которая была худенькая и необыкновенно грациозна, мы же боялись у нее менингита, как у первого ребенка, и почти не считали, что «выживет». И вот тихо-тихо. Все прекрасно. Когда вдруг в эту тишину и мир капнула какая-то капля, точно голос прошептал:

«...вы здесь – *чужие*. *Зачем* вы сюда пришли? К *кому*? Вас никто *не ждал*. И не думайте, что вы сделали что-то "так" и "что́ следует", придя "вдвоем" как "отец и дочка". Вы – "смутьяны", от вас "смута" именно оттого, что вы "отец и дочка" и вот так распоясались и "смело вдвоем"».

И вдруг образа как будто стали темнеть и сморщились, сморщились нанесенною им обидою... Зажались от нас... Ушли в свое «правильное», когда мы были «неправильные». Ушли, отчуждились... и как будто указали или сказали: «Здесь – *не ваше место*, а – других и настоящих, вы же подите в *другое* место, а где его адрес – нам все равно».

Но, повторяю, жулик знает, чем «отвертывать замки», а «кто́ молится» и счастлив – тоже знает, что он – *молится* именно, и – именно счастлив; что у

него «хорошо на душе»; и вообще что *в это время,* вот, может быть, *на одну эту минуту в жизни,* – он сам хорош.

Опять настаиваю, что дело в кротости, что я был именно и всегда кроткий, тихий, послушный, миролюбивый человек. «Как все».

Когда я услышал этот голос, может быть, и свой собственный, но впервые эту мысль сказавший, без предварений и подготовки как «внезапное», «вдруг», «откуда-то», то я вышел из церкви, вдруг залившись сиянием и гордостью и как победитель. Победитель того, чего никто не побеждал, даже того, *кого* никто не побеждал.

– Пойдем, Таня, отсюда...

– Пора домой?

– Да... домой пора.

И вышли. Тут все дело в «отмычке», которая *отпирает,* и – «в кротости, *которую я знал*».

Я как бы вынес *кротость с собою,* и мою «к Богу молитву» – с собою же, и Таню – с собою; и что-то (земля и небо) так повернулись около меня, что я почувствовал:

«Кротость-то у меня, а у вас – стены. И у меня – молитва, а у вас опять же – стены. И Бог со мною. И религия во мне. И в судьбе. Вся судьба и "свелась" для этого мгновения. Чтобы тайное и существовавшее всегда наконец-то сделалось явным, осязательным, очевидным, обоняемым».

...«Вы именно жестоки и горды ("отмычка" *у меня*)... Именно – холодны... Бога в вас нет, и у вас нет, ничего нет, кроме слов... обещаний, надежд, пустоты и звона. Все вы и вся *полнота ваших средств и орудий,* ваших богатств и библиотек, учености и мудрости и самых, как вы говорите, "благодатных таинств", не могут сотворить капельку добра, живого, наличного, реального, если оно *ново в веках, не по шаблону и прежде бывавшим примерам:* и тут не то, чтобы вы "не можете", – все вы, бороды лопатою, или добры сами по себе, или вам "все равно", а что-то вас задерживает, и *новое зло* вы легко сотворяете, вот как приходскому духовенству в Петербурге обобрать не приходское, да и вообще много *нового* злого; а вот на "доброе", тоже новое, – связаны ваши руки какою-то страшною, вам самим неведомою силою, которая так же "далека", "неосязаема" и "повсеместна"... как Ньютоново тяготение. Которое *я открыл,* и с него начнется новая *эра миропостижения*, все – новое, хоть начинай считать "первый год", "второй год"». Это, должно быть, было в 1896 или 1897 году.

Ах, как все это мне надоело и опротивело.

(сейчас и часто – о хламе, рвущемся с улицы в дом: сторонние письма, просьбы о «рецензиях», еще просьбы почему-то об «устройстве на должность» и о прочтении «их рукописей»)

Почему-то мамин испуг был творческий, а мой испуг был парализованный. У нее испуг переходил во взрыв деятельности, притом целесообразной, у меня – в бессилие слез, отчаяние писем (жалоба, рассказ).

Так была история ее с Шурой (поп, обморок, Мержеевский) и история с приговором Анфимова (открытие болезни в 1897 г., в Пятигорске): я повез ее через Военно-Грузинскую дорогу и в Крым «показать всю красоту мира», перед засыханием. Но никакого уменья борьбы. Чтобы «бороться», ведь нужно идти размеренным шагом: меня же трясло и я ложился как больной.

С выпученными глазами и облизывающийся – вот моя внешность.

Некрасиво? И только чрезмерным усилием мог привести себя, на час, на два в comme il faut.

«...дорого назначаете цену книгам». Но это преднамеренно: книга – не дешевка, не разврат, не пойло, которое заманивает «опустившегося человека». Не дева из цирка, которая соблазняет дешевизною.

Книгу нужно уважать: и первый этого знак – готовность дорого заплатить.

~

Затем, сказать ли: мои книги – лекарство, а лекарство вообще стоит дороже водки. И приготовление – сложнее, и вещества (душа, мозг) положены более ценные.

Бабушка звала ее «Санюшей», мы – «Шурой», но сама она никогда так не называла себя и не подписывалась на письмах. А – или «Аля», или сдержаннее – «А». Так звали ее подруги, начиная с поступления на французские курсы. Зеня и Марта, потом усиленно одна Зеня, потом долгие годы только Марта, потом – «Вера», и все залила «Женя», и наконец окончательно всех залила «Наташа». «Аля», «Алечка», «наша Аля», «моя Аля». Дети стали звать ее тоже «Алей» и «Алюсей».

И она как игралась и купалась в этих перекликах своего имени.

Только стала все худеть. Теперь уже 30: и при высоком росте она легче, чем 13-летняя Надя.

Отчего это – никто не понимает.

Она грустна и весела. Больна и все цветет.

Домой она только захаживает.

– Что, мамочка, лучше? О да, конечно, лучше: ты сегодня можешь сидеть (т. е. не лежишь). Гораздо лучше...

И, отвернувшись, ловила улыбку подруги где-нибудь наискось.

– Ничего, мамочка, я приду! приду! Сегодня я спешу в Публичную (библ.). Прощай. Завтракать не буду.

И уже дверь хлопнула.

Она всегда была *уходящею* или – мелькающей.

. . . . . .

. . . . . .

А бывало:

– Варя. Опять дырявые перчатки? Ведь я же купил тебе новые?

Молчит.

– Варя. Где перчатки?

– Я Шуре отдала.

Ей было 12 лет. Она же «дама» и «жена».

Так ходила она всегда «дамой в худых перчатках».

Теперь (2 года) все лежит, и руки сжаты в кулачок.

Не всякую мысль можно записать, а только если она музыкальна.

И «У.» никто не повторит.

«Наш Добчинский до всего добежит»...

~

Начал он социал-демократом и пробыл им чуть не до 40 лет. Но все полемизировал с Михайловским, а Мих. его не замечал. Тогда он стал поворачивать к государственности и народности. И теперь один из самых яростных публицистов-националистов и государственников. На все накидывается. И все его не замечают.

В этом рок. Быть не замеченным.

Умен он? Во всяком случае, не глуп. В школах не учился, ни в каких. Но много читал – брошюр; газеты век читал. И пытался хоть изредка читать серьезные книги.

– Я говорю Столыпину...

– А. А.?

– Не-ет! (сладко) : Пе-тру Ар-ка-дье-вичу! Говорю ему: «Я совершенно не согласен с вашею программою».

Наш Добчинский до всего добежал. «Как он попал к Столыпину?». Не так легко. И зачем?! Значит, просил аудиенции. Но для чего? Чтобы сказать: «Я с вами не согласен». Но Столыпин хорошо знал, что «с ним многие не согласны». Почему же сказать? Чтобы Столыпин знал, что «не согласен и Г.».

Это – Добчинский.

А так угрюм. Молчит. В таких лохмотьях ходит. И, читая «бранные на все стороны» статьи, никому не придет на ум, что под ними скрыто скромное существо Добчинского.

Одному ли мне он говорил, что «был у Столыпина, целый час был!!» – и что «сказал ему, что не одобряет его действий»? Со мной он редко видится, и, значит, об этом он говорил множеству. В этом и крючок.

Бедный Добчинский.

Но, между тем, ка́к он пылает в статьях! Или, вернее, – «быстро бегает в статьях». И ближние его уверяют, что это «самый честный человек в России». Не спорю. Не знаю. Мне кажется, вообще о Добчинском неинтересно, честный он или нечестный.

(Гофштеттер)

Мамочка! Мамочка! Вечная наша мамочка.

Один образ – как ты молилась, в Наугейме, Мюнхене, дома, везде...

Вот этот образ (дети его не видели) и прожег мне душу каленой иглой.

Мамочка молится, а я... Мамочка вечно больна, а я постоянно здоров.

И вот ужасное (тогда, всегда), как ураган, чувство: променять мир на «мамочку», разбить все, отречься от всего, *уйти* от *всего* – чтобы быть с «мамочкой».

Быть с *молитвой* и *болью.*

Это и есть последняя правда моей жизни. После которой, естественно, все прежнее я назвал «ложью».

Я и послан был в мир для «мамочки» и больше ни для кого: осязательно – вот скопить 35 000 и ездить в больницу. Ну, и душа...

– Пора, – сказала мамаша.

И мы вышли в городской сад. На мне был черный сюртук и летнее пальто. Она в белом платье, и сверху что-то. В начале июня. Экзамены кончились, и на душе никакой заботы. Будущее светло.

Солнце было жаркое. Мы прогуливались по главной аллее и уже сделали два тура, когда в «боковушке» Ивана Павловича отворилось окно и, почти закрывая «зычной фигурой» все окно, он показался в нем. Он смеялся и кивнул.

Через минуту он был с нами. Весь огромный, веселый.

– И венцы, Иван Павлович?

– Конечно!

Мы сделали тур. – «Ну, пойдемте же». И за ним мы вошли во двор. Он подошел к сторожке. – «Такой-то такой-то (имя и отчество), дайте-ка ключи от церкви».

Старичок подал огромный ключ, как «от крепости» (видал в соборах: «ключ от крепости», взятой русскими войсками).

– Пойдемте, я вам все покажу.

Растворилась со звуком тяжелая дверь. Я «что-то стоял»... И, затворив дверь, он звучно ее запер. «Крепко». Лицо в улыбке, боязни – хоть бы тень. Обои мы повернулись к лестнице.

Стоит моя Варя на коленях... Как войти по лесенке, – ступеней 6, – то сейчас на стене образ; увидал: «как осененная» Варя бросилась на колени и что-то горячо, пламенно шептала.

Я «ничего». Тоже перекрестился.

Вошли.

А вот и «красное сукно» перед боковым образом. Иван Павлович раньше рассказывал. «Нет прихожан. Одне приютянки. Думал-думал: этот образ всех виднее. И на ступеньках к нему положил красное сукно, а от нижней каймы образа до площадки тоже затянул красным сукном. Народ и повалил. А то очень монотонно было служить. Никого. Теперь и свеч будет много – все к этому образу и прикладываться – толпы толпами».

– «Все будет как следует». И он отозвал меня в алтарь. Silentium*.

И все было хорошо. Тихо. Он все громко произносил, за священника, за диакона и за певчих (читал). По требнику – который мне подарил, в темно-зеленом переплете (с ним я хотел сняться, когда рисовал портрет Бакст). А самое лучшее – конец.

Он все серьезно делал; а тут еще сделался *очень* серьезен. Когда мы испили теплоты, он сказал: «Подождите». Мы остановились. И он сказал:

– Помните, Василий Васильевич, что она не имеет, моя дорогая невестка (вдова его покойного брата), никакой другой опоры в жизни, кроме как в вас, в вашей чести, любви к ней и сбережении. И ваш долг перед Богом всегда беречь ее. Других защищает закон, люди. Она – одна, и у нее в мире только один вы. Поцелуйтесь.

Никогда этих слов я ему, милому, не забуду. С этих пор он стал мне дорог и как бы родным. Он уже умер (поел редиски после тифа). Царство ему Небесное.

Вышли. И он так же запер дверь. И спокойно передал ключ сторожу, показавшемуся в дверях. Совершенно никого не было. Ни во дворе, ни в доме. «Приютянки» куда-то делись (на дачу?). И сама Калабина – на даче. Она-то ему и прислала, через 2–3 года, «первых редисок». Любила и почитала его за светлый нрав.

– Ну, Бог с вами. Прощайте.

Мы сели (извощ.) и вернулись домой.

И наш домик (против Введения) был пуст. Санюшу отослали в Казаки (к дяде). Мамаша:

– Все кончилось?

– Да.

Она поцеловала обоих нас. Не помню, тогда (т. е. после церкви) или перед отправлением она, став на колени перед образами, горячо-горячо молилась за свою Варю, и все поднимала руки: тут-то я заметил, что в горячей молитве руки обращаются *ладонями к образам* («В мире неясного и нерешенного»). Она именно так делала... И молитва ее была прекрасна, и вся она, милая

---

* Молчание *(лат.)*.

старушка (тогда только пожилая женщина, лет 55-ти), была прекрасна, вдохновенна и мудра.

У нее был духовником отец Иван (Вуколов), «высокий седой священник» (в конце «Легенды об Инквизиторе»). И она все ему сказала, и раньше советовалась, и потом досказала.

Он качал головой:

– Зачем только д.....?

Она была мудрая. И ответила:

– Все-таки же ободряет. Ведь дело страшное.

И как будто вывела его из мучительного затруднения. Он проговорил:

– Да, да! Конечно! Что делать.

Иван Павлович был и ему родственник. Дальний.

Побыли.

– Ну, что же. Надо обедать. Второй час. – И побежала вниз, в кухню.

Пообедали.

– Ну, я пойду в кухню, уберу посуду. А вы устали, и вам отдохнуть надо. Василий же Васильевич всегда спит после обеда. И она меня поцеловала.

Мы легли.

Проснулись.

– Да, мамаша! давайте чаю.

Напились.

– Ну, теперь пойдите гулять.

Пошли.

И весь город веселый, славный. И я нарядился, и Варя нарядная. Поехали в монастырь мужской – первый раз. Чуть-чуть за́городом. Вошли в аллею огромного сада: смотрим – Иван Павлыч гуляет. Поговорили, пошутили. Игуменом был... не помню, отец Иосиф, но скорее – отец Давид (если возможно). Только имя было патриархальное. Моррисон же (учитель) рассказывал, что они «всегда туда отправляются, когда при деньгах». И «уединенно», и «можно все».

Иван Павлыч был очень весел. Мы радостны. Поговорили. Пошутили. Поехали домой.

Сейчас я припоминаю, что, значит, экзамены еще не кончились, потому что раз утром из-за двери услышал встревоженный голос мамаши:

– Девятый час!! Что же это я!!! Ему в гимназию.

И – через пять минут самовар. Но «до конца экзаменов» было не больше недели. Потому что столько мы прожили втроем: я, Варя и мамаша. Санюшу задержали в Казаках.

Мамаша была трепетна. Как ее, милую, я люблю до сих пор (и каждый день вспоминаю). Отворив дверь, вся в милом смехе, тихом и изящном, она обратилась ко мне:

– ...нравится ли вам Варя?

– ...н-н-нравится...

– Ну что́ – старушка (27 лет). Нужно бы помоложе.

И смех. И смех.

– А нравитесь ли вы-то ей?..

Какая-то застенчивость в душе (у меня).

И всегда, и теперь, и потом, она все около нас. Она ужасно любила свою Варю. Как-то до брака она говорила:

– Варя никогда не была веселая. Бывало, в девушках – все шумят, возятся. Она сидит где-нибудь отдельно, в уголку.

А Варя рассказывала:

– До 13 лет, уже большая, я все играла «в Академию»: мы чертили на дворе квадрат, потом – поперек, потом – еще поперек. И надо было на одной ножке перескакивать из отделения в отделение. Я уже тогда любила Михаила Павловича.

Мамаша о ней:

– У меня все «не выходило». И дала я обещание Варваре Великомученице, что, как еще забеременю, – поеду поклониться ее мощам в Киев. И вот забеременела. Меня до этого лечил молодой врач-еврей и очень мной занимался. Он мне предлагал одну меру: «Будете здоровы», но я сказала, что это «против Бога – и я меру не могу принять», и уж «лучше буду больная». Я совсем не могла выходить из дома, и когда надо было на платье купить, то Димитрий Наумыч всегда на выбор приносил материй на дом. Забеременев, на половине беременности я поехала в Киев: и усердно молилась, чтобы доносить. И доносила. И назвала «Варварой», потому что мне Варвара Великомученица помогла.

Когда я был в Киеве (а Варя уже болела), я горячо молился перед теми же мощами о выздоровлении «рабы Божией Варвары» и о «здравии старицы Александры».

Там был очень хороший монах. Я дал 3 рубля – «молиться о больной». А он мне дал, для больной, святой воды.

Так у нас все «вышло». И страшно, а хорошо.

(глубокой ночью)

– Ты уж теперь не испытываешь счастья. Так, вспоминаешь прошлое.

(мама, прочтя отрывок об Иван Павловиче и «всем деле» в Ельце)

– Вася, ты уйди, я постонаю.

– Стонай, Варя, при мне…

– Да я тебе мешаю.

– Деточка, кто же с тобой останется, если и я уйду. Да и мне *хочется* остаться…

(когда Шура вторично ушла, 23 октября 1912 г. На счете по изданиям)

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ» ИЗ АРХИВА П. А. ФЛОРЕНСКОГО

Вот с хлебом не так идет, как «с лихим ямщиком» и «налегке». Западническая литература вся, в сущности, мысли «не сеет»: и читалась потому легко, но, увы, не самыми лучшими частями общества. И за Белинского, и за его единомышленников трудилось и работало правительство, скучные чиновники, и эти люди знали или думали, что «при правительстве» все прочно и надежно, отчего его и поругивали, зная, что этот «одер» свезет и снесет; подобная мысль не могла придти в голову ни одному славянофилу, ибо без поручения и без чернильницы они были, в сущности, все «служилые люди», все тащили «тягло» и верою и правдою. И опять это не могло быть красиво... Сочинения Кон. Аксакова – это необработанная записная книжечка, долговая книга некоего хозяина и гражданина: именно с осязаемостью, заботою – болярина незаметного, бородатого и в ферязи. А к «сочинениям» всей западнической богемы, богемы 40-х, богемы 50-х и 60-х и 70-х годов право же идет стих Беранже:

Шатаясь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок.

«Песенки» квартирантов и их жизнь и приятнее, чем, само собой разумеется, и богаче, и разнообразнее, и «певучее», чем труд хозяина: но было бы и холодно, и голодно сим квартирантам без домохозяина. И незаметно, славянофилы, в сущности, *обеспечивали* своею солидарностью и неинтересным мышлением, – обеспечивали и *выкупали* «творения» своих врагов: которые в наш бы социализм и анархию ни зашли, в какой-то трактир или кабак ни забрели, обыватель все-таки думал: «Ничаво! Вывезем! Ведь у нас есть, и с малых лет, эти никем не читаемые славянофилы! Которые и о Церкви, и о Боге, и о Совести, и о Думе – о всех этих нам пустяковых неслуживых материях – толкуют».

Славянофильство – золотой фонд нашей культуры, культуры нашей общественности и жизни, всегда обеспечивавший легонькие и ходкие «кредитки».

1912, апрель.

Детям от родителей интересно наследство. Но нисколько не интересна их жизнь и личность.

~

Сергей Слободзинский, когда б. болен отец, не уходил из соседней комнаты и все плакал. Да, но каковое это исключение. Да и как винить.

Всё оказались враки. Дети наши – чудные. Жалеют и маму и папу. А тогда были грубы не по равнодушию к болезни мамы, а от *боли* об этой *боли*. Были *печальны* и оттого грубы.

Я перед детьми во многом виноват, – в мыслях о них. Простите, дети.

19 марта 1915 г.

Публикация *П. В. Флоренского*

КОММЕНТАРИИ

В заключительный тридцатый том Собрания сочинений В. В. Розанова вошли его наиболее известные книги «Уединенное», «Опавшие листья» (два короба) и «Смертное», а также указатели ко всему Собранию сочинений.

Сохраняются те же принципы публикации и комментирования текстов, что и в ранее вышедших томах.

Принятые сокращения: НВ – «Новое Время»; НВип – «Новое Время. Иллюстрированное приложение»; Б.п. – без подписи.

УЕДИНЕННОЕ

«Уединенное» впервые вышло отдельным изданием в начале марта 1912 г. (СПб., тип. А. С. Суворина). 6 марта 1912 г. цензура наложила арест на изданную книгу. Текст печатается по второму изданию «Уединенного» (Пг.: Суворин, 1916). В «Книжной летописи» 2 июня 1912 г. сообщалось о выходе книги тиражом 2400 экз. (после цензурных сокращений).

С. 7. *Когда, бывало, меня посещали декаденты* – имеются в виду «воскресенья» Розанова, проводившиеся у него дома на Шпалерной ул., д. 39, кв. 4 в 1899–1906 гг.

С. 8. *У меня за стол садится 10 человек, – с прислугой* – в эти годы в доме Розанова жили: жена Варвара Дмитриевна, ее дочь от первого брака А. М. Бутягина, дети: Таня, Вера, Варя, Вася, Надя, теща А. А. Руднева, сестра Розанова Павла Васильевна, а также прислуга (Д. В. Алешинцева и др.).

Сев задом на ворох корректур... – цензура отредактировала эту строку (Сев ж..ой на ворох корректур...).

М. – в первом издании «Уединенного» в конце книги были «Поправки», где уточнялось: «Миша», т. е. Михаил Алексеевич Суворин, сын издателя «Нового Времени», с 1903 г. фактически главный редактор газеты.

И снится ей долина Дагестана... – перефразировка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Сон» (1841).

Но я другому отдана... – А. С. Пушкин. Евгений Онегин. VIII, 47.

С. 9. *Боря* – Борис Алексеевич Суворин, младший сын А. С. Суворина.

Анночка – балерина Анна Павловна Павлова.

Так пошли ее к матери – цензура отредактировала эту строку (Так пошли ее к е... м...).

...«всеобщее обучение»... – В 1911 г. Государственная дума и Всероссийский общеземский съезд приняли решение ввести с 1912 г. всеобщее начальное образование.

«Голос Правды» – ежедневная (с 1906 г.) петербургская газета в 1905–1910 гг.

«Колокол» – ежедневная церковно-политическая газета, издававшаяся в 1906–1917 гг. в Петербурге В. М. Скворцовым.

С. 10. *Защищал его перед Толстым* – очевидно, имеется в виду беседа Розанова с Л. Н. Толстым в Ясной Поляне 6 марта 1903 г.

«Нет ничего без своего числа»... – Пифагор сущностный смысл каждой вещи истолковывал как число.

Штафирка – презрительное название штатского человека (военный жаргон).

«русская реформация» – имеется в виду деятельность Религиозно-философских собраний (1901–1903). Термин «реформация» прозвучал в программной статье Н. М. Минского «О свободе религиозной совести» (Новый Путь. 1903. № 1. С. 27).

Кое-кто ушел в сектантство – вероятно, имеется в виду архимандрит Михаил (Семенов Павел Васильевич, 1874–1916), перешедший в старообрядчество. См. статью Розанова «Архимандрит Михаил» (Русское Слово. 1907. 6 янв.; в наст. Собр. соч. том «Русская государственность и общество»).

...по поводу смерти Толстого – Л. Н. Толстой умер, не примирившись с церковью. Розанов писал об этом в статье «Кончина Л. Н. Толстого» (НВ. 1910. 8 нояб.; см. том «О писательстве и писателях»).

«Так кончается все русское» – см. XXVI главу романа Тургенева «Дым» (1867): «Дым, дым... все русское... все исчезает» (установлено К. В. Душенко).

С. 11. *...как глаголет пророк* – Пс. 113, 12; Ис. 60, 17.

Иловайский написал... – имеется в виду «История России» Д. И. Иловайского, с которым Розанов полемизировал в статье «Три главные принципы образования: По поводу замечаний Д. И. Иловайского» (Русское Обозрение. 1893. № 5), вошедшей в книгу Розанова «Сумерки просвещения».

Племянник – Геннадий Сергеевич, сын младшего брата писателя, Сергея Васильевича Розанова.

Кереметь (Луд, Шайтан) – в удмуртской (вотяцкой) мифологии творец зла. Моления ему совершались при эпидемиях в священных рощах – керемет ах.

«Отданье Пасхи» – последний день празднования Пасхи.

В пору моих гимназических лет. – Розанов окончил гимназию в 1878 г.

Некрасовым же зачитывались... – Розанов рассказал об этом в статьях «Некрасов в годы нашего ученичества» и «Некрасов в пору нашего ученичества» (Русское Слово. 1908. 10 и 15 янв.; см. том «О писательстве и писателях»).

Мой брат Коля... – Николай Васильевич Розанов, в семье которого прошли гимназические годы писателя.

Глумов, Балалайкин – персонажи произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», «Круглый год», «В среде умеренности и аккуратности», «Письма к тетеньке», «За рубежом» и др.

С. 12. *Этот ругающийся вице-губернатор...* – М. Е. Салтыков-Щедрин занимал должность вице-губернатора в Рязани и в Твери в 1858–1862 гг. В министерстве внутренних дел он служил с 1856 г.

«Обыкновенная история» (1847) – ставшее нарицательным название романа И. А. Гончарова.

П. П. У-ский – речь идет о новгородском протоиерее А. П. Устьинском, друге Розанова.

Вот бы кому писать «катехизис» – скрытая полемика с митрополитом Филаретом (Дроздовым), составителем и переводчиком на русский язык катехизиса (1823). Ср. отзыв Розанова о Филарете в статье «Вл. Соловьёв и Достоевский» (НВ. 1902. 20 сент.), снятый из газеты цензурой (см. том «Религия и культура» в наст. Собр. соч.).

С. 13. *«Друг»* – так Розанов называет свою вторую жену Варвару Дмитриевну Рудневу, венчание с которой было тайным, поскольку первый брак Розанова с А. П. Сусловой не был расторгнут.

Еду ли ночью по улице темной... – неточная цитата из одноименного стихотворения Н. А. Некрасова (1847).

«он нисколько не был поэт»... – В предисловии (1902) к роману В. фон Поленца «Крестьянин» Л. Н. Толстой писал о «совершенно лишенном поэтического дара Некрасове».

Дом, не тележка у дядюшки Якова – начало стихотворения Некрасова «Дядюшка Яков» (1868).

С. 14. *«выше Пушкина».* – В воспоминаниях Г. В. Плеханова о похоронах Некрасова говорится, что на слова Достоевского, что Некрасов «должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым», «мы дружно и громко закричали: – Он был выше Пушкина!» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 416–417).

«Муза мести и печали» – Н. А. Некрасов. «Замолкни, Муза мести и печали!..» (1855).

С. 15. *«Рим возвеличился от того, что поблизости текла река Тибр» (Моммсен)* – таких слов у Т. Моммзена нет. Он писал: «Тибр был природным торговым путем Лациума», «Тибр с древнейших времен служил для латинского племени оборонительной линией...» (*Моммзен Т.* История Рима. СПб., 1994. Т. 1. С. 54).

Гамаюн – в славянской мифологии птица-вещунья с человеческим лицом.

«Как вам будет угодно» (1599) – пьеса У. Шекспира в переводе П. И. Вейберга; современные переводы – «Как вам это понравится.

...без божества, без вдохновенья - А. С. Пушкин. «Я помню чудное мгновенье...» (1825).

С. 16. *Р.* – как свидетельствует общий указатель к трилогии (во втором коробе «Опавших листьев»), речь идет о художнике И. Е. Репине, у которого на даче «Пенаты» Розанов бывал летом 1909 г., хотя в список «Поправок» в конце тома Розанов (очевидно, из приличия) внес исправление Р. на В.

...толстая красивая женщина... – вторая жена Репина Н. Б. Нордман-Северова. Розанов написал о ней фельетон «Женщина-пылесос и ее лекция в зале Тенишевского училища» (НВ. 1913. 8 дек.; см. том «На фундаменте прошлого»).

...как кит Иону – Иона, 2, 1–11.

«сердца горестных замет» – А. С. Пушкин. Евгений Онегин (Вступление).

С. 17. *«иностранные книжки»* – имеется в виду переведенный Чернышевским труд немецкого историка Г. Вебера «Всеобщая история для образованных сословий» (из 16 томов Чернышевский перевел 11 с половиной).

...в снегах Вилюйска – Чернышевский отбывал каторгу в Вилюйском остроге (Якутия) в 1871–1883 гг.

...о Лессинге – работа Чернышевского «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1857).

...переписка с женой - речь идет о книге «Чернышевский в Сибири: Переписка с родными». СПб., 1912.

...он был духовный, спиритуалистический «s» – то есть содомит. См.: *Розанов В. В.* Люди лунного света. СПб., 1911.

«екатерининских орлов» – А. С. Пушкин. «Перед гробницею святой...» (1831).

...пойти дальше «романиста» – английский политический деятель Б. Дизраэли (1804–1881) писал также романы («Вивиан Грей», 1826–1827; «Сибилла, или Две нации», 1845 и др.).

С. 18. *Пешехонка* – публицист А. В. Пешехонов, автор едкой рецензии на книгу Розанова «Когда начальсто ушло...» («Бесстыжее светило, или Изобличенный двурушник» // Русские Ведомости. 1910. 2 дек.), на которую Розанов откликнулся «Открытым письмом А. Пешехонову и вообще нашим «социал-сутенерам» (НВ. 1910. 15 дек.; см. том «Загадки русской провокации» в наст. Собр. соч.).

«рыцарь бедный» – А. С. Пушкин. «Жил на свете рыцарь бедный...» (1829), Сцены из рыцарских времен (1835).

Калашниковская биржа – хлебная биржа в Петербурге.

С. 19. *...«сколько тайных слез украдкой»* – М. Ю. Лермонтов. «Казачья колыбельная песня» (1840) (неточная цитата).

С. 20. *Чем старее, тем лучше* – неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830).

С. 21. *...неприятной, важной старухой.* – И. Я. Остафьева (урожд. Кононова), мать Володи Остафьева (бывшая невеста К. Н. Леонтьева), директриса Нижегородского института благородных девиц.

«Письма Морозова из Шлиссельбурга» – «Письма из Шлиссельбургской крепости» народника Н. А. Морозова печатались в «Вестнике Европы» с января по июль 1909 г., а в 1910 г. вышли отдельным изданием. Его сборник

«Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса» вышел в 1907 г.

С. 22. *...тыкающий себя... вилкой Бердягин* – в 1908 г. в Москве издана книга о террористах «Памяти Фрумкиной и Бердягина».

...нет «наряда»... скажу словами С. М. Соловьёва – историк С. М. Соловьёв писал: «...установление государственного порядка, или, как выражались наши предки, наряда в русской земле» (Избранные труды. М., 1983. С. 5).

...«Татьяны милый идеал» – А. С. Пушкин. Евгений Онегин (последняя строфа).

Рассуждения девицы и студента о Боге... – имеется в виду сцена из повести Л. Андреева «Тьма» (1907).

«недреманное око» – выражение из старой церковной литературы, переосмысленное М. Е. Салтыковым-Щедриным в сказке «Недреманное око» (1875). Ироническое обозначение соглядатая, политического сыска.

«читатель только почитывает» – М. Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма (1884). Письмо 1.

С. 23. *...Даны вымыслы чудесные* – перефразировка строк из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794).

...он не кончил и «Декабристов» – работа над этим романом была начата Толстым в 1860 г., продолжена в 1877 г., но, будучи неудовлетворен работой, он прекратил ее в 1879 г.

...Россию, «какая она ни есть» – перекличка с высказыванием Пушкина в известном письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.

С. 24. *Луга* – летом 1910 и 1911 гг. семья Розанова жила на даче в Луге под Петербургом.

И я вошел в этот проклятый инородческий дом – дом на Галерной ул. (д. 63), выходивший другой стороной на Английскую набережную (д. 34), где находилась квартира Н. М. Минского, в которой 2 мая 1905 г. были устроены (с участием Розанова) «дионисийские мистерии».

Н. М. М. – писатель и философ Николай Максимович Минский (1855–1937). Розанов выступал с его критикой с 1903 г.

С. 25. *Редактор и ртом и всячески...* – в доцензурном экземпляре было: «Редактор и ртом и ж..ой». По настоянию цензуры Розанов отредактировал этот отрывок.

Процесс Бутурлина – уголовное дело об отравлении в 1910 г. офицера гвардейского полка Василия Дмитриевича Бутурлина. «Бранделясом» называли графа П. П. Обриена де Ланси, осужденного по этому делу (Дело об отравлении В. Д. Бутурлина. М., 1911. С. 67).

«После эпохи Меровингов...» – намек на книгу французского историка О. Тьерри «Рассказы из времен Меровингов», переиздававшуюся в русских переводах (СПб., 1848, 1892).

«взыскуемый невидимый град» – т. е. «царство небесное» (Евр. 13,14).

Ревекка NN – Ревекка Юльевна Эфрос, знакомая Розанова.

С. 26. *...Сильченкова, в «Вере и Разуме»* – *Сильченков К.* «Тайноводственное учение» и приготовление верующих к принятию в св. Церковь в первые века христианства // Вера и Разум. Харьков, 1901. № 4. С. 220–246.

С. 27. *Ступени, как я наблюдал во Фридберге...* – см. статью Розанова «Полупонятные руины» (Русское Слово. 1910. 18 авг.; см. том «Загадки русской провокации» в наст. Собр. соч.).

С. 28. *«Бог есть мыква...»* – следующий далее текст до слова Amen в издании 1912 г. был изъят по решению суда, однако восстановлен в новом отредактированном виде в издании 1916 г.

С. 29. *Скэтинг-ринг* – каток (англ.).

С. 30. *«О понимании»* (1886) – первый философский труд Розанова.

«Союз союзов» – профессиональная и политическая организация, созданная на учредительном съезде 8–9 мая 1905 г.

С. 31. *...ужасной жизни Гл. Успенского* – статья В. Е. Чешихина «Молодость Глеба Успенского: Биографические заметки» (Русская Мысль. 1911. № 6, 7. Подпись: Ветринский).

Михайловский в письме ко мне... – Переписка Розанова с Н. К. Михайловским остается неопубликованной. См. письмо Михайловского от 11 марта 1898 г. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 726. Л. 119).

С. 32. *...задушит еще в младенчестве* – перекличка с мыслью Достоевского о коммунистах («...отрубят голову Шекспиру и Рафаэлю» – *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 27. С. 54).

С. 35. *П. С.* – имеется в виду Петр Бернгардович Струве, с которым Розанов вел долгую полемику и переписку.

Манфред – герой одноименной поэмы Дж. Г. Байрона (1817).

...соллогубовским зудом: «Кого бы мне посечь» – речь идет о статье Ф. Сологуба «В полусне (Из дневника занятого человека)» в его Собрании сочинений (СПб., 1910. Т. 10. С. 223–226).

«Падающего еще толкни» – Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. III, 20.

«Между старым и новым» – статья П. П. Перцова в «Новом Времени» 23 июля 1911 г.

С. 37. *По времени первая – Ю(лия)* – учительница музыки Юлия Алексеевна Каменская. Ее записки к Розанову за 1876 г. хранятся в Литературном музее.

С. 38. *«Бог не дал мне твоего имени...»* – жена Розанова В. Д. Бутягина носила фамилию первого мужа, поскольку у Розанова не было развода с первой женой.

...один из своих псевдонимов. – В 1906–1911 гг. Розанов печатался в московской газете «Русское Слово» под псевдонимом В. Варварин, образованным от имени жены Варвары Дмитриевны.

После Иены... – В сражении 14 октября 1806 г. при Йене прусская армия была разгромлена Наполеоном.

С. 39. *«Аз есмь огнь поедающий»* – Исх. 24, 17; Лев. 9, 24.

Какие события! – имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший гражданские свободы и создание Государственной думы как законодательного органа.

С. 40. *«Херувимская»* – христианское церковное песнопение.

С. 41. *...Я разгадал тетраграмму* – речь идет о непроизносимом четырехбуквенном имени библейского Бога, открытом Им Моисею на горе Хореб (Исх. 3, 6–16).

С. 42. *Эйдкунен – Берлин* – в июне 1910 г. Розанов ездил в Германию.

СПб. – Киев – в сентябре 1911 г. Розанов как журналист ездил в Киев в связи с убийством премьер-министра П. А. Столыпина.

Кифа Мокиевич – персонаж из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (гл. 11). При этом Розанов ошибочно называет Михайловского, тогда как речь идет о книге А. Луначарского «Отклики жизни» (СПб., 1906. С. 49), где автор сравнивал Розанова с «премудростью Кифы Мокиевича».

С. 43. *О, мои грустные «опыты»* – см. письмо Розанова П. Флоренскому 30 декабря 1908 г. (29 том наст. Собр. соч.).

«Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом – только о себе» – перефразировка слов Тургенева из его повести «Переписка» (VI).

С. 44. *...статьи Изгоева об университете...* – журналист А. С. Изгоев (Ланде) печатал в «Русской Мысли» (1911. № 8) политические обзоры об университетской жизни, о министре народного просвещения Л. А. Кассо, о преследовании высшей школы.

С. 45. *«Вехи»* – сборник статей, получивший широкий резонанс в печати. Розанов отозвался рядом статей: Мережковский против «Вех» // НВ. 1909. 27 апр.; Между Азефом и «Вехами» // НВ. 1909. 20 авг. (см. тома «О писательстве и писателях», «Старая и молодая Россия»).

О Боборыкине... – В канун празднования 75-летия писателя П. Д. Боборыкина 14 августа 1911 г. в газете «Русское Слово» появилась статья А. Измайлова «За 75 лет».

С. 46. *«...смотреть в корень»* – Козьма Прутков. Плоды раздумья. Мысли и афоризмы (1854). (Зри в корень).

С. 47. *И. И. Т.* – министр народного просвещения в 1905–1906 г. Иван Иванович Толстой (1858–1916), с которым Розанов был знаком как нумизмат.

«Не ту женщину имеешь женою себе» – ср. Мк. 6, 18.

...«повелел оставить вавилонянок» – Ез. др. 10, 10–11.

С. 48. *«Франческа да Римини»* (1876) – симфоническая фантазия П. И. Чайковского.

С. 50. *«Отведи меня в стан погибающих»* – Н. А. Некрасов. Рыцарь на час (1863) (неточная цитата).

С. 51. *Чуковский... как я его старался выставить* – имеется в виду статья Розанова «Богатый и убогий» (НВ. 1911. 22 марта; см. том «Террор против русского национализма»).

Ост-Индская компания – нидерландская торговая компания (1600–1858), имевшая монопольные права в бассейне Индийского и Тихого океанов.

Кенигсбергский мудрец – И. Кант, проживший всю жизнь в Кёнигсберге.

С. 52. *Поприщин* – герой «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя.

...думал Н. Я. Данилевский – имеется в виду труд Н. Я. Данилевского «Дарвинизм» (1885–1889).

С. 53. *Лаццарони* – нищий *(ит.)*.

С. 55. *...о Шарапове, когда он умер* – С. Ф. Шарапов, писатель, друг Розанова, написавшего его некролог (НВ. 1911. 1 июля; см. том «Террор против русского национализма»).

С. 56. *...рука все не движется* – речь идет о жене Розанова, Варваре Дмитриевне, перенесшей инсульт.

Гарнак Адольф фон (1851–1930) – немецкий протестантский теолог, об идеях которого Розанов писал в статье «Литературные новинки» (НВ. 1904. 23 июня; см. том «Природа и история»).

Несколько прекрасных писем от Горького – семь писем Горького к Розанову (1905–1912); опубликованы в кн.: Контекст. 1978. М., 1978. Письма Розанова напечатал Горький в журнале «Беседа» (Берлин, 1923. № 2).

Я ему писал об этом – имеется в виду письмо Розанова в начале 1911 г., где он писал, что Горького «подняла социал-демократия и понесла на плечах».

Тентетников – персонаж из второго тома «Мертвых душ» Гоголя.

С. 57. *«Иван Иванович, который играет на скрипке»...* – Розанов вспоминает «3-й воскресный бюллетень» (Русский Труд. 1899. № 21. С. 18–21) своего друга писателя Рцы (И. Ф. Романов), в котором эти слова из гоголевского «Ревизора» (I, 1) были приведены правильно: «Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке».

...книжка о Вагнере – Тиранов Ф. Кольцо Нибелунга. Критический очерк. СПб., 1910. Розанов виделся с Фаддеем Яковлевичем Тиграновым вскоре после паралича Варвары Дмитриевны, случившегося 26 августа 1910 г.

...переписка с ним – переписка Розанова с К. Н. Леонтьевым относится к последнему году жизни Леонтьева и напечатана Розановым в журнале «Русский Вестник» (1903. № 4–6; см. том «Литературные изгнанники»).

...с моего испуганного и замученного детства... – В письме к Э. Ф. Голлербаху в августе 1918 г. Розанов вспоминал о нищете и тяжелом труде, который ему пришлось вынести в детстве (см. том «В нашей смуте»).

Грубер – очевидно, имеется в виду поэт и переводчик Эдуард Иванович Губер (1814–1847), автор сборника «Стихотворения» (СПб., 1847). В 1859–1860 гг. вышли его Соч. в трех томах.

С. 58. *Когда я говорил с ним...* – о своей беседе с Л. Н. Толстым Розанов рассказал в статье «Поездка в Ясную Поляну» в кн.: О Толстом. Международный толстовский альманах, составленный П. Сергеенко. М., 1909. Продолжение этой записи (три абзаца о попе в алтаре) было изъято цензурой в издании 1912 г. и восстановлено по цензурному экземпляру.

«бесенок сидел у него на плече»... – В статье о Вл. Соловьёве в журнале «Новое Слово» (1911. № 7. С. 5; см. том «Террор против русского национализма») Розанов пишет: «Плыл он раз по Финскому заливу, на пароходе, засыпал в каюте. Вдруг вскочил в ужасе: ему показалось, что на плечо к нему уселся мохнатый чертенок... Вл. Соловьёв немедленно изложил ее (эту тему) в стихах: «Черти морские меня полюбили...» (1898).

Монтионовские премии – премии, присуждаемые французской академией за добродетель и добродетельные сочинения с 1782 г. и названные по имени их учредителя филантропа Ж. Б. А. Монтиона (1733-1820).

«Шестая держава» – пресса названа так в противовес пяти великим державам (Россия, Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия). В русской литературе выражение использовалось еще Д. И. Писаревым («Педагогические софизмы», 1865). У Наполеона эти слова не обнаружены.

С. 59. *«развивается длинный свиток»* – А. С. Пушкин. Воспоминание («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828).

С. 60. *...мать «друга»* – А. А. Руднева, мать жены Розанова, называемая обыкновенно «бабушка».

С. 63. *Когда мама моя умерла...* – Надежда Ивановна Розанова (урожд. Шишкина), мать писателя.

С. 64. *Надежде Васильевне Розановой* – описка, правильно: Надежде Ивановне Розановой.

С. 65. *...после статей о браке – Розанов В.* Брак и христианство // Русский Труд. 1898. 21, 28 нояб., 5, 12, 23 дек.; *Розанов В.* Семья как религия // С.-Петербургские Ведомости. 1898. 5, 23 нояб.; см. том «В мире неясного и нерешенного».

...Гермоген, требовавший летом отлучить меня... – 16 июня 1911 г. епископ Гермоген (Долганов Г. Е., 1858–1919) обратился в Синод с докладом, требуя изъятия книги Розанова «Люди лунного света», как безнравственной, и предания ее автора церковному отлучению (анафеме).

Федоров Михаил Михайлович – редактор литературного приложения к «Торгово-Промышленной Газете», где в 1899–1900 гг. сотрудничал Розанов.

Передонов – герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1907), невежественный и тупой учитель гимназии.

«дяденька» – священник Дмитрий Андриянович Жданов, крестный Варвары Дмитриевны, брат ее матери.

С. 66. *26 августа 1910 г. ...* – в этот день жену Розанова разбил паралич.

С. 67. *Философова статью...* – статья Д. В. Философова «В. В. Розанов» о его книге «Около церковных стен» в сборнике статей Философова «Слова и жизнь» (СПб., 1909).

Из Шопенгауэра (пер. Страхова) – главная работа А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» вышла в 1881 г. в переводе А. Фета и с предисловием Н. Н. Страхова.

С. 69. *«Речь»* – ежедневная петербургская газета, орган кадетской партии, выходила в 1906–1917 гг.

С. 70. *Стамболи В. О.* – хозяин табачного магазина на Невском, 15.

Асмолов В. И. – владелец табачного магазина на Невском, 88.

Г. С. П. – священник Григорий Спиридонович Петров.

Рцы... в сыромятниковской «России» – с 1907 г. И. Ф. Романов стал печататься в ежедневной газете «Россия» (1905–1914), органе Министерства внутренних дел, подписывая статьи своим обычным псевдонимом Рцы. С. Н. Сыромятников после сотрудничества в «Новом Времени» стал редактировать «Россию».

«Всякий... попадает на свою полочку» – из статьи И. С. Тургенева «По поводу «Отцов и детей» (1868–1869). Источник установил А. И. Батюто.

С. 71. *Кончил рождественскую статью* – статья «Зимний праздник» (НВ. 1911. 25 дек., без подписи; см. том «Террор против русского национализма»).

С. 72. *P.S., P.P.S., P.P.P.S.* – Эти записи в конце книги «Уединенное» (СПб., 1912) были напечатаны в разделе «Поправки».

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ
<Короб первый>

Книга «Опавшие листья» В. В. Розанова отпечатана в Петербурге 3 апреля 1913 г. (тип. изд-ва А. С. Суворина). В «Книжной летописи» 27 апреля 1913 г. сообщалось о выходе книги тиражом 2400 экз. Многие автографы книги хранятся в Архиве П. А. Флоренского.

С. 75. *...три года уже...* – прошло три года, как случился паралич жены (26 августа 1910 г.); хотя, если учесть, что «опавшие листья» настоящего короба писались в 1912 г., то два года.

...квартира на Коломенской... – Розанов не имел собственной квартиры. На Коломенской улице (д. 33, кв. 21) в Петербурге семья Розанова снимала квартиру с 1912 г. (с июня 1912 г. до августа 1916 г.), переехав сюда из Большого Казачьего переулка (д. 4, кв. 12).

С. 76. *Ал. Адр. Руд.* – теща писателя: Александра Андрияновна Руднева (урожд. Жданова), внучатая племянница св. Иннокентия (в миру И. А. Борисов), епископа Херсонского и Таврического.

С. 77. *...любовь «друга» и вся история этой любви...* – история Розанова с вдовой В. Д. Бутягиной (урожд. Рудневой) заключалась в невозможности оформить законный брак из-за отсутствия развода с первой женой. Вероятно, из-за этого он жену в печати называл «другом».

...о чем писать?.. – неточная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).

...Стаха и Алек. Пет. П-ва... – со Стахой (Станислав Борисович Гольдовский, присяжный поверенный, журналист; масон) и его невестой Александрой Петровной Поповой Розанов был знаком во время учебы в Московском университете. Гольдовский был сыном мужа подруги А. П. Сусловой А. И. Гаркави и приезжал в Брянск в гости к Розановым на летние каникулы в1885–1886 гг. Там он познакомился с дочерью священника Поповой; с этим связана история ухода Сусловой от Розанова в 1886 г. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 236. Л. 12–13). Гольдовский помогал Розанову держать корректуру книги «О понимании» (М., 1886).

...«друга» о первой любви ее и замужестве – жена Розанова В. Д. Руднева была в первом браке замужем за М. П. Бутягиным.

...на т. с... – т. е. на том свете.

С. 78. *Эгоизм – не худ...* – ответ на упрек Д. Левина Розанова в «эготизме» (*Левин Д.* Наброски // Речь. 1912. 19 мая).

...по Дрэперу... – Дж. У. Дрэпер – американский историк. Розанов подразумевает его книгу «История умственного развития Европы» (1862, 4 русских издания), которая в его гимназические годы наряду с книгами К. Фогта, Г. Спенсера, Дж. Милля, Г. Бокля сыграла решающую роль в образовании позитивистического мировоззрения.

...сидит Вася – сын писателя.

...И ясны спящие громады... – А. С. Пушкин. Медный всадник (1833). Вступление.

С. 79. *...тут прав Леонтьев* – эта мысль развита в статье К. Н. Леонтьева «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого» (1890).

Бетрищев – генерал во втором томе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

С. 80. *(окружной суд, об «Уединен.»)* – по поводу обвинения Розанова в порнографии. 21 декабря 1912 г. петербургский окружной суд приговорил Розанова к 10-дневному аресту. Приговор отменен 11 марта 1913 г.

С. 81. *...направляется ко мне на Павловскую.* – С Ф. Э. Шперком Розанов познакомился в 1890 г. после публикации статьи «Место христианства в истории» по переписке, которая перешла в личное знакомство и дружбу в Петербурге; Шперк посещал Розанова на Петербургской стороне (Петропавловская ул., д. 24, кв. 2).

Толстой ставит тó «3», тó «1» Гоголю... – в экземпляре книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», хранящийся в Яснополянской музейной библиотеке, Толстой ставил оценки различным главам.

С Рцы (дворянин) мы понимали же друг друга с ½ слова... – И. Ф. Романов был из крестьян.

С. 83. *Варя* – четвертая дочь писателя Варвара Розанова, умерла от дистрофии в лагерной больнице в Рыбинске.

Вера – третья дочь писателя Вера Розанова, умерла через полгода после отца, повесилась.

Таня – вторая дочь писателя Татьяна Розанова, автор воспоминаний об отце и всей семье.

...Все дети были похожи именно на этих животных... – см. очерк Розанова 1902 г. «Чему я смеялся», напечатанный в кн.: *Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1992. С. 664–669.

С. 84. *Милоть* – овчина.

Шашки – здесь: деревянные бруски для мощения улиц.

С. 85. *17 октября* 1905 г. был обнародован манифест Государя Императора о даровании своим подданным конституции и Государственной думы.

...как спит Иван Павлыч... – знакомый Розанова по заседаниям Религиозно-философских собраний (1901–1903) Иван Павлович Щербов, кандидат богословия Петербургской духовной семинарии.

Вечером пришли секунданты на дуэль. – Вызвал И. И. Колышко, литератор, сотрудник «Гражданина» и других газет. Поводом вызова была заметка Розанова «Особенная чепуха за день» (НВ. 1912. 4 февр.), подписанная псевдонимом *Vox*. В ней Розанов, цитируя журналиста «Русского Слова», который печатался под псевдонимом Баян, замечает, что «эти невероятные по глупости сравнения, кромс Баяна, мог бы нагородить еще только Рославлев из «С.-Петерб. Ведом.». Эти сват и сваха русской прогрессивной печати предовольны собой...». Баян через секундантов (полковник Елец и капитан Попов) потребовал удовлетворения за оскорбление личности полным извинением в виде письма в редакцию или же принятием вызова на поединок. Розанов принял первую форму удовлетворения (*Розанов В.* Письмо в редакцию // НВ. 1912. 7 февр.). Этот инцидент стали раздувать газетчики, рисуя «животный страх» Розанова при виде «хлыста» в руках секундантов, что заставило его написать новое «Письмо в редакцию» (НВ. 1912. 15 февр.), в котором он разъяснял, что был очень

спокоен и писал с удовлетворением «дружеское извинительное письмо» Баяну. Там он, между прочим, писал: «"Баяну" я написал, что драться с ним мог *бы* только на пушках, так как револьверы уже испорчены полицейскими, а браунинги – революционерами, из острых орудий понимаю только вилку». Однако это письмо вызвало новое письмо секундантов (Полк. Елец и капитан Попов. Письмо в редакцию // НВ. 1912. 16 февр.), в котором они пытались преуменьшить извинительный тон розановского объяснения. Это заставило Розанова снова писать «Письмо в редакцию» (НВ. 1912. 17 февр.), в котором он отстаивает свою позицию, приведя свое письмо члену редакции «Новое Время» Е. А. Егорову, откуда видно, что он сам признавал, что «допустил несколько грубых шуток». После этого последовало окончательное «Письмо в редакцию» секундантов (НВ. 1912. 18 февр.) и их протокол, в котором говорилось, что надо «считать этим письмом честь (имя, отчество и фамилия доверителя) удовлетворенною и инцидент исчерпанным».

25-летний юбилей Корецкого. – Юбилей поэта и драматурга Н. В. Корецкого отмечался 15 марта 1912 г. Несколько ранее Розанов опубликовал рецензию на сборник стихотворений Корецкого (НВ. 1912. 7 февр.).

С. 86. *Из каждой страницы Вейнингера...* – см.: *Вейнингер О.* Пол и характер, 4-е изд. М., 1910. Эта книга (1902) австрийского философа Отто Вейнингера была в начале века популярна и многократно переиздавалась.

...св. Ольга, св. Клотильда, св. Берта... – св. Ольга, в крещении (957 г.) Елена (ок. 890–969), великая княгиня Киевская, жена князя Игоря; св. Клотильда (475–545), жена франкского короля Хлодвига, обратившая его в христианскую веру; св. Берта (VI в.) – франкская принцесса, жена короля кентского (Англия) Этельберта, способствовала распространению христианства среди англосаксов.

С. 87. *У Нины Р–вой (плем.)...* – дочь брата Варвары Дмитриевны Ивана Дмитриевича Руднева.

Тибур – древнее название города Тиволи восточнее Рима.

...тетрадрахму Мароней... – тетрадрахма – греческая денежная единица; как серебряная монета начала чеканиться с VI в. Маронея – город на северо-востоке Греции, на берегу Эгейского моря.

С. 88. *Триполис* (Триполи) – древний финикийский город. Разрушен землетрясениями и завоевателями.

...баюкания куретами младенца Диониса... – В греческой мифологии спутники (жрецы) Реи, супруги Кроноса. У Розанова описка: куреты оберегали не Диониса, а Зевса, когда Рея прятала его от Кроноса в гроте Иды.

...я предложил на Религиозно-Философских собраниях, чтобы новобрачным первое время после венчания предоставлено было оставаться там, где они и повенчались... – см.: Записку Розанова «О некоторых подробностях церковного воззрения на брак», прочитанную на XIII заседании Собраний (Записки Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге. СПб., 1908. С. 296–297; М., 2005. С. 260–266). Впервые напечатано в журнале «Новый Путь». 1903. № 8. С. 295–303.

...я читал у Андрея Печерского... – См.: П. А. Мельников-Печерский. На горах. Ч. 2. Гл. 7–9.

С. 89. *...«каменное море»...* – Имеется в виду «медное море» (1 Пар. 18, 8; 3 Царст. 3, 23; 2 Пар. 4, 6). Так называлась большая умывальница, предназначенная для омовений священников, которую велел отлить Соломон. Эта умывальница, вмещавшая до 3000 батов (1 бат – около 18 литров) воды, поддерживалась двенадцатью медными быками.

Паремия – назидательное учение, выраженное иносказательно, в виде притчи или аналогии. Паремии читаются накануне великих праздников на всенощном бдении.

...Царствие Божие подобно Чертогу Брачному... – Мф. 22, 2.

...диаконского «рцы»... – Форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения древнецерковного слова «речи» (рещи) – говорить, сказать.

...и закваска (дрожжи) не овладела всею мукою... – Мф. 13, 33.

...хороня старшую Надю... – первая дочь Розанова, умерла десяти месяцев 25 сентября 1893 г.; похоронена на Смоленском кладбище, близ могилы блаженной Ксении Петербургской.

...почему же «Контора» выше... – об этой теме возникла полемика Розанова с О. Ф. Орнатским (*Розанов В. В.* Около церковных стен. М., 1995. С. 171–179).

С. 90. *...ужасное по греху письмо Альбова...* – вероятно, имеется в виду письмо священника И. Ф. Альбова от 4 апреля 1912 г. Знакомый Розанова по заседаниям в Религиозно-философских собраниях и дружен семьями Иван Федорович очень резко упрекнул Розанова за упоминание его жены в «Уединенном». После прочтения «Уединенного он писал Розанову: «Стыдно Вам – старому человеку – свои бесстыдные и нескромные бредни говорить от имени скромной женщины, которая к Вам так хорошо относилась... Стыдно, стыдно и грешно!!! (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 350).

...в клинике Ел. Павл. – Клинический институт великой княгини Елены Павловны (или Еленинский) научно-учебное и лечебно-благотворительное учреждение в Петербурге. Основан по мысли и отчасти на пожертвования в 1885 г. великой княгини Елены Павловны. Среди прочих отделений институт имел и гинекологическое, куда была госпитализирована жена Розанова.

...птомаинами... – устаревшее обозначение «трупного яда», ядовитого азотистого продукта распада животных тканей.

С. 91. *...«с мечом обращающимся»...* – Быт. 3, 24.

С. 92. *...эти «Солнечный город» и «Утопия»...* – имеются в виду «Город солнца» Т. Кампанеллы и «Утопия» Т. Мора.

...«есть идея и волоса» – Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 350 (Парменид).

С. 93. *...я в Нескучном (Мос.)...*– имение, созданное императором Николаем I на берегу реки Москвы на месте дачи П. А. Демидова (ныне Президиум РАН). Царская семья редко жила в Нескучном, и до 1890-х годов, когда московский генерал-губернатор вел. князь Сергей Александрович закрыл доступ в Нескучный сад, он служил местом народных гуляний. Розанов вспоминает свои прогулки в Нескучном в годы учебы в Московском университете (1878-1882).

...за статьей о пожарах... – *Розанов В. В.* Наша прислуга, пожары и деревенская школа // НВ. 1912. 28 мая.

...Над. Ром., Ольги Ив.... – Надежда Романовна Щербова, Ольга Ивановна, жена И. Ф. Романова.

... «идеалист» Борух, и «такая милая» Ревекка Ю-на... – имеются в виду философ Б. Г. Столпнер и Р. Ю. Эфрос.

...прочли «Темн. Лик»... – имеется в виду книга Розанова «Темный Лик. Метафизика христианства». СПб., 1909.

С. 94. *...у Ш..ы...* – имеется в виду Шура, падчерица писателя Александра Михайловна Бутягина, дочь Варвары Дмитриевны от первого мужа.

С. 95. *Литература (печать)... «Шестая держава».* – Этот «опавший листок» был поставлен в «Уединенном» взамен арестованного.

С. 96. *...Никита и Акулина «в обновках»* – Л. Н. Толстой. Власть тьмы, д. III, явл. 7–8.

...и тут Кропоткин с астрономией... с «дружбой Реклю»... – П. А. Кропоткин никогда не занимался астрономией и физикой. Вероятно, в печати было сообщение о его брате А. А. Кропоткине и его занятиях астрономией и физикой. Дружба с Ж.-Ж. Э. Реклю, французским географом и социологом, длилась у Кропоткина с 1872 по 1905 г.

С. 97. *...у Венгерова...* – С. А. Венгеров, историк литературы, библиофил. Под его редакцией выходила «Библиотека великих писателей» (СПб., изд. Брокгауза и Эфрона), богато иллюстрированная и комментированная. Собрание сочинений Пушкина вышло в 6 томах (1907–1915).

...издание Жуковского... – Сочинения Александра Пушкина: В 11 т. СПб., 1838–1841. В подготовке издания принимал участие В. А. Жуковский, разбиравший после смерти поэта его рукописи, которые составили 3 тома издания.

...отрывки в «Северн. Цветах»... 2 книжки «Северн. Цвет.»... – «Северные Цветы» – литературный альманах, выходивший в Петербурге в 1825–1831 гг., в котором были опубликованы многие произведения Пушкина.

Им бы издавать Бонч-Бруэвича... – Розанов, видимо, имеет в виду многотомное издание В. Д. Бонч-Бруевича «Материалы к истории и изучению русского сектантства» (СПб., 1908).

...как медведь Татьяну в известном сне. – А. С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 5, XI–XXI.

Не прикасайся к моим кругам – по преданию этими словами Архимед обратился к римскому воину, ворвавшемуся в его дом в захваченных римлянами Сиракузами.

С. 98. *И пусть бесчувственному телу...* – неточное цитирование стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

С. 99. *Все жду, когда Григорий Спиридонович П-в напишет свою автобиографию.* – С либеральным священником Г. С. Петровым Розанов познакомился, видимо, в 1899 г., после того как написал рецензию на его книгу «Евангелие – как основа жизни» (СПб., 1898) под заглавием «Религия – как свет и радость» (НВ. 14 апр.). Священник вскоре рекомендовал его И. Д. Сытину. Так Розанов стал сотрудничать в «Русском Слове».

Не один Кутузов имел себе Михайловского-Данилевского... – А. И. Михайловский-Данилевский, адъютант М. И. Кутузова, автор книги «Описание Отечественной войны в 1812 году» (СПб., 1839. Ч. 1–4). В 1911 г. это сочинение было переиздано к столетнему юбилею Отечественной войны.

... «на седалище Моисеевом»... – место первосвященника (Мф. 23, 1–2).

...«скука и томление духа»... – Еккл. 1, 14; 4, 4.

С. 100. *Опорки, лапти, смазные, «от Вейса»* – фабрика и магазин дорогой обуви Вейса в Петербурге (Гороховая, 61).

...О Рылееве... императора Александра II... – речь идет о генерал-адъютанте Имп. Александра II А. М. Рылееве (ок. 1827–1907).

...рассказ (Маслова?)... – А. Н. Маслов (1852–1922, писал под псевдонимом Бежецкий) – прозаик, драматург, с 1908 г. генерал-лейтенант, с 1877 г. военный корреспондент «Нового Времени».

Из этого вывод: явно, что Государи представляют собою не только «форму величия», существо «в мундире и тоге»... ничего и не показано... – Скрытая полемика с М. П. Соловьёвым. Ср.: «Народ должен видеть царя не иначе, как в ризе. Так рисуют на лубке и так должен изображать каждый Карамзин. А приватные разговоры – это другое дело. Они не имеют значения и могут быть свободны» (*Розанов В. В.* Загадки русской провокации. М., 2005. С. 12).

С. 101. *...Незлобина-Дьякова прокляли таким негодованием...* – Судьба А. А. Дьякова писавшего под псевдонимом Незлобин, типична для писателей, примкнувших в 70-х гг. к революционному движению, а потом отшатнувшихся от него.

С. 102. *...Струве накинулся на меня...* – Имеется в виду статья П. Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком» (Русская Мысль. 1910. № 12).

...хотя у Вергежской... – Розанов посещал в 1905–1906 гг. дом А. В. Тырковой, писательницы и журналистки, члена кадетской партии. В печати выступала под псевдонимом А. Вергежский.

...получив письмо от Г-на, что Сто-р перестал у меня бывать... за мою «имморальность»... – письмо М. О. Гершензона к Розанову нам не известно. Розанов отвечал на него в начале мая 1909 г., где писал: «Мне печально, что меня разлюбил Столпнер (такой исключительный человек)» (Новый мир. 1991. № 3. С. 219). Но это еще не был полный разрыв Столпнера с Розановым, если учесть рассказ последнего: «Ссора наша и расхождение началось из-за того, что он решительно ненавидел Достоевского, – ненавидел такою ненавистью, кк. я ни у кого не встречал... я почувствовал, что Столпн. не любит русского народа, а главное для него: "Мы, евреи". Раз я и сболтнул ему тоже в задумчивости: "Знаете, когда задумаешь обобрать карманы человеку, то сперва перевернешь галстух. Так у нас делывали в Костроме (рассказы в детстве слышанные). И евреи захватывают печать в России и Европе, чтобы народы не смогли кричать". Он ужасно заволновался. Был бешен. И ушел, едва подав и даже отдернув при прощании руку» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 725. Л. 43–47).

С. 103. *Раз на взморье шел дождь.* – Сюжет этого отрывка Розанов рассказал в предисловии ко 2-му изд. «В мире неясного и нерешенного» (М., 1995. С. 14–15).

Он был «профессором богословия»... – речь идет о священнике П. Д. Городцеве. См. о нем: *Розанов В. В.* Около церковных стен. М., 1995. С. 99.

С. 104. *«Чем в Риме быть вторым – предпочитаю быть в деревне первым».* – Как рассказывает Плутарх в «Изречениях царей и полководцев» (Юлий Цезарь, 5), Цезарь, проезжая через альпийский городок, сказал: «Я хотел бы лучше быть первым здесь, чем вторым в Риме».

«Синтетическая философия». – Сущность этой системы изложена в кн.: *Джордж Г.* Синтетическая философия Герберта Спенсера. Критический очерк. М., 1900.

«О воспитании умственном, нравственном» и еще каком-то... – речь идет о кн.: *Спенсер Г.* Воспитание умственное, нравственное и физическое. СПб., 1877.

«British Illustration» – периодическое издание под таким названием не существовало. Очевидно, имеется в виду популярный лондонский иллюстрированный журнал «Панч», издаваемый с 1841 г.

С. 105. *...«пошлость пошлого человека».* – Н. В. Гоголь. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ», 3.

...рассказ Репина... – Розанов переписывался и посещал И. Е. Репина в 1909–1910 гг.

С. 106. *...с дикириями и трикириями* – двусвечник и трисвечник, которыми архиерей во время богослужения осеняет верующих из обеих рук. Означают свет евангельского учения.

Проклятая колдунья с черным пятном в душе... – ср. описание колдуньи в повести «Майская ночь или утопленница»: «Тут Левко стал замечать, что тело ее не так светилось, как у прочих: внутри его виделось что-то черное».

С. 107. *«новые христиане»* – см. книгу К. Н. Леонтьева «Наши новые христиане» (М., 1882) о Достоевском и Л. Толстом.

...он сидел с прорезанным горлом... – А. С. Суворин умирал от рака горла. См. фотопортрет умирающего Суворина в кн.: Письма Суворина В. В. Розанову. СПб., 1913 (то же: *Розанов В. В.* Признаки времени. М., 2006. С. 275).

С. 108. *Пора его «Незнакомства»...* - Суворин в первый период своей журналистской деятельности (печатался под псевдонимом Незнакомец) выступал в «С.-Петербургских Ведомостях» (1863–1874) и «Московских Ведомостях» (1872–1874). Под этим псевдонимом вышла и его книга «Очерки и картинки» (СПб.,1875).

...во все умеют воплощаться. - Ср.: «Воплотиться в душу семипудовой купчихи» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 77).

С. 109. *...написал «трагическое письмо» к Прудону...* – имеется в виду письмо А. И. Герцена к П. Ж. Прудону 26 декабря 1851 г., в котором сообщал, что, возвращаясь в Ниццу из Парижа, близ Иерских островов пароход, на котором были мать и малолетний сын Герцена Коля, при столкновении с другим пароходом затонул (15 ноября 1851 г.).

...об Фл-м... – о П. А. Флоренском.

...письме Уст-го... – А. П. Устьинского.

С. 110. *Так проходит земная слава* – из книги Фомы Кемпийского (ок. 1380–1471) «О подражании Христу», 1, 3, 6.

С. 111. *...по прочтении Гарриса об «Уединен.»...* – (*Каллаш М. А.* «Уединенное» // Утро России. 1912. 15 марта. Подп.: Гаррис). М. А. Каллаш – одна из тех деятелей, которая «перевернулась», оказавшись в изгнании. Она написала о Розанове книгу уже с новых положительных позиций (О Розанове. Париж, 1939; под псевдонимом: М. Курдюмов). См.: Настоящая магия слова: В. В. Розанов в литературе русского зарубежья. СПб., 2007.

...в окружном суде... – то есть по делу ареста «Уединенного».

...о поэте Б-те... – о К. Д. Бальмонте.

С. 112. *Был Ницше: и «Антихрист» его заговорил...* – имеется в виду сочинение Ф. Ницше «Антихрист» (1888).

...на той же визитной карточке Макаревского... – М. И. Макаревский, служащий Синода, сотрудничал в «Правительственном Вестнике».

С. 114. *...Евг. Ив...* – имеется в виду Евгения Ивановна Апостолопуло (урожд. Богдан), помещица Бессарабской губ., в имении которой «Сахарна» в 1913 г. проводил Розанов с семьей летний отпуск. Розанов был знаком с ней по заседаниям Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг.

...Поехали к Лид. Эр... – Лидия Эрастовна – жена И. А. Гофштеттера, сотрудника «Нового Времени». Розанов и его жена примерно до 1905 года были дружны с семьей Гофштеттеров.

...думая иногда о Фл., крещу его в спину с А... – речь идет о П. А. Флоренском и его жене Анне Михайловне (урожд. Гиацинтова).

С. 115. *«Письма Тургенева к Виардо»* – в 1900 г. в Москве вышли две книги: «Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям» (изд. Д. П. Ефимов) и «Письма И. С. Тургенева к Паулине Виардо» (Университетская типография).

...тут я был «иностранец», – «восхищенным Анахарсисом»... – Анахарсис (VI в. до н. э.) – скиф, брат скифского царя Савлия. Движимый жаждой просвещения отправился в путешествие по Греции и вступил в отношения с Солоном. Розанов опирается на роман Ж. Ж. Бартелеми «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию» (1788), переведенный на все европейские языки, в том числе и на русский (1803–1819 и др.).

С. 116. *...за статьей по поводу пожарного съезда...* – Съезд проходил в Петербурге 21–23 мая 1912 г. См.: *Розанов В.* Наша прислуга, пожары и деревенская школа // НВ. 1912. 28 мая и 1 июня.

Напрасно я обижал Кускову... – см.: *Розанов В.* «Раненая» молодежь // НВ. 1912. 4 и 7 янв. Екатерина Дмитриевна Кускова, публицист.

«Трепетное дерево» – этюд «Трепетное дерево» первоначально был опубликован в 1901 г. в «Мире Искусства» № 10. Позднее вошел в состав арестованной и по решению суда ликвидированной книги Розанова «В темных религиозных лучах» (СПб., 1909). После уничтожения книги Розанов сформировал две книги: «Темный Лик» и «Люди лунного света». Этюд вошел в «Темный Лик».

...в предисловии к «Люд. лун. света» – уже все «Уедин.»... – предисловие к первому изданию книги: «Люди лунного света. Метафизика христианства» (СПб., 1911) подписано 16 апрелем 1911 г., а самые ранние датировки «опавших листьев» «Уединенного» относятся к 1909 г. Последние же «опавшие листья» «Уединенного» датируются декабрем 1911 г. Следовательно, упомянутое «предисловие» написано в зрелом периоде формирования жанра. Зарождение стилистики «опавших листьев» происходило в 1909 г. в жанре газетных статей Розанова под рубрикой «маленький фельетон».

С.118. *...читая Перцова...* – речь идет о статье П. П. Перцова «Толстой и религия» (Голос Москвы. 1912, 13 мая) по поводу статьи Н. А. Бердяева «Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого» из «Сборника второго» «О религии Льва Толстого» (М., 1912).

Перечитал свою статью о Леонтьеве... – см.: *Розанов В. В.* Неузнанный феномен // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Литературный сборник. Пб., 1911. С. 163–184. Эта же статья 1903 г. открывала публикацию Розанова: Из переписки К. Н. Леонтьева // Русский Вестник. 1903. №№ 4, 5, 6.

С. 119. *Прошлым летом прочел одну...* – см. рассказ Ф. О. М. Вилье де Лиль-Адана «Девицы Бьенфилатр» (Утро России. 1911. 17 июля) в переводе А. Ф. Даманской.

С. 120. *...«неразменный рубль»...* – перекличка с заглавием Н. С. Лескова «Неразменный рубль» (1883) из его «Святочных рассказов».

С. 123. *...«пахитоски»...* – папиросы, завернутые в лист кукурузы.

С. 124. *...собирался позвать их Смердяков* – см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 205.

...«Кристаллы человеческого духа»... Леднев (псевдоним)... – имеется в виду философ, экономист и сотрудник «Биржевых Ведомостей» Иван Васильевич Свечин, и его книга «Кристаллы духа и отношения духа и материи» (1896), изданная под псевдонимом П. Леднев.

С. 125. *Он был самоотверженный человек и не жил с своей женой* – речь идет о С. Ф. Шарапове, публицисте, экономисте, редакторе и издателе. Розанов сотрудничал в его еженедельной газете «Русский Труд» (1897–1899).

С. 126. *...отца не видал...* – Отец Розанова Василий Федорович, сын Федора Никитича Елизарова, первого священника церкви Рождества-Богородицы села Матвеево Кологривского уезда Костромской губернии. Отдавая сына в Костромскую семинарию, отец по тогдашнему обычаю, выбрал сыну новую фамилию Розанов. Не продолжая священническую традицию предков, он выбрал после окончания семинарии чиновничью службу, которую проходил в дальнем углу Костромского края Ветлуге в администрации уезда. Здесь он скоропостижно умер от пневмонии. Розанову было тогда неполных пять лет, и он мало помнил отца.

С. 127. *...последние года два больная* – Н. И. Розанова – мать писателя.

...из писем к Коле... – письма матери Розанова к своему старшему сыну в Казань, где он учился в университете в 1868–1871 гг.

...«Училище благочестия» и там помню историю «О Гурие, Самоне (?) и Авиве»... – см.: Ужаснос вероломство, Богом наказанное, или Чудо

святых мучеников Гурия, Самона и Авива // Училище благочестия, или Примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых. 14-е изд. СПб., 1889. Т. 2. С. 316.

...«За-Сосну»... – Сосна – речка, разделяющая город Елец на две половины.

С. 128. *«Как могут быть синтетические суждения...»*. – И. Кант. Критика чистого разума. Введение.

Санюша – Александра Бутягина.

...«Ленская забастовка»... – имеется в виду забастовка рабочих на Ленских золотых приисках и расстрел демонстрации 4 апреля 1912 г.

С. 129. *Как устарела (через 17 лет) моя статья из «Русск. Вестн.» (вырезанная, – цензура)...* – Имеется в виду «О подразумеваемом смысле нашей монархии», вырезанная из июльской книжки «Русского Вестника» за 1895 г. (издана отдельно в 1912 г.).

...Последняя туча разорванной бури... – Розанов неточно цитирует первую строку стихотворения А. С. Пушкина «Туча» (1835).

С. 130. *Памятники не удаются у русских (Гоголю, и т. д.)...* – Розанов имеет в виду памятник Гоголю скульптора Н. А. Андреева, установленный в честь столетнего юбилея писателя в Москве на Арбатской площади в 1909 г.

С. 131. *...скиния Моисея...* – палатка, шатер. Скиния свидания или свидетельства, т. е. место, где Господь свидетельствовал о Себе людям, сообщал им свои откровения.

...разрушение храма и Иерусалима... – в 70 г. до н. э. город и храм Соломона (X в. до н. э.) были до основания разрушены римлянами под руководством Тита.

Рассказ о вдове из Сарепты Сидонской... – 3 Цар. 17, 9–24.

...«разверстыми ложеснами» (Достоев.). – Ложесна – женская утроба, вульва; слова Смердякова в «Братьях Карамазовых»: «Ты, дескать, ей ложесна разверз» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 204).

С. 132. *...о Ц–ве...* – т. е. о С. А. Цветкове.

Сравнивали с «Испов.» Р... – С «Исповедью» (1766–1769) Ж. Ж. Руссо сравнивал В. А. Кожевников (1852–1917), московский философ и историк культуры. О книге Розанова «Уединенное» 14 апреля 1912 г. он писал Розанову: «Каяться нам, грешным, все-таки надо, тайно ли, явно ли! Но если уж исповедовать себя не только «Господеви», но и людям (ибо и они ведь – Божьи!), то, конечно, так, как ставший христианином язычник Августин или как оставшийся язычником католик Монтэнь, а не как напудренный жеманный Руссо, ни даже как любующийся собою олимпиец Гёте, у которого в «Wahrheit und Dichtung» претворяется в Dichtung» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 494).

С. 133. *«Передовые» я любил писать в приемной нашей газеты...* – «передовые», или редакционные статьи в «Новом Времени» печатались сотрудниками газеты без подписи. Они выражали общую позицию газсты. Розанов часто использовал их в своих сборниках.

Афонька – генерал-контролер Государственного контроля, писатель, издатель А. В. Васильев. Был непосредственным начальником Розанова, когда

он служил в департаменте по железнодорожной отчетности. Есть сведения, что Васильев был незаконнорожденным сыном Т. И. Филиппова.

...все добрая В... – т. е. Варя, жена.

Протек. – В. П. Протейкинский.

...в корректуре верстаемого номера... – журнала «Мир Искусства» (1899. № 13–14. С.1–10).

Когда в Рел.-ф. обществе читали мои доклады... – З. Н. Гиппиус вспоминала: «Розанов на Собраниях не только не произносил речей, но и рот редко раскрывал. Какие "речи", когда ни одного доклада своего, написанного, он не мог прочесть вслух. Другие читали. Ответы на возражения тоже писал заранее к следующему разу, а читал опять кто-нибудь за него» (В. В. Розанов: Pro et contra. Т. 1. С. 151).

С. 134. *...из письма Волжского...* – в письмах А. С. Глинки-Волжского к Розанову (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 414) такого выражения не обнаружено.

Пук злобных рецензий на «Уед.» – вырезки этих рецензий хранятся в архиве Розанова (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 888).

С. 135. *Перипетии отношений моих к М.* – С Мережковским Розанов стал расходиться в конце 1908 г. Позднее он опубликовал несколько статей, направленных против него. См.: Литературные симулянты // НВ. 1909.11 янв.; Мережковский против «Вех» // НВ. 1909. 27 апр. Наконец, «Письмом в редакцию» Розанов объявил о выходе из состава совета Религиозно-философского общества, «дабы не нести ответственности за измену прежним, добрым и нужным для России целям». Розанов предъявляет обвинение тройке (Мережковский, Философов, Гиппиус), превратившей Общество в «частный, своего рода семейный кружок: без всякого общественного значения» (НВ. 1909. 17 янв.).

То же было с Блоком: после оскорбительной статьи о нем, – он издали поклонился, потом подошел и протянул руку. – О Блоке Розанов напечатал три «оскорбительные» статьи: Автор «Балаганчика» о петербургских Религиозно-философских собраниях // Русское Слово. 1908. 25 янв.; Трагическое остроумие // НВ. 1909. 9 февр.; Попы, жандармы и Блок // НВ. 1909. 16 февр. После последней статьи Блок обратился с письмом к Розанову (*Розанов В. В.* Мысли о литературе. М., 1989. С. 516–518).

С. 136. *...потом М. и Ф. поили в «Рус. Сл.» и потребовали: «Мы или он (Варварин) участвуем в газете».* – В 1905–1911 гг. Розанов наряду с сотрудничеством в «Новом Времени» принял приглашение И. Д. Сытина участвовать в его московской газете «Русское Слово». Соглашение было негласным (А. С. Суворин не разрешал) и Розанов печатался под псевдонимом В. Варварин. Розанов все более и более возвращался к консерватизму и стал открыто выступать против либерализма и своих бывших друзей. После требования Мережковского и Д. В. Философова удалить Розанова из «Русского Слова» редактор газеты Ф. И. Благов (зять Сытина) отказался от сотрудничества Розанова, предпочитая первых.

С. 137. *И царства ею сокрушатся...* – неточная цитата из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779).

С. 138. *Был Сологубовский вечер, с плясавицами («12 привидений»?).* – Речь идет о драматической сказке Федора Сологуба «Ночные пляски», поставленные Н. Евреиновым при участии известных литераторов и художников. Спектакль был показан дважды: 9 марта на сцене Литейного театра и 20 марта 1909 г. в зале А. Павловой на Троицкой ул.

С. 139. *...София Андреевна не очень была довольна, что мы приехали...* – Розанов с Варварой Дмитриевной решил посетить Толстого в Ясной Поляне в начале 1903 г., известив его письмом. 21 января Толстой отвечал ему отказом в связи с пережитой болезнью и обещал написать. 28 февраля Толстой отвечал на письмо Розанова, где писал: «Теперь я особенно усердно прошу вас об этом, так как мне бы было очень больно думать, что я вызвал неприятное чувство в добро расположенном ко мне человеке, которого я знаю по Н. Н. Страхову. Он любил и ценил вас...» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 74. С. 57). Свидание произошло 6 марта 1903 г. 10 марта Толстой писал брату С. Н. Толстому: «Был у меня на днях Розанов. Мало интересен» (Там же. С. 67).

...по поводу ее «Открытого письма к Л. Андрееву»... – в «Новом Времени» 7 февраля 1903 г.; см. также: *Розанов В.* О письме гр. С. А. Толстой // НВ. 1903. 11 февр.

Встретясь... с поэтом С. и женой его... – речь идет о Ф. К. Сологубе и А. Н. Чеботаревской, которые вступили в брак осенью 1908 г. В недатированном письме к Чеботаревской Розанов писал: «А знаете ли, что я в «Опав. Листьях» описал Ваш хороший (и, д. б., высокий) бюст? Не показывайте Фед. Кузь., а то, черт его дери, «по морде даст», что в мои годы нехорошо» (ОР ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 234.).

Петр Петрович Петух – персонаж из второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

С. 140. *Прозрачен воздух, небо блещет...* - неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» (1828–1829).

С. 141. *...«нравы Растеряевой улицы»...* – одноименное название цикла очерков Г. И. Успенского 1866 г.

С. 143. *...«свою веру в этого человека»...* – Михаила Павловича Бутягина, первого мужа жены Розанова.

...подготовительно 1886–1890 гг. – точнее, в 1887-1891 гг., когда Розанов переехал в Елец.

С. 144. *...около Тюрсево, за Териоками...* – в Финляндии. Розанов снимал летнюю дачу в местечке Лепенево под Териоками в 1908 г. Один из фельетонов он подписал в это лето «Дачник из Териок» (НВ. 1908. 20 июля).

...Белинский лишь незадолго... «Когда для смертного умолкнет шумный день» – имеется в виду характеристика В. Г. Белинским стихотворения «Воспоминание» (1828) в пятой статье о Пушкине (1844).

Стогны – площади, широкие улицы (*уст., поэт.*).

С. 145. *Я вижу в праздности, в неистовых пирах...* – это рукописное окончание стихотворения во времена Розанова публиковалось как продолжение «Воспоминания».

«Катакомбы» (1866) - повесть русской писательницы Евгении Тур (наст. имя Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир).

С. 149. *...вспомнив вечеринку в Брянске...* – Розанов преподавал после окончания Московского университета в Брянской прогимназии в 1882–1887 гг.

...кроме «лунных людей»... – намек на определение монахов в книге Розанова «Люди лунного света» (СПб., 1910, 2-е изд. 1911).

И ничего во всей природе... – заключительные строки стихотворения А. С. Пушкина «Демон» (1823).

С. 150. *...Сиверская – Петербург...* – на станции Сиверская Розанов снимал летом 1912 г. дачу для семьи.

Суккубы – в средневековой мифологии – женские демоны, домогающиеся мужской любви.

С. 151. *Прочел в «Русск. Вед.»... по поводу натолкнувшейся на камни возле Гельсингфорса миноноски...* – речь идет о гибели миноносца № 136 летом 1912 г. Из-за ошибки штурмана корабль водоизмещением 120 тонн наскочил на камень, получил пробоину и затонул.

...нас били при Цусиме, Шахэ, Мукдене... – имеются в виду события в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.: разгром русской Тихоокеанской эскадры 14–15 мая 1905 г. в Корейском проливе у острова Цусима; крупное сражение 22 сентября – 4 октября 1904 г. на реке Шахэ в северо-восточном Китае и разгром русских армий 6–25 февраля 1905 г. в китайском городе Мукдене.

С. 152. *...«задачника» Евтушевского...* – имеется в виду «Решение арифметических задач В. А. Евтушевского» (СПб., 1905).

С. 153. *Передонов* – герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1907), невежественный и тупой учитель гимназии. Передоновым назвал Розанова Иванов-Разумовский в статье «В. Розанов» (см. статью Розанова «Бляха № 101»; НВ. 1911. 17 дек.).

С. 155. *Вдруг резчика «мещанин в чуйке»... полоснул по морде.* – Розанов неточно передает сюжет из романа «Преступление и наказание» (рассказ красильщика-мастерового в передаче Разумихина).

С. 156. *...прав старый мой вопрос Соловьёву («О свободе и вере»): «Да зачем вам свобода?»...* – статья Розанова 1894 г. (Русский Вестник. № 1), вызвавшая обширную полемику с Вл. Соловьёвым.

Гимназистка «новой школы с лучшими методами» – речь идет о дочери Вере, ученице частной Стоюнинской гимназии, которую она окончила в 1913 г. Розанов в этом году написал очерк «Бедные наши дети» (НВ. 1912. 27 июня), в котором скептически относится к «новым веяниям в педагогике». Об этом в своих воспоминаниях писал философ Н. О. Лосский, женатый на дочери Стоюниной.

Приехала с экскурсии... – речь идет о дочери Вере, которая вместе с Таней летом 1912 г. сздила в составе гимназической группы в Киев.

С. 157. *...в примечании к чужой статье... Фози, Сикорскому...* – Розанов имеет в виду свою книгу «В темных религиозных лучах» (1911), где в примечаниях фигурируют эти имена.

С. 161. *Я боюсь, среди сражений...* – неточное цитирование стихотворения А. С. Пушкина «Из Гафиза» (1829).

С. 163. *Habeas corpus* – Закон о неприкосновенности личности, принятый английским парламентом в 1679 г.; здесь: основной, самый важный закон.

С. 165. *...спор Юркевича с Чернышевским...* – эта полемика 60-х гг. началась с анализа работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (Современник. 1860. № 4–5) П. Д. Юркевичем (см.: Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1850. № 4. Без подписи). Чернышевский отозвался презрительной насмешкой о «семинарском образовании» критика. Это вызвало отклики в журналах. «Для всех сколько-нибудь понимающих людей было ясно, что Чернышевский поступил бестактно, грубо с человеком, который заслуживал иного обращения. История с Юркевичем облетела всю Россию, и журналы не могли молчать» (*Волынский А. Л.* Русские критики. СПб., 1896. С. 302–303).

...спор Пуришкевича и Милюкова... – На заседаниях Государственной Думы между депутатами В. М. Пуришкевичем, реакционером и П. Н. Милюковым, либералом, часто происходили резкие столкновения. См. «Русские Ведомости» 1910. 18 мая.

...чванливо-ненавидяще-надутый Т. И. Ф. – на службу в Государственный контроль Розанов поступил в марте 1893 г. Этому способствовал сам министр Т. И. Филиппов, пришедший к власти во время царствования императора Александра III, поощрявшего славянофильские умонастроения в политике. Как бывший почвенник и друг К. Н. Леонтьева, Филиппов приглашал в свое министерство из сочувствующих славянофильским идеям. Под таким знаком сюда был приглашен и Розанов. Однако личная встреча выявила полную невозможность сотрудничества.

С. 166. *...дети и жена и весь «юридический непорядок» около них...* – т. е. «незаконнорожденные» дети.

...поворот «вправо» много был вызван Н. Р. Щ., Ф.л. и Цв. – имеются в виду Н. Р. Щербова, П. А. Флоренский и С. А. Цветков.

...«идейные скитания»... – парафраз названия мемуаров Ап. Григорьева «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862, 1864).

С. 167. *...на письме Г-а об евреях...* – имеется в виду письмо Гершензона к Розанову от 18 января 1912 г. (Новый мир. 1991. № 3. С. 228).

С. 168. *Единственный, кого я встретил...* – речь идет о П. А. Флоренском.

С. 169. *...«средний европеец» и «буржуа в пиджаке»...* – См. статью Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» // Собр. соч. М., 1912. Т. 6. С. 1.

Спрашивал Г. о «Пути» и Морозовой... – «Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва» было образовано осенью 1906 г. по инициативе В. Ф. Эрна, С. Н. Булгакова и В. П. Свенцицкого. Расцветом Общества было образование издательства «Путь», которое субсидировала представительница богатого купеческого рода М. К. Морозова. Большую роль в организации издательства сыграл философ, последователь Вл. Соловьёва князь Е. Н. Трубецкой. В «Пути», с которым сотрудничал М. О. Гершензон, вышли издания: Сочинения И. В. Киреевского (в 2-х томах); Сочинения П. Я. Чаадаева (в 2-х томах); «Столп и утверждение Истины» П. А. Флоренского; «Борьба за Логос» В. Ф. Эрна; «Два града», «Свет невечерний» С. Н. Булгакова: «Философия свободы» Н. А. Бердяева и др.

С. 170. *«Религиозные философы на Руси»* – имеется в виду кн.: *Антонов Н. Р.* Русские светские богословы и их религиозно-общественное миросозерцание. Литературные характеристики. СПб., 1912. Т. 1, на которую Розанов написал рецензию (НВ. 1912. 29 окт.).

Уроди нам, Боже, – *хлеб...* – Неточная цитата из стихотворения А. В. Кольцова «Песня пахаря» (1831).

...«гуляку праздного»... – см.: А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери (1830).

С. 171. *...«не нужно обрезания»* – Гал. 1, 6.

...хрестоматии Галахова... – имеется в виду составленная А. Д. Галаховым «Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» (СПб., 1842. Ч. 1–2), выдержавшая до 1918 г. 40 изданий.

Вральман – учитель в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (1782).

С. 172. *...Апис...* – в египетской мифологии бог плодородия.

...«телец из золота»... – Исх. 32, 1–5.

...воздвиг в Вефиле Иеровоам... – 3 Цар. 12, 28–33.

С. 173. *...сын ее, т. е. матери моей, но от другого мужа* – речь идет о сыне жены младшего брата Розанова Сергея Васильевича. Розанов беседует с племянником Геннадием, который поддерживал родственные отношения с дядей. Брат Сергей не поддерживал их, рассердившись на старших братьев Николая и Василия.

С. 174. *«Прочел в «Уедин.», что у вас 35 000»...* – Просьба студента была вызвана тем, что Розанов после приведенных слов приписал: «И все как-то ненужно».

Выставился Оль-д-Ор... – О. Л. д'Ор – псевдоним петербургского журналиста О. Л. Оршера, имя которого было для Розанова воплощением массовой культуры.

С. 175. *Лот* – мера веса, равная 12,8 г.

С. 176. *...«на Волховом мосту»* – имеются в виду выборы по принципу «стенка на стенку» на новгородском мосту через Волхов.

Иван III... послал Вечевой Колокол... – С. М. Соловьёв пишет в «Истории России с древнейших времен», что 5 марта 1478 г. Иван III после присоединения Новгорода вернулся в Москву. «За ним привезли из Новгорода вечевой колокол и подняли на колокольню на площади кремлевской звонить вместе с другими колоколами» (Соч. М., 1989. Т. 3. С. 32).

Выборы в 4-ю Думу – проходили в сентябре – октябре 1912 г.; заседала с 15 ноября 1912 г. по 6 октября 1917 г.

Славянское Общество – Славянское благотворительное общество в Петербурге, созданное в 1868 г.

...певца «белой дьяволицы». – «Белая дьяволица» – название первой книги второй части в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист». См. слова З. Н. Гиппиус в воспоминаниях И. Одоевцевой: «Меня ведь Белой Дьяволицей звали» (*Одоевцева И.* На берегах Сены. М., 1989. С. 56).

С. 177. *...несть «эллин и иудей»* – Кол. 3, 11.

...К. Леонтьев... своим постригом... – К. Н. Леонтьев в августе 1891 г. принял постриг от Амвросия Оптинского, получив монашеское имя Климент.

С. 178. *...«французских коммун», описанных Авг. Тьери...* – речь идет о книге Огюстена Тьерри «Городские коммуны во Франции в средние века» (СПб., 1901).

Спорят (свящ. Аггеев), был ли он христианин или язычник. – Агеев К. М. Христианство и его отношение к благоустройству земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Леонтьевым понимания христианства. Киев, 1909.

...Л-в так и отзывается об отце своем... – *Леонтьев К. Н.* Страницы воспоминаний. СПб., 1922; *Он же.* Рассказ моей матери об Императрице Марии Феодоровне // РВ. № 4. С. 77–104; № 5. С. 49–82.

...Старый муж... – строки песни Земфиры из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

С. 179. *«И ты, Камбиз, – пронзай Аписа»* – ср.: «Когда Камбис снова прибыл в Мемфис, «явился» египтянам Апис <...>. Когда жрецы привели Аписа, Камбис как безумный выхватил кинжал и, желая ударить животное в брюхо, рассек ему только бедро» (*Геродот.* История. Л., 1972. С. 146–147).

...куда девать «битву с Лицинием»... хоругвь Константина с монограммой Христа... – В борьбе за власть в Риме император Константин разбил Лициния и казнил его в 324 г. Надпись «Сим знаменем побеждиши» император Константин увидел во сне на кресте перед битвой со своим соперником, противником христиан Максенцием.

Лабарум – главное войсковое знамя императора Константина с начальными буквами Иисуса Христа.

...Камбиз, идущий на Египет... Александр, завоевывающий Персию... – Камбис совершил завоевательный поход в Египет в 525–522 гг. до н. э. Александр Великий завоевал Персию в 334 г. до н. э.

...победы Александра над Дарием и Пором... – Александр Великий одержал победу над Дарием в 331 г. до н. э., над Пором – в 326 г. до н. э.

С. 180. *Повесть Вл. Соловьёва о «монгольском завоевании Европы»...* – имеется в виду книга «Три разговора» (1899–1900).

...что́ обратило «Савла» в «Павла»... – апостол Павел был сначала гонителем христиан, а затем перешел в христианство, сменив имя Савла на Павла.

С. 181. *...«Из жизни христиан в Турции»...* – повесть К. Н. Леонтьева из книги «Восток, Россия и Славянство» (1885–1886).

Фустанелла – широкая юбка – часть греческого мужского национального костюма.

...Сотири... – персонаж в статье К. Н. Леонтьева «Панславизм на Афоне» (1873), статья вошла в его книгу «Восток, Россия и Славянство».

...блаженны нищие духом... – Мф. 5, 3; Лк. 6, 20.

С. 182. *...«метание бисера перед свиньями».* – Мф. 7, 6.

...обобрал издатель... – Розанов намекает на скандал с издателем М. В. Пирожковым, который издал книги: «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского, 3-е изд. СПб., 1906; Около церковных стен. СПб., 1906. Т. 1–2. Он издавал также Д. С. Мережковского, Н. А. Бердяева и др. Пирожков выпустил свыше оговоренного тиража и обанкротился. Розанов так и не получил обусловленный гонорар.

Величественный шарлатан, с такой германской походкой... – Вероятно, имеется в виду врач А. А. Наук.

С. 186. *...велело его... охранять.* – 9 августа 1907 г. тульский губернатор прислал в Ясную Поляну пристава и четверых городовых для охраны Л. Н. Толстого.

С. 188. *P.S. ...P.P.S.* – Эти записи в конце книги «Опавшие листья» <Короб первый> (СПб., 1913) были напечатаны в разделе «Поправки».

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Короб второй и последний

Печатается по кн.: *Розанов В.* Опавшие листья. Короб 2-й. Пг.: <Изд-во Лукоморье>. Тип. А. С. Суворина, 1915. Восстановлены цензурные пропуски. В «Книжной летописи» 1 августа 1915 г. сообщалось о выходе книги тиражом 2450 экз.

Корректуру издания 1915 г. держала знакомая Розанова З. И. Барсукова. 3 апреля 1915 г.: «Большое, большое спасибо Вам за то, что доверили мне корректуру «Опавших листьев». Буду заниматься ею с любовью и наслаждением» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 25).

Издание второго короба «Опавших листьев» в отличие от «Уединенного» и первого короба «Опавших листьев», которые он издавал за свой счет, взяло на себя издательство «Лукоморье», принадлежавшее Н. Ю. Лисенко, жене М. А. Суворина. Однако в связи с войной и революцией владельцы так и не выплатили Розанову гонорар (письма Розанова к Н. Ю. Лисенко 1917 г.; РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 272).

В письме Э. Голлербаху 7 июня 1918 г. Розанов, готовивший продолжение «Опавших листьев», пишет: «Вы знаете, что мое «Уед.» и «Оп. л.» в значительной степени сформированы под намерением *начать литературу с другого конца*: вот с конца этого уединенного, *уединения*, «сердца» и «своей думки» (Письма В. В. Розанова к Э. Голлербаху. Берлин, 1922. С. 41). Позднее, в августе 1918 г., он писал: «В «Опав. листьях» я дал в сущности «всего себя» (там же. С. 53). В прижизненном издании каждая запись второго короба «Опавших листьев» напечатана не с новой страницы, как в первом коробе, а подряд, причем записи отделялись друг от друга графической заставкой.

С. 192. *Какое-то «Таро»...* – Предсказательное Таро, или Ключ всякого рода карточных заданий (Сост. доктор Папюс. Пер. с фр. СПб., 1912).

Вялые знания – бесценны. – В издании 1915 г. напечатано *безценны*. Исправляем по контексту.

С. 193. *Я ему сказал разные экивоки и «сомнения» за годы Рел.-фил. собраний* – священнику И. П. Слободскому; см.: Записки Петербурских Религиозно-философских собраний. 1901–1903. М., 2005. С. 231, 234, 372.

С. 194. *«Ты тронь кожу его»...* – обычный для Розанова перифраз. См.: Иов, 2, 4–5.

...крестом или камилавкой... – в «Смертном», куда вошел весь отрывок, вместо этих слов стоит: «Набедренником, и какие еще им там полагаются «прибавки к благодати» и в сущности в «благодатном расположении начальства». Камилавка – шапка у монашествующих черная, у белого духовенства – фиолетовая. Набедренник – одно из священнических облачений, означающий «меч духовный», т. е. оружие слова Божия. Его носят только те священники, которые имеют какое-либо особое достоинство.

...письмо попа Альбова – в апреле 1912 г. священник И. Ф. Альбов, который был дружен с Розановым, написал гневное ему письмо по поводу бесплодия его, Альбова, о чем было написано в «Уединенном» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 350).

С. 195. *...кому стать «на коврик»...* – в ответ на сообщение Розанова о женитьбе К. Н. Леонтьев 24 мая 1891 г. писал: «Прошу вас, какова бы ни была ваша невеста, – станьте первый на коврик... Если она кроткая, ей это понравится, если вспыльчивая, тем нужнее это» (Русский Вестник. 1903. № 5. С. 157; *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М., 2001. С. 340).

Балалайкин – нарицательное имя продажного адвоката – краснобая в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «В среде умеренности и аккуратности» (1873–1878) и в «Современной идиллии» (1877–1883).

...арестовали «Уедин.»... – Книга Розанова вышла в марте 1912 г., но была 6 марта конфискована цензурой за «порнографию» и в продажу поступила в мае (Утро России. 1912. 13 мая). Об этом Розанов писал в статье: Тема и Боккачио, и Сократа (О цензуре) // НВ. 1912. 1 мая.

Точно потянуло чем-то... – В черновике в Архиве Флоренского: «Точно потянуло машиною ~ и отправил в ненавидимую печать».

С. 196. *...совет Страхова...* – Личное знакомство Розанова с Н. Н. Страховым состоялось в январе 1889 г. История их взаимоотношений нашла отражение в кн.: *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1.

...всегда передо мною гипсовая маска... Страхова... – Эта маска Страхова пропала при переезде семьи Розановых из Петрограда в Сергиев Посад в августе–сентябре 1917 г. Дочь писателя Татьяна Васильевна совершила поездку в Петроград с целью перевезти оставшиеся в старой квартире вещи. Позднее она писала, что «были перевезены полки с книгами и рукописи отца. Часть вещей, которые находились у Зорина не были нам возвращены: в частности, китайская и турецкая вазы, большой гипсовый слепок Шервуда – Пушкин, гипсовый слепок с головы Страхова и еще кое-какие вещи» (*Розанова Т.* «Будьте светлы духом». М., 1999. С. 81).

Обреченные на смерть тебя приветствуют – слова, которыми идущие на битву гладиаторы приветствовали римского императора Клавдия (10 до н. э. – 54 н. э.). Выражение встречается у Светония в «Жизни двенадцати цезарей».

С. 197. *«И вот, в XXI столетии...»* – Розанов дает свой пересказ мыслей Достоевского из его письма Страхову 18(30) мая 1871 г. в связи с Парижской коммуной.

С. 198. *...на процессе Бутурлина... Панченко...* – Громкий судебный процесс об отравлении офицера гвардейского полка, графа В. Д. Бутурлина в

мае 1910 г. графом П. П. О'Бриен де-Ланси и доктором В. К. Панченко проходил в январе–феврале 1911 г. и подробно освещался в газетах.

...за 6 лет личного знакомства со Страховым... – Розанов вступил в переписку со Страховым в январе 1888 г. Первая встреча писателей произошла на рождественские каникулы 1889 г. в Петербурге. С переездом Розанова в Петербург на постоянное жительство в марте 1893 г. они встречались еженедельно до кончины Страхова 24 января 1896 г.

С. 199. *...наш Мадмазелькин...* – речь идет о С. П. Каблукове, преподавателе математики и музыкальном критике. Розанов познакомился с ним на Религиозно-философских собраниях, где он исполнял должность секретаря.

Хороши делают чемоданы англичане... – В первом коробе «Опавших листьев» Розанов пояснил, что такое «английский чемодан», в котором «все положено» и «все удобно» (запись «В либерализме есть некоторые удобства...»).

С. 200. *И Некрасов с «русскими женщинами»* – намек на поэму «Русские женщины» (1872).

С. 201. *...когда я писал об «адогматизме»...*– см. доклад Розанова, прочитанный на 18-м заседании Религиозно-философских собраний (Записки Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге. М., 2005. С. 382–389); опубликован в виде статьи под заглавием «Об адогматизме христианства» во 2-м томе «Около церковных стен» (СПб., 1906. С. 455–472; М., 1995. С. 479–489).

Тогда пойдут иные речи... – перефразировка строки из басни И. А. Крылова «Квартет» (1811).

«всемирная скука»... – статьей «Всемирная скука» Розанов открыл свою книгу политических статей «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб., 1910). Статья помечена «31 декабря 1900 г.» была снята с набора в «Новом Времени».

Савва в рассказе Максима Горького... – драма Л. Андреева «Савва» (1906) ошибочно приписана М. Горькому.

«Политики» стали пятой на горло... – Теме безнравственности политики в современном мире посвящены многие статьи Розанова, в частности ряд статей об убийстве П. А. Столыпина (см. том «Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г.» в наст. Собр. соч.).

«Кто не оставит... и дома ваши»... – Розанов использует слова Иисуса Христа, ср.: «И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29).

С. 202. *...Столпообразные руины...* Розанов ошибочно (или скорее всего намеренно) цитирует строку из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839). Ср.: Столпообразные раины... Раины — пирамидальные тополи.

С. 203. *Прекрасно «начинались» папы...* – С V столетия римские епископы присвоили себе название «пап». Папа Лев I, когда гунны во главе с Аттилой в 452 г. подошли к Риму, удержал своими дарами от разграбления «вечного города».

...реформацию без отражения ее Тридентским собором... – На Тридентском (Триенском) вселенском соборе, который заседал в 1545–1547,

1551–1552 и 1562–1563 гг. в Тренто и в 1547–1549 гг. в Болонье, были закреплены догматы католической церкви и выработана программа борьбы с Реформацией.

...нападение на меня Струве... – По выходу книги Розанова «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» П. Б. Струве отозвался на нее статьей «Большой писатель с органическим пороком (Несколько слов о В. В. Розанове)» (Русская Мысль. 1910. № 11).

...К новому влечется душа... – начало первой строки «Метаморфоз» Овидия, наполняемое у Розанова новым смыслом: «Дух влечется к новому».

...Мы же в руках Божиих... – Иов. 27, 11.

...да будет благословенно Имя Господне... – Там же. 1, 21.

С. 204. *Сережа* – брат писателя Сергей Васильевич Розанов.

С. 206. *Шуточки Тургенева...* – Розанов писал: «"Страшно то, что нет ничего страшного", – сказал грустный Тургенев: он просмотрел в себе то, о чем тосковал... не есть ли это темное ведение – ужасная тайна, гораздо более ужасная, чем все пугающие фокусы "Песни торжествующей любви", коими, в предвидении незримой ночи, он играл под старость!» (Религия и культура. СПб., 1899. С. 242).

...любитель Рембранта... – см. статью И. Ф. Романова-Рцы «Рембрандт. Поиски и легенда» (Новый Путь. 1903. № 11. С. 118–143).

С. 207. *...Тут домовой, тут леший бродит...* – Розанов неточно цитирует строки из вступления (опубл. 1828) к поэме «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина.

...Даже – «Индия есть»... – «Копейкин мой встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию - раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую» («Повесть о капитане Копейкине» в X главе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя).

С. 208. *...«тут не учителя, а – чехи»...* – После введения в русскую школу классической программы для преподавания латинского и греческого языков в Россию были приглашены немецкие педагоги из Праги.

...Испечем последний раз хлеб и умрем... – 3 Цар. 17, 12–35.

С. 209. *...ее же не прейдеши...* – Иов. 38, 11.

...затмение солнца... – затмение солнца в Петербурге наблюдалось 4 апреля (17 апреля нового стиля) 1912 г.

С. 210. *...полемика со Слонимским...* – статья Н. К. Михайловского «Страшен сон, да милостив Бог (Несколько слов Л. Слонимскому)» печаталась в «Русской Мысли» (1889. № 3, 5, 6).

С. 211. *...Гурко-Лидваль...* – камергер, член Государственного совета, управляющий Земским отделом Министерства внутренних дел В. И. Гурко обвинялся в том, что в 1907 г. самовольно заключил договор от имени казны с представителем торгового дома Лидваль и К° шведским подданным Э. Л. Лидвалем, спекулянтом и аферистом, на поставку ржи в неурожайные губернии и при этом выдал Лидвалю задаток. Газеты широко освещали эту аферу.

...ругают Шварца – речь идет о А. Н. Шварце, профессоре Московского университета, сенаторе, члене Государственного совета и министре народного просвещения. Имеется в виду история ссоры Шварца и И. В. Цветаева.

Ге о Евг. П. Иванове... – Н. Н. Ге, публицист, искусствовед, внук художника. Е. П. Иванов, литератор, близкий друг А. Блока, участник «воскресений» Розанова.

С. 212. *Во Франкфурте-на-Майне я впервые увидел...* – имеются в виду впечатления во время летней поездки Розанова по Германии в 1905 г.

...Фонвизин бывал «при дворе»... теперь Арс. Арк. Кутузов или гр. А. К. Толстой... – Д. И. Фонвизин в 1763 г. был определен на службу секретарем при статс-советнике И. П. Елагине – вельможе, состоявшем в дворцовой канцелярии. В 1769 г. он перешел на службу к канцлеру графу Н. И. Панину секретарем и вышел в отставку в 1782 г. Граф А. А. Голенищев-Кутузов состоял с 1895 г. секретарем государыни Марии Федоровны и управляющим канцелярии ее величества. Граф А. К. Толстой еще мальчиком был приглашен ко двору, с 1843 г. – камер-юнкер, с 1851 г. – церемониймейстер двора его величества. Близостью к наследнику он был обязан высокому положению дядей, графов Перовских.

...«Недоросли»... несли ранец в итальянском походе Суворова, с ним усмиряли Польшу... – имеются в виду итальянский поход А. В. Суворова в 1799 г. и взятие восставшей Варшавы в сентябре 1794 г. под командованием Суворова.

С. 213. *...«печной горшок»...* – слова из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

С. 214. *...читая письмо еврея Р-чко...* – переписка со служащим банка в Москве Г. В. Рочко, начинающим литератором с 12 апреля по 10 ноября 1912 г., была опубликована дочерью корреспондента С. Г. Хлавна (Рочко): «В начале и в конце жизни: Переписка Г. В. Рочко с В. В. Розановым и А. Т. Твардовским» (Новый мир. 1996. № 3. С.190–216).

...Когда Муравьев («Путешествие по Св. Местам»)... – речь идет о религиозном писателе А. Н. Муравьеве и его книге «Путешествие по Святым местам в 1830 году» (СПб.,1832), выдержавшей восемь изданий.

Сия смерть подобна была смерти Вольтера... – Вольтер умер 30 мая 1778 г. Католическое духовенство, не добившись от него полного отречения от своего безбожия, запретили церковные похороны, и друзьям пришлось тайно вывезти тело Вольтера и похоронить в деревне Ромильи, в Шампани.

Смысл Литературного Фонда... – связи с Литературным фондом (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым; основано в СПб. в 1859 г.) у Розанова были давние. Еще в 1898 г. он обратился к Венгерову за помощью, указывая на преимущественную поддержку фонда демократически настроенным писателям. Венгеров, подготовляя отрицательный ответ, писал, что «о «направлении» как о мотиве решения никакой речи не может быть. Фонд помогает людям всех направлений» (РГБ. Ф. 249. М. 3821. Л. 26). Однако Розанов потребовал отчета. «Письмо Ваше исполнено какого-то неслыханного эгоизма <...>, – отвечал возмущенный Венгеров. – Очень мило Ваше требование, чтобы Фонд опубликовал имена тех, которым выдаются пособия; позволю себе сказать, что подобное чудовищное требование могло вырваться только в момент помрачения нравственного чувства» (С. А. Венгеров – В. В. Розанову. 22 марта 1899 г. – РГБ. Ф. 249. М. 3821. Л. 28–29).

Это Федька каторжник... – имеются в виду разговоры Ставрогина и Федьки Каторжника в «Бесах» Достоевского (II. Гл. 2. 1 и 4).

С. 215. *...о «Семейном вопросе»... кроме от Разинькова, Василия Лазаревича...* – см.: *Разиньков В. Л.* Книга о семье // НВ. 1903. 28 нояб. Подп.: В. Лаз-евъ. Однако было и еще несколько дружеских откликов; см.: *Иванов Евг. П.* Новый Путь. 1904. № 7; *Соловьёв Е. А.* О В. В. Розанове // Одесские Новости. 1903.13 апр. Подп.: Скрибъ; *Шестаков Д.* Печальный и мужественный автор // Мир Искусства. 1903. № 9.

...«Трейхмюллере»... – Розанов имеет в виду немецкого философа Г. Тейхмюллера.

«Заозерский... – Н. А. Заозерский, профессор церковного права Московской духовной академии, был одним из критиков Розанова по семейному вопросу (см..: *Заозерский Н.* Странный ревнитель святыни семейного очага // Богословский Вестник. 1901. № 11. С. 240–246).

...Владимир Карлович... – обер-прокурор Святейшего Синода в 1911–1915 гг. В. К. Саблер.

...к вопросу о диакониссах... – В древней христианской церкви особое служение женщин, в обязанности которых входило уход за больными женщинами, приготовление их к крещению и др. В 1911 г. институт диаконисс предполагался к введению в России, но резкий протест некоторых иерархов заглушил это начинание.

...Вставай, подымайся, рабочий народ... – П. Л. Лавров. Новая песня (рабочая марсельеза) (1875).

С. 216. *...у вашей супруги...* – речь идет о свящ. Г. С. Петрове.

...с 1893 г., когда Берг вычеркнул большое примечание в страницу... – Ф. Н. Берг, редактор журнала «Русский Вестник», где Розанов постоянно сотрудничал с 1889 по 1897 г. В 1893 г. Розанов сделал одну публикацию «Сумерки просвещения» (№ 1, 2, 3, 6), упоминание о вмешательстве редактора нигде не отмечено.

...уже Алкивиад, отрубивший хвост у дорогой собаки... – Алкивиад, или Алквиад (ок. 450–404 до н. э.), афинский стратег (см.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 2 т. Изд. 2-е. М., 1994. Т. I. С. 248).

Бу́ди! Бу́ди! – Мф. 24, 34. Достоевский назвал одну из глав «Братьев Карамазовых».

С. 217. *«Такой книге нельзя* быть» *(Гип. об «Уед.»).* – «Нельзя! Нельзя! Не должно этой книги быть!» (*Гиппиус З. Н.* Литераторы и литература // Русская Мысль. 1912. № 5. Отд. 3. С. 29–31). Подписана псевд.: *А. Крайний.*

«О государстве древних тарентийцев» – книга R. Lorentz (Lipsiae, 1833).

...он, конечно, не мог бы быть Дегаевым... и Судейкиным он очень мог бы быть... – С. П. Дегаев, член организации Народная воля, в 1882 г. был завербован инспектором петербургской секретной полиции Г. П. Судейкиным, выдал группу революционеров, но в декабре 1883 г. участвовал в убийстве Судейкина.

С. 218. *...«Встань, спящий»...* – еженедельная газета (Тифлис), выходила в 1906 г. под редакцией священника Брихничева (у Розанова – Брихинчева).

...хотя заглавия, восстановленные мною «из прежнего»... – В 1899–1900 гг. П. П. Перцов издал четыре сборника статей Розанова (Сумерки просвещения. СПб., 1899; Литературные очерки. СПб., 1899; Религия и культура. СПб., 1899; Природа и история. СПб., 1900), изменив некоторые заглавия розановских статей. Розановское заглавие «Что выражает собою красота природы?» получило заглавие «Красота в природе и ее смысл»; «Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой по философии» получило заглавие «Философские влияния в русском обществе» и др.

...я вторично вступил в литературу в 1889 году, – после неудачи с книгою «О понимании» (1886 г.)... – Равнодушие общественности в ответ на появление философского труда «О понимании» и личная драма (разрыв с женой) вызвали глубокий кризис в душе Розанова, и он до 1889 г. не напечатал ни строчки. Переход к «критике, публицистике» Розанов осуществил с помощью Н. Н. Страхова, опубликовав в 1889 г. статьи: «Органический процесс и механическая причинность» («Журнал Министерства Народного Просвещения». № 5), «Вопрос о происхождении организмов» (Русский Вестник. № 5), «Отречение дарвиниста» (Московские Ведомости. 1889. 21 окт.).

...при втором издании я восстановил свои менее изящные, «долговязые» заглавия... – в переизданиях сборников, принадлежащих Розанову, заглавия не были восстановлены. Были выпущены только некоторые статьи. Так, в книге «Природа и история» (СПб., 1903) выпущены две статьи «О государстве в древнем и новом мире» и «Об эпохах русской истории», объединенные под рубрикой «Заметки об истории» – которые, кстати, нигде раньше не печатались. Из «Литературных очерков» во 2-м издании 1902 г. выпущены две статьи: «Об историческом воспитании Польши» и «О польском католицизме», опубликованные в первом издании под рубрикой «Заметки о Польше».

С. 219. *Полицейская революция* – Розанов имеет в виду постоянные разоблачения внедрившихся агентов Охранного отделения Департамента полиции в эсеровских террористических организациях на страницах печати, и прежде всего нашумевшее в 1909 г. «дело Азефа», признание бывшего директора Петербургского департамента полиции А. А. Лопухина.

Этот поп на пропаганде христианских рабочих людей... – имеется в виду священник Г. С. Петров.

Jean Chrisostome – Иоанн Златоуст (*фр.*) (344/354–407), святитель, один из отцов церкви.

К земным утехам нет участья... – строки из поэмы А. К. Толстого «Грешница» (1858), где речь идет об одном из апостолов, Иоанне Богослове.

...«высшие женские курсы» – курсы, впервые учрежденные в 1872 г. профессором В. И. Герье в Москве. Вслед за этим открылись высшие женские курсы в ряде городов России: Казани, Киеве, Владимире и в Петербурге. У Розанова наблюдается неоднозначное отношение к курсисткам («курсихам»). Со многими из них он был в постоянной переписке. Он был приглашен вести специальный отдел в патриотическом молодежном журнале «Вешние Воды» под названием «Из жизни и наблюдения студентства», помещая там письма молодежи к себе и снабжая их комментариями.

...«Московское вооруженное восстание»... – произошло 9–18 декабря 1905 г.

...взрыв дачи Столыпина... – покушение на Столыпина произошло на его даче на Аптекарском острове 12 августа 1906 г., всего через месяц после его вступления на должность премьер-министра. Погибло 27 человек. Были ранены дочь и трехлетний сын премьера. Сам Столыпин остался невредим.

...убийство Сипягина... – министр внутренних дел Д. С. Сипягин был убит эсером С. В. Балмашевым. Розанов написал некролог в «Новом Времени» 5 апреля 1902 г.

Когда Надежда Романовна уже умирала... – Сотрудница религиозного журнала «Паломник» Н. Р. Щербова умерла в Петербурге 12 мая 1911 г. в возрасте 40 лет. Розанов написал некролог «Невидимые хранители церкви (Памяти Н. Р. Щербовой)» (Новое Время. 1911. 17 мая). В «Опавших листьях» дан портрет ее.

С. 220. *«Оправдание добра»* (1897) – трактат Вл. С. Соловьёва, имеющий подзаголовок «Нравственная философия».

С. 221. *...divinatio...* – искусство и дар гадания (*лат.*). Розанов ошибочно поставил схожее по форме слово; ср.: divinus – божественный.

...на представлении переводной пьесы... – Е. А. Егоров переводил пьесу Г. Зудермана «Среди цветов» (поставлена в театре Суворина 13 декабря 1905 г.).

...я сказал о двух барышнях... – речь идет о сестрах З. Н. Гиппиус: Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне Гиппиус («Тата» и «Ната»).

С. 223. *...Никого нет... потом – ты...* – Быт. 19, 31–32.

С. 224. *...Афонька и Тертий...* – Афанасий Васильевич Васильев, генерал-контролер, начальник Департамента железнодорожной отчетности и Тертий Иванович Филиппов, главноуправляющий Государственного контроля, писатель по церковным вопросам, славянофил, друг К. Н. Леонтьева.

Печальный и пр. и пр. – М. Ю. Лермонтов. Демон (1841).

...все статьи обо мне... – тезис о «демонизме Розанова» был сформулирован литературным критиком «православной ориентации» А. С. Глинкой-Волжским в статье «Мистический пантеизм В. В. Розанова», напечатанной в журналах «Новый Путь» (1904. №12) и «Вопросы жизни» (1905. № 1–3).

...обо мне писали Мережковский, Волжский, Закржевский, Куклярский... – Мережковский Д. С. Мистический хулиган // Мережковский Д. С. В тихом омуте. СПб., 1908. С. 239–256; *Волжский* <Глинка А. С.>. Мистический пантеизм В. В. Розанова // Новый Путь. 1904. № 12; *Он же.* Вопросы жизни. 1905. № 1–3; *Закржевский А.* Карамазовщина: Психологические параллели. Киев, 1912. С. 6–94; *Он же.* Религия. Психологические параллели. СПб., 1913. С. 266–301; *Куклярский Ф. Ф.* Осужденный мир. Философия человеко-борческой природы. СПб., 1912; *Мережковский Д. С.* Розанов // Русское Слово. 1913. 1 июня. № 125.

...только у Чуковского... – К. И. Чуковский в «Открытом письме В. В. Розанову» (Речь. 1910. 24 окт.) писал: «Я читал Ваши прежние книги. В них как будто не одно, а тысяча сердец, и каждое полно каким-то горячим вином, в каждом – этот изумительный «зеленый шум, весенний шум»... Есть у Вас

такие страницы, к которым, кажется, если приложишь руку, то почувствуешь теплоту и биение крови».

...коллежский советник...– этим чином Розанов закончил в 1899 г. государственную службу и перешел в газету к А. С. Суворину, в «Новое Время».

С. 225. *...«яблоко падает» (открытие Ньютона)...* – Мысль о теории закона тяготения, открытого И. Ньютоном, связана с историей падающего яблока в саду его Вульстропского поместья, куда он удалился из Кембриджского университета, на который надвигалась чума.

...не догадывались никогда – текст, обозначенный строками отточий (как и еще два случая отточий в этой записи) приведены полностью в «Смертном», где вся запись воспроизведена полностью.

...товарищ... – речь идет о И. Ф. Петропавловском – учителе приготовительного класса в г. Ельце; Розанов считал его «первым умницей в городе», звал «Датским принцем»; «первым в Дании» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 21).

...я стоял во Введенской церкви с Таней... – Т. В. Розанова – вторая дочь Розанова; была крещена в Введенской (что на Петербургской стороне) церкви при восприемниках Н. Н. Страхове и О. И. Романовой. После крещения дочь Розанова была официально записана как Татьяна Николаевна Николаева. По имени крестного отца регистрировались все «незаконнорожденные».

С. 226. *«Графиня-Преступница».* – Шерлок Холмс. Вып. 19. Графиня-преступница. 2-е изд. Пг., 1915. Имя Шерлока Холмса широко использовалось в продукции массовой литературы того времени.

С. 227. *«Только одна капля чернил».* – Из тайных документов знаменитого сыщика Шерлока Холмса. Вып. 2. Только одна капля чернил. СПб., 1908.

...«людей лунного света»... – так называет Розанов в одноименной книге (1911) людей с сексуальными отклонениями.

...Тезей... от разбойников... – Плутарх. Тесей, 8–11.

С. 228. *...элевзинские таинства...* – культ Деметры и Персефоны в Элевсине, городе в 22 км от Афин. В древнее время он, вероятно, состоял из сельских праздников, относившихся к земледелию, посеву, жатве, но позже принял мистический характер и сделался тайным, проводившим мотив умирания и оживания природы. Отмечались Малые Элевсинии (февраль–март) и Великие Элевсинии (сентябрь–октябрь).

«Русское Богатство» – журнал, выходивший в Петербурге в 1876–1918 гг. Одним из редакторов его был В. Г. Короленко, в числе активных сотрудников – публицист А. В. Пешехонов. Власти приостанавливали журнал в 1906 и 1914 гг.

С. 229. *«Письмо-души-Тряпичкина»* – имеется в виду адресат Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя.

...Благосветлов с «Делом» не был гоним, а Аксаков с «Парусом» и «Днем» – гоним был. – Г. Е. Благосветлов редактировал демократический журнал «Дело» в 1866–1880 гг., статьи в котором постоянно запрещались предварительной цензурой (в отличие от других петербургских журналов, «Дело» издавалось под предварительной цензурой). Славянофильская газета И. С. Аксакова «Парус» выходила в Москве в январе 1859 г. и была запрещена

после второго номера. Славянофильская еженедельная газета И. С. Аксакова «День» выходила в Москве в 1861–1865 гг.; в июле 1862 г. за отказ назвать автора корреспонденции о беспорядках в Остзейском крае (в № 31) Аксаков был отстранен от редактирования и выпуск газеты приостановлен на два месяца.

...Куприн, описывая «вовсю» публ. д... – имеется в виду повесть А. И. Куприна «Яма» (1909–1915, ч. 1–2). О ней Розанов написал статью «Куприн» (НВ. 1909. 26 ноября).

С. 230. *Вошли...* – тайное венчание Розанова с В. Д. Бутягиной происходило 5 мая 1891 г. Венчание (без свидетелей и записи в церковной книге) совершил настоятель церкви Калабинского детского приюта в Ельце И. П. Бутягин, брат первого мужа второй жены Розанова. Дальнейший текст (вместо отточий) см. в «Смертном».

...на письме Ольги Ивановны...– жены И. Ф. Романова.

С. 231. *...к Штембергу (для Васи)...* – Георгий Константинович, директор мужской гимназии в Петербурге.

...школу Тенишевой... – училище княгини М. К. Тенишевой, деятельницы культуры.

...гимназию Стоюниной... – М. Н. Стоюнина (урожд. Тихменева), основательница и директриса частной гимназии в Царском Селе.

...школу Левицкой... – Е. С. Левицкая, начальница школы в Царском Селе.

...я сказала Тихону... – Тихон Дмитриевич Руднев, брат Варвары Дмитриевны был прокурором в Полтавском суде.

С. 232. *...у Кремера (грамматика).* – *Кремер Я. И.* Латинская грамматика. СПб., 1867 (10 изданий).

С. 233. *...До хорошего местечка...* – из «Колыбельной песни» (1845) Н. А. Некрасова.

С. 234. *...посетить тебя можно...* – Гимназистом Розанов часто болел. С 7 по 20 марта он не посещал занятия по причине болезни (Книга для записи учеников не явившихся в <Нижегородскую> гимназию на 1873/1874 уч. г. и на 1875/1876 уч. г. Хранится в РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 6).

С. 237. *...брожение умов распространяется...* – имеется в виду начало движения народников. На 1874 г. выпадает зачин известного «хождения в народ».

«Жизнь Вашингтона» – Гизо Ф. П. Г. Исторический очерк жизни Вашингтона. СПб., 1863.

С. 238. *...что ты был, и что стал, и что есть у тебя?..* – из стихотворения А. В. Кольцова «Что ты спишь, мужичок?» (1839).

...А годы проходят, все лучшие годы... – из стихотворения М. Ю. Лермонтова «И скучно, и грустно...» (1840).

С. 240. *... Колхидского изгнанника...* – то есть Прометея.

С. 242. *...учебник Оллендорфа...* – Г. Г. Оллендорф, профессор немецкого языка и литературы, автор «Учебника немецкого языка» (М., 1869, 2-е изд. 1873).

С. 245. *...настоящей борьбе славян с турками...* – имеется в виду начало освободительной борьбы болгар против турецкого ига, предшествовавшее Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

...разве quasi-вдовушка уехала из Нижнего?.. – по-видимому, Кудрявцев имеет в виду А. П. Суслову, будущую первую жену Розанова. Точное время знакомства Розанова с Сусловой неизвестно. Это упоминание Кудрявцева, скорее всего, констатирует начало их взаимоотношений.

С. 247. *...Самолет...* – здесь: плывущее вниз по течению судно.

...наскрипсил... – написал: калька от лат.: scribere (писать).

...«Врач! Исцелися сам!» – Лк. 4, 23.

С. 249. *Царевококшайск* – ныне Йошкар-Ола.

«Новь» – роман И. С. Тургенева печатался в январе–феврале 1877 г. в «Вестнике Европы».

...своего Базена – маршал Франции А. Ф. Базен капитулировал во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг.

...Черняев со своими добровольцами... – В 1876 г. во время Герцеговинско-боснийского восстания против турок М. Г. Черняев тайно уехал в Белград и в 1876 г. организовал сербскую армию.

С. 251. *...жадно слежу за военными событиями...* – событиями Русско-турецкой войны, широко привлекшими внимание русского общества. Розанов реагировал на них так же, как и его товарищи.

...как сошли у тебя экзамены... – Экзамены прошли для Розанова плохо, и он был оставлен на повторный курс. Вероятно, самолюбие не дало возможности поддерживать переписку. Пять писем из публикации переписки находятся в РГАЛИ (Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 504).

С. 252. *...копаясь в Кокшарове («Кристаллография», – лекции), проф. Еремееве...* – Н. И. Кокшаров, минералог, ординарный академик Императорской академии наук, директор Императорского минералогического общества. Капитальными трудами считаются его «Материалы для минералогии России» (т. 1–6, 1852–1877). «Лекции минералогии» (стеклографическое название «Кристаллография») вышли в свет в 1863 г. П. В. Еремеев (1830–1899) – академик, минералог.

С. 253. *...Анунциата была...* – Гоголь Н. В. Рим (Отрывок). Такой фразы в очерке нет; ср.: «Все напоминает в ней те античные времена, когда оживлялся мрамор...».

Бурульбаш с Катериною – герои повести Гоголя «Страшная месть». *Ганна* – героиня повести «Майская ночь, или Утопленница».

...Где будет сокровище ваше... – Мф. 6, 21; Лк. 12, 34.

...ни одного мужского покойника он не описал... – речь идет не о том, что мужчины у Гоголя не умирают (умер Акакий Акакиевич в «Шинели», прокурор в «Мертвых душах», Афанасий Иванович в «Старосветских помещиках» и др.), а в том, что Гоголь не описывает покойников-мужчин.

...быков, разбодавших поляков... – литературные реминисценции об эпизоде под городом Дубно (Гоголь. Тарас Бульба. Гл. 5).

Уленька (Улинька) – дочь генерала Бетрищева, персонаж поэмы Гоголя «Мертвые души», т. 2, гл. 2.

С. 255. *«Правительственный Вестник»* – ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1869–1917 гг. и печатавшая правительственные распоряжения, отчеты и сообщения.

«Русское Знамя» – орган «Союза русского народа», выходил в Петербурге с 1905 по 1917 г.

«Полярная Звезда» – политический и философский журнал. Выходил в Петербурге с декабря 1905 по март 1906 г. под редакцией П. Б. Струве.

...Григорий Спиридоныч... – священник Петров, посещавший «воскресенья» у Розанова.

...Амфитеатров из-под Везувия фыркает... – С 1906 по 1916 г. писатель и журналист, постоянный критик Розанова, Амфитеатров Александр Васильевич, жил в Италии, в городке Кави неподалеку от Генуи.

...Henri IV в один день служил лютеранскую и католическую обедню... – Генрих IV, французский король в 1589–1610 гг., ради достижения политических целей легко менял религиозно-политические позиции, принимая сторону то гугенотов, то католиков. Существует легенда, согласно которой он сказал: «Париж стоит мессы».

С. 257. *«Тарантул»* – «юморо-сатирический» журнал, еженедельно выходивший в Симферополе в 1914–1916 гг.

«Оса» – под таким названием выходило несколько журналов в различных городах: Петербурге, Москве, Николаеве, Вильне и др.

«Скорпион» – московское книгоиздательство 1900–1916 гг. Выпускало журнал «Весы» (1904–1909), книги русских символистов, современных западноевропейских писателей, альманах «Северные Цветы» (1904–1911).

...среднеазиатское насекомое (был журнал) – очевидно, туркестанский сатирико-юмористический журнал «Кара-Курт», выходивший в Ташкенте в 1913 г.

«Шиповник» – петербургское книгоиздательство (1906–1918) выпускало литературно-художественные альманахи под тем же названием (1907–1917).

...Я человек, хотя и маленький, но у меня 32 зуба и 24 ребра... – Точная цитата звучит так: «Я человек, хотя еще маленький; потому что у меня есть такая же душа и такое тело, как и у других людей» (Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения. В двух частях составил К. Ушинский. СПб., 1864. 5-е изд. Ч. 1. С. 18).

...не видно ни зги!.. – из стихотворения К. Ф. Рылеева «Иван Сусанин» (1822).

С. 258. *...имя языческой богини...* – Кострома в восточнославянской мифологии – воплощение весны и плодородия.

...о Ипатьевском монастыре... – Ипатьев-Троицкий мужской кафедральный монастырь основан около 1330 г. 14 марта 1613 г. Михаил Федорович Романов согласился принять в нем царский престол. Чудотворная икона Богоматери Федоровской сейчас находится в костромском соборе Воскресения Христова.

...о «Новгороде низовыя земли»... – Низовскими землями назывались в XII–XIII вв. земли, находившиеся в бассейне верхнего течения Волги, к юго-востоку от Новгородской земли. В XIV—XVI вв. Низовской землей, Низом, Понизовьем, называлась область Среднего Поволжья в междуречье Оки и Волги.

...о «Макарии, откуда ярмарка»... Макарьевская (или Нижегородская) ярмарка – периодический торг в Нижнем Новгороде. Возникла в сере-

дине XVI в. возле обители преподобного Макария Желтоводского (1349–1444), на левом берегу Волги. Ярмарка функционировала раз в год в честь Праздника в память о преподобном Макарии, отмечавшегося 25 июля (по старому стилю), с 15 июля по 25 августа. После перенесения ярмарки в Нижний Новгород в 1817 г. Старый Макарий (г. Макарьев) захирел.

...и ее староверах... – Староверы появились на Волге сразу же после раскола, когда после церковного собора 1666–1667 гг. старообрядцы были преданы анафеме как еретики.

Уже теперь Фаресов... -- А. И. Фаресов, писатель, публицист, журналист, сотрудник «Нового Времени», автор книги «Против течения: Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем» (СПб., 1904).

Когда горела... Тамарочка Ауэр – об этом Розанов написал статью «Не будем равнодушны» (НВ. 1912. 6 июня).

С. 259. *...1-го марта...* – намек на цареубийство 1 марта 1881 г.

...у К.Тимирязева – против Данилевского... – Полемика К. А. Тимирязева против научного наследия Н. Я. Данилевского (см.: *Тимирязев К.* Странный обращик научной критики // Вестник Европы. 1889. № 3; *Он же.* Бессильная злоба антидарвиниста // Русская Мысль. 1889. № 5–7) была в центре полемики В. С. Соловьёва и Н. Н. Страхова по поводу идеологического наследия Данилевского, в которой принимал участие и Розанов (см.: *Розанов В.* Отречение дарвиниста // Московские Ведомости. 1889. 21 окт.; *Он же.* Рассеянное недоразумение // НВ. 1894. 9 нояб.; см. том «Эстетическое понимание истории» в наст. Собр. соч.).

...«Ваше Уед. – разорвут»... – В письме от 10 (23) апреля 1912 г. Горький писал Розанову: «Нашел на столе «Уединенное», схватил, прочитал раз и два, насытила меня Ваша книга, Василий Васильевич, глубочайшей тоскою и болью за русского человека, и расплакался я, — не стыжусь признаться, горчайше расплакался. Господи помилуй, как мучительно трудно быть русским! Ибо ни один народ не чувствует столь глубоко тяги земной и нет на земле больших *рабов божьих,* чем мы, Русь <...> Читая Вашу книгу – Вам кричал это, не зло кричал, а с великой болью за Вас и, право, с любовью к Вам. Какой у Вас огромнейший талант, какая жадная, живая, цепкая мысль. Рано Вы родились или поздно, но Вы удивительно не своевременный человек. Представляю, как не понравится, как озлит эта книга всех, – и радуюсь, ибо все, что не нравится людям, должно быть побеждено ими, и – будет побеждено» (Контекст 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 306).

С. 260. *...повидал (у В-ской)...* – Розанов посещал квартиру А. В. Тырковой, писавшей под псевдонимом А. Вергежский. Она вспоминала: «На тех верхах петербургской интеллигенции, которые я знала, мне редко приходилось слышать горделивые речи о прошлом России. К русской истории было принято относиться сурово, пренебрежительно, насмешливо. Как-то раз собрались у нас гости. Был и Ф. И. Родичев. Не помню по какому поводу он разразился речью о том, что у России вовсе не было истории. За тысячелетнее свое существование Россия не выработала личностей, самодержавие не давало им возможности развиваться, а без личностей не может быть и истории. «Взгляните на земли бывшей Новгородской республики. Посмотрите на

берега Волхова. Тысячу лет, если не больше, владеем мы ими. Это места старейших русских расселений, а живут, как жили во времена Гостомысла. Все застыло. Лучше не говорить про русскую историю. Ее просто нет». С бедным В. В. Розановым, который, пощипывая рыжую бородку, стоял тут же, чуть не сделался удар. Но он не мог ни перекричать, ни переспорить Родичева. И другие гости поддерживали эту чаадаевскую точку зрения на прошлое России» *(Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Лондон, 1990. С. 475).

...читая Изгоева о Суворине... – В некрологе, написанном А. С. Изгоевым о Суворине (Русская Мысль. 1912. № 9. Отд. 3. С. 1–4), говорится: «Отец – александровский солдат, через фухтели и удары сабель плашмя дослужившийся до штабс-капитана... Мать – безграмотная поповна».

Цепной мост – так в разговоре называлось Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии, орган политического сыска и следствия в Петербурге в 1826–1880 гг.

С. 261. *...о болезни Шуры...* – у падчерицы Розанова А. М. Бутягиной признавали «порок сердца».

С. 262. *Как хорошо было (в Белом)...* – После тайного венчания с Варварой Дмитриевной Розанов переехал в г. Белый Смоленской губ.

Сестра Верочка... – Вера Васильевна Розанова была вторым ребенком в семье В. Ф. Розанова, умерла от чахотки.

С. 263. *...брат Федор...* – Федор Васильевич Розанов, третий ребенок в семье В. Ф. Розанова. Впоследствии стал «странником».

«Ботаника Григорьева» – Руководство к Ботанике. Составлено и издано В. В. Григорьевым, преподавателем естественной истории в 1-й Московской гимназии. В двух частях. Москва. Типография В. Готье. 1861. Книга была ученой, с латинской терминологией предметов, классификациями и проч.

...откуда бы получить денежек... – ср.: «Узнай от Плетнева, получил ли он от Жуковского что-нибудь, что мне следовало от Государыни за поднесение экземпляра моей комедии. Жуковский мне сказал перед выездом, чтобы я не имел об этом никакого сомнения, что он и по отъезде моем будет стараться» (Гоголь – Н. Я. Прокоповичу. 3 июня 1837 г.).

...где бы повиднее стать, – в профессоры... – Гоголь был адъюнкт-профессором при С.-Петербургском университете с 24 июля 1834 г. по декабрь 1835 г.

...будешь ходить на чреве своем... – Быт. 3, 14.

С. 265. *Р. (талантливый еврей в Москве)...* – Г. В. Рочко.

...церемония «несение фаллов»... – древнейший всенародный праздник афинян в честь Афины Панафиней.

С. 266. *...у «жены-самарянки» умерли...* – Ин. 4, 4–19.

...«трости надломленной не переломить» и «льна курящегося не загасить»... – Ис. 42, 3; Мф. 12, 20.

С. 267. *...Бога никогда же никто не виде...* – Ин. 1, 18.

С. 268. *...Осени поздней, цветы запоздалые...* – неточная строка из стихотворения А. Н. Апухтина «Ночи безумные, ночи бессонные...» (1876).

С. 269. *...Роняет лес багряный свой убор...* – начальная строка стихотворения А. С. Пушкина «19 октября» (1825).

С. 270. *...«своему полтавскому губернатору»* – с 1900 г. В. Г. Короленко жил в Полтаве.

С. 271. *...любовь сильнее даже и смерти...* – Песн. 8, 6.

С. 273. *...сейте разумное, доброе, вечное...* – из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятель» (1874).

С. 274. *...со свадьбы Светозара Степановича...* – В архиве писателя (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 594) хранится фотография знакомого Розанова, учителя С. С. Родовановича с женой в подвенечном платье с посвящением Розанову.

...Но ты... всем проходящим... – Иез. 16, 7, 15, 26, 28.

...говорит Господь Бог... – Иез. 16, 1–12; 14, 17–19. Розанов цитирует с неточностями.

С. 279. *«Современный Мир»* – петербургский журнал, выходивший с 1906 по 1918 г., где печатались Горький, Ленин, Плеханов, Вересаев, Арцыбашев.

Ты бы, демократ, лучше не подслушивал... – имеется в виду журналист и публицист, сотрудник «Нового Времени» И. А. Гофштеттер.

С. 280. *...вернулись рано с Кавказа...* – имеется в виду летняя поездка семьи Розанова на Кавказ в 1907 г.

...Лидия Эрастовна... – жена И. А. Гофштеттера. Во время поездки в Германию в 1905 г. Розановы оставляли младших детей (Надю и Васю) на попечение у Гофштеттеров.

С. 281. *...один Г. находит...* – имеется в виду И. А. Гофштеттер.

С. 282. *...женатого на еврейке-миллионерке Стасюлевича...* – редактор-издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич был женат на Л. И. Утиной, наследнице еврейского капитала братьев Утиных: Николая Исааковича, ранее лидера русской секции Интернационала, потом капиталиста, миллионера; Бориса Исааковича, профессора Петербургского университета; Евгения Исааковича, сотрудника «Вестника Европы».

«Герценовское Общество». – В связи с «Обществом в память Герцена» Розанов написал статью «И. В. Киреевский и Герцен» (НВ. 1911. 12 февр.).

...из Москвы специально поздравить приезжал Горький... – Горький приезжал на именины Н. К. Михайловского 6 декабря 1903 г.

...гнусно-отрицательного журнала – так Розанов отзывается о журнале «Дело» (1866–1888), редактором которого был Г. Е. Благосветлов.

С. 283. *...«Тертий Иванович в оппозиции», а его любимчик, имевший 2000 «аренды»...* – имеется в виду А. В. Васильев.

... «Без заглавия» – еженедельный политический журнал, издававшийся в Петербурге с января по май 1906 г. В. Я. Богучарским, Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповичем.

...в книге Стасова о своей сестре – т. е. о княжне Марии Михайловне Дондуковой-Корсаковой. См.: *Стасов В.В.* Воспоминания о моей сестре // Книжки «Недели». 1896. № 3. Эта статья вошла в книгу Стасова «Воспоминания и очерки» (СПб., 1899).

«с униженными и оскорбленными»... с «бедными людьми» - имеются в виду романы Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» (1861) и «Бедные люди» (1846).

...непропуск моей статьи «О монархии»... – имеется в виду статья «О подразумеваемом смысле нашей монархии», вырезанной цензурой из «Русского Вестника» (1895. № 7).

С. 286. *...ездили с мамой к Романовым...* – т. е. к И. Ф. Романову-Рцы.

...рыбак Г. в газетах... – И. А. Гофштеттер.

...революционеры у Богучарского и Глинского... – Богучарский (наст. имя и фамилия: Василий Яковлевич Яковлев) – публицист, участник революционного движения. Имеются в виду книги: *Богучарский В.* Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», ее происхождение, судьба и гибель. СПб., 1912; Розанов посвятил ему статью: «В русских потемках» (НВ. 1910. 2 окт.). Б. Б. Глинский – публицист, редактор журнала «Исторический Вестник». См.: *Глинский Б. Б.* Революционный период русской истории (1861–1881 гг.). СПб., 1913.

С. 287. *Саша Жданова* – Александра Дмитриевна Жданова (в замужестве Звягинцева) – двоюродная сестра Варвары Дмитриевны.

Евлампия Ивановна – жена Селикова, священника в Ельце.

С. 288. *Глаголева Марья Павловна* (урожд. Бутягина) – сестра первого мужа Варвары Дмитриевны; Елизавета Глаголева – дочь М. П. Глаголевой.

...Гамбургеры... – семья первой жены племянника В. Н. Розанова.

С. 289. *...«Легенда об инквизиторе»...* – речь идет о книге: *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария // Русский Вестник. 1891. № 1–4. Отд. изд.: СПб., 1894; 2-е изд.: СПб., 1902; 3-е изд.: СПб., 1906.

Поздней, когда и я разошелся с М-ми и на Дм. Серг. стал выливать «язвы»... – расхождение Розанова с кружком Мережковских началось с переменной позиции самого Мережковского. Заигрывание с революцией 1905–1907 гг. заставила Мережковского и его друзей изменить общественно-политическую ориентацию. Это сказалось на идеологии Религиозно-философского общества в Петербурге, где они заняли лидирующее место. Розанов «письмом в редакцию» заявил о выходе из состава совета (17 января 1909 г.).

С. 290. *Задавило женщину и пятерых детей* – имеется в виду семья Розанова.

С. 291. *...«школа» Ф–с...* – речь идет о писательнице О. А. Фрибес, близкой знакомой семьи В. В. Розанова, постоянной посетительнице вечеров Я. П. Полонского.

С. 292. *В Мюнхене, в Наугейме...* – во время летнего посещения Розановых Германии в 1910 г.

С. 293. *В Луге уже не могла...* – на даче под Пстербургом летом 1909 г.

Он был весь в цвету... – речь идет о племяннике В. Н. Розанове, профессиональном революционере, который после многочисленных арестов (весна–октябрь 1905 г., во время заседания ЦК РСДРП на московской квартире Леонида Андреева, освобожден по манифесту; декабрь 1905 – весна 1906 гг. в Петербурге; август 1906 – летом 1907 гг., в составе конференции представителей южных социал-демократических организаций, проходившей в Харькове, освобожден под залог в 1000 р., внесенный В. В. Розановым (или А. А. Тарасевичем), перешел на нелегальное положение и эмигрировал.

...женат на младшей из многочисленных сестер... – Законной женой В. Н. Розанова была Э. Г. Гаршбургер, происходившая из немецкой семьи. В 1903 г. он познакомился на втором съезде РСДРП с Л. Н. Радченко (урожд. Баранская), русской, с которой вступил в гражданский брак в 1905 г. (сообщение Н. В. Баранской, дочери В. Н. Розанова).

С. 294. *...я спросил Петю...* – Петр Николаевич Розанов, последний ребенок Н. В. Розанова, был учителем рисования в училищах и гимназиях, проживал во Владимире, семьи не имел. См. его письмо к Розанову от 11 ноября 1909 г. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 603. Л. 5–7) с описанием вхождения в революцию братьев Владимира и Николая, студентов медицинского факультета Московского университета. Этот рассказ позднее Розанов использовал в очерке «Загадки русской провокации» (Новое Слово. 1910. № 3).

«*Кресты*» – так называлась петербургская тюрьма, построенная в 1892 г. в форме креста. Володя должен был быть приговорен к лишению всех прав и к ссылке на вечное поселение.

С. 295 *...Он курил...* – Иван Воскресенский, отчим. Неупоминанием его имени Розанов передает давнюю вражду детей к отчиму, которая развалила всю семью, сделав вместо нее «мерзость запустения».

С. 296. *Ч.* – К. И. Чуковский.

С. 297. *«Кнут» Фл.* – см. письмо П. А. Флоренского к Розанову 27 сентября 1912 г.

С. 298. *Больная раком, она сидела вся кокетливая у нас за чаем. Сестра ее сказала ей, будто 30 лет назад я был в нее влюблен...* – речь идет о старшей сестре поэта и хирурга В. И. Гедройц – Марье Игнатьевне Карсницкой. Гедройц – ученица Розанова по Брянской четырехклассной прогимназии, где он преподавал в 1882–1887 гг. В 1909 г. Гедройц восстановила отношения со своим учителем и бывала в его доме вместе с сестрой.

С. 301. *...рассказ об этом в «Посмертных сочинениях» Толстого...* – см.: *Толстой Л. Н.* Идиллия. Не играй с огнем – обожжешься // Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого. Под ред. В. Черткова. СПб., 1912. Т. 2. С. 149–171.

С. 302. *...академическое изд. Лермонтова...* – *Лермонтов М. Ю.* Полн. собр. соч. / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1910–1913. Т. 1–5.

...известие... – у Розанова ошибка: извинение.

...она пошла за Фауста... – намек Розанова на первого мужа его жены.

С. 303. *«нужно промолчать»* – см. письмо Флоренского к Розанову 27 сентября 1912 г.

...издал бы Египет... – вероятно, это сообщение надо признать первым свидетельством замысла написания книги «Из восточных мотивов»; три ее выпуска из десяти Розанов издал в 1916–1917 гг. в Петрограде. С четвертого выпуска хотел уточнить название – «Возрождающийся Египет».

...«Лев и Агнец»... – большой труд, который Розанов писал в 1897 г. Местонахождение рукописи неизвестно. Философские и культурологические проблемы пола, «хищное» и «кроткое» мира сего - вот основные темы этого сочинения.

С. 304. *Цв.* – Сергей Алексеевич Цветков (1888–1964), друг Розанова и его библиограф.

С. 305. *...ударил по сердцам с неведомою силой...* – Из стихотворения А. С. Пушкина «Ответ анониму» (1830). Розанов употребил глагол в прошедшем времени, у Пушкина – в будущем.

...у Гершензона об Огаревой... – «В 1848 году М. Л. [Огарева], по совету Некрасова, выдала Панаевой полную доверенность на ведение своих дел <....>. С тех пор М. Л. получала гроши, и деньги, следовавшие ей, прилипли к чьим-то рукам – Панаевой или Некрасова, неизвестно. Эта история была главной причиной позднейшей вражды Огарева и Герцена к Некрасову» *(Гершензон М. О.* Образы прошлого. М., 1912. С. 529).

С. 306. *...Писарев его «не читал».* – Намек на критику Д. И. Писаревым поэзии Пушкина.

...Шура вторично ушла... – Александра Михайловна Бутягина; Шура первый раз ушла из дома на квартиру в 1907 г. по религиозным причинам — под влиянием священника Сильвестра Медведева, находившегося в дружбе с Григорием Распутиным. Подробный рассказ Розанова об этом см. в его книге «Апокалипсическая секта» (СПб., 1914). Второй уход из дома 23 октября 1912 г. был обусловлен дружбой Шуры с курсисткой Натальей Аркадьевной Вальман, которую Розанов и Варвара Дмитриевна не любили. Этот отрывок вошел также в «Смертное».

С. 307. *...«все три Святителя».* – Имеются в виду святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. 30 января (12 февраля) Православная Церковь празднует «Собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустаго».

...перед смертью митр. Антония... – Митрополит Петербургский Антоний умер 2 ноября 1912 г. См. некролог Розанова: К кончине Высокопреосвященного митрополита Антония // НВ. 1912. 3 нояб. См. также: *Розанов В.* Митрополит Антоний в его исторических заслугах (НВ. 1912. 5 мая), Митрополит Антоний в современной смуте (Русское Слово. 1908. 10, 13 февр. Подп.: В. Варварин).

С. 308. *...«Паскаль», «Христианство и язык», «Фауст»...* – статьи 90-х гг. РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 42, 92, 88 («Гретхен и Фауст»).

...«Юдаизм» – книга о древнееврейской бытовой культуре. «Замечательная еврейская песнь» печаталась в «Историческом Вестнике» (1901. № 2), «Мимоходом (Из случайных впечатлений)» («Жид на Мойке») – в Новом Пути (1903. № 1), «Чувство солнца и растений у древних евреев» – в Новом Пути (1903. № 3. То же: Мир Искусства. 1903. № 5–6), «Юдаизм» – в Новом Пути (1903. № 7–12). Материалы Семена Ильича Цейхенштейна см. в РГАЛИ (Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 810).

...«Семейный вопрос в России» – основная тема Розанова. В 1903 г. он издал книгу «Семейный вопрос в России» в двух томах. 5 сентября 1917 г. было намерение издать (2-м изданием) «Семейный вопрос в России» (был проект контракта между Розановым и А. В. Румановым) (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 37). В планах сохранился проект издания 3-го тома под заглавием «История семьи в России». «В мире любви, испуганности и стыдливости».

...«Из дневника писателя» – «Из записной книжки русского писателя» публиковалась в литературном приложении к «Торгово-Промышленной

Газете» (1899. 24 окт., 28 нояб., 19 дек.). *«Попутные заметки»* (НВ. 1899. 7, 9, 23, 28 апреля).

...«Германские впечатления»... – очерки двух путешествий Розанова по Германии, Швейцарии и Австрии 1905 и 1910 гг. собраны и изданы в кн.: *Розанов В. В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путешествий 1899–1913 гг. М., 1994. С. 281–328.

...«Кавказские впечатления»... – очерки двух пребываний Розанова на Кавказе 1898 и 1907 гг. также собраны и изданы в кн.: *Розанов В. В.* Иная земля, иное небо... Полное собрание путешествий 1899–1913 гг. М., 1994. С. 1–42; 409–444.

«В связи с искусством» – эта книга вышла в 1913 г. под названием «Среди художников».

С. 309. *«Пол и душа»* – опубликована (НВ. 1902. 4 апреля).

«Черный огонь» – первую попытку собрать этот сборник предпринял А. Н. Богословский (см. издание YMCA-Press, 1985). Однако план Розанова – представить революцию в развитии. Поэтому он начинал сборник со статей 90-х годов. См. материал книги в РГАЛИ (Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 138–142).

Встретился с Философовым и Мер. в Рел.-фил. собр. – речь идет о Религиозно-философском обществе в Петербурге (1907–1917).

С. 312. *Мы сидели в Кисловодском театре* – летом 1898 г. Розанов с женой был в Минеральных Водах и писал о спектакле «Горе от ума» в «Новом Времени» (1898. 24 июля. «С Юга»).

С. 313. *...из мерзости запустения...* Дан. 9, 27.

Прекрасная Верочка – старшая сестра писателя, умершая в 1868 г. в возрасте 19 лет.

С. 314. *...И Елена Ивановна...* – сестра жены И. Ф. Романова, жившая в его семье.

С. 315. *...от высокопоставленного либерал-просветителя и мошенника...* – Розанов имеет в виду Т. И. Филиппова.

С. 316. *...предисловие Цебриковой...* – Подчиненность женщины. Сочинение Джона Стюарта Милля / Пер. с англ. под ред. Марка Вовчка. С предисловием М. Цебриковой и приложением Писем О. Конта к Миллю по женскому вопросу и речи Я. Брайта, произнесенной в Эдинбурге 16 февраля 1870 г., о даровании избирательных прав женщинам, 2-е изд., исправленное. СПб.: Изд. книгопродавца С. В. Звонарева, 1870. Одновременно был издан и другой перевод, см.: *Милль Д. С.* Подчиненность женщины. С предисл. Г. Е. Благосветлова. СПб., 1869. Мария Константиновна Цебрикова – писательница, публицистка.

С. 317. *...и оружие пройдет тебе сердце...* – Лк. 2, 35.

С. 319. *...пройдет серп и скосит их...* – Откр. 14, 14–19.

С. 320. *...Кузнецов... пойман как глава мошеннически-воровской шайки в Петербурге...* – Алексей Федорович Кузнецов — крестьянин, депутат II Государственной думы от Тверской губернии.

...Дело Мартьянова... – См.: *Розанов В.* К делу Мартьянова // НВ. 1912. 12 нояб. (см. том «Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г.» в наст. Собр. соч.).

С. 321. *«Смысл любви»* – статья В. С. Соловьёва (Вопросы Философии и Психологии. 1892. Кн. 14–15; 1893. Кн. 16–17; 1894. Кн. 21).

...ни одной рецензии – рецензии на «Семейный вопрос в России»: *Разиньков В. Л.* Книга о семье // НВ. 1903. 28 нояб.; *Иванов Евг.* // Новый Путь. 1904. № 7. С. 196–202.

С. 322. *«Засыхают цветочки» Франциска Ассизского...* – аллюзия с известным сочинением «Цветочки святого Франциска Ассизского» (XIII в.).

...классическая гимназия Толстого... – Министр народного просвещения граф Дмитрий Андреевич Толстой утвердил в 1871 г. новый устав гимназий, где классическая система образования оказалась преобладающей.

С. 323. *...Проходит лик мира сего...* – *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 24. С. 290. Ср. также: 1 Кор. 7, 31.

...и «Копейка»... – речь идет об ежедневной бульварной «Газете-Копейке», издававшейся в Петербурге с 1903 по 1918 г. М. Городецким и В. Анзимировым.

С. 324. *...дорогое для меня письмо* – сохранилось в архиве Розанова (РГАЛИ. Ф. 419. Ед. хр. 764. Л. 51–52 об.) с датой 10 июля 1913.

С. 325. *...на стр. 447–49 «Опав. лист.»* – речь идет о том, что Христос «пришел утешить в страдании, которого обойти невозможно» (запись: «Смысл Христа не заключается ли в Гефсимании и кресте?»).

...совершившие над ним известный акт... – имеется в виду царсубийство 11 марта 1801 г.

С. 326. *Домна Васильевна* Алешинцева – бонна, воспитывавшая младших детей в семье Розанова с 1907 по 1917 г. и ухаживавшая за Варварой Дмитриевной во время болезни.

С. 329. *...гг. из Женевы и Парижа...* – имеются в виду эмигранты-революционеры.

...вот отчего «раздражить» Государя... забота о нем... – Ср. наблюдения начальника Охранного отделения Департамента полиции в Петербурге: в 1908 г. английский король Эдуард VII должен был нанести визит государю Николаю II в Петербурге. Место встречи было выбрано в Ревеле, на море, во избежание опасности со стороны террористов.

...«наш Николай Григорьевич»... – Корректуру Короба второго держала З. И. Барсукова. В письме от июня 1915 г. она обращала внимание Розанова на неточность употребления отчества Чернышевского: «Гаврилович, а не Григорьевич. <...> Если еще не напечатали, необходимо исправить» (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 29). Розанов оставил отчество так, как оно ему «виделось».

С. 331. *...«Столыпинский галстух»...* – Ср. слова Ф. И. Родичева: «...В то время, когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, только одно средство видели, один палладиум в том, что г. Пуришкевич называет муравьевским воротником и что его потомки, быть может, назовут столыпинским галстухом...» (Государственная Дума. Третий созыв. Сессия первая. Заседание восьмое. 17 ноября 1907 г. Стенографический отчет. СПб., 1908. Ст. 396). За оскорбление главы Правительства Его Императорского Величества председатель Государственной думы Хомяков предложил применить высшую меру взыскания, то есть удалить Родичева из собрания на 15 заседаний. что и было принято большинством.

«Крапивное семя» – чиновник-взяточник.

С. 325. *...Облетели цветы...* – неточная цитата из стихотворения С. Я. Надсона «Умерла моя муза!..» (1885).

С. 336. *...лупанары...* – публичный дом *(лат.)*.

...не «лунного света»... – см.: Люди лунного света.

...отпущенной грешницы... – Лк. 7. 41–50.

С. 337. *...Сама Евг. Ив. ...* – речь идет об Евгении Ивановне Апостолопуло.

С. 338. *...У Андрея Т. Болотова...* – Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. СПб., 1871. Т. 2. С. 542 (письмо 116. Моя свадьба).

С. 339. *...факт, напр., об избитом (кажется, Тагиевым), инженере...* – см.: Дело д. ст. сов. Тагиева // НВ. 1912. 8 марта. С. 7.

С. 340. *...слова друг другу...* – Быт. 19, 31).

С. 342. *...Чуковский год назад читал об этом лекцию...* – речь идет о лекции Чуковского: «Нат-Пинкертон и современная литература» (1908), которая была издана отдельной книжкой. Позднее он неоднократно повторял лекцию. Отчет о лекции – «Голос Москвы». 1908. 30 октября; «Речь». 1908. 27 октября (З. Гиппиус) и др.

...И пусть у гробового входа... – заключительная строфа из стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

С. 343. *Б.* – возможно, имеется в виду Боря Суворин.

Анатолий Федорович – Кони – юрист и общественный деятель, писатель, Розанов посвятил ему статьи: А. Ф. Кони как писатель и юрист (НВ. 1912. 19 и 22 марта); Анатолий Федорович Кони (К 50-летию его общественной и государственной деятельности) (НВ. 1915.1 окт.).

...вспоминаю статьи по † Суворина... – см.: *Изгоев И. С.* А. С. Суворин // Русская Мысль. 1912. № 9. С.1–2.

...русская революция сделана мошенниками... – см. слова Петра Верховенского (в рукописях – С. Г. Нечаев): «Я ведь мошенник, а не социалист» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 324).

С. 344. *...опыт «рыбаков»...* – имеются в виду апостолы, некоторые из них были рыбаками; Мф. 4, 49–50.

С. 346. *...Любите врагов ваших...* – Мф. 5, 44.

С. 347. *...Чаю воскресения мертвых...* – Символ веры. См. также: Деян. 23, 6.

...удовольствие доставили мне «Киреевские»... – см. статью: *Розанов В.* Историко-литературный род Киреевских // НВ. 1912. 27 сент.; 9 и 18 окт. (см. том «Признаки времени» в наст. Собр. соч.).

...маленькая заметка о Виллари... – см. рец. Розанова на кн.: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. Т. 1. СПб., 1913 (НВ. 1912. 21 нояб.); перепечатано в его книге «Среди художников».

...Гиметский мед... – мед с Гиметт (горная цепь в Аттике в Греции) славился с древности.

С. Щ-на – С. Щеколдина (установлено Е. Барабановым).

...в Михайловском монастыре... где и я молился ... – имеется в виду Златоверхий Михайловский мужской монастырь в Киеве, основание которого приписывается киевскому митрополиту Михаилу (1108 г.). Главной святы-

ней монастыря были мощи святой великомученицы Варвары. Розанов посетил Киев в сентябре 1911 г. в связи с покушением на жизнь П. А. Столыпина и молился у мощей в память хождения тещи Александры Андриановны к мощам. См. об этом в «Смертном».

С. 348. *...«Освобождение»* – двухнедельный журнал, издававшийся П. Б. Струве с 1902 по 1905 г. в Штутгарте, а затем в Париже; вокруг журнала сложился союз «Освобождение», из которого в 1905 г. образовалась кадетская партия.

«Вехи. Сборник статей русской интеллигенции» – М., 1909, 5-е изд. 1910.

...«просветительные и культурные усилия» гимназии Стоюниной – ср. упоминания зятя М. Н. Стоюниной: «Нам кто-то прислал номер «Нового Времени» с фельетоном В. В. Розанова о гимназии Стоюниной. В гимназии Марии Николаевны учились три дочери Розанова. Дети его очень любили гимназию. В своем фельетоне Розанов напал на гимназию, изображая ее как пример неправильной постановки преподавания в передовых гимназиях. Особенно он не одобрял темы, задаваемые для сочинений по русской словесности. Он писал, что они не соответствуют умственной силе детей и развивают только верхоглядство» *(Лосский Н. О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968. С. 188).

С. 349. *...как «плытие Приама в Лациум» от царицы Дидоны...* – Розанов имел в виду отплытие Энея в Италию из Карфагена от царицы Дидоны (см.: Вергилий Энеида. Кн. 4). Приам – престарелый царь Трои, погибший при взятии города греками. Пример исторического смещения у Розанова.

...а вовсе не как Вольтер в 1840-м году... – Розанов имеет в виду время жизни Вольтера в Ферне (1758–1778), его имении на границе Швейцарии и Франции, наиболее плодотворное и могущественное по влиянию его авторитета.

...Блаженны изгнанные за правду... – Мф. 5, 10.

С. 351. *...оно дергается нитками евреев и заграничных эмигрантов...* – После получения автономии Московским университетом первым выборным ректором был князь С. Н. Трубецкой (август 1905 г.). Однако автономия не принесла мира в учебное заведение и Совет профессоров 21 сентября во избежание драмы решил временно закрыть университет.

С. 352. *...Тень Герцена меня усыновила...* – пародия на монолог Самозванца в «Борисе Годунове» (1825) А. С. Пушкина.

...какая-то «Катюша»... – В рукописи сохранилась запись к этому отрывку: («Образок с ниточкой из мантии Серафима Саровского – подарок Флоренского, сбросила, переменяя белье на кровати, баба. Стекло вылетело, ниточка выпала и затерялась») (примеч. Е. Барабанова).

...генер. М., бывший на разбирательстве Гершуни... – имеются в виду генерал А. А. Макаров и Г. А. Гершуни – один из основателей партии социалистов-революционеров и ее боевой организации; в 1904 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами.

Карпович выстрелил в горло Боголепову – Н. П. Боголепов с 1898 г. – министр народного просвещения, инициатор введения репрессивных мер в высших учебных заведениях. 14 февраля 1901 г. студент московского и юрьевского университетов П. В. Карпович, уволенный за участие в студенческих

волнениях, выстрелом из револьвера смертельно ранил Боголепова в шею. На смерть Боголепова Розанов откликнулся заметкой (без подписи): Кончина министра народного просвещения Н. П. Боголепова (НВ. 1901. 3 марта; см. том «Юдаизм» в наст. Собр. соч.).

...В Шлиссельбург он явился такой радостный... – До 1906 г. Карпович находился в Шлиссельбургской крепости. «Счастьем и источником живительной радости для нас было появление в крепости Карповича» *(Фигнер В.* Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 174).

С. 353. *...Погодин верно сказал, что «Недоросля»...* – см. запись в дневнике М. П. Погодина от 25 марта 1823 г.: «О Фон-Визине. "Недоросль" должен быть помещен оригиналом в нашу Историю» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 вып. СПб., 1888. Т.1. С.211).

«Часослов» – книга ежедневных церковных служб.

«Жезаны» (распятого же за ны) – из Символа православной веры.

«Жеможаху» (якоже можаху) – тропарь Преображения. 6 августа.

Но может всяческих Невтонов... – измененные строки из «Оды на день восшествия на всероссийский престол Елисаветы Петровны 1747 года» М. В. Ломоносова.

С. 354. *Еруслан* -- герой русских сказок и былин. В тексте ассоциация с «мертвой» головой в третьей песни «Руслана и Людмилы» Пушкина.

С. 355. *...М. П. И-ва...* – Мария Павловна Иванова, сестра Е. П. Иванова.

«Конт, Милль (и еще кто-то) о подчиненности женщин» – имеется в виду кн.: *Милль Дж.* Подчиненность женщины. Предисл. Н. Михайловского и прил. писем О. Конта к Д. С. Миллю по женскому вопросу. СПб., 1869.

С. 356. *...Корнилов о Бакуниных, судьба Варенькн Бакуниной-Дьяковой...* – См.: *Корнилов А.* Семейство Бакуниных (По неизвестным материалам) // Русская Мысль. 1912. № 12. С. 67–86. Гл. XX. Позднее вышло отдельной книгой. См.: *Корнилов А. А.* Молодые годы Бакунина. М., 1915.

...Одели мундир... – в рукописи приписка: «(Лихачев Владимир Сергеевич и его Маня)» (примеч. Е. Барабанова).

С. 358. *...Земля есть и в землю отыдеши...* – Еккл. 12, 7.

С. 361. *...зычные речи Ив. Аксакова...* – имеется в виду председательство И. С. Аксакова в Московском славянском комитете (преобразованного в 1877 г. в Славянское благотворительное общество), где он вел горячую пропаганду в пользу славян, поддерживая национально-освободительное движение славянских народов. См. патетическую речь, которую он произнес 22 июня 1878 г., где он резко осудил уступки русской дипломатии на Берлинском конгрессе, завершившемся «позорным миром». За эту речь Аксаков был выслан из Москвы, а московский комитет – закрыт.

...«письма Белинского к Герцену»... «писем к тетеньке его Шпоньки»... – имеется в виду письмо В. Г. Белинского к Гоголю от 15(3) июля 1847 г; «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» Н. В. Гоголя.

С. 362. *...«Птичка Божия не знает»...* -- А. С. Пушкин. Цыганы (1824).

С. 363. *...у самого «финансиста»* – министр финансов С. Ю. Витте.

...все ничтожества из 20-ти томов «Былого»... – журнал по истории революционного движения в России «Былое» выходил в Лондоне и Пари-

же в 1900–1904 гг.; в Петербурге – в 1906–1907 гг., снова в Париже – в 1908–1913 гг. Основатель и редактор В. Л. Бурцев.

...«взрыва в Зимнем дворце»... – Взрыв в Зимнем дворце с целью убийства государя Александра II был осуществлен народовольцем С. Н. Халтуриным 5 февраля 1880 г. Для этой террористической акции он 10 сентября 1879 г. проник в штат мастеровых. Покушение на жизнь императора не достигло цели: столовая была в это время пуста, и взрыв погубил 11 солдат и 56 ранил.

...за статьей Струве... – *Струве П.* Балканский кризис и исторические задачи России // Русская Мысль. 1912. № 12. С. 156–160.

ПРИЛОЖЕНИЕ. СМЕРТНОЕ

Книга «Смертное» представляет собой краткий первоначальный набросок второго короба «Опавших листьев». Печатается по изданию: *Розанов В.* Смертное. Домашнее в 60 экземпляров издание. СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина. Авторский экземпляр с пометами хранится в Российской национальной библиотеке в С.-Петербурге. В «Книжной летописи» сообщение о выходе книги 11 мая 1913 г. Из 36 записей книги 18 полностью, а 8 частично вошли во второй короб «Опавших листьев».

С. 367. *Когда рука уже висела...* – 26 августа 1910 г. у Варвары Дмитриевны случился инсульт. Это произошло сразу же по приезде Розановых из поездки в Германию.

С. 368. *...не были крещены при Владимире* – в авторском экземпляре книги сбоку приписано рукою Розанова: (поп Альбов).

С. 369. *...27-го мая за вечерним чаем* – в конце мая 1912 г. семья Розановых готовилась к переезду в семикомнатную квартиру на Коломенской ул., д. 33, кв. 21. К этой записи в авторском экземпляре «Смертного» Розановым сделана приписка: (одна из самых страшных минут в моей жизни, каких-то жутких, ноуменальных, раздавливающих всю душу, после которых не остается дыхания. Был чудный теплый вечер. Было хорошо, и вдруг слова. Квартира больше всех предыдущих и дорогая на самой...).

Это у нас жил землемер. За чаем сидел он и семинарист. – Овдовевшая мать Розанова, Надежда Ивановна, чтобы свести концы с концами, сдавала верхний этаж дома постояльцам. С семинаристом Иваном Воскресенским Розанова сошлась, и в 1864 г. он стал детям отчимом, что стало причиной разлада в семье, дети враждовали с матерью и отчимом.

С. 372. *благорастворение воздухов* – слова из церковной молитвы («Великой ектеньи»); здесь: все спокойно.

С. 373. *(в Симбирске, 71–73 годы)* – Розанов учился в Симбирской классической гимназии в 1870–1872 учебные годы.

С. 374. *Этимологическая ошибка* – устарелое название грамматической ошибки.

С. 376. *С Ницше... никакого сходства!* – Д. С. Мережковский в 1901 г. в своей книге «Л.Толстой и Достоевский» назвал Розанова «русским Ницше».

С. 380. *С выпученными глазами...* – эта запись подверглась сокращению в тексте «Опавших листьев». В авторском экземпляре «Смертного» в конце приписка рукой Розанова: «(не интимность, а психика)».

Наташа – Наталья Аркадьевна Вальман.

С. 382. *...в Наугейме, Мюнхене* – в июне 1910 г. Розанов с женой ездил в Германию (Берлин, Наугейм, Мюнхен и др. города).

С. 383. *...когда рисовал портрет Бакст* – портрет Розанова написан Л. С. Бакстом в 1901 г. (находится в Третьяковской галерее).

...к дяде – брат «бабушки», священник Дмитрий Андрианович Жданов, крестный Варвары Дмитриевны.

...руки обращаются ладонями к образам... – Розанов писал об этом в статье «Из загадок человеческой природы» (§ 2) в своей книге «В мире неясного и нерешенного» (1901).

С. 384. *Зачем только д...* – т. е. деньги. И. П. Бутягин взял за тайное венчанье 1000 руб.

С. 385. *Димитрий Наумыч* – Руднев, отец Варвары Дмитриевны.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А. – см. Андреев Федор Константинович

А. – см. А. М. Флоренская

А. М. – см. А. М. Бутягина

Аввакум Петрович (1620/21–1682) – протопоп, писатель, глава церковного раскола – 257

Аггеев Константин Маркович – священник – 178

Адриан (76–138) – римский император – 371

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) – провокатор, один из организаторов партии эсеров – 281

Айзман Давид Яковлевич (1869–1922) – писатель, автор рассказов из жизни еврейской бедноты – 100

Акимов – сотрудник церковных изданий – 65

Акимовы – знакомые семьи Розановых – 320

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886) – поэт, публицист – 229, 361

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – публицист, историк – 386

Аксаковы – 17, 258

Аларих I (ок. 370–410) – король вестготов – 329

Алек. Пет. П-в (Попов А. П.) – 77

Александр – священник в Костроме – 162

Александр I (1777–1825) – 176

Александр II (1818–1881) – 100, 327, 361, 362

Александр III (1845–1894) – 12, 261, 308

Александр Бал (II в. до н. э.) – правитель греческой провинции Сирия – 87

Александр Македонский (356–323 до н. э.) – 99, 179, 186, 200, 207

Александр Невский (1220–1263) – 54, 283

Алексеевский Владимир – ученик нижегородской гимназии – 233, 236, 250, 252

Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) – публицист – 201

Алешинцева Домна Васильевна – няня в семье Розановых – 326, 347

Алкивиад (ок. 450–404 до н. э.) – политический и военный деятель Древних Афин – 169, 216

Альбов Иоанн Федорович – священник, с которым Розанов вел переписку – 65, 90, 194, 326

Альбова Александра Александровна – жена священника И. Ф. Альбова – 46

Амвросий Оптинский (Гренков Александр Михайлович, 1812–1891) – старец Оптиной Пустыни, канонизированный в 1988 г. – 179, 320

Амфитеатров Александр Валентинович (1892–1938) – писатель – 255, 323

Анатолий Федорович – см. А. Ф. Кони

Анахарсис (VII–VI вв. до н. э.) – скиф, побывавший в Древних Афинах – 115

Андерсен Ханс Кристиан (1805–1875) – 152

Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) – писатель – 79, 139, 197, 277
Андреев Федор Константинович (1887–1928) – друг П. А. Флоренского, богослов – 170
Анна Иоанновна (1693–1740) – 101
Анненский Николай Федорович (1843–1912) – публицист – 230, 270
Аннушка – см. А. П. Павлова
Антиох VII Гриппа – Грипой (ястребиный нос) был прозван сирийский царь Антиох VIII (146–91 до н. э.) – 35
Антоний (Вадковский Александр Васильевич, 1846–1912) – митрополит Петербургский – 65, 307
Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863–1936) – архиепископ, ректор Петербургской духовной семинарии – 88–90, 141, 153
Антонин Пий (Благочестивый) (86–161) – римский император – 220, 221, 371
Антонов Николай Родионович – священник – 170, 322
Анфимов Яков Афанасьевич (р. 1852) – невропатолог, профессор Харьковского университета – 158, 321, 380
Апостолопуло Евгения Ивановна (1857–1915) – знакомая Розанова со времен РФО, бессарабская помещица – 114, 337
Араго Доминик Франсуа (1786–1853) – французский ученый и политический деятель – 120
Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – 17, 285, 363
Аристид (ок. 540 – ок. 467 до н.э.) – афинский полководец – 328
Аристотель (384–322 до н. э.) – 20
Архимед (ок. 287–212 до н.э.) – 211
Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) – писатель – 79, 270
Аспазия (Аспасия, р. ок. 470 до н. э.) – жена Перикла, в доме которой собирались художники, поэты и философы – 355
Атилла (Аттила, ум. 453) – предводитель гуннов – 67, 68, 203
Ауновский Владимир Александрович – инспектор Симбирской гимназии – 371
Ауэр Тамара – девочка, сгоревшая по время пожара – 258
Афанасьев Николай Иванович (1864–1926) – секретарь газеты «Новое Время» – 39

Б. – см. П. Д. Бобрыкин
Б-т – см. К. Д. Бальмонт
Базен Ашиль Франсуа (1811–1888) – маршал Франции, капитулировал во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. – 249
Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824) – 30, 160, 180, 218, 224, 296, 376
Бакаев М. Е. – чиновник Департамента полиции – 351
Бакст Лев Самойлович (наст. фам. Розенберг, 1866–1924) – художник, театральный декоратор – 266, 309, 383
Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – теоретик анархизма – 17, 22, 356, 361, 362
Бакунина-Дьякова Варвара Александровна (1812–1866) – сестра М. А. Бакунина – 356
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – 111
Барклай-де-Толли Михаил Богданович (1761–1818) – полководец – 99
Батый (Бату, 1208–1255) – 351
Башкирцева Мария Константиновна (1860–1884) – художница и мемуаристка – 19
Баян (Рославлев Александр Степанович, 1879–1920) – писатель и публицист – 211, 255

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – 22, 31, 32, 45, 144, 186, 361, 362, 386
Белый Андрей (наст. фам. и имя Бугаев Борис Николаевич, 1880–1934) – 30
Бентам Иеремия (1748–1832) – 245
Беранже Пьер Жан (1780–1857) – 386
Берг Федор Николаевич (1839–1909) – писатель, редактор журнала «Русский Вестник» в 1887–1895 гг. – 216, 354
Бердягин Максим (Владимир Бибиков) (1878–1907) – эсер-террорист – 22
Берта, святая (VI–VII вв.) – жена кентского короля Этельберта, принявшая христианство – 86
Бертран – учитель французского языка в Нижегородской гимназии – 234
Бетховен Людвиг ван (1770–1827) – 322
Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – невропатолог, психиатр – 158, 159, 182, 303, 304, 321
Бисмарк Отто фон Шёнхаузен (1815–1898) – 17, 206, 359
Благосветлов Григорий Евлампиевич (1824–1880) – журналист – 101, 280, 282
Блок Александр Александрович (1880–1921) – 135
Блюнчли Иоганн Каспар (1808–1881) – швейцарский юрист – 67
Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) – писатель – 45, 108, 111, 323, 343
Боголепов Николай Павлович (1846–1901) – министр народного просвещения – 352
Богучарский (Яковлев Василий Яковлевич, 1861–1915) – публицист – 286
Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк – 45, 109, 235, 255, 257, 319, 329
Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833) – писатель и естествоиспытатель – 338
Бонч-Бруэвич (Бонч-Бруевич) Владимир Дмитриевич (1873–1955) – издатель большевистской периодики – 97
Борджиа Цезарь (ок. 1475–1507) – правитель области Романья в Италии – 122
Борух – см. Столпнер Б.Г.
Боря – см. Б.А.Суворин
Боткин Сергей Сергеевич (1859–1910) – профессор-терапевт Военно-медицинской академии в Петербурге – 308
Боттичелли Сандро (1445–1510) – 374
Брешковская (Брешко-Брешковская) Екатерина Константиновна (1844–1934) – один из организаторов партии эсеров – 102
Брихничев (Брихничев) Иона Пантелеймонович (1879–1968) – публицист, издатель, поэт – 218
Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – 19, 30
Бугаев – см. А. Белый
Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – 45, 321
Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) – журналист, писатель – 285
Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – 79
Буре Павел – фабрикант часов – 290
Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – публицист – 351
Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог, профессор Московского университета – 53, 54, 161, 172
Бугкевич Тимофей Иванович (р. 1854) – профессор богословия – 309

Бутурлин Иван Павлович (1884–1910) – офицер гвардейского полка, отравленный мужем своей сестры – 25
Бутягин Иван Павлович (1854–1894) – священник, брат первого мужа жены Розанова – 229, 346, 382–385
Бутягин Михаил Павлович (1852–1885) – первый муж В. Д. Рудневой – 312, 315, 365, 375, 385
Бутягина Александра Михайловна (Шура, Санюшка) (1883–1920) – приемная дочь Розанова – 94, 128, 141, 209, 261, 264, 291, 306, 312, 355, 369, 380, 381, 383–385
Бутягина Варвара Дмитриевна – см. В. Д. Руднева
Бутягина Елизавета (Лиза) – подруга сестры первого мужа В. Д. Бутягиной-Розановой – 288
Бызов – приятель Ф. Э. Шперка – 81, 124
Бюхнер Людвиг (1824–1899) – немецкий естествоиспытатель и философ – 306, 344

В. Д. – см. В. Д. Руднева
В-ская – см. Вергежская
Вагнер Рихард (1813–1883) – 57
Варвара Андреевна (урожд. Г.) – знакомая Розанова – 182, 184
Варвара Дмитриевна – см. В. Д. Руднева
Василий – слуга в доме А. С. Суворина – 107
Василий Михайлович – см. В. М. Шундиков
Васильев Афанасий Васильевич (Афонька) (1851–1929) – начальник Розанова в Гос. контроле – 133, 224, 375
Вашингтон Джордж (1732–1799) – 237
Введенский Александр Иванович (1856–1925) – профессор Петербургского университета, председатель Петербургского философского общества (1899–1922) – 124
Вейнингер Отто (1880–1903) – австрийский писатель, сексолог – 86
Вейс – торговец – 100
Веллингтон Артур Уэлсли (1769–1852) – английский фельдмаршал, премьер-министр в 1828–1830 гг. – 79
Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – историк литературы, библиограф – 97, 200, 366
Вера – подруга А. М. Бутягиной – 380
Вера – кухарка у Розановых – 334, 335
Вера Ивановна – см. Ратевская В. И.
Вергежская (-ий) – псевдоним писательницы Ариадны Владимировны Тырковой (1869–1962) – 8, 102, 260
Виардо-Гарсиа Мишель Полина (1821–1910) – французская певица, друг И. С. Тургенева – 115
Виклиф (Уиклиф) Джон (ок. 1330–1384) – английский реформатор – 103, 104
Виллари Паскуале (1827–1917) – итальянский историк – 347
Вильборг Артур Иванович – один из учредителей Школы печатного дела Русского технического общества – 173
Вильгельм II (1859–1941) – германский император – 308
Винавер Максим Моисеевич (1862/63–1926) – один из основателей кадетской партии – 175, 177, 348
Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – профессор всеобщей истории Московского университета, академик – 172
Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, профессор Московского университета – 325
Виргилий (Вергилий) Марон Публий (70–19 до н. э.) – римский поэт – 210

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – граф, председатель Совета министров в 1905–1906 гг., автор Манифеста 17 октября 1905 г. – 39, 55
Вишневский Иван Васильевич – директор Симбирской гимназии – 284
Владимир Карлович – см. В. К. Саблер
Владимир Святославич (ум. 1015) – великий князь киевский – 194, 368
Вознесенский Константин Васильевич – университетский товарищ Розанова; в 1891 г. согласился поступить на место Розанова в Ельце, а Розанов переехал на его место в прогимназии в г. Белый Смоленской губ. – 15
Волжский (наст. фам. Глинка) Александр Сергеевич (1878–1940) – критик и историк литературы – 134, 224, 296, 376
Волконский Сергей Григорьевич (1788–1865) – князь, декабрист – 100
Володя – см. Остафьев В.
Володя – см. Розанов В. Н.
Вольтер (1694–1778) – 120, 199, 214, 349
Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, затем наместник на Кавказе – 79
Вуколов Иван – духовный отец А. А. Рудневой – 384

Г. – см. И. А. Гофштеттер
Г., Г-н – см. М. О. Гершензон
Г. И. Ш. – студент – 276
Г. С. П. – см. Г. С. Петров
Галахов Алексей Дмитриевич (1807–1892) – историк литературы, составитель хрестоматий русской литературы – 171
Гамбургеры – жена В. Н. Розанова и се родичи – 288
Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник, инициатор шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. – 39
Гарнак Адольф фон (1851–1903) – богослов – 56
Гаррис – псевдоним журналистки Марии Александровны Каллаш – 111
Гауптман Герхарт (1862–1946) – немецкий писатель – 363
Ге Николай Петрович (1884–1920) – внук художника, искусствовед – 211, 282
Гедройц Вера Игнатьевна (1876–1932) – княжна, практикующий врач – 182
Гейне Генрих (1797–1856) – 100
Гельфман Геся Мироновна (1852/55–1882) – террористка – 22
Гермоген (Георгий Ефремович Долганов, 1858–1919) – епископ Саратовский и Царицынский, требовал отлучения Розанова от церкви – 65, 141, 153
Герострат – грек из г. Эфеса (Малая Азия); в 356 г. до н. э., чтобы обессмертить свое имя, сжег храм Артемиды Эфесской, одно из семи чудес света – 31
Герцен Александр Иванович (1812–1870) – 8, 9, 17, 22, 31, 32, 54, 96, 109, 132, 169, 198, 219, 267. 327, 349, 361, 362
Герцен Наталья Александровна (урожд. Захарьина, 1817–1852) – жена А. И. Герцена – 352, 361
Гершензон Михаил Осипович (1869–1925) – историк литературы и общественной мысли – 45, 102, 122, 167, 169, 277, 305
Гершуни Григорий Андреевич (1870–1908) – один из основателей партии эсеров, публицист – 352

Герье Владимир Иванович (1837–1919) – профессор всеобщей истории Московского университета – 172
Гесс – врач – 314
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832) – 79, 323
Геттнер (Гетнер) Герман (1821–1882) – немецкий историк литературы и искусства – 249
Гизо Франсуа (1787–1874) – французский историк – 120, 208
Гиляров-Платонов Николай Петрович (1824–1887) – публицист – 282
Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) – писательница, жена Д. С. Мережковского – 135, 136, 217
Глаголева Марья Павловна – сестра первого мужа В. Д. Бутягиной-Розановой – 288
Глинский Борис Борисович (1860–1917) – публицист – 286
Глубовский (Глубоковский) Николай Никанорович (1863–1937) – историк церкви – 65
Говоруха-Отрок Юрий Николаевич (1851–1896) – писатель и критик – 136, 196
Гогенцоллерны – династия прусских королей (1701–1918), германских императоров (1871–1918) – 359
Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – 105, 106, 130, 140, 141, 149, 157, 179, 207, 253, 263, 287–289, 308, 311, 361
Гомер (VIII–VII вв. до н. э.) – 79, 81, 210
Гораций (65–8 до н. э.) – римский поэт – 79
Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941) – литературовед – 18, 176, 277, 279
Горский – гимназист в Нижнем Новгороде – 335
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936) – 56, 175, 197, 201, 259, 270, 277, 282
Гофман Иосиф (Юзеф) (1876–1957) – польский пианист и композитор, в 1895–1913 гг. концертировал в Петербурге – 48
Гофштетер (Гофштеттер) Ипполит Андреевич (1860–1951) – публицист, сотрудник «Нового Времени» – 281, 286, 353, 382
Гофштеттер Лидия Эрастовна – жена И. А. Гофштеттера – 114, 280
Грехов – учитель гимназии в Нижнем Новгороде – 234
Грехова Дарья Кирилловна – жена учителя Грехова – 234
Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829) – 79, 139, 241
Григорий I Великий (540–604) – папа римский – 179, 256
Григорий VII Гильдебранд (1015/20–1085) – папа римский – 179
Григорий Спиридоныч – см. Г. С. Петров
Григорьев Владимир Васильевич – преподаватель естественной истории в 1-й Московской гимназии – 263, 370
Гринберг Михаил Давидович – петербургский врач – 16
Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) – издатель «Московских Ведомостей» – 56
Грифцов Борис Александрович (1885–1950) – литературовед, искусствовед – 296
Грубер – очевидно, поэт-переводчик «Фауста» Эдуард Иванович Губер (1814–1847) – 57
Гузарчик – подруга Н. В. Розановой – 146
Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1940) – писательница и критик – 270

Гурко Владимир Иосифович (1863–1931) – член Государственного совета – 211, 320
Гуттенберг (Гутенберг) Иоганн (1394/99–1468) – немецкий изобретатель книгопечатания – 9, 32, 111, 124, 132, 218, 262, 323, 331

Даль Владимир Иванович (1801–1872) – писатель, лексикограф – 198
Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – культуролог – 52, 259
Данте Алигьери (1265–1321) – 267
Дарвин Чарлз Роберт (1809–1882) – 51, 129, 212, 285, 329
Дарий III – царь из династии Ахеменидов, в 333 г. до н. э. потерпел поражение от Александра Македонского – 179
Дегаев Сергей Петрович (1857–1920) – член исполнительного комитета «Народной воли» (1882), провокатор – 217
Декарт Рене (1596–1650) – 100
Де-Ласси – см. Обриен-де-Ласси
Делянов Иван Давыдовыч (1818–1897) – министр народного просвещения (с 1882) – 211
Державин Гаврила Александрович (1743–1816) – 138, 140
Дернов Александр Александрович (р. 1857) – сотрудник церковных изданий – 157
Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд (1804–1881) – английский писатель и политический деятель – 17
Димитрий Андрианович – см. Д. А. Жданов
Дмитрий Наумович – см. Д. Н. Руднев
Дмитрий Сергеевич – см. Д. С. Мережковский
Добиаш Ольга Антоновна (1874–1939) – историк – 325
Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) – 17, 214, 282
Домна Васильевна – см. Д. В. Алешинцева
Дондукова-Корсакова Мария Михайловна (1827–1909) – княжна – 283
Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922) – журналист, писатель – 167
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – 12, 50, 131, 154, 197, 229, 278, 282, 323, 343
Дроздов Николай Георгиевич – протоиерей церкви св. Пантелеймона в Петербурге – 65, 164
«Друг» – см. Руднева В. Д.
Дрэпер Джон Уильям (1811–1882) – американский историк и ученый – 78, 235, 255
Дункан Айседора (1877–1927) – американская танцовщица – 308
Дюма-сын Александр (1824–1895) – французский писатель – 108
Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) – театральный и художественный деятель – 133

Евгения Ивановна – см. Е. И. Апостолопуло
Евтушевский Василий Адрианович (1836–1888) – автор учебника арифметики для народных школ – 152
Егоров Ефим Александрович (1861–?) – секретарь «Нового Пути» – 221
Екатерина II (1729–1796) – 101, 212
Елена Ивановна – см. Е. И. Романова
Елена Павловна (1806–1873) – великая княгиня, известная своей филантропической деятельностью – 90, 91, 191, 326, 340–344, 346, 348, 349, 360, 369
Енгалычев – князь – 244

Еремеев Дмитрий Владимирович – симбирский губернатор в 1870-е гг. – 284
Еремеев Павел Владимирович (1830–1899) – минералог, академик, президент Минералогического общества – 252
Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) – генерал, участник Отечественной войны 1812 г. – 79
Ешинский – ученик гимназии в Нижнем Новгороде – 233, 236, 250

Ж-ков М. А. – знакомый Розанова по Ельцу – 184
Жданов Димитрий Андрианович – священник, брат матери В. Д. Бутягиной-Розановой, ее крестный отец – 288
Жданова Александра Дмитриевна (по мужу Звягинцева) – двоюродная сестра жсны Розанова – 287
Желябов Андрей Иванович (1851–1881) – террорист – 102, 280, 327, 361
Женя – подруга А. М. Бутягиной – 380
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – 97, 140, 263

Заболотский Александр Петрович – преподаватель греческого языка в Нижегородской гимназии – 374
Зайцев – содержатель лавки солений – 85
Зайцев Варфоломей Александрович (1842–1882) – публицист, критик – 101
Закржевский Александр Карлович (1886–1916) – критик, автор работ о Розанове – 224, 296, 376
Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920) – член Государственной думы, представитель Собрания националистов – 111
Заозерский Николай Александрович (1851–1919) – профессор церковного права в Московской духовной академии – 215
Запольский – гимназический товарищ Розанова в Нижнем Новгороде – 335
Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – деятельница революционного движения – 283
Захарьин Григорий Антонович (1829–1897) – профессор-терапевт Московского университета – 294
Звягинцев – врач в Ельце – 174
Зейгниц – аптекарь в Костроме – 333
Зельма – 340
Зембрих Марчелла (1858–1935) – польская певица – 308
Зеня – подруга А. М. Бутягиной – 380
Зина – см. З. Н. Гиппиус
Златоуст (Иоанн Златоуст) (344/354–407) – идеолог восточнохристианской церкви – 307
Зоя – подруга Н.В.Розановой – 146
Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – жандармский полковник, создатель системы полицейского сыска – 18

И-ва М. П. – см. Иванова М. П.
И. И. Т. – Толстой Иван Иванович (1860–1916) – граф, нумизмат, министр народного просвещения (1905–1906) – 47
Иван III (1440–1505) – 176
Иван IV Грозный (1530–1584) – 101, 328
Иван Павлович – см. И. П. Бутягин или И. П. Щербов
Иванов Евгений Павлович (1879–1942) – журналист – 211, 212, 282
Иванова Мария Павловна (1874–1941) – сестра Е. П. Иванова – 355

Иванов-Разумников (Иванов Разумник Васильевич, 1878–1946) – литературовед – 176
Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849–1916) – народник, редактор журнала «Сибирские Вопросы» в 1909–1912 гг. – 18
Изгоев А. (наст. фам. Ландс Александр (Аарон) Соломонович, 1872–1935) – журналист – 44, 260
Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921) – писатель, критик – 198
Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) – историк, автор учебников по всеобщей и русской истории для гимназий – 11, 14, 25, 67, 68, 85, 103, 329
Иннокентий III (1160/61–1216) – папа римский – 179
Иоанн Кронштадтский (Сергиев Иоанн Ильич, 1829–1908) – протоиерей, настоятель Андреевского собора в Кронштадте, канонизирован в 1990 г. – 102
Иоанны – русские цари – 363
Ионафан (Руднев Иван Наумович, 1816–1906) – епископ в Ярославле, брат отца жены Розанова – 365

К-кие – см. Красницкие
Каблуков Сергей Платонович (1881–1919) – секретарь Религиозно-философского общества, музыковед – 19, 199
Калабина Пелагия Михайловна – почетная гражданка Ельца – 383
Камбиз (ум. 522 до н. э.) – персидский царь, завоевал Египет – 179
Кант Иммануил (1724–1804) – 42, 51, 100, 126
Кантемир Антиох Дмитриевич (1708–1744) – князь, поэт, дипломат – 11, 22
Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – 23, 124, 140, 236, 258
Караулов Василий Андреевич (1854–1910) – общественный и политический деятель – 285
Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк – 200, 366
Карпинский Александр Иванович (1872–?) – врач, член Русского общества нормальной и патологической психологии – 156, 158, 159, 163, 173, 182, 321, 333
Карпов – гимназист в Нижнем Новгороде – 236, 239, 242
Карпович Петр Владимирович (1874–1917) – эсер-террорист – 353
Карташов (Карташёв) Антон Владимирович (1875–1960) – богослов – 221
Кассо Лев Аристидович (1865–1914) – министр народного просвещения в 1911–1914 гг. – 45
Катерина – горничная у Н. В. Розанова – 233, 252
Катилина Луций Сергий (ок. 108–62 до н. э.) – римский политический деятель – 14, 31, 96
Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – издатель «Русского Вестника» и газеты «Московские Ведомости» – 56
Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк, критик, издавал «Вестник Европы» (1805–1830) – 236
Кибальчич Николай Иванович (1853–1881) – изобретатель-террорист – 352
Кильдюшевский Петр Иванович – преподаватель гимназии в Симбирске, классный наставник Розанова – 284
Кимон (ок. 504–449 до н. э.) – афинский полководец – 328
Кир II Великий (ум. 530 до н. э.) – первый царь государства Ахеменидов – 179

Киреевские – братья Иван Васильевич (1806–1856) и Петр Васильевич (1808–1856) – 171, 347, 353
Клейнмихель Петр Андреевич (1793–1869) – граф, главноуправляющий путями сообщения (1842–1855), руководитель постройки железной дороги Петербург – Москва – 362
Клотильда, святая (ум. 544) – жена короля салических франков Хлодвига I, принявшая христианство – 86
Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – 53, 85
Кнушевицкий – гимназист в Нижнем Новгороде – 239, 242
Княжнин Яков Борисович (1740/42–1791) – драматург, поэт, академик – 352
Ковалевская Софья Васильевна (1820–1891) – 283
Кожевников Владимир Александрович (1852–1917) – историк культуры, философ – 302
Кокшаров Николай Иванович (1818–1892) – минералог-кристаллограф – 252
Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842) – 241
Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – актриса – 308
Комнен (Комнин) Алексей (1048–1118) – византийский император – 215
Кони Анатолий Федорович (1844–1927) – юрист и общественный деятель – 343
Коноплянцев Александр Михайлович (1875–после 1929) – ученик Розанова, участник сборника «Памяти К. Н. Леонтьева» (СПб., 1911) – 144
Константин I Великий Флавий Валерий (ок. 285–337) – римский император – 179
Конт Огюст (1798–1857) – французский философ-позитивист – 33, 95, 316, 355
Конфуций (Кун-цзы, ок. 551–479 до н. э.) – 329
Корецкий Николай Владимирович (1869–1939) – поэт, драматург – 85
Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк, автор книги «Молодые годы Михаила Бакунина» (М., 1915) – 356
Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – 18, 96, 99, 214, 229, 270, 277, 279–281
Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – филолог, академик – 172
Костомаров Николай Иванович (1817–1885) – историк, писатель – 249
Краевский Андрей Александрович (1810–1889) – издатель, журналист – 195
Кранифельд (Кранихфельд) Владимир Павлович (1865–1918) – критик, публицист, сотрудничал в журнале «Современный Мир» – 176
Крапоткин (Кропоткин) Петр Алексеевич (1842–1921) – 96, 277
Красницкие – знакомые Розанова в Брянске – 299
Кремер Яков Иванович (?–1903) – преподаватель латинского языка в 4-й Московской гимназии, автор «Латинской грамматики» (1867) – 232, 373
Кромвель Оливер (1599–1658) – 102, 328
Кропотов – гимназист в Симбирске – 235
Ксюнин Алексей Иванович (1882–1938) – журналист, печатавшийся в «Новом Времени» – 151
Кудрявцев Константин Иванович – приятель Розанова по гимназии – 232–252, 373

Кузнецов Алексей Федорович (р. 1878) – крестьянин, депутат II Государственной думы от Тверской губернии – 320
Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) – публицист, юрист – 201
Куклярский Федор Федорович – журналист, философ, с которым переписывался Розанов – 224, 376
Куковенов Николай Григорьевич – практикующий врач – 163
Куприн Александр Иванович (1870–1938) – 229
Кусков Платон Александрович (1834–1909) – поэт, публицист – 286
Кускова Елизавета – псевдоним публицистки Екатерины Дмитриевны Прокопович (урожд. Есипова, в первом браке Кускова, 1869–1958) – 116, 164, 283, 329
Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – политический деятель, деятель партии кадетов – 55, 283
Кутузов (Голенищев-Кутузов) Арсений Аркадьевич (1848–1913) – граф, заведующий канцелярией вдовствующей императрицы Марии Федоровны (1847–1928) – 212
Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813) – 23, 99

Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – философ, идеолог народничества – 96
Лаговский – врач в Костроме – 262, 370
Ланской – граф – 236
Лассаль Фердинанд (1825–1864) – 334
Лебедев – цензор – 65
Лев I Великий – папа римский в 440–461 гг. – 179
Лева – товарищ Розанова в Костроме – 301
Левин Давид Абрамович (р. 1863) – публицист, сотрудничал в кадетской газете «Речь» – 84, 119
Левицкая Елена Сергеевна (ум. 1915) – начальница гимназии в Царском Селе – 231, 375
Леднев П. (наст. фам. Свечин) – философ – 124
Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – 100
Леонардо да Винчи (1452–1519) – 32
Леонов Иван Павлович – надзиратель гимназии в Ельце – 232, 375
Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) – 57, 79, 81, 118, 136, 168, 169, 177–181, 196, 199, 224, 282, 309, 366, 376
Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – 72, 77, 79, 140, 141, 238, 302, 309, 344
Лесков Николай Семенович (1831–1895) – 258
Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781) – 17
Ливий Тит (59 до н. э. – 17 н. э.) – римский историк – 99
Лидваль Эрик Леонард – аферист – 211, 320
Лидия Эрастовна – см. Л. И. Гофштеттер
Лициний Валерий Лициниан (ок. 250–325) – римский император – 179
Локк Джон (1632–1704) – 297
Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) – 22, 171, 241
Лорис-Меликов Михаил Териелович (1825–1888) – граф, министр внутренних дел в 1880–1881 гг. – 12
Люба – двоюродная сестра Коли Кудрявцева – 239
Людовик XIV (1638–1715) – французский король – 102
Лютер Мартин (1483–1546) – 203, 256
Ляйэль (Лайель) Чарлз (1797–1875) – английский естествоиспытатель –252

М. – см. А. А. Макаров
М., Мер. – см. Д. С. Мережковский
Магницкий (Магнитский) Михаил Леонтьевич (1778–1844) – государственный деятель, литератор – 285
Мадмазелькин – см. С. П. Каблуков
Мазини Анджело (1844–1926) – итальянский певец – 206
Майков Аполлон Николаевич (1821–1897) – поэт – 211
Майн Рид Т. – см. Рид Т. М.
Макаревский Михаил Иванович – служащий Синода – 112
Макарий (1349–1444) – преподобный – 258
Макаров А. А. – генерал, участвовавший в процессе над эсером Г. А. Гершуни в 1904 г. – 9, 352
Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) – английский историк – 297
Максимов Сергей Васильевич (1831–1901) – писатель, этнограф – 69
Манлии – древнеримский род – 371
Маринин – гимназист в Нижнем Новгороде – 239, 242
Марк Аврелий (121–180) – 87, 197
Маркс Карл (1818–1883) – 334, 377
Марта – подруга А. М. Бутягиной – 380
Мартьянов – ответчик в судебном деле об отцеубийце – 320
Марья – прислуга в доме А. А. Рудневой в Ельце – 127
Маслов – становой пристав – 237
Маслов Алексей Николаевич (1852–1922) – публицист и писатель, печатавшийся под псевдонимом А. Бежецкий – 100
Матэ Василий Васильевич (1856–1917) – гравер – 309
Мелетий Смотрицкий (ок. 1577–1633) – церковный и общественный деятель, автор «Грамматики» (1619) славянского языка – 171
Мельшин – псевдоним поэта и прозаика, участника революционного движения Петра Филипповича Якубовича (1860–1911) – 230
Мережковские Д. С. и З. Н. – 289
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – 42, 43, 54, 57, 133, 135, 136, 150, 176, 177, 224, 289, 309, 357, 376
Мержеевский Иван Павлович (1838–1908) – профессор-психиатр Военно-медицинской академии в Петербурге – 182, 380
Меровинги – королевская династия во Франкском государстве V–VIII вв. – 25
Метерлинк Морис (1862–1949) – бельгийский писатель – 30, 45, 46, 199, 366
Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – писатель и публицист, издатель журнала «Гражданин» (1872–1914) – 56
Микель-Анджело (Микеланджело) Буонарроти (1475–1564) – 32
Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский философ и экономист – 17, 131, 316, 355
Мильтон Джон (1608–1674) – английский поэт – 267
Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – один из организаторов партии кадетов, историк, публицист – 165, 348, 352
Минин Кузьма Минич (ум. 1616) – 221, 257
Минский Николай Максимович (наст. фам. Виленкин, 1855–1937) – писатель, журналист – 24
Михаил Павлович – см. М. П. Бутягин
Михайлов Александр Дмитриевич (1855–1884) – террорист – 363
Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – народник,

публицист, критик – 22, 23, 31, 32, 42, 138, 176, 191, 210, 228, 270, 282, 283, 381
Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790–1848) – адъютант М. И. Кутузова, историк Отечественной войны 1812 г. – 99
Молешотт Якоб (1822–1893) – немецкий физиолог и философ – 306
Моммсен (Моммзен) Теодор (1817–1903) – немецкий историк – 15, 67
Монтань (Монтень) Мишель де (1533–1592) – 120
Монтескьё Шарль Луи (1689–1755) – 245
Мор Фридрих (1806–1879) – немецкий ученый, автор книги «История земли. Геология на новых основаниях» (рус. пер. М., 1868) – 252
Мордвинов Николай Семенович (1754–1845) – государственный деятель, экономист – 17
Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905) – писатель, автор романов из русской истории – 249
Морозов Николай Александрович (1854–1946) – народник-революционер – 21, 186
Морозова Маргарита Кирилловна (1873–1958) – меценатка – 169
Моррисон – учитель французского языка в Елецкой гимназии – 384
Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) – религиозный писатель – 214
Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) – профессор Московского университета, председатель I Государственной думы – 233, 373
Мусин Николай Семеныч – учитель в Костроме – 184, 185
Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – литератор, историк – 18, 277
Н. М. М. – см. Н. М. Минский
Н. Р. Щ. – см. Н. Р. Щербова
Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – один из лидеров кадетской партии, юрист, публицист – 357
Надежда Романовна – см. Н. Р. Щербова
Надя – горничная в семье Розановых – 117, 157, 291, 298
Наполеон I (1769–1821) – 14, 38, 58, 95, 122, 123, 179, 218, 219, 285, 298, 343, 362, 373
Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808–1873) – 100
Наталья (Наталья Минкина) – любовница А. А. Аракчеева, убитая в 1825 г. – 363
Наташа – подруга А. М. Бутягиной – 380
Наук Август Августович (ум. 1912) – семейный врач Розановых – 153, 158, 159, 182, 264, 307
Незлобин-Дьяков Александр Александрович (1845–1895) – автор обличительных рассказов из жизни заграничных «нигилистов» – 101
Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78) – 11, 13, 14, 31, 32, 50, 195, 200, 211, 233, 272, 327
Нерон (37–68) – римский император – 193
Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942) – художник – 308
Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882) – террорист – 343
Ник. Вас. – см. Н. В. Розанов
Никитин Иван Саввич (1824–1861) – поэт – 241
Николай – пасынок С. В. Розанова – 173
Николай I (1796–1855) – 104, 187, 284
Николай II (1868–1918) – 18
Николай Константинович – см. Н. К. Михайловский

Ницше Фридрих (1844–1900) – 35, 42, 112, 122, 177, 224, 376
Новиков Николай Иванович (1744–1818) – писатель-просветитель, заключенный по приказу Екатерины II в Шлиссельбургскую крепость – 11, 101, 123, 124
Новосёлов Михаил Александрович (1864–1938) – писатель – 302, 321
Нувель Вальтер Федорович (1871–1849) – художник, участник художественного объединения «Мир искусства» – 133
Нубби-бей Осман – торговец-нумизмат – 35
Ньютон Исаак (1643–1727) – 225, 304, 310, 353, 376, 377, 378

Обриен-де-Ласси – граф Патрикей Петрович О'Бриен де-Ланси, осужденный по процессу В. Д. Бутурлина – 198
Огарев Николай Платонович (1813–1877) – 169
Огарева Мария Львовна – первая жена Н. П. Огарева – 305
Одоевский Владимир Федорович (1803/4–1869) – князь, писатель – 171, 353
Оллендорф Генрих Готфрид (1803–1865) – автор учебников немецкого и французского языков – 242
Ольга Ивановна – см. О. И. Романова
Ольга, святая (ок. 890–969) – жена киевского князя Игоря, принявшая христианство – 86
Оль-д-Ор (О. Л. Д'Ор) – псевдоним писателя и журналиста Осипа Львовича Оршера (1879–1942) – 174
Остафьев Володя – гимназист в Нижнем Новгороде – 21, 233, 236, 239, 242
Островский Александр Николаевич (1823–1886) – 104

П. С. – см. П. Б. Струве
Павел I (1754–1801) – 325, 329
Павлова Анна Павловна (1881–1931) – балерина – 9
Панина Варвара Васильевна (1872–1911) – певица, исполнительница бытовых романсов, цыганских песен – 9
Пантелеев Лонгин Федорович (1840–1919) – издатель – 282
Панченко Владимир Кириллович – доктор – 198
Паскаль Блез (1623–1662) – 84, 120, 308
Пахомов – одноклассник Розанова в Симбирской гимназии – 372
Передольский Владимир Васильевич (р. 1869) – публицист, коллекционер русской старины – 69, 161
Переплетчиков – гимназист в Нижнем Новгороде – 234–236, 239
Перикл (ок. 490–429 до н. э.) – афинский стратег (главнокомандующий) – 328, 329
Перовская Софья Львовна (1853–1881) – террористка – 102, 256, 283, 327
Перцов Петр Петрович (1868–1947) – публицист, критик – 35, 118, 206, 218, 283, 311, 367
Пестель Павел Иванович (1793–1826) – декабрист – 17, 23, 200
Петр I Великий (1672–1725) – 17, 140, 348
Петрашевский (Буташевич-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821–1866) – утопический социалист – 343
Петрищев Афанасий Борисович (1872–1938) – публицист, писатель – 18, 279
Петров Григорий Спиридонович (1868–1925) – священник, публицист – 14, 70, 99, 255, 323, 331, 343, 348, 357

Петропавловский Иван Феоктистович (1854–1888) – учитель гимназии в Ельце – 174, 365
Петя – см. П. Н. Розанов
Печерский Андрей (наст. фам. Мельников Павел Иванович, 1818–1883) – писатель – 88
Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – публицист – 18, 214, 229, 277, 281
Пиндар (ок. 518–442/38 до н. э.) – древнегреческий поэт – 267
Пирожков Михаил Васильевич (1867–1927) – петербургский издатель, выпускавший книги Розанова – 329
Писарев Дмитрий Иванович (1840–1868) – 45, 101, 306, 343
Пифагор Самосский (VI в. до н. э.) – 10, 26, 304, 319
Платон (428/27–348/47 до н. э.) – 92, 202, 292, 318, 319, 353
Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – министр внутренних дел, шеф корпуса жандармов – 270
Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – 277
Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) – государственный деятель, обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг. – 14, 57, 58, 65, 315
Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк, писатель – 131, 353
Поддубенская – знакомая Розанова – 250
Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642) – 221, 257
Полевая Наташа – подруга Н. В. Розановой – 146
Поливанов Петр Сергеевич (1859–1903) – гимназист в Нижнем Новгороде, народоволец, пробыл в заключении 20 лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях – 233, 234, 236, 239
Полонский Яков Петрович (1819–1898) – поэт 163, 164
Попов – купец – 242, 291
Пор – царь древнеиндийского государства, потерпел поражение от Александра Македонского (326 до н. э.) – 179, 186
Потехин В. М. – дядя Кости Кудрявцева – 238
Прокопович Феофан (1681–1736) – писатель-просветитель – 171
Протейкинский Виктор Павлович (ум. 1914) – учитель математики, участник кружка «Мир искусства» – 7, 8, 133
Прудон Пьер Жозеф (1809–1865) – французский социалист – 99, 109
Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – политический деятель, монархист – 165
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) – 11, 14, 18, 59, 60, 79, 97, 101, 117, 129, 138, 140, 141, 170, 200, 306, 343, 357, 366

Р. – см. И. Е. Репин
Р. – см. Г. В. Рочко
Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – 111, 123, 124, 361
Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) – 124
Радонежский Александр Анемподистович – педагог, автор книг для первоначального классного чтения – 263, 370
Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671) – 283
Разиньков Василий Лазаревич – публицист, сотрудник «Нового Времени» – 215
Райвид Вольф Берович – петербургский врач – 182

Растрелли – архитекторы Бартоломео Растрелли (1675–1744) и его сын Варфоломей (1700–1771) – 140
Рафаэль Санти (1483–1520) – 180
Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) – ботаник, деятель народного просвещения – 57, 58, 65, 81, 153, 198, 272, 309, 353, 377, 378
Рашевская Вера Ивановна – учительница музыки – 172
Ревекка NN – см. Эфрос Р. Ю.
Реклю Жан Жак Элизе (1830–1905) – французский географ, политический деятель, теоретик анархизма – 96
Рембрант (Рембрандт) Харменс ван Рейн (1606–1669) – 206, 314
Ренан Жозеф Эрнест (1823–1892) – французский писатель и историк – 182, 329
Рентельн Карл Владимирович (ум. 1912) – петербургский практикующий врач – 60, 307
Репин Илья Ефимович (1844–1930) – 16, 51, 105, 106
Ригм – теолог
Рид Томас Майн (1818–1883) – английский писатель – 215
Рогачёва – домохозяйка в Ельце – 231, 375
Роданович Светозар Степанович (Радованович) – знакомый Розанова – 169, 274
Родзевич – учитель гимназии в Нижнем Новгороде – 335
Родичев Федор Измайлович (1853–1932) – один из руководителей кадетской партии – 31, 331
Розанов Василий Васильевич (1856–1919) – 8, 19–21, 39, 46, 54, 55, 68, 85, 133, 135, 136, 139, 149, 162, 194, 215, 217, 224, 229, 233–256, 262, 275, 282, 306, 312, 325, 327, 339, 342, 347, 354, 355, 359, 364, 368, 370, 373, 374, 376, 383–385
Розанов Василий Васильевич (1899–1918) – сын писателя – 78, 152, 181, 182, 231, 258, 268, 308, 326, 375
Розанов Владимир Николаевич (1876–1939) – племянник Розанова – 294, 295, 350, 351
Розанов Николай Васильевич (1847–1894) – брат писателя – 11, 127, 237, 241, 284, 297, 313, 371
Розанов Петр Николаевич (1885–?) – племянник Розанова – 294
Розанов Сергей Васильевич (1858 – после 1911) – брат писателя – 204, 295
Розанов Федор Васильевич (1850–1901) – брат писателя – 263, 370
Розанова Варвара Васильевна (1898–1943) – дочь писателя – 83, 209, 231, 269, 375, 381
Розанова Варвара Дмитриевна – см. В. Д. Руднева
Розанова Вера Васильевна (1848–1868) – сестра писателя – 262, 370, 371
Розанова Вера Васильевна (1896–1919) – дочь писателя – 83, 92, 157, 161, 173, 269
Розанова Надежда Ивановна (урожд. Шишкина, 1826–1870) – мать писателя – 64, 112, 126, 127, 134, 162, 204, 333, 370
Розанова Надежда Васильевна (1900–1956) – дочь писателя – 146, 173
Розанова Надя (1892–1893) – первая дочь писателя, умершая в младенчестве – 89, 100, 303
Розанова Татьяна Васильевна (1895–1975) – старшая дочь писателя – 83, 143–145, 157, 162, 172, 173, 206, 225, 231, 269, 280, 320, 324, 325, 375, 378, 379
Розенблюм Аркадий Ефимович – врач – 159, 182
Романов Иван – сын И. Ф. Романова – 314

Романов Иван Федорович – см. Рцы
Романов Сергей – сын И. Ф. Романова – 314
Романова Елена Ивановна – сестра О. И. Романовой – 314
Романова Ольга Ивановна – жена И. Ф. Романова (Рцы) – 93, 230, 282, 314
Россини Джоаккино (1792–1868) – 314
Ротшильды – династия финансовых магнатов – 99
Рочко Григорий Викторович (1886–1959) – поэт, журналист – 214, 265
Роше – врач – 307
Руднев Дмитрий Наумович (ум. ок. 1878) – отец жены Розанова – 385
Руднев Тихон Дмитриевич (Тиша Руднев) – брат жены Розанова, юрист – 231, 375
Руднева Александра Адриановна (урожд. Жданова, «бабушка», ок. 1826–1911) – мать жены писателя – 60, 64, 65, 76, 77, 115, 127, 128, 135, 141, 143, 146, 148, 193, 206, 229, 232, 291, 292, 312, 347, 365–367, 375, 380, 384, 385
Руднева Варвара Дмитриевна (Бутягина по первому мужу, 1864–1923) – вторая жена Розанова, «друг», как он называл ее – 13, 23, 33, 38, 61–64, 66, 69, 71, 77, 80, 82, 83, 91, 93, 114, 115, 117, 124, 128, 133, 136, 142, 143, 145, 147, 152–154, 156–159, 166, 172, 182, 187, 194, 204, 225, 230, 231, 261, 263, 264, 268, 282, 287, 290, 291, 303, 306, 308, 312, 314–317, 321, 324–326, 332, 334, 346, 347, 355, 360, 364, 365, 368, 374, 376, 378, 382–385
Руднева Нина – дочь брата жены Розанова – 13, 87
Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725–1796) – полководец – 249
Рунич Дмитрий Павлович (1780–1860) – попечитель Петербургского учебного округа – 285
Руссо Жан Жак (1712–1778) – 120, 132, 349
Рцы (Романов Иван Федорович, 1857/58–1913) – писатель, публицист, друг Розанова – 56, 57, 65, 70, 81, 89, 123, 126, 136, 163, 168, 171, 198, 206, 207, 214, 265, 282, 286, 309, 311, 314, 324, 343
Рылеев Александр Михайлович (ум. 1907) – генерал-адъютант Александра II – 100
Рылеев Кондратий Федорович (1795–1826) – декабрист – 132
Рюрик (IX в.) – 320

С. – см. Ф. К. Сологуб
С-ва Евлампия Ивановна – см. Е. И. Селикова
С-на – см. М. Н. Стоюнина
Ст-ъ, Сто-р – см. Б. Г. Столпнер
Саблер Владимир Карлович (1847–1929) – обер-прокурор Синода – 215
Саванаролла (Савонарола) Джироламо (1452–1498) – флорентийский религиозный деятель – 323
Садоков Константин Иванович (1823–1898) – директор Нижегородской гимназии – 232
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826–1889) – 11, 12, 22, 35, 51, 176, 195, 198, 207, 210, 228, 256, 272
Самарин Юрий Федорович (1819–1876) – философ, публицист – 17
Самойло – учитель гимназии в Костроме – 263, 370
Светозар Степанович – см. С. С. Родованович
Сезострис – имя, которое греки дали египетскому фараону Рамзесу II – 60
Селикова Евлампия Ивановна – знакомая Розанова – 287, 288

Серафим (Мещеряков Яков, р. 1861) – епископ, автор сочинения «Прорицатель Валаам» (СПб., 1899) – 309
Серафим Саровский (Мошнин Прохор Сидорович, 1759–1833) – подвижник православной церкви, канонизирован в 1903 г. – 320
Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616) – 79, 226, 329
Сергий Финляндский (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944) – епископ Ямбургский, затем Финляндский, ректор Петербургской духовной академии, председатель Религиозно-философских собраний в 1901–1903 гг., патриарх в 1943–1944 гг. – 65
Сибиряков Александр Михайлович (1849–1893) – золотопромышленник, исследователь Сибири – 96
Сикорский – сотрудник церковных изданий – 157
Силин – гимназист в Нижнем Новгороде – 234, 235, 242, 246, 248–251
Сильченков К. – сотрудник церковных изданий – 26
Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) – министр внутренних дел – 219
Сиротин Василий Николаевич – профессор Военно-медицинской академии, практикующий петербургский врач – 345
Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911) – критик и историк литературы – 176, 195
Скальковский Константин Аполлонович (1843–1906) – публицист, театровед – 340
Скворцов Василий Михайлович (1859–1932) – чиновник Синода, редактор-издатель «Миссионерского Обозрения» и церковно-политической газеты «Колокол» – 9, 10
Слободзинский Сергей – знакомый Розанова – 387
Слободской Иван Павлиныч – священник – 193
Слонимский Леонард-Людвиг Зиновьевич (1850–1918) – публицист, сотрудник «Вестника Европы» – 210
Соколов – старшина эсдеков в Петербурге – 39
Сократ (ок. 470–399 до н. э.) – 42, 187, 197
Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900) – философ, поэт – 57, 58, 81, 118, 156, 169, 170, 180, 211, 220, 249, 309, 321
Соловьёв Михаил Петрович (1842–1901) – начальник Главного управления по делам печати в 1896–1900 гг. – 65, 195
Соловьёв Сергей Михайлович (1820–1879) – историк, академик – 22, 53
Сологуб (наст. фам. Тетерников) Федор Кузьмич (1863–1927) – писатель – 35, 138, 139
Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ-позитивист – 45, 84, 95, 104, 105, 316, 319, 329, 330
Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – граф, государственный деятель – 17
Спиноза Бенедикт (Барух) (1632–1677) – философ – 42, 100
Стародум – см. Н. Я. Стечкин
Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – 283
Стасова Надежда Васильевна (1822–1895) – сестра В. В. Стасова – 283
Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911) – историк, журналист – 208, 282
Стафанович – учитель математики в Нижнем Новгороде – 245
Стах (Гольдовский Б. О.) – 77

Степанов Николай Михайлович (1820–1890) – учитель математики в Симбирской гимназии – 372
Стечкин Николай Яковлевич (1854–1906) – журналист, критик, писавший под псевдонимом Стародум – 19
Столпнер Борис Григорьевич (1871–1937) – участник Петербургского Религиозно-философского общества – 57, 93, 94, 102
Столыпин Александр Аркадьевич (1863–1925) – сотрудник газеты «Новое Время», брат премьер-министра – 40, 159, 381
Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – министр внутренних дел, с 1906 г. председатель Совета министров – 199, 219, 221, 281, 331, 381
Стороженко Николай Ильич (1836–1906) – историк литературы, профессор Московского университета – 172
Стоюнина Мария Николаевна (1846–1940) – начальница частной женской гимназии в Царском Селе в 1881 г. – 161, 231, 291, 348, 375
Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ, публицист, критик, друг Розанова – 57, 67, 81, 101, 132, 136, 191, 196, 198, 211, 270, 281, 283, 309
Стройков – гимназический товарищ Розанова в Нижнем Новгороде – 335
Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, историк – 35, 102, 136, 203, 224, 348, 358, 360, 361, 363, 376
Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – издатель и журналист, хозяин «Нового Времени» – 107, 108, 165, 173, 221, 260, 282, 300, 343
Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) – младший сын А. С. Суворина – 9, 39
Суворин Михаил Александрович (1860–1931) – старший сын А. С. Суворина, с 1903 г. фактически главный редактор «Нового Времени» – 8
Суворов – гимназист в Нижнем Новгороде – 234
Суворов Александр Васильевич (1730–1800) – 212, 249
Судейкин Георгий Порфирьевич (1850–1883) – один из руководителей политического сыска – 217
Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – писатель – 22, 331
Сусанин Иван Осипович (ум. 1613) – 257, 363
Суходрев Всеволод Михайлович – сотрудник газеты «Новое Время» – 310
Сыромятников Сергей Николаевич (1864–1934) – публицист, писатель – 70

Т. И. Ф. – см. Т. И. Филиппов
Тагиев Г. З. – миллионер-нефтянник – 339, 340
Талейран Шарль Морис (1754–1838) – 351
Таратин Василий Андреевич – председатель правления товарищества «В. А. Таратин» (магазин дамского платья в Гостином дворе) – 262
Тенишева Мария Клавдиевна (1867–1928) – княгиня, деятель культуры и искусства, организовала училище в Петербурге – 231, 375
Тернавцев Валентин Александрович (1866–1940) – писатель-богослов, один из учредителей Религиозно-философских собраний – 270
Тертий – см. Т. И. Филиппов

Тигранов Фаддей Яковлевич – музыковед – 57
Тиллинг (Тилинг) Густав Фердинандович – профессор-хирург – 307
Тимирязев Климент Аркадьевич – (1843–1920) – 259, 352
Титов Андрей Александрович (1844–1911) – историк и археолог, собиратель древнерусских рукописей – 69
Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – литературовед, профессор Московского университета, академик – 53, 172
Толстая Софья Андреевна (1844–1919) – жена Л. Н. Толстого – 139
Толстой Алексей Константинович (1817–1875) – писатель – 212, 219
Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – министр народного просвещения в 1866–1880 гг. – 10, 322
Толстой Лев Николаевич (1828–1910) – 10, 13, 22, 23, 30, 36, 41, 54, 57, 58, 81, 84, 96, 105, 108, 110, 118, 140, 141, 157, 186, 187, 197, 278, 301, 348
Торквемада Томас (ок. 1420–1498) – глава испанской инквизиции, ввел массовую практику сожжения еретиков – 115
Траян (53–117) – римский император – 371
Трейхмюллер (Тейхмюллер) Густав (1832–1888) – немецкий философ – 215
Тригони Михаил Николаевич (1850–1917) – член исполнительного комитета «Народной воли» – 363
Троицкий Дмитрий Степанович (ум. 1873) – нижегородский врач, брат жены Н. В. Розанова – 297
Тур Евгения (наст. фам. Салиас-де-Турнемир Елизавета Васильевна, 1815–1892) – писательница, автор книг для детей – 145
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – 10, 43, 70, 115, 118, 206, 210, 282, 369
Тычинкин Константин Семенович – заведующий типографией «Нового Времени» – 310
Тьери (Тьерри) Огюстен (1795–1856) – французский историк – 120, 178, 249

Умов – одноклассник Розанова в Симбирской гимназии – 372
Уст-ий – см. А. П. Устьинский
Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – 22, 23, 31, 32
Устьинский Александр Петрович (1854–1922) – протоиерей, друг Розанова – 2, 65, 109, 194, 308, 368
Ушинский Константин Дмитриевич (1824–1870/71) – педагог – 263, 370

Фл. – см. П. А. Флоренский
Ф-с – см. О. А. Фрибес
Фаресов Анатолий Иванович (1852–1928) – писатель, публицист – 258
Фаустина (ум. 174) – жена Марка Аврелия, дочь римского императора Антонина и его жены Фаустины Старшей – 87, 88, 220, 327
Федоров М. М. – знакомый Розанова – 65
Федорова – помещица – 236
Фемистокл (ок. 525 – ок. 460 до н.э.) – афинский полководец – 328
Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – революционерка, автор мемуаров – 102, 353
Филарет (Дроздов Василий Михайлович, 1782–1867) – митрополит Московский – 307
Филевский Иоанн Иоаннович (р. 1865) – богослов, писатель, профессор Харьковского университета – 65

Филиппов Тертий Иванович (1825–1899) – писатель-славянофил, директор Государственного контроля – 165, 224, 283, 375
Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – критик, публицист – 67, 99, 133, 136, 164, 206, 309, 310, 358, 367
Флоренская Анна Михайловна (1889–1973) – жена П. А. Флоренского – 114
Флоренский Павел Александрович (1882–1937) – 56, 65, 109, 114, 136, 164, 166, 171, 185, 198, 209, 297, 298, 300, 302, 306, 309, 321, 322, 324, 343, 371, 372
Фози О. – сотрудник церковных изданий – 157
Фонвизин Денис Иванович (1744/45–1792) – 11, 22, 30, 171, 212, 353
Франциск Ассизский (1182–1226) – учредитель монашеского ордена францисканцев – 322
Фрибес Ольга Александровна (1858–1933) – писательница – 291
Фрумкина Фрума Мордуховна (ок. 1874–1907) – террористка – 22

Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807) – писатель – 156
Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – 17, 171
Хрущев (Хрущов) Иван Петрович (1841–1904) – педагог, журналист, издатель – 354

Цв. – см. С. А. Цветков
Цветков Сергей Алексеевич (1888–1964) – литератор, друг Розанова и его библиограф – 122, 133, 166, 170, 171, 259, 304, 309, 321, 324, 354, 371
Цебрикова Мария Константиновна (1835–1917) – писательница – 17, 316, 355
Цезарь Гай Юлий (102/100–44 до н. э.) – 104, 179, 328
Целиков – журналист – 65
Цинхенштейн (Цейхенштейн) Семен Ильич – еврей, перешедший в православие – 308
Цынамгзваров Сико – знакомый Розанова из Тифлиса – 300

Ч. – см. К. И. Чуковский
Чеботаревская Анастасия Николаевна (1877–1921) – писательница, жена Ф. Сологуба – 139
Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – 16, 165, 214, 240, 255, 280, 282, 329, 330
Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898) – генерал-лейтенант, участник Герцеговинско-боснийского восстания – 249
Чинизелли Сципионе Гаэтано (1815–1881) – директор петербургского цирка – 69, 343
Чуковский Корней Иванович (наст. фам. Корнейчуков Николай Васильевич, 1882–1969) – 51, 224, 296, 342, 376

Ш. – протоиерей – 162
Шаляпин Федор Иванович (1873–1938) – 96
Шарапов Сергей Федорович (1855–1911) – писатель, друг Розанова – 55, 123
Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – министр народного просвещения в 1908– 1910 гг. – 211
Шварценберг Карл Филипп (1771–1820) – австрийский военачальник – 79
Шекспир Уильям (1564–1616) – 15, 92, 100, 289, 329, 363
Шернваль Леонид Робертович – петербургский врач – 62, 163

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805) – 79, 323, 363
Шишкины – дворянский род – 127
Шлоссер Фридрих Кристоф (1776–1861) – немецкий историк – 249, 255
Шопенгауэр Артур (1788–1860) – 29–30, 67, 110, 112, 343
Шперк Анна Лавровна – жена Ф. Э. Шперка – 359, 360
Шперк Федор Эдуардович (1872–1897) – философ, друг Розанова – 30, 43, 56, 57, 80, 81, 124, 125, 133, 212, 309, 360
Штейн – гимназический товарищ Розанова в Нижнем Новгороде – 335
Штейнгауэр – учитель гимназии в Симбирске – 371
Штемберг Георгий Константинович – директор мужской гимназии в Петербурге – 231, 375
Штраус Давид Фридрих (1808–1874) – немецкий философ, автор «Жизни Христа» (рус. пер. 1907) – 329
Шуваловский – православный, похороненный на еврейском кладбище – 166
Шундиков Василий Максимович – инспектор Нижегородской гимназии – 335
Шура – см. А. М. Бутягина

Щ-на С. – корреспондентка Розанова – 347, 348
Щедрин – см. М. Е. Салтыков-Щедрин
Щербов Иван Павлович (1875–1925) – сотрудник журнала «Русский Паломник» – 65, 85, 86, 164, 302
Щербова Надежда Романовна (урожд. Миллер, 1872–1911) – сотрудница журнала «Русский Паломник», жена И. П. Щербова – 93, 130, 166, 219, 220

Эдуард Исповедник (ок. 1003–1066) – король Англии – 329
Эпиктет (ок. 50 – ок. 140) – римский философ – 197
Эфрос Ревекка Юльевна – знакомая Розанова – 25, 28, 93, 94

Юлии – древнеримский патрицианский род – 371
Юлия (Каменская Юлия Алексеевна) – первая любовь В. В. Розанова – 114, 245, 250
Юркевич Памфил Данилович (1826–1874) – философ, профессор Московского университета – 165

Яблоновский Александр Александрович (1870–1934) – писатель – 211
Явейн Георгий Юлиевич – профессор Петербургского клинического института великой княгини Елены Павловны – 348
Языков Николай Михайлович (1803–1847) – поэт – 258

Henry IV (1553–1610) – французский король Генрих IV – 255, 256

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПОНЯТИЙ И ФАКТОВ В «УЕДИНЕННОМ» И «ОПАВШИХ ЛИСТЬЯХ»*

Авраам и его завет с Богом – 37, 38, 118, 205
Автономия университетов – 175, 350–352
Адам – 112
Ад – 107
Апис – 172
Аракчеев – 363
Армяне – 256
Архиереи – 125
Аскетизм – 90–91, 214

Бедность – 208
Беременность – см. Живот беременный
Бесовское начало в мире – 354
Бессмертие души – 80, 128–129, 171, 292
Библия – 79
Благородное – 129
Бог – 21, 34–37, 41, 56, 76, 77, 91, 92, 98, 100, 113, 125, 137, 143, 152, 154, 155, 167, 188, 198, 254, 299, 306, 317, 326, 355, 356, 364
Богатство – 208–209
Богородицы хлыстовские – 100
Богословские рассуждения – 217
«Божьи люди» – 259
Болтун русский – 174
Боль душевная – 24, 62, 81–82, 95, 131, 176, 297, 322
Боль жизни – 14
Боль мировая – 150
Брак – 64, 87–90, 138–140, 146, 152, 153, 182–184, 260, 265–266, 271, 338–339, 339–340, 342, 346
Братство людей – 334
Бунт – 36, 69
Буржуа и буржуазия – 31–32, 180
Быт, бытовые мелочи – 12, 15, 54, 85, 93, 10–104, 274
Бюрократия – 163–164

Вдохновение – 8, 13, 75
Ведение – 150
Великие люди – 298
Великое –147
Вентилятор – 64
Вера в себя – 151
Верность –152
Вечер космический – 107, 326
Вечность, вечное – 363
Вздох, вздохи, самораскаяние – 357–358
Византия – 149
Вина, чувство вины – 24
Влияние – 254
Внимание – 78
Внуки, внучата – 274
Возраст совокупления как определяется – 339–340
Воровской язык – 198

* Предметный указатель принадлежит В. В. Розанову и напечатан в конце второго короба его «Опавших листьев» (СПб., 1915. С. 441–466). Фамилии, входившие в предметный указатель, даны в указателе имен к настоящему тому.

Ворожба мировая – 364
Воспитанник – 123, 160, 161, 171
Восторг – 99
Вселенная – см. еще Мир – 326
Выборная система, выборы в Госуд-. Думу – 175
Выростание, рост – 153

Газеты – 8–10, 25, 175
Героизм – 332
Гефсимания – 170–171
Гимназисты – 272
Главизна мира – 364
Голодные, голод – 98, 208–209
Горе – 147
Горячность мировая – 364
Государство – 79, 159, 164
Греки – 267
Грех – 26, 53, 98, 114, 132, 149, 163, 165
Грибная лавка – 85
Грибы –268
Грубость – 163, 176
Груди женские – 138, 153
Груди космические – 364
Грусть – 112, 142, 163, 177, 204
Гуманность – 155–156

Девственность – 273
Девство – 90–91, 139, 149, 221–223
Девушки – 51, 87, 90–91, 134, 139, 146, 149, 160, 215, 222–223, 228, 273, 354
Девятнадцатый век – 191–192, 196–198
Деды – 338–339
Декабристы – 23, 102, 200, 325
Декаденты – 7, 69
Демократия – 16, 95–96, 167, 208–209, 219, 279–280
Демоническое начало в мире – см. Бесовское начало в мире
Дети – 348
Диалектические вещи и процессы – 21
Дионис – 87–88
Добродетель – 71, 267, 334
Доброта – 334

Доктора – 60, 156, 158–159, 163, 182
Долг – 48, 51
Дружба – 75, 152, 168
Друзья мои 7, 12, 15, 56–58, 80, 86, 89, 93, 123, 124, 125, 168
Дума Государственная – 164, 174, 175
Думанье – 149
Дух – 34, 138, 151, 168
Духовенство наше – 64, 87–90, 99, 103–104, 110, 112, 125, 147, 148, 153, 162, 164, 306–307, 313. 319–321, 349, 357
Душа – 41, 97, 98, 111, 137, 146, 150, 155, 175, 349
Душа мира –137
Дуэль – 85

Евангелие – 112, 131. 181, 209–210, 349
Евреи – 25–29, 46, 86, 93–94, 100, 118, 113, 117, 137, 149, 156, 163, 165, 167, 177, 187, 213, 220, 230, 260–261, 265, 270, 274
Египет – 172
Ежедневное – 13

Жалость – 82
Жена – 114, 260, 271, 359–360
Женский мир – 205–206
Женские учебные заведения – 114
Женщина, -нщины – 138, 341, 346, 355, 359
Живот беременный – 138–139
Жизнь – 13, 40–42, 51,53, 59, 76, 78, 92, 110, 126–127, 130, 131, 134, 136, 147, 149, 153. 155, 191, 252, 269–270, 272, 304, 316–317, 320–321, 348
Жребий – 175–176
Журналы – 175, 257, 264

Забастовки – 44
Забвение – 209
Завет Ветхий – 37, 130, 131, 170, 177
Завет Новый – 170, 177
Загробная жизнь – 64, 69, 70, 77
Замужество – 134, 139, 182–184

Занавес в скинии Моисеевой – 130
Западничество – 170
Запутанность мира – 206
Зачатие детей – 87–90, 166
Здоровье – 172
Знание – 192

Издавание классических авторов – 96–97, 218
Измены супружеские – 121
Изменчивость вещей – см. еще слова: Кривизна, Линючесть и Проходимость – 202–203, 295
Имущество – 167
Индивидуальность – 34–35
Иностранцы в России – 109
Интеллигенты, -нция – 137
Интимность – 34–35
Искренность – 267, 268
История – 82, 107

Кабак – 132, 198
Казна, Казенное – 164
Каноничность в церкви – 115
Каноны церкви – 115, 149, 215, 297–298
Книга – 80, 150, 187, 298
Книгопечатание – 9, 80, 132
Консерватизм, -ваторы – 66
Крест – 170–171
Кривизна мира – 166, 202–203, 267
Курсистки – 280–281
Кухонная книжка – 115

Либерализм – 174–175
Линючесть, линяние мира – см. также: слова Изменчивость, Кривизна мира – 166
Литература вообще – 32, 38, 79, 84, 95–97, 109, 121–122, 129–130, 132–134, 156, 264, 323–324
Литература русская – 11–12, 16, 22–23, 29–30, 79, 84, 101, 121, 123–124, 131, 132, 138, 140–141, 169–172, 258–259, 323–324
Литература современная – 11–12, 16, 22–25, 31, 132, 169–170
Литература французская – 119–120
Литературность – 79
Литературность души – 311
Литературный фонд – 214
Ложесна разверстые – см. Разверстые ложесна
Ложь – 49
Лоно мировое – 364
Любование – 137, 138
Любовь – 20–21, 37, 93, 75, 77, 80, 95, 113–115, 121, 140, 147, 149, 151, 152, 196, 206, 271, 313
Люди – 16, 34, 37, 38, 75, 76, 78, 82, 92–93, 98, 99, 107, 112, 113, 119, 155, 170, 304, 316, 343

Марксисты – 181
Мать, Материнство – 82, 134, 149
Мгновение, -ния – 363
Мелочи дня и быта – 184
Метафизический возраст человека – 348
Мечта – 60, 256, 317
Мечтатель – 100
Миква у евреев – 25–29
Милосердие – 345
Министерство просвещения – 171–172
Мировая застенчивость – 26
Мир, вселенная – 77, 82, 99, 107, 118, 142–143, 150, 166, 364
Мистика, -ики, -ицизм – 84
Младенец, -енцы – 90
Могила – 67, 68, 137, 151, 158
Молитва – 33, 56, 66, 75, 292–293, 304, 324, 325
Молодая луна, новолуние – 324
Молодежь – 98, 159, 160, 305, 312, 326, 327
Молодое поколение – 94, 159
Молоко мировое – 364
Молчание – 326
Монашество – 90, 91
Мораль – 41, 42–46

Муж – 139, 146, 260, 271
Мужчина – 87, 359
Мысль – 352

Наказание – 107, 165
Народ русский – 115
Национальность – 124
Наше время – 112, 191–192
Невеститься – 118
Неженье – 142
Нежность, нежные идеи – 128, 136, 142, 254
Немец – 256, 359
Непостоянство мира – 166
Неправдивость – 200
Несвоевременные слова в литературе – 123
Нигилизм, -исты – 36, 257, 282–284, 319
Новобрачие – 324
Нравственность – 41, 42, 46, 60, 102, 116, 168
Нумизматика – 167
Няня – 171

Образ мыслей – 136
Обрезание у евреев – 38, 170, 324
Общественность – 33, 39, 70, 196–197
Общество – 75, 76, 151, 156
Общество и его роль в политике – 360–363
Огонь мировой – 364
Озноб души – 97, 99, 115, 304, 306
Оплодотворение – см. еще Совокупление – 338–339
Оппозиция, -ционность – 101, 137, 270–271
Ораторство – 161
Органы ощущения – 213
Осень космическая – 98
Отвращение – 252
Официальность – 284–285

Памятники – 130, 279, 344
Парламент (наш) – 330–331
Партии политические, -ртийность – 164
Патриарх, -ршество – 316
Педагогика – 181
Песни – 151
«Песнь песней» – 274
Петербург – 315–316
Печаль – 142, 170, 177, 324
Печать – 8, 9, 32, 70, 95, 111, 211, 216–218, 320, 323, 343
Писатели вообще – 14, 82, 85, 110, 121, 130, 134, 149, 174, 194, 262, 313, 320
Писательство – 13, 14, 82, 85, 110, 121, 130, 134, 149, 174, 194, 262, 323
Письма писателей и частных людей – 121
План издания моих сочинений в случае «†» – 307–309
Плодородие – 87–90, 357
Побиение камнями в Ветхом Завете как *привилегия* одних только *евреек*–прелюбодеиц – 322
Погром, -омы евреев –261
Подол юбки – 130
Подчиненность женщины – 355
Позитивизм, –висты – 33. 65, 98, 147
Полемика – 165
Полиандрия в инстинктах человечества – 300–301
Политика – 164, 200–202, 348
Полиция – 269–270
Половое соединение – 87, 91
Пол человека и вообще живых существ и вообще в космогонии – см. еще слова: Брак, Деды, Родство, Совокупление – 38, 45, 51, 86, 87–91, 117, 139, 182–184, 296
Половые органы – см. также еще Обрезание – 91, 289, 322, 340, 357
Попы – 14, 99, 147, 193, 287, 313
Пороки, -очность – 34, 267, 310
Потомство –319
Походка (ее психология) – 195
Похороны – 68, 69, 71, 162
Пошлость – 217

Правда – 38
Правительство – 151, 211, 271, 360–363
Православие – 53, 56, 91. 348
Предки – 319
Представительство народное – 175
Преступление, -ления – 107, 228
Преступник, -ики – 165
Преходимость мира – 151
Провидение – 36
Прогресс – 213
Проституционность как обратное «фаллическому культу» – 322
Проституция – 14–15, 119–120, 221, 335–338
Профессор, -ссора – 14, 259, 350–351
Психологичность – 136

Работа – см. Труд
Равновесие – 92
Радикалы, -кализм – 66, 151, 28, 280–285, 299, 319, 356–357
Радость – 95
Развал семьи – 301
Разверстые ложесна – 131
Развод – 266, 300–301, 342
Размножение – 338–339
Размышление – 110
Разночинец, -чинцы – 138
Разум – 84
Разум мировой – 137
Рай – 107
Рассеянность, -сеянные люди – 93
Растения –125
Ревность – 338–339
Революционеры – 21, 31, 95–96, 100–101, 118, 160, 174, 281–284, 286, 329, 343, 352–353
Революция – 31, 32, 36, 52, 95–96, 100–101, 118, 160, 174, 208–209, 212, 219, 230, 252, 259, 281–283, 293–295, 325, 326–330, 343, 349,–350
Религия – 14, 33, 45, 61, 64, 76, 200–202, 204–206, 208, 209–210
Республика – 160, 174
Реформация русской церкви – 10, 141, 285, 344
Родина – 93, 256
Родители – 153
Руды – 51, 87–90
Рождаемость – 134, 205–206
Рождение – 90, 139, 182–184, 230
Рок – 82, 142, 147, 155, 161
Россия – 86, 93, 94, 109, 132, 164, 166, 187, 268, 280, 284–285, 341, 348, 356
Русская жизнь – 113, 132, 341, 359–360
Русская история – 341
Русская культура – 171, 341
Русская правда – 344
Русские – 10, 24, 35, 52, 100, 109, 115, 121, 132, 137, 159, 164, 166, 167, 174, 199, 230, 256, 260, 261, 319, 341, 352, 359–360
Русские журналы – 228–229

Самолюбие – 95
Самоубийства, -ство – 95, 117, 307
Сатира, сатиричность в литературе – 11, 289
Свобода – 85, 156, 167, 305, 332, 355
Сводничество матерями дочерей – 220
Святое – 147
Святость – 332
Седалище Моисеево – 99
Семья вообще – 23, 46, 271, 303, 321–322
Семья наша – 7, 46, 64, 79, 82–84, 143–146, 152, 156, 157, 160, 172, 173, 181, 182, 184, 231–232, 261, 262–264, 268–269, 290, 326
Семя мужское – 166, 177
Сердце – 131, 149, 150, 167
Скиния Ветхого Завета (Моисеева) – 130
Слабохарактерность – 200
Слава – 14, 24, 53. 54, 110, 253
Славянофилы, -льство – 170, 229
Слезы – 205, 297

Слог – 129
Служба в государстве – 169
Смерть близких – 76, 290
Смерть вообще – 48, 76, 94, 98, 115, 118, 130, 136, 147, 148, 150, 151, 165, 170, 252, 261, 285, 290, 304, 326, 332, 343, 345
Смерть любви – 121
Смерть моя собственная – 37, 47, 68, 69, 71, 75, 158, 164, 166, 303, 306, 307
Смех – 111, 288–289
Смирение – 317
Собственность у русских – 8, 24
Совесть – 333
Совокупление – 24, 289, 337, 340–342, 355–356
Современники, -енное поколение – 39, 112
Современность – 113
Содомит – 86
Содомия, -homines utriusque sexus – 91, 296
Сон – 164
Сосредоточенность ума и души – 93
Социализм, -листы, циал-демократия, социальный вопрос – 18, 92, 107, 110, 228–229, 290, 305, 320, 341
Средние века – 110
Стадо – 265–266
Старик – 346, 348
Старость – 48, 60, 66, 71, 159, 314
Старый строй – 353
Стена метафизическая душевная – 195–196
Стиль – 286, 360
Страдание – 24, 38, 138, 314
Страсть – 38
Страшный суд – 69
Студенты – 22, 44, 275–276, 351
Субъективность – 48
Суд – 82, 226
Судьба – 44, 78, 142, 147, 155, 159, 161
Супружество – см. Брак
Супружество, супруги – 260
Сформирование девушки – 228
Талант – 34, 38, 91, 149, 161
Талмуд – 199
Тело – 168
Темы мои – 77, 334
Темы русской литературы – 22
Теплота мировая, – от мира, сердца – 302–303
Терпение – 111, 293–294
Террор, -ррористы – 88
Тетраграмма (тайное «Имя Божие») – 41
Техника – 111
Тишина – 326
Товарищи детства – 232–252
Толпа – 75
Томление душевное – 317
Торговля – 137
«Тот свет» – 77, 80, 99, 147, 165, 278
Труд – 22–24
Трудовики (Государ. Думы) – 320

Убеждения – 33, 201–202
Уд, уды (половые) – 357
Уединение – 151
Ужас, -жасы – 150
Уклончивость вещей от своего определения – 310
Ум, разум – 84, 137, 150
Университет, -теты – 171, 350–352
Унижение – 37, 38
Услуга, -луги, -лужливость – 163, 167
Успех –163
Успех литературный – 16, 260
Утешение – 331, 345
Утешитель – 170
Утопии социальные – 92
Утро космическое – 107
Ученичество – см. еще слова: Школа, Образование – 342
Ученые – 224
Учительство – 342

Фаллический культ – 38, 265, 289, 322, 341, 354–357
Фарисеи – 99

Фасад – 164
Философия – 14
Франция – 119, 332
Французская революция – 332, 356
Французы – 119,

Ханжество – 199
Хлысты, -стовство – 102
Хохлы, -малороссы – 257
Христианин – 204
Христианство – 10, 25, 69, 99, 107, 117, 125, 150, 177, 178, 181, 204–206, 344, 349–350
Художество в природе – 125

Царства вообще – 349
Царствование – 169, 174, 293
Царь – 100–102, 171, 327–329, 360–363
Цветы – 151
Цензор, -зора, -зура – 195, 324
Церковь вообще – 115, 209–210, 262, 264, 285, 304, 306, 307, 313, 315–316, 318–319, 329–330, 332, 344–345, 349–350, 356
Церковь русская – 56, 59, 61, 68, 69, 115, 141, 152, 164, 171, 285, 291–292, 302–303, 306–307, 313, 315–316, 319–322, 330–331, 337, 317
Цивилизация вообще – 167
Цивилизация XIX века – 198, 285
Цивилизация европейская – 155
Цинизм – 24, 43, 348

Человек – 43, 51, 72, 84, 98, 134, 136, 147, 149, 151, 155, 160, 166, 267, 304, 316, 340, 343, 344, 348
Человечество – 98
Чертог брачный – 87
Чиновничество, -ники – 163, 164, 330–331
Читатель, -тели – 52, 262, 267
Чтение, читанье книг – 199

Школы – 218, 257–258, 268–269, 272
Шлиссельбург – 352–353
Штамп, заштампованные люди – 268
Штунда – 348

Эгоизм – 78, 79, 113, 164
Эготизм – 195–196
Элевзинские таинства – 228

Юбка – 130
Юдаизм – 25–29, 331
Юность– 131
Юношество – 50

Язычество – 11, 107, 125, 150, 168, 204, 322, 331

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ К «УЕДИНЕННОМУ» И «ОПАВШИМ ЛИСТЬЯМ»*

...А ведь по существу-то, – Боже! Боже! – в душе моей всегда стоял монастырь. – 59.

Авраама призвал Бог, а я сам призвал Бога. – 37

...А все-таки мелочной лавочки из души не вытрешь. – 162

...А все-таки тоскуешь по известности. – 93

Автономия университетов. – 350

А голодные – так голодны, и революция – все-таки права. – 32

А для чего иметь друга-читателя? – 52

Александр Македонский (о декабристах). – 200

Анкета: «Кто самый благородный писатель в современной русской литературе?» – 174

«Анунциата была высока ростом»... (половая загадка Гоголя).– 253

...А по-моему, только и нужно писать «Уедин.» – 156

...а то вас с детства делают старичками (дети и школа). – 272

Ах, Бехтерев, Бехтерев, – все мои слезы от вас, через вас. – 303

Ах, господа, господа, – если бы мы знали все, как мы бедны. – 316

Ах, люди, – пользуйтесь каждым-то вечерком... – 59

«Байрон был свободен»... кричит Арцыбашев. –218

«Барин, какой вы жестокий» (о Шперке).– 125

Без веры в себя нельзя быть сильным.– 151

Без веры в себя нельзя быть сильным. Уладить это противоречие. – 340

Без телесной приятности нет и духовной дружбы. –168

«Беспросветный мрак». – 264

Благодари каждый миг бытия. – 363

Благородное, что есть в моих сочинениях, вышло не из меня. – 46

Благородный ли я писатель? – 254

Бог мой, Вечность моя: отчего Ты дал – 167

Бог мой! вечность моя! Отчего же душа моя – 36

Бог охоч к миру... – 364

Бог послал меня с *даром слова* и ничего другого еще не дал. – 312

Бодро, крепко: – «Ну, Варя, сажусь писать». – 204

Боже, боже, – зачем Ты забыл меня? – 41

Боже Вечный. – 254

Болит душа. Болит душа. Болит душа. – 62

Болит душа о себе, болит о мире. – 176

* Алфавитный перечень принадлежит В. В. Розанову и напечатан в конце второго короба «Опавших листьев» (СПб., 1915. С. 467–516). Некоторые начальные строки даны автором в другой редакции, что сохраняется и здесь.

Болит ли Бог о нас? – 188
Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. – 14
Боль мира победила радость мира – вот христианство. – 150
Больная раком, она сидела вся кокетливая. – 298
Больше всего приходит мыслей в конке. – 352
Больше любви! Больше любви! – 115
«Бранделяс» – это хорошо... – 25
Будем целовать друг друга, пока текут дни. – 153
Будет больше научности, больше филологии (о русской реформации). – 141
Будет ли хорошо, если я получу влияние? – 136
«Буду в гробу лежать и все-таки буду работать»... – 162
Будь верен человеку, и Бог ничто тебе не поставит в неверность. – 152
Бывало: – «Варя! Опять дырявые перчатки». – 209

Валять хлопья снега на моего друга, заваливают. – 187
Вася стоял над мамой. Сегодня её отвезут в больницу. – 326
«Вася, ты уйди, я постонаю». – 306
Ваша мама. (Детям). И мы прожили тихо, день за днем... – 47
Ваша мама. (Детям). «И я отрезала косу». – 62
В вечной тревоге о каком-то неблагополучии. – 263
В газетах и журналах интересны не «передовики». – 211
В грусти человек – естественный христианин. – 204
В «друге» Бог дал мне встретить человска, в котором я никогда не усомнился. – 61
В «друге» дана мне была путеводная звезда. – 33
Велик горб человечества, велик горб человечества. – 98
Величественный шарлатан. – 182
Весь парламент есть бодливость безрогих коров. – 330
Весь торопясь, я натягивал сапоги: – «В церковь!» – 291
Вечное детство брака. – 260
Вечно мечтает (о русских). – 24
Взгляните на растение (о Боге в природе). – 125
Видали ли вы вождя команчей? (каноническое право). – 215
В каждом органе ощущения, кроме его «я *знаю*», есть еще его «я *хочу*». – 213
В конце всех вещей – Бог. – 326
В либерализме есть некоторые *удобства*. – 174
В мое время создались некоторые новые слова. – 29
В мысль проституции входит: «я принадлежу *всем*». – 14
В мышлении моем всегда был какой-то столбняк. – 142
В невыразимых слезах хочется передать все просто и грубо, унижая милый предмет. – 90
Вовсе не университеты вырастили *настоящего* русского человека. – 171
В один день консилиум из 4-х докторов. – 163
Возможно ли, чтобы позитивист заплакал? – 98
Во мне ужасно много *гниды*. – 170
Воображать легче, чем работать (социализм). – 320
Воображают, что я подделывался к начальству. – 55
Вообще – драть за волосы писателей... – 110
...Вообще когда меня порицают – то это справедливо. – 119
Вообще литература, конечно, дрянь. – 185

Вопрос «об еврее» – бесконечен – 112
Восьми лет... (воспоминание). – 204
Вот и совсем прошла жизнь – 60
Вот и я кончаю тем, что все русское начинаю ненавидеть. – 52
Вот на остающиеся 10 лет жизни я несчастен. – 333
Вот то-то и оно-то, Дмитрий Сергеевич. – 357
Вот чего я совершенно и окончательно не знаю, – «что-нибудь» *я*, или «*ничто*». – 59
Вот что значит рвануться к неудачной теме («liberté») французской революции. – 332
Вот эта-то «важная попытка реформации» – с пустым сердцем и ничтожным умом. – 285
В *поле – сила*, *пол* есть *сила*. – 117
Вполне ли искренне, что я не желаю славы? – 253
В пятьдесят семь лет Бог благословил меня дружбою Цветкова. – 304
В России вся собственность вытекла из «выпросил» или «обобрал». – 24
В рубашонке, запахивая серый халат, Таня. – 143
Все больше и больше думаю о церкви. – 319
Все воображают, что душа есть *существо*. Но почему она не есть музыка? – 150
Всегда в мире был наблюдателем, а не участником. – 148
Все глуше голоса земли. – 188
Все жду, когда Григорий Спиридонович напишет свою автобиографию. – 99
Все же именно *любовь* меня не обманула. – 114
Все женские учебные заведения готовят или монахинь или проституток. – 114
Все же у неё *другом* был действительно только я. – 63
Все «казенное» только формально существует. – 164
Все критики, признавая ум. – 215
Вселенная есть шествование. – 326
Все люди утруждены своим необразованием, один Гофштетер... – 281
Всем великим людям я бы откусил голову. – 298
Все мои пороки были или мелким любопытством ума или – «так», «распустился». – 310
Все мои пороки – мокрые. Огненного – ни одного – 298
Все мы выражаем в сочинениях субъективную уверенность (о дарвинизме). – 212
Все наше – и русское, и европейское – образование выразилось в лошадином: «Господа, предлагаю умершего почтить вставанием». – 285
Все очерчено и окончено в человеке, кроме половых органов, которые кажутся многоточием. – 91
Все писатели – рабы. – 262
Все погибло, все погибло. – 316
«Все произошло через плаценту» – 62
Все-таки бытовая Русь мне более всего дорога. – 274
...все-таки есть что-то такое Темное, что одолевает и Бога. – 155
Все-таки я умру в полном недоумении. В религиозном недоумении. В религиозном недоумении. – 306
Все убегающее, ускользающее неодолимо влечет нас. – 267
Все хотел сделать бархатное платье. – 262
Все что-то где-то ловит, – в какой-то мутной водице (Гофштетер). – 286
Все это тянется, как резина, – никакого индивидуального интереса (о проститутках). – 221

В случае, «если бы» (†) [как издавать мои сочинения]. – 307
В социальном строе один везет, а девятеро лодырничают. – 120
«Встань спящий» (Иона Брихничев и его журнал). – 218
Встретился с Философовым и Мережковским в Рел.-фил. собрании. – 309
Вся жизнь моя была тяжела. – 318
Всякая любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. – 53
Всякий оплодотворяющий девушку совершает то, что надо. –342
Всякий раз как к канонам присоединяется горячность. – 115
Всякое движение души у меня сопровождается выговариванием. – 32
Вся литература (теперь) «захватана» евреями – 261
Вся моя жизнь, в особенности вся моя *личность*, была гораздо грубее. – 154
Вся натура его ползучая (о Флоренском). – 109
Вся помертвевшая, с оловянными тусклыми глазами... – 172
Вся русская оппозиция есть оппозиция лакейской комнаты. – 270
Вся цивилизация XIX-го века есть медленное просачивание всюду кабака. – 198
В террор можно и влюбиться, и возненавидеть. – 21
В 1895-6 годах у меня не было *тем*. – 334
В 1904-5 году я хотел написать что-то вроде «гимна свободе». – 305
...выберите молитвенника на Землю Русскую (о патриаршестве). – 316
Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Рытвины (о своих сочин.) – 84
Выньте из самого существа мира молитву. – 33
Выписал статуэтку Аписа. – 172
В энтузиазме: «Если бросить бомбу»...– 160

Газеты, я думаю, так же пройдут. – 9
Где, однако, погибло русское дело, русский дух? – 284
Ге об Евгении Павловиче (Иванове). – 211
Герцен напустил целую реку фраз в Россию. – 267
...главная забота – откуда бы получить денежек (о Гоголе). – 263
Главный лозунг печати: «проклинай!» и «клевещи!» – 343
Глубокое недоумение, как же «меня» издавать? – 156
Глупа ли моя жизнь? – 184
Гнусность печати, м. б., имеет великую и святую *нужную* сторону. – 323
Говорят, «дорого назначаете цену книгам». – 150
Говорят, слава «желаема». – 14
Говорят, этот господин, прочитавший столько публичных лекций...– 25
Год прошел, – и как многие страницы «Уед.» мне стали чужды. – 295
Голова моя качается под облаками. Но как слабы ноги. – 59
Голосок у неё был тоненький, тоненький. – 142
Голубая любовь (первая любовь). – 20
– «Горе задавило!.. Да!!!» – 264
Господи! Прости ей грех, прости ей грех, прости ей грех (о церквях). – 331
Государство ломает кости тому. – 159
Греху и преступнику заготовлена такая казнь. – 165
Грубость и насилие приносят 2% успеха (об евреях). – 163
Грубы люди, ужасающе грубы... – 176
Грусть -- моя вечная гостья. – 112

Да, ведь, совершенно же ясно, что социал-демократия никому кроме Департамента полиции не нужна. – 228
Да, – верно Христово, что «не от плоти и крови родиться нужно». – 291
Да, вот когда минует 300-летняя давность. – 217
Да, все так, – и просвещение, и связь с идеями времени. – 33
Да, вся наша история – немножечко трущоба. – 94
Да, если семя – грязь, то, конечно, «он запачкал её». – 166
Да, если политический цинизм (о себе). – 348
Даже если будет все это место полно червями и тлением. – 307
Даже не знаю, через «ѣ» или «е» пишется нравственность – 42
Да жидов оттого и колотят, что они – *бабы*. – 220
Да как же бы без amor utriusque sexus обошлось бы дело? – 296
Далеко, далеко мерцает определение (Михайловский-Судейкин). – 217
Да мимо меня идет литература. – 323
Да, – может быть, и неверен «план здания» (о Церкви). – 59
Да: может быть, мы всю жизнь живем, чтобы *заслужить могилу*. – 68
Да не воображайте, что вы «нравственнее» меня. – 102
...да, но ведь дело в том, что к нашим детям внимательнее товарищ или друг. – 153
Да, – они славные, но все лежат (русские). – 159
...да Писарев и «Современник» и есть Нат-Пинкертон. – 342
«...да потому, что *её* – это принадлежит *мне*». – 289
Да, – смерть это тоже религия. Другая религия. – 76
Да, хорошо я понимаю (Гр. Пет.) – 215
Да что же и дорогого-то в России, как не старые церкви. – 61
...да, – шулер «ударил по *сердцам* с неведомою силой»... – 305
Да, «эготизм», – но чего это стоило! – 195
...да Элевзинские таинства совершаются и теперь. – 228
Да, этот странный занавес в Скинии Моисеевой. – 130
...да я нахожу лучше стоять полицейским на углу двух улиц. – 260
...да, я приобрел знаменитость... О, как хотел бы я изодрать...– 63
Да, я тоже думаю, что русский прогресс, рожденный полицейским и шулером. – 273
Два ангела сидят у меня на плечах. – 25
Двадцатипятилетний юбилей Корецкого. – 85
Двадцать лет как «журчащий свежий ручеек» я бежал около гроба. – 63
Двадцать лет я живу в непрерывной поэзии. – 47
Двадцать седьмого ноября скончалась наша «бабушка». – 64
Двадцать шестого августа 1910 года я сразу состарился. – 66
Две курсистки и 4 гимназиста, во имя «правды в душе своей» решили совершить переворот. – 281
Двигаться хорошо с запасом большой тишины в душе. – 42
Действительно, я чудовищно ленив читать. – 67
Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками. – 34
Демократия имеет под собою одно *право* – 208
Демон, хватающийся боязливо за крест (Гоголь). – 150

Дети, вам вредно читать Шерлока Холмса. – 150
Дешевые книги – это некультурность. – 187
Добчинского, если б он жил в более развитую гражданскую эпоху... – 31
До встречи с домом «бабушки» я вообще не видел в жизни гармонии. – 127
Допиваю 1–1S стакана кофе. – 347
Дорогое, дорогое для меня письмо. – 324
«...дорого назначаете цену книгам». – 223
До семнадцати лет она проходила Крестовые походы (наше ученье и потом жизнь). – 160
Достоевский как нервная пьяная баба вцепился... – 154
Достоевский, который терся плечом около плеча революционеров... – 343
«До тех пор, пока вы не подчинитесь школе» (наше ученье). – 218
Дочь курсистка. У неё подруги. – 280
...дураки этакие, – все мои сочинения замешаны на семени человеческом. – 287
Душа есть *страсть*. – 38
«Душа еще жива. Тело умерло». – 162
Душа озябла... – 97
Душа моя – как расплетающаяся нить. – 312
Душа православия – в даре молитвы. – 56
Души в вас нет, господа, и – не выходит литературы. – 156

Евреи «делают успех» в литературе. И через это стали её «шефами». – 260
Евреи *подлежат*, а не *надлежат*. От этого они и «подлежащее» истории. — 150
Евреи слишком стары, слишком культурны. – 213
Еврей всегда начинает с услуг и услужливости и кончает господством. – 165
Европейская цивилизация погибнет от сострадательности. – 155
Едва ли он знает географию в пределах 2-го класса гимназии (Гофшт.). – 351
Если бы Бехтерев увидел нашу мамочку. – 304
Если бы не любовь «друга» и вся история этой любви. – 77
Если бы предложили в Тамбове и Пензе выбрать «излюбленного человека» в законодатели. – 175
Если государство «все разваливается», если церковь «не свята», то... (о чиновнике и чиновничестве). – 164
Если кто будет говорить мне похвальное слово над раскрытою могилой... – 71
Если муж плачет об умершей жене. – 111
Если Философову случится пройти по мокрому тротуару без калош... – 99
Есть ведь и маленькие писатели, но совершенно *чистые*. – 130
Есть дар слушанья голосов и дар виденья лиц при чтении. – 96
Есть ли жалость в мире? Красота – да... Но жалость? – 82
Есть люди до того робкие (Н. Михайловский). – 210
Есть люди, которые – как мостик, по которому пробегают другие люди. – 148
Есть люди, которые рождаются «ладно», и которые рождаются «не ладно». – 193
Есть *несвоевременные* слова (о Новикове и Радищеве). – 123

Жалость – в маленьком. Вот почему... – 82
Желание мое умереть – уйти в лес, далеко, далеко. – 303
Жена входит запахом в мужа. – 359
«Женщина – исподнее существо», – говорят. Нет, она... – 341
Живи каждый день так, как если бы... – 13
Жизнь – раба мечты. – 317
Жизнь требует верного глаза и твердой руки. – 147

Забыть землю *великим забвением*... – 209
Завтра консилиум из 4-х докторов – 320
Задавило женщину и пятерых детей. – 290
Закатывается, закатывается жизнь. – 71
Запутался мой ум, совершенно запутался. – 54
Заранее решено, что человек – не гений (о чиновниках и чиновничестве). – 163
Заступ – железный. И только им можно соскрести сорную траву. – 107
«Заштампованный человек». – 268
Зачем я пойду к хорошему воздуху? – 117
Звездочка тусклая... – 344
Злая разлучница, злая разлучница. – 152
Знаете ли вы, что религия есть самое важное.– 45
Знаю, физика: левая холоднее правой. – 304
Зонт у меня Философова. – 310

...и бегут, бегут все. Куда? Зачем. – 29, 76
И бредет, бредет моя бродулька. – 63
И везде лукавство (русские). – 52
...и вовсе не *я* был постоянно-то с Богом, а она... – 154
И вот развертываешь эту простыню (газеты). – 25
И всегда она волновалась волнением другого. – 346
...и все-таки, при всей искренности, есть доля хитрости. – 268
И вся радость её была в радости других. – 141
И денег суешь. И просишь. – 352
Иду. Иду. Иду. И где кончится путь мой – не знаю. – 80
Из безвестности приходят наши мысли, и уходят в безвестность. – 8
Из всего «духовного» ему нравилась больше всего кожаная мебель. – 199
Из всех роскошеств мира она любила одну чистоплотность. – 332
Издали: – «Мама! Мама!» – 156
Из каждой страницы Вейнингера слышится крик... – 86
Измайлов не верит (о Щедрине). – 198
Из этих слов Христа, что «нельзя разводиться»... – 272
Имей всегда сосредоточенное устремление. – 93
Иногда и «на законном основании», – а трясутся ноги... – 149
...Иногда кажется, что во мне происходит разложение литературы. – 192
Иногда кажется, что я преодолею всю литературу. – 299
Иногда чувствую что-то чудовищное в себе. – 163
И она меня пожалела, и я её. – 343
«И пусть у гробового входа»... (Пушкин и Писарев). – 342
Истинное отношение каждого – только к *самому себе*. – 113
История не есть ли чудовищное *другое* лицо?.. – 82
И Тилинг, директор Евангелической больницы... – 307
И только одно хвастовство (печать) – 33
И я вошел в этот проклятый дом. – 24

Каждый в жизни переживает Страстную Пятницу. – 134
Кажется, что *существо* литературы есть ложное. – 132
Какая ложная, противная жизнь Р-на. – 16
Как Бог меня любит, что дал «её» мне – 71
Как бы Бог навеки вечные указал человеку, где он может с Ним встретиться (обрезание) – 38
Как будто этот проклятый Гуттенберг. – 9
Как вешний цвет проходит жизнь. – 147
Как Ерусланова мертвая голова... – 354
Как же бы я мог умереть не *так* и не *там*, где наша мамочка. – 91
«Какие события! Какие события»! (17-ое октября). – 39
Какими-то затуманенными глазами гляжу я на мир – 360
Как «матерой волк» (Щедрин) – 51
...как мелкий вор я выходил от Буре – 290
Как мог я говорить о своем величии около больного? – 138
Как не целовать руку у Церкви? – 304
Как ни страшно сказать, вся наша «великолепная литература» недостаточна и не глубока –22
Какого бы влияния я хотел? – 254
– Какое безобразие ваши сочинения. – 305
Какой вы хотели бы, чтобы вам поставили памятник? – 279
Какой это ужас, что человек, «вечный филолог» (о *смерти*). – 94
...как поршень действует в цилиндре насоса. – 337
Как пуст мой «бунт против христианства». – 69
Как раковая опухоль растет и все прорывает, все разрушает... – 305
Как *самые счастливые* минуты в жизни – я помню... – 77
Как с головной болью поутру... – 156
Как-то везут гроб с позументами. – 68
Как увядающие цветы – люди. – 98
Как я отношусь к молодому поколению? – 94
Как я смотрю на свое почти революционерство в 1897–1906 гг.? – 118
Катков произнес извозчичье «тпррру»... – 207
К Богу меня нечего было приводить. – 317
Книга должна быть дорога. – 298
«Кнут» Флоренского месяцы жжет мне душу. – 297
Когда болит душа, тогда не до язычества. – 322
Когда, бывало, меня посещали декаденты. – 7
Когда говорят о демоническом и бесовском начале в мире... – 354
Когда жизнь перестает быть милою. – 117
Когда Надежда Романовна уже умирала. – 219
Когда рвалось железо и люди при Цусиме, то литературочка... – 259
Когда Церковь устраивала пол (о браке). – 266
Когда человек спит, то он, конечно, «не совершает грех». – 164
Когда я сижу у доктора... – 60
Кое-что важное о девушках «без судьбы» (письмо М. П. И.). – 354
«Конец венчает дело»... показывает его силу. – 10
Конечно, *не использовать* такую энергию, как у Чернышевского. – 16
Конечно, я умру *все-таки с Церковью*. – 164
Конечно, я ценил ум... – 137
Кончил рождественскую статью. – 71

К пятидесяти семи годам я достиг свободы книгопечатания. – 167
К пятидесяти шести годам у меня 35 000 руб. – 63
Крепкое, именно крепкое, ищет узкого пути. – 356
Крепче затворяй двери дома. – 279
Кроме воровской сейчас и нет другой печати. – 343
К *силе* – все пристает. – 281
Кто догадался подойти со словом к умирающему. – 319
Кто же была Суламифь? – 274
Кто любит народ русский – не может не любить и его церкви. – 56
Кто не знал горя, не знает и религии. –208
Кто не любит человека в радости его – не любит и ни в чем. – 214
Кто с *чистою душою* сходит в землю? – 54
Кузнецов, трудовик 2-ой Думы, пойман во главе воровской шайки. – 320

Левин верно упрекает меня в эготизме. – 84
Левые «печатники» и не догадываются... – 299
Легко Шерлоку Холмсу разыскивать преступников. – 213
Лежать в теплом песке после купанья. – 53
Линяет, линяет человек... – 166
Листья в движении, но никакого шума. – 79
Литература – вся празднословие. – 24
Литература есть самый отвратительный вид торга. – 38
Литература как орел взлетела в небеса. – 25
Литература прищемила у человека *самолюбие*. – 58, 95
Литературная память – самая холодная. – 264
Литературу я чувствую как... – 160
Лучшее в моей литературной деятельности, что около неё кормятся... – 259
«Любите врагов ваших, благословляйте клянущих вас». – Не могу. – 346
Любить – значит «не могу без тебя быть». – 196
Любовь есть боль. – 95
Любовь есть совершенная отдача себя другому. – 289
Любовь подобна жажде. – 121.
Любовь *продажная* кажется очень удобною (о проституции). – 335
Любящему мужу в жене сладок каждый кусочек. – 260
Люди, которые никуда не торопятся, – суть «Божии люди». – 259

Мало солнышка – вот объяснение русской истории – 341
Малую травку родить труднее, чем разрушить каменный дом. – 16
Мамаша всегда брала меня «за пенсией» – 134
Мамаша томилась. – «Сбегай, Вася, к отцу Александру»... – 162
Мамочка всегда воображала, что я без рук, без ног... – 152
Мамочка не выносила Гоголя. – 287
Мамочка никогда не умела отличить *клубов* пара от дыма. – 231
Мамочка – нравственный гений. – 346
«Марксисты», «экономическая борьба», «положение рабочих»... – 181
Мед и розы. И в розе младенец. – 90
Между прочим, ни в ком я не видал такого равнодушного отношения к смерти, как у попов. – 148
Между эсерами есть недурненькие jeunes premiers. – 110
Меня даже глупый человек может водить за нос. – 36

Мережковский всегда строит из чужого материала. – 42
Мертвая страна. Мертвая страна. Мертвая страна. – 86
Место это чудно (Иезекииль о девушках) – 274
Милые, милые люди... – 37
Мир живет великими заворожениями – 364
Мне и одному хорошо, и со всеми. – 34
Мне кажется, Толстого мало любили. – 41
Мне как-то печально и страшно при мысли, что будут говорить обо мне хорошо. – 47
Мне не было бы так страшно, ни так печально... – 311
Мне представляется история русского *общества* за XIX в. сплошным безумием. – 356
Мне, собственно, противны те недостатки, каких я не имею... – 46
Много есть прекрасного в России – 17-ое октября, конституция, как спит Иван Павлыч... – 85
Могила... знаете ли вы, что смысл её победит. – 67
Может быть, даже и нет *идеи* бессмертия души, но есть *бессмертие всего*. – 128
Может быть, другие не имеют права умереть *сами*... – 307
Может быть, мы сядем в трамвай (проститутки на улицах) – 220
Может быть, народ наш и плох. – 115
Может быть, я всю жизнь прожил без Руси, но хочу умереть с Русью. – 166
Может быть, я расхожусь не с человеком, а только с литературой? – 84
Мой переиспуг и погубил все. – 321
«Молитесь!» – говорил К. Леонтьев. – 177
Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти. – 48
Моя кухонная книжка стоит «писем Тургенева к Виардо». – 115
Мучительное в положении Церкви, что она не знает среднего пути. – 331
Мы не по думанью любим, а по любви думаем. – 149
Мы проходим не зоологическую, а каменную фазу существования – 174
Мы прощались с Рцы («все по чину») – 214
Мы рождаемся для любви. – 147

Нагими рождаемся, нагими сходим в землю. – 304
На мне и грязь хороша... – 134
На полемике с П. С. – 35
Напрасно я обижал Кускову... Как все напрасно... – 116
Народы, хотите ли я вам скажу громовую истину? – 40
Настоящей серьезности человек достигает... – 130
На том свете, если попадешь в рай, будешь... – 278
На «том свете» мы будем немыми. – 99
На «том свете» я спрошу: – «Ну, что же, Вера»... – 334
На цыпочках, с довольным лицом (студенческое воспоминание). – 15
Национальность для каждой нации есть *рок* ее, *судьба* ее. – 124
Наша литература началась с сатиры (ход её истории) – 11
Наш вьюн все около кого-то вьется... – 167
Наш Иван Павлович врожденный священник. – 86
...не верьте, девушки, навсваниям вокруг. – 215

Не всякую мысль можно записать. – 213
Не выходите, девушки, замуж ни за писателей, ни за... – 134
Недаром еще в гимназии... – 109
Недодашь чего – и в душе тоска – 54
Недостаток Перцова заключается... – 311
Не *дотягивал* я многого в церкви. – 319
Не иллюзия ли это, что я считаю своими читателями... – 267
Некоторые из написанных обо мне статей... – 296
Не литература, а *литературность* ужасна. – 79
Нельзя помещать коня в коровник (брак, развод). – 266
Не надо забывать, что Фонвизин бывал «при дворе» – 212
Необыкновенная *сила* церкви вытекла из того, что... – 155
Необыкновенной глубины и тревожности слова Тернавцева (о полиции) – 269
Не полон ли мир ужасов? – 150
Не понимаю, почему меня так ненавидят в литературе – 154
Не понимаю, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьёва и Рачинского – 81
Несите, несите, братцы: что делать – помер... – 69
Несколько прекрасных писем от Горького. – 56
Несмотря на важность проституции... – 221
Несомненно, однако, что западники лучше славянофилов *шьют сапоги*... – 170
Не спас я мамочку от страшной болезни. – 147
Не сторожит муж... – 146
Несу литературу как гроб мой. – 109
Несут газеты, письма... – 157
Несут письма, какие-то теософические журналы... – 192
Не сходи с лестницы своего дома. – 279
Нет, не против церкви и не против Бога мой грех. – 114
Нет, папа, ты ошибаешься (рассказ Тани). – 280
Нет хорошего лица... – 218
Нет, чувствую я, предвижу, что – не пристав *здесь* – не пристану и туда. – 302
Неужели все, что идут по улицам, тоже умрут?! – 343
«Неужели же так и кончится его деятельная жизнь?» – 226
Неужели поверить, что её постоянная молитва... – 292
Неужели Пушкин виноват, что Писарев его «не читал»? – 306
Неумолчный шум в душе, – днем, ночью. – 146
Никакого желания спорить со Спенсером. – 104
Никакого интереса в будущем. – 66
Никакого интереса к реализации себя. – 56
Никакой трагедии в душе (о Герцене). – 109
Никакой человек не достоин похвалы. – 72
Никогда не видал старушку (письмо читательницы). – 347
Никогда, никогда не порадуется священник «плоду чрева». – 87
Нина Руднева сказала обо мне... – 13
Ни Новосёлов, ни Флоренский, ни Цветков... не сказали и, главное, не скажут ничего о браке. – 321
Ни один политик *в мире* не произвел так много... (о Гоголе). – 207
Ни о чем я не тосковал так, как об *унижении*... – 37
Ничего так красиво не лежит на молодости, как бедность. – 312

Ничто так не обижало во мне «человека» в детстве (воспоминание). – 297
Нравились ли мне женщины как *тела*, телом? – 138
– Ну, а девчонок не хочешь? – 70
Ну вот, – и он дачку себе в Крыму купил. – 70
Ну вот, – и ты всех пересудил... – 23
Нужно разрушить политику. – 200
Нужно хорошо «вязать чулок своей жизни» – и не помышлять об остальном. – 78
Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. – 131
Ну, что же делать, если женщина «под», а chevalier «над»... – 355
Ну что же, придет и вам старость (к молодежи). – 159

Обрезание – конечно, новобрачие. – 324
«Общественность», – кричат везде. – 70
Общество, *окружающие* – убавляют душу, а не прибавляют – 75
Объяснение особой ревности стариков. – 299
О девстве глубокое слово я слышал от Суворина и Карташова. – 221
Одели мундир (радикалы)... – 356
Одна из удивительных мыслей Рцы (центр лица и биографии). – 206
Одна лошадь, да еще старая и не умная, везет телегу (о русских). – 187
Одни молоды и им нужно веселье, другие стары и им нужен покой. – 92
О доброте нашего духовенства. – 64
Ожидаемые и желаемые и высматриваемые качества митрополита петербургского. – 306
Океан – женщина. Материк – мужчина. – 359
...окурочки-то все-таки вытряхиваю... «Сие творю в воспоминание» детства. – 230
О леность мою разбивался всякий наскок. – 322
О мое «не хочется» разбивался всякий наскок. – 126
О, мои грустные «опыты» (с прост.)... – 43
Она *родила* и, след., *имела право* родить. – 51
Он был не умен и не образован (Шарапов С. Ф.) – 55
Он был самоотверженный человек и не жил со своей женой (Ш) – 125
Он довольно литературен... – 111
Он точно кисточкой рисует свои добродетели. – 334
Оплодотворение детей входит неописуемым чувством в родителей. – 338
О Рылееве, – который, какая бы ни была погода, шел поклониться на гроб императора Александра II-го... – 100
О своей смерти. – 37
Осени поздней, цветы запоздалые... – 268
Осложнить вдохновение хитростью – вот Византия. – 149
Основание моей привязанности – нравственное. – 315
Отвратительная гнойная муха (наш радикализм). – 280
Отвращение, отвращение от людей. – 252
От всего ушел (мое «я») – 332
...откуда эта *беспредельная злоба*? (о Гоголе). – 149
Отпустим им грех их... – 320
Отроду я никогда не любил читать Евангелие. – 131
Отстаивай любовь свою ногтями. – 113
Оттуда и пошел этот тон самодовольства (о Герцене). – 326

Отчего нумизматика пробуждает столько мыслей? – 167
Отчего так много чугуна в людях? – 112
Очень около меня много пуху летит. – 160
Очень хорошо «расположение образования» в стране – 272
Ошибочный диагноз Бехтерева. – 158

Памятники не удаются у русских (Гоголю и др.) – 130
Папироска после купанья... – 154
«Пароход идет» писательства... – 279
Паук один, а десять мух у него в паутине (евреи). – 261
«Перемена! Перемена!» – жалуются «столпообразные руины»... – 202
Пересматриваю академическое издание Лермонтова... – 302
Перестаешь верить действительности, читая Гоголя. – 207
Перечитал свою статью о Леонтьеве. Не нравится... – 118
Перипетии отношений моих к Мережковскому... – 135
Песни *оттуда* же, откуда и цветы. – 151
Печальны и запутаны наши общественные дела. – 196
Печать – это пулемет, из которого стреляет идиотический унтер... – 70
Пешехонка – последняя значущая фигура в социал-демократии. – 18
Писателю необходимо подавить в себе писателя. – 119
Писательство есть Рок. – 82
План «Мертвых душ» – в сущности, анекдот. – 311
Плодите, попы, священное семя. – 357
Победа Платона Каратаева. – 36
По-видимому (в планету? в историю?), влит определенный % пошлости. – 217
Погром – это конвульсия в ответ на муку. – 261
«– Подавайте, В. В., за октябристов». – 39
...пока еще «цветочки» (наша печать). – 258
...показывал дачу... Проходя спальней... – 103
Покорить брак закону любви... Покорить любовь закону брака. – 271
Полевые и лесные частицы в человеке... – 340
Полтора года полуживу. Тяжело, печально. Страшно. – 70
Полуискренность – она сопутствует теперь всем делам Церкви. – 307
Получил два характерные письма (студента и рабочего). – 275
Поношенные, хищные (женщины в театре) – 346
По обстоятельствам климата и истории. – 169
Попы – медное войско около Христа. – 147
Поразительное суждение я услышал от Флоренского («Христа нет вне Церкви»). – 209
Поразительно, что иногда я гляжу во все глаза на событие – и не вижу его. – 39
Поразительно, что к гробу Толстого сбежались все Добчинские. – 30
«Пора», – сказала мамаша (2-ой брак). – 229
Порок живописен, а добродетель так тускла. – 267
«Посидите, Федор Эдуардович!» (о Шперке). – 124
Последний момент – смятение души... «Он – в буре». (О совокуплении). – 342
После книгопечатания – любовь стала невозможной. – 80
После хиротонии он оглядится по сторонам и начнет соображать доходы (об архиереях). – 125

Посмотришь на русского человека острым глазком... – 10
«Поспешно», – прочел я над адресом (наша Надя). – 146
Постоянно что-то делает, что-то предпринимает (евреи). – 46
По фону жизни проходили всякие лоботрясы (о Боборыкине). – 45
Почему *я издал* «Уедин.»? – 195
Почему я не могу перенести смерти? – 261
Почему я так «не желаю известности»? – 55
Почему я так сержусь на радикалов? – 66
Почтмейстер, заглядывавший в частные письма... – 121
Почти не встречал еврея, который не обладал бы каким-нибудь талантом. Но не ищите среди их гения. – 100
Поэт Майков смиренно ездил в конке. – 211
Правда выше солнца. – 38
Правду предсказал мне Горький. – 259
Правительству нужно бы утилизировать благородные чувства печати. – 211
...Право, русские представляют каких-то странствующих арабов в родной своей земле. – 121
Представить бы, что Главное Управление заготовленья пороху для армии. – 346
При устроении брака в стране нужно иметь в виду «стада человеческие»... – 265
Пришел вонючий разночинец... – 138
Приятно стоять выше морали (о Ницше). – 122
Прогресс технически необходим, для души он вовсе не необходим. – 213
Пройдет все, пройдем мы, пройдут дела наши. Любовь?.. – 151
Проснулся... Какие-то звуки (Вася). – 79
Протоиерей Ш. хоронил свою мать. – 162
Прочел в «Русск. Ведом.». радостную статью по поводу гибели нашей миноноски. – 151
Пусть Бог продлит мне 3–4–5 лет жизни. – 69
Пусть объяснит духовенство, для чего растут у девушки груди? – 153
Пушкин и Лермонтов кончили собою всю старую Россию от Петра и до себя. – 140
Пятого августа узнал о болезни Шуры. – 261

Работа и страдание – вот вся жизнь моя. – 194
Раза три в жизни я наблюдал матерей, сводничающих своих дочерей. – 220
Развод – регулятор брака. – 290
«Разврат» есть слово, которому нет соответствующего предмета. – 220
Разница между мамочкою и её матерью. – 143
Рассказ Кускова (Пл. А.) об уличных нравах. – 286
Рассеянный человек и есть *сосредоточенный* человек. – 93
Растопырив ноги и смотря нахально на учительницу (Вася). – 181
Растяжимая материя объемлет нерастяжимый предмет (совокупл.). – 355
Ребенок плачет. – «Да встань же ты!» – 303
Революции основаны на энтузиазме, царства – на терпении. – 293
Революции происходят не тогда, когда народу тяжело... – 325

Революционеры берут тем, что они откровенны. – 352
Революция имеет два измерения: длину и ширину; но не имеет третьего – глубины. – 95
Революция русская вся свернулась в тип *заговора*. – 259
Революция сложена из двух пластинок. – 95
Редко, редко у меня мелькает мысль. – 343
Режет Темное, режет Черное. – 148
«Религия Толстого» не есть ли *«туда* и *сюда»* тульского барина... – 118
Родила червяшка червяшку... – 316
Рождаемость не есть ли тоже «выговариваемость себя миру»? – 134
Рок Горького – что он попал в *славу*, в *верхнее положение*. – 56
Россия иногда представляется буйволом, съевшим с травою ядовитое насекомое. – 280
Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то *мила*. – 113
Русская церковь представляет замечательное явление... – 53
Русские, как известно, во все умеют воплощаться (о Боборыкине)... – 108
Русский болтун везде болтается. – 174
Русский ленивец нюхает воздух, не пахнет ли где «оппозицией». – 137
Русский «мечтатель» и существует для разговоров. – 100
Русское хвастовство (революция). – 252
Рцы точно без рук и без ног. – 123
Ряд попиков, кушающих севрюжину. – 99

Сажусь до редакции. Был в хорошем настроении. – 12
Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. – 191
Самое важное в Боборыкине... – 108
Самое *существенное* – просто *действительность*. – 157
Самолюбие и злоба – из этого смешана вся революция. – 230
Самый смысл мой осмыслился через «друга». – 157
Сам я постоянно ругаю русских. – 35
Сатана соблазнил папу *властью*, а литературу – славою. – 31
С бороденочкой, с нежным девичьим лицом (А. П. Устьинский). – 12
С выпученными глазами и облизывающийся. – 192
Связь пола с Богом. – 45
Священное слово. – 314
С детьми – и горькое сладко. – 149
Сев задом на ворох корректур. – 8
Секрет её страданий – в том... (О Башкирцевой). – 19
Секрет писательства заключается... – 13
Семь миллионов желудков (евреи и русские) – 177
Семь старцев (девушки и аскетизм). – 91
Семья – самая *аристократическая* форма жизни. – 46
Сердце и идеал были во мне многомичны. – 341
Сестра Верочка умирала в чахотке. – 262
Сижу у Рцы (о евреях). – 265
Сила евреев – в их липкости. – 230
Сила еврейства – в их старой крови. – 113
Сильная любовь кого-нибудь одного делает ненужным любовь многих. – 75
Симпатичный шалопай (русские) – 230
Сказать, что Шперка *теперь совсем нет на свете* (о загробном мире). – 80
С какой печалью читал статьи Изгоева об университете. – 44

Сколько изнурительного труда... (в «Сем. вопросе в России»). – 94
Сколько праздношатающихся интеллигентов... – 137
Сколько прекрасного встретишь в человеке... – 34
Сколько у нас репутаций, омоченных в юношеской крови... – 50
Скоро кончатся мои дни. – 319
Слабохарактерность – главнейший источник неправдивости. – 200
Слава – змея. – 53
Слава – не только не величие... – 110
Слияние своей жизни и особенно писаний с Божеским «хочу»... – 49
Смазали хвастунишку по морде... – 289
Смерти я совершенно не могу перенести. – 115
Смерть бабушки... – 76
Смерть есть то, после чего ничто не интересно. – 118
Смерть не страшна тому, кто верит в бессмертие. – 332
Смех не может ничего убить. – 29, 111
Смотрите, злодеяния льются, как свободная песнь. – 267
Смысл *Литературного Фонда*... – 214
Смысл Христа не заключается ли в Гефсимании и кресте? – 170
Собственно, мы *хорошо знаем* – только *себя*. – 157
Собственно, – *непосредственно слит с церковью* я никогда не был. – 115
Собственно, нравственность есть такая вещь, о которой не спорят. – 168
Совершенно не заметили, что есть нового в «Уед.». – 132
Совершенства нет на земле... – 90
Совокупление, каждое единичное, имест определенный возраст. – 339
Со времени «Уед.» окончательно утвердилась обо мне мысль в печати... – 153
«Современность» режет только пустого человека. – 113
Совсем подбираюсь к могиле. – 158
Созидайте дух! Созидайте дух! (проститутки на Загородном). – 34
С основания мира было две философии. – 35
Социализм пройдет как дисгармония. – 92
Сочетание хитрости с дикостью – мое удивительное свойство. – 116
«Спор выяснит истину»... – 165
Спрашивал Гершензона о «Пути» Морозовой. – 169
С прессой надо справиться... – 216
Сравнивал портрет Д. С. Милля и Погодина. – 131
Средний возраст человека. – 348
Старость есть развязывание привязанностей. – 48
Старые милые бабушки... – 344
С тем вместе стиль есть нечто внешнее. – 360
Стиль есть душа вещей. – 286
Стиль есть то, куда поцеловал Бог вещь. –360
Стильные вещи суть оконченной вещи. – 360
Стоят два народа соседние (вотяки, язычество). – 11
Странник, вечный странник... – 52
Страшная пустота жизни... – 191
Страшное одиночество за всю жизнь. – 64
Страшно, когда наступаст озноб души. – 306
Струве осторожно... подходит к необходимости: «признать правительство». – 360
Судьба *бережет* тех, кого она лишает славы. – 54

Супружество – как замок и дужка к нему... – 342
Суть «нашего времени», что оно все обращает в шаблон, схему и фразу. – 112
Сущность молитвы заключается... – 75
Счастливую и великую родину любить – не велика вещь. – 93
«Счастье – в усилии», – говорит молодость. – 42
С четырьмя миллионами состояния, он сидел с прорезанным горлом (А. С. Суворин). – 107

Тайна писательства – в кончиках пальцев. – 161
Тайный пафос еврея – быть элегантным. – 149
Таких, как эти две строки Некрасова. – 13
Так любил её, что никак не мог... – 316
...Так моя жизнь загибается к ужасному страданию совести. – 333
Так мы с мамочкой и останемся вдвоем. – 154
Так один около одного болтается. – 279
«Такой книге нельзя *быть*» (об «Уед.»). – 217
Талант у писателя невольно съедает жизнь его. – 149
Там – башмачки, куклы, там – мадонна. – 152
...Там, может быть, я и дурак... – 54
Таня вернулась из классов. – 173
«Текущее поколение» не имеет... никакого значения. – 60
Теперь в новых печках повернул ручку. – 191
Теперь все дела русские осложнились «евреем». – 187
Теперь все кончилось... – 318
Теперь вы поищите Магнитских да Руничей в своем лагере. – 285
Теряя девственность, девушка теряет свое *определение*. – 273
Техника, присоединившись к душе, дала ей всемогущество. – 29, 111
Тихие темные ночи. – 61
Тишина лечит душу. – 326
То знание ценно, которое... – 192
Толстой был гениален, но не умен. – 84
Толстой искал мученичества и просился в Шлиссельбург... – 186
Толстой не был вовсе религиозным лицом, религиозною душою. – 157
Толстой прожил, собственно, глубоко пошлую жизнь. – 41
Толстой удивляет. Достоевский трогает. – 278
Только горе открывает нам *великое* и *святое*. – 147
Только оканчивая жизнь – видишь, что вся она была поучением. – 161
Только русская свободушка и подышала до прихода евреев. – 270
Только такая любовь к человеку есть настоящая... – 206
Только то чтение удовлетворительно... – 199
Только у человека: цветет, а завязаться плоду не дают (девушки). – 228
Томительно, но не грубо свистит вентилятор. – 64
Томится душа... – 317
Торг, везде торг, – в литературе, в политике. – 66
Торчит пень; а была такая чудная латания. – 252
То, чему я никогда бы не поверил (о *плане* жизни). – 126
То, что *есть* – мне кажется невероятным. – 164

Трех людей я встретил умнее себя. – 56
Ты бы, демократ, лучше не подслушивал у дверей (Г-р) – 279
«Ты тронь *кожу* его», – искушал Сатана Господа об Иове. – 194
– «Ты уж теперь не испытываешь счастья». – 346
Тяжелым утюгом гладит человека Бог. – 98

Уважение к старому должно быть благочестиво... – 141
Удивительна все-таки непроницательность нашей критики. – 224
Удивительно противна мне моя фамилия. – 19
Удивительный рассказ Варвары Андреевны. – 182
Ужасно много *гнева* прошло в моей литературной деятельности. – 200
Уже года за три до 1911 г. мой «друг» говорил мне... – 62
...уже дотрагивание доставляет удовольствие, даже – одна мысль. – 340
Уж хвалили их, хвалили (революционеры). – 286
...*уклончивость* всех вещей от определения своего. – 310
У Кости Кудрявцева директор спросил на переэкзаменовке... – 232
Умей искать уединения. – 151
У меня было религиозное высокомерие. – 318
У меня есть какой-то фетишизм мелочей. – 184
У меня есть какой-то фетишизм мелочей (с другим добавлением). – 279
У меня чесотка пороков. – 318
У Мережковского есть замечательный афоризм. – 176
«Умер! Он умер!» – воет зверь-человек. – 345
Умер Суворин: но кругом – дела его, дух его. – 165
Ум, положим, мещанинишко. – 84
У нас нет совсем *мечты своей родины*. – 256
У нас Polizien Revolution. – 219
Унижение всегда переходит потом в душевное сияние. – 38
У Нины Рудневой – подруга... – 87
У Родзевича была горничная... – 335
У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства. – 319
У Рцы «Бог прибрал» троих детей. – 314
У Рцы в желудке арии из «Фигаро». – 168
«Услуги» еврейские как гвозди в руки мои. – 167
У социал-демократа одна тоска: кому бы угвоздиться на содержание. – 341
Успех в доброте и доброта в успехе (Суворин). – 260
Ученичество – тонкая музыка. – 342
Ученых надо *драть за уши*. – 224

Фаллос всегда должен быть насыщен (снято).
Философы, да и то не все, говорили о Боге. – 318
Фонвизин *пытался* быть западником. – 351
Французы неспособны... ни к республике, ни к монархии. – 119

Холодок на сердце... – 304
Хороша малина, но лучше был огурок. – 295
Хорошее – и у чужого хорошо. – 232
Хороши делают чемоданы англичане. – 199
Хотел ли бы я посмертной славы? – 24

Хочу ли я действовать на жизнь, иметь влияние? – 47
Хочу ли я играть роль? – 184
Хочу ли я, чтобы очень распространилось мое учение? – 46
«Христианство – *не за* пол», и – *не против* пола». – 306
Христианство так же выразило собою и открыло миру внутреннее содержание бессеменности, как Ветхий завет – содержание семени. – 177

Цензор только тогда начинает «понимать». – 195
Церковь есть душа общества и народа. – 345
Церковь есть единственное поэтическое, единственно глубокое на земле. – 69
Церковь есть не только *корень* русской культуры... – 171
Церковь научила всех людей молиться. – 313
Церковь об умершем произнесла такие удивительные слова. – 262
Церковь основывается на «нужно». – 320
Церковь поет: «Святый Боже, святый Крепкий». – 356
Цивилизация не на улицах, цивилизация – в сердце. – 167
Цинизм от *страдания*... – 24

Час от часу не легче (о микве у евреев). – 25
Чего хотел – тем и захлебнулся (о Толстом). – 110
Чего я жадничаю, что «мало обо мне пишут». – 206
Чего я совершенно не умею представить себе – это чтобы он запел песню (о Герцене). – 197
Человека достойный памятник – только один. – 344
Человек живет как сор... – 160
Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели. – 267
«Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом – только о себе». – 43
Человек стоит на двух якорях. – 51
Чему я, собственно, враждебен в литературе? – 132
Чем я более всего поражен в жизни? – 119
Черви изгрызли все (о Церкви). – 344
Через 1900 лет (о Церкви и революции). – 349
Чиновничество оттого ничего не задумывает... – 163
«Чистосердечный кабак» остается все-таки кабаком. – 132
Читал о страдальческой, ужасной жизни Гл. Успенского. – 31
Чтобы пронизал душу Христос... – 344
Что выше, – любовь или история любви? – 313
Что́ же была та стрела, которую постоянно чувствовал в моем сердце? – 53
Что́ же именно канонично? – 141
Что же такое Леонтьев (К. Н.)? – Ничего. – 178
Что же ты любишь, чудак?.. – 60
Что же я скажу на том свете Богу? – 77
Что́ значил бы Христос без милосердия? ...Есть ли милосердие в Церкви? – Нет. – 345
Что́ значит, когда я «умру»? – 75
Что́, однако, для *себя* я хотел бы во влиянии? – 136
Что́ такое литературная душа? – 311
Что́ такое пафос йgalitй. – 52
Что́ такое писатель? – 313
Что-то было глухое, слепое, что даже без имени (Россия до 1905 г.) – 212
Что-то такое *противное* есть в моем слоге. – 129

«Что ты все думаешь о себе?»... – 59
Что это было бы за государство? – 219
Что это было у меня в юности: предчувствие или желание? – 131
Что это, неужели я буду читаем? – 136
Что я все *надавил* на Добчинских? – 92
Что я все нападаю на Венгерова и Кареева? – 200
Чувства *преступности*, как у Достоевского, у меня никогда не было. – 50
Чуковский все-таки очень хороший писатель. – 51

Шатается, из рук моих выпадает. – 173
Шестьдесят только раз я мог простоять в Великий Четверг «со свечечками». – 68
Штунда – не одно евангельско-церковное учение. – 348
Штунда – это мечта «переработавшись в немца» стать, наконец... – 348
Шумит ветер в полночь и несет листы. – 7
Шура на ходу: – «Когда она лечилась?» – 264
Шуточки Тургенева над религией... – 206

Щедрин около Гоголя – как конюх около Александра Македонского. – 207

Эгоизм – не худ; это – кристалл около «я». – 79
Эгоизм партий, выросший над нуждою и страданием России... – 164
Это во второй раз в моей жизни: корабль тонет, а пушки стреляют. – 165
«Этого мне уже теперь ничего не нужно». – 63
Это здоровая реакция «на глупости», что гимназисты не учатся. – 272
Это какой-то *впечатлительный* Боборыкин стихотворчества (о Бальмонте). – 111
«Это просто – *пошлость!*» – сказал Толстой о «Женитьбе» Гоголя. – 105
Этот поп на пропаганде христианских рабочих людей... – 219

Я весь в корнях, между корнями. – 184
Я вовсе не «боролся» (Мер.), а «схватил Победу»... – 150
Я возвращаюсь к тому идеализму... – 315
Я вышел из мерзости запустения... – 313
Я говорил о браке, браке, браке, а ко мне шла смерть, смерть, смерть. – 64
«Я до времени не беспокоил ваше благородие». – 198
Я думал, что все бессмертно. И пел песни. – 75
Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. – 41
Я жму *руку* всем... (проституционность всех органов, *кроме* половых). – 322
Я задыхаюсь в мысли. – 36
...я знаю, что изображаю того «гнуса литературы». – 290
Язычество есть младенчество человечества. – 168
Язычество, «спрессованное до невозможности», – это юдаизм. – 125
Язычество – утро, христианство – вечер. – 107
Я мог бы наполнить багровыми клубами дыма мир. – 194
Я не враждебен нравственности. – 116
Я невестюсь перед всем миром. – 118
Я не думаю о царствах... – 349

Я не нужен... – 37
Я не спорщик с Богом... – 56
Я не хочу истины... – 157
Я ничего так не ценю у духовенства, как хорошие уды. – 357
Я нуждаюсь только в утешении. – 331
Я похож на младенца в утробе матери. – 37
Я пролетал около тем... – 77
Я разгадал тетраграмму... – 41
Я сам прошел в гимназии путь ненависти к правительству и даже ненавидения Государя, – как лица и принципа. – 327
«Я сейчас! Я сейчас!» – 114
Я смотрел на Леву с такою завистью к его росту, к его красивости, к его достоинству. – 301
«Я тебе, деточка, переложу подушку к ногам». – 82
Я только смеюсь или плачу... – 110
Я учился в Костромской гимназии... – 257
Я чувствую, что *метафизически* не связан с детьми. – 230

Cultus phalli непонятен вне родства. – 341

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ К «САХАРНЕ», «МИМОЛЕТНОМУ. 1914 ГОД», «МИМОЛЕТНОМУ. 1915 ГОД», «ПОСЛЕДНИМ ЛИСТЬЯМ», «АПОКАЛИПСИСУ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

1. *Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год // Собрание сочинений: В 30 т. <Т. 2>. Мимолетное. М.: Республика, 1994. С. 5–334 (в Алфавитном перечне – М).
2. *Розанов В. В.* Сахарна // Собрание сочинений: В 30 т. <Т. 9>. Сахарна, М.: Республика, 1998. С. 7–272 (в Алфавитном перечне – САХ).
3. *Розанов В. В.* Последние листья // Собрание сочинений: В 30 т. <Т. 11>. Последние листья. М.: Республика. 2000. С. 5–252 (в Алфавитном перечне – ПЛ).
4. *Розанов В. В.* Мимолетнос. 1914 год // Собрание сочинений: В 30 т. <Т. 8>. Когда начальство ушло... М.: Республика, 2005. С. 193–596 (в Алфавитном перечне – КНУ).
5. *Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени // Собрание сочинений: В 30 т. <Т. 12>. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000. С. 5–379 (в Алфавитном перечне – АНВ).

Абсолют супружеской верности – КНУ 298.

А ведь действительно люди очень хорошо размножаются и без Розанова – КНУ 537.

А ведь и она была недалёка. Но все в ней скрашивалось, затенялось – КНУ 386.

«А ведь король-то голый», – сказал я про революцию – КНУ 232.

А ведь филологи-то многого не заметили в иносказаниях Апулея – КНУ 543.

А ведь «царица-то Суббота», господа, – с бородой – КНУ 475.

А в самом деле, «Кому на Руси жить хорошо?» – САХ 218.

А все-таки скольким людям я помог (библиогр.) – М 188.

А все-таки я моим современникам наговорю в лицо довольно «милые вещи» – КНУ 384.

А если сосредоточенно кинуть центр внимания на кос-что? – ПЛ 100.

А и сластены же эти христиане – М 311.

Александр III в Петропавловском соборс... Венки, знамена. Зажженная лампада – САХ 190.

Александр Яблоновский считает себя либеральным и просвещенным писателем – САХ 87.

А м.б., и это есть: за 2000 лет человечество пресытилось христианством? – ПЛ 123.

А м.б., это и есть преступление – публиковать «Уед.» и «Оп. л.»? – М 304.

А может быть, и «это начало почитания животных» у египтян – ПЛ 189.

Анекдотом истории не объяснишь – КНУ 408.

А не противный ли я сам – с вечной занятостью самим? – КНУ 357.

Антиох IV Эпифан воздвиг гонение на иудеев (Маттафия, Маккавеи) – М 201.

Антихрист – АНВ 200.

А окурочки-то все-таки вытряхиваю – САХ 175.
Апокалипсис – АНВ 203.
Апокалипсис <6.VII.1917> – АНВ 70.
Апокалипсис (14.VII.1917) – АНВ 80.
Апокалиптика русской литературы <декабрь 1917 г.> – АНВ 123.
Апокалиптика русской литературы <6 июля 1918 г.> – АНВ 157.
Апостола Павла Второе послание к Фессалоникийцам – АНВ 216.
Аппетит зла... о, как он ужасен – М 248.
Апрель. Мулями, мулями, мулями – КНУ 261.
Апрель. Тихий звук голоса, как муха жужжит – КНУ 260.
Архиерей, по-видимому, должен быть сквалыгой – ПЛ 220.
Ах, Господи... Но откуда же нежность, мягкость? – САХ 210.
Ах, до того это надоело... Да, оставьте вы, пожалуйста, чужие штаны в покое – КНУ 237.
Ах, какая это горькая необходимость – прикрашивать действительность – ПЛ 89.
Ах, не так просто. Ах – похоже на Иеговах – САХ 171.
Ах – слово, проклятое слово – АНВ 105.
Ах, холодные души, литературные души, бездушные души – САХ 186.
Ах, цветы не надышали своего запаха в «Истории Египта» – ПЛ 232.
Ах, эти розы, эти розы – они хорошо пахнут – ПЛ 197.
Ах, это милос обрезание... февральский цветочек – ПЛ 249.
Ах, этот серп молодой луны, серп молодой луны, серп молодой луны – САХ 130.
А что, если священное есть просто пошлость? – САХ 214.
А что же, В. В., ты хочешь, чтобы и гимназисты и студенты сидели все – КНУ 574.
А что же, не понять ли просто и ясно, что кому молятся, тот и растит – М 109.
А что же ты думаешь, Розанов, – неужели ты думаешь, что студенты должны – ПЛ 194.
А я отыскал в разном мусоре («мусорные кучи в Дании», – у Ляйэля – М 297.

«Б. видит все видимое и невидимое». Воображаю зрелище – КНУ 536.
Б. попросил у Авраама... А Авраам нисколько не навязывался Б-у – САХ 104.
Бабушке было уже 76 лет; она хворала, лечилась – но как и что – скрывала – САХ 84.
Бакалея еще наша. Тоже – съестные лавочки. Что же: русский чсловек покушал – М 281.
Батя. С Урала, член Госуд. Думы. Еду с дочкой на извозчике – САХ 20.
Бедная сторона А-да заключается в том, что, когда он берет перо – М 289.
Бедные девушки томятся замужеством – ПЛ 79.
Беззвучные слова предшествовали звучащим словам – ПЛ 63.
Без книг и разуменья все-таки нельзя – САХ 174.
«Безлюбовный браю» (у христиан «принцип») – М 104.
Без монастыря в душе невозможна никакая сила – ПЛ 145.
Без нигилизма – нельзя. Без нигилизма и нигилистов нам все-таки не обойтись – САХ 164.
Без памяти смертной – КНУ 351.
Безумно люблю свое «Уед.» и «Оп. л.». Пришло же на ум такое издавать – САХ 212.
Безумно люблю. «Существительное» я никогда особенно не любил – ПЛ 50.

Белая и черная мышки – КНУ 372.
Белинский – основатель мальчишества на Руси – М 112.
Белинского я ничего не читал с гимназических пор – КНУ 508.
Берегите, берегите семя мужское – ПЛ 200.
Беременейте. Не стесняйтесь имени проституток – ПЛ 200.
Беспорочный сон – КНУ 268.
«Благодать Господа нашего Иисуса Христа» и кредит – АНВ 217.
Блистательная иллюминация – КНУ 284.
Богатство – АНВ 161.
Богатство вообще есть средство к существованию – ПЛ 22.
Бог и боль – АНВ 223.
Бог и смертные – КНУ 364.
Бог и человек – АНВ 105.
Бог на улице – М 131.
Бог простит ему – САХ 259.
Боже Вечный, держи меня всегда за руку – САХ 165.
Боже Вечный! Помоги мне... Помоги не упасть – САХ 203.
Боже, исцели Россию – КНУ 540.
Более и более прихожу к мысли, что я глуп – КНУ 483.
Более и более я прихожу к мысли, что Б. сотворил любовь – ПЛ 81.
Болит душа. Болит о Страхове – КНУ 251.
Болит душа за Россию. ... болит за ее нигилизм – М 185.
Болит душа о всем мире – АНВ 176.
Боль ж...ы. Всемирный флирт – ПЛ 51.
Большевики – АНВ 169.
Большой «пуд» все-таки я положил в чашу умственной жизни России – САХ 183.
Борьба с еврейством для успеха не должна быть концентрируема – САХ 187.
Борьба с иудейством есть преодоление оптимизма фаллоса – М 191.
Боязнь гения. Гений – он страшный – М 214.
Брак есть уравнение. Жена единосущна мужу, и муж единосущен мужу – М 166.
Бредет пьяный поп... Вдовый и живет с кухаркой... – САХ 17.
Брусники не собирали и образовали конституционно-демократическую партию – КНУ 472.
Буду ли я с значением? Проще – принес ли я пользу «нашим русским» – М 58.
Буду ли я читаем? Я думаю, – вечно – М 63.
Будущее сильнее прошлого – М 14.
Булгаков честен, умен, начитан и рвется к истине С 17.
Бур-кин рассказал рассказ: – На Кавказе – ПЛ 67.
Бурнакин рассказывал: – И в то время, как я сжимал груди его милой – М 310.
Бывает – АНВ 169.
Был вечер, христианство... И солнышко склонялось все ниже и ниже – САХ 85.
«Было, было, было». – Ну что же, было и прошло – ПЛ 76.
Было легко писать. Почему было легко писать «направо» и «налево» – я не знаю – САХ 108.
Был «процесс 143-х» (сколько тщеславия в названии!!!) – М 52.
Был храм. Но теперь в нем нет молящихся – КНУ 588.

Venus – АНВ 145.
Vis-a-vis... вы поскандалили с христианством – М 108.
– Вам нравится этот цветок? (Евгения Ивановна) – САХ 42.
Вася Баудер (II – III кл. гимназии, Симбирск) приходил обыкновенно ко мне – ПЛ 20.

Вася: – Онегин, папа, фамилия? – КНУ 534.

В безмолвии растений – АНВ 224.

В белом больничном халате и в черных шерстяных перчатках, она изящно пила – САХ 25.

В «Биржевке» от 19 июля напечатано 18-20 строк о «В. Л. Бурцеве» – М 244.

«В вечном рассеянии» – АНВ 133.

В вопросе брака и безбрачия духовные так же гибнут, как черные мухи – САХ 110.

В горло не лезет. – Что? – Славянофильство – КНУ 431.

Вдали от жилищ железные пальцы стискивают горло прохожему – М 73.

В 12 часов по ночам Из гроба встает барабанщик – САХ 93.

В 90-х годах были современниками друг другу – КНУ 494.

...<в> евреях же – страшная самостоятельность – АНВ 224.

Ведь Александр Борджия «был правильно рукоположен» – САХ 243.

Ведь не могли же кто читал не видеть, о чем идет речь и в «У.», и в «Оп. л.» – КНУ 212.

Веленевая бумага – веленевая литература – М 15.

Великая и странная душа, нелепая и дикая судьба – КНУ 594.

Великие люди пылят в истории – М 80.

Величие церкви – в ее «общем», в ее «всем» – ПЛ 214.

Верочка, видя, что я записываю что-то в записную книжку – М 41.

Верочка сегодня: – Когда я вхожу к ним («сестры», монашки) – М 219.

Верю ли я в Б. в точном, страшном смысле – САХ 256.

Весь наш консерватизм есть какие-то ископаемые допотопные чудища – САХ 214.

«Вечная пахучесть» Египта – АНВ 225.

Вечное афродизианство – АНВ 226.

Вечное благословение – АНВ 227.

Вечное – в мгновеньях. Вечное именно – не века, не времена, не общее – САХ 33.

Вечное «Das Werden» Египта – ПЛ 144.

Вечное разделение – АНВ 227.

Вечное Солнце течет в моих жилах – САХ 266.

В жидах есть своеобразная и исключительная половая сила – ПЛ 126.

В завете (Авр.) с Б. заключается не мысль, но факт уравнения Бога с человеком – КНУ 266.

«Взгляд Пушкина на стихи Державина», «Мнение о Пушкине С.Т. Аксакова» – КНУ 238.

Взял девку с бородой замуж и так одарил подарками – САХ 103.

Вид? Но что же тут интересного? – КНУ 257.

Вина евреев против И. Христа была ли феноменальная или ноуменальная? – САХ 18.

Вифлеемская ночь – АНВ 163.

В каждом движении его глубоко комической фигуры виделся талант – КНУ 355.

В Казани на голоде – САХ 76.

В Каткове было нечто непереносимо сухое – КНУ 467.

В Каткове есть что-то глухое – М 292.

В каторге-то и спасение. И в каторжных нравах – ПЛ 95.

«В комнату вошла пара сапог с телеграммою» – М 276.

В конце концов: для чего же мы существуем? – КНУ 470.

Вкусный кусочек. Нет аппетита – КНУ 595.

В лени – почти метафизический корень православия – САХ 245.

В лучших (и очень редких) типах русского священника есть что-то библейское – ПЛ 117.

В любви есть закон: острота ее обратно пропорциональна массе – ПЛ 142.

В любви есть какая-то «защелчка» – КНУ 508.

В любви есть что-то упорное – КНУ 540.

Вместо «Неба» будут «книжки» – М 106.

В минуте иногда больше содержания, чем в годе – М 201.

В настоящее время для России нет двух опасностей. Есть одна опасность. Евреи – САХ 124.

Вначале вся природа была жива. Но многое умирало – ПЛ 126.

Вовсе не радикализм враждебен мне (я сам радикал), а формализм – САХ 61.

Во всякое явление как будто вставлен «поперек кол», и этим колом его распирает – ПЛ 120.

Во всяком органе мы должны различать аппетит и дар – М 285.

Во всяком случае, неоспоримо, что загадку Египта составляет необыкновенная – ПЛ 227.

Возраст цивилизации – АНВ 165.

Волшебный Чайковский – КНУ 198.

Во мне больше было любования на вещи, чем любви к вещам – М 248.

Во мне нет... Вот незнание этого-то понятия ученой философии и запутало – САХ 220.

Воображать, чтобы это общество шутов и ненавидцев действительно заболело – М 284.

Вообще «мистерии» древности, – особый факт исторический, особенное понятие – КНУ 542.

Вообще я думаю, что брак как-то должен развернуться в коммуну – ПЛ 102.

Вопросы о вопросах – АНВ 228.

Вот вам, змееныши шипящие и крапива кусающаяся, хлебца – ПЛ 251.

Вот вхожу все в один и тот же «Учетный» (б-к) – ПЛ 218.

Вот две вещи совершенно между собою несходные – САХ 28.

Вот еще в чем нужно ограничить евреев: им не нужно давать есть стерлядь – ПЛ 84.

Вот еще грех духовной литературы, – нашей и не только нашей – ПЛ 128.

Вот еще: евреи пытаются, настаивают и делают «реальные шаги» переменить – М 28.

Вот идет моя бродулька с вечным приветом – САХ 51.

Вот идет один ленивец к другому ленивцу – М 104.

Вот идет по тротуару проституточка. Подойду к ней и разделим – САХ 24.

Вот разница: когда подсмеешься над чем-нибудь у духовенства – М 12.

Вот ты прошел мимо дерева: смотри, оно уже не то – ПЛ 28.

Вот что: все евреи от Спинозы до Грузенберга не могут отвергнуть – М 228.

Вот что: в «состав брака», в состав полной его «комплекции» входит – М 142.

Вот что, господа: не спорьте с радикалами – ПЛ 32.

Вот что друзья мои: когда придет час вам подойти к Тайне – М 30.

Вот что: если перед вами еврей и еще несколько человек, немец, поляк, русский – САХ 99.

Вот что еще: кто же из двух «праздник» и кто «буддень» – М 148.

Вот что еще: Россия всегда должна оставаться ens privatissimum – М 158.

Вот что: – надо издать закон о неоскорблении любви – М 75.

Вот что, однако, евреи, помните: что все святое отойдет от вас и перейдет к нам – ПЛ 34.

Вот что, русский человек: вращайся около своей оси – ПЛ 143.

Вот что, человек: копи себя – М 227.

В очень жаркие дни в Вавилоне они занимались делом – КНУ 347.

В 1-ый раз за 17 л., что пишу о поле и браке, мелькнула мысль – М 126.

«В Петербурге не было у меня никого знакомых, – лето, разъехались – САХ 102.

В письме слова: «Кто любит попа, а кто – попадью, а кто и попову дочку» – КНУ 589.

В пору Боголепова и, кажется, других министров здесь (в Петербурге) – М 135.

В проститутках есть что-то странное – ПЛ 154.

В проституции мужчина покупает женщину – М 231.

В «раздвоении», а не «два» – АНВ 190.

В революции музыкант – полиция, ноты французские и потом еврейские – САХ 269.

В редкие минуты я достигаю всемирной любви – САХ 158.

«Время молитве, время любви» (старость) – М 76.

Время человека – АНВ 231.

В России так же жалеют человека, как трамвай жалеет человека, через которого – ПЛ 139.

В России только кажется, что 8 университетов и 500 гимназий – М 56.

В самом деле, писатель не должен смотреть на то, что написал много страниц – САХ 35.

В «Святом святых» Скинии и Храма были перечислены и описаны те предметы – ПЛ 232.

Все вещи «вертятся около своей оси». Это не космография, а ноумен мира – ПЛ 116.

Всегда, когда это «случалось», происходит небольшое «попотнение» – ПЛ 248.

Всегда мамочка скажет: «Не из дорогого материи» – САХ 179.

Всегда нужно помнить «12-го» среди Апостолов – САХ 266.

Всегда перекрестится, что бы ни начинала делать – САХ 161.

Все дети Толстого какие-то недопеченные – КНУ 453.

«Всеми презираемый Розанов...» – пишет Кугель – КНУ 247.

Все мне говорят, что Кускова – при всей ее сумбурности – КНУ 466.

Все образы Нестерова просят пощады – САХ 87.

Всеобщие обвинения в лжи (Айхенвальд, читаю) – М 288.

Все они – сладкие и демократичные – САХ 30.

Все очень умные люди эгоистичны. Талантливые – тоже – М 49.

Все русские прошли через Гоголя – это надо помнить – М 40.

Все святые православия – АНВ 178.

Все «с молитвою» – ходили по рельсам – М 66.

Всех обманул – и всех возненавидел – КНУ 417.

Все эти «хитринки» мира ужасно интересно обдумывать – М 199.

Всё будет равно, всё одинаково – КНУ 238.

Всё будущее содержится уже в настоящем – ПЛ 186.

Всё государство есть труд – КНУ 199.

Всё думаешь «соперничать», – и как-то я спросил у Н. Н. Страхова – КНУ 346.

...всё думаю, всё думаю – АНВ 231.

Всё затянуло жидом. Туманный октябрь литературы – САХ 155.

Всё затянуло социал-демократией – АНВ 232.

«Всё куплю», – сказало злато. «Все возьму», – сказал булат – М 305.

«Всё не доработано» – КНУ 333.

Всё общество покачнулось в сторону Невского – САХ 182.

Всё осело... Как пасхальный кулич, в который положено – КНУ 249.

Всё пело, плакало, смеялось... Что это? Скрипки? – М 24.

Всё поздно – М 324.

Всё русское неловко и все русские неловки – вот в чем дело – ПЛ 82.

Всё сложилось по типу собачьей свадьбы – КНУ 206.

Всё-таки интересно было бы знать: нектар и амброзия брались – КНУ 346.

Всё-таки революционеришки – паршивый народ – М 192.

Всё-таки с «Уед.» и «Оп. лист.» поумнела Русь (насколько прочитала) – САХ 72.

Всё-таки удивительно, что не поняли, для чего я писал и напечатал «Уед.» – КНУ 239.

Всё утомительно. Не утомляет только благородное – М 193.

Всё учение (духовенства и богословов) о браке не связано органически – КНУ 273.

Всё, что принадлежит минуте – принадлежит и вечности – ПЛ 134.

Всё это влечет, поскольку скрыто – ПЛ 56.

(В слезах) Зачем устроен эгоизм миров? – ПЛ 68.

В смысле постижения, конечно, дико было Некрасова ставить «выше Пушкина» – КНУ 253.

В собственной душе я хожу, как в Саду Божием – САХ 43.

В собственных детях иногда я вижу ненавидение отечества – САХ 205.

Вспоминаю Рел.-фил. собрания – М 87. Вспотел – и афоризм – ПЛ 87.

Встречаешься с разными ярусами наивности – КНУ 351.

В Струве живет идея честного порядка – М 97.

В сумерках нашего бытия – АНВ 67.

В сущности все мое революционерство в литературе было пустомельством – М 302.

В сущности христианства я есть истинный язычник – КНУ 479.

Вся борьба, которая идет (начнется – я думаю) в Европе, будет борьбой – М 209.

Всякая девушка ночью томится, – почему к ней никто не приходит – САХ 263.

Всякая нация живет умственными «центрами» и волевыми центрами – ПЛ 230.

Всякий имеет «своего Иегову» и даже произносит (не зная) Имя его – САХ 74.

Всякий человек «есмь то», что он «есмь» – ПЛ 181.

Всякий человек живет правдой своей – КНУ 290.

Всякий человек имеет свое пьянство – М 197.

«Всякое определение есть сужение» (философия) – М 95.

Всякое преобразование, однако, есть перелом – САХ 235.

Вся литература поражена, что я считаю деньги – САХ 71.

Вся личность и вся жизнь превращена в литературу – М 91.

Вся моя дьявольская энергия уложилась в «брюхо» м. литературной – САХ 255.

Вся натура моя – мокрая. Сухого – ничего – САХ 34.

Вся русская литература, – если выкинуть дребедень – КНУ 590.

Вся русская литература написана не на русские темы – М 27.

...вся слава цветущих лесов – АНВ 177.

Вся «тупость Розанова» выразилась в том, что – КНУ 227.

Вся улыбалась, – такая милая, – она – никогда не была так прелестна – КНУ 596.

Вся христианская литература – АНВ 101.

В твоих судьбах, Израиль – АНВ 67.
В титул государей всех стран входит «Величество» – КНУ 347.
В том-то и дело, что всякая засохшая земля просит дождя – М 254.
(В трамвае ночью) Из планеты земледелия не докажешь, сколько ни изнуряй ум – ПЛ 239.
В тускло-серо-голубом платьице, с низким узким лбом – САХ 40.
«Входите, благословенные, входите все, замужние, девушки, вдовы – ПЛ 123.
В Царе есть кусочек Провидения – ПЛ 135.
В царстве теней – САХ 125.
В церкви надо различать – КНУ 351.
Вчера весь день провалялся, t 39 – КНУ 584.
Вчера, на Царскосельском вокзале, почти 2 часа ждал «подойти к билетной кассе» – М 242.
Вчера разговор в гостях. И выслушал удивительный взрыв отца – САХ 19.
Вчера собрались жеребцы. Я так зову сотрудников – ПЛ 31.
В чём же заключается дело и как согласовать или примирить ягуариху – ПЛ 217.
В чём же разница между русскими писателями и еврейскими писателями – М 298.
В чём мое отличие в литературе? – САХ 168.
В чём «суть Розанова»? – КНУ 324.
В чём, так сказать, магия книгопечатания, отрицательная магия? – М 149.
Вы восторгались «великим отрицанием» Гоголя – САХ 148.
Вы всегда считаете что вам положено в карман – КНУ 214.
Вы думаете, конец света будет «в дыме и пламени»? – КНУ 304.
Вы изменили (революционерам) – КНУ 575.
Вы любите не только предметы, но и тени предметов – М 328.
Вы любите себя и своих и подобных себе – КНУ 521.
Выпрем из литературы Герцена – САХ 256.
Выстрелил и убежал – М 203.
Вы так и думаете, что интересны ваши Эндимионы и Гераклы – КНУ 542.
Вы трогаете Судьбу мою, – разве это можно и хорошо? – КНУ 566.
Выучить, чтобы куриный цыпленок научился плавать – М 14.
– Вы хотите с меня снять портрет, вы пошлете его Царю – САХ 52.
«В эти дни позора, когда весь культурный мир с таким презрением следит – САХ 184.
В этот вечер я впервые понял истину определения Аристотеля, что мужчина – ПЛ 179.
Вяленькая – АНВ 147.

– Gloria! Gloria! 5–6 часов утра. В соборе Св. Петра. Рим – САХ 115.
Гады, гады, гады… и смысл ваш гадить, и задача ваша гадить – М 87.
«Гарри в отеле поджидал Холмса – М 156.
Где губы, там и лицо – САХ 194.
Где есть квадрат, найдется и куб – САХ 222.
Где «мое» кончается – кончается история – САХ 227.
– Где римляне? Это попы – ПЛ 150.
Где, собственно, родник ненависти к «Уед.» и «Оп. л.» – САХ 257.
Гении, таланты, полуталанты и просто очень прилежные люди – М 19.
Гений в том, чтобы соединить художество с ремеслом – КНУ 351.
– Герои! Они 20 лет сидели под замком. Потом «женились» – САХ 91.
Главная добродетель Ветхого Завета – совокупление – ПЛ 203.
Главное – иметь ироническое отношение к вещам – М 19.

Глаз без взгляда – вот позитивизм – КНУ 376.
Говорили о Гоголе, обсуждали разные стороны его – ПЛ 33.
«Говорю я Ш-ду: «У вас был погром?» – САХ 75.
Говорят, вечна одна истина, и только она 230.
Говорят (Гейне) – флюгер лжет – М 288.
Говорят: «игра». И хотят прибавить: «пустое и не нужно» – ПЛ 70.
«Гоголь в русской литературе» – это целая реформация – М 113.
Гоголь, в страшном аквариуме «Мертв. душ», посадил за стекло – КНУ 461.
Гоголь дал право каждому русскому хохотать над Россией – КНУ 456.
Гоголь копошится в атомах – М 94.
Гоголь обратил отечество свое в анекдот – КНУ 346.
Гоголь отвинтил какой-то винт внутри русского корабля – КНУ 196.
Гоголь – первый, который воспитал в русских ненависть к России – САХ 135.
Гоголя восприняло все глупое, все пошлое – КНУ 587.
Годы, годы, годы травили всего доброго, всего благородного – М 295.
Голиаф и Давид – АНВ 166.
Голова государства. Приставленная к совершенно безгосударственному телу – ПЛ 231.
Гораздо раньше, чем в Европе, в Египте, во-первых, и иудеям, во-вторых, значение – М 43.
Горечь, горечь! Больше огорчения! – САХ 171.
Горнфельдишке никак не хочется, чтобы утвердилось, что Гоголь не был – САХ 83.
Горнфельду очень нужно утвердить «натурализм» Гоголя – САХ 89.
Господи, избавь русских от глупости – ПЛ 152.
Господи. Как томится мое сердце по Тебе – ПЛ 28.
Господин Нилус в известной книге – АНВ 232.
Господи. Нужно что-нибудь одно: или предпочитать божественное, или – ПЛ 181.
Господи, отчего я так люблю Тебя, но часто и сержусь – ПЛ 176.
Господи, Ты несешь меня, куда – не знаю. И не хочу знать – ПЛ 160.
Господи. Я не вижу Тебя. Я не знаю Тебя. Но я люблю только Тебя – ПЛ 33.
Господи, я ничего так не хочу, как Тебя – ПЛ 14.
Государи давно сделались – АНВ 232.
Государи терпели. Государь наш чувствовал во время японской войны – САХ 63.
Готы и вандалы могли цивилизоваться – САХ 132.
– Греби, греби, Вася! Не уставай, греби... – САХ 169.
Греки – «отец»; римляне тоже – «отец» – САХ 20.
Грех, грех, грех в моих словах о Конст. Леонтьеве в «Оп. л.» – М 189.
Грехов нет других при зачатии, кроме слабости и бесстрастия – ПЛ 241.
Грибок самый пахучий и белый. Наш – САХ 191.
Гриша – гениальный мужик – М 60.
Грозовые явления – АНВ 233.
Грустящая проститутка – ПЛ 124.
Грязный газетный писака. Руки немытые – КНУ 592.
Губошлепка – нет. А поострее – да – КНУ 355.
Губы и сближаются с губами, и выходит поцелуй – САХ 235.
Губы сближаются с губами. Очень просто. Чего же тут кричать на всю улицу – КНУ 390.

«Delenda est Cartago» – М 159.

Да будет она проклята, да будет она проклята, да будет она проклята – САХ 167.

Да ведь если в каждой клеточке организма есть пол, то как же вы скажете – ПЛ 72.

Да ведь есть в самом деле, есть загробное существование, бессмертие души – САХ 267.

...да ведь и в космогонии устроено – АНВ 235.

Да ведь и оканчивается соском, как в обыкновенном детском «рожке» – САХ 38.

Да ведь почему собственно врата-то адовы не одолеют? – АНВ 235.

Да, великие сокровища Греции попали в бездарные русские руки – САХ 246.

Да, верно пишет Закржевский (из Киева), что теперь писателей – САХ 209.

Давид и Саул – АНВ 236.

Давите, давите нас, евреи. Ничего. «Стерпится – слюбится» – М 22.

Да вовсе не в Милюкове дело, а в Керенском – М 279.

Да в ресторанную цивилизацию и усвоим только ресторан – М 228.

Да, в самом деле, удивительно: ничто так не ненавистно «богу израилеву» – КНУ 256.

Да, все это так: «Гоголь не знал», «Гоголь не видел» – КНУ 220.

Да вся литература (наша) XIX века и не имела другого устремления – М 17.

Да вся та Старая Книга, – Первая, – есть песнь пола – М 57.

Да, да, да! «Не позвали к обеду», «не позвали к завтраку», не позвали – САХ 193.

Да! да! да! Переворот больший, чем совершил Аристотель «Органоном» – М 83.

Да, детей родить не то, что кашу есть – ПЛ 48.

Да, «Дно» Горького, поднявшееся на дыбы – КНУ 287.

Да для ослиного общества и нужна только ослиная литература – ПЛ 114.

Да, Дрейфус, конечно, не был офицером-шпионом – М 29.

Да, евреи вообще не имеют углубления в вещи – САХ 213.

Да евреи очень хорошо рассчитали, что когда русского человека – КНУ 330.

Да, если вы станете, захлебываясь в восторге, цитировать на каждом шагу – САХ 21.

Да, если и горб за спиной вырос – носи горб – ПЛ 137.

Да, еще: 1/3 страницы посвящена скончавшемуся Великому Князю Константину – М 220.

Даже и подходить к изъяснению Египта нельзя тому, кто не спрашивал себя – ПЛ 225.

Даже мудрейшие не понимают темы брака – САХ 126.

Да и есть содомский союз – КНУ 473.

Да и нельзя иначе как став на колени – М 109.

Да «инстинкт совокупления» не есть «животный инстинкт», а инстинкт оставить – М 68.

Да, конечно, если бы не «религия австралийцев», то о чем бы стали писать – КНУ 246.

Да, конечно, если бы я почувствовал хоть каплю внутренне, про себя – САХ 243.

Да, конечно, очень немного не хватает, чтобы русские демократы – КНУ 285.

Да конечно – собаке дворника, чтоб ласкова была. Я всем брошу кусочек – М 299.

Да, конечно, это дело. Если Щукин («Около стены церковной»), – такой – САХ 136.

...да Лазарь с идеалом его – АНВ 235.

«Да лобзает он меня лобзанием уст своих» – КНУ 229.

Да мир (космос) действительно построен по началу кривых линий – М 81.

Да мне противны только люди с «общественным интересом» – САХ 90.

Да, может быть, это хорошо, это всепобедное шествие кабака? – САХ 130.

«... дам тебе и Землю Обетованную, текущую молоком и медом – САХ 157.

Дана нам красота невиданная – М 317.

Да, нанюхался я цветов из Елисейских полей – ПЛ 50.

Да, не будет наслаждения «с женщиною» – будет наслаждение в одиночку – САХ 243.

Да не будь этого срама – и, м. б., не было бы красноречия – ПЛ 185.

Да не воображайте: попы имеют ту самую психологию «естествознания» – САХ 50.

Да не «Лукояновский исправник» был скверен, а Стасюлевич был скверен – М 221.

Да не «монотеизм» вовсе, а едино-союзие, исключительно-договорность – М 30.

Да, но ведь Христос пришел потом и победил – М 317.

Да. Но до Священной Рощи две версты, а пошел дождь – САХ 270.

Да, но откуда же было взяться мудрости и достоинству? – М 17.

Да ну, смотрите проще на вещи: ведь бывает же, что сучка играется с сучкой – САХ 188.

Да, ну что же, ну что же, ну что же, если розы имеют нектар – САХ 56.

Да, они необходимы политически, но что же это такое – КНУ 234.

Да, они «не пришли», – но сидел у Суворина за обедом Сальвини – САХ 234.

Да очень просто, что «не было никаких изображений» – САХ 109.

Да писатели – просто шушера около общества – КНУ 211.

Да посмотрите только, сколько есть по числу историко-археологических – М 103.

Да почем знаем: м.б., во всей Орловской губернии это было тогда – ПЛ 112.

Да почему он «скиталец»? Везде принят, все кланяются – САХ 22.

Да, променяю я Государя своего на повестушки Айзмана – САХ 63.

Да. Пусть не одни лабазники-купцы слышат «правду-матку» – КНУ 384.

Да разве все общество не чихало, не хихикало, когда эти негодяи с пистолетами – М 130.

Да разве о чем-нибудь другом выли Грибоедов и этот хохол – М 125.

Дарвин не заметил, что у природы блестят глаза – М 14.

Да, республиканский образ правления есть также «ограниченный» – КНУ 551.

Да Россия и есть до известной степени страна юродивых – КНУ 585.

Да, русская армия «позорно бежала перед японцами» – САХ 237.

Да русские отучены от дела; от самых форм делопроизводства, управления и т.д. – М 195.

Да «русский прогресс» провалился уже в Щедрине и Некрасове – М 93.

Да русским вообще ничего не нужно – М 193.

Да самая уже идея, что от девы может родиться Бог, – есть член фал. культа – КНУ 580.

Да соработать колоссальной силе, нашей силе, нами в истории сработанной – САХ 166.

Да, так вы и думаете, что есть розы, которых бы никто не обонял – САХ 158.

Да, тот же купол, как и везде. Всемирный... Но только сверху – увенчан крестом – М 192.

Да тут не «житие Розанова», а «Розанов знает» и Роз. вам «указал» – САХ 189.

Да, у евреев есть государство. Это кровь их – ПЛ 219.

Да у нас не «реализм» был, – куда! Не эмпиризм и прочее. А просто – трактир – САХ 170.

Да чтобы «приуготовитель победы будущей» над Германией подремал годик – М 275.

Да что же тебе нужно? Кровь? – КНУ 257.

Да что имеет вид соска, то, естественно, должно сосаться – САХ 128.

Да что такое Ст…ъ, этот эстетический Ст…ъ, с его умом и диалектикой? – САХ 248.

Да, эта тощая декадентка, ходившая из одного угла в другой – КНУ 256.

Да это же вата, а не человек – КНУ 227.

Да это не головка, а «главизна». Днесь спасения нашего «главизна» – САХ 208.

Да это не революция, а кабак – САХ 129.

Да, это обычный путь русских: предавать свою родину – КНУ 332.

Да это очень хорошо, что «вьельфильки» всем нравятся – М 316.

Да я за один образ Б. М. Нечаянной Радости – КНУ 527.

Да я и еще скажу, уж скажу отчаянно: от колен до пупка – Азия – ПЛ 115.

Да я и не отрицаю, что эти патриоты или «потреоты» все сплошь св…, взяточники – ПЛ 124

Да я и не сомневаюсь, что при жидах будет лучше – КНУ 270.

Да я не против общественности говорю, а против худой общественности – КНУ 406.

Да, я шел по «вкусно» и «невкусно» – М 38.

Два раза мне случалось купаться с покойным Шперком – САХ 140.

Два случая я знал, когда мужчина женился «на деньгах» – САХ 66.

12 быков и одна корова – М 197.

2 недели. И 22 р. выработки. За статью о Волжском – ПЛ 31.

Движения, движения, господа! Танцуйте! – КНУ 356.

Девство добрачное, непременное девство, с жестокостью требования его – САХ 174.

Девушка без замужества – что растеньице, посаженное в погребе – ПЛ 193.

Девушка и солнце – АНВ 236.

«XIX век есть классический век историографии – М 330.

Дед – АНВ 18.

Действие «М. д.» и было это: что-то подсмотренное кое-где Гоголем – ПЛ 26.

Действительно, Бокль был прав, говоря – КНУ 405.

Дело в том, что драгоценные металлы так редки – ПЛ 42.

Дело в том, что проституция кроме физики имеет в себе и метафизику – ПЛ 90.

Дело в том, что такие остроумцы, как Грибоедов и Гоголь, побеждали – КНУ 282.

Дело в том, что христианин стал скупой человек – КНУ 470.

Дело, конечно, не в демократии, а в вождях ее – КНУ 530.

«Демократия превратила лозунг l'etat c'est moi в l'etat c'est nous» – М 263.

День оправдания Бейлиса. И «мне в нос» (были ссоры) в собственном дому – САХ 201.

День – связаны. ночь – развязаны. Ночью мы «сами» и «одни» – М 196.

Дети мои так и заливаются Толстым – КНУ 501.

Дети, поднимающиеся на родителей, – погибнут – САХ 205.

Дешева икра (война), и беру у Нечаева – КНУ 535.

Дива была вся окружена цветами – КНУ 547.

Дивная красота церковного богослужения – ПЛ 208.

Для безличного человека программа заменяет лицо – САХ 31.

Для всей инородчины, еще более для всей иностранщины это было гениальным – М 196.

Для меня существует революция как впечатление, а не как дело – М 255.

Для нас евреи нисколько не опасны как враги – КНУ 541.

Для некоторых половой акт не связуем с любовью – ПЛ 43.

Для того, чтобы любить отечество – нужно что-нибудь для него сделать – ПЛ 14.

Для чего существуют Высшие женские курсы? – М 54.

До брака умершая евреянка, говоря по-нашему, «не войдет в Царство Небесное» – КНУ 266.

«Добро», «добрый поступок», «добрая (благожелательная) мысль» – ПЛ 62.

Добро, как вода, – просто и пресно – ПЛ 122.

Добро родится только от добра – М 244.

Добрый человек посадил женщину и кота в мешок – САХ 74.

«Довлеет дневи злоба его» – ПЛ 252.

До меня не понимали самой сути, в чем же заключается переход от Ветхого – КНУ 308.

Домострой – АНВ 56.

Дорогая мамочка, целую тебя крепко, крепко – КНУ 537.

Дорогой мой, дорогой мой! И, охватив со спины вас правою рукой – КНУ 206.

До сих пор всех изданий, начиная с «Ит. впечатл.», я получил за все годы – ПЛ 53.

Достало духу судить Пушкина – САХ 77.

Достаточно взглянуть на одну незаконную мать с ребенком, чтобы усомниться – КНУ 590.

Достоевский первый у нас заговорил – АНВ 237.

До так называемого «сформирования» девушки – САХ 49.

До чего обвалялся Мережковский с Чеховым и Суворипым – КНУ 222.

Драгоценные камни – КНУ 219.

Древность – АНВ 237.

Древность и христианство – АНВ 56.

Дремлешь, дремлешь... Усталость в ногах... Совсем спишь – ПЛ 102.

«Друг Божий»... Если кто любит людей, смело называй себя и другом Божиим – КНУ 532.

Другие любили ваши мысли, чувства. Я – нет – ПЛ 127.

Друг мой Розанов: кабаки проходят, п. ч. время прошло или Бог не захотел – КНУ 196.

Дурака и «дураком» называют в глаза и бессовестного – «бессовестным» – САХ 162.

Дураки, дураки, дураки – М 24.

Дурак этакий и якобы честный человек – КНУ 241.

Дух истории и историчности вытекает из чувства благодарности – ПЛ 10.

Духов день – КНУ 361.

Духовенству приятно было бы думать, что Б. сотворил не мир и прелесть его – ПЛ 85.

Душа моя и принадлежала только моей душе – М 125.

Дырявые небеса – АНВ 237.

Евангелие-то Евангелие – это, конечно, так; но много нажал соку тут и русский – КНУ 563.

Евангелисты – АНВ 238.

Евгения Ивановна, вся рассыпаясь в милом смехе, проговорила – САХ 263.

Евгения Ивановна, подойдя к столу и вся улыбаясь своей бесконечной улыбкой – САХ 245.

Евгения Ивановна сказала мне удивительную поговорку молдаван – САХ 50.

Евреев не 7 миллионов. Еврей один, у которого 14 миллионов рук – САХ 202.

Евреи в организме человечества играют роль кровообращения – М 91.

Евреи в пустыне шли за запахом Шехины – КНУ 581.

«Евреи в русской литературе» сыграют свою роль – КНУ 435.

Евреи в субботе, а прочие в других днях недели – САХ 180.

Евреи захватывают «оптом» (кагал), а русским оставляют «мелочи» – М 275.

Евреи знают, что «с маслом» вкуснее, и намасливают, намасливают русского – САХ 67.

Евреи или догадались, или им было «открыто», что половое объединение – ПЛ 98.

Евреи не могут отрицать, то Гейне был довольно патриотичен и националистичен – М 29.

Евреи подходят к русским с этою содомическою улыбкою – КНУ 259.

Евреи представляют русским заниматься «народничеством» – М 276.

Евреи так и увиваются около нашей молодежи – КНУ 292.

Евреи уже почувствовали в себе, всего через 40 лет крадущейся борьбы, такую – М 108.

Еврей и его лавочка – АНВ 153.

Еврей, как и удав, – прежде чем проглотить козленка – облизывает его – КНУ 439.

Еврей находит «отечество» во всяком месте, в котором живет, и в каждом деле – САХ 15.

Еврейская религия и (если позволено сказать) еврейская церковь 86.

Еврейский способ относиться к деньгам, к имуществу – КНУ 488.

Еврею тепло, русскому холодно – САХ 186.

Европа – гусеница – АНВ 239.

Египет. Нежность. Что ты все призываешь, Розанов, к нежности? – ПЛ 196.

Египетская улыбка есть сущность всего – ПЛ 230.

Египтяне не спешили – АНВ 240.

Египтяне открыли семью, семейность, семейственность – ПЛ 228.

Египтянки, провожая в Серапеум нового Аписа, заглядывали в глаза юношам – САХ 37.

Едино-плотие сейчас же влечет за собою и едино-душие – М 295.

Единственное, единственное, единственное – АНВ 240.

Единственно есть два способа повлиять на дела в России – М 172.

Единственное, что мы вправе требовать от человека – КНУ 577.

Единственно, кто серьезным глазом и как на серьезных людей смотрел на народ – КНУ 476.

Единственный барин в литературе и есть революция – САХ 91.

«Единственный глупый на Сахарну еврей (имя – забыла) раз, жалуясь мне – САХ 49.

Ежедневное («И вот тащит кусочек сахарину...») – АНВ 241.

Ежедневное («С базара идешь...») – АНВ 242.

Ежедневность – АНВ 21.

Ей-ей, жиды «обошли» своего Иеговушку: как же им не обойти весь свет – ПЛ 90.

«Елины, во Христа креститеся» – АНВ 171.

– Ему пора жениться: уже статский советник, Анна 2-ой степени – САХ 138.

Епископ Феофан, тогда ректор СПб. Дух. Академии, сказал девушке – М 165.

Еремей в избе, помолясь, обедает серые щи с кусочком говядины – КНУ 308.

Если бы «Бог Израилев» взял в любовь Себе – не в милосердие – САХ 168.

Если бы вместо того, чтобы называть в литературе Леонида Андреева – АНВ 242.

Если бы не смерть, то Христос – М 53.

Если бы не губы, мы старели бы, а как есть рот, то мы вечно молоды – САХ 104.

Если бы Соломон, восстав из мертвых, явился перед наше знаменитое духовенство – М 328.

Если бы я не писал, то сошел с ума – ПЛ 76.

Если всмотреться в мечты революции, то нельзя не заметить – КНУ 515.

Если городовой нечаянно заедет мне по физиономии – М 283.

Если даже основание шатается, то чему ты помогаешь, вырвав его вовсе прочь? – М 305.

Если духовенство настаивает и будет продолжать настаивать – САХ 250.

Если есть гамак – то он ляжет – М 232.

– Если индейку назвать курицей, – какого она будет вкуса? – САХ 109.

Если кто будет говорить против развода, то ты, пожалуйста, не спорь – САХ 200.

Если перед 12 дюйм. пушкой поставить Суворова и выстрелить – ПЛ 77.

Если полицейский толкнет меня на улице или я «суну нос в его дело» – М 278.

Если предложить «подать мнение о предмете спора» двум одинаково темным – САХ 44.

Если «святое» они называют свою микву: то тем же было их «Святое Святых» – ПЛ 24.

Если что-нибудь особенно крепко сидит на корню своем и не уступает мольбам – КНУ 481.

Если это так, – и связано с глубочайшими тайнами религии и магии – САХ 135.

– Если я в темной комнате наткнусь на косяк, я говорю «Pardon» – САХ 84.

Естественное или, вернее, справедливое отношение к цветку и есть вдыхание – ПЛ 48.

Есть аппетит к родам. И есть рассуждения о родах – ПЛ 118.

Есть великая мудрость целомудрия – воздержание от новых слов – М 281.

Есть вещи, которых нельзя узнать, не достигнув старости – М 333.

Есть в мире какое-то недоразумение, которое, м. б., неясно и самому Б. – ПЛ 203.

Есть дар восприятия на умное – КНУ 563.

Есть доля упреков Струве справедливая мне – САХ 133.

Есть история говоров, шумов, событий... И есть история молчания – М 204.

Есть ли время учиться, когда надо спасать отечество – КНУ 233.

Есть ли я «великий писатель»? Да. Почему? – САХ 224.

Есть любовь аналитическая: или-или. И есть синтетическая: и-и – ПЛ 21.

Есть люди какие-то вонючие. Тоскливые. Скучные – М 297.

Есть люди, которые всю жизнь учатся – ПЛ 73.

Есть люди, которые смотрят на христианство как на «последнюю честь» – САХ 66.

Есть люди, «не оставляющие после себя следа» – М 93.

Есть мировое добро. Это – благостность, это мудрость. Нежность, внимание – ПЛ 172.

Есть религии лиц и есть религии народов – САХ 74.

Есть роковые фамилии, с которыми «ничего не поделаешь» – М 86.

Есть северная глубина, особенная, не из солнца – КНУ 485.

Есть стороны, есть уголок какой-то мысли и жизни, где Некрасов действительно – САХ 189.

Есть то, что есть. А должно то, что должно – М 26.

Есть что-то некрасивое в наших чиновниках – САХ 202.

Есть что-то особенное и страшное в смерти (литер.) Горького, Л. Андреева – КНУ 499.

Есть что-то хлыстовское в иудейской субботе – САХ 250.

Еще 20 лет назад, когда я начинал литературную деятельность – САХ 65.

Ещё и так можно рассматривать все дело. Проститутки суть те девушки – ПЛ 214.

Ещё мало серебра в волосах. А как седа и устала душа – КНУ 198.

Ещё о пустынноуединении Христа – АНВ 242.

Ещё о «сыне» в отношении «Отца» – АНВ 41.

Ещё почему жизнь «не угасает»? – АНВ 244.

Ещё учителем: ученик не учится ни у меня, ни у других – КНУ 285.

Жажда самоуничтожения – вот чем кипит Россия – КНУ 439.

Жена министра. Пришел попросить о назначении К-му чего-нибудь – САХ 177.

Женское тело отличается от мужского не половыми органами – М 125.

Женщина должна заутреннивать человека – КНУ 480.

Женщины! женщины! Все будете приходить на мою могилу, говоря – М 37.

Жены, страстотерпицы, мученицы... да, да, да... все-таки должны оглянуться – ПЛ 72.

Живое солнце в графическом изображении египтян – АНВ 246.

Жидки все делают вид, что «они не сердятся на русский народ» – КНУ 290.

Жидки, кажется, очень рады, когда заработал нож гильотины – М 285.

Жидки могут удовольствоваться, что за ними побежал Вл. Соловьев – САХ 178.

Жизнь – АНВ 98.

Жизнь вся полна спиритуалистических («магнетических», говорят) токов – М 189.

Жизнь есть уступчивость. Жизнь есть примиренность – ПЛ 34.

Жизнь коммуною, коммунальная (60-е годы) – не есть совершенно пустая мечта – ПЛ 104.

«Жирные говяда» во всем противны – М 139.

Жулики-то эти, старички-то, что держат на содержании балетных танцовщиц – САХ 81.

З. (в 1902 г., 18 марта, на свидании «нас всех» у Мережковских) – М 329.

Забава Путятишна зажмуривает глаза, когда танцует Дункан – КНУ 327.

«Завтра, завтра, – не сегодня», – так ленивцы говорят – ПЛ 252.

Завязав в один узел оба Завета и полагая, что ни один из них уже не живет – САХ 186.

Загадка без разгадки – АНВ 246.

«За грехи мира...» – АНВ 146.

Задыхаясь: – Ах, какое блаженство – ПЛ 48.

Зажат между «родами» и «+». (я) Но не так ли зажат и всякий человек? – М 96.

Закон безбрачия навсегда останется попыткою, усилием – ПЛ 70.

Замечал я, однако, и следующее; что «мир» и «монастырь» – это опять «Бог-solo» – ПЛ 146.

– Замолчи, мразь, – мог бы сказать Чацкому полковник Скалозуб – М 205.

Замужние женщины, выбирая друзей дома, должны поступать не «вообще» – КНУ 354.

За обедней – ПЛ 119.

За попа, даже и выпивающего, я трех кадетов не возьму – САХ 19.

«Запрещенный плод сладок» – КНУ 493.

Засевайте поля. Засевайте поля. Засевайте поля – М 131.

За стишками не надо забывать и прозы – КНУ 577.

За тенями вечера – АНВ 165.

Зачем Библия человеку? Достаточно «Полного собрания сочинений Амфитеатрова» – М 105

Зачем им иметь мысли, когда они владеют словом? – КНУ 327.

Зачем они звонят? – АНВ 17.

Зашел в кухню к Наде. Поднял голову: смотрю – три веревки протянуты – САХ 216.

Заяц ест ту капусту, которая у него под носом – М 54.

Звуки пустые – АНВ 86.

Зерно выпадает... Самое зерно выпадает и уже выпало из литературы – ПЛ 78.

«Знаешь (и она назвала одного любимого мною умершего писателя), если бы он – САХ 20.

Знакомые дорожки сврейства, выложенные червонцами – САХ 221.

Зубодеры – так хочется мне назвать социальных реформаторов – КНУ 210.

И басами, и октавой, и баритоном, и тенором гудят голоса – ПЛ 68.

И «без царя» русские, конечно, были бы также русскими – КНУ 445.

И бросить хочется в лицо железный стих – КНУ 552.

И в мужчину, и в женщину вложены взаимно притягивающие их фетиши – ПЛ 65.

«И вот в «Вестн. Евр.» Вл. Соловьёв наносит смертельный удар – КНУ 411.

И вот выходит лев на ловитву – АНВ 247.

И вот – исход (уже от Египта!!!) – АНВ 247.

И вот начнется «течение Розанова» в литературе – ПЛ 42.

И вот пришел вонючий Кугель и затянул в «Кривом зеркале» – ПЛ 115.

И вот, серьезно согнувшись и как бы совершая что-то государственное» – КНУ 386.

И вселися в ны и очисти ны от всякия скверны» – шепчут в могилах – М 77.

И всё-таки на конце всего скажешь: Бедный Герцен – КНУ 433.

И всё-таки они «гои» – АНВ 88.

И входящий гость думает – АНВ 103.

И вчера, и сегодня, и третьего дня «две пенташки» Пучек и Варя выбегают ввечеру – М 141.

«И голени его не были перебиты» – АНВ 248.

И «Горе от ума» анекдот, и «Мертв. души» анекдот – КНУ 376.

И «Горе от ума» анекдот, и «Мертвые души» анекдот – КНУ 281.

Игорный дом в Храме Божием – САХ 41.

Идеалы социального строительства разбиваются не о критику – ПЛ 77.

Идей зерна раскалывается весь христианский мир – АНВ 180.

И декабристы «ниспровергали» Россию – ПЛ 110.

И Деметра улыбалась, Баубасто с ней шутила – САХ 35.

Иерусалим – АНВ 251.

И еще, и еще – АНВ 250.

И еще метафизика (и чем больше вглядываешься в эту Ding an sich – больше – ПЛ 136.

Извне сосет немец и жид – М 237.

Из глубин евангельских – АНВ 252.

Из глубин Христовых – АНВ 252.

Издания Павленкова Перцов очень тонко назвал «аскетическими» – М 267.

Издательство «Пантеон», книгопродавчество «Капитолий» – САХ 182.

Из двух благотворителей один отвернулся, а другой был очень добр – М 201.

Из жизни, мечтаний и действительности – АНВ 254.

Из «мертвых душ» царства не образуются – КНУ 572.

Из некоторых затруднений только и можно выбираться риторически – ПЛ 114.

Из писателей нашего направления (православных) мне первому удалось – САХ 251.

Из разговоров с одним немцем – АНВ 256.

Израиль призван к скорби – ПЛ 96.

Израиль уж слишком понял брак как «кладку яиц» пчелиною маткою – КНУ 545.

Из революционеров только немногие начинают соображать, в каком situation они – ПЛ 204.

Из самого места обрезания видно, чего захотел их Б. от Авраама – М 322.

Из самого страха... ужаса смерти не вытекает ли ее отсутствие? – М 99.

Из сердца нужно вырвать французскую революцию – М 159.

Из социализма, как он ни «преуспевай», так же не может выйти гармонического – М 243.

Из таинств Христовых – АНВ 26.

Из таинств Христовых («Не удивительную ли сторону») – АНВ 260.

Из таинств Христовых («Удивительно, что в то время как») – АНВ 261.

Из тайн Христовых – АНВ 262.

Из чего сплавилось христианство – АНВ 262.

И, конечно, пока вы будете довольствоваться фразами – КНУ 209.

И красивые? – И красивые. – И умные? – И умные. – И молоденькие? – КНУ 443.

И кто «сделает первую строку Песни Песней», тот войдет «в Парадиз» – КНУ 229.

Или мир потухнет – АНВ 138.

И любит, любит он ее... и любит, любит она его – ПЛ 132.

И матушки, и диаконицы, и помещицы-дворянки – М 311.

Именно – она? – АНВ 264.

И молоденькие, едва ли даже двухгодовалые, – совсем дети – САХ 235.

«Император» мне чужд. Царь мне дорог – КНУ 520.

И музы, и разум украшают мою жизнь – КНУ 290.

И на меня летят «опавшие листья» с моих читателей – ПЛ 35.

И не написал между строк или хоть в примечании объяснил, что его «Вес. Европы» – ПЛ 95.

Иногда бывают пророческие сны – КНУ 204.

Иногда во всей ночи пронесется один мучительный крик – ПЛ 122.

Иногда кажется, что из голоса твоего ничего не выходит – ПЛ 99.

Иногда мы жалуемся, что у нас нет «такого совершенного правительства – КНУ 453.

Иногда «упреки жизни» приходят нам не по адресу – ПЛ 81.

Иногда что-нибудь грязное мучит душу – САХ 176.

Инстинкт книги есть только у немногих людей – КНУ 392.

Интеллигенция продала русский народ евреям «на убой скота» – М 111.

И о Дункан, и библиографию, и об изданиях Елова и Башлакова – КНУ 292.

И она поется о том, кто незримо вошел в дверь, отворенную мальчиком – КНУ 230.

И он ученый, и инструмент учен: с обозом знаний в голове, он повернул – САХ 188.

И понесли все убийцу на руках своих, и не вспомнил никто убитого – САХ 198.
И рыбка всякая есть. И зверек всякий – в лесу – М 314.
«И сгорит мир на «Собрании моих сочинений» – КНУ 517.
Искушение в пустыне – АНВ 31.
И соскальзывает сердце мое с острой иголки христианства – ПЛ 245.
Исполин в версту ростом поднял молот в миллион пуд – М 322.
Истина – в противоречиях – ПЛ 56.
Исторические пропорции – АНВ 264.
Историческое слово Маныча – М 100.
История не есть ли борьба, игра и вообще соотношение могущественных – САХ 167.
История революции – буквально история Кречинского – М 213.
История сливается с лицом человека. Лицо человека поднимается – САХ 157.
Источник здоровья жены – муж – М 290.
И та «головка» начала преобразовываться в Озириса, а это лицо начало – САХ 198.
Итак, по литературе – русские все лежали на кровати и назывались – САХ 45.
И у Нади взято, и у Паши – КНУ 212.
И чай с анисовым яблоком – только на Руси – М 323.
И этот «крест на себе». Столько лет неснимаемый – сколько грехов моих – КНУ 539.
И я любил эту женщину и, следовательно, любил весь мир – ПЛ 55.
И я не увижу Тебя, а верю – ПЛ 29.
И я смеюсь над церковью – ПЛ 217.

Cultus falli – АНВ 270.
Кабак – отвратителен. Если часто – невозможно жить – САХ 48.
Кабак – это всегда шум – САХ 55.
Каждый в конце концов ложится на свою полочку – САХ 201.
Каждый народ живет до тех пор, пока не истощилось в нем благородство – ПЛ 234.
Каждый обед, за который вы садитесь, милые дети – М 101.
Каждый час имеет свою ось, около которой он вращается – ПЛ 111.
Каин просит крови – САХ 169.
Какая бы женщина, в подвале или во дворце, ни разрешилась от бремени – КНУ 458.
– Какая проклятая капля, папа. Не дает купаться – САХ 182.
Какая радость, что наш выпуск в московском университете дал трех сынов России – М 67.
Какая-то смесь бала и похорон в душе – вечно во мне – САХ 27.
Какая усталость. И вот чувствую, что – болел о другом – М 62.
Как бы много ни было написано газетных статей, из них не выйдет – ПЛ 50.
Как все лакейски вышло – САХ 174.
Как в счастливой семье легко трудиться – САХ 164.
Как же все это произошло? А очень просто. На «Птичку Божию», в которой – САХ 196.
Как же, однако, через какой «механизм» я одолею Гоголя? – М 116.
Как же это вышло, что Оль д'Ор победил весь мир? – КНУ 327.
Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского... – САХ 18.
Какие ужасы, когда Содом раскалывает семью (или лесбианство) – ПЛ 120.
Каким же образом это случилось, что «преемники Белинского» – КНУ 554.
Каким образом устроить всемирное ограбление с видом благожелательности – М 187.
Как комья снега. Происходят и растаивают. Неужели так же люди? – ПЛ 24.

Как мне хочется быть собакой – М 190.
Как много тем даже не начато в науке! – САХ 121.
Как мы умираем? – АНВ 8.
Каков бы ни был поп, пьяный или трезвый, – а он меня крестил – М 330.
Какое каннибальство... Ведь это критики – ПЛ 40.
Какое страшное, какое полное непонимание Толстым Евангелия – САХ 268.
Какое-то ёрничество... И его выступление у Аксакова, и печатание ненужной – САХ 170.
Какой же он к черту «профессор государственного права», когда он не умеет – САХ 187.
Какой-нибудь профессор, прочитавший и выучивший – КНУ 199.
Как отвратительны, как непереносимы медицинские термины – ПЛ 49.
Как падала и упала Россия – АНВ 59.
Как получишь в морду – почему-то приятно – КНУ 323.
Как поправить грех грехом – тема революции – САХ 17.
Как при «обработке голоса» (школа, консерватория) прибавляются – ПЛ 12.
Как произошло, что профессора Духовной Академии не помнят Ветхого – САХ 197.
Как смешана человеческая жизнь – КНУ 249.
Как Столпнер (при понимании ценности идей Страхова) равнодушен был – САХ 246.
Как там хотите, но раньше «прикосновения» – ничего не произошло – ПЛ 139.
Как хорошо, что и Карамзин, и Жуковский срисовались на портретах с звездой – КНУ 434.
Как? Что?...Мрак. «Мрак и ужас» – КНУ 230.
Как эти негодяи уничтожили Хрусталева-Носаря! – САХ 248.
Как я родился? А вот как: люблю водевиль, а живу в трагедии – М 164.
Карточного домика построить не умеют – М 12.
Качается, качается море... Море – Розанов – ПЛ 85.
«К банкирше (еврейке) введен был 3-х лет внук – САХ 267.
– Квартальный, забирай! – Кого, ваше ст-ство? – Героя дуры Димитриевой – М 267.
Квартира теплая, дрова недороги – М 65.
Киликия. Тарс. Адриан – АНВ 267.
Кир Младший царствовал в Персии – КНУ 307.
Кирпичи изготовляемого склепа – диссертации философские на русском языке – М 222.
Кладя толстый бумажник со сторублевыми в карман – КНУ 347.
«Классовая борьба»... – Хорошо, миленькие: так чего же вы визжите – М 58.
К литературе было предназначение, и литература «вышла» – САХ 169.
Клубок – АНВ 153.
К миру, к читателям, к людям – АНВ 256.
Книга родов. Книга безродия или, по крайней мере, равнодушия к родам – ПЛ 192.
Книга Флоренского («Столп и утверждение истины») в каждой строке сладка – М 148.
Книгоиздательство «Промстей» – КНУ 201.
Ковыряем в зубах и дожидаемся смены министров – КНУ 437.
Когда Белинский написал Гоголю ругательное письмо, – с руганью на церковь – САХ 78.
Когда Василий курит папиросу – М 67.
Когда вижу страдание около плеча – тоскую – ПЛ 120.

Когда же, услышав это, Сервий Туллий закрыл лицо руками – САХ 104.

Когда идет добро от священника, и когда идет добро от мирского человека – САХ 15.

Когда меня «тянут за нос», то я хотя подчиняюсь, но всегда чувствую – КНУ 392.

Когда мы говорим о первобытных людях – М 146.

Когда незадолго до революции 1905 г. бывали случаи убийства священников – М 209.

Когда немец Шиллер и немец Гофман высекли поручика Пирогова – САХ 66.

Когда по темным улицам (довольно далеко) я ехал назад, то мелькали – САХ 193.

Когда родители «расходятся» и даже точно «холодеют друг к другу» – ПЛ 38.

Когда рождается младенец, то с ним рождается и жизнь, и смерть – ПЛ 148.

Когда русский человек хороший человек, то лучше его нет на свете – КНУ 535.

Когда танцуют – не вспоминают о священнике – САХ 264.

Когда царица бывает похожа на горничную? – АНВ 267.

Когда я был младенцем, вид огня (печь топится) производил на меня – САХ 198.

Когда я был учителем, то скучал учительством – ПЛ 104.

Когда я служил в Контроле, то приходилось ездить на конке – ПЛ 74.

Когда я умру, Русь вздохнет: – Наш Озирис умер – ПЛ 87.

Когда я читаю о «богочеловеческом процессе» (Вл. Сол.) – САХ 179.

Кого любить, тебя, его, весь свет? Но ведь тогда выйдет бл...ство! – ПЛ 9.

Кого любят боги, любят и женщины – КНУ 328.

Козел – АНВ 119.

Колесница Иезекииля и «белые одежды» – АНВ 268.

Компиляция всегда составляла любимую форму – КНУ 295.

Конечно, все управленье России было застойное, пассивное – М 285.

Конечно, «все человеку простить можно» (либерал-гуманисты); – кроме молитвы – САХ 163

Конечно, действительные статские советники подлецы – потому что это не мы – КНУ 284.

Конечно, и до настоящего времени продолжаются, в сущности, 60-е годы – КНУ 341.

Конечно, можно сделать вид, что не понимаешь – КНУ 536.

Конечно, не будет же Скабичевский заниматься – КНУ 592.

Конечно, обрезал палец, обрезал ногти, «она обрезала» волосы – САХ 122.

Конечно, тайный иудей сказался в Мер – САХ 227.

Конечно, умнее меня было много людей на Руси – КНУ 462.

Конечно, царство есть более аристократическая форма правления, существования – ПЛ 245.

Конечный мой вывод о церкви очень прост – КНУ 460.

– Копчушек. Берет коробку. Развертывает. Копается (веревочкой завязано) – САХ 222.

Корень – АНВ 269.

Корень вещей – АНВ 56.

Корень рождения моего дву-составен: Матери, Отца – М 169.

«Корова-проститутка» – и не «испорченность природы своей» – М 197.

Коровы и собаки постоянно играются – САХ 179.

Королевство наше – в физиологии нашей – КНУ 453.

Корректны... В срок платят налоги – КНУ 249.

Корректные люди... Они не нарушают никакого закона – САХ 231.
Космогония – АНВ 270.
«К политическому моменту» – М 111.
К портрету Страхова – АНВ 266.
К предисловию – АНВ 64.
К психологии Ап. Павла – АНВ 267.
Крашеные стекла под именем бриллиантов у Тэта – КНУ 376.
Крепкое дно. Чистая вода – КНУ 522.
«Крестьяне смотрят на книгу как на молитвенник – САХ 55.
Кривошеина Елена Геннад., сестра Лихачевой, прелестнейшая по благородству – ПЛ 234.
Крик каждой женщины: О Зевс, обсемени свое поле – КНУ 446.
Кроме всего другого прочего евреям присущ своеобразный гипноз – САХ 71.
Кроме молодой Мордвиновой и Михалкович (Верочка и Калиночка) – М 130.
Кроме «сладенького», нужно отметить и то, что он – холодный – М 325.
Кроме хороших напевов, у нас вообще, господа, ничего не осталось – ПЛ 115.
Кроткая – АНВ 16.
Кто же именно «либерал» в России? – КНУ 226.
Кто же научил меня крестить подушку на ночь (и креститься самому)? – САХ 30.
Кто же придет на мои похороны? – ПЛ 78.
– Кто же это будет? – спросил я швейцара Учетного банка – М 154.
«– Кто же это? – начала допытываться я. – Это Поль Гадлей, – проговорила она – М 168.
Кто любил Англию – называется Питтом, а кто любит Россию – М 278.
Кто разгадает первую строчку Песни Песней – КНУ 228.
Кто силен – тот и насилует – КНУ 580.
Кувалда... И ее любит Ангел – М 185.
Куда же я пойду (пошел бы) от Церкви? – САХ 254.
Купа седых (серых) волос давала впечатление львиной головы – САХ 26.
К читателю – АНВ 5.
К читателям – АНВ 61.

La Divina comedia – АНВ 45.
Лавка. Комната большая. Полки тесаные – САХ 181.
Лавочники... Парламент есть просто собрание лавочников – САХ 213.
Ладонь все еще держит лодочкой, – разжимает пустую – М 313.
Легионы опрокинули и Иерусалимский храм: неужели же их остановит – САХ 218.
Легкомысленно-уголовное общество – М 232.
Лемке писал в «Истории цензуры», что когда Наполеон стал «первым консулом» – М 320.
Лермонтов только нескольких месяцев не дожил до величины Байрона и Гёте – САХ 238.
Лесбийская ослица – ПЛ 125.
Лёгкие прикосновения души – КНУ 540.
Либерализм сидит так же твердо на своем месте, как чиновник – М 16.
«Литература есть выражение человека» – М 95.
Литература праздношатающихся – КНУ 478.
Ложь – защита моей свободы, моего «я», моей личности, моей интимности – М 23.
Любимые писатели? – Толстой, Нагродская, Лаппо-Данилевская, Вербицкая – ПЛ 24.
«Любите ближних ваших» – АНВ 271.
Любить, верить и служить России – вот программа – М 42.

Люблю самый тон этих начинаний, – простой, ясный и правдивый, гимназический – ПЛ 128.
Любовь – главное. Любовь огонь. Тепло. Всё. Любовь греет – М 161.
Любовь относится к половому органу, но – как к лицу, исключительному – ПЛ 67.
Любовь слепа. И любовь к Царю д. б. ослеплена, не рассуждая, без поправок – М 281.
«Любовь существует для пользы отечества» – САХ 13.
Людей, решавшихся проповедовать, что нужно уважать человека – САХ 164.
Лядвеобразные сучочки – самые лучшие – М 262.

Meine frauhen est perdu! – КНУ 375.
Магия – АНВ 271.
«Мало учат в церковной школе. Только Евангелие – САХ 247.
Мал человек. Сделаем большого и назовем: Царь – КНУ 205.
«Мальчишество в литературе», – с этим определением согласны – КНУ 549.
Мамаша и литература – КНУ 304.
Мамочка нарушила всю поэзию. Купила на семь рублей дров – М 275.
Маркс и Лассаль производили Прудону обрезание и благополучно окончили – САХ 250.
Марксист имел такой же гордый вид, как всегда – ПЛ 127.
«Маслом каши не испортишь», – решили египтяне – ПЛ 143.
Массе людей, как-то я чувствую, церковь совсем не нужна – КНУ 463.
– Машка, стерва! А у самого такая безграничная любовь к ней – САХ 199.
М. б., вы и съедите Россию, евреи, но горька будет вам эта последняя еда – КНУ 296.
М. б., попы и не хороши, да печи у них хороши – М 98.
М. б., это к лучшему в печати («печать – 6-я держава»), что в ней ничего – САХ 215.
Медицина и художество – М 120.
Между – АНВ 147.
Между многими мотивами, почему я пишу «Уед.» (и последующее) – КНУ 390.
Между многими причинами, почему нельзя побороть проституцию – ПЛ 36.
Между разными особенностями и «оттенками» Библии – знаменательна та – КНУ 464.
Между самым большим счастьем и самым большим несчастьем расстояние – САХ 199.
Мелькнуло: – А вот что, господа: все споры церквей – глупость – ПЛ 172.
Менее ста лет прошло со времени Карамзина, и его уже нельзя читать для интереса – М 170.
Мережковские никогда не видаили меня иначе чем смеющимся – САХ 48.
Мережковский подумал бы, где больше «общественности» – М 78.
Мерзавцы-канонисты подумали бы, что с коровою привычною расстаться – САХ 23.
Мессия – АНВ 273.
Метафизика живет не потому, что людям «хочется», а потому, что сама душа – ПЛ 60.
Механизм лезб. л., – те «рычаги, через которые осуществилось все» – М 55.
Механизм падения русского царства – АНВ 273.
Механизм притеснения литературы один – КНУ 422.
Милый мальчик: если тебе попадется эта книжка, вспомни минуту – КНУ 331.
Милый папочка, прости меня, я знаю, что во всем виновата – КНУ 356.
Мир – АНВ 164.
Мир есть несомненно семя – АНВ 173.

Мир, который я узнаю, слушаю, вижу, – который я так люблю и восторгаюсь им – САХ 206.
Мировая собака – это я – ПЛ 234.
Мир – целомудренная супруга, – говорит монотеист – КНУ 527.
Мистицизм, а не физиология пола – АНВ 70.
Митрополиты – ни один – не отслужили панихиды по Ющинском – САХ 202.
Мне иногда кажется, что Бог 276.
Мне иногда кажется, что «наше положение» ничуть не горестное – КНУ 443.
Мне кажется иногда (часто), что Мережковского нет – М 133.
Мне кажется, когда критикуют или обсуждают «отношение Церкви к браку» – САХ 96.
Мне кажется, нельзя допускать этим птенцам в смокингах и в корсетах входить – М 279.
Мне кажется, самое роковое для Керенского было бы предложить очинить перо – М 281.
Мне кажется, тому, кто не любит никакого человека, – жить очень страшно – КНУ 431.
Мне как-то пришлось прочесть – АНВ 277.
Мне не надо Патти, я имею граммофон – САХ 77.
Мне не нужна «русская женщина» (Некрасов и общественная шумиха) – САХ 15.
Мне не нужно «знакомых читателей» – М 67.
Мне очень легко быть «стойким» в литературе – САХ 244.
Мне представляется история русского общества за XIX в. сплошным безумием – САХ 271.
Мне приходилось читать в «истории» или «очерках» проституции – М 89.
Мне 57 л. и издал уже 15 книг, – и вообще чувствую, что «все это» – САХ 220.
Мне хочется, для «обучения грамоте», показать писателям – КНУ 436.
Мне хочется продолжить на минуту и сказать то, что мне так недавно стало – ПЛ 213.
Многие мне приписывали инициативу и основание религиозно-философских – КНУ 497.
Много лет я удивлялся, отчего Фонвизину, о «Недоросле» которого – М 7.
Много можно приобрести богатством: но больше – ласковостью – САХ 17.
Многообразный, даровитый, нельзя отрицать – даже гениальный Влад. Соловьев – М 223.
Могло бы ведь быть и так, как у коровы – ПЛ 161.
Моему другу Павлу Фл. – АНВ 279.
Моё время не щадит меня, и я не пощажу моего времени – КНУ 526.
Моё дело любить государя и повиноваться ему – КНУ 200.
Моё предвидение – АНВ 11.
Может быть, во мне и есть изгибы змеи. Таким уродился – САХ 125.
Может быть, место Гоголя не в русской литературе, а во всемирной литературе – КНУ 346.
Может ли быть прощалыга основателем церковной реформации? – ПЛ 201.
Может ли «возродиться», что никогда не жило? – АНВ 279.
Можно ли, чтобы Художник принял свою картину за икону? – КНУ 388.
– Мои ошибки так же священны – как мои правды – САХ 178.
Моисей и Египет – АНВ 281.
Молодежь ищет шума. Старость ищет тишины – М 143.
Монахи понимают в браке столько же, сколько музыкант в инженерном – КНУ 579.
Море – АНВ 166.

Морить мух, однако, не нужно: достаточно около себя поставить тарелку – САХ 113.

«Москва слезам не верит» – АНВ 18.

Мотылек – АНВ 282.

Мотыльки – АНВ 283.

Мошенник всегда имеет вид фанфарона – М 202.

Мошенничество... Суть революции есть мошенничество – М 217.

Моя вечно пьяная душа... Она всегда пьяна, моя душа – САХ 211.

Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! Моя прекрасная душа! – САХ 24.

Моя тихая, молчаливая Муза, 20 лет меня со спины крестившая – САХ 148.

«Мрак и великий ужас объял его», – сказано о заснувшем Авраме – КНУ 229.

Мудрость одиночества – САХ 238.

Мужчина – «я». Женщина – «твоя» – М 161.

Мужчины к «физическим прелестям» своим часто прибавляют – КНУ 289.

Музыка – АНВ 152.

«Музыка нашей поэзии в ноты свои любовно занесет его (Бальмонта) имя» – КНУ 431.

Музыка тишины? Лучшее на свете – ПЛ 76.

Мухоловки (листы) – тоже с какими-то английскими названиями (этикетки) – М 278.

Мы видели воскресение России. Неужели увидим ее погребение? – М 43.

Мы вышли с Мих. Вас. Нестеровым из Клиники Ел. Павл. – САХ 259.

«Мы имеем ничтожную, пошлую армию, – и поганое чиновничество – КНУ 552.

Мы когда учимся в гимназии – по-видимому, «ненавидим гимназии» – М 237.

Мы можем созревать, расти – только вместе с правительством – КНУ 452.

– Мы надежда России. Мы ее будущее. Дайте денег – САХ 77.

Мы ничего бы не знали. Если бы все не предчувствовали – ПЛ 24.

Мы, русские, нечистоплотны С 69.

Мысль моя, – пожалуй основная или одна из основных для «всего Розанова» – ПЛ 60.

Мысль о вине Б. против мира моя постоянная мысль – САХ 51.

«Мы соль земли». – Да, горькая соль из аптеки – САХ 41.

Мы так должны полагать о каждой цивилизации, что чем глубже копнет она – ПЛ 141.

Мы – такие же люди, и nihil humanum a me alienum puto – САХ 251.

«Мягкую белую руку – Вы знаете эти польские руки, холеные, – он положил – САХ 77.

Мякотин и Пешехонов кажутся храбрыми только в Петербурге – М 180.

«Ni Dieu, ni roi», – как-то заявил лакей и озаглавил этим названием – КНУ 461.

На всю жизнь человек получает в рождении какую-то тайну, с которою живет – САХ 98.

Надавило шкафом – АНВ 49.

Наиболее частная в мире нация, евреи – лишенная государственности – КНУ 562.

«На готовеньком». – Так можно определить наше общество и «общественность» – КНУ 452.

Наконец, папочка нашел и себе «животное соответствующее», – как детишкам – САХ 221.

На куртаге изволил оступиться Максим Максимович – САХ 174.

На лужайке, гимназистом VI – VII класса (Нижний) – КНУ 263.

На месте души у него кривая палка – САХ 250.

«На ножах» Лескова имеет худое заглавие – М 138.

На объяснения социал-демократии и марксизма – АНВ 284.

Напишешь что. Побежал Левин. Полаял. Потом отбежал – САХ 171.

«На побегушках у евреев» – но это явление талантливо или неталантливо – КНУ 560.

– Напрасно опять ты волнуешься, – сказала нимфа Эгерия Сервию Туллию – САХ 104.

На Тибре и около Cloaca Maxima добрый римский народ так шумел, что Сервий – САХ 105.

Нация ленивая естественно переходит в трудообладание другой нации – ПЛ 246.

Начало эры – АНВ 148.

«Начально Божество сотвориша Небо и Землю» – ПЛ 241.

На чем же нас будут жарить на т. св. – КНУ 219.

Начинается поцелуями. Но ведь и оканчивается тоже поцелуями – КНУ 371.

Наша история есть наиболее «позволяющая» – КНУ 573.

Наша молодежь отчасти глупа, отчасти падшая – САХ 34.

Наша цивилизация не имеет определенной и стойкой стоимости, как рожь – ПЛ 140.

«Наша школа – тупа. И способные люди ее не воспринимают – САХ 50.

Наше отечество – в прошлом – КНУ 203.

Наше содержание – АНВ 284.

«Наш Женя» – САХ 85.

Небеса строги – АНВ 285.

Небо и земля – АНВ 167.

Небо краснеет... Звезды бледнеют... Идет ко мне чаша с вином благовонным – КНУ 246.

«Небо» там и здесь – АНВ 289.

Не велика вещь: обернуться на каблуке в S оборота. А увидишь все новое – САХ 156.

Невероятную вещь обрезания можно было бы объяснить в трех-четырех словах – ПЛ 180.

Не весь Авраам нужен был Богу, а часть его – САХ 206.

Не вещи от меня отходят, а я от вещей отхожу – КНУ 196.

Невинного брака вы хотели бы? – М 31.

Не возраст и не мой порок, но что-то глубоко истинное шепчет мне, что «разврат – ПЛ 14.

Недаром всё темно и лиц не видно... Кто «Суламифь»? – КНУ 229.

Недостаток Мережковского – что он во всей России и русской истории – КНУ 521.

Недостаток «Столпа и утверждения истины» тот, что он весь и непрерывно – КНУ 504.

Не думайте, когда «истинно русское» станет торжествующим, я уйду от него – КНУ 227.

Не думай, что «что-нибудь» не изменится, если ты подумал – ПЛ 154.

Не есть ли исток «русской революции» в том едком, кислотном чувстве – САХ 204.

Не знаю, как теперь, – но до 1904-1905 г., когда я писал много передовиц – САХ 231.

Не интересуемся. У меня своя жена есть – ПЛ 86.

Некрасив, да нежен – так «два угодья в нем» – ПЛ 58.

Нельзя побеждать шума шумом – ПЛ 32.

Нельзя совокупиться, не «пролив крови» – ПЛ 246.

Нельзя, чтобы внуки и внучки наши, слушая сказку «О Иване Царевиче – ПЛ 241.

– Не любят писатели России – САХ 85.

Немножко и радости – АНВ 28.

Не может быть «слишком раннего брака; может быть только запоздалый брак» – КНУ 454.

Не мы побеждаем идеи, а Бог побеждает идеи – ПЛ 147.

Ненавидьте, ненавидьте, господа, Россию – КНУ 553.

Не нашлось, кто зычным Ломоносовским языком сказал бы ему «всероссийское» – М 41.

Не невероятно еще подумать, что «оппозиция русская» – КНУ 589.

«Не нужно более обрезания» – АНВ 110.

Не нужно «примирения». О, не нужно – ПЛ 119.

Не обижайте любовь – КНУ 436.

Неограниченные самодержавные революционеры, – так нужно формулировать дело – М 53.

Не одолев в чистом поле Руси, Сагайдачный, Дорошенко и иные такие же – КНУ 540.

Неоспоримо совершенно из того, как они рисовали животных на стенах – ПЛ 225.

Не понимает книги, не понимает прямых русских слов в ней, а пишет на нее – САХ 42.

Не понимание Государя – суть революции – М 68.

«Не пришли к Суворину» (в юбилей) очевидно составило какую-то – САХ 229.

Неприятнейшая из неприятных сторон нашего времени – стилизация – М 173.

Неси, Розанов, судно для человечества – АНВ 122.

Несись, кабак отвратительный, – несись и дави – М 76.

Не слушайте, люди, чужих сказок – КНУ 197.

Не сомневаюсь, что, предоставь ученым, Мечникову, Бехтереву – КНУ 372.

Несомненно, когда умер Рцы, – нечто погасло на Руси – САХ 46.

Несомненно, что это просто небрежность – М 85.

Не стесняйтесь, не стесняйтесь, господа... Русский пейзаж «обработал» Левитан – САХ 56.

Нет, всё должно уступить любви – М 169.

Нет, всё-таки это было глупо и пошло издавать «Когда начальство ушло» – КНУ 588.

Нет, господа, – без культа-то фалла вы никак не обойдетесь – КНУ 577.

Нет евреев. Есть еврей – САХ 171.

Нет команды (суть России) – ПЛ 81.

Нет ли Александра III? Личность его вошла в историю; и дело уплотнило часть – САХ 190.

Нет, не верна моя точка зрения на Некрасова – САХ 223.

Нет, не о Соломоне думал Акиба, а о Боге – КНУ 230.

Нет, нет, нет, невозможно этого думать, что мы умираем от «греха своего» – КНУ 292.

Нет, нет, нет, – это великая тайна мира, что бл-во, форменно оно, предустановлено – М 324.

«Нет ни – М алейшего сомнения, что девицы, подносившие Достоевскому венок – КНУ 519.

Не тогда солнце двинулось, когда Лаплас сказал «движься», а когда женщина – ПЛ 240.

Не только в Мережковском есть странная ирреальность – М 49.

«Не тот! Не тот!» – АНВ 285.

Нет праведного гнева, нет праведного гнева, нет праведного гнева – САХ 55.

«Нет правила без исключения» – на этом основан мир – КНУ 458.

Нет, правительство наше вовсе не так «глупо и тупо» – КНУ 411.

Не трудно переступить через другого. Но трудно переступить через себя – ПЛ 107.

Нет сомнения, что некоторым небольшим % входят в проституцию – ПЛ 181.

Неудавшееся христианство – АНВ 166.

Неудачная страна. Неудачна всякая страна, если она не умеет пользоваться – ПЛ 149.

Не удивительный ли Розанов человек, что борода начала у меня расти – ПЛ 106.

Неужели эта тусклая и бессильная борьба с кабаком, как у Страхова, есть судьба – КНУ 415.

Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю. Не уступлю – САХ 239.

Неутешный плач души о своем «Уед.» – М 329.

Нсуёмная, пошлая, фанфаронская комедия – ПЛ 7.

Не хочу действовать на лжи – АНВ 285.

Не этот красивый закругленный бок Публичной библиотеки – КНУ 236.

Никакого нет сомнения, что противнос пиво и вонючая водка – ПЛ 151.

Никогда не упрекайте любовь – САХ 38.

Никогда решительно брак двух неисповедим ни для кого, кроме этих двух – КНУ 583.

Никто не смешает даже самый великолепный кумир с существом Божеским – САХ 47.

Никто так не удалил христиан от понимания «завета» иудеев с Иеговою – САХ 217.

Нимфа Эгерия раз сказала Сервию Туллию: – Учение о форме – САХ 104.

Нимфа Эгерия сказала мне: – Передай Сервию Туллию следующее – САХ 72.

Нимфа Эгерия шепнула Сервию Туллию: – Обрати, сын мой, внимание – САХ 104.

Ни одной вялой строчки на таком неизмеримом протяжении всех трудов – М 13.

Ни откуда с таким удовольствием не получаю гонорар, как из священной – САХ 220.

Ни разу в жизни я не смеялся. В душе – М 41.

Ни Рахиль, ни Лия – при всем жаре личного и от себя (об этом написано!) – М 113.

Нисколько не интересно. Губы сжаты? Верно ты зол? – ПЛ 234.

Ничего подобного, ничего к этому приближающегося – ПЛ 143.

Ничто не представляет собою такого ужаса, как человек – КНУ 267.

Ничье сердце на Руси не билось так сильно, так непрерывно – М 321.

«Ни я, ни вы, ни Новоселов ц... не нужны», – написал NN – САХ 22.

Новоселов – не поднимай нос – САХ 179.

«Но вот, в один прекрасный день в полицию явился владелец меняльной лавки – М 229.

Но вот что нужно еще иметь в виду, о чем я должен предупредить братьев – САХ 263.

«Но все же вы видите, что России все не удается» – КНУ 212.

Но лишь божественный глагол до слуха чуткого – ПЛ 112.

Но не это, впрочем, главное, что я хочу сказать рассказом о Пирожкове – КНУ 421.

Но откуда же зло? низость мира, пошлость мира? – М 243.

Но отчего человек хочет «другого»? – ПЛ 60.

«– Но почему полиция просто-напросто не запретит этого притона?» – М 237.

Ночь – час свободы и тайн – М 198.

Но я возвращаюсь к «Дайте мне за рубль 16» и «Когда божественный глагол» – ПЛ 115.

Но я всё не договариваю, что хотел бы договорить – КНУ 594.
Но я всё-таки начал с того, что Гоголь был «реформация» – М 114.
«– Ну, а вы бесстыдный фанфарон, – бросил ему в глаза Боб – М 210.
Ну вот и папочка нашел лесного зверька «по образу и подобию своему» – САХ 176.
– Ну, вот и «таинство» совершили над Львом Николаевичем, обвенчали его – САХ 65.
Ну, вот я и говорю, что Розанова читать нельзя, а главное – не будут – М 296.
– Ну, господа: берите Вас. Вас-ча как он есть – М 301.
Нужно вырвать Белинского из этого кабака («Современник» – САХ 269.
Нужен талант не только на то, чтобы выбрать, на что посмотреть – КНУ 427.
Нужно было пережить тяжелую болезнь – М 186.
Нужно быть очень осторожным в реформаторстве – ПЛ 188.
Нужно ли нам переделываться в Германию? – ПЛ 83.
Нужно любить полицию. Полиция – моя после семьи и детей – ближайшая родня – ПЛ 152.
Нужно не просвещение, а просвящение – КНУ 392.
– Нужно преодолеть Достоевского, – это взял темою себе в памятной речи – М 171.
Нужно различать стихию веры от догматов веры – САХ 68.
Нужно Справедливости хартию небесную разодрать – АНВ 289.
«Нужно функции выводить из формы! – САХ 78.
Нужно, чтобы духовенство было жадно к деторождению – КНУ 590.
– Ну, и будете богаты: что же? – ПЛ 107.
Ну и угостили этих господ Азефом – М 98.
Нумизматика – АНВ 290.
– Ну, свинки наши покушали, сыты? – Теперь чем бы развлечься – М 219.
Ну, так ведь носом? Ну, так ведь губами? Ртом? Языком? Хорошо – КНУ 583.
Ну, так вот и я хочу сказать, что «в сочинениях Розанова» – М 76.
Ну что же, если из всех мыслей педагогических, о детях, семье – КНУ 378.
Ну, что такое это (изображение Афродиты Книдской на монете) перед этим – ПЛ 148.
Ну, это к другим народам (м.б.) не идет, а к русским идет – КНУ 359.
Няня – АНВ 137.

Oriens («Детородильная религия») – АНВ 302.
Oriens («Ничего не делай за поцелуй») – АНВ 302.
Об одном народце – АНВ 19.
О болящих молится церковь одна – САХ 163.
Оборотившись назад, часто видишь паука, вошь или скачущую блоху – САХ 128.
Образовался рынок. Рынок книг, газет, литературы – САХ 62.
Обращение к евреям – АНВ 184.
«Обрезание Господне» – АНВ 298.
Обрезанные уже невольно для себя становятся религиозными – САХ 165.
«Обрезанцы» суть «фаллисты», и ничего другого, кроме этого, не выражает – КНУ 543.
Обряд церковный весь свят – САХ 83.
Обширно образованный и с разнообразными талантами барин – КНУ 234.
Общая концепция – АНВ 193.
Общее правило, что все нужно видеть, и если ты «церковник» – КНУ 227.
«Общественность» – это где люди притворяются, что они «имеют одну – КНУ 200.

О войне есть один ужасный афоризм, но я его никогда не произнесу – КНУ 526.
О войне существует страшный афоризм. Но я его никогда не произнесу – КНУ 536.
О высоких должностях – М 249.
Огонь Христов – АНВ 30.
Один раз, один раз, один раз живет человек на свете – КНУ 407.
Один чиновник рассказывал о «сих старцах», что они дремлют в заседании – САХ 244.
Одна из высшей степени опасных и трудноисцелимых сторон – КНУ 393.
Однако же и у скопцов есть радения. Что они-то наедине делают? – САХ 171.
Однако через всю мою литературную деятельность проходит борьба с Гоголем – КНУ 466.
Однако это было не без предвозвещения – ПЛ 106.
Одна Русь молится – АНВ 299.
Одно было золото – сердце, ум – АНВ 192.
«Одно время он был помолвлен с мисс Эдитою Будлей из Керетэна – М 176.
Одно из преимуществ женщины, не отмеченное ни Гизо, ни Токвилем – КНУ 247.
О дойная корова. «Стельная» (после теленка?) – М 30.
О здравии болящей Варвары и Василия – ПЛ 119.
Озирианская мистерия – АНВ 174.
Оказывается (Меньшиков), в России нет ни дрожжей, ни кос (косить траву) – КНУ 513.
О, как мне хочется, чтобы появился перед вами бледный Страх – КНУ 400.
О, как хотел бы я, взяв на руки тельце Андрюши, пронести его по всем городам – САХ 197.
Окаянная – АНВ 101.
Окаянные меня и преследуют – М 316.
О «Коробе 2-м» написано втрое больше, чем о 1-м – ПЛ 41.
О красоте греческой и египетской – ПЛ 232.
О, моё страшное детство – КНУ 201.
О, муки сердца, муки ада... О, смерть желанная – приди – ПЛ 29.
Он был волосом рус и очень красив и дошел до экзарха Грузии – САХ 169.
Он был прекрасен, как Авраам в месяц переговоров своих и томлений и страха – ПЛ 180.
Он ведь соловушка – и будет петь свою песнь из всякой клетки – ПЛ 47.
Они берут взятки, но дело делают – М 45.
Они делают вид, что писатели, но они не писатели – М 107.
Они живут по типу «собачей свадьбы» – САХ 200.
Они понимают, что «не надо есть от бедра», но не понимают, что такое Россия – М 201.
Они пришли по душу мою – М 24.
Они существуют для украшения отечества – М 129.
Они «с хорошими удами»: но этим и ограничивается их значение – М 97.
Они-то их целуют в плечико, а те все им «накладывают» – САХ 60.
Он и умер за «грехи мира» – АНВ 299.
Он перекрестился на церковь и потом зарезал на дороге проезжего – САХ 162.
Он подлец был, конечно: п. ч. он любил Россию – М 184.
Он получил Белого Орла и умер – ПЛ 117.
«Он скорее художник, чем проповедник, и скорее балерина, чем священник» – САХ 75.
Онтология – АНВ 299.
Он шел по косогору, справа которого высились небольшие – САХ 131.

Опасная категория – АНВ 29.
«Оп. л.» и «У.» есть моя естественная форма – САХ 271.
О, поведите меня, коровы, сперва русские и потом египетские, и научите меня – ПЛ 201.
О поклонении аписам у древних египтян – АНВ 292.
Опять эти шумы в душе – КНУ 449.
Ордынцев (коллегия Павла Галагана, в Киеве, 1907 г.) передавал, что – КНУ 276.
Осенью в дождь все грибы гнилые. Так и наше время – М 115.
Основной тон Библии и «фокус бытия», из которого на все вещи в ней льется свет – ПЛ 39.
Оснуйте вы сто кабаков и три училища – М 42.
Особой выразительности лицо человеческое достигает потому, что оно есть – КНУ 534.
Оставьте, – духовенство браните, церковь не смейте трогать – КНУ 389.
О страстях мира – АНВ 51.
О судах человеческих... Знаете ли, что когда родился я – САХ 124.
От Вавилона и до сего дня – одна линия – КНУ 385.
От великих людей становится потно, нудно, шумливо – М 80.
– Отдай пирог! Отдай пирог! Отдай пирог! – САХ 17.
От декабристов до нас литературу русскую определят «пакостничеством» – М 80.
Отец – АНВ 303.
Отец и небытие – АНВ 306.
Отечество евреев в крови их – САХ 180.
Открыть Россию, ее достоинство, ее честь – это гораздо труднее в 19... – М 234.
Отличительную особенность восточно-кафолической церкви от западной – М 47.
От мужчин, которые почти одни учено и административно имеют дело – КНУ 423.
Отношение социализма к государству, народу, планете, облакам – САХ 266.
Отрицание-то пола и есть корень мирового пессимизма, религиозного – САХ 108.
Отрицание – это мое положение, а не душа – ПЛ 101.
От Стаськи 1-го я услышал: – Немо – М 63.
Отсутствие государства и врожденная к нему неспособность – САХ 50.
Оттого я так жизнерадостен, что много страдал – САХ 270.
Отчего Пушкин не задумался в «Графе Нулине» – М 73.
Отчего так сердятся на «Оп. л.»? Еще больше, чем на «Уед.» – САХ 69.
Отчего так трудна теперь борьба в литературе? – КНУ 449.
Отчего я так волнуюсь от литературы (антипатия) – САХ 156.
О ты, который любишь Себя – АНВ 296.
«Охранка», я думаю, с большим удовольствием смотрит на газетные – САХ 120.
О целом ряде писателей, – о Куприне, особенно о Юшкевиче – КНУ 523.
Очень возможно. В «чем-то», в таинственной субъективности – М 302.
Очень ошибаетесь, Елизавета Кускова, что меня читают «Передонов – САХ 171.
Очень просто, господа: покупайте значительный бумажник – КНУ 501.
Очень хорошее представление о «государствоведении» – КНУ 409.
Очень это чистосердечно и глубокомысленно: два полноправных гражданина – САХ 236.
О, эти ослики Иерусалима – САХ 221.

Perturbatio aeterna – АНВ 47.
Primum movens – АНВ 145.
«Павший Розанов впал в позорное падение», написал статью об эмигрантах – САХ 72.
– Па-а-звольте! Па-а-звольте! Да я совершенно поступаю «по радикалам» – М 186.
Па-о-звольте, па-о-звольте; да через 4 часа после принятия пищи Тамерлан – КНУ 548.
Папа. Ты бы лучше вместо своего Шарлока Холмса прочитал Айвенго – КНУ 394.
Папаш надо колотить; папаш и тоже мамаш – КНУ 337.
Пахучесть половой сферы есть самое древнее ее качество – М 13.
Первая пища! Первая пища! – АНВ 307.
«Первое место» – оно страшное. Оно названо в книгах престол – ПЛ 126.
Первоначала – АНВ 81.
Первый из людей и ангелов я увидел границу его – САХ 27.
Первый раз в жизни спросил себя определенно и прямо – САХ 149.
Перед запертою дверью – АНВ 111.
Переживание – АНВ 33.
Перелом. Верочка объявила матери, – точнее, спросила позволения – КНУ 506.
Перенося все в область анатомии, мы можем сказать, что деятельность – КНУ 578.
Перехожу в еврейство – АНВ 139.
Песни одиночества – АНВ 308.
«Петербург» – «Петроград». Слава Богу. Давно пора. – КНУ 502.
Петр вылетел гоголем на взморье, думал: корабли, торговля – М 26.
Петровская эпоха. «Сс творим все новое» – КНУ 518.
Петух больше курицы – М 191.
Печаль – АНВ 136.
Печальное письмо (даже страшное): «Эй, Василий Васильевич, что же это такое? – М 265.
Печально мне. Печально мне. Печально мне – М 282.
Печаль современного писателя – что он живет и пишет среди циничного – САХ 252.
Писали «оды»вельможам, потому что они платили – САХ 152.
Писарева и вернули «к действительности» – КНУ 293.
Писатель влечет или толпу, или лицо – КНУ 576.
Писать письма не полезно – М 146.
Планетный ум – АНВ 309.
Плачу и говорю: мне нравятся все – ПЛ 72.
Плут, вы говорите: хорошо! – КНУ 323.
«Победить старые предрассудки – великая задача литературы» – КНУ 296.
Победоносцев когда-то писал («Москв. сборник») – КНУ 487.
Побеждали, победили. Сохранили для всего мира цивилизацию – ПЛ 127.
Поблядовать всем хочется – ПЛ 7.
«Побродяжка» – так назвал бы я себя в конце концов – КНУ 529.
Побыл в церкви и чувствуешь, что день провел «как следует» – САХ 162.
Повалить Достоевского – это замысел революции – М 215.
«Поведение» и «образ мыслей» кур не входит ни в «да», ни в «нет» – М 15.
Поговоришь о евреях – и во рту какой-то неприятный привкус – САХ 237.
Под именем «общественности», кажется, разумеется инстинкт «потрястись» – М 81.
Подобно тому как с удаления от женщины началась новая эра – ПЛ 163.
Подождите. Через 150–200 лет над русскими нивами будет свистеть бич – САХ 124.

Позвольте, позвольте: да вовсе не «утверждение земного бытия» – КНУ 291.

Позитивисты рассуждают, как дети – КНУ 198.

Пойдут обедать к банкирам «преемники Белинского» – КНУ 330.

Пока не передавят интеллигенцию – России нельзя жить – М 292.

Пока он был юн, зелен и свеж, его держали над книгою – КНУ 221.

Полезное служит бесполезному – М 233.

Полем восстания против Христа сделается Россия – АНВ 310.

Пол – магическая точка – М 57.

Пол, может быть, был бы и ничто, если б он был только размножение – ПЛ 99.

Полный стол газетных вырезок (не читанных еще) – КНУ 204.

Половой вопрос в такой мере затянут притворством и ложью – КНУ 236.

Получил оплеуху. Отлично. Но ведь это, господа, ответ на ту оплеуху – М 294.

Польз своих природа достигает поэтически – КНУ 364.

Помилуйте же, помилуйте, русские мыслители передового направления – САХ 271.

«Помни день субботний» и не приобщай в субботу будни – ПЛ 89.

Помолимся о царе нашем несчастном, который в заключении встречает Пасху – ПЛ 244.

Помолись, Варя. И я с тобой – КНУ 240.

Пониже поклонись – побольше получишь – КНУ 439.

Понимать можно разумом и любовью – М 201.

Поп А-бов плыл в благоразумной лодочке за большим кораблем Григория Петрова – М 50.

«Поперек» – АНВ 173.

Попов можно и колотить – М 86.

Поправил. Переписала и порвала свое на мелкие-мелкие кусочки – САХ 43.

Поразительно в самом деле, что целомудрия нет в руке, в ноге, в спине – ПЛ 160.

Поразительного ума и спокойствия слово старца Гриши – М 56.

Поразительно нет интереса к личности Суворина – САХ 203.

Поразительно, что два самых опасных, мучительных и неприятных нападения – КНУ 448.

Поразительно, что у христиан все положено на мерки скупости – ПЛ 185.

– Пора начинать детей!!! – сказал я, проснувшись и не проснувшись – САХ 119.

Порнография – АНВ 311.

Пороки – АНВ 110.

Портрет Репина – Короленко (в «Н. Вр.») – САХ 71.

Порядок сотворения Богом мира перевешивает авторитетом – САХ 127.

После Гоголя, Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм – САХ 21.

Последние времена – АНВ 12.

Последние зори так же прекрасны, как первые зори – КНУ 235.

После 100–80 лет триумфов литературы Россия представляет – М 17.

«– Посмотрите, коровы: ни одна не пройдет, чтобы не протащить спины своей – САХ 44.

Постоянная занятость собою не есть ли великая развращенность души? – КНУ 499.

Постоянный шелест крыл в душе. Летящих крыл – САХ 165.

– Постыдно жить на содержании у своего имущества – САХ 84.

Потенциал бесконечности – ПЛ 102.

По учению всей древности, не явному, но и не тайному, источник мужской – М 261.

Поцеловал Пучка моего... Поджав ножки, читает «Три портрета» – КНУ 492.

Поцелуи – тоже аномалия – КНУ 400.
Поцелуй выражает не брезгливость – КНУ 258.
Почему вы думаете, что кроме «любви моей» и «любви вашей» – нет Духа – КНУ 467.
Почему вы пристали к душе моей и пристали к душе каждого писателя – САХ 57.
Почему же ты, Розанов, думаешь, что понял в Египте больше всех египтологов? – ПЛ 160.
Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов? – АНВ 34.
Почему наше время, состоящее исключительно из смердов, и должно было – ПЛ 245.
Почему нравится молоко с ягодами – КНУ 372.
Почему «от родителей»-то это скрывают? – КНУ 299.
Почему сотворено и зло – АНВ 312.
Почему так моментально произошла и кончилась революция? – АНВ 312.
Почему ты, царь, который умираешь: и вот о тебе говорит весь свет – САХ 200.
Почему у Мережковского и Философова этот извиняющийся тон перед – САХ 201.
Почему фараоны хоронились не при основании пирамид? – САХ 240.
Почему церковь так консервативна? – КНУ 505.
Почему эта клумба астр хуже стихотворения? – САХ 107.
Почему это важно, что «я думаю о Чернышевском»? – САХ 34.
Почему я думаю, что каждое мое слово есть истина? – КНУ 198.
Почему я люблю так детство? – КНУ 439.
Почему я, маленький, думаю, что Бог стоит около меня? – САХ 28.
Почему я так люблю ф-лос? Уважаю его? И мой и всемирный? – М 131.
Почти историческое слово Меньшикова (М. О.) – КНУ 479.
Пошла реторика «о Мадонне» – омерзительна – ПЛ 80.
Пошлость есть совершенно неучитываемая категория литературы – КНУ 522.
Пошлость Н. – это что-то историческое – САХ 31.
Поэтому «неимение ими (евреи) государства» – КНУ 563.
Правда и кривда – АНВ 22.
Правительство было, конечно, глубоко виновно – ПЛ 82.
Правительство, каково бы оно там ни было и как бы его «ни нарекал Милюков» – М 276.
Правительство совершенно верно полагало, что «народное в России» начинается – ПЛ 140.
Правительство состоит из подлецов, и только подлец может служить в нем – КНУ 446.
Праздно русское общество – воистину несчастное общество- разбирает «типы» – М 136.
Предатели – политики – АНВ 313.
Предают Россию в руки врагов ее – М 125.
Предисловие – САХ 7.
Предисловие ко второму изданию первого выпуска – АНВ 66.
Предпочтительнее быть вовсе не читаемым – КНУ 356.
Представьте себе целую литературу, – романы, рассказы, – где все говорится – М 27.
Представьте себе, что на «Птичку Божию», которая состоит из 16 строк – САХ 197.
Предчувствия первых христиан о конце мира и об Антихристе – АНВ 314.
Преклонись, добрый и благочестивый читатель, перед моими счетами – КНУ 263.

Прекрасная, редкая статья Таставена о Франции – о молодых в ней течениях – М 263.

Прекрасная статья Фил-ва о Достоевском (письмо о ней Страхова) – САХ 191.

Преодолеть «я» в «я» – великая проблема – САХ 129.

«Преследуемый своими противниками, которые, однако, не стреляли – ПЛ 174.

Престарелый Архиепископ дочитывал последние «бумаги» – САХ 135.

(Приблизительно) П. Б. Струве «категорически выразил», что 1) исключать меня – КНУ 201.

Приблизительно с S XVIII века в Европе рождался новый дух – М 207.

При всем отвращении к Г. Думе, нельзя не заметить – КНУ 391.

Приказ № 1 – АНВ 42.

Прикосновение к половым органам образует родство – М 70.

Прикосновения – АНВ 107.

Принцип «экономического материализма», объясняющий весь ход истории – М 332.

Природа – АНВ 322.

При сбережении происходит одна отвратительная вещь – М 252.

Приходит на ум, что «Мертвые души» и «Ревизор» – лубок – М 319.

Причина обезумения человеческого – АНВ 113.

При этом противоречия не нужно примирять, а оставлять именно противоречиями – ПЛ 58.

Проблема: каким образом из ощущения – АНВ 324.

Проблемы Родзевича – САХ 61.

Провокация как пылесос: сосет в комнате, в стране пыль – и выносит – САХ 95.

Прогуливают, прогуливают русские Россию – ПЛ 84.

Пройдет веков завистливая даль – XIX век будет глубоко презираться – М 113.

«Пройду» я, «пройдет» Меньшиков, а квартальный на углу Литейного – САХ 73.

Прокатилось колесо, пропылило, потом свалилось в канаву – САХ 84.

Проклятие России есть суть «История русской литературы» – САХ 53.

«Пролетарии всех стран – соединяйтесь» – М 327.

«Пролетарий» обычно делает судьбу через женитьбу – САХ 102.

Проституция – ужас – ПЛ 111.

Противная. Противная, противная моя жизнь – ПЛ 54.

Профессора совершенно не понимают, что такое государство – КНУ 364.

Прочел кое-где: Полное приданое за 950 рублей – САХ 139.

Прочел у Глазенапа: «Лучшими представителями переменных звезд – САХ 101.

Прошел дождь. И думая, что Вера, запертая с утра до ночи в своей комнате – КНУ 401.

Прямым нападением евреи и не могли взять европейских форпостов – КНУ 581.

– Псалмы Давида! псалмы Давида... – САХ 180.

Псевдомессия – АНВ 138.

Псевдонимы в природе? – М 199.

Псевдообрезание – АНВ 324.

Пустота мысли у евреев, однако, удивительна – САХ 264.

Пустынная земля есть голодная земля – САХ 35.

Пусть под православною митрою растет иудейский грибок – ПЛ 90.

Путаные небеса – АНВ 325.

Путь у нас с революционерами, м. б. (с погаными революционерами) один – ПЛ 195.

Пухленький, крупный, он имел вид пожилой тети или почти бабушки – КНУ 502.

Пчелки летят к водам жизни – КНУ 307.

Пыль – АНВ 143.

Пьяная, мутная – АНВ 326.

Пьяный сапожник да пьяный поп – вся Русь – САХ 38.

Religio – АНВ 31.

Religio – АНВ 327.

«Рабочая эпоха», т. е. наше время. «Рабочий – самый уважаемый человек» – САХ 187.

Разбивайте цивилизацию нашу копытами – САХ 138.

– Развлеки меня, – говорит читатель с брюхом, беря «Опавшие листья» – САХ 148.

Радикалы наши подавляли все благородное, за 50 лет – М 262.

Радость. Оказывается не Некрасов присвоил 95 000 рубл. – КНУ 467.

Радость. Письмо – М 305.

«Развратом» называется, когда совершающееся у двоих переходит в зрение – М 231.

Разврат появляется, когда погасает любовь – КНУ 579.

Разгадка Библии и иудейства начинается вовсе не с «впервые признали они – САХ 180.

Разговоры суть разговоры... а дело есть дело – САХ 211.

Разительную особенность и вместе почти главную трудность управления – КНУ 403.

Разница в роли и значительности мужского и женского пола для деторождения – М 32.

Раз он поставлен на чреду заботы о заповеди Господней: то он должен на селе – САХ 49.

Разрушение мира – АНВ 326.

Ранее Толстого и Достоевского глубины в русской литературе не появляется – КНУ 394.

Рассыпанное царство – АНВ 5.

Расходившийся полицейский, который тыкает публику «в рыло» – САХ 221.

Расцветали розы – М 316.

«Р-в крестник Победоносцева», – пишет Яблоновский – САХ 92.

Реальная действительность – это просто полицейский – КНУ 302.

Революционеришки никак не могут понять, что их только щадят – М 138.

Революция была слишком шумна, слишком сорна, слишком естественна – КНУ 515.

«Революция омерзительна», – не начав этим словом, нельзя войти в XIX век – М 265.

«Революция русская» рассчитана была на «большую массу» – М 152.

Революция французская имела много очень красивых эпизодов – М 7.

Революция – это какой-то гашиш для русских – САХ 270.

«Религия – средство обуздать плебея» – КНУ 449.

Рел.-фил. собр. как-то потеряли кристалл в себе, – то твердое и нерастворимое – САХ 192.

Репин – АНВ 329.

Речка в Вырице. Тялдёж? Одрёж? Не мог внятно расслушать – М 190.

Решительно надо бы собрать не серьезные пословицы – АНВ 329.

Род, род, рождение, из камня – АНВ 329.

Родство есть как бы «где порезано у человека» – КНУ 514.

Родство мира идет исключительно от детородных органов – КНУ 576.

Родство – только и исключительно через детородный орган, живот, бедра – М 20.

Розанов – великий скотовод – САХ 138.
Розанов еще молод – САХ 169.
Романисту и мистику нужно было кой к кому пойти – М 43.
Ромер – дочь его Бемова. Подозрительный культ отца – ПЛ 233.
России угрожает судьба Польши – КНУ 269.
Россия – АНВ 330.
Россия – баба. И нельзя ее полюбить, не пощупав за груди – ПЛ 99.
Россия будет раздавлена Германиею физически – ПЛ 247.
Россия крепка не оттого, что Розанов пишет консервативные статьи – КНУ 291.
Россия – первобытная, первоначальная страна – М 52.
Россия страдает эмфиземой государственности – ПЛ 111.
«Рот для еды». Прекрасно. Допускаю. Но для этого надо просто отверстие – М 46.
Рубят мои мысли одна другую – ПЛ 98.
Румынский оркестр играет... Травиата умирает – М 200.
Русская литература есть несчастие русского народа – М 108.
Русская литература пьяная и развратная – КНУ 516.
Русские – вечные хлысты, невесты – САХ 52.
Русские вовсе уж не так негражданственны, как хочется (и мне) многим думать – САХ 184.
Русские вообще все (кроме редких исключ.) суть невинные сутенеры – САХ 95.
Русские люди – труха – М 330.
Русские переленятся и жидков, и немцев – М 315.
Русский грибок – самый пахучий – САХ 170.
Русский пересидит всякого бегуна – САХ 206.
– Русский человек задарма и рвотного выпьет, – сказал Андерсон, смеясь – М 250.
Русский человек слишком теплый человек – ПЛ 233.
Русских сортов спичек есть несколько – ПЛ 134.
Русскому человеку все русское любо – М 194.
Русскую историю писали смерды – КНУ 512.

С 28 сентября (на штемпеле конверта) и в течение октября и ноября – дружба – КНУ 584.
Самая фамилия «Некрасов» указывает на что-то грубое, базарное и воровское – М 97.
Сам же задал (В. А. Мордвинов) вопрос: но кому же его и разрешить – М 124.
Самодовольный радикализм как хорошо вычищенный медный пятак блестит – КНУ 469.
Самое семя души нашей сложно – САХ 41.
Самое совокупление – кто поверит и даже как возможно? – Но иногда оно было – ПЛ 29.
Самонадеянные глупца, только самонадеянные глупцы – САХ 132.
Самые лица и Пинкертона и Холмса мне ужасно нравятся – М 199.
Самые целомудренные, испугано-целомудренные, – застенчивые, стыдливые суть – М 90.
Самый основной смысл «пришествия Розанова в мир» – ПЛ 146.
Самый плохой мужчина все-таки лучше, чем «нет мужчины» – САХ 28.
С «Б.» торопиться не надо. Бог Сам придет, когда нужно будет – ПЛ 219.
Свежая впечатлительность (про меня) – КНУ 198.

Свеча – АНВ 330.
Связь вещей – АНВ 135.
Святой страдает возле грешного… и неужели поверить – за грешного? – КНУ 286.
Священное: не забывай – ПЛ 26.
С гимназических лет, как что-то заученное (но это не заучено), мы повторяем – М 300.
– Сделал ли ты за всю жизнь хоть один гвоздь? – Я читал Лассаля – М 280.
С дочкой, и дочка довольно красивая – САХ 79.
С евреем «вести дела» приятно и полезно – ПЛ 242.
Сегодня такая радость. Зашел с Надюшей проститься – М 189.
Секрет. Нельзя печатать – М 184.
Сельская «школа министерства нар. просвещения» переделывает крестьянского – КНУ 403.
«Семейные истории» начинаются в семье первого уже человека – КНУ 442.
Семя души нашей не единосоставно. От двух рождаемся и два несем в себе – САХ 152.
«Сердечного соучастия» к Рачинскому (С. А.) я, правда, не имею – КНУ 303.
Сердечный монотеизм – САХ 168.
– Сердит. Не хочу слушать лекции – САХ 41.
Сидели соловушко с соловушкой. И пели – М 321.
Сидит на корточках, весь обалдел. Я нежусь под веником – КНУ 470.
Сидит темный паук в каждом, гадкий, серый – САХ 224.
Сидят два голубя. Один там, другой здесь – ПЛ 80.
Сижу и плачу, сижу и плачу как о совершенно ненужном – ПЛ 251.
Сила мерзости всегда была велика – КНУ 578.
«Симпатии не стреляют». «Симпатии» только разговаривают – М 12.
«Симпатичная молодежь» все преуспевает – САХ 60.
Скажут: – Было научное движение: как же его было не пропустить – М 293.
Сказать ли некоторый стыдный секрет нашей литературы – САХ 207.
Скалозуб, однако, не договорил, и я договорю за него – М 206.
Скверным мы и называем святое, чтобы никто не мог его коснуться – М 284.
Сквозь безумную ненависть… Такая же безумная любовь… – САХ 190.
Скворцов (Вас. Мих., миссионер) на всякую характеристику себя – М 98.
Скиния завета – стыдлива – М 69.
Склоняй голову, русский баран – М 219.
Сколько лет думаю, 20 лет думаю, отчего «у нас» (консерват.) все так – САХ 204.
Сколько слов и как мало мыслей – М 152.
Сколько я могу объяснить психологию Веры – у нее нет представления – САХ 183.
Скопческое отродье только и могло выродиться в формализм и канцелярию – САХ 108.
Скормила мальчика евреям литературочка – КНУ 223.
Скромнее! Скромнее! – АНВ 171.
Скропаешь строки… Мыслишки, полумыслишки – САХ 207.
Скука, холод и гранит. Чье это стихотворение? Пушкина? – САХ 24.
С кулаками, с мордобитием (левая печать) революционеры велят – КНУ 450.
Слабую сторону евреев, – и вековечно слабую, – составляет то, что после марта – КНУ 296.
Славянофилом я был только в некоторые поры жизни – КНУ 503.

Славянофильства и нельзя изложить в 5-копеечных брошюрках – М 80.
Славянофильство меня привлекает не как теория истории – КНУ 518.
Сладенький жидок. Жидки вообще сладенькие – М 112.
Слово – бессилие. Слово не сила. А молчание – ПЛ 35.
Словом, брак церковный, – как оказывается при дальнейших размышлениях – М 167.
Словом, рабби Акиба был «Розанов I века по Р. Х», такой же неуч – САХ 238.
Случается и барину ходить в опорках – КНУ 222.
Случай с дочерями Лота, – который с такой жадностью повторили – ПЛ 210.
Слышу шум, но голосов не слышу, и вижу ноги, а лиц не вижу – САХ 56.
Смертная часть Каткова в том, что он никому не был дорог – КНУ 231.
Смерть и жизнь – АНВ 330.
Смерть приходит не стуча ногами – М 325.
Смех есть вообще недостойное отношение к жизни – САХ 148.
Смех – язычество, слезы – христианство – М 46.
Смотри на свое дело как на молитву – САХ 68.
Снять нарекание с оплодотворения человеческого – САХ 64.
Собирались три года и даже «Господи помилуй» с места не сдвинули – САХ 213.
Собственно, есть одна книга, которую человек обязан внимательно прочитать – САХ 25.
Совершаются преступления. Давятся, вешаются. Топят. Отравляют – САХ 201.
Совершенно так, как напустив нефти в Волгу – ПЛ 208.
Совет юношеству – АНВ 60.
Совокупляются и пищеваряют – КНУ 395.
Со всеми нами под старость делается склероз мозга – ПЛ 133.
Содом – АНВ 331.
Содом теперь совершенно понятен – М 177.
Сокровище смиренных – АНВ 149.
Сокрытая Шир Гаширем – АНВ 104.
Солдат. Мужик. Поп. Господин. Купец. Да дворяне. Тоже сапожник – КНУ 528.
Солнце – АНВ 22.
Солнце – АНВ 26.
Солнце – АНВ 31.
Солнце – АНВ 56.
Солнце – АНВ 107.
Солнце («...боже мой, боже мой, боже мой») – АНВ 331.
Солнце («Гордое солнце») – АНВ 332.
Солнце («И еще, и еще») – АНВ 332.
Солнце («Музыки, музыки, музыки») – АНВ 332.
Солнце («Не видно ли из этого...») – АНВ 333.
Солнце («Попробуйте распять солнце») – АНВ 334.
Солнце и его тень – АНВ 334.
Солнце и филология – АНВ 335.
Солнце нашего западничества – КНУ 197.
Солнце – растет – АНВ 336.
Соплявая, сорная, без работы усталая – наша Русь – КНУ 259.
«Сопоставление Карамзина с Наполеоном внушает мысль о комичности» – КНУ 433.
«43-летняя систематическая подготовка войны с нами – М 245.
Сохранение личной независимости стало теперь гораздо труднее, чем прежде – САХ 153.
Сохранил почитание к Отцам Церкви – к действительно великим отцам – КНУ 334.

Социализм заключается в мужестве убить – АНВ 337.
Социализм пошел в кабак – САХ 83.
Социализм представляется социалисту всем миром – М 192.
Сочетать Дон-Кихота и Санчо Панчо?.. – КНУ 294.
Спасение мира – АНВ 337.
С помощью Iwao, которому повинуются все древние боги, я упросил их послать – САХ 154.
Сперва обрадовался; и дня 1 S радовался – КНУ 486.
С первого же взгляда видно, что пол мужчины и пол женщины – КНУ 383.
Сперматозоиды тянутся из Солнца – АНВ 110.
С поляками и евреями надо так говорить – М 12.
Справа с формою, которая кажется бездушием – КНУ 196.
Средоточие – АНВ 338.
С Розановым хорошо жить – КНУ 595.
Ставлю «на канун» две свечки: «Надежды», «Веры» – САХ 163.
С «талантами» надо разобраться – ПЛ 189.
Станция «Мечта». Поезд стоит 15 мин. Будят – САХ 128.
– Старенькая церковь. – Славные напевы (Новоселов) (Нестеров) – ПЛ 176.
Старое добро есть вечное добро – М 218.
Старый дуб, опаленный молниями, обломанный бурями, весь корявый, черный – М 246.
Старый карабах – КНУ 568.
Стена каменная – высокая, – не перелезешь. И натыканы гвозди – САХ 88.
«Столбового» ничего нет в Гос. Думе – КНУ 358.
Столпообразные руины. (Лерм.) Это хорошо, если применить к попам – САХ 211.
Столпы и труха – АНВ 114.
Сто топоров за поясом. Лес рубим, щепки летят – САХ 179.
100 000 рабочих шло 9 января. И журналисты «ликовали» – КНУ 265.
Странно, дико и непереносимо для страны – АНВ 339.
Странное разделение – АНВ 339.
Странность – АНВ 45.
Странные вопросы – АНВ 341.
Странные страшные мысли – АНВ 342.
Странный договор – САХ 106.
Страхов просто жил в слишком высоком этаже – КНУ 474.
Страхов так и не объяснил, почему же «мы враждуем против рационализма» – САХ 29.
Страшная для Мережковского сторона – его недействительность – М 48.
Страшная сторона революционеришек заключается в том, что ими никто не занят – ПЛ 230.
Страшно, если пожар – М 319.
Стройные части народа ... как я вижу их постоянно в церкви – КНУ 271.
Суворин не только не был смущен, что к нему «не пришли» – М 78.
С «Уедин.» и «Опав. л.» начался новый фазис русской литературы – КНУ 298.
Суть в том, что самая душа евреев (семитов) молитвенна – КНУ 224.
Суть, конечно, в том, что благородство, величие, глубина служб церковных – М 103.
Суть Мережковского – в преувеличениях – М 42.
Суть перелома от юдаизма к христианству – ПЛ 175.
Суть революции кажется в том, что «чиновник» был невыносим – М 61.
Суть современного писателя – что он не чувствует себя вовсе в истории – М 92.
Суть-то в том, что ведь я никак не могу избыть из себя проститутку – ПЛ 239.

Суть-то в том, что душа наша запуталась, что ум наш запутался – ПЛ 173.
Суть царства заключается в том, что царь всех сильнее – КНУ 291.
Существует эта особенная, та таинственная – АНВ 100.
«Счастие народов» можно решить величественно и низко – М 104.
Счастье Германии было выковано в несчастии ее – ПЛ 118.
Съедена, разъедена и сгноена бедами – М 38.
Сын – АНВ 26.
Сын – АНВ 344.
Сынок даже пожелал смерти родной матери – КНУ 330.

Tasis – порядок – АНВ 129.
Таинственные соотношения – АНВ 346.
Та история с Добролюбовым, которая «восходит» и «докатывается» – М 196.
Тайна – АНВ 168.
Тайна – АНВ 348.
Тайна Дианы Эфесской. Шепот, робкое дыханье – ПЛ 162.
Тайна Озириса. Сосочки, сосочки, сосочки – ПЛ 161.
Тайна – так наиболее соответствует называть половые органы – М 147.
Тайная историческая борьба между еврейством и прочими народами – М 31.
Тайны мира – АНВ 30.
Такая ненависть к полиции. Да отчего? – М 164.
– Так вы нами не очарованы? – Нет. – Но нами все очарованы?! – САХ 100.
– Так вы продали отечество свое? – Что делать. Нема денег – ПЛ 46.
Так или не этак, должность губернатора есть в сути и в тайне вещей – полицейская – М 274.
Таким образом и выходит, что острейшие, самые острые наслаждения – М 311.
Так и топорщится. Так и топорщится – КНУ 209.
Так, значит, это наблюдение Достоевского (в 26 лет!!) – КНУ 511.
«Так как я ученый, а ты не ученый, то я отрежу тебе голову» – М 248.
Так. образом, ко времени пришествия Христа – АНВ 350.
Так обр., Гоголь вовсе и не был неправ? – ПЛ 25.
Таковы рассуждения преподавателей духовных академий и даже лиц – САХ 197.
Так «современный человек и живет», все дожидаясь почты – КНУ 272.
Так сокрушается Кондурушкин о «неравноправии с собою» бедного Гессена – САХ 237.
Так этого и можно было ожидать, что курносый в пиджачишке – КНУ 294.
«Талантливым предательством» полна русская земля – КНУ 586.
Там уж как ни толкуйте, а без огня не бывает религии – КНУ 331.
Твердо держи ружье, стрелец – САХ 269.
Твердость есть отличительное качество Рцы – САХ 32.
Тебя покинул «твой бог», Израиль: «Чего ты ждешь еще? – САХ 223.
«Те же люди, которые живут на границе Царства, или избрали себе промыслом – М 253.
Тело священнее духа – КНУ 513.
Тема очень простая: христианство должно раздвинуться для вмещения в себя – ПЛ 199.
Темный и злой человек, но с ярким до непереносимости лицом – ПЛ 10.
Тени – АНВ 350.
Теперешний социализм точно пьяный рвется к успеху – САХ 244.
Теперь, если мы обратимся к замечательной без-темности русской литературы – КНУ 397.
Теперь, когда открылась ужасная война, совершенно явно, что революция – ПЛ 207.

Теперь не заживешь «своим хозяйством» – ПЛ 242.

Теперь – «союз государства и церкви» – КНУ 459.

Теперь стою в банке, перевод или что, – смотрю по сторонам – САХ 16.

– Теперь ты понимаешь, сын мой, что на Востоке все это происходит con grazia – САХ 105.

Терпко, сильно, как «натирая душу чесноком», мы переживаем анекдот – КНУ 395.

«Тесть запретил мне писать что-нибудь сочувственное о христианстве – М 18.

Тетраграмма была вздохом. И на это вздох Б. не мог (не имел сил) не отозваться – САХ 170.

Тогда понятен и до некоторой степени объясним инстинкт и женщин – ПЛ 157.

Толстому все мешали устроиться со своей добродетелью – КНУ 357.

Только в тепле что-нибудь вырастает – ПЛ 218.

Только душу мою я сторожил – САХ 227.

Только «реформация»-то эта «без Бога, без Царя» – М 113.

Только те люди счастливы, которые не думают о себе – М 275.

Только у человека одного орган обоняния – входящим треугольником – М 304.

Только человек, помолившийся поутру и помолившийся к ночи, есть человек – САХ 30.

Только через десять лет после умственного спора с Церковью – КНУ 322.

Тот, кто молится, – сам достоин молитвы – ПЛ 230.

Тот, кто смотрит в микроскоп, не видит того, что видно в телескоп – М 82.

То-то на том свете все «за язык повешены». Я думаю, не за одни разговоры – САХ 128.

То, чего не удается евреям и, по-видимому, никогда не удастся – КНУ 593.

То, что именуется «ф-ческим культом», только и разглядывается в родстве – ПЛ 211.

Трактирные люди – да, вот суть позитивизма – САХ 269.

Три гороскопа – АНВ 50.

Три-три-три Фру-фру-фру Иги-иги-иги Угу-угу-угу. Это хорошо – САХ 16.

Трудовое царство... Это, конечно, прежде всего – КНУ 200.

Тумба... Это преобладающий тип «православного русского духовенства» – САХ 211.

Туфля – АНВ 32.

Ты бы лучше, демократишко, не ходил в аскетическом пиджаке – КНУ 445.

«Ты еси Бог, творяй чудеса» – АНВ 354.

Ты не противоречь другим. Ты навевай на них другие сны – ПЛ 136.

Ты не рассказывай мне, что «они поклонялись коровам» – ПЛ 232.

У А-бова, конечно, нет страха Божия – М 67.

«Уважение к Государству» и «верность Престолу» должно выражаться – САХ 176.

У вас не жезл, а палка. Вы с палкой пришли – САХ 159.

Увидишь крест – перекрестишься. Увидишь груди – потрогаешь – М 275.

У Герцена утонула мать – САХ 66.

Удивительное, к «образу мыслей» относящееся, есть следующее – М 16.

Удивительно, «Святая Русь» спасается собственно с «Окаянной Русью» – ПЛ 246.

Удивительно, упрекают меня в порнографии (и суд, и цензура) – САХ 116.

Удивительно, что родители и родительский дом играют у новых детей роль – ПЛ 165.

Удивительно, что русского писателя русские писатели и не представляют иначе – САХ 243.

Удивительно, Чуковский почти исчез – САХ 163.

У других народов содомичность есть индивидуальное качество, но у евреев – ПЛ 245.

У европейских (христ.) наций совокупление есть вещь, которая может быть и – ПЛ 62.

«Уединенное»? Это плач писателя о своем писательстве – КНУ 292.

Ужасный сегодня рассказ проф. Грибовского (юрист) – САХ 172.

Уже коченеющею рукою (склероз мозга) я разбираю монеты Августа – ПЛ 250.

Уже написано 2 листа (не согнутые, «полным форматом») – М 20.

Уж если бледнолицый Добролюбов, с губами «ижицей», повлек за собою – М 59.

Уже теперь евреи приняли тон, что русская литература существует для пользы – М 82.

У иных, при чрезвычайно личной любви – М 119.

У каждого собственно своя религия. Она с ним рождается и с ним умирает – САХ 75.

Укусы современности – те гвоздики, которыми вбиваются бриллианты – САХ 268.

«У Левитана все красиво... – САХ 75.

У меня горе в дому, опять горе – КНУ 239.

У Мережковск. трезвая голова и пьяные ноги – М 108.

Умирают, умирают, умирают – М 221.

У Набокова до того закружилась голова от хорошей женитьбы – КНУ 330.

У нас все по-своему – М 306.

У нас есть Технологический институт – М 168.

У нас – минутами, у евреев – вечно – САХ 106.

У нас Polizien-Revolution, Судейкин с Дегаевым – САХ 155.

У нас русские молодцы, у нас русские умишки – КНУ 476.

У нас сотрудник. Старый провинциальный журналист – М 92.

У настоящей бабы не только две титьки – ПЛ 69.

У нее выпала грыжа. Запоздали операцией. И через 2 часа она умерла – ПЛ 249.

«У нее голубые глаза», – сказал древнейший завет о любви – САХ 39.

«Универсальная отмычка» – это превосходно – М 150.

У русских есть живучесть дождевого червя – КНУ 260.

Усиливался. Вспотел. И ничего не вышло – КНУ 586.

Усни, наша мамочка – АНВ 122.

У социалиста болит зуб – САХ 63.

Устраните берега, и река разольется в болото – САХ 182.

Утверждать религию на детоубийстве – оправдывать «правило древних» – САХ 269.

Утолщай «вчера», чтобы было толще «завтра» – ПЛ 231.

У фельетониста и аршин фельстониста – КНУ 539.

Ухаживают за красивыми. Женятся на некрасивых – М 253.

Ухи с налимом тоже нет в Зап. Европе – М 8.

«У человска нет души», – сказали некоторые. И мы так негодуем на них – КНУ 570.

Учение о содомии «кое-где» и «кос в чем» и даже «кое в ком» может быть – САХ 199.

Ученики учителей – ПЛ 63.

Фаллического культа никогда не было. Но девушки всегда хотели выйти замуж – ПЛ 221.

Федор Павлович К. захотел покормить друга и спрашивает – САХ 128.
Филарет, Масперо и деревня – ПЛ 194.
Филология или онтология? – АНВ 354.
<...> филологов. Они говорили – АНВ 355.
Фл. бы заговорил другим языком, если бы из его дома вывели за ручку Ан. Мих. – САХ 22.
Фокус всех «Бесов» (Дост.) – как Петруша Верховенский – М 107.
Фон-Визин пытался быть западником в «Недоросле» и славянофилом – САХ 224.
Фонтан, бьющий с двухаршинной глубины – КНУ 389.
Формализм в государстве – КНУ 195.
Фундамент революции лежал несомненно в так называемом «нашем обществе» – М 257.

Хвастовство – всегда противно – М 194.
Хворалось. И целый день читал К. Тимирязева – САХ 107.
Хильперикс – АНВ 356.
Хима, Вася и Надя – КНУ 202.
Хитрости не потому удаются, что есть особенные хитрые люди – М 187.
– Хорош запах розы. Но хорошо пахнет и резеда. Что делать – САХ 123.
Хищный лакей могуче сжался – КНУ 419.
Хорошо. Великие события происходили. И великие чувства переживались – САХ 161.
Хорошо истинно думать – М 334.
Хорошо ли пишут полицейские? – М 202.
Хорошо. Но ведь нельзя же сердиться вечно – ПЛ 153.
Хорошо. Хорошо. Хорошо. Ругайтесь. Плюйтесь. Смейтесь – ПЛ 27.
«Хорошо» у Толстого всегда есть то, что «я делаю» – КНУ 324.
Хорошо это в России устроено. – Ра-ды ста-рать-ся, ва-ше вы-со-ко-ро-дие!! – САХ 192.
– Хорошо, я знаю: и украл, и прелюбодействовал, и играл в карты – САХ 188.
– Хоть бы кто помолился о душе моей грешной – САХ 181.
Хоть бы постеснился скромностью – САХ 101.
Хоть и мелочь, и не хочется говорить, а все-таки – САХ 107.
Хочется быть одному – М 232.
Хочется или не хочется, а искусство – будет – КНУ 218.
– Хочешь книжку? Скучное лицо – САХ 72.
Хочешь покоя, покоя, покоя... И успокоишься – КНУ 345.
Хочу быть дерзким, хочу быть смелым – КНУ 432.
Хочу, хочу уважать правительство – ПЛ 85.
Христианам – АНВ 357.
Христианин – АНВ 44.
Христианская любовь – АНВ 358.
Христианство – АНВ 359.
Христианство – безъячично – М 283.
Христианство есть абсолютная бесполость – АНВ 360.
Христианство есть грех – АНВ 101.
Христианство как мировая осень – АНВ 360.
Христианству и нужно всегда жить о бок с язычеством – САХ 27.
Христос – АНВ 361.
Христос и Гермес – АНВ 361.
Христос и люди – АНВ 364.
Христос и мир – АНВ 364.
Христос и революция («Вся наша революция») – АНВ 365.
Христос и революция («Сначала и долго кажется») – АНВ 366.
Христос между двух разбойников – АНВ 58.
Христос не виноват в том, что попы дураки – ПЛ 83.
Христос провонял семью человеческую – АНВ 172.
Хрящевые рыбы – АНВ 146.

Цари – с мужиками – М 76.
Царство социал-демократической пошлости – САХ 127.
Царь есть легенда и молитва – ПЛ 247.
Царь – Солнце. И нельзя его заслонять – М 289.
Царь строил Россию, но и Россия строила Царя – КНУ 445.
Цветки пахучи... и люди их обоняют – КНУ 251.
Цветков сказал раз: – У теперешних писателей вообще нет никакого – КНУ 211.
Цветок есть лицо растения. А плод – ум его – ПЛ 48.
Цветочный одеколон. Есть же такая милая вещь – ПЛ 134.
Целомудренные обоняния... И целомудренные вкушения – САХ 39.
Цензора и суд толкутся над книгами, как ослы в коробке конфет – М 277.
Цензор Лебедев наглотался премудрости Мякотина, Пешехонова, Петрищева – М 128.
Церковь – АНВ 366.
Церковь возникла, сложилась и долго росла и сияла, и собрала все свои – САХ 52.
Церковь, государство, литература, искусство – все покровительствует хулигану – КНУ 350.
Церковь есть устроительница душ и устроительница жизней – САХ 30.
Церковь, стараясь сохранить «целостность семьи» до гроба – КНУ 340.
Цыц (Что хотел бы сказать «нашим людям») – САХ 218.

Частный и личный характер русской литературы, составляющий всю красоту ее – ПЛ 166.
Часть похвал, на мой «нос корабля» несущихся, мне противны донельзя – САХ 215.
Часы ходили еле-еле. Вековые. От покойного Дмитрия Наумыча – САХ 16.
Чего вообще стоит эта печать, подхлестнутая иудеями – САХ 127.
Чего вы приступаете к душе моей, тираны – КНУ 233.
– Чего же ты хочешь, когда не хочешь ни литературы, ни политики? – САХ 99.
Человек должен выболеть грех свой – КНУ 474.
Человек есть существо мыслящее (Декарт) – КНУ 520.
«Человек» и «человеческое в нас» последний закал получают в страдании – М 281.
Человек, на которого никогда не взглянул Бог – САХ 267.
Человеческий ум думал, думал, «что бы мне еще придумать?» – М 228.
Человечество имеет самые обыкновенные мысли – КНУ 571.
Чем же я одолел Гоголя (чувствую)? Фаллизмом – М 119.
Чем легкомысленнее – тем либеральнее – ПЛ 69.
Чем «молиться» на секретаря духовной консистории – САХ 23.
Чем не человек: и сочинения пишу, и к угодникам езжу, и жене сапоги – САХ 129.
«Чертой оседлости» русское правительство сказало – КНУ 442.
Чиновник в морали. Им был не только Толстой с гнусной «Крейцеровой – САХ 200.
«Чиновник все губит» – ПЛ 209.
Чиновник съел все вдохновение на Руси – ПЛ 122.
Читали ли великие творения Лассаля и Маркса? – М 107.
Читал (читаю) Ключевского о Лермонтове, Нартове, Петре Великом – САХ 260.
Читатели – не все, но очень многие – представляют себе авторов книг – САХ 211.

Читатель из папье-маше, естественно, и чувствует писателя из папье-маше – КНУ 584.
«Чичиков» П.П. Перцова – АНВ 370.
Чтобы «опровергнуть» Пушкина – нужно ума много – М 140.
Чтобы открыть Египет, нужно было собственно в себе открыть семью – ПЛ 229.
– Чтобы постигнуть вещь, надо сперва полюбить ее – ПЛ 66.
Чтобы постигнуть вещь, надо сперва полюбить ее – ПЛ 69.
Что в зоологии – то и в истории – М 200.
Что возмутительно в теперешнем «богословии» – ПЛ 161.
Что всего слаще человеку? – ПЛ 153.
Что вы ищите все вчерашнего дня. Вчерашний день прошел и вы его не найдете – ПЛ 73.
Что, господа, разговаривать: если Россия – проклята, если она сгнила – КНУ 270.
Что же делать, если «окончательно» один, но «не окончательно» почти все – САХ 160.
Что же, день ли открывает истину вещей? – ПЛ 48.
Что же из сего следует? Да то, что феноменальное бытие – КНУ 464.
Что же, мать продолжает свое дело, и супружеское, и материнское – М 163.
Что же может быть расстепенестее нашего извощика? – КНУ 262.
Что же мы, русские, сделали с принятым от греков Православием? – САХ 74.
Что же, наши грамотеи «переоценят все ценности» – КНУ 426.
Что же победит, – буря победит покой, или покой победит бурю? – М 318.
Что же те «крапленые карты», на которые опирается социализм? – М 178.
Что же эти повестушки Тургенева: «Они сели около камина, и я стал им – САХ 194.
Что же это, любили, любили и вдруг разлюбили – САХ 190.
Что истинно интересно? – САХ 21.
Что касается «христианских мальчиков» (жертвоприношения) – КНУ 564.
Что мы так бились с Рцы, кипя в идейных спорах? – КНУ 356.
Что особенно странно – что ведь и вкуса никакого нет – М 50.
Что особенно страшно, то это то, что при множестве стихов и прозы – М 168.
Что прекрасно в наивном, то будет отвратительно в опытном – САХ 194.
Что «Россия отвратительна и на нее можно только плюнуть» – это доказывали – КНУ 561.
Что так некрасиво, так пахуче и в общем представляет «тьфу» – М 33.
Что такое «астартический принцип»? – АНВ 111.
Что такое груди? – М 46.
– Что такое обрезание? – Это Песнь Песней, включенная в одно чирканье ножа – ПЛ 236.
Что-то мне нравится в Кусковой. Что? Не знаю сам – САХ 192.
Что-то мне отдаленно кажется симпатичным в Елиз. Кусковой – САХ 176.
Что-то налетало на меня... И я записывал – ПЛ 98.
Что-то такое детское – КНУ 450.
Что-то такое случилось – АНВ 17.
Что утомило меня, так это «Яков Карлович Грот» – КНУ 237.
Что это, коварство или глупость – не понимаю: пока я боролся с хр... – САХ 161.
Что это «на том свете» все «за языки повешены»? – М 311.
Что я так упираюсь «+»? Разве я любил жизнь? – САХ 38.
Чудеса евангельские – АНВ 371.
Чуковская (еврейка, симп.) на вопрос мой: «В чем суть еврея»? – САХ 62.

Шакал – АНВ 371.
Шеренга солдат и за ней «в глубине» довольно пустой генерал – САХ 208.
Шум, звон, колокол и хвастовство пошло в русской литературе от Герцена – САХ 89.

Щедрина, конечно, они распяли бы на трех крестах, попробуй он – САХ 207.

Эврика! Эврика! в вопросе о половом стыде, который был наименован – САХ 57.
Электричество и «тени» Платона – АНВ 373.
Элементарность Гоголя и Грибоедова страшная – была причиной – КНУ 580.
«Эос» – АНВ 135.
Эта земля, по которой мы ходим, – вторая земля – М 27.
Это было в немецкой аристократической семье – КНУ 586.
Это вещь совершенно недопустимая, чтобы дети не уважали и не любили – САХ 262.
Это все «наш Ванюха» прикидывается иностранцем – КНУ 437.
Этого нельзя, – говорят вежливо и твердо русскому, как только он переезжает – КНУ 408.
Это и в ботанике так: десятый сорвал розу, а девять прошли и только понюхали – САХ 160.
Это и можно сделать, только став на колена – М 38.
Это не столько окно в Европу, сколько размалеванный балкон – М 204.
«Это супружество было якорем спасения для маркиза – КНУ 328.
Этот – затхлый запах фундаментов человечества – КНУ 241.
Это только кажется, что я необдуман в литературе – КНУ 528.
Этот фельетон, за который Амфитеатрова выбросили в Сибирь – М 94.
Это что 42 дм. мортиры: разве они могут сопротивляться красноречию Керенского – ПЛ 41.
Это что-нибудь позорное? (мама) – М 298.
– Это что часы-то? Остановились? – САХ 16.
Эту ночь мне представилась странная мысль – ПЛ 252.

Юдаизм – столько же в Субботе, сколько и в обрезании – КНУ 567.

Я – АНВ 374.
Яблоновский подражает Амфитеатрову – САХ 120.
Я бы мог примириться с интеллигенцией, если бы она, зажав хвост между ног – М 234.
Я бы не написал этих слов о «старенькая церковь – славные напевы», если бы не – ПЛ 177.
Я Василия Михайловича (Скворцова) спрашивал – САХ 158.
Я введу эту мистерию – АНВ 374.
Я – великий методист. Мне нужен метод души, а не ее (ума) убеждения – САХ 26.
Я весь вылился в литературу – ПЛ 102.
Я взволновался. У кухарки от 10 ф. телятины за обедом не осталось ни кусочка – ПЛ 52.
Я взглянул и вздрогнул – САХ 102.
Я восстановил, очистил и обновил половые фетиши Востока и древности – М 36.
Я всю жизнь прожил с людьми мне глубоко ненужными – ПЛ 53.
Я выбираю людей только для любви – М 191.
Я даже не помню, за 50 лет, где бы своя земля не проклиналась – САХ 206.
Я достиг, наконец, того, чтобы взять звезду в руки – АНВ 182.

Я думаю, что никакому решительно человеку не может прийти на ум – ПЛ 209.

«Я» есть «я», и это «я» никогда не станет «ты» – ПЛ 21.

Я знаю, что после моей смерти будут говорить хорошо обо мне – КНУ 299.

Язычество и христианство – АНВ 378.

Я «издаю свою душу», как Гершензон «издавал Пушкина» – М 263.

...яко в век милости его – АНВ 378.

Я колеблюсь... Мерцают звезды – САХ 160.

Я лежу пьян, развратен; поднимает голову младший – КНУ 219.

Я люблю, стоя в церкви, наблюдать за соотношениями – ПЛ 101.

Я много смеялся (в душе над врагами) и много одержал побед (литературных) – М 291.

Я мог бы любить литературы не как выражение России – САХ 243.

Я написал 1000 статей о браке – М 119.

Я не «блудный сын» Божий. Во мне нет буйства – САХ 166.

Я не виню своих милых друзей (которые в самом деле друзья – ПЛ 198.

Я несбыточный – М 300.

«Я несчастна. Я так несчастна, что несчастнее меня на свете никого нет – САХ 76.

Я не хотел бы читателя, который меня «уважает» – ПЛ 19.

Я не хочу зимы в христианстве – АНВ 377.

Я отрастил у христианства соски – САХ 39.

Я отыскал Астарту в Израиле. Это – их миква – ПЛ 37.

– Я, папася, хочу быть Александром Македонским – ПЛ 153.

Я понимаю, что я должен повиноваться божественным законам – КНУ 255.

– Я предпочла бы жить среди каторжников, чем среди их (о еврейских банкирах) – САХ 76.

Я пристал к мамочке, как проститутка к Мадонне – ПЛ 239.

Я раб, взбунтовавшийся против своего господина – КНУ 471.

Я работал, как собака в конуре: беги к телефону, лай в ответ – ПЛ 247.

Я рад, потому что это от Государя; не тому, что это хорошо или дурно – САХ 64.

Я раскутываю сердце их Герцена, их Чернышевских: холодное, хвастливое – САХ 126.

Ярко солнышко встало. Ярче кровь заблистала – ПЛ 251.

Я сам довольно грамотен, и грамотные люди мне совсем не нужны – КНУ 448.

Я сам призвал мошкару и в ней задыхаюсь – КНУ 494.

Я свинья и бреду «куда нравится» без всякого согласования с нравственностью – САХ 221.

Я себя считаю («себе кажется») самым богатым лицом XIX в. – САХ 108.

Ясно, что, если бы Песнь Песней не была отвратительно – САХ 159.

Я соглашаюсь, что они «развращенные люди», – притом «еретики» – М 198.

– Я счастлива... (1-ый выезд из клиники. Матовое лицо – САХ 28.

Я теперь радуюсь каждому жидку – АНВ 178.

Я уцепился за тебя, Б., как муравей за крылья орла – КНУ 400.

Я хотел сказать, что христианин полом не центрально живет, а еврей живет им – ПЛ 62.

Составитель *Т. В. Савина*

СПИСОК ТОМОВ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. В. РОЗАНОВА

Т. 1–30

Собрание сочинений В. В. Розанова. М.; СПб. 1994–2010. Т. 1–30.

[Т. 1]: **Среди художников:** Итальянские впечатления. – Среди художников / Предисл. А. Н. Николюкина. М., 1994;

[Т. 2]: **Мимолетное:** Мимолетное. 1915 год. – Черный огонь. 1917 год. – Апокалипсис нашего времени. М., 1994;

[Т. 3]: **В темных религиозных лучах:** Русская церковь и другие статьи. – В темных религиозных лучах / Послесл. А. Н. Николюкина. М., 1994;

[Т. 4]: **О писательстве и писателях.** М., 1995;

[Т. 5]: **Около церковных стен.** М., 1995;

[Т. 6]: **В мире неясного и нерешенного:** В мире неясного и нерешенного. – Из восточных мотивов. М., 1995;

[Т. 7]: **Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского:** Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. – Литературные очерки. – О писательстве и писателях. М., 1996;

[Т. 8]: **Когда начальство ушло...:** Когда начальство ушло... 1905–1906 гг. – Мимолетное. 1914 год / Послесл. С. Р. Федякина. М., 1997;

[Т. 9]: **Сахарна:** Сахарна. – Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови / Послесл. А. Н. Николюкина. М., 1998;

[Т. 10]: **Во дворе язычников.** М., 1999;

[Т. 11]: **Последние листья:** Последние листья. 1916 год. – Последние листья. 1917 год. – Война 1914 года и русское возрождение. М., 2000;

[Т. 12]: **Апокалипсис нашего времени:** Вып. № 1–10. – Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые. М., 2000;

[Т. 13]: **Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев:** Переписка В. В. Розанова с Н. Н. Страховым. Переписка В. В. Розанова с К. Н. Леонтьевым. М., 2001:

[Т. 14]: **Возрождающийся Египет:** Возрождающийся Египет. – Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы). – Малые произведения 1909–1914 гг. / Послесл. С. Р. Федякина. М., 2002;

[Т. 15]: **Русская государственность и общество:** Статьи 1906–1907 гг. М., 2003;

[Т. 16]: **Около народной души:** Статьи 1906–1908 гг. / Послесл. В. В. Аверьянова. М., 2003;

[Т. 17]: **В нашей смуте:** Статьи 1908 г. – Письма к Э. Ф. Голлербаху. М., 2004;

[Т. 18]: **Семейный вопрос в России:** Т. I–II. Материалы для III тома. М., 2004;

[Т. 19]: **Старая и молодая Россия:** Статьи и очерки 1909 г. М., 2004;

[Т. 20]: **Загадки русской провокации:** Статьи и очерки 1910 г. М., 2005;

[Т. 21]: **Террор против русского национализма:** Статьи и очерки 1911 г. М., 2005;

[Т. 22]: **Признаки времени:** Статьи и очерки 1912 г. – Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. – Письма В. В. Розанова к А. С. Суворину. М., 2006;

[Т. 23]: **На фундаменте прошлого:** Статьи и очерки 1913–1915 гг. М.; СПб., 2007;

[Т. 24]: **В чаду войны:** Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.; СПб., 2008;

[Т. 25]: **Природа и история:** Природа и история. – Статьи и очерки 1904–1905 гг. М.; СПб., 2008;

[Т. 26]: **Религия и культура:** Религия и культура. – Статьи и очерки 1902–1903 гг. М.; СПб., 2008;

[Т. 27]: **Юдаизм:** Юдаизм. – Статьи и очерки 1898–1901 гг. М.; СПб., 2009;

[Т. 28]: **Эстетическое понимание истории:** Эстетическое понимание истории. Статьи и очерки 1889–1897 гг. – Сумерки просвещения. М.; СПб., 2009;

[Т. 29]: **Литературные изгнанники. П. А. Флоренский. С. А. Рачинский. Ю. Н. Говоруха-Отрок. В. А. Мордвинова. Книга 2.** М.; СПб., 2010;

[Т. 30]: **Листва:** Уединенное. – Опавшие листья. – Указатели. М.; СПб., 2010.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. РОЗАНОВА В СОБРАНИИ СОЧИНЕНИЙ. Т. 1–30*

Я.В.Абрамов. Два великих француза; благодетель человечества Луи Пастер и апостол образования Жан Масэ – 28, 817

Автобиография В.В.Розанова (Письмо В.В.Розанова к Я.Н.Колубовскому) – 27, 273

«Автономный» духовный суд и наши маленькие дела – 15, 210

Автопортрет Вл. С. Соловьёва – 16, 385

Автопортрет Вл. С. Соловьёва. Церковные занятия его и его личность – 16, 392

Автор «Балаганчика» о петербургских Религиозно-философских собраниях – 4, 262

Ад и рай юности (К университетскому положению) – 21, 55

Административная деликатность – 26, 507

И. Айвазов. Баптизм – оружие германизации Германии. – Его же. Христовщина. Материал для исследования русских мистических сект – 24, 438

Академическое издание Кольцова – 19, 337

Академичность нашего суда – 17, 164

Актер – 1, 311

Активное выступление Государственного Совета – 15, 347

Алекс. Андр. Иванов и картина его «Явление Христа народу» – 1, 238

Александр Андреевич Иванов. 16 июля 1806 г. – 16 июля 1906 г. – 1, 447

Александр Платонович Барсуков – 23, 301

Александр Степанович Хомяков. К 50-летию со дня кончины его (23-го сентября 1860 г.— 23-го сентября 1910 г.) – 4, 456

<Александр III> – 28, 561

Альбом выставки в память Н.В.Гоголя и В.А.Жуковского – 26, 406

Американизм и американцы – 4, 164

Амфитеатров – 4, 434

Амфитеатров и Ропшин-Савинков – 4, 567

Анархия — 14, 288

Анатолий Федорович Кони (К 50-летию его общественной и государственной деятельности) – 23, 526

Ангел Иеговы у евреев (Истоки Израиля) – 14, 465

Английская книга о России и ее иудейские критики – 24, 180

Л. Андреев и его «Тьма» – 4, 255

С. А. Андреевский как критик – 26, 720

Андрюша Ющинский – 9, 300

Анкета об евреях Л.Андреева, Ф.Сологуба и М.Горького – 24, 115

*Учтены книги и статьи, а также первоначальные названия статей. Указывается том и страница (при первоначальных названиях страница комментариев, где указано это название). За основу взяты содержания всех томов. Всего 2967 названий.

Анна Павловна Философова – 19, 55
Анна Павловна Философова (К 50-летию ее общественной деятельности) – 21, 88
Антисемитизм – антииезуитизм – 27, 263
Апокалипсис нашего времени – 2, 411
Апокалипсис нашего времени. Выпуски № 1-10. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые – 12, 3
Апокалипсическая секта (Хлысты и скопцы) – 14, 323
Апокалиптика русской литературы – 4, 679
Апокрифический спор в «благословляемых к печатанию» церковных книгах. Евг. Быханова – 5, 271
Апрельская книжка – 20, 117
Арифметика великой эпохи – 26, 323
Армия и парламент – 15, 388
«Армия спасения» на русский лад – 26, 762
Армяне-москвичи – 22, 46
С.Д.Арсеньев. Рассказы из русской истории – 27, 604
Археология древних миниатюр – 1, 229
Архиепископ Никанор. Из истории ученого монашества – 26, 228
Архимандрит Антонин. Книга пророка Варуха – 26, 344
Архимандрит Михаил – 15, 245
Аскоченский и архим. Феод. Бухарев – 5, 241
Атеизм «с разрешения начальства» – 22, 99
Атлантида – была – 10, 423
Аутопортрет К.П.Победоносцева – 16, 273
Афоризмы и наблюдения – 28, 701
Афродизианская красота – 6, 413; 14, 79
Афродита – Диана – 10, 68
Афродита и Гермес – 10, 398
«Афродита Книдская» и египтянка – 6, 407; 14, 73
Ахиллесова пята средней школы – 27, 175
«Бабы» Малявина – 1, 212
Балет рук (Сиамцы в Петербурге) – 1, 177
Н.И.Барсов. Несколько исследований исторических и рассуждений о вопросах современных – 27, 141
Ник. Ник. Бахметев (Некролог) – 19, 108
Бегство из духовного сословия – 25, 399
Бедные наши дети – 22, 133
Бедные провинциалы... – 4, 443
Бедствие деревенской школы – 5, 512
А.Н.Бежецкий. Медвежьи углы. Повести и очерки – 27, 327
Без вины виноватые... – 19, 67
Без надежды на замужество – 18, 609
Без подпоры вечной (По поводу объяснений смерти сенатора Коваленского) – 19, 314
«Без цели и смысла...» (О самоубийствах) — 20, 86
Безгосударственная партия – 15, 480
«Бездомный порох» в нашем отечестве – 24, 200
«Безмездный труд» на казенной ниве — 24, 237
Безнадежное и безнадежные – 15, 14
Безработная учебная республика – 15, 383
В.Г.Белинский (К 100-летию дня рождения) – 4, 501
Белинский и Достоевский – 4, 592
Белое христианство – 16, 99; 25, 559
Белоруссия, Литва и Польша в окраинном вопросе России – 19, 291
Белые невольницы Н.Андреева – 18, 600
Эд. Бёмэ. Воспитание сына. Педагогические письма к молодой матери – 27, 121
Бенефис великорусского оркестра – 24, 495
<И.С.Бердников (Некролог)> – 23, 538
Бердяев о молодом московском славянофильстве – 24, 33
Бердяев о религиозных исканиях Д.С.Мережковского – 7, 625

Берегите Западную Русь – 15, 209
Бермамут – 16, 333
Бес – 14, 259
Бесплодные попытки – 27, 423
Бесполезные архаизмы – 5, 512
Беспочвенность русской школы – 28, 806
Беспризорные дети на говенье – 24, 160
Бесприютность молодежи – 20, 106
Бессмертные вопросы. – Гатчинского Отшельника – 6, 140
Бесчеловечная раса – 24, 194
Библейская поэзия – 14, 441
Библейская флора... – Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева... – Н.Г.Высоцкий. Первый скопческий процесс – 23, 522
Библиографическая заметка <«Ежемесячные Сочинения» И.И. Ясинского> – 27, 484
Библиография <«Религия и культура»> – 26, 227
Библиография <Сумерки просвещения> – 28, 816
Библиотека А.В. Петрова. Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого – 1, 401
Библиотека всемирной литературы. Европейские классики – 22, 182
Благовидов и его книга «Обер-прокуроры Св.Синода в XVIII и первой половине XIX столетия» – 5, 146
Благой старец о посте и об облегчениях в нем – 5, 301
Блез Паскаль. Мысли (о религии) – 27, 267
Ближайшие задачи учебного ведомства – 17, 52
Блондины и брюнеты... – 20, 56
Бляха № 101 – 21, 321
Богатый и убогий – 21, 53
М.Н. Богданов. Из жизни русской природы. Зоологические очерки и рассказы – 27, 742
Богословие – 22, 9
Богословие в 1915 г. – 24, 36
Богоспасаемый городок – 27, 645
Богоумилительное «буль-буль-буль» – 15, 344
Бойкот – 15, 40
Болезни без лечения – 18, 535
Болезни и чаяния славянского мира – 26, 246
Больницы и общество в уходе за больными – 26, 321
Больное общество – 15, 230
Большая власть – 15, 129
Большая и малая техника – 26, 423
Большая охота за маленьким зверем – 27, 556
Большие евреи и маленькие еврейчики – 27, 697
С.Д. Бондарь. Секта менонитов в России в связи с историей немецкой колонизации в России – 24, 330
А.Л. Боровиковский о браке и разводе – 26, 447
«Бородатые Венеры» древности – 3, 253
Брак и христианство (Из переписки с православными священниками) – 6, 107
Брак или разврат? По поводу статей г. Розанова... Протоиерея Александра Дернова – 18, 395
Брак или сожительство? А.Киреева – 18, 472
Брак – как религия и жизнь. – Иосифа Колышко – 6, 82
Брак с точки зрения газетной философии. Из «Церковного Вестника» – 18, 328
Будущее Кассы взаимопомощи литераторов – 19, 259
Будьте справедливы – 8, 33
Будьте храбрее, господа... – 21, 173
Бумага и действительность – 28, 526
Бутон – 14, 182
Э.Бутру. В защиту идеалов разума – 27, 375
Был ли жесток М.Н.Муравьев-Виленский? – 28, 483

Был ли И.Христос евреем по племени? – 16, 60
Бюджет министерства народного просвещения – 26, 712

В безвыходной печали – 21, 294
В Берлине – 20, 258
В Бологом – 21, 38
В великом терпении – 15, 116
В «вечер» Бейлиса – 9, 331
В военном лагере римлян -20, 285
В Гос. Думе – о семье и разводе – 24, 131
В государственной думе 19-го июля. – 23, 489
В домике Гёте – 4, 448
В духовно-училищном мире – 21, 49
В духовном мире – 19, 225
В духовных семинариях – 15, 448
В интеллигентном угаре – 23, 569
В июльские дни. Как нарушилась «суббота» и что из этого вышло – 5, 308
В июньской жаре – 24, 266
В католической Германии – 1, 134
В Кисловодске – 16, 329
В Кисловодском парке – 7, 313
В Cristlische Hospice – 20, 254
В лаге опростоволосившихся – 19, 50
«В литературе есть произвольная сторона...» – 22, 370
В литературной прачечной... – 20, 196
В литературных перспективах – 23, 550
В междудумье – 17, 212
В министерстве народного просвещения – 17, 39; 25, 514
В мире любви, застенчивости и страха – 19, 203
В мире неясного и нерешенного – 6, 5
В музеях Ватикана – 1, 52
В настроениях дня – 8, 131
В нашей смуте – 17, 247
В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф.Голлербаху – 17, 3
В нашем милом обществе – 24, 381
В нашем учебном мире – 23, 206
В нашем училищном мире – 23, 110
В наши тревожные дни – 2, 356
В новолетие 1915 года – 23, 417
В Новом летнем театре – 16, 319
В ночь перед Рождеством – 15, 236
В ожидании Соборов Русской Церкви – 15, 437
В пасхальную ночь 1906 года – 8, 80
В первый день новой парламентской сессии – 15, 296
В печали и страхе – 3, 191
В поисках за трудом и просвещением – 18, 627
В полусвете ученых кафедр – 23, 139
В помощь болящему населению – 16, 360
В преддверии 1914 года – 14, 485
В предрождественскую ночь – 15, 234
В «Религиозно-философских собраниях» в С.-Петербурге. 1902-1903 гг. – 5, 470
В Религиозно-философском обществе – 19, 38; 22, 55
В Религиозно-философском обществе... (Письмо в редакцию) – 9, 325
<В Религиозно-философском обществе> – 16, 407
В родном гнезде – 20, 113
«В руды и руды» Востока – 14, 124
В русских потемках – 20, 347
В русском подполье — 8, 163
В Сахарне – 9, 40
В своем углу (О прочитанном) – 29, 743
В своем углу. От автора – 26, 509
В своем углу (Среди догадок и страхов) – 29, 743
В совете рабочих и солдатских депутатов – 2, 342
В соседстве Содома (Истоки Израиля) – 14, 457
В сочельник 19, 421
В Таврическом дворце – 8, 96
В театральном мире (К гастролям московского Художественного театра в Петербурге) – 20, 168
В театре «Deutsche Kunst» – 20, 248

В темном и несчастном сословии (К делу свящ. Г.С.Петрова) – 15, 256
В темных религиозных лучах – 3, 93
В тумане будущего – 24, 496
В тяжелый час истории – 8, 30
В училищном доме императора Александра II – 25, 275
В училищном мире – 17, 322
В чаду войны – 24, 5
В чаду войны. Статьи и очерки 1916-1918 гг. – 24, 3
В чаяниях «движения воды» – 25, 351
В чем главный недостаток «наследства 60-70-х годов»? – 7, 168
В чем дело? (Ответ В.В.Розанову) А-та – 18, 347
В чем разница древнего и нового миров – 10, 231
В чем скрыта метафизика христианства – 5, 492
Важная забота церкви – 18, 287
Важная комиссия – 27, 330
Важное слово сказано – 27, 656
Важные труды о Хомякове – 24, 398
Важный исторический вопрос – 9, 293
Важный исторический труд – 23, 160
Варвара Александровна Рачинская (Некролог) – 20, 185
Введение детей в семью – 18, 653
Д.И. Введенский... Патриарх Иосиф в Египте – 23, 465
Ввиду слухов – 19, 138
Вдохновляющая старина – 23, 296
Вега. Апокрифические сказания о Христе – 22, 130
Вековая бездейственность русской профессуры – 21, 207
Вековая годовщина (30 мая 1811 — 30 мая 1911) – 4, 508
Вековые причины пьянства – 17, 64
Великий день нашей истории. 19 февраля 1861 г. – 19 февраля 1911 г. – 21, 33
Великий мир сердца (Нечто о Л.Н.Толстом) – 4, 312
Великий наставник юношества – 23, 149
Великие начинания в Москве – 19, 75
Великороссия и Украина на киевских съездах 25 марта – 6 апреля – 24, 514
Великорусский оркестр В.В.Андреева – 1, 391
Величайшая минута истории – 6, 340; 14, 8
Венеция – 1, 115
Венок на могилу Засодимского – 22, 103
Вера без церкви или Церковь без веры? Исповедание духовного христианина. Бориса В-ва. С примечаниями В.Розанова – 5, 315
Вероисповедный вопрос в Гос. Думе – 21, 315
Вероисповедный вопрос в России – 19, 167
Весеннее и осеннее древонасаждение – 5, 82
Вести из учебного мира – 15, 205
«Вестник Археологии и Истории» – 27, 128
Евг. Ветнек (сост.). Краткий очерк мифологии греков и римлян – 28, 609
«Ветхие» тезисы и «новые» антитезисы – 5, 495
Ветхий Завет о супружестве и 50-й псалом царя Давида. – Письма священника А. У-ского – 6, 196
Вечерком – 20, 449
Вечная жизнь. Вечные хлебы. Вечная вода – 14, 274
Вечная память <Н.Н.Страхов, Ю.Н.Говоруха-Отрок> – 7, 663
Вечная тема – 10, 359
«Вечно печальная дуэль» (М.Ю.Лермонтов) – 7, 287
Вечное «афродизианство» – 14, 180
Вечное обновление и вечная старость (К переработке гимназических программ) – 20, 329
Вечное Преображение – 23, 189
«Вечноженственное» египтян – 14, 182

Вечные памятки (Ал. Ал-на Винницкая и Н.Г.Граммати) – 23, 294
Взгляд одного попечителя округа на министерство просвещения – 23, 26
Виардо и Тургенев – 4, 437
Виды на будущее в «В.П.И.» – 15, 62
Виды на будущее в Г.Думе – 15, 283
Виляй-оратор (Маклаков об университетах) – 22, 48
Витте и Победоносцев (К недавнему юбилею гр. С.Ю.Витте) – 20, 206
Вкус и запах — 14, 233
Владимир Соловьёв. Стихотворения – 7, 622
Влияние формы заключения брака на нравы – 15, 259
Вместо заключения – 8, 190
Вместо послесловия – 3, 427
Вне совести и Бога – 18, 76
«Внебрачные дети» – contradictio in adjecto – 18, 573
«Внеканонические», а не «внебрачные» – 18, 571
Внешние и внутренние отношения церкви – 15, 264
Вниманию кого следует – 21, 67
Вниманию «Трудовой группы» – 8, 160
Внутри ограды церковной – 5, 442
Во дворе язычников – 10, 3
Водка, пиво, вина – 23, 371
Военно-Грузинская дорога – 7, 326
Военные и штатские врачи – 26, 389
Возврат к Пушкину (К 75-летию со дня его кончины) – 1, 371
Возвращение к науке – 15, 160
Воздуха и света... (К вопросу церковного преобразования) – 22, 124
Воздыханцы – 5,446
Возле «русской идеи»... – 1, 344
Возле хлебов – 23, 87
Возможная пионерка – 18, 626
Возможные злоупотребления при разводе – 19, 253
Возможный «гегемон» Европы – 1, 149
Возмутительное дело – 15, 481
Вознаграждение ученой и учительской службы – 26, 356
Возражение г. К.Арсеньеву – 9, 329
Возрождение России – 24, 7
Возражение «России» – 20, 189
Возрасты и школа – 10, 105
Возрасты любви – 10, 130
Возрождение – 10, 355
Война и политическое творчество – 8, 25
Война как великое воспитание – 11, 266
Война 1914 года и русское возрождение – 11, 253
Волжский. Из мира литературных исканий – 16, 44
М.Волкова, женщина-врач. Беседы о здоровье женщин – 26, 406
Волнующие вопросы – 10, 321
Волнующий вопрос – 10, 433
Волокита с денежными выдачами вдовам убитых воинов – 15, 21
А.Л. Волынский. «Ф.М. Достоевский. Критические статьи» – 19, 275
Волшебная трость – 14, 106
Вольнослушатели в высших технических училищах – 26, 435
Вопрос о происхождении организмов – 25, 12
Вопрос о силе среди бессилия – 26, 696
Вопросы русского труда (Опыт ответа преосвященному Никону) – 19, 100
Вопросы семьи и воспитания (По поводу двух новых брошюр г-жи Н. Жаринцевой) – 16, 50
Вопросы церкви в Г.Думе – 17, 66
Вопросы церковной живописи – 1, 185
18 февраля – 25, 498
«Воскресение» в истории человечества – 20, 137
Воскресение Христа – воскресение народов – 23, 62
Воскресшие покойники – 15, 92
Воспитательная и хозяйственная роль женщины – 18, 625
<Воспитательная школа> – 28, 490

Воспитательное значение танцев Айс.-Дункан – 1, 419
Воспитательные уроки в Г.Думе – 17, 31
Воспитываются ли семинаристы? – 15, 445
Восстановление экзаменов в гимназиях – 17, 76
Восток – 10, 125
80-летие рождения гр. Л.Н.Толстого – 4, 296
«Впереди себя гибели не видишь»... (О гибели детей Нобеля) – 21, 129
Впечатления мирянина. «Торжество православия» в служении Антиохийского Патриарха – 23, 30
Врач или больной? – 23, 379
Врачебный надзор в женских училищах – 17, 305
Врачи – «психиатры» в качестве самовольных тюремщиков – 22, 168
Вредный антагонизм – 26, 477
Временные правила о студенческих орагнизациях – 27, 761
«Все горе вылил на бумаге» (Письма крестьянина о войне и немцах) – 23, 386
Все еще не улаженный вопрос – 25, 391
Все «те же», вечно «те же»... – 23, 490
Всемирная скука – 8, 11
Всемирные дни России – 15, 301
Всероссийский издательский фонд учителей и учительниц – 27, 649
Встречи парламента – 15, 303
Встреча праздника – 17, 332
Второй ответ А.Кирееву – 18, 519
Второе письмо А.Лютецкого – 6, 185
Вчера и завтра – 15, 102
Выборные епископы в русской церкви – 15, 202
Выздоравливающая Россия – 23, 396
Вынос кумиров – 3, 80; 5, 406
Высокие и низкие температуры в стране – 29, 734
Высочайшее повеление Св. Синоду – 25, 550
Выставка исторических русских портретов в залах Таврического дворца – 29, 735
«Высший авторитет» и дети (Письмо о свободной семье) – 16, 237
Выучка и воспитание – 26, 395
Выцветающая живопись – 1, 46
Вячеслав Сильвестрович Россоловский (Некролог) – 16, 287

Галерея портретов русских писателей г.Пахоменко. Очерк – 20, 158
Гамлет в роли администратора – 8, 70
«Ганнеле» Гауптмана – 1, 200
«Гармония семьи и школы» – 26, 342
Где «болото», там и «черти»... (К делу Ольги Штейн) – 20, 51
Где же границы апокрифичности? – 5, 273
«Где бы помолиться?» – 23, 284
Где было хорошо на Новый год? – 5, 191
Где же границы апокрифичности? – 5, 273
Где же покой Толстому? – 20, 393
Где же «религия молодости»? (По поводу выставки картин М.В.Нестерова) – 1, 246
Где же «соборяне»? – 25, 471
Где и как основывать университеты – 15, 222
Где истинный источник «Борьбы века»? – 26, 108
Где «культура» русская – 21, 278
Где скрыто зло старых экзаменов – 17, 78
Где узел «возможного» или «невозможного» церковного обновления – 15, 366
Гений и шаблон – 26, 426
Гений формы (К 100-летию со дня рождения Гоголя) – 4, 345
Георгий Властов. Священная летопись – 27, 126
Германская наука и русские ученые кафедры – 24, 435

Германский «renaissance» – 27, 748
Героическая личность – 4, 428
Герцен – 4, 523
Г-жа Лухманова о проституции – 26, 780
Г-жа Милюкова о съезде по борьбе с проституцией – 20, 179
И.П.Гиляров-Платонов. Сборник сочинений – 27, 193
Главное лицо в школе – 26, 336
Б.И.Гладков. Евангельская история – 22, 238
Н.Н.Глубоковский. Высокопреосвященный Смарагд – 23, 334
Г-н Н.Я.Абрамович об «Улице современной литературы» – 4, 630
Гимназии казенные и частные (Маленькая философия о государстве и обществе) – 21, 261
Г-н Игорь Грабарь и Третьяковская галерея – 24, 69
Гнусный промысел Н. Лендера – 18, 599
Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах – 29, 606
Гоголевские дни в Москве – 1, 295
Гоголь – 4, 119
Гоголь и его значение для театра – 1, 298
Гоголь и Петрарка – 4, 658
С.Ф.Годлевский. Смерть Неволина и его скитания по Сибири – 27, 568
Годовщина В.О.Ключевского – 22, 100
Годовщина смерти Золя – 26, 682
<Годовщина смерти Н.Н.Страхова и Ю.Н.Говорухи-Отрока> – 28, 559
Голгофа и крест – 3, 184
<Голод> – 29, 773
Голос малоросса о немалороссах – 23, 226
Голос правды – 2, 400
Голос священника – 23, 42
Голос церкви – 15, 34
Голоса из провинции о миссионерстве – 5, 107
Голоса народные о водке, вине и пиве – 24, 18
Гордиев узел – 28, 393
Горе и дремота, дремота и горе – 24, 197
«Горе от ума» – 7, 318
В.Горленко. Отблески. Заметки по словесности и искусству – 29, 739
Город и школа – 28, 784
Городское профессиональное образование – 26, 609
М.Горький и о чем у него «есть сомнения», а в чем он «глубоко убежден» – 4, 619
Государственная Дума – 15, 66
Государственное участие в высшем женском образовании – 15, 60
Государственны ли русские (Ответ г. Философову) – 22, 193
Государственный механизм и качества чиновника – 27, 376
Государство и общество – 8, 38
Государство и церковь во взаимной автономии – 25, 557
Государь и Государственная Дума – 15, 63
Гр. Андри де-Кастри. Ислам и христианство в эпоху завоеваний и владычества арабов – 23, 529
Гр. Л.Н.Толстой – 4, 27
Градоправители – 27, 149
Границы закона – 28, 801
Границы нашей эры – 18, 53
Границы парламентаризма и партий – 15, 285
Т.Н.Грановский (К 50-летию его кончины) – 25, 637
Гретхен и Фауст – 28, 210
Грех – 16, 347
Греческому ли языку учиться или подражать грекам – 27, 271
С. Григоровский. О разводе – 21, 292
Груди, кормление «на том свете» – 14, 175
Гугеноты – «освободители» – 15, 141
Густая книга – 4, 576

И.А.Данилов. В тихой пристани. – В морозную ночь. – Поездка на богомолье – 26, 233; 27, 142

Данные к решению вопроса о бракоразводном процессе – 18, 551
Дармоеды или не дармоеды? – 15, 70
Дарование автономии духовным академиям – 25, 679
Дары Цереры (Шехина) – 10, 254
<Дать школе учителя> – 27, 136
Два вида «правительства» – 4, 20
Два года – 24, 311
Два исхода – 7, 185
Два метода службы – 26, 375
Два обыска в один в один день – 17, 98
Два письма: 1) об образовании духовенства. 2) о византизме в России – 5, 189
Два почти анекдота – 16, 229
Два «представительства» – 20, 132
Два ряда выводов. Моим оппонентам, гг. Мирянину, Шарапову и Аксакову – 6, 284
Два слова в защиту Достоевского как человека – 16, 25
Два слова о мундире учителей – 27, 627
Два стана – 5, 214
Два съезда – 15, 399
Два типа образования – 28, 810
9 сентября 1896 года в Петербурге – 28, 482
25-летие кончины Некрасова (27 декабря 1877 г. – 27 декабря 1902 г.) – 4, 108
25-летний юбилей газеты «Дальний Восток» – 24, 481
28 января 1881-1901 г. (о Ф.М.Достоевском) – 5, 130
Две гаммы человеческих чувств – 28, 480
Две величины, равные порознь третьей, равны между собою – 24, 155
Две философии (Критическая заметка) – 25, 149
200 лет «делопроизводства» (В.К.Саблер прежде, теперь и в будущем) – 21, 122
Движение в русско-польском католицизме – 15, 33
Двое Безпятовых, критик и беллетрист – 23, 326
Двуликие янусы – 27, 465
Двухсотая годовщина Полтавского боя – 19, 213
Дед – 2, 426; 12, 18
В.Л.Дедлов. Панорама Сибири – 27, 418
Декаденты – 7, 410
Декларация Милюкова — 29, 812
Де-Ласси и Панченко – 20, 191
Делающие и неделающие в университете – 17, 235
Дело Елены Борчановской – 18, 171
Демократизация живописи – 26, 104
«Демон» Лермонтова в окружении древних мифов – 10, 187
«Демон» Лермонтова и его древние родичи – 4, 95
День Рождества Христова – 15, 486
Департаментские немцы – 11, 308
Депутация Московской духовной академии в Петербурге – 25, 656
Деревенский провинциал из Биарица – 27, 715
Десятилетие кончины Ф.Э.Ромера (8 августа 1901 г. — 8 августа 1911 г.) – 21, 181
<10-е Религиозно-философское собрание> – 26, 301
Деталь египетского рисунка – 14, 261
«Дети Диавола и их проповедь свободы» – 3, 166
Дети дома и в гимназии – 27, 563
Дети египетские – 6, 420; 14, 86
Дети и «дети». По формуле: Audiatur et altera pars A-ta – 18, 333
Дети и монахи в садах Боргезе – 1, 40
Дети офицеров и солдат – 18, 655
Дети при возможном разводе – 18, 103
Дети Солнца... как они были прекрасны!.. – 18, 659
Децентрализация учебных заведений – 26, 480
Диалог – 18, 273
Диметра и миф Эдипа – 14, 256

Дисциплина в дворянстве – 27, 325
Дневник туриста – 20, 235, 244
Доброе начинание – 20, 431
Доброе слово в защиту крестьянки – 26, 778
Доброе старое время... 27, 248
Добрый почин священника – 26, 754
Доктор в учебных заведениях – 27, 752
Доктора и пациенты – 27, 681
Долина М.И. – см. Мар.Ив. Долина
Домик Лермонтова в Пятигорске – 4, 272
Домик Пушкина в Москве – 1, 342
Домострой – 2, 465; 12, 56
Дон Кихот в Народном доме – 23, 286
Донателло. Н.Горбова – 22, 86
Дорогая книжная новинка – 23, 454
Дорого ли отечество оценивает «честь» своих граждан? – 26, 739
Достоевский для детей школьного возраста. Сборник сост. А.В.Кругловым – 28, 819
Ф.М.Достоевский (Критико-библиографический очерк) – 7, 655
«Драгоценные черты» церковных школ грамоты К.Гре-ва – 5, 93
Древнее «печалование» – 25, 518
Древность и христианство – 2, 465; 12, 56
Дрезденская Мадонна – 1, 436
«Друг великого человека» – 21, 115
«Друг семьи». Мать воспитательница... – 27, 449
Дружба народов – 20, 48
Дружные усилия – 25, 410
Думские идеологи – 15, 405
Думские перепевы в печати – 15, 166
Думы и впечатления <О гениях> – 27, 420
Думы и впечатления <О кладбищах> – 27, 442
Думы и впечатления <О мире и войне> – 27, 412
Думы и впечатления <О трагедии> – 27, 410
Дункан и ее танцы (13 января 1913 г. в Малом театре) – 1, 388
О.Д.Дурново. Так говорил Христос – 22, 202
Дух – веяние – закон в Церкви – 5, 491
Духоборческие скитания и К.П.Победоносцев – 16, 259
Духовенство в училищах – 5, 336
Духовенство на богослужении – 5, 339
Духовенство на выборах – 15, 46
Духовенство на народной службе – 24, 212
Духовенство, храм, миряне – 5, 180
Духовная школа – 16, 31
Духовно-церковные дела в их «новом курсе» – 17, 36

Евангелие вне церкви – 16, 46
Евангелие и ап.Павел о супружестве. – Письмо священника А.У-ского – 6, 202
Евгений Иванов. В лесу и дома. Рассказы – 23, 405
Евины внучки – 18, 291
Евреи в жизни и в печати – 27, 406
Евреи в русской литературе – 22,94
Евреи и гимназия – 27, 968
Евреи и неевреи – 15, 84
Евреи и христиане. Очерк. – 20, 297
Евреи. – Св. Макарий Великий и две праведные женщины. – Воспоминания об А.С.Бухаревой. – Письмо священника А.У-ского – 6, 218
Евреи – ученики наших школ – 23, 218
Европа и евреи – 14, 475
Европа и «трефные христианские царства» – 14, 482
Европейская культура и наше к ней отношение – 7, 178
Европейская культура и наше отношение к ней – 7, 648
Египет – 10, 345; 14, 301
Египет и раб (и друг) его – 14, 231
Египет (6 августа 1918 г. Ночь) – 14, 291

Египетская Судьба, графически выраженная – 14, 220
Египетские таинства – 14, 205
Египетский загробный суд – 14, 150
Египетское солнце с руками – 14, 156
«Единое стадо» и неугомонный волк... – 20, 214
Единство или разделение? – 22, 109
Ежегодные 25 тысяч рублей на народную музыку – 23, 241
Ежедневность – 2. 429; 12, 21
<Екатерина II> – 28, 497
<Екатерина II и Петр Великий> – 28, 499
Екатеринославская помещица и Троицкий инок о нуждах русского народа – 5, 214
Епископ и семинарии – 17, 7
«Есть» и «нет» – 24, 540
Есть ли «всеобщие и безусловные принципы нравственности»? (К полемике кн. Е.Н.Трубецкого с Д.Д.Муретовым) – 24, 342
Есть ли «наука» в России? (К академическому «заявлению»...) – 21, 182
Есть ли у евреев «тайны»?.. (Ответ на заявление 400 раввинов) – 9, 281
Еще два слова о С.Ф.Шарапове – 21, 145
Еще доброе дело на Руси – 28, 458
Еще из наблюдений над природою Н. Энегельгардт – 18, 92
Еще из оценок и предвидений Ф.М.Достоевского – 24, 345
Еще из суждений о незаконнорожденности – 18, 496
Еще испорченный памятник – 20, 242
Еще миллионные убытки казны – 17, 301
Еще о врачах-психиатрах и лечебницах-тюрьмах – 22, 183
Еще о гр. Л.Н.Толстом и его учении о непротивлении злу – 4, 11
Еще о вечной теме – 27, 362
Еще о Вл. Серг. Соловьёве – 27, 521
Еще о внешнем положении печати – 27, 573
Еще о внутреннем и внешнем положении церкви – 15, 267
Еще «о двух точках зрения» – 10, 413
Еще о «демократе» Уитмене и Чуковском – 23, 519
Еще о коже человека – 14, 255
Еще о комитетах грамотности – 28, 341
Еще о критериуме семьи и брака – 18, 186
Еще о материальном обеспечении учителей – 17, 280
Еще о мозаичности и эклектизме в истории – 7, 201
Еще о московских славянофилах – 24, 366
Еще о «научном состоянии» России – 21, 190
Еще о нееврействе И.Христа – 16, 68
Еще о «незаконных» – 24, 485
Еще о неотложной нужде строить в Петербурге храмы (Письмо в редакцию) – 23, 290
Еще о неполучении теплых вещей, посылаемых в армию родными – 23, 400
Еще о неясности законодательного языка – 20, 187
Еще о новых языках в гимназии – 27, 692
Еще о «питии» – 23, 373
Еще о пожарах – 27, 670
Еще о «святых огоньках». Еврея-сиониста – 5, 239
Еще о separation de corps. Ю.Б-на – 18, 107
Еще о слове Божием в школе М.Лисицына – 5, 78
Еще о смерти Пушкина – 7, 426
Еще о стиле вещей – 19, 395
Еще о «сыне» в отношении «Отца» – 2, 450; 12, 41
Еще о терпимости в печати и политике – 17, 34
Еще о том же – 14, 201
Еще о «60-х годах» нашей истории – 26, 543

Еще об «Апостольских Постановлениях». Проф. А. Бронзова – 5, 275
Еще об «истинно русских людях» – 15, 217
Еще об иудейской тайне (Ответ г. Переферковичу) – 9, 283
Еще об опытах «экспериментальной педагогики» – 24, 263
Еще одно бурление – 24, 186
Еще памяти русского историка (0 С.М.Соловьёве) – 24, 217
Еще погребенный «социологами» (Из мартиролога русской революции) – 23, 262
Еще случай – 20, 303
Еще ученая утрата – 16, 382
Еще фрагменты о браке – 18, 604

Желтый человек в переделке – 5, 48
Желчные мысли в желтом журнале – 5, 171
Женские пансионы – 18, 637
Женские паспорты – 18, 533
Женский образованный труд в России – 26, 771
Женский педагогический институт – 26, 667
Женский сельскохозяйственный институт – 26, 531
Женский труд и образование – 18, 620
Женский университет в Москве – 15,57
Женское медицинское образование в России – 18, 631
Женское образовательное движение 60-х годов – 26, 91
Женщина как охранительница народного здоровья — 19, 20
Женщина перед великой задачею – 26, 166
Женщина-пылесос и ее лекции, в зале Тенишевского училища – 23, 172
Женщины и представительство – 8, 46
Жертвоприношения у древних евреев – 9, 351
Живая школа в церкви – 19, 24
Живой голос – 26, 808
Животное, просвещающее человека – 14, 152
Живые и мертвые – 5, 510
Живые штрихи – 15, 329
Жизненные трения в политике – 15, 69
Жизнь – 14, 284
Жизнь и счастье – 20, 428
Жизнь на подмостках – 1, 193; 1, 444

За кем идти? – 17, 242
За пастырем и овцы – 16, 225
За спиной открытия – 14, 315
За 1400 лет до Р.Х. – 14, 138
Заблудились в трех соснах – 20, 33
Забота о детях – 27, 374
Забытое возле Толстого – 4, 470
Забытое село – 5, 335
Забытые и ныне оправданные (Поминки по славянофилам) – 11, 269
Завершившийся опыт – 15, 440
Заветы быта и труда – 20, 40
Зависимость духа общества от духа школы – 22, 141
Загадки Гоголя – 4, 333
Загадки русской провокации – 20, 73
Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. – 20, 3
Загадочная любовь (Виардо и Тургенев) – 4, 536
Задача истории – 23, 470
Задачи организации средней школы – 23, 459
Задачи русской школы – 26, 651
Задумалась... – 24, 142
Заключение <«В темных религиозных лучах»> – 3, 234
Заключение <«Около церковных стен»> – 5, 502
Закон Божий в гимназиях – 5, 511
Закон Божий в училищах – 5, 71
Закон и брак (По поводу проекта нового Гражданского Уложения) – 26, 492
Закон о веротерпимости в его осуществлении – 15, 41

Закон о цензуре и администрация цензуры – 22, 249
<Закон об артелях> – 28, 543
Законные пожелания «единоверцев» – 25, 634
Законодательная помощь семье – 18, 23
Законодательный нигилизм – 24, 203
Законопроект о старообрядцах в Государственной Думе – 19, 148
Закржевский о Конст. Леонтьеве – 22, 174
Заметка <Внебрачные дети> – 27, 740
Заметка <Еще о Д.С.Мережковском> – 26, 572
Заметка <О несчастных случаях в поездах> – 26, 671
Заметка <О речи Николая II 17 января 1895 г.> – 28, 348
Заметка о важнейших течениях философской мысли в связи с нашей переводной литературой – 25, 702
Заметка о Мережковском – 7, 446
Заметка о Пушкине – 7, 420
Заметки на полях непрочитанной книги – 10, 136
Заметки на статью Рцы «Бессмертные вопросы» – 6, 436
Заметки о новом правописании – 2, 373
Заметки о Польше – 29, 724
Заметки об истории – 25, 241
Замечательная еврейская песнь – 27, 580
Замечательная статья – 10, 246; 26, 618
Занимательный вечер (Еще о сиамских танцовщицах) – 1, 187
<Западные губернии> – 28, 504
Записи, не вошедшие в основной текст «Сахарны» – 9, 243
Записка В.В.Розанова – 5, 517
Запоздалое горе... – 2, 406
Запоздалое судоговорение – 18, 31
Запрос в редакцию «Церковного Вестника» и «Ответ редакции» – 18, 170
Запутавшееся дело (К законопроекту о раздельном жительстве супругов) – 20, 389
Запущенный сад – 24. 530
Зачарованный лес – 6, 352; 14, 20
Зачем они звонят? – 2, 426; 12, 17
Звезды – 10, 421
Звериное число – 10, 237
Здоровье потомства как народно-государственная задача – 15, 360
Здоровье учеников – 27, 356
Зеленая веточка – 20, 23
Земский начальник или земский судья? – 27, 467
Земство и народные учителя – 26, 793
Земство перед новыми задачами – 15, 19
Земство перед судьями – 27, 169
Зимний праздник – 21, 326
Злое легкомыслие – 25, 307
Знание – 14, 281
Значение столичных выборов – 15, 51
Золотистая Венеция – 1, 115

«И не введи нас во искушение». Б.К.В.К. – 18, 595
И не пойду... – 19, 195
И шутя, и серьезно... – 4, 497
Ибсен и Пушкин – «Анджело» и «Бранд» – 1, 258
Иван Ляпунов – 27, 510
Иван Федорович Романов («Рцы»). Некролог – 23, 104
Иван Щеглов. Новое о Пушкине – 27, 729
Е.И.Игнатьев. Наука о Небе и Земле, общедоступно изложенная – 22, 75
Игра слов. В.Кривенко – 18, 579
Игры египтян – 14, 126
Идеалы скромных людей – 26, 469
Идейные споры Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова – 23, 163
Идея «мессианизма» (По поводу новой книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества») – 24, 245
Идея рационального естествознания – 28, 114
Идиллия, защищаемая А. Дерновым и А. Киреевым – 18, 479
Идиллия на вулкане – 24, 528

Идя в Государственную Думу – 23, 486
Из армии и возле армии – 11, 316
Из бесед на современные темы – 24, 377
Из быта египтян – 14, 125
Из воспоминаний и мыслей о К.П. Победоносцеве – 16, 91
Из воспоминаний и мыслей об Иоанне Кронштадтском – 7, 534
Из восточных мотивов – 6, 337 и 10, 177; 14, 292
Из «8-го дня творения». «Фантастические животные» – 14, 282
Из впечатлений дня – 21, 135
Из далека – 26, 657
Из дел нашей школы – 20, 278
Из «Дневников» кн. В.П.Мещерского – 18, 558
Из жизненных встреч (Памяти Железновой)- 21, 110
Из жизненных встреч. К.М. Фофанов – 4, 546
Из жизни – 19, 390
Из жизни, исканий и наблюдений студенчества – 29, 903
Из житейских воспоминаний – 27, 544
Из житейских встреч. К.М.Фофанов – 4, 546
Из житейских и литературных мелочей – 5, 522
Из-за деревьев не видим леса – 8, 611
Из-за чего сыр бор загорелся (О старокатоличестве) – 5, 65
Из загадок человеческой природы – 6, 21
Из закрытых писем – 18, 135
Из записной книжки русского писателя – 27, 281, 334
Из истории воспитания и умственных занятий † князя Олега Константиновича – 24, 50
Из истории журнальной полемики – 5, 217
Из истории и поэзии елки – 10, 279
Из истории «неудавшихся портретов» – 23, 356
Из какой необходимости произошли «таинства» в Церкви и «культ» ее – 5, 491
Из католического мира – 5, 369
Из книги, которая никогда не будет издана – 7, 635
Из «Книги мертвых» – 14, 144
Из книги «Черный огонь» – 29, 802
Из литературных впечатлений. В религиозно-философском обществе – 20, 230
Из мира идей и фактов – 28, 570
Из мира слепых – 24, 111
Из монастырского затвора – 15, 362
Из монастыря домой – 23, 98
Из мыслей зрителя – 1, 282
Из наблюдений «с мест» – 24, 467
Из нужных советов и писем – 23, 377
Из оклеветанной книги. Талмуд. Легенды о благочестивом Гиллеле и его равви Акибе – 5, 141
Из откликов печати и частных лиц – 18, 646
Из оценок русского народа. «Московские Ведом.» о русских идеалах, о правах русского народа, о принципах любви и закона – 5, 207
Из переписки С.А.Рачинского – 29, 856
Из переписки с N.N. – 26, 636
Из переписки свящ. И.Филевского – 26, 577
Из писем в редакцию «Нового Времени» о браке и разводе – 18, 490
Из писем другов и недругов – 26, 513
Из писем о материнстве и супружестве (1-21) – 6, 318
Из писем с войны – 23, 469
Из письма В.К.Петерсена. С замеч. В.Розанова- 6, 180
Из письма о «незаконнорожденности» - 18, 580
Из подробностей о Некрасове 24, 124
Из подробностей церковной жизни – 5,191
Из последних листьев – 24, 530, 537

Из последних страниц истории русской критики – 24, 254
Из предвидений Достоевского о германизме и борьбе с ним – 24, 268
Из припоминаний и мыслей А.С.Суворине – 22, 259
Из прошлого нашей литературы – 22, 195
Из прошлого нашей общественной мысли – 25, 451
Из разговоров и литературы на религиозные темы – 5, 512
Из «Риголетто» – 18, 452
Из седой древности – 6, 356; 14, 22
Из семейных нравов – 19, 199
Из современных газетных толков о христианском браке; по поводу статей г. Розанова. К.Сильченков – 18, 138
Из старых писем. Письма Влад.Серг.Соловьёва – 7, 462
Из старых портретов – 24, 72
Из судеб русской литературы и общественности – 23, 305
Из таинств Христовых – 2, 434; 12, 26
Из философии народной души (На возражение Н.А.Бердяева о «русском мессианизме») – 24, 312
Из частных писем – 18, 454
Из ялтинских нравов. Письмо – 18,479
Избегнутая ошибка – 20, 363
Избирательный ценз – 27, 710
Издание соч. Влад.С.Соловьёва – 26, 506
Излюбленные дела и принцип одушевления – 26, 280
Иллюстрация к историческому осуществлению принципов веры и
Свободы – 26, 828
Иллюстрированная история религий – 26, 236
Имеет ли право русский человек не пить? – 27, 309
Именины – 26, 501
Имущество, титулы и дети – 18, 337
«Иначе я поступить не мог» – 23, 406
Индивидуализация университетов – 26,445
Инородческие и вероисповедные вопросы – 25, 280
Инородческие языки в школе – 17, 210
Иностранные литературы в гимназиях – 27, 634
Инспектора рисовальных школ – 26, 440
Интеллигентные кооперации – 27, 395
Интересная книга – 23, 302
Интересное знакомство – 23, 309
Интересное чтение – 26, 286
Интересные книги, интересное время и интересные вопросы – 5, 29
Интересные размышления Скабичевского – 27, 614
Интересный законопроект – 27, 570
Интересный эпизод нашей умственной жизни – 5, 519
Иоанн Гус – 27, 742
Иоанна Златоуста – «Слово о ветхозаветных праздниках». С примечаниями В.Розанова – 5, 499
Иоанна Златоуста – «Слово о Синайском законодательстве и Завете Бога с Авраамом». С примечаниями В. Розанова – 5, 496
«Иоги» по губерниям и в Петрограде – 24, 257
Ипполит Тэн. Путешествие по Италии. Т. 1 – 1, 385
Ипполит Эврипида на Александринской сцене – 1, 202
Иродова легенда – 6, 40
Исконная форма русского труда – 27, 687
Искупительные «жертвы» в истории – 20, 134
Искупляющие страдания – 17, 90
Искушение в пустыне – 2, 439; 12, 31
Исповедание священника. Почему мы не входим в мирские радости? Свящ. - Н.Дроздова. С примечаниями В.Розанова – 5, 396
Испорченный человек (Возражение И.А. Энгельгардту) – 11, 311
Испуг и волнение евреев – 9, 304

Испуг парламентариев – 15, 357
Истинный «fin de siicle» – 6, 54
Историко-литературный род Киреевских – 22, 203
Историческая заслуга ведомства императрицы Марии – 22, 170
Историческая роль Столыпина – 21, 273
Исторические категории – 14, 244
Исторические очерки и рассказы С.Н.Шубинского – 16, 295
Исторические памятники – 27, 708
Исторический «гений» Франции – 20, 46
Исторический перелом – 8, 49
Историческое чувство и наша выборная система – 15, 430
История в Рязани – 18, 484
История обер-прокуроров или история церкви – 22, 31
История Халдеи – 10, 236
Источник расслабленного учения – 17, 55
Истязание больной – 18, 170
Истязание 17-летней Тимофеевой мужем и свекром – 18, 168
<Истязания русских солдат в Персии> – 29, 774
Исходный пункт в решении вопроса о бракоразводном процессе – 18, 553
Итальянские впечатления – 1, 17
Итоги двух партий – 17, 202
Иудеи и иезуиты – 14, 479
Иудеи и судьба христиан (Письмо к В.В.Розанову) – 9, 361
Иудейская тайнопись – 9, 276

К биографии и посмертной судьбе Ф.М.Достоевского – 16, 79
К большому портрету деликатного и содержательного лица – 14, 168
К борьбе с пожарами – 27, 693
К борьбе с удушливыми газами – 24, 157
К борьбе с эпидемией дерзости – 26, 760
К возобновлению занятий в средних учебных заведениях – 25, 652
К возобновлению Религиозно-философских собраний – 16, 402
К возрождению духовенства – 25, 521
К вопросу о вознаграждении запасных – 15, 36
К вопросу о епископах «бельцах» и монахах – 23, 321
К вопросу о «недвижимости» духовн. сословия – 24, 413
К вопросу о приходе – 25, 630
К вопросу о семейных учительницах – 26, 648
К вопросу о старообрядцах – 25, 474
К вопросу о характеристике гоголевского творчества – 7, 645
К всеобщему успокоению нервов... – 1, 340
К выработке законопроекта о печати – 17, 265
К выработке учебников – 26, 482
К выходу сочинений Аполлона Григорьева – 24, 105
К 20-летию кончины К.Н.Леонтьева (1891 — 12 ноября — 1911) – 4, 553
К 25-летию кончины Ив. Алекс. Гончарова (15 сентября 1891 — 15 сентября 1916 гг.) – 4, 647
К делу Мартьянова – 22, 235
К делу о разводе г-на Б. – 19, 258
К 10-летию Государственной Думы – 24, 177
К заботам о народном здоровье – 16, 230
К законопроекту о переходе из православия в инославие и иноверие – 19, 165
К законопроекту о разводе – 15, 270
К запросу в Св.Синоде преосвященного Назария – 22, 121
К запросу о Союзе русского народа – 19, 178
К изданию полного собрания сочинений К.Леонтьева – 22, 119
К исключению «1270» – 21, 168
К истории нового закона – 25, 396
К истории одного книгопродавческого разорения – 19, 247

К картине (большой) египетской семьи – 14, 169
К кончине высокопреосвященного митрополита Антония – 22, 233
К кончине премьер-министра – 21, 222
К кончине П.А.Столыпина – 21, 228
К кончине Пушкина (По поводу новой книги П.Е.Щеголева «Смерть Пушкина») – 4, 643
К кончине художника В.И.Сурикова – 24, 114
К лекции г. Вл.Соловьёва об Антихристе – 10, 100
К литературной деятельности Н.Н.Страхова – 26, 407
К мужскому портрету – 14 ,169
К началу учебных занятий – 17, 223; 19, 280
К нашей неразберихе – 2, 382
К нейтрализации ядовитых газов на войне – 24, 141
К несчастью с В.А. Обневским – 17, 216
К новолетию 1917 года – 2, 337; 24, 466
К новому законопроекту о разводе – 19, 140
К оживлению местной старины – 23, 424
К оздоровлению церковной школы – 15, 441
К организации гимназии – 23, 459
К открытию всероссийского женского съезда – 17, 312
К открытию 2-й сессии Г.Думы – 17, 286
К открытию Общества охранения женских прав – 20, 110
К открытию памятника государю Александру III – 1, 308
К открытию памятника императору Александру III – 1, 453
К открытию памятника П.А.Столыпину – 23, 134
К открытию Этического общества – 21, 291
К падению башни св. Марка в Венеции – 1, 122; 5, 322
К памяти М.А.Врубеля – 20, 165
К пересмотру гимназического устава – 26, 393
К пожару Троицкого собора – 1, 395
К полемике гг. Чижа, Ковалевского и А-та – 18, 190
К положению момента – 2, 404
К положению учебного дела – 25, 330
К положению церковно-приходских училищ – 20, 166
К помощи в добром деле – 23, 65
К помощи материнству (Концерты для увеличения средств «Капли молока») – 23, 280
К помощи слепым!!!... – 23, 559
К портретам египетским – 14, 171
К портрету из Шамполиона – 14, 174
К правительственному сообщению – 15, 147
К предисловию <«Апокалипсис нашего времени»> – 12, 64
К прекращению ритуального убоя скота – 9, 307
К прениям по вопросу о старообрядчестве – 19, 156
К преобразованию духовного ведомства – 25, 539
К 50-летию кончины Ап.А. Григорьева – 4, 600
К пятому изданию «Вех» – 20, 96
К разгрому библиотек – 2, 401
К разгрому Владивостока – 15, 22
К разрушению Реймского собора – 11, 314
К Религиозно-философскому собранию 19 января – 23, 231
К рисунку «Анубис принимает мумию из рук плачущей жены, чтобы внести ее в могилу» – 14, 144
К 40-летию литературной деятельности И.И.Ясинского – 21, 17
К спору о памятнике Суворову – 26, 248
К статистике наших старообрядцев – 27, 757
К 100-летию Московской духовной академии – 23, 368

К 100-летию Пушкинского лицея (19 октября 1811 г. – 19 октября 1911 г.) – 21, 284
К студентам – 24, 446
К съезду по семейному воспитанию – 23, 7
К съезду попечителей учебных округов – 23, 430
К толкам об амнистии – 25, 607
К увеличению бюджета М-ства народного просвещения – 17, 255
К университетской реформе – 25, 625
К характеристике духовной цензуры – 25, 541
К характеристике наших консерваторов особого пошиба – 27, 631
К читателю <«Апокалипсис нашего времени»> – 2, 413; 12, 5
к читателю <«Семейный вопрос в России»> – 18, 658
К читателям – 12, 61
«Кабинет» – 8, 27
Кадетская критика итогов Думы – 17, 200
Кадетская критика речи председателя Совета Министров – 15, 407
«Кадеты» и трудовики в Думе – 8, 611
Казерно Санто и виды на будущее Европы – 28, 302
Дм.Кайлородов. Из родной природы – 26, 398
Как был ранен и умирал Князь Олег Константинович – 29, 779
Как была выработана европейская интеллигенция – 23, 439
Как была находима Церковью «истина»? – 5, 491
Как возникли колоссы египетские – 14, 116
Как всего лучше проходить законоведение в гимназиях? – 27, 607
Как делали одного ученого... – 20, 25
Как и где найти учителя? – 27, 507
Как и отчего нас закрыли – 27, 664
Как люди русеют – 19, 409
Как мы встретили свящ. Г.Петрова – 15, 414
Как мы умираем? – 2, 415; 12, 8
Как на самом деле люди «изменяют» друг другу? (К теории и практике развода) – 24, 241
Как начала гноиться наша революция – 2, 402
Как падала и упала Россия – 2, 469; 12, 59
Как подготовлять учителей гимназии – 27, 181
Как принимать слушателей в специальные заведения – 26, 377
Как произошел скарабей – 14, 219
Как произошел тип Акакия Акакиевича? – 7, 143
Как произошли «египетские» и другие «древние таинства»? – 6, 403; 14, 69
Как произошло изображение Изиды – 6, 409; 14, 75
Как разрешается недоумение – 15, 457
Как святой Стефан прорубал «Прокудливую березу» и как началось на Руси пьянство – 10, 366
Как сделать чиновника лучше? – 27, 197
Как смотрит государство на университет – 17, 237
Как стали поклоняться Изиде – 6, 411; 14, 77
Как торжествует «русский национализм» – 21, 289
Как хорошо иногда «не понимать»... – 1, 367
Каким трудом трудятся в гимназиях – 23, 434
Какими «рожцами» питается наша интеллигенция. – Из дневника Православного 6, 104
Каков развод, таков и брак – 17, 70
Какую «Церковь» основал Иисус Христос и точное значение слова «кафолический». Письмо Лесовика. С примечаниями В.Розанова – 5, 373
Капище Молоха – 1, 129

Капри – 1, 87
И. Карлейль. Речь, произнесенная при вступлении в должность лорда-ректора Эдинбургского университета – 26, 441
Катков «как государственный человек» – 7, 262
<Католицизм и Польша> – 28, 505
Католицизм и Россия – 21, 103
Католичество и мариавитство – 17, 307
Кашинские торжества – 19, 183
«Келейное» и национальное решение дел – 25, 553
Киев и киевляне – 21, 229
А.Киреев. По поводу старокатолического вопроса – 26, 230
И.В.Киреевский и Герцен – 7, 560
Кислород и углерод в истории – 8, 23
Китай и Россия – 27, 476
Н.Л.Кладко (Прибой). Современная морская война. – Морские заметки о русско-японской войне – 25, 575
«Классовая борьба» в Г.Думе – 15, 378
Клерикализм в вопросе о праздниках – 19, 128
Ключевский (К 75-летию со дня рождения В.О.Ключевского) – 24, 49
В.О.Ключевский о Древней Руси – 26, 823
В.О.Ключевский о М.Горьком – 24, 46
Кн. В.П.Мещерский о женщинах – 18, 623
Кн. Е.Н.Трубецкой и его «Развенчание национализма» – 24, 196
Книга вовремя – 16, 362
Книга о старом и вечно новом – 23, 560
Книга особенно замечательной судьбы – 25, 153
Книга памяти князя Олега – 23, 531
Книжные новинки к новому году <П.Муратов. Образы Италии. Т. 2. Соч. Ю.Ф.Самарина. Т. 12> – 22, 10
Князь Е.Н.Трубецкой и Д.Д.Муретов – 24, 322
М.М.Ковалевский – 24, 163
<А.Г.Ковнер (Некролог)> – 19, 155
Когда начальство ушло... 1905-1906 гг. – 8, 5
Когда незаконные дети будут законными? А-та – 18, 577
Когда-то знаменитый роман – 4, 184
Кого надо пожалеть – 5, 523; 27, 669
Кого они выбирали??? – 15, 280
Кое-что новое о Пушкине – 4, 57
Кое-что «про себя» – 9, 339
«Кожаный покров» на человеке – 14, 252
Колебания мира – 24, 535
Колеблющиеся напряжения в поле – 3, 281
<Я.Колубовский. Философский ежегодник> – 28, 555
Колыбель. И.Колышко – 18, 110
И.Колышко. Маленькие мысли. 1898-1899 – 27, 367
Кому «горе от ума» в действительности жизни? – 28, 451
Кому же верить, Петербургу или Москве? – 5, 278
Кому и когда воспитывать? – 25, 402
Конец неопределенных ожиданий – 26, 597
Конец спора – 27, 429
Конец харакири – 27, 284
А.Ф.Кони как писатель и юрист – 22, 65
Константин Леонтьев и его «почитатели» – 7, 554
Концы и начала, «божественное и демоническое», боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова) – 4, 78
Кончина Л.Н.Толстого – 4, 466
Кончина министра народного просвещения – 27, 603
Копьеносицы – 24, 388
Корень вещей – 2, 465; 12, 56
Н.В.Корецкий. Песни ночи – 22, 38
Корреспондирующие и некорреспондирующие – 15, 82
Космологическое «разрыв-трава» – 24, 537

Космополитизм и национализм – 21, 287
А.И.Косоротов. Забитая калитка. Рассказ. – Вавилонские столпотворение. История одной гимназии – 27, 378
Кострома и костромичи – 19, 215
Костромская старина – 23, 23
Кошачья педагогика – 26, 414
Красота в природе и ее смысл – 25, 43
Красота-властительница – 4, 426
Красота молчания (К юбилею Л.Н.Толстого) – 16, 296
«Крепкие напитки» и пожары – 23, 390
Крестьянство о вине и налогах – 23, 392
В.С.Кривенко. Учебное дело – 27, 717
Кривой глаз «Русского Знамени» – 24, 423
Критика г. Михайловского – 10, 228
Критика русского dйcadence'a – 19, 304
Критика устава о службе гражданской – 26, 294
Критическая заметка <А.Л.Волынский. Русские критики> – 28, 544
Критическая заметка <О Н.П.Аксакове> – 28, 387
Критические заметки – 23, 383
Кроткая – 2, 425; 12, 16
Кроткий демонизм – 26, 144
А.В.Круглов. В гостях (в Крыму). Очерки из рассказов приятеля – 27, 111
Кружок К.А.Губастова в память К.Н.Леонтьева – 16, 407
Ф.-А.Крумахер. Притчи – 27, 448
Крупное и мелкое обновление – 15, 386
Кто был организатором нашей классической системы – 26, 811
Кто виноват. I Письмо законоучителя свящ. М.Лисицына – 5, 78
Кто друг семьи? – 25, 438
Кто задерживает обновление церкви? – 5, 310
Кто и за что держится в теперешней войне? (Опять социалы) – 23, 576
«Кто истинно счастливый человек» (Из тем Карамзина) – 24, 273
Кто истинный виновник этого? – 28, 468
Кто, как и почему страдает? – 18, 127
Кто лучший судья семейных разладов – 18, 189
Кто мы такие? – 25, 316
Кто не обрадовался новому закону – 18, 652
Кто победит «зеленого змия» – 23, 365
Кулачество в литературе – 16, 7
Культура и «Гражданин» – 26, 422
Культура и деревня – 10, 52
Культурная Океания. Очерк – 21, 7
Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век – 26, 66
Культурно-религиозные вопросы – 16, 74
Культурные сближения – 26, 260
Куно-Фишер. История новой философии – 25, 520
Купол храма – 3, 184
Куприн – 4, 424
Курсы обиходных знаний – 25, 408
Курьезы нашей жизни – 27, 245
П.А.Кусков (Некролог) – 19, 272

Н.М.Лагов. Париж... Его же. Рим, Венеция, Неаполь – 22, 34
Латинская и германская культуры – 23, 420
Латынь в реальных науках – 26, 271
Лающие собаки – 17, 218
Лев XIII и католичество – 5, 345
А.Левенстим. Профессиональное нищенство, его причины и формы. Бытовые очерки – 27, 289
Левиафан шевелится – 8, 121
Левин из «Речи» о жестокостях русского суда – 23, 130
Левин из «Речи» – 22, 248
Левитан и Гершензон – 24, 33
Левым рептилиям – 15, 132
Легенда о Великом инквизиторе Ф.М.Достоевского. Опыт критического комментария – 7, 5
А.Лейриц. Противные животные – 27, 485
Леность служащих – 26. 358

К.Леонтьев об Аполлоне Григорьеве – 7, 608
М.Ю.Лермонтов (К 60-летию кончины) – 4, 69
Лермонтовский домик в Пятигорске – 4, 690
Летние курсы языков и литературы для иностранцев в Гренобле – 26, 319
Летний ремонт – 27, 219
Ликвидированное дело – 19, 52
Линия безразличия в поле – 3, 298
«Линючесть» вещей. «Линялость» вещей – 14, 271
Листва: Уединенное. – Опавшие листья – 30, 3
С. Литвин. Замужество Ревеки – 26, 237
Литература и литераторы – 27, 637
Литературная личность Н.Н.Страхова – 7, 209
Литературно-общественный «кризис» – 7, 268
Литературно-художественные новинки – 1, 375
Литературно-экономический кризис – 7, 654
Литературные волнения – 28, 575
Литературные заметки – 19, 366
Литературные заметки <О книге А.Котовича> – 19, 369
Литературные и педагогические дела – 16, 219
Литературные и политические афоризмы (Ответ К.И.Чуковскому и П.Б.Струве) – 20, 412
Литературные изгнанники. Переписка В.В.Розанова с Н.Н.Страховым. Переписка В.В.Розанова с К.Н.Леонтьевым – 13, 3
Литературные изгнанники. Кн.2 – 29, 3
Литературные новинки («Жизнь Василия Фивейского» Л.Андреева) – 7, 454
Литературные новинки <Е. Милицына> – 25, 383
Литературные новинки <М. Лемке> – 25, 383
Литературные новинки (К. Леонтьев) – 22, 46
Литературные новинки (А. Чехов. С. Юшкевич) – 4, 166
Литературные олеографии – 23, 118
Литературные очерки. Сборник статей – 7, 157
Литературные симулянты – 4, 324
Литературные типы – 21, 23
Литературный род Соловьёвых – 27, 79
Литературный террор – 21, 18
Лица прекрасные – 14, 168
Лицемерие – 5, 509
Личность отца Иоанна Кронштадтского – 7, 532
Личный состав курсовых кураторов – 26, 421
Ломоносов. Его личность и судьба (4 апреля 1765 г.— 4 апреля 1915 г.) – 4, 609
Ломоносовские издания, современные его жизни – 21, 299
Лукавая фразеология – 25, 579
Лукавые слова – 15, 232
Г.К.Лукомский. Старинные театры – 23, 317
Лучшая жертва на алтарь отечества – 8, 26
Лучшая книга по средневековой истории (К воспоминаниям о М.М.Стасюлевиче) – 21, 25
Любите ли вы человека? – 5, 401
Любовь возвращается. Роман Н.Н. Русова – 23, 25
Люди – 3, 196
Люди без лица в себе – 23, 155
Люди всегда люди – 27, 672
Люди и книги около стены церковной – 5, 128
Люди лунного света. Метафизика христианства – 3, 449
Люди нашего времени – 15, 112
Люди «своего ума» на выборах – 15, 459
Люди третьего пола – 3, 264

Магическая страница у Гоголя – 4, 383
«Магнитские» и Философов – 21, 219

<А.Н.Майков. Некролог> – 28, 569
Майские союзы – 10, 329
Майский союз А.Полотебновой – 5, 320
Максим Горький о самоубийствах – 7, 594
Маленькая историческая поправка – 10, 144
Маленькая хроника <Раздавленные люди> – 26, 386
Маленькая хроника <Удобства пассажиров> – 26, 387
Маленькие думки – 24, 433
Маленькие мнения – 27, 365
Маленький Иов на гноище – 5, 327
Маленький мир – 1, 458
Маленькое и крупное улучшение в школьном преподавании – 20, 374
Малороссы и великороссы – 26, 249
Малые произведения 1909-1914 годов – 14, 439
Л.Малышев. Душа и тело. Белые очерки – 27, 146
Н.Манассина. Царевны. Историческая повесть – 23, 553
Мар. Ив. Долина – 1, 370
Марчелла Зембрих – 1, 317
Мастерство слова у русских и французов – 4, 693
Материалы для третьего тома <«Семейного вопроса в России»> – 18, 681
Материалы к решению вопроса – 18, 92, 107, 127, 133, 162, 179, 195, 290, 324, 340, 347, 373, 490, 526, 539, 576, 595, 642
Материалы о хлыстах – 14, 381
«Матушка казна» – 20, 43
Мать-убийца – 18, 484
«Меблированная пыль» на сцене Малого театра. Письмо из Петербурга – 25, 459
Медики в психологии – 16, 34
Медицина и сострадание – 27, 714
Медицина и церковь в вопросе о браке и разводе – 16, 138
Между Азефом и «Вехами» – 19, 263
Между прочим... – 20, 305
Между прочим <О кн. Мещерском> – 26, 803
Между светом и тьмою – 5, 303
Между скорбью и радостью – 19, 112
Между тьмою и светом (К инциденту в Религиозно-философском обществе) – 16, 404
Мелкие счеты в Гос. Думе – 24, 110
М.О. Меньшиков. Начала жизни. Нравственно-философские очерки – 27, 652
Д.С. Мережковский. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы – 27, 144
Д. Мережковский. Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV века – 26, 277
Мережковский против «Вех» (Последнее Религиозно-философское собрание) – 4, 354
Меры к поднятию уровня общественной нравственности. Доктора медицины Ф.Фейгина – 18, 459
Местная личная инициатива – 5, 511
<Местное самоуправление> – 28, 488
Место девичества русской Императрицы – 20, 240
Место христианства в истории – 26, 9
Метафизический разговор – 20, 316
Метерлинк – 4, 240
Методы бюрократического и земского труда – 27, 453
Механическая работа -23, 432
Мечта «духовных» христиан – 14, 325
Мечта в щелку – 4, 192
<В.П.Мещерский о разводе> – 27, 674
Милость народу – 25, 401
Милюковцы и вероисповедный вопрос – 19, 153
Мимолетное – 29, 730
Мимолетное. 1915 год – 2, 5
Мимолетное. 1914 год – 8, 193
Мимоходом (Из случайных впечатлений) – 26, 490

Миронова в «Сафо» – 1, 384
Мирская помощь друг другу – 27, 230
Мирские слезы – 5, 524
Мирянин «Мирянину» – о болях мира и о загрязнении мира (Ответ г. Мирянину) – 27, 221
Миссионерство и миссионеры – 5, 99
Мистицизм и хлыстовские течения в католичестве. Письмо из Кракова Жча. С примечаниями В.Розанова – 5, 371
Митрополит Антоний в его исторических заслугах – 22, 91
Митрополит Антоний в современной смуте – 17, 43
Младокатолическое движение – 15, 143
Мнимое заимствование – 27, 743
Мнимые загадки – 25, 349
<Многонациональность России> – 28, 542
В.И.Модестов. Введение в римскую историю – 26, 288
Мое предвидение – 2, 418; 12, 11
Может быть тревожный час истории – 22, 26
Может ли быть мозаична историческая культура? – 7, 194
Можно ли ставить капканы на детей? – 27, 258
Моим строгим судьям — 24, 289
Моисей в Египте – 14, 185
Молодому поколению России – 22, 51
Молодые московские славянофилы перед судом Н.А.Бердяева – 24, 350
Молодые поэты – 20, 200
Молчащие силы – 15, 99
Молящаяся Русь (На выставке картин М.В.Нестерова) – 1, 243 Момзен и Ренан – 26, 783
Монархия – старость, республика – юность? – 2, 374
Монашество и семья, церковь и нация – 15, 127
Монополия аптечного дела и аптекарских товаров – 23. 426
Монтескьё и земские начальники – 27, 505
<Д.Л.Мордовцев и М.Н.Катков> – 27, 668
«Москва слезам не верит» – 2, 426; 12, 18
Московские идеалисты – 26, 795
Московские крестоносцы – 22, 97
Московские литературные и художественные кружки – 24, 100
Московские порченые и непорченые мальчики – 21, 303
Московские профессора и студенчество – 15, 167
Молитвы за оставление бракоразводных дел в духовном суде – 18, 546
Мотивы и характер чиновной службы – 26, 381
Муже-девы и их учение – 3, 304
Мужество и отчество – 14, 237
Музей изящных искусств имени Александра III в Москве – 22, 83
Мусульманский мир – 10, 163
«Мы всегда хороши» – 22, 241
Мысли о браке – 27, 290
Мюнхенский монашенок – 20, 338

На бенефисе В.В.Андреева – 23, 438
На вершине Колизея – 1, 61
на выборах в Петербурге – 15, 466
На выставке «Мира искусства» – 1, 215
На выставке картин А.А.Борисова – 23, 278
На границах поэзии и философии (Стихотворения Вл. Соловьёва) – 4, 48
На закате дней (К 55-летию литературной деятельности Л.Н.Толстого) – 4, 222
На закате дней (Л.Толстой и быт) – 4, 231
На закате дней (Л.Толстой и интеллигенция) – 4, 236
На заре парламента – 8, 91
На книжном и литературном рынке <Арцыбашев> – 4, 280

На книжном и литературном рынке <Диккенс> – 4, 286
На книжном и литературном рынке <А.Каменский> – 16, 314
На концерте В.В.Андреева – 23, 213
На концерте Шаляпина – 1, 409
На лекции кн. Е.Н.Трубецкого – 23, 398
На лекции о Достоевском – 7, 539
На лекции о «славянском классицизме» – 24, 140
На лекции о старообрядчестве и сектантстве – 17, 314
На лекции по семейному праву у Б.Никольского – 18, 176
На летнем отдыхе – 17, 204
На митинге – 8, 52
На Новый год – 15, 241; 20, 7
На панихиде по Вл.С.Соловьёве (годовщина смерти) – 5, 132
На печальном остатке жизни – 23, 299
На почве старой унии – 25, 602
На родительском собрании – 20, 83
На соборном служении – 3, 160
На суде рабочих депутатов – 8, 178
На трудовом посту (Памяти Богдана Вениаминовича Гея) – 24, 309
На улицах Петербурга – 11, 255
На улице – 24, 504
На фундаменте прошлого – 23, 203
На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913-1915 гг. – 23, 3
На ходу корабля – 20, 29
На чем может повернуться «религиозное сознание»? – 16, 364
На черном и желтом материках – 5, 41
На чтении гг. Бердяева и Тернавцева – 19, 93
На экзамене учениц школы г-жи Исаченко-Соколовой – 24, 421
Наблюдения, извлеченные из чтения «Шахразады» – 10, 267
Наброски – 23, 332
Наброски. 1. Ибсен и Пушкин – «Анджело» и «Бранд» – 1, 449
Надавило шкафом – 2, 458; 12, 49
Надвигающаяся жакерия – 15, 113
Надгробное слово Гапону. Очерк – 19, 380
Надзор за больницами – 26, 437
Надоевшие ноты – 24, 513
Назад!! – 23, 248
Наибольшее половое напряжение – 3, 381
Накануне дела – 27, 623
Нападки на идею национальной школы – 27, 609
Напоминания по телефону – 9, 336
Напрасное обременение (о вторых и третьих браках) – 18, 566
Народная темнота – 5, 512
Народное смущение – 15, 224
Народные беды и утешения – 21, 46
Народные чтения в Петербурге – 5, 303
Народный опрос – 3, 174
Народный светлый праздник – 21, 69
Настоящее слово – 15, 378
Наталия Грот. Свобода в жизни и государстве. Этюд по Чаннингу – 16, 78
Натурализм и идеализм – 10, 299
Наука и литература в уставе и печати – 25, 476
Наука и политика – 17, 157
Научные работы в Эрмитаже – 19, 286
Нации технические и нации поэтические – 25, 286
Национальная школа – 27, 604
Национальное и юридическое значение указа о Думе – 15, 37
Национальное назначение – 16, 319
Национальные таланты – 26, 262
Начало важнейшего преобразования – 26, 442
Начало папства в России – 15, 90
Начинающие парламентаристы – 15, 314
Наш «Антоша Чехонте» – 7, 550
Наш исторический строй и критика настоящего – 27, 279
Наш толстый исправник (Рассказ) – 21, 162
Наша «кошерная» печать – 9, 321

Наша прислуга, пожары и деревенская школа – 22, 106
Наша русская анархия – 7, 558
Наша ученая старина – 23, 180
Наше словесное величие и деловая малость – 24, 543
Наши библиофилы – 24, 239
Наши возлюбленные усопшие – 5, 58
Наши грустящие публицисты – 19, 201
Наши задачи, надежды и пожелания – 19, 7
Наши миссионеры и мариавитское движение – 19, 135
Наши нравы и наше безбожие – 18, 801
Наши публицисты – 16, 336
Наши факультеты – 27, 117
Наши финансы в настоящем и прошлом – 19, 186
Наши церковные дела – 15, 77
Не будем равнодушны – 22, 108
Не в новых ли днях критики? – 4, 623
Не верьте беллетристам... – 4, 483
Не дожидаясь большой беды – 27, 659
Не дожидаясь суда- 17, 302
Не извольте беспокоиться, ваше благородие – 23, 337
«Не надо брака», «не надо плодородия», «не надо детей» – 24, 158
Не надо забывать доброго дела – 20, 345
Не напрасные ли волнения? – 25, 277
Не нужно давать амнистию эмигрантам – 7, 596
Не те слова, не те думы – 2, 409
Неаполитанский залив – 1, 76
Небесное и земное – 5, 156
Неверие XIX века – 10, 67
Невидимые хранители церкви (Памяти Н.Р.Щербовой) – 21, 10
Невидимый мирок – 26, 290
Невозможное положение – 26, 523
Недавние впечатления – 26, 826
Недогадливость – 10, 202
Недоговоренные слова – 18, 587; 26, 345
Недоконченность суда около дела Ющинского – 9, 334
Недостаток реалистических начал в Евангелии – 5, 491
Недоумения в промышленности – 27, 728
Недоумения и недоумения... – 21, 147
Недоуменные вопросы читателей и ответы редакции «Православно-Русского Слова» – 5, 170
Нежность – 14, 177
Незаконнорожденные во Франции – 18, 583
«Незаконные сожительства» – 24, 478
Неизданная пьеса Толстого в чтении Влад. Ив. Немировича-Данченко – 1, 360
Неизмеримая ценность – 21, 317
Некрасов в годы нашего ученичества – 4, 244
Некрасов в пору нашего ученичества – 4, 689
Немилость Св. Синода к мелкому кредиту – 15, 433
Нельзя ли децентрализовать развод? (К пересмотру его в Св. Синоде) – 22, 178
Немножко и радости – 2, 436; 12, 28
Немцы у себя и у нас – 11, 304
Необходимое изъятие – 27, 565
Необходимое разъяснение – 28, 388
Необходимое разъяснение члена Учебного Комитета при Св. Синоде А.Ванчакова – 5, 88
Необходимое самооправдание – 26, 308
Необходимость участия в бракоразводных делах светского суда – 18, 542
Неопубликованные «опавшие листья» из Архива П.А. Флоренского — 30, 386
Неоценимый ум – 4, 515
Неподготовленность учителей гимназии – 27, 176
Непонятно, непонятно и непонятно – 18, 806
Непоправимо затхлое ведомство – 17, 172
Непостижимое вмешательство – 16, 343
Непростительные пропуски – 16, 213

«Неси, Русь, всяк что может...» – 23, 549
Несколько воспоминаний из недавнего прошлого – 15, 106
Несколько добрых указаний – 24, 254
Несколько замечаний к характеристике Н.В.Розанова – 28, 321
Несколько замечаний о духовных течениях русского раскола – 26, 820
Несколько замечаний по поводу студенческих беспорядков – 26, 824
Несколько разъяснительных слов – 18, 370
Несколько слов о Гоголе – 7, 645
Несправедливость – 20, 182
М.В.Нестеров – 1, 252
Несчастия под конками – 25, 409
Нет полутаинств, ни — фиктивных таинств 18, 803
Неудовлетворительность бракоразводного процесса в духовном суде – 18, 539
Нехристианский собор – 15, 97
Нечто из седой древности – 14, 504; 26, 180
Нечто из тумана «образов» и «подобий» (По поводу «Бессмертных вопросов» Гатчинского Отшельника) – 6, 287
Нечто из тумана «образов» и «подобий». Судебное недоразумение в Берлине – 19, 70
Нечто о декадентах, «лампадном масле» и о проницательности наших критиков – 28, 517
Нечто о мыле, трахоме и «Заветах Минина и Пожарского» – 5, 97
Нечто о прекрасной природе – 10, 331
Нечто об «излечениях» и чудесах – 25, 702
Ни «да», ни «нет» о школьной реформе – 27, 663
Николай Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека – 24, 188
Николай Николаевич Овсянников (Некролог) – 22. 16
Нищета деревенской школы – 5, 91
Новая книга о Гоголе – 19, 143
Новая книга о русском расколе – 16, 399
Новая книга о христианстве – 19, 9
Новая организация университета – 26, 418
Новая пьеса «Под колесом» -1, 444
Новая работа о Толстом и Достоевском – 27, 487
Новая религиозно-философская концепция – 24, 228
Новинки науки – 21, 320
Новое и старое – 7, 159
Новое из прошлого гр. Л.Н. Толстого – 25, 362
Новое исследование о Фете – 4, 614
Новое общество «Искусство для всех» – 24, 125
Новые вкусы в философии. Л.Шестов. Апофеоз беспочвенности – 10, 336
Новые издания «Религиозно-философской библиотеки» – 24, 473
Новые кандидаты от к.-д. в Госуд. Думу – 15, 277
Новые люди – 8, 607
Новые меха и старое вино – 27, 690
Новые потуги кадетской партии – 15, 427
Новые работы по философии – 22, 127
Новые события в литературе – 4, 494
Новые труды по истории Византии – 23, 175
Новые труды по истории философии – 16, 409
Новые штаты учителей гимназии – 17, 273
Новые эмбрионы – 26, 218
Новый важный закон – 25, 377
<Новый год> – 28, 551
Новый духовный журнал и статья проф. Н.М. Боголюбова — 24, 426
Новый ежемесячный журнал «Летопись» – 24, 61
Новый женский институт – 18, 639
Новый закон о старообрядцах – 15, 175
Новый Робинзон – 20, 129

Новый свет из «Маяка». Общество ревнителей VII заповеди – 5, 342
Новый тип губернских училищ – 26, 607
Новый труд проф. Тареева – 16, 288
Нога коровы – 14, 181
Номинализм в христианстве – 6, 61
Нравоучительная книга – 3, 175
Нравственная смута как причина политической – 15, 162
Нравственная сторона экономических вопросов – 15, 104
Нравственное воздействие Закона Божия в школах – 5, 511; 27, 394
Нравственное освежение Европы – 27, 316
Нравственный ценз врача – 21, 170
Нужда и скорби – 3, 184
Нужды веры и форм ее – 20, 15
Нужно перенести дело в другую плоскость (К делу Ющинского) – 9, 309
Нужно сделать «личико» – 17, 69

О баптистах Саратовской губ. — 23, 453
О безбрачии городских учительниц – 26, 791
О бесплатных народных читальнях – 27, 454
О благодушии Некрасова – 4, 125
О ближайшей работе учебного ведомства – 17, 41
О Боге (Из-за океана) – 24, 67
О больных старообрядцах – 5, 120
О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов – 7, 649
О браке и девстве. – Н.Аксакова. С замечан. В.Розанова – 6, 235
О важнейшей нужде церкви – 23, 106
<О В.А.Григмуте> – 26, 618
О В.В.Розанове и его «религии брака». – С.Ф.Шарапова – 6, 147
О введении у нас гражданского брака – 24, 509
<О «Вестнике Европы»> – 21, 272
О вещах бесконечных и конечных (По поводу несостоявшегося «отлучения от церкви» писателей) – 20, 365 Письмо проф. NN – 5, 378
О взаимном отношении Католической и Православной Церквей. Письмо проф. NN – 5, 378
О визитах – 26, 298
О внеклассном образовании – 27, 311
О воззрениях г. Розанова на супружеское соединение. – Мирянина. С возражениями В.Розанова – 6, 153
О вознаграждении разных родов службы – 26, 715
О вознаграждении чиновников – 27, 231
О возобновлении Религиозно-философских собраний – 16, 224
О высших интересах знания и речи – 26, 599
О «вычетах за повышение» у вдов убитых воинов – 23, 452
О гимназической реформе – 27, 680
О гимназической реформе семидесятых годов – 28, 765
О главном сомнении гр. Л.Н. Толстого – 5, 514
О Гоголе – 7, 136
<О голоде> – 29, 773
О городских думских учительницах. Д. – 18, 597
О государстве в древнем и новом мире – 25, 241
О «Двух путях» Минского – 26, 727
О двух новых поводах к разводу – 24, 481
О «двух точках зрения» – 10, 79
О деликатности и прочих мелочах – 20, 369
О деревенском учепьи – 5, 96
О Достоевском – 7, 277
О древнеегипетских обелисках – 10, 10
О древнеегипетской красоте – 10, 15
О древнерусском разводе – 18, 563
О духе и смысле русской армии – 24, 12

О духовенстве в отношении его к светскому обществу. Софьи Д-ской – 5, 312
<О духовных делах> – 25, 537
О загадках мира – 22, 35
О законе Гейнце – 27, 434
О записи в метрики «незаконнорожденных». Прот. А. Устьинского – 18, 576
О «заявлениях» и заявителях – 15, 150
О звуках без отношения к смыслу – 26, 652
О кавказских сектантах – 24, 290
О каком браке говорил И. Христос — 16, 87
О картине «Христос и богатый юноша» — 3, 450
О картине И.Е. Репина «17-е октября» – 1, 398
О классическом и нашем мире – 10, 221
О книге проф. Н. Суворова «Учебник церковного права» – 5, 281
О Конст.Леонтьеве – 4, 651
О концентрической системе школ – 27, 358
О культе девы Марии и догмате «непорочного зачатия» её. Письмо из Франции Ф. Р-цева 5, 376
О курсовых старостах – 26, 420
<О латинском языке> – 26, 271
О легенде «Великий инквизитор» 7, 11
<О лесе> – 27, 189
О Лермонтове — 4, 641
О либерализме как некотором общем духе – 26, 626
О литературной этике – 25, 556
О литературных занятиях чиновников – 27, 220
О массовых правоограничениях (По поводу старообрядцев) – 25, 477
О медиках и медицине – 26, 557
О мерах для борьбы с безнравственностью (По поводу доклада Пастырскому собранию 1 декабря 1898 г. Novicius – 18, 248
О милости к животным – 5, 212
О мифологии – 10,9
О множестве самобытных идей – 26, 267
О монархии (Размышления по поводу Панамских дел) – 28, 171
О монашестве и св. мощах – 5, 492
«О мрачности тем» – 18, 486
О наказании смертью и еще, сверх этого, чем-нибудь – 18, 562
О народной душе — 16, 35
О «народо»-божии как новой идее Максима Горького – 7, 530
О нарядности и нарядных днях календаря – 5, 382
О национальной школе – 27, 361
О нашем «христолюбивом воинстве» – 24, 9
О недостатке у нас научной годности – 27, 576
О незапрещенных истязаниях – 19, 210
О некоторых подробностях в распределении уроков – 26, 335
О некоторых подробностях церковного воззрения на брак – 3, 49
О «немотивированных» арестах и высылках – 15, 32
О необходимости вторичного съезда по борьбе с проституцией – 20, 176
О непорочной семье и её главном условии – 18, 82
О неудобстве частных перемещений в Духовном Ведомстве – 5, 205
О неурочных занятиях учащихся – 18, 640
<О новом министерстве народного просвещения> – 25, 319
<О «Новом Пути»> – 25, 366
О нормировке вознаграждения учительского труда – 26, 553
О нужде и неизбежности нового религиозного сознания – 29, 765
О памятнике И.С.Тургеневу – 4, 294
О пенсиях духовенству – 5, 203
О переводах древних писателей (Письмо в редакцию) – 10, 186

О «переживаниях» и «переживших» – 8, 72
О перемене разводящей инстанции – 18, 184
О «Песне Песней» – 14, 450
О писателях и писательстве – 4, 3; 7, 383
О писателях и писательстве (Заметки и наброски) – 7, 334
О письмах писателей – 4, 430
О письме гр. С.А.Толстой – 26, 527
О погибших на «Титанике» – 22, 82
О подготовке к экзаменам сирот убитых воинов – 29, 733
О подразумеваемом смысле нашей монархии – 28, 349
<О пожарах> – 27, 657
О поклонении аписам у древних египтян – 14, 227
О поклонении зерну – 10, 65
О поклонении плодородию Нила – 14, 109
О положении сельских учителей – 26, 503
О поместимости наших университетов – 27, 745
О поместных соборах в России – 5, 196
О помощи внезапно заболевшим – 27, 658
О помощи церковно-приходским школам – 17, 290
О порядочности и свободе – 29, 737
О постановке памятника М.Н. Каткову – 28, 605
О поэзии в Библии – 14, 441
«О правде небесной и праве земном» – 3, 170
О «предании» в Церкви и невольных «новизнах» в ней – 5, 490
О предметной системе экзаменов в высших учебных заведениях – 15, 170
О предупреждении семейной жестокости (По поводу письма Л.Б. Бертенсона) – 16, 142
О преждевременной торопливости – 26, 592
О преподавании законоучителей и о проповедничестве иереев. А. Русинова – 5, 338
О преподобном Моисее Угрине – 3, 344
О препятствиях к браку – 26, 331
О примирении церквей. Русского священника – 5, 229
О причинах малоуспешности в гимназиях – 28, 611
О провинциальной печати – 27, 651
О проекте частного Технологического института – 25, 472
О происхождении некоторых типов Достоевского (Литература в переплетении с жизнью) – 7, 573
О психологии терроризма – 7, 546
О Пушкинской академии – 1, 166
О работах г. Шервуда – 1, 447
О работах Л.В. Шервуда – 1, 227
О равноправности детей незаконных с законными – 18, 331
О радости прощения – 19, 375
О разводе у католиков. Рэджера – 18, 585
О разных ведомствах, заведующих народною школой – 17, 292
О разных «приспособлениях» – 27, 307
О расстройстве трудового года – 19, 125
О расширении прав брака – 25, 376
<О Религиозно-философском обществе> – 16, 408
О ремеслах в школах и о бюджете школ – 26, 718
О репетиторстве учителей – 27, 172
О речи и письме г. Влад. Львова – 17, 73
О родительских комитетах – 21, 255
О «русских богоискателях» – 16, 285
О «русском гражданине» – 21, 42
О ручных изделиях в гимназиях – 18, 635
О С.Н.Булгакове – 24, 361
О самостоятельности учебных округов – 24, 262
О самоубийствах – 21, 334
О священстве и «благодати» священства. – Об основном идеале Церкви. – О древних и новых жертвах – 5, 478.
О священстве, о древних и новых жертвах – 3, 30; 5, 478

О «Сибирском Страннике» – 14, 418
О символистах и декадентах – 26, 116
О славянофилах и о г. Николае Соколове – 5, 429
О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира – 3, 417
О случае самосожжения – 3, 156
О «снятии сана» со священников – 15, 287
О «соборном» начале в Церкви и о примирении Церквей – 5, 366
О совести. По поводу суждений еп. Никанора – 5, 122
О сострадании к животным – 5, 318
О староверии и староверах – 25, 482
О странности понятий «ветхого» и «нового» в Слове Божием – 5, 489
О страстном в человеке начале – 18, 162
О страстях мира – 2, 460; 12, 51
О студенческих беспорядках – 26, 85
О Суворове – 27, 439
О судебных приказах – 17, 28
О таинствах (Письмо в редакцию) – 16, 107
О так называемом «действии на расстоянии» – 25, 701
О Тарновской – 20, 90
О теле и тайном в теле –27, 295
О терафимах – 9, 403
О типах религиозной мысли в России – 24, 338
О трех принципах человеческой деятельности – 28, 185
О трех фазисах в развитии нашей критики – 7, 650
О фельдшеризме – 27, 130
«О физических поводах к прекращению брачного союза». По поводу труда лейб-медика Л.Б. Бертенсона – 24, 470
О физическом воспитании в гимназиях – 26, 293
О христианском аскетизме – 16, 308
О христианском браке. Из «Странника» – 18, 155
О художественных народных выставках – 1, 161
О чем говорят выборы – 15, 464
О чем думает Николай II – 24, 517
О чем наши споры? – 27, 427
О чувстве «чести» и гордости – 26, 742
О чудесном в мире – 25, 110
О школах грамоты. Письмо К. Гре-ва – 5, 92
<О школьных экзаменах> – 27, 171
Об административном выделении Холмщины – 15, 193
Об адогматизме христианства – 3, 65; 5, 479
Об адресе «Св. Синова» своему обер-прокурору – 22, 63
Об амнистии – 8, 124
Об античных монетах – 24, 450
Об апокалипсическом числе – 10, 47
Об Атлантиде – 10, 196
Об еврействе – 28, 604
Об издании книги «Из восточных мотивов» — см.: Письмо в редакцию.
Об интендантах – 21, 127
Об испытаниях зрелости в гимназиях – 27, 519
Об исторических «прививках» — 29, 802
Об историческом положении христианства — 26, 817
Об «источнике сил и идеализма» кадетов – 15, 435
Об Италии – 24, 77
Об обеспечении духовенства – 17, 195
Об одной особенной заслуге Влад. Соловьёва – 5, 432
Об одной особенности частных женских гимназий – 17, 95
Об одном великом непонимании – 20, 19
Об одном забытом человеке (Пропущенный юбилей) – 21, 89
Об одном народце – 2, 427; 12, 19
Об одном приеме защиты еврейства – 9, 317
Об одном сомнении гр.Л.Толстого – 5, 128

Об опасностях на водах – 26, 383
Об основаниях церковной юрисдикции, или о Христе – Судии мира – 3, 453
Об особого рода «синдикатах» – 18, 604
Об особом значении думской кафедры – 17, 294
Об осторожности около победы... (По поводу Эрзерума) – 24, 70
Об отлучении гр. Л.Толстого от Церкви – 5, 478
Об отлучении от Церкви гр. Л. Толстого – 3, 36
Об отмене одного католического у нас обычая – 26, 549
Об отпущении грехов у христиан и евреев. Г. Бернстейна – 5, 240
Об «отреченных», или апокрифических, детях – 18, 33
Об отрицании эллинизма – 10, 225
Об отроческом и юношеском чтении – 20, 103
Об уличной трезвости – 29, 735
Об упадке серьезной критики – 27, 470
Об управлении в русской церкви – 22, 80
Об «усыновлениях» и «узаконениях» – 24, 493
Об учебном комитете Духовного ведомства – 16, 240
Об учебных ревизиях – 25, 685
<Об учениках гимназии> – 26, 402
Об экзаменах в женских гимназиях – 27, 416
Об экзаменах в средних учебных заведениях – 28, 588
Об эпохах русской истории – 25, 257
Обер-прокуратура Синода и вопрос о приходе – 17, 25
«Обескровленные» журналисты – 9, 328
Обеспечение старости и болезни – 27, 317
Обещающее начинание – 20, 26
Обидчик и обиженные – 19, 311
Обиды русскому чувству – 21, 160
Обман за спиною революции – 24, 520
Обманчивые слова – 27, 194
Обмен духовных ценностей – 1, 456
«Обмызганная Русь» и ее блестящие литераторы – 24, 206
Обновление учебного ведомства – 26, 394
Обновляемый «Морской сборник» – 23, 11
Обойденные в правах – 25, 660
Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови – 9, 273 и 285
Обособленные религиозные области – 27, 724
Образцовая средняя школа – 25, 580
Обращение Верховного Главнокомандующего о Польше и о Червонной Руси – 11, 288
Обрезание – 14, 115
Обрезание у египтян – 6, 424; 14, 90
Общедоступность врачебной помощи – 27, 672
Общественность как консервативное начало – 27, 246
Общественность как показатель политики – 15, 355
Общество и правительство – 15,9
Общество охранения женских прав – 20, 118
Общество содействия дошкольному воспитанию детей – 19, 145
Общипанное ведомство – 27, 689
Объединение народных училищ – 25, 658
Объединение практики и знания – 27, 328
Обязательные высзды за границу – 15, 148
Огни священные – 5, 235
Огнян Славкович. Борьба сербского народа с злым гением и его клевретами – 27, 504
Огонь Христов – 2, 438; 12, 30
Огорчения дома и на войне – 24, 416
Один из добрых наших наставников – 25, 343
Один из певцов вечной «весны» – 4, 359
Один из последних рыцарей – 4, 684
Один из «стаи славной» – 4, 605

Один из упокоенных архиереев – 17, 84
Один малозаметный закон (К вопросу о староверии) – 25, 495
Один общественно-педагогический вопрос (К сегодняшней лекции в Соляном Городке) – 21, 62
Один юридический вопрос – 25, 595
Одна из дерзких книг – 23, 548
Одна из замечательных идей Достоевского – 4, 487
Одна из русских поэтико-философских концепций – 7, 502
Одна легенда о Минине и Пожарском – 24, 202
Одна подробность ветхозаветного культа – 26, 678
Одно воспоминание – 18, 124
Одно воспоминание о Л.Н.Толстом – 16, 377
Одно из выпавших оружий революции – 15, 123
Одно из полезных полузабытых учреждений – 25, 468
Около болящих – 7, 308
Около войны и воюющих – 23, 525
Около гроба Пергамента – 19, 158
Около народной души – 16, 297
Около народной души. Статьи 1906-1908 гг. – 16, 3
Около науки и университета (По поводу 30-летия ученой службы В.О.Ключевского) – 19, 401
Около трудных религиозных тем – 24, 318
Около целебных вод – 16,199
Около церковного сердца – 3, 162
Около церковных стен – 5,5
Окончание педагогической лихорадки – 26, 283
Окончание «Писем Соловьёва» — 21, 92
Окончание «трилогии» г. Мережковского – 25, 566
Окраинная кичливость и петербургское смирение – 19, 288
Окраинные вопросы в Г. Думе – 19, 181
<Окраины> – 28, 495
Опавшие листья. Короб второй и последний – 30, 189
Опавшие листья. <Короб первый> – 30, 73
Опасная категория – 2, 437; 12, 29
Опасное чувство – 5, 518
Описание городов – 23, 225
Оправдание надежды наших Геростратов – 21, 283
Оправдание Прасолова – 23, 22
Оптина пустынь – 5, 285
Опыт в педагогике – 27, 561
Опыт самозащиты – 18, 568
Опять о древних языках – 27, 686
Опять «праздники» – 20, 50
Организации общественных сил – 15, 18
Организация пансионов – 26, 611
Органическая работа над народным оздоровлением – 16, 264
Органический процесс и механическая причинность – 25, 700
Ослабнувший фетиш – 7, 142
Основания для передачи бракоразводных дел в светский суд – 18, 549
Основы современной школы – 28, 508
Особая группа писателей. (Из переписки С.А. Рачинского) – 26, 366
Особенная чепуха за день – 22, 35
Оставьте наш суд в покое – 24, 168
Остановите этот позор – 23, 19
Осторожнее, поляки!.. – 15, 249
Алекс. Ник. Острогорский. Педагогические экскурсы в область литературы – 28, 821
Остроумие среди крови – 15, 155
Осужденные – о себе – 18, 500
<От лучинки к лучинке...> – 24, 548
Ответ г.Владимиру Соловьёву – 28, 259
Ответ г. К. Сильченкову – 18, 158
Ответ г. Кирееву – 18, 486
ответ г. Лютецкому – 6, 185
Ответ г. Меньшикову – 26, 566
Ответ г. Н. Аксакову. Протоиерея А. Уского – 6, 253

Ответ Короленко – 22, 249
Ответ на анкету «Религия и освободительное движение» – 17, 30
Ответ о. Ф.Орнатскому – 5, 176
Ответ свящ. Владимиру Галкину – 22, 87
Ответное письмо г. А-ту – 18, 343
Ответы не на тему – 5, 276
Отзыв о письмах П.А. Кускова. – Гатчинского Отшельника. С возражениями В. Розанова – 6, 191
Открытки – 27, 723
Открытое письмо А.Пешехонову и вообще нашим «социал-сутенерам» – 20, 429
Открытое письмо В.В. Розанову А-та – 18, 340
Открытое письмо В.В. Розанову. А. Скопинского – 18, 133
Открытое письмо в редакцию «Нового Времени» <о разводе> – 18, 184
Открытое письмо г. В. Розанову. Свящ. К. З-кий – 18, 368
Открытое письмо г. Розанову как автору «Непорочной семьи». Геннадий Ел-ев. – 18, 95
Открытое письмо к автору. СПб. миссионера Н. Булгакова – 5, 200
Открытое письмо к г.Алексею Веселовскому – 28, 404
Открытое письмо к г-же Вере Воскресенской – 23, 566
Открытое письмо к Д.В.Философову – 27, 250
Открытое письмо к редактору «Русского Труда». – Священника А. У-ского – 6, 148
Открытое письмо об «Апостальских Постановлениях». Проф. А. Бронзова – 5, 273
Открытое письмо С.К. Эфрону (Литвину) – 9, 306
Откуда «злые мачихи» – 26, 676
Откуда идет грубость суда над разводящимися? – 24. 175
Откуда несходство греческого и еврейского текстов Св. Писания? – 9, 289
Откуда эти люди? – 14, 178
Отношения епископа к священникам – 5, 341
Отойди, сатана – 21, 281
Отречение дарвиниста – 28, 7
Отрывки — 29, 813
Отрывок (из Петербургских видений)– 28, 584
Оттенок разницы (К спору о Египте)– 14, 308
Отцы-воспитатели русского общества – 23, 473
Отчего все это произошло? – 15, 317
Отчего левые побеждают центр и правых? – 8, 155
Отчего молчит духовенство? – 25, 681
Отчего не удался памятник Гоголю? – 1, 302
Отчего плохо правописание в гимназиях? – 25, 326
Официальный нигилизм – 22, 147
Оценка аскетизма с точки зрения Божественной благости – 18, 800

Падающие колосья – 28, 563
Памяти А.С.Суворина – 29, 778
Памяти А.С.Хомякова – 5, 419
Памяти Ал. Ив. Косоротова – 22, 85
Памяти Александра Карловича Закржевского – 24, 358
«Памяти Андрюши Ющинского» (Письмо в редакцию) – 9, 410
Памяти Анны Павловны Философовой – 22, 69
Памяти В.О.Ключевского – 7, 567
Памяти В.Ф. Комиссаржевской – 1, 328
Памяти Вл.К. Петерсена – 16, 29
Памяти Вл. Соловьёва – 4, 64
Памяти Владимира Францевича Эрна – 24, 507
Памяти высокопреосвященного Ионафана – 16, 72
Памяти Дм.Вас. Григоровича – 27, 323

Памяти дорогого друга <О К.Н. Леонтьеве> – 28, 445
Памяти Е.И.Апостолопуло – 24, 462
Памяти Евг. Льв. Маркова – 26, 555
Памяти И.П.Мержеевского – 16, 294
Памяти Ив. Влад. Цветаева – 1, 413
Памяти Ив. Леонт. Леонтьева-Щеглова – 21, 119
Памяти Иллариона Васильевича Кривенко – 23, 159
Памяти Н.И.Стороженко – 16, 11
Памяти проф. Лесгафта – 19, 387
Памяти проф.-протоиерея А.П. Лебедева – 16, 342
Памяти Серг. Серг. Боткина – 1,326
Памяти Сергея Сергеевича Боткина – 1, 455
Памяти усопших – 7, 348
Памяти усопших. Н.Н.Страхов – 7, 355
Памяти усопших. О.И.Каблиц (Юзов) – 7, 348
Памяти усопших. Ф.Э.Шперк – 7, 376
Памяти усопших. Ю.Н.Говоруха-Отрок – 7, 351
Памяти усопших. Я.П.Полонский – 7, 380
Памяти Ф.М.Достоевского (28 января 1881 – 1906 гг.)– 4, 198
Памяти Федора Евгеньевича Корша (1843—1915 гг.) – 23, 428
Памятка – 14, 486
Памятка о Ключевском – 21, 102
Памятник Императору Александру III – 1, 454
Памятник М.Н. Муравьеву в Вильне – 28, 553
Панихида по Иоанне Гусе в Москве – 24,308
Папская «непогрешимость» как орудие реформации без революции – 5, 263
Парализованный закон – 25, 424
Параллельно В.В. Розанову. А-та – 18, 360
Партии дурного тона – 17, 181
Паскаль – 28, 12
Пасквале Виллари. Джироламо Савонарола и его время. Т.1 – 1, 382
Пассивное и активное отношение к злодеяниям в семье – 20, 397
Пассивные идеалы – 27, 345
Пасторское собрание по вопросу о незаконных сожительствах и мерах для борьбы с этим злом – 18, 238
Пасха в Соборе св. Петра – 1, 26
Пегий человек – 8, 87
Педагоги вне политики – 27, 684
«Педагоги» Отто Эрнста – 27, 717
Педагогика как самодействующий автомат (К съезду директоров и преподавателей гимназии) – 22, 17
Педагогическая компетенция преподавателей – 27,238
Педагогические архаизмы – 5, 94
Педагогические таланты – 26, 614
Педагогические трафаретки – 28, 756
Педагогички-весталки – 18, 613
Первая колыбельная песня на земле – 6, 423; 14, 89
Первая молитва на земле – 6, 408; 14, 74
1 марта 1881 г. – 18 мая 1896 г. – 28,600
Первые годы в школе – 20, 331
Первые плоды веротерпимости – 25, 576
Первые шаги отечествоведения – 10, 203
Первый всероссийский женский съезд – 17, 316
Первый дебют – 21, 65
Первый полный перевод сказок Лабулэ – 1, 443
Первый шаг в реформе гимназий – 27, 517
Переводчик и редактор (К изданию переводов И.Ф.Анненского) – 24, 474
Перед Вифлеемской звездой – 17, 326
Перед возобновлением Думы – 15, 394
Перед Государственной Думой – 23, 485
Перед гробом Толстого – 20, 394
Перед гробом Столыпина – 21, 267
Перед задачами женского образования – 22, 156
Перед зёвом смерти – 14, 264

Перед избирательными урнами – 15, 463
Перед клубом – 18, 172
Перед положительными задачами истории – 24, 499
Перед рассветом – 25, 460
Перед Сахарной – 9, 13
Перед созывом церковного собора – 25, 662
Перед трудными минутами – 25, 297
Перед церковным собором – 29, 759
Передвижение пола из положительных в отрицательные тяготения – 3, 329
Переживание – 2, 441; 12, 33
Переживание и перерождение – 8, 610
Перемена в обер-прокуратуре Св. Синода – 25, 655
Переписка В.В.Розанова и П.А. Флоренского – 29, 9
Переписка В.В. Розанова и С.А. Рачинского – 29, 413
Переписка В.В. Розанова с К.Н. Леонтьевым – 13, 317
Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым – 13, 5
Перепутанные политики – 17, 240
Пересмотр учебных программ как условие экзаменов – 17, 82
П. Перцов. «Венеция и венецианская живопись» – 1, 375
Песни прекрасного мальчика – 23, 348
Песня песней – 6, 423; 14, 89
Пестрые темы – 17, 107
Пестум – 1, 110
О. Петерсон и Е. Балабанова. Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов – 27, 464
Петр Великий и Петербург – 26, 629
Петербург и Кутлер – 19, 278
Петрищев как 12-дюймовая пушка – 21, 214
«Петрушка» в Думе – 15, 478
Печальное «resumй» – 5, 280
Печатание ситцев – 25, 269
Печатное слово в России – 27, 178
Пий X – 23, 363
Пимен Карпов и его «Говор зорь» – 23, 252
Писатели-целители. Свящ. Г. Петров и его книга «К свету». Независимый и его книга «Как нам жить. «Этика обыденной жизни» – 5, 153
Писатель семидесятых годов – 27, 478
Писатель-художник и партия – 4, 175
Письма А.П.Чехова – 24, 207
Письма В.А. Мордвиновой к В.В. Розанову — 29, 614
Письма В.В. Розанова к А.С. Суворину — 22, 335
Письма В.В. Розанова к К.Н. Леонтьеву – 13, 395
Письма В.В. Розанова к Н.Н. Страхову – 13, 144
Письма В.В.Розанова к П.А. Флоренскому – 29, 194
Письма В.В. Розанова к С.А. Рачинскому – 29, 485
Письма К.Н. Леонтьева к В.В. Розанову – 13, 329
Письма Н.Н. Страхова к В.В. Розанову – 13, 7
Письма П.А. Флоренского к В.В. Розанову – 29, 9
Письма С.А. Рачинского к В.В. Розанову – 29, 413
Письма к Э.Ф. Голлербаху – 17, 335
Письма В.В. Розанова А.С. Суворину – 22. 335
Письма к Э.Ф. Голлербаху – 17, 335
Письма О. Иванова, анонима, Де Плансона, NN, А. П-вой**, Ел. П. – 18, 324
Письмо Анны С-н – 18, 127
Письмо анонима – 18, 130, 394
Письмо А. Лютецкого. С замеч. В.Розанова – 6, 183
Письмо А. Устьинского – 18, 162
Письмо в редакцию <Извинение перед А.Г. Достоевской> – 16, 82

Письмо в редакцию <О вызове на дуэль> – 22, 36
Письмо в редакцию <0 выходе из совета Рел.-фил. об-ва> – 19, 29
Письмо в редакцию <0 брошюре И.Г. Айвазова> – 24, 440
Письмо в редакцию <О газете «Жало»> – 23, 526
Письмо в редакцию <О домовых церквах> – 21, 323
Письмо в редакцию <О Д.С. Мережковском> – 26, 505
Письмо в редакцию <О книге В.А. Добролюбова> 26, 330
Письмо в редакцию <О незаконнорожденных> – 18, 651
Письмо в редакцию <О Н.Я. Гроте> – 29, 740
Письмо в редакцию <О переводе денег в Мюнхен> – 20, 292
Письмо в редакцию <О П.П. Перцове> – 27, 432
Письмо в редакцию <О семейной потере> – 21, 277
Письмо в редакцию <О статье В.Я. Колачева> – 25, 552
Письмо в редакцию <О статье Д.С. Мережковского> – 27, 516
Письмо в редакцию <О статье «Необходимое разъяснение»> – 28, 388
Письмо в редакцию <О тенденциозности газеты «Речь»> – 23, 251
Письмо в редакцию <О Ходынке> – 28, 607
Письмо в редакцию <Об И.Ф. Анненском> – 24, 484
Письмо в редакцию <Об ошибках в тексте Розанова> – 24, 99
Письмо в редакцию <Ответ Д. Заславскому> – 24, 357
Письмо в редакцию <0твет Струве> – 21, 21
Письмо в редакцию <Сбор денег в храме> – 17, 81
Письмо в редакцию <Сведения о России> – 2, 357
Письмо в редакцию <«Северный Вестник»> – 28, 577
Письмо в редакцию газеты <«Новое Время»> – 10, 99
Письмо в редакцию газеты <«Товарищ»> – 29, 765
Письмо в редакцию <»Гражданина»>. — Священника И. Петропавловского – 6, 234
Письмо в редакцию «Нового Времени» <О незаконнорожденных> – 18, 453
Письмо в редакцию «Нового Времени» А. Дернова – 18, 290
Письмо в редакцию о. Михаила – 26, 752
Письмо в редакцию. Об издании книги «Из восточных мотивов» – 24, 512
Письмо г. А. Григорьева – 18, 454
Письмо из Адрианополя о русско-католических отношениях – 5, 225
Письмо Незнакомца – 18, 135
Письмо Некого – 18, 137
Письмо о миссионерах Всры Гриневич – 5, 115
Письмо председателю Совета «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви протоиерея Ф. Орнатского – 5, 175
Письмо С. Б-х – 18,163
Письмо Св-на – 18, 136
Письмо священ. Иоанн. Рунева. С замеч. В. Розанова – 6, 175
Письмо – Скорбящего – 5, 537
Письмо С. Ч-ского – 18, 129
Плач о «недостойном существовании» России – 17, 168
Ал. Платонова. На высотах духа. Стихотворения и рассказы – 22, 72
Ф.Н. Плевако (Некролог) – 16, 410
Плеханов о религии – 19, 328
По вопросам преобразования высших учебных заведений – 26, 444
По Германии – 1, 127
По канве египетских рисунков – 14, 127
По поводу В. Немировича-Данченко – 18, 526

По поводу доклада о.Михаила о браке – 3, 38
По поводу законопроекта о «разлучении супругов» – 18, 122
По поводу новой книги о Некрасове – 7, 615
По поводу одного стихотворения Лермонтова – 10, 313
По поводу одной страницы в «Воскресении» гр. Л.Н.Толстого – 18, 799
По поводу одной тревоги гр.Л.Н.Толстого – 7, 385
По поводу письма Э.Л. Беренса – 23, 312
По поводу полемики об «Апостольских Постановлениях». А. Папкова – 5, 279
По поводу статьи проф. Н.К. Никольского – 25, 545
По поводу толков о разводе. Н. Осипов – 18, 179
«По причине оставления одним супругом другого» – 20, 36
<«По России надо проехаться»> – 27, 131
По следам книгопродавческого съезда – 19, 235
По старому Риму– 1, 33
По тихим обителям – 3, 104
Победа христианства над жизнью и над смертью – 5, 494
К.П. Победоносцев – 7, 516
К.П. Победоносцев в его переписке – 16, 256
К.П. Победоносцев. Новая школа – 27, 132
Повод – 24, 360
Поганая власть или добрый совет? – 2, 338
«Погибшие и погибающие». Письмо в редакцию – 27, 122
Пограничные запахи – 20, 233
Погребатели России – 4, 421
Под знаменем науки – 26, 465
Под золотыми маковками в Киеве – 16, 325
Под колесом. Драма в 4-х действиях г-на Жданова – 1, 196
Под спудом – 18, 196
Под старость лет... – 19, 333
Подготовление к профессуре в России – 19, 188
Подвижники раннего христианства – 3, 257
Подробности и частности – 6, 403; 14, 69
Поездка в Ясную Поляну – 4, 319
Поездка к хлыстам – 14, 346
Поездка на Абро – 29, 732
Поздние слезы – 19, 250
Поздние фазы славянофильства (Н.Я.-Данилевский)–7, 246
Поздние фазы славянофильства (К.Н.Леонтьев) – 7, 253
Поздний гнев – 27, 557
«Позлащенные кумиры» (К суду над священниками – депутатами Думы) – 16, 121
Пока кровь бежит горячо... – 24, 449
Поклонение Солнцу – 14, 153
Поклонники Аурамазды – 17, 267
Покровительство злым и беззащитность добрых – 18, 535
Пол и душа – 10, 213
Пол как прогрессия нисходящих и восходящих величин – 3, 264
Полезное издание для народа – 26, 338
Полезные указания – 25, 394
Полемические заметки – 19,357
Полемические материалы – 6, 82 и 140
Политика и «мероприятия» – 15, 138
Политика и ошибки тона — 29, 810
Политика Комба – 3, 448; 5, 527
«Политическая» и «юридическая» ответственность высоких учреждений и лиц – 24, 447
Политические суеверия – 15, 391
Положение духовенства в государстве — 15, 191
Полупонятные руины – 20, 293
Польза и слава России – 27, 619
<Польша> – 28, 501

Поляки в Думе – 15, 101
Поляки в сотрудничестве с русскими – 17, 296
Поменьше археологии! – 25, 547
Поминки по славянофильстве и славянофилах – 7, 447
Помощь семействам запасных и деятельность церковных приходов – 23, 355
Помощь сиротам, пострадавшим при взрыве на Охтенском заводе – 23, 568
Помощь учителю – 26, 354
Помпеи – 1, 100
Поправка – 26, 243
Попутные заметки <О празднике древонасаждения> – 27, 145
Попутные заметки <О романе> – 27, 166
Попутные заметки <О русской культуре> – 27, 320
Попутные заметки <Об англо-бурской войне> – 27, 312
Попутные заметки <Л.Н. Толстой. Воскресение> – 27, 167
Попутные заметки <Л.Н. Толстой. Сорок лет> – 27, 148
Попы, жандармы и Блок – 4, 330
Пороки школы и поведение учеников – 25, 405
Посев и жатва на окраинах и в центре – 19, 283
Е. Поселянин. Русская церковь и русские подвижники XVIII века – 25, 600
Посещение преосвященного Гермогена – 22, 28
«Послания» Кондратия Селиванова – 14, 407
После Сахарны – 9, 156
Последнее похождение Кречинского – 8, 90
Последние возражения аскетизма и его поверхностность – 27, 300
Последние времена – 2, 420; 12, 12
Последние листья. 1917 год – 11, 237
Последние листья. 1916 год – 11, 5
Последние фрагменты о браке – 18, 653
Последний ответ г-ну Розанову по вопросу о браке А. Киреева – 18, 492
Последний ответ его превосходительству г. А. Кирееву на его последнюю диссертацию Анонима – 18, 495
Последняя капля – 21, 36
Послесловие к комментарию «Легенды о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» – 7, 152
Послушаем голоса матерей… – 24, 487
Посмертный том «Жизни и трудов Погодина» Н.П. Барсукова – 20, 221
Посмертный труд Генри Друммонда – 20, 199
Поспешная полемика – 25, 598
Потуги на пророчество – 19, 17
Поучительное в войне – 25, 289
<Похороны Д.С. Сипягина> — 26, 298
Почему Азеф-провокатор не был узнан революционерами – 19, 42
Почему мы отказываемся от «наследства 60-70-х годов»? – 7, 159
Почему на самом деле евреям нельзя устраивать
погромов? – 2, 442; 12, 34
Почему появился «Арцыбашев»? (К вопросу о разводе)– 24, 153
Почему фараоны хоронились не при основании пирамид? – 14, 166
Почему я не верю. Исповедание атеиста. А. К-ра – 5, 456
Почти единственная газета в России – 27, 661
Почти непоправимое дело — 20, 125
Поэтический материал – 27, 109
Права семьи в браке –20, 407
Правда и кривда – 2, 430; 12, 22
Правила добродетели и условия добродетели – 25,415
Правильная конституционная работа – 15, 121
Правительственный «социализм» и выборгская «анархия» – 19, 65
<Православие в Северо-Западном крае> – 29, 758

<Православная Аляска> – 28, 538
Православная богословская энциклопедия – 16, 14; 27, 560
Православная церковь в 1908 г. – 19, 8
Православные и католические святые о церковных истинах – 3, 171
Праздник и человек – 10, 343
<Праздничный отдых> – 28, 487
Практическая сторона в вопросе об адвокатуре женщин – 19, 363
Практические занятия студентов – 27, 241
Практические перспективы славянского единства – 17, 180
Практические указания – 5, 523
Предисловие <«В темных религиозных лучах»> – 3, 95
Предисловие <«Во дворе язычников»> – 10, 5
Предисловие <«Из восточных мотивов»> – 6, 339; 14, 7
Предисловие <«Итальянские впечатления»> – 1, 19
Предисловие <«Когда начальство ушло...»> – 8, 7
Предисловие <«Литературные изгнанники». Кн. 2> – 29, 7
Предисловие <«Около церковных стен» т. 1> – 5, 7
Предисловие <«Около церковных стен» т. 2> – 5, 233
Предисловие <«Природа и история»> – 26, 7
Предисловие <«Русская церковь и другие статьи»> – 3, 7
Предисловие <«Сахарна»> – 9, 7
Предисловие <«Сумерки просвещения»> – 28, 621
Предисловие к книге Л. Вилькиной (Минской) «Мой сад. Сонеты и рассказы» – 16, 83
<Предисловие к книге Р.Борхардта> – 20, 447
Предисловие к книге В.В. Розанова «Темный Лик. Метафизика христианства» – 3, 436
Предисловие к первому изданию <«В мире неясного и нерешенного»> – 6,7
Предисловие к первому изданию Предисловие <«Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»> – 7, 7
Предисловие к первому изданию <«Природа и история»> – 25, 7
Предисловие к первому изданию <«Семейный вопрос в России»> – 18, 7
Предисловие к 1-му изданию книги «Люди лунного света» – 3, 436
Предисловие к студенческому сборнику – 23, 568
Предисловие ко второй книге «Литературных изгнанников» — 29, 7
Предисловие ко второму изданию <«Природа и история»> – 25,9
Предисловие ко второму изданию первого выпуска <«Апокалипсис нашего времени»> – 12, 66
Предисловие ко второму изданию <«В мире неясного и нерешенного» > – 6, 8
Предисловие ко второму изданию <«Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»> – 7, 8
Предисловие ко второму изданию <«Семейный вопрос в России»> – 18, 19
Предмет и его тень – 27, 408
Предметная и курсовая системы экзаменов – 17, 303
Предметная система в школе – 27, 263
Предполагаемые «перемешения» в духовном ведомстве – 25, 564
Представители «нового религиозного сознания» – 16, 355
Представители России перед Европой – 17, 221
Представитель рабочих из Петербурга – 15, 309
Представление о России в годы учебной реформы – 28, 773
Предупредительная роль в третьей Думе – 15, 471

Прекрасный Иосиф и его братья – 5, 442
Прелести старокнижия – 1, 401
Преступная атмосфера – 21, 225
Преступная мать – 18, 485
Претензия Г. Думы на социальные перевороты – 15, 422
Преходящие величины – 15, 110
При свете истории – 26, 744
<Прибалтика> – 28, 496
Привилегии немецкой школы – 17, 244
Привисленские публицисты у московского «Князя» в гостях – 16, 233
Приговор по делу И. Куликова – 18, 485
Призвание Руси – 24, 44
Признаки времени – 22, 240
Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. Письма В.В. Розанова и А.С. Суворину – 22, 3
Призрение детей в монастырях – 25, 555
Призыв церкви к умиротворению – 25, 653
Приказ №1 — 2, 451; 12, 42
Прилежный редактор – 1, 349
Приложение. Произведения, не вошедшие в Собрание сочинений — 29, 724
Приложения <«Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского»> – 7, 114
Приложения для медиков и юристов – 3, 358
Примечание к «Нагие боги Востока» – 14, 203
Примитивные... – 2, 381
Принцип анархии – 2, 395
Принятые запросы – 22, 77
Приостановка издания «Сочинений К.Леонтьева» – 23, 10
Природа – 3, 192
Природа и история – 25,5
Природа и история. Статьи очерки 1904-1905 гг. – 25, 3
Природа и церковь – 21, 204
«Природоведение» живое и убитое – 24, 90
Присматриваясь к молодежи – 9, 341
«Присяжные» священники и «присяжный» митрополит – 15, 410
Пробел в законодательстве о семье – 26, 296
Пробуждающийся интерес к Древнему Египту – 14, 306
Пробужденный Левиафан – 15, 72
<Проверка учителей> – 27, 134
Провидение как растительная идея – 14, 156
Проводили – 15, 292
Программа домашнего чтения на 3-ий год систематического курса – 28, 816
Программа церковных реформ – 15, 188
Программы университетских лекций – 27, 698
Проект условий между Редакцией «Нового времени» и В.В. Розановым – 22, 268
Проекты производства бракоразводных дел – 18, 544
П.А. Прокошев. Didascatia Apostolarum и первые шесть книг «Апостольских постановлений» – 23, 148
Промышленные и торговые люди в будущем представительстве – 15, 49
Прописное глубокомыслие – 27, 667
Прорехи учения – 26, 595
Прорицатель Валаам – 10, 50
Простая рыбачка – 26, 593
Против течения (Библиографическая заметка) – 20, 336
Проф. В.И. Герье и его труд о французской революции – 21, 348
Проф. Вл. Ив. Герье и его «Философия истории от Августа до Гегеля» – 23, 467
Проф. Д.А.Хвольсон о ритуальных убийствах – 9, 356
Проф. Е. Кагаров. Основные идеи античной науки в их историческом развитии – 24, 431
Проф. И.А. Сикорский. Психологическое основание воспитания – 29, 743

Проф. Кузьмин-Караваев о суде над петербургскими адвокатами – 23, 339
Профессионалы «благотворительности» (К всероссийскому съезду по благотворительности в Петербурге) – 20, 108
Профессиональный эгоизм – 27, 691
Профессорский суд – 26, 416
Психиатры, судьи и «судебные фавориты» (К «психиатрическому исследованию» убийц г-жи Тиме) – 23, 51
Психика и быт студенчества – 18, 683
Психологическое осложнение иероглифов – 14, 309
Психология нашего отношения к расколу – 26, 819
Психология русского раскола – 26, 27
Публицистика на сцене («Весенний поток» г-на Косоротова)– 1, 217
Публицисты и публицистика – 27, 390
Путаные идеи – 27, 184
Путь спасения в браке. – А. У-ского – 6, 224
А.С. Пушкин – 4, 36
Пушкин и Гоголь – 7, 136
Пушкин и Лермонтов – 4, 602
Пыль – 27, 695
50-й (юбилейный) патриотический концерт М.И. Долиной – 23, 438
Пятый сионистский конгресс – 27, 755
50 лет внимания (Юбилей В.Г. Белинского) – 7, 300
50-летие А.С. Суворина – 19, 69
50-летие кончины Гоголя – 26, 273
Пятьдесят лет служения русской литературе – 21, 311

Работы в тюремном ведомстве – 15, 61
Работы Голубкиной – 1, 338
Разговор с профессором – 27, 700
Разговор со скептиком – 27, 635
Разговор со старцем – 18, 123
Раздвоенность жизни. Свящ. А. Устьинского – 5, 258
Размолвка между Достоевским и Вл.Соловьёвым – 7, 439
Размышления по поводу письма епископа Никона – 24, 445
Разница имен или разница вещей – 25, 543
Разные роды службы – 26, 403
Разочарования и надежды – 15, 352
Разочарованное начальство – 17, 197
Разрозненные отзвуки спора – 6, 175
Разъяснение недоразумений. Письмо В.В. Розанову. Проф. А. Бронзова – 5, 277
«Раненая» молодежь – 22, 12
Ранняя инвалидность учителей – 26, 339
Рассеянное недоразумение – 28, 318
Рассказ бабушки – 5, 328
Рассказ простой женщины – 24, 327
Рассказы И.Л.Щеглова – 20, 164
Расслабленная мысль – 17, 282
Расслоения в партиях – 15, 53
Рассыпавшиеся Чичиковы – 24, 525
Рассыпанное царство – 2, 413; 12, 5
Рафаэлевское и рембрандтовское христианство – 20, 436
С.А. Рачинский и его Татево – 26, 312
С.А. Рачинский о средней школе – 26, 254
Серг. А. Рачинский. Сборник статей – 27, 138
<Реальное и классическое образование> –28, 557
Реальные силы и идеальные возможности в политике – 17, 289
Революционная Обломовка – 2, 389
В. Реков. Без средней школы. Из жизни экстерна – 22, 225
Религиозная мистерия смерти и воскресения, греха и очищения – 10, 382
Религиозное движение (Наша анкета). Ответ В.В. Розанова – 23, 581
Религиозное освящение супружества. – Письма священника А. У-ского – 6, 196
Религиозно-философские собрания – 26, 303; 27, 750

Религиозно-философские собрания в Петербурге – 16, 253
Религиозные голоса в нашей службе – 16, 41
Религиозный прозелитизм и о наказуемости за него – 19, 151
Религиозный «эклектизм» и «синкретизм» (Из воспоминаний о Вл. С.Соловьёве)– 21, 150
Религия жизнетворчества – 18, 258
Религия и зрелища. (По поводу снятия со сцены «Саломеи» О.Уальда)– 1, 269
Религия и культура – 26, 5
Религия и культура. Статьи и очерки 1902-1903 гг. – 26, 3
Религия и национализм – 24, 372
Религия и политика – 27, 215
Религия как свет и радость – 5, 10
Религия как чудо и очевидность. Примечания к размышлениям неверующего. В. Розанова – 5, 468
Религия унижения и торжества — 21, 74
Реликвии Кальвина – 1, 143
Речи в «Речи» – 20, 395
Речи из «Речи» – 15,327
<Речь Г.Э. Зенгера> – 26, 301
Речь министра народного просвещения – 25, 414
Речь по поводу 900-летия крещения Руси – 26, 817
Рим – 1, 21
«Родовое начало» в истории – 20, 410
Рождество Христово – 20, 443; 28, 541
Рождество Христово ныне и вечно – 19, 418
Рождественские елки в сельской школе – 5, 84
Рождественский подарок сельской школе – 21, 329
Розовая повязка на глазах (К съезду для борьбы с проституцией) – 20, 148
Роковая филологическая ошибка – 14, 387
Роковое в «наследии» Толстого – 21, 331
В.Е. Романовский (сост.). Государственные учреждения древней и новой России – 28, 618
Ропшин и его новый роман – 4, 564
Россия и папство – 23, 32
<Россия и Франция> – 28, 492
Рост и культура взаимного доверия – 15, 325
Рост славянского единства – 17, 177
Руки!!! руки!!! руки!!! – 9, 349
Рукоделье в женских гимназиях – 18, 634
<Русская Аляска> – 28, 536
Русская государственность и общество – 15, 262
Русская государственность и общество. Статьи 1906-1907 гг. – 15, 3
Русская инициатива в истории – 27, 611
Русская карамазовщина – 15, 152
Русская старина – 24, 265
Русская церковь и другие статьи – 3, 5
Русская церковь. Дух – Судьба. – Очарование и ничтожество. – Главный вопрос – 3, 8
Русские втягиваются в политическую жизнь – 15, 38
Русские и турецкие конституционалисты – 17, 310
Русские и французы – 26, 306
Русские идеалы – 25, 444
Русские исторические портреты на выставке в Таврическом дворце – 8, 44
Русские крестьяне на войне – 24, 133
Русские могилы – 3, 192
Русские могилы в иноверных странах – 23, 463
«Русские символисты. В.Я. Брюсов. Д.С. Мерсжковский. А. Добролюбов» – 26, 828
«Русский Библиофил» за 1913 г. V выпуск – 1, 403
«Русский Библиофил». 1916. Кн. 1 – 29, 800
Русский народ не техник, а идеалист – 5, 518

Русский «реалист» об евангельских событиях и лицах – 16, 206
Русский Нил – 16, 145
Русский священник на войне – 23, 12
Русское сектантство как три колорита русской церковности – 25, 617
Русско-католические отношения – 5, 224
Ж.Ж. Руссо – 4, 569
Русь и Гоголь – 4, 352

С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)– 4, 659
С натуры – 20, 59
С Новым годом! – 24, 27
С печальным праздником – 24, 526
С Рождеством Христовым!.. – 23, 187, 563; 24, 15, 444
С Светлым Воскресением!.. – 23, 292
С Светлым праздником! – 24, 161
С Юга – 7, 308
Д. Садовников. Наши землепроходцы (Рассказы о заселении Сибири) 27, 125
Салерно – 1, 107
Самообладание и распущенность – 15, 88
Самозащищающиеся корпорации – 25, 647
Самообеспечение рабочих – 27, 332
«Само»-определение – 24, 501
Самоотрицание пола – 3, 343
Самоотрицание пола; духовная содомия и аскетизм – 3, 303
Саморазвитие рабочих и ремесленников – 15, 23
Самосожжение – 3, 190
«Самосуд» и темнота народная – 25, 604
Сантиментализм и притворчество как двигатели революции – 19, 239
Сахарна – 9, 5
Саша Амфитеатров и его эпилог – 7, 601
Сборник памяти Анны Павловны Философовой – 23, 523
Сборник писем Влад. Соловьёва – 16, 384
Светлый праздник русской земли – 2, 340
Светочи церковной жизни как руководители церковного суждения. Письмо Вл. Ересневa. С примечаниями В. Розанова – 5, 283
Свеча в храме – 3, 253
Свобода и вера (По поводу религиозных толков нашего времени) – 28, 242
Свобода и необходимость – 27, 290
Свое слово. Философско-литературный сборник, издаваемый проф. А.А. Козловым. № 5. – 27, 120
Своевременная забота – 27, 675
Своевременная книга – 27, 627
«Свои люди» поссорились... – 16, 301
Связь частной и народной нравственности – 15, 420
Святилище Ваала и Астарты – 17, 9
Святое чудо бытия – 18, 309
«Святость» и «гений» в историческом творчестве – 4, 635
Святость и смерть – 3, 135
«Святые» и «духовенство» в Церкви – 5, 491
Священник Иоанн Лабутин. Характер христианской благотворительности – 27, 392
Священник Н.Р.Антонов. Русские святые богословы и их религиозно-общественное миросозерцание – 22 230
Священник профессор Вл. Сахаров. Истинно христианская общественность – 24, 169
Священник Феодосий Левицкий и его сочинений – 22, 223
Священнический совет при Епископе – 5, 195
Священный блуд – 14, 182
«Священный» оттенок в теперешней войне – 24, 385
«Се человек»... – 19, 372

Севастопольцы и П.С. Нахимов (По воспоминаниям очевидца его смерти) – 26, 360
Г.Т. Северцов (Полилов). Аккорды бытия. Очерки и рассказы – 27, 528
Сегодня мы похороним «Эль-Эса» – 23, 445
Сегодня утром – 2, 386
Сегодняшний день (Сбор в пользу Польши) – 23, 370
Сельскохозяйственная колония для девушек-матерей – 18, 615
Семейное призрение раненых – 25, 284
Семейный вопрос в России. Дети и родители. — Мужья и жены. — Развод и понятие незаконнорожденности. – Холостой быт и проституция. – Женский труд. – Закон и религия – 18, 3
Семилетний курс общей школы – 27, 605
Семинаристы-студенты – 5, 74
Семьи отъезжающих на Дальний Восток – 25, 284
Семья – дети – религия. Геннадий Ел-ев – 18, 98
Семья и сожитие с животными – 14, 128
Семья и церковь – 15, 252
Семья как истинная школа – 28, 794
Семья как предмет закона – 18, 23
Семья как религия – 6, 67
Семя и жизнь – 26, 150
Серия недоразумений – 10, 152
Вал. Алекс. Серов на посмертной выставке – 23; 236
Серьезный критик – 26, 572
«Сии» и «оные» – 15,157
Сикстинская Мадонна – 1, 127
Сила национальности – 16, 322
Силуэты третьей Думы – 17, 101
Символика, символы, подобия и преображения – 14, 163
Символическая выставка Мих. Ив. Сапожникова – 24, 506
Симферопольские казусы – 27, 486
Сицилианцы в Петербурге – 1, 275
Сказки и правдоподобия – 1, 173
Сказочное царство – 10, 117
Скептический ум (К.П.Победоносцев и его «Московский сборник») – 5, 134
Сколько раз можно было вступать в брак в древней церкви – 18, 574
Скопческие духовные песни – 14, 415
Скорбные мысли проф. Демьянова о земском соборе – 8, 35
Скоро ли улучшено будет положение учителей? – 21, 98
Скука – 14, 277
Славяно-медики и их просьба – 26, 244
Славянство и «грецеская церковь» – 15, 126
Сладкое и горькое на Руси (К истории проф. М.М. Тареева) – 20, 260
Слова Думы и дела Думы – 15, 299
Слово Божие в нашем ученьи – 5, 71
Слово о Страшном Суде и современных событиях. Антонин, епископ Волынский – 5, 449
Сложность вопросов «чести» и нравственности – 26, 735
Л. С<лонимский>. Мысли Белинского о воспитании. К пятидесятилетию со дня его смерти – 27, 119
Случаи любви – 10, 242
Случай – 3, 450
Случай в деревне – 3, 143
Случай в клиниках Виллие – 18, 196
Случай из жизни гр. Л.Н. Толстого – 18, 195
Смена мировоззрений – 25, 139
Смертное – 30, 365
Смерть Анатолия Бороздина – 26, 804
Смерть и воскресение – 19, 109
Смерть... и что за нею – 19, 317
Смерть урожая († урожая) – 23, 92
Смерть учительницы Еремсевой – 5, 87
Смешанные браки – 17, 229
Смешанные присяжные суды в вопросах семьи и брака – 18, 131
А. Смирнов-Кутачевский. Иванушка-дурачок. Русские народные сказки – 1, 380

Ив. Смольянинов. Серые шинели. рассказы участника войны – 23, 558
Смысл аскетизма – 26, 157
Смысл недавнего прошлого – 28, 324
Снятие «вероисповедных недоимок» – 25, 562
Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва – 26, 269
Совесть – отношение к Богу – отношение к Церкви – 5, 124; 26, 588
Совет юношеству – 2, 469; 12, 60
Советы «осторожности» в левом лагере – 15, 290
Современные хананеи (О смешанных с иноверцами браках) – 18, 617
Содержание и пространство заповеди: «Не прелюбодействуй» (По поводу замечаний П.В. Тихомирова) – 25, 499
П. Соколов. История педагогических систем – 23, 116
«Солдат» или «воин»? – 23, 462
Солнце <Заботится ли солнце о земле?> – 2, 430; 12, 22
Солнце <Живет ли солнце?> — 2, 435; 12, 26
Солнце <Говорят: «Нет вечного perpetuum mobile»> – 2, 439; 12, 31
Солнце <Попробуй распять солнце, ...> – 2, 465
Солнце и виноград – 1, 84
Солнце <Милому Ховину...> – 24, 532
Вл. Соловьёв и Достоевский – 26, 428
М.П. Соловьёв и К.П. Победоносцев о бюрократии – 20, 9
Н.В. Соловьёв. История одной жизни. – А.А. Воейкова – Светлана – 23, 423
Сопоставление требований «Исхода», «Второзакония» и «Чисел» с 3-м и 4-м «Апостольскими правилами» о принесении «пред Господа», в Храм, начатков плодов земледелия и всего «перворождающегося» – 5, 495
XL. «Новое Время» (1876-1916 гг.) – 29, 785
43 года «корректности» –16, 374
Сославное ли только безвкусие? – 27, 758
Состав русского поместного собора – 15, 10
София Благодушная. Как он пошел в народ. – 25,649
Социал-комики – 22, 42
Социализм в теории и натуре – 2, 361
Социализм во Франции и везде – 20,425
Социально-политические силуэты – 22, 59
Сочинения Юрия Феодоровича Самарина. Т.4 – 21, 260
Союз воспитания и медицины – 27, 753
Союз трех дворян против России – 26, 805
Союз церкви и государства в сфере народных училищ – 20, 174
Спаситель – в мире – 16, 278
Спектр пола – 14, 284
Д.А. Сперанский. Из литературы Древнего Египта – 16, 33
Спешно – 23, 401
Спор из-за хлебов (Открытое письмо еп. Никону о множестве праздников) – 19, 96
Спор не без идеи – 27, 531
Спор не на тему – 5, 521
Спор об апокрифах – 5, 271
Спор об убитом ребенке – 18, 298
Споры около имени Белинского – 4, 585
Споры по недоразумению – 26, 463
Среди анархии – 8, 61
Среди газет и журналов – 17, 279; 20, 206
Среди иноязычных (Д.С. Мережковский) – 4, 145
Среди людей «чисто русского направления» – 15, 195
Среди обманутых и обманувшихся – 18, 718
Среди «симптомов» – 15, 473
Среди художников – 1, 159
Среди человеческих слез – 5, 325

Средство сократить служебную переписку – 26, 379
Срок деревенского ученья – 5, 512
Станислав Птибышевский. Заупокойная месса – 10, 380
Старая и молодая Россия – 19, 252
Старая и молодая Россия. Статьи очерки 1909 г. – 19, 3
Старинка – 24, 30
Старое и новое — 7, 159
«Старо»-католики и просто католики – 15, 164
Старообрядчество, предание мертвое и предание живое – 25, 609
«Старые годы» – 24, 43
«Старые Годы» и «Русский Библиофил» – 24, 143
Старые имена – 25, 516
Старые москвичи в Думе – 8, 611
Старый и новый год – 21, 15
Старый нерешенный спор — 23, 243
Старый поновленный спор – 23, 243
В.В. Стасов (Некролог) – 16, 71
Над. В. Стасова и основание «Высших женских курсов» в Петербурге – 26, 825
Статистика преступности у христиан и евреев – 5, 240
Стенная живопись – 1, 406
«Стиль» в вещах (К вопросу о реформе духовных училищ) – 21, 132
Стиль вещей – 19, 392
Сто лет поэзии и прозы – 26, 264
Столетие колыбели русского просвещения – 26, 547
Столетний юбилей И.Г.Фихте – 23, 319
Столицы мира – 14, 221
«Страды» Кондратия Селиванова – 14, 396
Страница из истории Министерства просвещения – 20, 355
Странность – 2, 454; 12, 45
Странствующее христианство – 15, 25
Страстная пятница – 1, 429
Страстная пятница в Соборе св.Петра – 1, 21
Страстная суббота в Колизее – 1, 23
Страховка пассажирского багажа – 26, 400
Стропила семейного уклада (Ответ г. А-ту) – 18, 351
Струве о духовном сословии и духовной школе – 24, 40
П.Б. Струве о «Записках» С.М. Соловьёва и о времени Александра III – 23, 551
П.Б. Струве о М.М. Ковалевском и г. Изгоев о г-не Пешехонове – 24, 248
«Ступени» Веры Рудич – 23, 287
А.С. Суворин – 22, 177
Суворин и Катков – 24, 126
А.С. Суворин и Д.С. Мережковский – 7, 600
Суд и феминизм (По поводу инцидента в петербургском окружном суде) – 19, 361
Суд и человек – 27, 471
Суд Линча – 18, 29
Суд над мертвыми – 3, 171
Судебная обструкция – 15, 174
Судебная хроника. Сгоревший муж – 18, 480
«Субботние» бюллетени – 27, 199
Судебные болячки – 17, 161
Судьба людей – 3, 199
Судьба первого запроса в Г. Совесе – 15, 350
Судьба Польши и слово Верховного Главнокомандующего – 11, 290
Судьба русского ученого – 25,320
Судьба сельского священника – 15, 184
Судьба «Черных воронов» – 1, 264
Судьбы нашего журнального консерватизма – 27, 295
Судьбы русского консерватизма – 15, 402
Суздальские сидельцы – 25, 484
Сумерки просвещения – 28, 622

Сумерки просвещения. Сборник статей по вопросам образования – 28, 619
Супружество в первые века христианства. Письмо священника А. У-ского – 6, 210
Сфера, оставленная без внимания, и задача наших молитв. – Письмо к редактору «Гражданина». Священника А. У-ского – 6, 219
Сфинкс. – Стихотворение Дм. Шестакова – 6, 82
Схоластическое законодательство – 19, 232
Счастливый обладатель своих способностей – 4, 105
Съезд законоучителей светских учебных заведений – 19, 218
Съезды учителей – 27, 722
Сын – 2, 434; 12, 26
Сыновья и дочери при наследовании – 26, 616

Таблица вопросов религиозно-философских – 5, 489
А.Г. Табрум. Религиозные верования современных ученых – 21, 325
Таинства Египта – 14, 252
Таинственная посетительница — 21, 94
Таинственные соотношения – 24, 533
Тайна в музыке песнопений – 24, 538
Тайна Дианы Ефесской – 14, 211
Тайна Озирта – 14, 210
Тайна скарабея – 14, 212
Тайна стихий – 10, 264
Тайна человеческого рта – 14, 209
Тайна четырех лиц, шести крыл и омовение – 14, 91
Тайны мира – 2, 438; 12, 30
Так ли хочет умирать человек!.. (К самоубийству Лафаргов) – 21, 312
...так называемые «Нагие боги» – 14, 195
«Такос правило» – 19, 398
Талант учительства или подготовка к учительству – 27, 243
Талантливость и бесталанность в духовенстве – 5, 148
Танцы – 14, 274
Танцы невинности (Айседора Дункан)– 1, 286
«Татевский сборник» С.А. Рачинского – 27, 326
Твердая постановка семьи – 18, 802
Театр и юность – 1, 331
Текст о вкушении крови евреями – в Библии ЕСТЬ!!! – 9, 410
Тема – 20, 325
Тема и Боккачио и Сократа (О цензуре) – 4, 560
Тема нашего времени – 10, 167
Темная Дума – 15, 94
Темная строка в Талмуде – 20, 310
Темные дни – 15, 115
Темный Лик – 3, 404
Темный Лик. Метафизика христианства – 3, 449
Темный правовой вопрос – 21, 40
Тенор журналистики – 26, 806
Теория исторического прогресса и упадка – 4, 680; 28, 828
Теория Чарльза Дарвина, объясняемая из личности её автора – 25, 33
Теперь и прежде – 26, 127
Террор против русского национализма – 21, 218
Террор против русского национализма. Статьи и очерки 1911 г. – 21, 3
Теснота в средних учебных заведениях – 26, 425
Н.С. Тихонравов. Сочинения – 28, 314
То же, но другими словами – 7, 509
«Товарищ» о локаутах – 15, 425
Товарищество больных – 27, 683
Толстовство и жизнь – 19, 412
Л.Н. Толстой – 4, 299
Толстой в литературе – 4, 467
Л.Н. Толстой и Н.Я. Грот (Предсмертные мысли Толстого) – 20, 399
Толстой и Достоевский об искусстве – 4, 205

Толстой и крапивенские аборигены – 20, 432
Л.Н. Толстой и Русская Церковь – 21, 247
Толстой между великими мира – 4, 307
<Л.Н. Толстой о юбилее Гоголя> – 19, 98
«Только на вынос» – 23, 375
Тоска по жертве – 20, 359
Трагедия механического творчества – 4, 558
Трагедия с каменным домом – 26, 672
Трагическое остроумие – 4, 326
Требования осторожности – 17, 257
Тревоги и надежды университета – 25, 632
Тревожная ночь – 3, 427
Тревожный и не разобранный вопрос – 19, 221
Тревожный «слух» – 25, 533
Трепетное дерево – 3, 101
Три главные принципа образования – 28, 692
Три гороскопа – 2, 459; 12, 50
Три кита – 27, 379
Три момента в развитии русской критики – 7, 234
Три письма П.А. Кускова. С замеч. В. Розанова – 6, 188
35-летие † Ап.Ал. Григорьева – 27, 260
<С.Н. Тройницкий. Фарфоровые табакерки...> – 23, 403
Труд г. Вл. Бонч-Бруевича о современных хлыстах – 24, 315
Труд и художество – 27, 393
Трудное время – творческое время – 8, 608
«Трудности» для инородцев – 23, 230
Трудные дни интеллигенции – 17, 220
Трудные стороны дворянского вопроса – 27, 152
Труды М.В.Ломоносова – 23, 446
Тульская история (К истории и загадке Черткова) – 21, 347
Ив.С. Тургенев (К 20-летию его смерти) – 4, 138
Туркестанские произрастания – 23, 555
Тут есть некая тайна – 10, 309
Туфля – 2, 440; 12, 32
1200 отказов в женском медицинском институте – 25, 628
1812 год в баснях Крылова – Памяти Отечественной войны 1812 г. – 1, 377
1912 и 1812 годы – 22, 7
1812-14 годы и их возможное идейное значение – 22, 186
Тьма — 10, 325
Тяжелые упреки духовенству. Н. Дроздова – 18, 365

У Айседоры Дункан – 1, 396
У гроба отца Иоанна Кронштадтского – 19, 48
У могилы Иоанна Кронштадтского – 19, 87
У ноги мужа – 6, 417; 14, 83
У развалин великой стены – 14, 110
Убийство великого князя Сергея Александровича – 25, 480
Убогенькие в истории – 21, 353
Уважение к вековым правилам (По поводу Н.С. Таганцева) – 23, 260
Увеличение бюджета женских гимназий – 27, 530
Увеличение университетской наукоспособности – 17, 298
Уголок Бессарабии – 23, 67
Уголок Капитолия у Александра Свирского – 23, 210
Удивительная книга и тема – 21, 321
Удлинение учебного года – 27, 354
Удобства холостого положения и неудобство семейного – 18, 169
Уединенное – 30,6
Ужасные страдания прогрессивной печати – 17, 276
Ужасный случай – 20, 308
Укрепление семьи – 18, 104
Улучшение состава думских гласных – 27, 451
Улучшение условий семьи – 18, 805

Улучшилось ли учебное дело? – 25, 435
Ум светит или сведения светят? – 14, 319
Умеренные степени полового влечения – 3, 289
«Умирающий гладиатор» и «Моисей» Микель-Анджело – 1, 68
Умственные перспективы – 27, 642
Умственные течения в России за 25 лет – 27, 397
Университет в образовании писателей – 27, 456
Университет в отношении к министру и попечителю – 27, 696
Университет в системе государственного управления – 17, 258
Университет и наука – 26, 520
Университет и студенчество – 17, 232
Университетская реформа <Высочайший указ 27 августа> – 25, 623
Университетская реформа <Правительственное сообщение от 26 августа> – 25, 615
Университетский вопрос в освещении Н.П.Гилярова-Платонова – 26, 703
Упадок семьи – 18, 66
«Упокоенные» и предложенные к «упокоению» петербургские иерархи – 17, 58
Управление и самоуправление в духовном мире – 25, 535
Упрощение программ – 23, 441
Уравнение программ – 22, 150
Уроженцы и деятели Владимирской губернии – 27, 174
Уроки государственного самосознания – 17, 167
Усердствующий Митрофан – 20, 424
«Усиленные оклады и пенсии» в основных законах – 15, 59
Успехи нашей скульптуры – 27, 600
Успокоение как система – 15, 476
Устав Донского политехнического института – 17, 277
Устав женского медицинского института – 25, 392
Утверждение правил об улучшении положения незаконнорожденных детей – 18, 642
Утилизация главного женского таланта – 18, 620
Участие родителей в вопросах школы – 27, 269
Учебное харакири – 17, 272
Ученая пава – 9, 319
«Учение двенадцати апостолов» – 26, 227
Ученицы Дункан – 23, 315
Ученические сберегательные кассы – 27, 739
Училище для детей павших воинов – 25, 413
Учитель и ученики, гений и простые смертные – 25, 427
Учительницы в коммерческих училищах – 18, 632
Учительский вопрос в министерстве просвещения – 19, 27

Факты в безмолвии – 10, 244
Факты и мнения – 18, 373
Февральские потери – 25, 300
В.С. Федина. А.А. Фет (Шеншин). Материалы к характеристике – 24, 379
Федосеевцы в Риге – 5, 22
Ф. Фейгин. В чем должна заключаться задача образования? – 27, 425
<Феодосий Углицкий> – 28, 493
Физика и метафизика проституции (К 1-му всероссийскому съезду борьбы с проституцией) – 20, 151
Физическая сила и власть идей – 2, 359
Физическое и нравственное воспитание юношества – 5, 83
Философ Рудин – 27, 732
Философия погаснувшей свечи – 24, 440
Д.В. Философов с «неугасимой лампадой» – 22, 40
Философские влияния в русском обществе – 25, 119
П.А. Флоренский об А.С. Хомякове – 24, 403

Флоренция – 1, 113
Формы без содержания – 27, 541
Формы и практика – 27, 190
К.М. Феофанов. Иллюзии. Стихотворения – 27, 577
Фрагменты о браке — 18, 562
Франко-русские впечатления – 26, 100
<Франко-русский союз> – 28, 485
Франция теперь, прежде и вечно – 24, 489
Французский труд о Влад.Соловьёве. Очерк – 21, 136
Фридрих Кирхнер. Путь к счастью. Как надо жить – 26, 239
Фундамент грядущей школы – 27, 640

«Хищения» и новый строй – 20, 66
Ходатайство – 27, 654
Хозяин страны – 15, 96
А.С. Хомяков и Вл.С Соловьёв – 5, 419
< А.С. Хомяков... Литургия Иоанна Златоуста> – 22, 222
Хорошо ли знаете, «какого вы духа»? – С.Ф. Шарапову на его «примечания» к статье «Брак и христианство» – 6, 261
Храм ветхозаветный был храмом затаения – 9, 349
«Хризантемы» г-жи Владимировой – 1, 193
Христианин – 2, 453; 12, 44
Христианская свобода и политическая свобода – 15, 172
Христианские будни. Из хроники жизни – 18, 168
Христианские утешения – 18, 172
Христианский брак. М. Сменцовского – 18, 380
Христианство и связь его с цивилизацией – 19, 176
Христианство и семья – 22, 254
Христианство и язык – 28, 412
Христианство пассивно или активно? – 26, 134
«Христово Воскресение» в 1915 г. – 24, 21
Христос воскрес – 16, 95
Христос воскресе – 22, 72
Христос — как судия мира – 3, 74
Христос – Судия мира – 3, 404
Христос и «богатый юноша» – 3, 139
Христос между двух разбойников – 2, 467; 12, 58
Художественное изучение русского языка – 27, 725
Художество испуга и мировой его смысл – 20, 380
Художники и мелкая промышленность – 27, 721

Царевич Алексей – 25, 271
Царская милость учащейся молодежи – 26, 479
Царь среди народных избранников – 24, 80
Цветок на гроб моего Агатона – 23, 137
Цель человеческой жизни – 28, 143
Цензура – 24, 418
Ценные слова – 18, 564
Центр вопроса о реформе церковного управления – 25, 549
Центробежные силы в России (К вопросу о инородчине) – 23, 214
Церковно-общественное движение – 16, 15
«Церковные Ведомости» о брошюре А. Дернова «Брак или разврат?» Н.М. – 18,470
«Церковный Вестник» – о разводе – 18, 539
Церковный и вместе космологический вопрос – 21, 197
Церковный Собор в Москве – 15, 450
<Церковь> – 28, 507
Церковь в её минувших задачах – 5, 494
Церковь-благотворительница – 3, 159
Церковь и Дума (По поводу речей гг. гр. Олсуфьева и Кони) – 21, 307
Церковь-наставительница – 3, 158
Церковь «прежде почивших» и Церковь живых – 5, 357

Церковь эстетическая и церковь совестливая – 15, 134
Цивилизация «центра» и «окраины» (К духу исторического Египта)– 14, 312
Цифровые данные о незаконнорожденных – 18, 799
Чаадаев и кн. Одоевский – 23, 54

П.Я. Чаленко. Независимость христианского учения о нравственности от этики античных философов – 23, 40
И.И. Чарномская. К вопросу о помощи увечным воинам – 25, 606
Частная и государственная служба – 26, 390
Частные училища в Литве и Польше – 25, 650
Частный и общий интерес в Г. Думе – 15, 468
Часть и целое – 25, 108
Чего недостает Толстому? – 16, 344
Чем нам дорог Достоевский? (К 30-летию со дня его кончины) – 4, 529
Чему я смеялся? – 26, 485
Через какие щели просачивается водка в население – 23, 394
Черная Россия – 16, 109
Черный огонь. 1917 год – 2, 335
Черта характера древней Руси – 26, 85
Черточка к черточке – 3, 156
Четыре письма Анны С. Бухаревой – 5, 251
А.П. Чехов – 4, 473
Чиновник и деятель государственный – 27, 678
Чиновники – 19, 339
Чиновники в духовном ведомстве – 25, 530
Чиновничество и политические партии – 15, 12
Чрезвычайный Собор русской церкви и её будущность – 15, 453
Чтение в деревне – 26, 530
Чтение о. Григория Петрова в зале офицерского собрания 5 декабря – 25, 467
Что выражает собою красота природы? – 25, 701
Что говорят англичане о русской революции и русском союзе – 2, 371
Что же делать с родительскими комитетами? – 21, 258
Что же нам делать? – 115, 120
Что иногда значит «научно объяснить» явление? – 25, 114
Что мешает соединению церквей? – 5, 226
Что мне случилось увидеть... – 9, 394
Что надобно иметь в виду при изыскании мер к устранению незаконных сожительств? Доклад Пасторскому собранию с.-петербургского духовенства 1 декабря 1898 г. Священник А. Дернов – 18, 197
Что не принято в соображение при закрытии Кассы взаимопомощи литераторов – 19, 256
Что приснилось философу? – 27, 444
Что против принципа творческой свободы нашлись возразить защитники свободы хаотической – 28, 274
Что разумелось само собою – 24, 82
Что сделает Дума? – 15, 54
Что сказал Тезсю Эдип (Тайна Сфинкса)– 10, 287
Что такое «буржуазия»? – 2, 373
Что такое народ теперь? – 2, 353
Что такое обрезание – 14, 115
Что-то такое случилось – 2, 425; 12, 17
Что увидел неофит? – 3, 156
Чувство солнца и дерева у древних евреев – 26, 538
Чудесное в жизни и истории – 10, 155
Чудо Востока – 20, 142
Чудовище – 1, 76
К.И. Чуковский о русской жизни и литературе – 19, 118
К. Чуковский. Поэзия грядущей демократии. Уот Уитмен – 23, 515

Шакал – 14, 150
Шалун нашей прессы – 26, 544

С.Ф. Шарапову, напомнившему слова: «Могий вместити – да вместит» – 6, 280
Шарль Рише. Любовь (Психологический этюд) – 26, 739
«Шептуны» разных ярусов – 17, 226
Д. Шестаков. Исследования в области греческих народных сказаний о святых – 20, 446
Д.П. Шестаков. Стихотворения – 27, 318
Шестидесятые годы и «утилитарная критика» – 26, 509
Школа и жизнь – 27, 112
Школа и земство – 27, 163
Школа и семья – 27, 712
Школа историческая и школа грамматическая – 27, 236
Школьные течения наших дней – 20, 69
Школьный вопрос в Г. Думе, в министерстве и в жизни – 17, 183
Школьный мир в России (По поводу преобразования гимназических штатов) – 19, 30
А.Н. Шмидт и её религиозные переживания и идеи – 24, 219
Ф.Э. Шперк (Некролог) – 28, 608
Штатный чиновник и чиновник по найму – 27, 234
Н. Шульговский. Лучи и грезы – 22, 78

И.Л. Щеглов (Леонтьев) (К 25-летию литературной деятельности) – 26, 446

Экзамены как соревнование, а не как испытание – 17, 92
Экономический и социальный вопрос у Достоевского (К 25-летию его кончины) – 7, 490
«Экспериментальная педагогика» и её «опыты над любовью» – 24, 215
Элегия мира – 14, 286
Элементы брака – 18, 119
Элеонора Диксон. Гюльхана. Сборник стихотворений – 24, 383
Эллинизм - 10, 170
Эльпе. Душа животных и растений – 25, 578
Эмбрионы – 26, 211; 27, 367
Энергия чиновника – 27, 676
Энциклопедия из Капернаума – 22, 227
Эпидемия прежде и теперь – 26, 385
Эс-деки в странствиях – 22, 57
Эс-деки и эс-эры в Г. Думе – 15, 305
Эстетика мрачного – 3, 189
Эстетическое понимание истории – 4,5; 28, 35
Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889-1897 гг.) Сумерки просвещения – 28, 3
Эстонское затишье – 26, 687
Этнографические объяснения Египта – 14, 313
«Эхад». Тринадцать ран Ющинского – 9, 368

Юбилейное издание Добролюбова – 4, 555
Юбиляр – 24, 52
Юбилей высшего женского образования. 13 февраля 1861 г. – 13 февраля 1911 г. – 21, 29
Юбилей образцовой школы – 20, 333
Юдаизм – 27, 5
Юдаизм. Статьи и очерки 1898-1901 гг. – 27, 3
Юридическая терминология – 15, 276
Юридическая ткань около семьи – 18, 103
Юридический и нравственный авторитет церкви – 17, 21
Южно-славянские дела – 27, 579

Явочная система открытия частных учебных заведений – 15, 118
Язычество в христианстве – 10, 389
Язычество и христианство в Ясной Поляне (К уходу Л.Н.Толстого) – 20, 383
Язычество или неязычество? – 27, 188
Ялтинская история – 15, 44

И.И. Яновский (Максим Белинский). Нежеланные дети. Роман – 27, 109
А. Ященко. Русская библиография по истории древней философии. – Э.Л. Радлов. Философский словарь – 24, 174

Ad hominem. – Письмо-самооправдание к редактору «Русского Труда» Гатчинского Отшельника – 6, 168
Au naturel... – 22, 164
Audiatur et altera pars – 28, 465
Inde ira... – 28, 566
Homines novi – 8, 16
La Divina comedia – 2, 454; 12, 45
Nicolas Léskov. Gens de Russie – 16, 82
«Orientalia» Мариэтты Шагинян – 23, 48
Paolo Trubezkoi и его памятник Александру III – 1, 320
Perturbatio aeterna – 2, 455; 12, 47
Post scriptum – 1, 125
Post scriptum. Еще о В.В. Андрееве и его народных оркестрах – 1, 393
Puer aeternus (Я) – 24, 92
Religio – 2, 440; 12, 31
Résumé и таинства – 14, 205
Résumé об Египте – 14, 240
Separation de corps, а не развод. Ю. Б-на – 18, 97
Servus servorum Dei – 2, 388
Uno, duo, tre – 1, 96

СОДЕРЖАНИЕ

Уединенное 5
Опавшие листья <Короб первый> 73
Опавшие листья. Короб второй и последний 189

Приложение 365
Смертное 365
Неопубликованные «опавшие листья» из Архива П. А. Флоренского 386

Комментарии 388
Указатель имен 438
Предметный указатель понятий и фактов в «Уединенном» и «Опавших листьях» 460
Алфавитный перечень к «Уединенному» и «Опавшим листьям» 467
Алфавитный перечень к «Сахарне», «Мимолетному. 1914 год», «Мимолетному. 1915 год», «Последним листьям», «Апокалипсису нашего времени» 488
Список томов Собрания сочинений В. В. Розанова. Т. 1–30 . . . 536
Алфавитный перечень произведений В. В. Розанова в Собрании сочинений. Т. 1–30 538

Научное издание

Василий
Васильевич
Розанов

Собрание сочинений

ЛИСТВА

Ведущий редактор *П. П. Апрышко*
Редактор *Т. И. Шагова*
Технический редактор *Т. А. Новикова*

ЛР № 010273 от 10.12.97.
Подписано в печать 24.12.09.
Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,40. Уч.-изд. л. 44,75.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3011

Электронный оригинал-макет
подготовлен в издательстве «Республика».

Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В.В. Розанов

в Собрание сочинений Листва